

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 1 (109) январь – март 2026 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
of Saint Petersburg University
of the MIA of Russia**

No 1 (109) January - March 2026

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 1 (109) январь – март 2026 г.

Рецензируемый научно-теоретический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – сетевое издание, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издается с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал.

Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны. Способ распространения: в электронном виде.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 3 марта 2023 г. ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК при Минобрнауки России от 29 марта 2022 г. журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Отнесен к высшей категории научной значимости изданий – К1.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
Тел.: 8 (812) 730-26-96.

E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет: 30.03.2026

© Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2026

**Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»**

Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia

№ 1 (109) January - March 2026

Founded in 1999, “Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation” is a quarterly, network, peer-reviewed, open access scholarly journal published by Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

On March 29, 2022, the Higher Attestation Commission (VAK) under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation gave its approval to include the journal into the databases of VAK. The journal belongs to K1 category and covers the following areas:

- 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences.
- 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.
- 5.1.3. Civil Law Sciences.
- 5.1.4. Criminal Law Sciences.
- 5.3.3. Labour Psychology, Engineering Psychology and Cognitive Ergonomics.
- 5.3.9. Forensic Psychology and Psychology of Safety.
- 5.8.1. Pedagogy, History of Pedagogy and Education.
- 5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index and included in the databases of Ulrich's Periodicals Directory.

The journal is distributed on-line throughout Russia and foreign countries.

The languages of the journal are Russian and English.

The author is responsible for the content of the work and the accuracy of the facts. The opinion of the author may not coincide with the position of the editorial staff and members of the editorial board. Reprinting of the journal publications in other periodicals is possible with the reference to the journal.

The journal is re-registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications: El No. FS77-84786 on March 3, 2023.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov.

Publisher address: 1 Lyotchika Pilyutova St., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Phone: +7 (812) 730-26-96

E-mail: vestnik@univermvd.ru

Date of publishing: 30.03.2026.

© Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia, 2026

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук,
доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук,
профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)

Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Гордеев С. Н., доктор юридических наук, доцент (Республика Узбекистан, Ташкент)

Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)

Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)

Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)

Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)

Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)

Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)

Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)

Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)

Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)

Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)

Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Gordeev S. N., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Republic of Uzbekistan, Tashkent)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubysheko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ромайкин И. А. Исключительность федеративных государств и современная теория федерализма	10
Савельева М. В. Стили толкования и теория судебного метода А. Росса в контексте практики российских судов	22

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Ващенко Б. М. Проблемы и перспективы организации дорожного движения в Российской Федерации	36
Кулаков Н. А. Интеллектуальная собственность как объект административно-правовой охраны	47
Терехов М. Г. Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе	57
Ушаков Р. М. Государственно-частное партнерство в отношении объектов информационной инфраструктуры: административно-правовое исследование	68

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Артемяева А. С. Организационно-правовые аспекты обращения с биометрическими персональными данными: криминологический взгляд	80
Бавсун М. В. Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений	92
Бурлаков В. Н. Некоторые теоретические и практические проблемы практики назначения уголовного наказания	101
Вихарев Д. Д. Незаконный сбыт сильнодействующих веществ через аптечные сети: коллизия норм уголовного и административного права	107
Даровских О. И. О правозащитной функции прокурора и ее проявлениях в досудебном производстве по уголовным делам (теоретический аспект)	117
Злоказов К. В., Сархошян Г. Р. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте: теория и методология	128
Козловский П. В. Взыскание расходов на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств по уголовным делам	144
Крипиневич С. С. Индивидуальное судебное регулирование и индивидуализация уголовного судопроизводства	154
Милячакова О. В. Уголовная ответственность за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов	164
Михайлова Т. Н. Усмотрение как необходимая положительная коннотация современного уголовно-процессуального права России	175
Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Сравнительный анализ авторских классификаций оперативно-розыскных мероприятий	185
Ходусов А. А. Уголовно-правовые проблемы охраны персональных данных в системе социальных услуг	202
Чернышев Д. Б. Привлечение к уголовной ответственности в контексте применения статьи 299 Уголовного кодекса Российской Федерации	212

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Книжникова С. В.** Нападения обучающихся на образовательные организации: факторы, маркеры риска и профилактическая работа 220
- Хаблиева С. Р.** Мировоззренческая культура личности: критерии, факторы, уровни 236

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Ершова О. В.** Педагогический конструкт коллаборации как профессиональная воспитательная помощь студенту образовательной организации высшего образования 246
- Ли Ин.** Формирование компетенции проведения допроса у обучающихся ведомственных высших учебных заведений Министерства общественной безопасности Китая (на примере учебной дисциплины «Допрос как следственное действие») 254

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- Сиворонова М. С.** Динамика смысло-жизненных и ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации 263

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

- Власов А. Э.** Взаимосвязь мотивационной готовности к прохождению службы с убеждениями, представлениями и ценностями сотрудников органов внутренних дел 272
- Гончарова Н. А., Душкин А. С.** Психологические особенности самоорганизации личности сотрудников органов внутренних дел 285
- Краснянская Т. М., Тылец В. Г.** Наукометрический анализ представлений о безопасности в зарубежных публикациях 295
- Поминов А. В.** Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве 307
- Самойлик Н. А.** Духовно-ценностное развитие осужденных женщин криминогенного типа 319
- Свободный Ф. К.** Стимульно-реактивная парадигма в теоретическом обосновании «метода полиграфа» и ее последствия 330

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Romaikin I. A. Exclusivity of federal States and the modern theory of federalism	10
Savelieva D. B. Styles of interpretation and A. Ross's theory of judicial method in the context of Russian court practice	22

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Vaschenko B. M. Problems and prospects for traffic management in the Russian Federation	36
Kulakov N. A. Intellectual property as an object of administrative and legal protection	47
Terekhov M. G. Foreign jurisdictions experience in the use of digital evidence in administrative proceedings	57
Ushakov R. M. Public-private partnership in information infrastructure: an administrative law study	68

CRIMINAL LAW SCIENCES

Artemyeva A. S. Institutional and legal aspects of the biometric personal data handling: a criminological perspective	80
Bavsun M. V. The ideology of state coercion in the criminal law sphere of regulation of public relations	92
Burlakov V. N. Theoretical and practical problems in the practice of imposing criminal penalties	101
Vikharev D. D. Illegal sale of potent substances through pharmacy chains: conflict of criminal and administrative law norms	107
Darovskikh O. I. On a prosecutor's law enforcement function and its realisation in pre-trial proceedings in criminal cases (theoretical aspect)	117
Zlokazov K. V., Sarkhoshyan G. R. The application of artificial intelligence for predicting offences and crimes in transport: theory and methodology	128
Kozlovskiy P. V. Recovery of costs for dismantling, storage, sending and transportation of material evidence in criminal cases	144
Kripinevich S. S. Individual judicial regulation and individualisation of criminal proceedings	154
Milchakova O. V. Criminal liability for foreign persons' misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing)	164
Mixajlova T. N. Discretion as a necessary positive connotation of modern criminal procedural law in Russia	175
Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. A Comparative analysis of authorial classifications of operational investigative measures	185
Khodusov A. A. Criminal law issues of personal data protection in the social services system	202
Chernyshev D. B. Criminal prosecution in the context of applying article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation	212

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Knizhnikova S. V. Students' attacks against educational institutions: factors, risk markers, and preventive measures	220
Khablieva S. R. Worldview culture: criteria, factors, levels	236

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

- Ershova O. V.** The pedagogical construct of collaboration as a form of professional educational support for students at higher education institutions 246
- Li Y.** Design and Practical Exploration of Cultivating Students' Investigative Interrogation Competence in Public Security Colleges and Universities – Taking the Course of “Criminal Investigation and Interrogation” as an Example 254

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

- Sivoronova M. S.** The dynamics of life-meaning and value orientations of cadets in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia 263

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

- Vlasov A. E.** The relationship between motivational readiness to serve and the beliefs, perceptions and values of law enforcement officers 272
- Goncharova N. A., Dushkin A. S.** Psychological features of self-organisation in the personalities of employees in the Internal Affairs Bodies 285
- Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G.** Scientometric analysis of security concepts in foreign publications 295
- Pominov A. V.** Psychological aspects of guilt in criminal law 307
- Samoylik N. A.** Spiritual and value development of convicted women of criminogenic type 319
- Svobodniy F. K.** The stimulus-reactive paradigm in polygraph theory and its implications 330

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 341.213.4

Исключительность федеративных государств и современная теория федерализма

Иван Александрович Ромайкин, кандидат юридических наук

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск (Республика Мордовия, 430005, ул. Большевикская, д. 68), Российская Федерация
mord5@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0431-424X>

Аннотация:

Введение. Статья 2 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. отдельно зафиксировала особое положение федеративных государств в международном общении, назвав его исключительным субъектом международного права. Несомненно, что федерации всегда выступали особым, специфическим субъектом международных отношений уже в силу своего государственного устройства. При этом, несмотря на большую распространенность федеративной формы государственного устройства в современном мире и активную вовлеченность многих ведущих федеративных государств в международные отношения, содержание термина «исключительность федеративных государств» остается неопределенным. Однако особенности юридической природы и государственно-территориального устройства федераций, влияющие как на внутригосударственное построение системы власти и управления, так и на их внешние сношения, определяют актуальность данной темы. Настоящая статья посвящена теоретическому анализу категории «исключительность федеративных государств». Источниками исследования выступают конституционные акты федеративных государств, международные договоры, а также исследования отечественных специалистов, касающиеся различных аспектов теории и практики федерализма. При подготовке данной работы автор также использовал результаты собственного анализа федеративных государств.

Методы. При интерпретации категории «исключительность» применительно к федеративным государствам автор исходил из понимания федерации как особого способа устройства государства и государственной власти, предполагающего обладание субъектами федерации публичного юридического титула, что влечет за собой организацию двухуровневой системы власти и федеративные отношения. Способы внешнего проявления этого публичного начала в территориальном устройстве

Ключевые слова:

федеративное государство, конвенция Монтевидео, исключительность федеративных государств, субъекты федерации, Конституция Боснии и Герцеговины, Союзное государство России и Белоруссии, правовой статус Калининградской области, постсоветское пространство, наднациональность государственности

Для цитирования:

Ромайкин И. А. Исключительность федеративных государств и современная теория федерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 10–21.

федерации, имеющие правовое значение, и составляют основное содержание понятия «исключительность федеративных государств». Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы и системно-структурный подход.

Результаты. Исключительность федеративных государств – особое правовое качество федеративных государств, связанное со спецификой их внутригосударственного устройства, в основе которого лежит публичное региональное начало (внутрипубличный статус субъектов федерации). Исключительность федеративных государств имеет многочисленные формы внешней репрезентации, которые можно свести к трем главным условиям: участие федерации (федераций) в международных отношениях, трансформация государственно-территориальной формы федеративных государств, учреждение международных или интеграционных объединений и организаций. При этом во всех формах внешней репрезентации федеративной исключительности ведущую роль играет юридический титул субъектов федерации (регионов). Исследование правовой исключительности федераций позволило также выявить дополнительные значения категории «наднациональность», которые в данном случае связаны с понятием государственности.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Exclusivity of federal states and modern theory of federalism

Ivan A. Romaikin, Cand. Sci. (Jurid.)

National Research Ogarev Mordovia State University
68, Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation
mord5@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-0431-424X>

Abstract:

Introduction. Article 2 of the Convention on the Rights and Duties of States, on December 26, 1933, established the legal status of federal states in international relations, constituting a sole entity in the eyes of international law. It is an irrefutable fact that federations have always been a specific subject of international relations, due to their state structure. Simultaneously, despite the pervasive prevalence of the federal form of state structure in the modern world and the active involvement of numerous leading federal states in international relations, the meaning of the term "exclusivity of federal states" remains ambiguous. However, the peculiarities of the legal nature and state-territorial structure of federations, which impact both the internal structure of the system of power and governance and their external relations, highlight the significance of this theme. The present article examines a theoretical analysis of the concept of "exclusivity of federal states". The study is based on a range of sources, including the constitutional acts of federal states, international treaties, and the research of domestic experts on various aspects of the theory and practice of federalism. In preparing this work, the author also used the findings of his own analysis of federal states.

Methods. In analysing the concept of "exclusivity" in the context of federal states, the author viewed a federation as a special form of governance structure and state power. This implies that the constituent entities within the federation possess public legal status, which entails a dual-tier power structure of state and federal relations. The manner in which this public principle is expressed within the legal framework of the federation's territorial structure constitutes the core content of the concept of "the exclusivity of federal states". The methodological basis of the study encompassed formal-legal, comparative-legal, historical methods, and a systemic-structural approach.

Results. The exclusivity of federal states is characterised by a legal feature, which is associated with the specifics of their internal state structure. This structure is based on the public regional principle (the internal public status of the constituent entities of federation). The concept "exclusivity of federal states" manifests in various forms of external representation, which can be categorized into three key conditions: the participation of the federation (or federations) in international relations, the transformation of the state-territorial structure of federal states, and the establishment of international or integration alliances and organisations. Simultaneously, in all forms of external representation of federal exclusivity, the legal status of the constituent entities of federation (regions) plays a pivotal role. The analysis of the legal exclusivity of federations also revealed additional nuances of "supranationality" concept, which in this context are linked to the concept of statehood.

Keywords:

the federative state, Montevideo Convention, exclusivity of the federative states, constituent entities of a federal state, Constitution of Bosnia and Herzegovina, the Union State of Russia and Belarus, legal status of the Kaliningrad region, post-Soviet space, supranationality of statehood

For citation:

Romaikin I. A. Exclusivity of federal states and modern theory of federalism // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 10–21.

The article was submitted November 5, 2025;
approved after reviewing February 12, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

В соответствии со статьей 2 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. (Конвенции Монтевидео), «федеративное государство должно составлять единственную персону (sole person) в глазах международного права»¹. Вместе с тем в некоторых переводах этой Конвенции указанная норма звучит так: «Федеративное государство является исключительным субъектом международного права»². Действительно, как указывается в классическом англо-русском словаре, термин “sole” в одном из своих значений переводится как «единственный, исключительный»³.

Почему составители декларации отдельно выделили из общей массы государственных форм именно федеративную? И что означает исключительность федераций как правовая категория? Представляется, что в основании подобного правового определения федераций лежит специфика их государственного устройства – *публичное региональное начало*, или, иными словами, обладание субъектами федерации определенной мерой публичности. В этом смысле одним из классических примеров исключительности федераций является участие субъектов федерации в межгосударственных связях в ограниченных пределах.

К примеру, статья 271 Конституции Союзной Федеративной Республики Югославия 1971 года устанавливала, что республики и автономные края поддерживают сотрудничество с органами и организациями других государств и международными организациями в рамках установленной внешней политики Социалистической Федеративной Республики Югославии и международных договоров⁴. Аналогичные положения присутствовали и присутствуют в конституциях и законодательстве многих федеративных государств.

Связь категории «исключительность» с публичным статусом субъектов федерации может проявляться и в обладании последними различными и порой специфическими правовыми статусами, а также в приобретении или изменении таких правовых статусов. Кроме этого, значение может иметь и трансформация (изменение) существующих государственно-правовых форм федеративных государств и возникновение новых, которые в т. ч. будут сохранять преемственную связь с предшествующими.

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена в первую очередь спецификой юридической природы и государственно-территориального устройства федеративных государств, которые оказывают заметное, а во многих случаях и решающее влияние на развитие различных государственно-правовых институтов федераций, а также на модернизацию их государственно-территориальных систем. Большое значение имеют процессы трансформации государственно-правовых форм различных федеративных государств (например, СССР, Югославии и др.), возникновение новых пространств межгосударственного общения (постсоветского, постюгославского) и приобретение бывшими субъектами федеративных государств статуса суверенного государства. Указанные аспекты могут быть раскрыты и проанализированы через понятие «исключительности федераций».

Основной целью настоящего исследования является анализ категории «исключительность федеративных государств» как юридического термина и теоретического понятия, посредством которого могут быть раскрыты специфические черты и характеристики федеративных государств, обусловленные особенностями их государственно-территориального устройства и организации системы государственной власти, а также их правовой природы в целом.

Ключевыми задачами проведенного исследования выступают:

- 1) анализ отдельных юридических документов, устанавливающих правовую основу некоторых федеративных государств и межгосударственных интеграционных объединений;
- 2) изучение особенностей трансформации и модернизации государственно-правовых форм некоторых федеративных государств;
- 3) исследование юридической природы федераций, основанных на международно-правовом акте;

¹ Convention on rights and duties of states adopted by the seventh international conference of American States. Signed at Montevideo. December 26th, 1933 // League of Nations : Treaty Series : Treaties and international Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. Brussels, 1936. Vol. CLXV. P. 25.

² Конвенция о правах и обязанностях государств (подписана в г. Монтевидео 26 декабря 1933 г.) // Информационная система «Параграф» (prg.kz) : [сетевое издание]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38249008 (дата обращения: 30.10.2025).

³ Англо-русский словарь : Около 34 000 слов / сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. Изд. 3-е, стереотип. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. С. 761.

⁴ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия (провозглашена 21 февраля 1974 г.) // Мастерская конституционного дизайна : [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=781> (дата обращения: 30.10.2025).

4) анализ юридической природы международных объединений, образованных государствами, имеющими общий исторический опыт государственного развития;

5) исследование правовых аспектов развития пространств межгосударственного общения, возникших в результате трансформации государственно-правовых форм федеративных государств.

Тема исключительности федеративных государств связана с различными аспектами теории федерализма, многие из которых неоднократно становились предметом соответствующих исследований. При этом ключевые аспекты избранной темы, как станет ясно из изложенных далее результатов, так или иначе связаны с ролью и значением юридического положения субъектов федерации (в целом и в частности) и проявлениями этого положения во внутригосударственном устройстве федераций и в области внешних сношений. Многие стороны данного вопроса нашли свое детальное освещение в фундаментальных трудах А. С. Яценко, А. А. Жилина, Н. И. Палиенко, Ф. Ф. Кокошкина, Б. Л. Железнова, Р. Г. Абдулатипова и мн. др. Зарубежный опыт федеративного строительства подробно исследован в работах В. Е. Чиркина, А. Ю. Саломатина, И. Н. Ившиной и др. Проблемы, касающиеся международного положения федераций, затрагивались в классических курсах Л. Ф. Л. Оппенгейма и Я. Браунли. Особенности развития федеративных отношений на современном этапе как в России, так и в зарубежных странах глубоко исследованы в трудах Е. М. Примакова, А. И. Вдовина, И. В. Бахлова, И. В. Лексина и других специалистов.

Методы

Категория «исключительность федеративных государств» исследовалась при помощи совокупности основных методов научного познания, применяемых в юридической науке.

Формально-юридический метод лежал в основе анализа юридических актов – как международных, так и внутригосударственных, которые касаются различных аспектов избранной темы, в частности, выступают учредительными по отношению к отдельным федерациям (Босния и Герцеговина) или международным объединениям (Союзное государство России и Беларуси).

Сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставление государственно-правовых форм различных федеративных государств, выявить особенности их правовой регламентации и исторического развития.

При этом также использовался исторический метод, который позволил проследить различные проявления преемства в развитии федеративных государств, в т. ч. связанные с изменениями их государственно-территориальной организации, что помогло установить новые значения категории «наднациональность», связанные с понятием государственности, и охарактеризовать в качестве правового феномена специфические пространства межгосударственного общения, возникающие при трансформации государственно-территориальных форм федеративных государств.

Системно-структурный подход использовался для целостной оценки федеративных государств как сложных государственно-территориальных систем, ключевой особенностью которых является обладание их территориальными единицами (субъектами федерации) определенной мерой публичности (юридическим титулом), что оказывает решающее влияние на смысл и характер всей федеративной системы в целом.

Совокупность используемых научных методов позволила определить исключительность федеративных государств как их особое правовое качество, проистекающее из особенностей внутригосударственного устройства, и установить основные формы внешнего проявления исключительности федераций.

Результаты

Исключительность федеративных государств может иметь различные формы внешней презентации. Затронем более подробно некоторые, наиболее интересные и примечательные проявления исключительности федеративных государств.

Босния и Герцеговина: федерация с элементами международно-правовой природы

После распада крупных федераций из их бывших субъектов могут образовываться другие федеративные государства, обладающие своеобразной юридической природой. В теории федерализма давно признано, что любая федерация независимо от способа ее создания («сверху»

или «снизу») обладает государственно-правовой природой. Это связано с тем, что федеративная форма государственного устройства всегда учреждается общегосударственным (общегосударственным) актом, который принимает общегосударственный орган власти, распространяющий свои полномочия на все государство.

Тем не менее опыт федеративного строительства некоторых современных стран свидетельствует, что их юридическая природа может основываться не только на внутрисоюзном, но и на международном акте. Так, после распада Югославии на руинах бывшей социалистической федерации вместе с другими государствами – бывшими субъектами Социалистической Федеративной Республики Югославия – была образована Босния и Герцеговина. Ее форма государственно-территориального устройства базируется на акте международно-правового характера – Дейтонских мирных соглашениях 1995 года, в соответствии с которыми она была образована⁵.

Босния и Герцеговина, как и любое государство, обладает и собственной конституцией. Конституция Боснии и Герцеговины 1995 года является приложением к Общему рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине 1995 года, согласно которому (ст. V) стороны приветствуют и одобряют достигнутые договоренности в отношении Конституции Боснии и Герцеговины, полностью соблюдают взятые в ней обязательства и содействуют их выполнению. При этом Конституция Боснии и Герцеговины закрепляет, что Общее рамочное соглашение является конституционным актом, изменяющим и заменяющим Конституцию Боснии и Герцеговины⁶.

Таким образом, юридическая природа Федерации Боснии и Герцеговины в определенном смысле имеет смешанный характер. С одной стороны, ее федеративная форма учреждена Конституцией, с другой – сама Конституция введена в действие международно-правовым актом, приоритет которого над Конституцией в ней прямо закреплен. Согласно части 1 статьи 12 Конституции, она вступает в силу после подписания Общего рамочного соглашения. Кроме того, известно, что текст Конституции Боснии и Герцеговины на референдум не выносился [1, с. 200].

Характеризуя форму государственного устройства Боснии и Герцеговины, нужно учитывать и то, что эта форма не является совершенно новой для самого государства. Часть 1 статьи 1 Конституции Боснии и Герцеговины (именуемая «Преемственность») устанавливает, что Босния и Герцеговина продолжает свое юридическое существование в соответствии с нормами международного права как государство с внутренней структурой, измененной этой Конституцией. Отсюда следует, что федеративная форма Боснии и Герцеговины является не созданной впервые, как это происходит при классическом образовании федеративного государства, а измененной (т. е. как бы сохраненной в новом качестве).

Специфично нормативное регулирование и внутренней структуры этого государства. Внутренняя структура Боснии и Герцеговины определяется ее Конституцией (ч. 1 ст. 1). При этом в ней не оговаривается четко, «является ли БиГ федерацией или конфедерацией» [1, с. 202]. Конституция устанавливает только, что Босния и Герцеговина состоит из двух Образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской (ч. 3 ст. 1). А. В. Савченко и М. С. Хмелевский отмечают, что это государство имеет черты как федерации, так и конфедерации [2, р. 550]. Е. Г. Пономарева характеризует Боснию и Герцеговину как мягкую федерацию [3, с. 221]. Отталкиваясь от положений преамбулы Конституции Боснии и Герцеговины, которые в т. ч. закрепляют принципы суверенитета и территориальной целостности Боснии и Герцеговины, а также других конституционных норм, касающихся правового статуса и обязанностей Образований (в частности, ст. 3), можно оценивать это государство как федеративное с неявно выраженным центральным управлением. Термины и общее содержание ст. 3 Конституции, регуливающей отношения между Образованиями, также свидетельствуют в пользу «мягкого» характера этой федерации.

Особое место в государственно-территориальной структуре Боснии и Герцеговины занимает округ Брчко. Округ Брчко имеет особый статус буферной зоны между двумя частями Республики Сербской – «он объединяет обе части Республики Сербской и является нейтральной, самоуправляемой административной единицей: формально он не принадлежит ни Федерации Боснии и Герцеговины, ни Республике Сербской» [2, р. 550]. Первоначально согласно статье V Соглашения о линии разграничения между образованиями и связанных с этим вопросах район Брчко являлся неотъемлемой частью территории обоих образований Боснии и Герцеговины

⁵ Общее рамочное Соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (документ Совета Безопасности ООН А/50/790, S/1995/999) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

⁶ Конституция Боснии и Герцеговины // Организация Объединенных Наций (далее – ООН) : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_yugoslavia.shtml (дата обращения: 04.11.2025).

и должен был управляться на основании международного арбитражного урегулирования в прежнем порядке (ч. 4 ст. V). В 1999 году район Брчко был преобразован Арбитражным трибуналом в округ Брчко.

«Округ объединял территорию довоенной общины Брчко. При этом из состава обоих образований – РС и ФБиГ, – выводилась часть территории, отошедшей к ним по Дейтонским соглашениям. Созданный таким образом округ подчинялся непосредственно центральным органам БиГ. Такое решение было прямым нарушением Дейтонских соглашений» [4, с. 94]. В итоге структура Боснии и Герцеговины включает в себя два субъекта и округ с особым международно-правовым статусом. «Все эти образования являются самоуправляемыми без права на отделение, то есть выход из состава единого государства» [2, р. 550].

Наряду с высшими органами власти в структуре управления Боснией и Герцеговиной присутствует международный институт – Аппарат Верховного представителя по Боснии и Герцеговине. Формально должность Верховного представителя была введена для координации деятельности организаций и учреждений, участвующих в осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования⁷, т. е. для реализации положений Дейтонских соглашений. Верховный представитель назначается Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и юридически и фактически контролирует государство.

Согласно части 3 статьи III Соглашения об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования (приложение 10 к Дейтонским соглашениям), Верховный представитель пользуется в рамках законодательства Боснии и Герцеговины такой правосубъектностью, которая может оказаться необходимой для осуществления им или ею своих функций, включая право заключать контракты, а также приобретать и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом⁸. Кроме этого, Верховный представитель обладает правом окончательного решения в отношении толкования Соглашения об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования.

Можно заключить, что существующая ныне форма государственно-территориального устройства Боснии и Герцеговины является специфической и в своем роде уникальной. Такой вывод можно сделать, исходя из приведенных наблюдений, а также на основании анализа учреждения федеративной формы государственного устройства в странах мира, проведенного в свое время автором [5, с. 64–65]. Согласно нашему анализу, только Босния и Герцеговина как федеративное государство была образована в результате международно-правовых (Дейтонских) соглашений. Другие прецеденты учреждения федераций, при которых в той или иной форме использовались международно-правовые инструменты, не являются сходными с образованием Боснии и Герцеговины. В частности, Микронезия, являющаяся с 1978 года свободно ассоциированной территорией с США, до получения этого статуса входила в Подопечную территорию Тихоокеанские острова, которая управлялась США по мандату ООН с 1947 года. Остальные 25 федераций были провозглашены или учреждены конституционными актами или законами, т. е. внутригосударственными юридическими документами [5, с. 64–65]. Это в том числе касается и такой специфической федерации, как Танзания, временная Конституция которой 1964 года предусматривала разграничение компетенции между союзными органами Танзании и государственными органами Занзибара [5, с. 65].

Суммируя сказанное, представляется правильным относить Боснию и Герцеговину к федеративным государствам, т. к. эта страна обладает основным отличительным признаком федераций – публичным характером своих субъектов (образований). Их правовой статус установлен конституционно.

Основные юридические положения, касающиеся статуса, внутренней структуры и органов власти Боснии и Герцеговины, свидетельствуют в пользу того, что эта страна как федерация обладает элементами государственно-правовой природы. Однако в отличие от классических федераций в структуре управления Боснией и Герцеговиной приоритет имеет не федеральный (внутригосударственный), а международный (надгосударственный) уровень власти. При этом и международный, и федеральный уровни власти распространяют свои полномочия на все государство, а международный в свою очередь – на центральные органы власти и управления. Соответственно, и в структуре законодательства Боснии и Герцеговины также можно выделить наднациональный и национальный уровни правового регулирования.

⁷ Соглашение об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования (документ Совета Безопасности ООН A/50/790, S/1995/999) // ООН : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/civilian.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

⁸ URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

Таким образом, современная Босния и Герцеговина может быть охарактеризована как специфическое федеративное государство, обладающее элементами государственно-правовой природы, государственное устройство которого проистекает из международно-правового акта. Отсутствие у субъектов федерации (образований) права на выход из состава государства может рассматриваться как формальное закрепление конституционного принципа государственного единства – одного из важнейших признаков любой федерации.

Наднациональность государственности: Союзное государство России и Белоруссии

В определенных случаях бывшие субъекты распавшихся федераций, ставшие независимыми государствами, могут образовывать интеграционные объединения, юридическая природа которых свидетельствует об общей для этих государств государственности (историко-культурной основе). В этом случае можно вести речь о *наднациональности государственности*.

Классический пример наднациональности государственности в указанном смысле – Союзное государство России и Белоруссии. Преамбула Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г. гласит, что Российская Федерация и Республика Беларусь учреждают Союзное государство, опираясь на общность исторических судеб народов России и Белоруссии, подтверждая приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций и желание жить в мире и добрососедстве с другими государствами⁹.

Учреждение Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларуси привнесло новые смысловые коннотации в само понятие «союзного государства». С. И. Куракина отмечает, что «не следует смешивать определение „союзное государство” с союзным государством СССР и с определением „союзного государства” как федерации у классиков дореволюционной теории государства. При желании можно сказать, что союзное государство – это третий этап сближения государств (после международно-правового союза и конфедерации), это своеобразный синтез конфедерации и федерации»¹⁰.

Анализ Договора о создании Союзного государства действительно содержит отдельные положения, характерные для федеративных союзов. К таким положениям можно отнести, например, ч. 2 ст. 3 («Союзное государство основано на разграничении предметов ведения и полномочий между Союзным государством и государствами-участниками»); ч. 1 ст. 7 («Территория Союзного государства состоит из государственных территорий государств-участников»); раздел II Договора («Предметы ведения Союзного государства»)¹¹ и некоторые другие. Полагаем, что наличие в правовой природе Союзного государства федеративных черт является еще одним видимым проявлением общей исторической государственности России и Белоруссии и ее объединительной сущности.

Союзное государство обладает и ярко выраженной историко-правовой природой. Оно учреждено государствами – бывшими союзными республиками СССР (причем еще в советское время имевшими статус членов ООН), народы которых объединены общей тысячелетней историей. Особое объединительное значение имеет для России и Белоруссии [6, с. 1695] сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Защита исторической правды о подвиге защитников Отечества в качестве одной из важнейших целей государственной политики закреплена конституционно как в России (ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации¹²), так и в Белоруссии (ч. 2 ст. 15 Конституции Республики Беларусь¹³). Недопущение ревизии памяти о Великой Отечественной войне и фальсификации истории О. В. Бахлова и И. В. Бахлов рассматривают в качестве одного из ключевых параметров развития Союзного государства [7, с. 15].

Постсоветское пространство как сфера межгосударственного взаимодействия

В результате трансформации государственно-территориальных форм федеративных государств могут возникать особые пространства межгосударственного общения, участниками которого становятся государства, являвшиеся ранее субъектами единой федерации. Один из характерных примеров – *постсоветское пространство*.

⁹ О создании Союзного государства : договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2000. № 7. Ст. 786.

¹⁰ Куракина С. И. Союзное государство Беларуси и России: конституционно-правовое исследование : автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 23.

¹¹ СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

¹² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 27.12.2025).

¹³ Государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 03.10.2025).

Сам термин «постсоветское пространство» говорит о том, что оно понимается и осмысливается прежде всего в отношении к Советскому государству и его прошлому как некая реальность, возникшая после исчезновения СССР с международной арены. Это осмысление имеет и правовое измерение [8, с. 17–19]. Такая «советская» смысловая грань является первой и ключевой в определении постсоветского пространства. Причем эта грань носит не только ретроспективный, но и перспективный характер, прежде всего, в силу конституционного и международного статуса России как правопреемника и правопродолжателя СССР.

Несмотря на то, что между бывшими союзными республиками стали выстраиваться межгосударственные отношения [9, с. 25], правопорядки теперь уже независимых государств имеют историческую и юридическую связь с общегосударственным правопорядком СССР в силу принципа преемственности правового пространства, который имеет важнейшее значение при рассмотрении постсоветского пространства.

В частности, как отмечают Д. Ш. Пирбудагова, С. М. Габиева и Х. В. Рамазанова, «сущность преемственности заключается в удержании, сохранении и использовании отдельных элементов предшествующего уровня развития права в дальнейшем и на сущностном уровне определяется через его связь с государством и демократическими принципами организации и функционирования государственно-организованного общества, самобытностью и менталитетом народа» [10].

Длительное пребывание государств постсоветского пространства в составе единого Союза ССР и соответствующая постоянно совершенствующаяся практика конституционного регулирования федеративных (союзных) отношений открыли для многих из них возможность построения собственной государственности. Советская государственная наука, в рамках которой было дано глубокое и всестороннее доктринальное обоснование юридической сущности советского федерализма [11; 12] и раскрыты особенности юридического положения союзных республик в составе Советского союзного государства, сыграла в этом свою положительную роль.

Преемственность правового пространства имеет и еще один значимый аспект, о котором также пишут специалисты. Они указывают, что преемственность в формировании и функционировании единого правового пространства может проявляться в т. ч. в юридической технике, когда «воспринимаются и используются различные достижения юридической техники: терминология, дефиниции, способы построения, приемы формулирования норм и др.» [10]. Указанную преемственность мы наблюдаем, к примеру, в форме отдельных нормативных актов, принятых и действующих в России. Речь идет о такой форме, как основы законодательства. Как пишет И. Г. Дудко, «в отечественной правовой истории „основы законодательства“ занимают целую эпоху <...>. Они выступали активным центром в отношении отраслевых подсистем, выстраивая управляющие связи с союзными и республиканскими законами и подзаконными актами» [13, с. 41].

В настоящее время в России действуют Основы законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁴, Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»¹⁵ (своеобразное использование советской формы правового акта с уже неприменимой формой Закона Российской Федерации). Достаточно долго в постсоветской России действовали Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 года¹⁶, Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах 1993 года¹⁷ и некоторые другие. Кроме этого, форма основ законодательства применяется и в Союзном государстве России и Беларуси. Согласно части 2 статьи 59 Договора «О создании Союзного государства» 1999 года, по предметам совместного ведения Союзного государства и государств-участников наряду с директивами и резолюциями принимаются Основы законодательства¹⁸. В этом также состоит продолжение (преемственность) советской практики нормативного регулирования различных сфер общегосударственного управления уже на межгосударственном уровне.

¹⁴ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 1993. 13 марта.

¹⁵ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. 1992. 17 ноября.

¹⁶ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1318. Утратил силу.

¹⁷ Основы законодательства Российской Федерации об Архивном фонде Российской Федерации и архивах от 7 июля 1993 г. № 5341-1 // Российская газета. 1993. 14 августа. Утратил силу.

¹⁸ СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

Таким образом, можно сказать, что специфика постсоветского пространства как особого правового феномена и пространства межгосударственного общения заключается в том, что:

Во-первых, его участниками являются государства – бывшие союзные республики СССР, пребывавшие некогда в едином союзном советском правопорядке.

Во-вторых, эти государства так или иначе определяют свое отношение к советскому прошлому, в т. ч. на конституционном и законодательном уровне, но делают это по-разному. Как отмечает А. А. Дорская, у государств постсоветского пространства на современном этапе наблюдаются «разные векторы в отношении сохранения общего исторического прошлого – от полного отрицания позитивных черт советского периода до коллективной, продуманной политики, направленной на преумножение общего наследия» [14, с. 55].

В-третьих, общее историко-правовое наследие оказывает влияние на характер межгосударственного общения государств постсоветского пространства; этот характер отношений может быть определен как международный и внутренний одновременно, ибо эти отношения выстраиваются между странами общего исторического пространства.

В-четвертых, у отдельных государств и интеграционных объединений на постсоветском пространстве наблюдается преемственность в использовании некоторых форм правовых и управленческих актов (основ законодательства).

В-пятых, особая роль на постсоветском пространстве принадлежит России как государству – правопреемнику и правопродолжателю СССР, статус которой уже на новом этапе исторического развития олицетворяет преемственность с правовым порядком Советского государства.

3 заключение

Исследование исключительности федеративных государств позволяет заключить, что данное понятие вызывает различные проявления внутрипубличной организующей объединительной сущности федераций, к которым можно отнести:

1) возможность внешних связей субъектов федерации (как правило, при согласии федерального центра);

2) возможность учреждения федеративного государства на основании международного акта с сохранением ключевых свойств и элементов государственно-правовой природы федераций (Босния и Герцеговина);

3) возможность приобретения полноправного международного статуса субъектами федерации и их межгосударственное общение (бывшие союзные республики СССР; постсоветское пространство);

4) возможность приобретения и последующего изменения субъектами федерации своего международного статуса (после распада федераций).

Кроме этого, к особым проявлениям исключительности федераций можно отнести приобретение Российской Федерацией статуса государства-правопреемника и правопродолжателя СССР, что, по мнению специалистов, является совершенно новой категорией для теории и практики международного общения [15, с. 7].

Другим особым проявлением исключительности федераций является возможность субъекта федерации выступать участником международных связей без приобретения международного статуса. Речь идет о Калининградской области, которая является неотъемлемой частью территории России, входит в единое правовое, экономическое, территориальное и культурное пространство нашей страны, но при этом также обладает и ярко выраженным международно-правовым оттенком своего конституционного статуса.

Как указывают современные авторы, Калининградская область как регион является юридически признанным международным сообществом [16, с. 126], его географическое положение делает этот российский регион уникальным субъектом Российской Федерации [17, с. 90]. Интересно, что исключительное значение Калининградской области для политических, военно-стратегических и экономических интересов России подчеркивалось еще Указом Президента России от 18 мая 1995 г. № 495¹⁹.

Согласно части 2 статьи 4 Устава (Основного закона) Калининградской области, Калининградская область обладает правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных

¹⁹ О социально-экономическом развитии Калининградской области : Указ Президента Российской Федерации 18 мая 1995 г. № 495 (ред. от 13.02.1996) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1956.

организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели²⁰. Это означает, что Калининградская область, обладая конституционным статусом субъекта России, имеет более широкий объем полномочий, что при этом не изменяет юридической природы этого конституционного статуса по сравнению с конституционным статусом всех остальных субъектов Российской Федерации.

Приобретение бывшими субъектами распавшихся федераций собственных международных статусов соответствует понятию статусности государства и может являться начальной стадией приобретения ими положения (достоинства, авторитета) самостоятельного государства, что также выступает проявлением исключительности федераций.

Следует констатировать также, что понятие «наднациональности» можно рассматривать в двух новых значениях. Традиционно этим понятием обозначалось «явление, существующее в рамках межгосударственного объединения и непосредственно реализуемое при передаче полномочий его членов на межгосударственный уровень» [18, с. 10]. Суть наднационального регулирования определялась тем, что «государства, входящие в интеграционное образование <...> обязаны или вынуждены подчиняться нормам, принятым самим интеграционным объединением (международной организацией) на основании ее уставной правосубъектности» [19, с. 178].

С учетом проведенного исследования понятием «наднациональности» также следует обозначить:

во-первых, одно из основных качеств государственности как исторически завершенной государственно-культурной основы организации группы государств, которая может иметь соответствующее правовое оформление (Союзное государство России и Беларуси);

во-вторых, характеристику правовых систем, сложившихся между государствами, образовавшимися в результате распада единого государства, предполагающих в силу преемственности правового пространства единообразные модели и формы правового регулирования международных отношений этих государств в рамках созданных ими межгосударственных объединений и организаций (правовые системы Союзного государства России и Беларуси, Содружества Независимых Государств, ОДКБ, ЕврАзЭС).

Исключительность федеративных государств не утрачивает своей значимости. XX век, и особенно его вторая половина, наполнил это понятие новым нестандартным смыслом. Вполне возможно, что тема исключительности федераций еще не раз станет предметом научных поисков. Так, в ходе масштабного проекта «Федерализм и правовая унификация» профессорами Д. Халберстемом и М. Рейманном был проведен сравнительный анализ 20 федеративных государств, к которым они отнесли и те, которые формально не являются таковыми (например, Италия, Испания, ЮАР, Великобритания) [20, с. 68], что говорит об изменчивости и многовариантности государственно-правовых форм разных (особенно сложных) стран, исследование которых требует обновленной методологии.

Конвенция Монтевидео не случайно отдельно подчеркнула исключительность федеративных государств. Своим устройством федерации наиболее ярко отображают внутреннюю объединительную сущность государств, которая в условиях федерализма приобретает внутривластный организующий характер. Внутривластный характер юридической природы федеративных государств состоит в публично-правовой связи федерального центра с субъектами федерации посредством реализации федеративных отношений. В силу определенной публичности, которой наделены субъекты федерации внутри государства, они имеют известную степень государственной организации (самостоятельности), и в случае трансформации государственно-территориальной формы федераций она может выступать (хотя и не всегда) предпосылкой к построению собственной публично-властной системы уже другого суверенного государства.

Таким образом, исключительность федеративных государств играет в настоящее время большую роль при характеристике правового положения федераций.

Список источников

1. Еремин Д. П. Институт Высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины // Современная Европа. 2022. № 3 (110). С. 199–209. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030159>
2. Савченко А. В., Хмелевский М. С. Босния и Герцеговина – исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 3. С. 545–559. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559>

²⁰ О вступлении в действие Устава (Основного Закона) Калининградской области : Закон Калининградской области от 18 января 1996 г. № 30 (ред. от 02.12.2015) // Сборник правовых актов Калининградской области (www.kaliningrad-pravo.ru) : [сайт]. URL: <https://kaliningrad-pravo.ru/zakon/2025/10/24/n-478/> (дата обращения: 03.11.2025).

3. Пономарева Е. Г. Ловушки и дилеммы мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? // Политеиа. 2011. № 1 (2). С. 219–233. <https://doi.org/10.5937/pol1102219P>
4. Энгельгардт Г. Н. От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 87–97.
5. Ромайкин И. А. Федеративное государство и организация государственной власти : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 184 с.
6. Дорская А. А. Проблема переживания истории советского периода как способ самоидентификации государств и народов: правовой аспект / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции, г. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. : в 2 ч. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. Ч. 1. С. 1691–1699.
7. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Сценарии эволюции Союзного государства Беларуси и России: ценности и прагматика // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2022. Т. 22, № 1 (57). С. 9–26. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.057.022.202201.009-026>
8. Дорская А. А. Сохранение общего исторического прошлого и процессы самоидентификации государств и народов постсоветского пространства: правовое измерение // Образование и право. 2023. № 10. С. 16–21. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-10-16-21>
9. Федорова-Кузнецова И. В. Россия – СНГ: основные направления политической трансформации на постсоветском пространстве // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6 (107). С. 24–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.3>
10. Пирбудагова Д. Ш., Габиева С. М., Рамазанова Х. В. Обеспечение единства правового пространства в условиях федеративной организации Российского государства : монография. Москва : [б. и.], 2017. 116 с.
11. Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. Москва : Издательство Московского университета, 1967. 335 с.
12. Лепешкин А. И. Советский федерализм : (Теория и практика). Москва : Юридическая литература, 1977. 319 с.
13. Дудко И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Проблемы теории и практики : [монография]. Саранск : Издательство Мордовского университета, 2004. 294 с.
14. Дорская А. А. Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение : монография. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. 176 с.
15. Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 190 с.
16. Власов В. А., Метлицкая С. А. Политико-правовой анализ особого положения Калининградской области как отдельного субъекта Российской Федерации и специфического эксклава, находящегося за ее пределами // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (199). С. 125–129. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_125
17. Саленко А. В. Калининградская область: 70-летие особого субъекта Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2016. № 6 (111). С. 88–96.
18. Гаврилов В. В., Данышов В. Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно-правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 6–13. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
19. Кудрявец Ю. Н. Наднациональное правовое регулирование в интеграционных объединениях / Беларусь в современном мире : материалы XX Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета, г. Минск, 29 октября 2021 г. Минск : Белорусский государственный университет, 2021. С. 177–181.
20. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Многовариантность развития федерализма (опыт сравнительного диахронного и синхронного исследования) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5 (45). С. 63–70. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.063-070>

References

1. Eremin D. P. Institut Vysokogo predstavatelya kak vyzov razvitiyu sovremennoj Bosnii i Gercegoviny // Sovremennaya Evropa. 2022. № 3 (110). S. 199–209. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030159>
2. Savchenko A. V., Hmelevskij M. S. Bosniya i Gercegovina – istoricheskiy most mezhdu balkanskimi kul'turami, religiyami i naciymi // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2020. T. 11, № 3. S. 545–559. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559>
3. Ponomareva E. G. Lovushki i dilemmy mirnogo soglasheniya, ili kakoe budushchee zhdet Bosniju i Gercegovinu? // Politeia. 2011. № 1 (2). S. 219–233. <https://doi.org/10.5937/pol1102219P>
4. Engel'gardt G. N. Ot arbitrazha do okruga: rajon Brčko v Dejtonskoj Bosnii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. № 1 (16). S. 87–97.
5. Romajkin I. A. Federativnoe gosudarstvo i organizaciya gosudarstvennoj vlasti : monografiya. Moskva : Yurlitinform, 2021. 184 s.
6. Dorskaya A. A. Problema perezhivaniya istorii sovetского периода kak sposob samoidentifikacii gosudarstv i narodov: pravovoj aspekt / Gosudarstvo i pravo: evolyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 g. : v 2 ch. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. Ch. 1. S. 1691–1699.
7. Bahlova O. V., Bahlov I. V. Scenarii evolyucii Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii: cennosti i pragmatika // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2022. T. 22, № 1 (57). S. 9–26. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.057.022.202201.009-026>
8. Dorskaya A. A. Sohranenie obshchego istoricheskogo proshlogo i processy samoidentifikacii gosudarstv i narodov postsovetского пространства: pravovoe izmerenie // Obrazovanie i pravo. 2023. № 10. S. 16–21. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-10-16-21>
9. Fedorova-Kuznecova I. V. Rossiya – SNG: osnovnye napravleniya politicheskoy transformacii na postsovetском пространстве // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. № 6 (107). S. 24–28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.3>
10. Pribudagova D. Sh., Gabieva S. M., Ramazanova H. V. Obespechenie edinstva pravovogo prostranstva v usloviyah federativnoj organizacii Rossijskogo gosudarstva : monografiya. Moskva : [b. i.], 2017. 116 s.
11. Zlatopol'skij D. L. SSSR – federativnoe gosudarstvo. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 335 s.
12. Lepeshkin A. I. Sovetskij federalizm : (Teoriya i praktika). Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1977. 319 s.

13. Dudko I. G. Zakonodatel'stvo sub'ektov Rossijskoj Federacii. Problemy teorii i praktiki : [monografiya]. Saransk : Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2004. 294 s.
14. Dorskaya A. A. Perezhivanie istorii kak faktor samoidentifikacii gosudarstv i narodov v XXI veke: pravovoe izmerenie : monografiya. Sankt-Peterburg: Asterion, 2023. 176 s.
15. Kremnev P. P. Raspad SSSR i pravopreemstvo gosudarstv : monografiya. Moskva : YUrlitinform, 2012. 190 s.
16. Vlasov V. A., Metlickaya S. A. Politiko-pravovoj analiz osobogo polozheniya Kaliningradskoj oblasti kak otchel'nogo sub'ekta Rossijskoj Federacii i specificheskogo eksklava, nahodyashchegosya za ee predelami // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 7 (199). S. 125–129. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_7_125
17. Salenko A. V. Kaliningradskaya oblast': 70-letie osobogo sub'ekta Rossijskoj Federacii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 6 (111). S. 88–96.
18. Gavrilov V. V., Dan'shov V. E. Soderzhanie kategorii "nacional'nost'" v sovremennoj mezhdunarodno-pravovoj doktrine // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2019. № 3. S. 6–13. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-3-6-13>
19. Kudryavec Yu. N. Nacional'noe pravovoe regulirovanie v integracionnyh ob'edineniyah / Belarus' v sovremennom mire : materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, g. Minsk, 29 oktyabrya 2021 g. Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 177–181.
20. Gulyakov A. D., Salomatin A. Yu. Mnogovariantnost' razvitiya federalizma (opyt sravnitel'nogo diahronnogo i sinhronnogo issledovaniya) // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 5 (45). S. 63–70. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.45.5.063-070>

Научная статья
УДК 340.1

Стили толкования и теория судебного метода А. Росса в контексте практики российских судов

Мария Владимировна Савельева, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
savelevamv@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6322-48830>

Аннотация:

Введение. Теория толкования права сложна и многогранна. Есть мнение, что правовое обоснование является в большей степени искусством, нежели наукой, оставаясь при этом сердцевинной в правоприменительной юридической деятельности. Не сводимая лишь к оперированию правовыми текстами, она содержит в себе возможность интерпретирования, познания смысла текста путем формально-юридического толкования, возможности вынужденного выхода за пределы позитивного права.

Методы. Методологическая основа исследования представляет собой сочетание общенаучных и частнонаучных методов, обеспечивающих теоретическую и эмпирическую глубину анализа стилей судебного толкования и теории судебного метода А. Росса, а также возможностей их применения в российской судебной системе.

Результаты. Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволил получить ряд результатов, раскрывающих специфику судебного толкования в России и степень применимости судебного метода А. Росса в современной российской правовой системе. Автор делает вывод, что доктрина общего судебного метода А. Росса не является адекватным дескриптивным инструментом для выявления действительной судебной интерпретации в России. Перспективы дальнейшего развития российской судебной методологии заключаются в совершенствовании собственной юридической догматики, способной теоретически осмыслить и оптимизировать сложившийся алгоритм судебной деятельности.

Ключевые слова:

стили судебной интерпретации, правовые стили, судебный метод, Альф Росс, судебное усмотрение, российская судебная практика, формально-догматический подход, теория права, толкование права, судебная аргументация, судебное толкование

Для цитирования:

Савельева М. В. Стили толкования и теория судебного метода А. Росса в контексте практики российских судов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 22–35.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Styles of interpretation and A. Ross's theory of judicial method in the context of Russian court practice

Maria V. Savelieva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
savelevamv@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6322-48830>

Abstract:

Introduction. The theory of law interpretation is complex and multidimensional. Some believe that legal reasoning is more of an art than a science, while remaining central to enforcement and legal practice. Not limited only to dealing with legal texts, it includes the possibility of interpretation, understanding the meaning of texts through formal legal analysis, and the possibility of going beyond positive law when necessary.

Methods. The methodological basis of the research combines general scientific and specific scientific methods, providing theoretical and empirical depth to the analysis of judicial interpretation styles and A. Ross's theory of judicial method, as well as the possibilities for their application in the Russian judicial system.

Keywords:

styles of judicial interpretation, legal styles, judicial method, Alf Ross, judicial discretion, Russian judicial practice, formal-dogmatic approach, theory of law, interpretation of law, judicial argumentation, judicial interpretation

Results. *The theoretical and empirical analysis provided a number of results revealing the specifics of judicial interpretation in Russia and the degree of applicability of A. Ross's judicial method in the modern Russian legal system. The author concludes that A. Ross's doctrine of general judicial method is not an adequate descriptive tool for identifying actual judicial interpretation in Russia. The prospects for the further development of Russian judicial methodology consist in improving Russia's own legal dogmatics, contributing to the theoretical conceptualisation and optimisation of the existing judicial procedure algorithm.*

For citation:

Savelieva D. B. Styles of interpretation and A. Ross's theory of judicial method in the context of Russian court practice // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 22–35.

The article was submitted November 10, 2025;
approved after reviewing December 12, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Обращение к понятию правового стиля как комплексного критерия для характеристики целостности правовой системы, выявления общего и особенного в различных правопорядках является общепринятым подходом в сравнительно-правовых исследованиях. Как подчеркивают К. Цвайгерт и Х. Кётц, определение правовых стилей составляет одну из ключевых задач для правоведов [1, с. 76]. В состав предложенных немецкими компаративистами критериев входят: 1) историческое происхождение и развитие правовой системы; 2) господствующая доктрина юридической мысли; 3) своеобразные правовые институты; 4) правовые источники и методы их толкования; 5) идеологические факторы. При этом именно четвертый элемент – правовые источники и методы толкования – выделяется авторами в качестве ключевого стилеобразующего фактора [1, с. 80]. Схожим образом канадская исследовательница К. Вальк определяет «правовой стиль» как коллективное выражение идентичности [2, с. 274].

В рамках этого методологического подхода значимое место занимает понятие «стиль судебной интерпретации»¹. Оно было введено в научный оборот ведущим представителем скандинавского правового реализма А. Россом [3, р. 141], хотя сам автор не предложил его четкого определения. Восполняя этот понятийный пробел, современный российский правовед Е. В. Тимошина предложила определять стиль судебного толкования как теоретический подход, рассмотренный в единстве с его философскими основаниями и институционально-политическими эффектами, которые он вызывает в правопорядке, будучи реализуемым судами с помощью характерных для каждого стиля интерпретационных аргументов [4, с. 30].

Следует отметить, что в российском правовом дискурсе проблема противопоставления стилей судебной интерпретации не получила широкого распространения и разрабатывается преимущественно сторонниками правового реализма [4–10], в то время как в зарубежной доктрине, прежде всего в англо-американской правовой системе и в праве скандинавских стран, проблема судебного правоприменения стала одной из ключевых.

Фиксация внимания правовых реалистов на проблемах правоприменения, а не на сформулированных законодателем правилах объясняется их подходом к пониманию права как результата деятельности судей и других правоприменителей.

Реалистический подход основывается на том, что судья в процессе аргументации апеллирует к реальности, лежащей за формальными границами позитивного права, и руководствуется «метаюридическими» соображениями морали, политики, экономической эффективности и целесообразности. Для юриспруденции в этом контексте, как справедливо отмечают Е. Н. Тонков и Д. Е. Тонков, особый интерес представляют дихотомии «права в книгах» (law in books) и «права в действии» (law in action), «бумажных норм» (paper rules) и «реальных норм» (real rules) [11, с. 10]. Реализм признает взаимовлияние права и социальных ценностей, что ведет к включению традиционно «внеправовых» факторов в область юридического анализа и рассматривает судебную власть как институт, занимающийся не «механическим» правоприменением, а примирением конфликтующих интересов путем нахождения баланса в разнородной иерархии ценностей с учетом моральных, экономических, политических критериев.

Исходя из этого, центральными для данного исследования становятся следующие вопросы: что представляют собой стили судебной интерпретации и общая доктрина судебного метода в концепции А. Росса, каковы перспективы их применения в российском правосудии?

Цель исследования заключается в методологической трактовке стилей судебной интерпретации и общей доктрины судебного метода А. Росса через критическое осмысление и оценку перспектив применения его идей в практике российских судов.

¹ В данной работе понятия «толкование» и «интерпретация» понимаются как синонимы.

Методы

В исследовании используется сбалансированная комбинация общенаучных (анализ, синтез, дедукция) и формально-юридического (догматического) анализа, построенного на понятийной проработке определений в юридических целях, а также теоретического познания с элементами эмпирического исследования, построенного на анализе документов (судебных решений) с целью выявления формальных оснований решений (ссылки на правовые нормы) и неявных, «прагматических» факторов (апелляция к разумности, справедливости, балансу интересов). В работе представлен критический дискурс-анализ как методологическая программа анализа дискурсивной практики и социальной практики, т. е. выявление того, как суды интерпретируют текст, а также интен-анализ, основанный на выявлении позиции А. Росса в зависимости от особенностей его письменной речи.

Результаты

1. Стили судебного толкования в концепции А. Росса

Стили судебного толкования являются предметом теории судебного метода Альфа Росса. В основу типологии стилей судебного толкования легли два независимых и взаимодополняющих критерия, позволяющих провести многомерный анализ судебной аргументации.

Первое основание классификации связано со степенью судебного усмотрения, официально признаваемой в правовой системе. А. Росс выделяет относительно свободный и ограниченный стили.

Принципиально важным является замечание А. Росса о том, что разграничение стилей в данном случае заключается не столько в реальной свободе судьи при интерпретации, сколько в том, насколько честно эта свобода признается в конкретной правовой системе.

Ограниченный стиль, исторически сложившийся в континентальном праве, преимущественно в Германии и Франции, базируется на предположении, согласно которому любое судебное решение может быть дедуцировано из текста правового акта посредством формально-логических операций и лингвистического анализа. Эта методология, известная как «юриспруденция понятий» (*Begriffsjurisprudenz*) или «механическая юриспруденция», минимизирует роль судейского усмотрения. В противоположность этому свободный стиль, часто ассоциируемый со школой «свободного права» (*Freirechtsschule*), предполагает, что судья в процессе толкования может и должен апеллировать к метаюридическим источникам, «черпая вдохновение из жизни, практических нужд и интересов» [3, р. 141]. Такой подход допускает прямое обращение к социальным целям и необходимости взвешивания конфликтующих интересов, которые также выступают как ориентиры для свободной интерпретации [3, р. 141].

Второе основание, предложенное А. Россом для классификации, заключается в характере и степени информации, отличной от сформулированных законодателем правил, которую судьи принимают во внимание. Исходя из этого критерия, А. Росс разграничивает субъективный и объективный стили толкования, которым соответствуют одноименные теоретические конструкции. Ученый подчеркивает, что данное различие не совпадает с предыдущим: если дихотомия «свободный и ограниченный» характеризует степень судейской рефлексии на результат толкования, то оппозиция «субъективный и объективный» описывает метод установления содержания интерпретируемой нормы.

А. Росс подвергает критике традиционное для правовой доктрины разделение на субъективную теорию (цель которой – выявление «воли законодателя») и объективную теорию (нацеленную на установление «воли закона»), оценивая его как «ложное». С точки зрения А. Росса, спор о том, является ли источником обязательности права «воля» или «текст», носит метафизический характер и не имеет эмпирического разрешения. Реальное же различие между этими подходами имеет сугубо инструментальный характер и сводится к вопросу о том, какая интерпретационная информация признается релевантной. Субъективный стиль интерпретации предполагает активное использование материалов «законодательной истории» в качестве инструмента для реконструкции социального назначения закона, что в свою очередь проливает свет на определенные аспекты его смысла [3, р. 156–157].

Абсолютно объективная интерпретация, по мнению А. Росса, основанная исключительно на формулировках законодателя, недостижима. На отношение судьи к закону влияет множество факторов: это и смысловые нагрузки воспринимаемого судьей текста, и осмысление текста закона как инструмента политического и экономического управления, основанного на конфликтующих интересах и нацеленного на решение определенных социальных задач [3, р. 142].

Анализируя объективный стиль, датский ученый фиксирует фундаментальный парадокс: «Объективная интерпретация является более субъективной, чем „субъективная“»².

Логика этого парадокса раскрывается в следующем: объективная интерпретация, сознательно отказываясь от привлечения интерпретационной информации, например, такой как «законодательная история» или намерения (цель) законодателя, и фокусируясь исключительно на тексте закона, неизбежно сталкивается с повышенной семантической неопределенностью. Эта неопределенность текста, лишенного уточняющего исторического контекста, создает широкое поле для маневра и, как следствие, может привести к гораздо более неопределенным результатам, чем субъективная интерпретация. Таким образом, стремление к максимальной текстуальной объективности на практике оборачивается большей субъективностью процесса принятия судебного решения.

Данная типология стилей толкования служит у А. Росса необходимой теоретической основой для последующего эмпирического исследования судебного метода, направленного на выявление действенного права, которое не может быть рассмотрено в отрыве от субъектов, как некое объективное свойство права, никак не связанное с деятельностью сознания и поведения людей.

2. Теоретико-методологические основы судебного метода А. Росса

Термин «судебный метод» А. Росс вводит в рамках теоретического осмысления судебной методологии, тесно связанной с проблемой «действительности права» (valid law). Будучи учеником Г. Кельзена, А. Росс не признает неокантианскую теорию основной нормы как имеющую морально-метафизический смысл обоснования действительности правовой системы [12, с. 97]. В таком истолковании, пишет А. Росс, валидность оказывается априорной идеей, которая не сводима к эмпирическим терминам, определенным через доступные наблюдению факты, и ей нет места в теории права, основанной на принципах эмпиризма [13, с. 460]. Датский правовед критиковал нормативизм Г. Кельзена за отрыв от реальности, за неспособность объяснить правовую действительность – «действительность», которая, по мнению А. Росса, состоит в объяснении социальных и психологических явлений, которые доступны наблюдению и отражаются в нормативных положениях. Право, утверждает А. Росс, полемизируя с Г. Кельзеном, это не совокупность положений или доктрин, а юридический феномен в смысле целостностной связанности поведенческих установок и рационализированных формулировок, в которых они находят свое выражение [14]. Действительность права, пишет А. Росс, можно проверить только обратившись ко всей правовой системе, совокупности частного и публичного права. Проверка действительности права состоит в использовании целостной правовой системы в качестве схемы для толкования социальной реальности, что позволяет понять поведение судей [3, р. 36–37].

А. Росс, разрабатывая доктрину судебного метода, пытается разрешить основную проблему правового реализма – непредсказуемость судебного решения («возможность предсказания будущих судебных решений» [3, р. 136]) при неопределенности норм и фактов. Разрабатывая общую теорию и доктрину судебного метода, утверждает петербургская исследовательница Н. С. Васильева, А. Росс ставит перед собой аналитико-дескриптивную задачу – разработать общую теорию и доктрину судебного метода и в их рамках дать эмпирическое описание судебного метода, т. е. того, как интерпретация происходит на практике³. Под «судебным методом» А. Росс понимает деятельность судов при переходе от общей правовой нормы к конкретному решению [3, р. 109]. Деятельность судов, направленную на анализ судебной практики, выявление принципов и правил, определяющих переход от общей нормы к конкретному решению, при сформулированном праве или статуте, ученый называет «интерпретацией» [3, р. 109]. А. Росс обращает внимание, что традиционно под «интерпретацией» понимается весь процесс принятия решения судьей, включая критическую оценку с позиции представления о социальных ценностях, выходящую за рамки закона. Такое употребление слова «интерпретация», по мнению А. Росса, позволяет нивелировать творческую функцию судьи и сохранить видимость, что судья является исключительно «устаами» закона. Судья открыто не признает, что отступает от буквы закона, используя сложившиеся в рамках правоприменительной практики аргументационные техники, он создает впечатление, что его решение является логичным и правильным [3, р. 139].

² Стратегии судебного толкования и принципы права : учебное пособие / Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Краевский А. А., Кондуров В. Е. [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Тимошиной. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С. 100–101.

³ Васильева Н. С. Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 206.

А. Росс утверждает, что для каждой правовой системы характерен свой судебный метод, который не может быть универсальным. Судебный метод, по мнению ученого, имеет общетеоретические и юридико-доктринальные основания. Методы, используемые в конкретной правовой системе, изучает правовая доктрина. Общетеоретической задачей методологии, считает ученый, является: 1) объяснение определенных фактических предпосылок, проблем метода и 2) подведение под общую типологию различных стилей толкования, существующих в реальной практике [3, р. 110].

В зависимости от правовой системы проблемы судебного метода (интерпретации), с которыми сталкиваются правоприменители, различны. Так, например, для англо-американской правовой системы, в которой судья часто не сталкивается с готовой правовой формулировкой общего правила поведения, при отсутствии сформированной доктрины возникает проблема правовой аргументации, связанная с выявлением сходств и различий между правовыми случаями и обоснованием их релевантности или нерелевантности по отношению к юридическому казусу.

В правовой системе, где основным источником права является нормативный правовой акт, судья сталкивается с необходимостью интерпретации «авторитетного» текста. Техника аргументации направлена на выявление смысла закона и обоснование того, охватывают ли фактические обстоятельства положения, указанные в правовом акте, или нет. Последняя модель судебного метода характерна для континентальных правовых систем и подробно рассматривается А. Россом [3, р. 111].

Правовед полагает возможным определить в результате эмпирического исследования текста судебных решений, какими поведенческими нормами руководствуются судьи при вынесении резолютивных индивидуальных решений. Невозможно игнорировать психологическую и социальную реальность, как постоянно пытается сделать Г. Кельзен в своем определении позитивного права [14].

Судебное толкование, по мнению А. Росса, это всегда дискреционная деятельность: не акт познания, а акт воли и решения [3, р. 139]. А. Росс разделяет проблемы судебного метода (интерпретации), связанные непосредственно с семантической основой нормативного интерпретируемого текста (синтаксические, логические, семантические), и прагматические факторы, обусловленные соображениями «здорового смысла» [3, р. 142]. Кроме простых прагматических фактов, связанных со «здравым смыслом», А. Росс выделяет «высшие» прагматические факторы, которые выступают как рассуждения о последствиях интерпретации, тщательно оцененные и взвешенные взаимно в свете относительно фундаментальных ценностей [3, р. 146].

С точки зрения ученого, прагматическое толкование может учитывать не только предсказуемые эффекты, но и техническую точность толкования, и его гармонию с правовой системой и культурными идеями, на которых построена правовая система. Поэтому, подчеркивает А. Росс, прагматическое толкование нельзя отождествлять с телеологическим толкованием, поскольку последнее слишком ограничено [3, р. 146]. Прагматическое толкование – это интеграция множественности оценок, а закону (нормативному правовому акту) часто невозможно приписать какое-либо назначение или цель; закон указывает на единственное соображение в рамках этой множественности.

Если и заменять термин «прагматическое толкование» телеологическим, то только с разъяснениями, что *telos* обозначает не отдельный закон, а *pars pro toto*, отсылает ко всем соображениям, которые могут быть применены [3, р. 148].

А. Росс определяет прагматическое толкование как способ расширить, ограничить или уточнить смысл нормативного текста («директивы»), предполагаемый «естественным лингвистическим значением» текста.

А. Росс полагает, что результат судебного решения зависит не только от «когнитивной интерпретации правовой нормы, но и от оценочной позиции правосознания правоприменителя» [3, р. 139].

Представитель скандинавского правового реализма полагает, что у судьи есть возможность выбора альтернатив, равным образом допускаемых семантикой текста, значение которого рассматривается как принципиально познаваемое, и допускаемой когнитивной функцией толкования [3, р. 148–149].

Судебная интерпретация, убежден ученый, не есть исключительно рациональная деятельность. За решением судьи, подчеркивает А. Росс, всегда «стоит вся его личность» [3, р. 155].

Отправление правосудия, постулирует А. Росс, – это не просто интеллектуальная деятельность, «оно укоренено во всей полноте личности судьи, в его формальном [институциональном] и материальном [моральном] правосознании» [3, р. 128].

Таким образом, А. Росс в рамках дескриптивной доктрины судебного метода предлагает дать эмпирическое описание судебного метода, того, как интерпретация происходит на практике. Мы должны, пишет А. Росс, проанализировать практику судов и попытаться обнаружить принципы и правила, которые фактически направляют суды при переходе от общего правила к конкретному решению. Эта деятельность называется судебным методом или, в случае применения закона, интерпретацией [3, p. 109]. Ученый замечает, что предметом изучения доктрины судебного метода является идеология судебного метода, точнее, стиль метода или стиль интерпретации, при том, что определенность утверждений относительно действительной интерпретации очень низка [3, p. 109].

А. Росс утверждает, что интерпретация не имеет независимой лингвистической отправной точки, она всегда обусловлена «прагматическими» соображениями, как минимум соображениями «здравого смысла», кроме того, существуют более «высокие» прагматические факторы, которые связаны с тщательно продуманными суждениями о последствиях интерпретации, оцененных и взвешенных относительно друг друга в свете фундаментальных ценностей [3, p. 101].

Процесс толкования, по мнению А. Росса, является практическим действием, включающим в себя волевой аспект. Семантическая неопределенность интерпретируемого текста и связанная с ней ограниченность когнитивной функции толкования вынуждают судью использовать прагматические факторы, влияющие на принятие решения.

Один из основных постулатов датского ученого А. Росса состоит в том, что правовые решения требуют не только нормативного, но и эмпирического обоснования. Однако особенности континентальной правовой системы и даже англо-американской правовой системы в условиях интеграции и взаимодействия не позволяют в полной мере исключить «юридический формализм» и нормативность юридических правил. Законы в континентальной правовой системе являются стандартами или моделями должного развития общественных отношений.

Теория судебного метода А. Росса была подвергнута критике. Аргентинский философ права Е. В. Булыгин назвал «важным шагом» то, что А. Росс предлагает анализ «фактологической действенности» нормы с точки зрения будущих судебных решений и предложил свое альтернативное толкование идеи А. Росса, в соответствии с которым действенность рассматривается не как прогноз будущих решений, а как диспозиционное свойство норм [15, с. 215]. Свен Энг, отмечая особенности концепции А. Росса, указал, что и Г. Харт, и А. Росс, и скандинавские реалисты основываются на одном и том же принципе: нормативность имеет основу в реальности, эта основа является эмпирическим фактом, а именно – психологическим [16, p. 240]. Итальянский правовед Р. Гуастини, критикуя судебный метод А. Росса, не соглашается с тезисом датского правоведа о том, что действенность можно проверить, только обратившись ко всей правовой системе в целом – к совокупности частного и публичного права. Нормы гражданского и уголовного права, пишет Р. Гуастини, адресованы, в конечном счете, судьям, однако нельзя сказать, что все нормы конституционного права также адресованы им [17, p. 13].

Применительно к российской правовой системе, в которой традиционно доминирует принцип верховенства закона и важная роль отводится нормативным правовым актам, критика также находит свое отражение. Российская судебная практика ориентирована на установление воли законодателя, закрепленной в нормативных правовых актах. Любое правовое решение, независимо от его социальной обусловленности, оценивается с позиции соответствия закону, а целью толкования является выявление буквального и действительного смысла правовой нормы. Таким образом, никакие социальные и психологические факторы сами по себе не позволяют дать адекватное научное объяснение правового явления; они могут рассматриваться лишь как дополнение, но не как достаточное основание для легитимного применения права в отрыве от его нормативной основы.

Кроме этого, судебный метод А. Росса игнорирует роль ученых-юристов в создании не только директив, но, главным образом, конструировании понятий, которые формируют образ мышления судей и иных правоприменительных органов.

Логично было бы включить в теорию судебного метода А. Росса «правовые принципы», которые оцениваются по степени значимости при принятии решения судьей. Это позволит сохранить нормативность правовых правил и определить ценностно-ориентированный подход судей. Выделяя в судебном методе проблему «прагматических факторов», А. Росс не определил критерии этих факторов, а лишь обозначил, что они понимаются «шире» телеологического толкования. Влияние прагматических факторов не исключает применения логической аргументации и формализма в процессе обоснования в мотивировочной части содержания окончательных выводов суда и его правовой позиции. Такая процедура является неотъемлемой частью любого судебного процесса, и нарушение ее влечет отмену судебного решения. Доктрина судебного метода А. Росса не учитывает возможности влияния обязательных к исполнению правовых

позиций конституционных и верховных судов, которые по существу конкретизируют положение законов. На наш взгляд, разработанная А. Россом доктрина общего судебного метода связана именно с необходимостью исследования поведения правоприменителей, которое лучшим образом подходит для верификации утверждений о действенном праве в рамках доктринального исследования. Ключевым вопросом становится возможность применения доктрины судебного метода в различных правовых системах. Для оценки практической значимости общей доктрины судебного метода А. Росса предлагаем обратиться к анализу практики российских судов, чтобы определить, позволяет ли данный метод выявить в их деятельности внутренне непротиворечивую систему фактически используемых правил при разрешении дел и насколько она сопоставима с моделью, предполагаемой судебным методом А. Росса.

3. Судебный метод в практике российских судов

Доктрина судебного метода тесно связана с методологией судебного толкования, проблемой судебного правотворчества и судебного усмотрения. Разработанные догматической юриспруденцией определенные алгоритмы решения судебных споров, составляющие содержание судебного метода, практикуются юристами по сей день. Решение должно нормативно обосновывать квалификацию поведения субъекта в качестве разрешенного, обязательного или запрещенного в соответствии с нормативной системой. Судья при вынесении обоснованного решения должен действовать по определенному алгоритму, а не принимать решения иррационально.

Судебный метод предполагает юридическую квалификацию – сопоставление предусмотренных нормой фактов и верифицированных в судебном процессе социальных фактов; применяемые к конкретному случаю нормы подлежат толкованию, их смысл должен быть уяснен с помощью правил, выработанных правовой догматикой (правовой доктриной).

Разработанная А. Россом доктрина судебного метода предполагает анализ судебной практики с целью выявления приемов, способов или правил, фактически определяющих переход от общей нормы к конкретному решению, а также выявление «прагматических факторов», влияющих на решение суда.

Попробуем теперь разобраться, какими «прагматическими факторами» руководствуются российские судьи, принимая решения? Как происходит процесс толкования в практике российских судов?

Из всего массива судебных решений следует отобрать те, которые наиболее ярко отражают подход скандинавского реалиста А. Росса. Такие решения, как правило, являются «сложными», содержат развернутую мотивировочную часть, а также демонстрируют отступление от буквального толкования закона, используя телеологическое или систематическое толкование. Для анализа мы отобрали решения судов первой инстанции по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, вынесенные с 2015 по 2021 год в различных субъектах Российской Федерации. В данных решениях представлен ценностно-ориентированный подход при разрешении споров, связанных с восстановлением прав личности в контексте публично-правовых (государственных) интересов [18], здесь проявляются «прагматичные факторы», которые описывает скандинавский ученый в общей доктрине судебного метода.

Мы придерживаемся высказанного ранее мнения о том, что решения вышестоящих судов более открыты для исследования, поскольку в решениях судов первой инстанции мотивировочная часть часто является излишне лаконичной и не отражает полноценного процесса судебного рассуждения, и доктрина судебного метода А. Росса, будучи направленной на выявление правил перехода от общей правовой нормы к решению, в меньшей степени применима к этому уровню судебной системы, где правоприменительная деятельность в значительной степени детерминирована обязательными правовыми позициями вышестоящих судебных инстанций. Также частичному анализу будут подвергнуты решения судов первых инстанций и судов апелляционных инстанций по этим же делам с целью выявления «прагматических факторов»: социологических, экономических и политических, которые могут повлиять на судебное решение и (или) его отмену вышестоящим судом. Будут проанализированы решения вышестоящих российских судов, в которых сделаны отступления от буквального толкования и применяется телеологическое и системное толкование.

Распределим массив судебных решений по группам: решения судов первой инстанции, решения судов апелляционной инстанции в связи с вынесенными решениями первой инстанции по этим же делам, решения судов кассационной инстанции, решения Верховного Суда Российской Федерации.

А. Решения судов первой инстанции Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов. В процессе исследования было проанализировано 450 судебных решений, вынесенных с 2015 по 2021 год в различных субъектах Российской Федерации, включая республики Адыгея, Бурятия, Калмыкия, Крым, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Алтайский, Забайкальский, Краснодарский, Красноярский, Пермский и Ставропольский края, Амурскую, Архангельскую, Астраханскую, Брянскую, Вологодскую, Ивановскую, Иркутскую, Кировскую, Курганскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Омскую, Сахалинскую, Свердловскую, Тульскую, Тюменскую, Ульяновскую и Ярославскую области, города федерального значения Москву и Санкт-Петербург, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ. Во всех решениях суды ссылаются на принципы разумности и справедливости. Однако сложность данных дел заключается в балансе интересов между интересами личности в полном возмещении вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, и публично-правовой ответственности государства.

В проанализированных нами решениях первых инстанций проявляются следующие общие тенденции при вынесении решений:

1. Все суды единообразно признают обязанность государства возместить вред потерпевшему. Сам факт реабилитации признается достаточным основанием для компенсации морального вреда, который презюмируется и не требует доказывания [19].

2. Суды повсеместно удовлетворяют иски лишь частично, указывая, что моральный вред не может быть точно оценен в деньгах.

3. Суды требуют неукоснительного соблюдения оснований для компенсации и правил подсудности.

4. Суды прямо ссылаются на необходимость баланса между интересами реабилитированного и интересами общества, поскольку выплаты производятся из казны, формируемой за счет налогов.

Ключевым фактором, определяющим размер компенсации морального вреда, является наличие и характер мер уголовно-процессуального принуждения, а также обстоятельства, позволяющие суду применить принцип соразмерности для снижения суммы.

Проанализировав решения судов первой инстанции, можно сделать предварительный вывод о том, что доктрина судебного метода А. Росса является эвристически ценной аналитической рамкой для изучения практики российских судов, однако ее прямое применение сталкивается с системными ограничениями и указывает на необходимость ее адаптации с учетом специфики национальной правовой культуры.

С одной стороны, формально суды последовательно придерживаются ограниченного стиля интерпретации, основанного на буквальном толковании норм и строгом соблюдении процедурных требований. С другой стороны, фактическое содержание решений, особенно в части определения размера компенсации, свидетельствует о скрытом использовании элементов свободного усмотрения, где судьи руководствуются прагматическими соображениями баланса частных и публичных интересов.

Таким образом, российская правоприменительная практика демонстрирует синтез формально-догматического подхода с реалистическими элементами, что в целом соответствует теоретическому предсказанию А. Росса о неизбежности прагматических факторов в судебной интерпретации. Однако в отличие от модели, предполагаемой скандинавским реалистом, это влияние осуществляется не открыто, а имплицитно – через оценочные категории разумности и справедливости, что позволяет сохранить видимость следования традиционной модели толкования.

Б. Решения судов апелляционной инстанции Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов. В процессе исследования были проанализированы решения судов апелляционной инстанции Архангельской, Брянской, Вологодской, Ивановской, Иркутской, Кировской, Курганской, Московской, Нижегородской области, Новгородской области, Омской, Сахалинской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Ульяновской и Ярославской областей, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа.

Суды отменяют и изменяют решения нижестоящих инстанций, мотивируя свои решения принципами соразмерности и разумности, а также руководствуясь законодательством Российской Федерации и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»⁴, от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁵.

Проведенный анализ решений апелляционных судов Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, приводит к выводу, что в судебной модели доминирует принцип соразмерности и баланса публичных и частных интересов, а принцип правовой определенности зависит от территориальных особенностей регионов.

В. Решения кассационных судов Российской Федерации рассмотрим на примере арбитражных кассационных судов. Например, постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 мая 2024 г. № Ф04-1696/2024 по делу № А45-23871/2023 после установления фактических обстоятельств дела, ссылаясь на разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁶, суд определил «приоритет телеологического (целевого) толкования норм права над грамматическим (буквальным) толкованием» и подтвердил «судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации...»⁷.

«Толкуя приведенное в совокупности нормативное регулирование телеологическим (целевым) способом, суд округа полагает необходимым понимать гипотезу содержащейся <...> нормы расширительно, имея в виду допустимость <...> не только в ситуации технической невозможности, но и явной экономической нецелесообразности»⁸.

Основываясь на общей норме, а также разъяснении вышестоящих судов и судебной практике, суд определяет приоритет телеологического толкования над буквальным. Сохраняя традиционную терминологию, выработанную юридической догматикой, суд рассуждает о необходимости расширительного толкования гипотезы по сравнению со сформулированной в тексте правового акта фразой «подключение (технологическое присоединение) объекта»⁹, и устанавливает распространение правовой нормы «не только в ситуации технической невозможности, но и явной экономической нецелесообразности»¹⁰.

«Экономическая целесообразность» является оценочным суждением, продиктованным собственным опытом субъекта, принимающего решение. В приведенном примере просматривается не только деятельность суда, направленная на понимание семантической основы интерпретируемого нормативного правового текста, но и прослеживается описанное А. Россом применение «здорового смысла» в качестве прагматического фактора.

Другой пример, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа, рассматривающего спор о признании недействительных муниципальных контрактов: «Толкуя приведенное в совокупности нормативное регулирование телеологическим (целевым) способом, суд кассационной инстанции приходит к выводу о том, что, исходя из цели и смысла законодательного регулирования, направленного на предотвращение конфликта интересов между участниками конкурентной процедуры, заключенные между Учреждением и предпринимателем контракты являются ничтожными сделками по п. 2 ст. 168 ГК РФ, поскольку между контролирующими лицами заказчика и подрядчика на момент совершения сделки имелся конфликт

⁴ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

⁵ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

⁶ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 мая 2024 г. № Ф04-1696/2024 по делу № А45-23871/2023 // Электронный архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (Sudrf.cntd.ru) : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/documents?id=7808> (дата обращения: 27.08.2025).

⁸ Там же.

⁹ Статья 48 постановления Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г. № 1547 (См.: Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г. № 1547 (ред. от 17.09.2024) // СЗ РФ. 2021. № 38. Ст. 6641.

¹⁰ URL: <https://sudrf.cntd.ru/documents?id=7808> (дата обращения: 27.08.2025).

интересов ввиду наличия между ними отношений свойства...»¹¹. В представленном судебном решении суд также толкует телеологическим способом. Установив между субъектами правоотношений родственные связи на момент совершения сделки, суд применил телеологический способ толкования для выяснения истинных намерений сторон, руководствуясь принципом законности и принципом целесообразности, направленных на «предотвращение конфликта интересов». В приведенном судебном решении не усматривается причинная связь между фактическими ситуациями и реальным судебным решением без апелляции к нормативно-правовым основаниям. Не усматриваются рассуждения о последствиях интерпретации и не находят своего отражения в решении взаимооцененные прагматические факторы и фундаментальные ценности.

Тексты представленных правоприменительных актов кассационных инстанций арбитражных судов Российской Федерации подтверждают наличие судебного метода, разработанного догматической наукой. В них также прослеживается процесс интерпретации судами правовых норм и аргументации принятого решения на основе известных устойчивых связей различных норм, входящих в систему российской правовой системы, а также критической оценки судебных решений нижестоящих судов.

Суды, основываясь на рекомендациях вышестоящих судов, в случаях конкуренции между буквальным и телеологическим толкованием делают выбор в сторону последнего. При этом телеологическое толкование понимается не в смысле одного нормативного правового акта, отсылка делается на весь законодательный массив нормативных правовых актов, регулирующих спорные правоотношения, а также на позиции вышестоящих судов.

Г. Решения Верховного Суда Российской Федерации разъясняют вопросы судебной практики. Условно их можно разделить на четыре группы:

- определения, принимаемые при рассмотрении конкретных дел в кассационном порядке;
- постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации;
- постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
- также стоит выделить рекомендации Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Первым проанализируем определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 305-ЭС 22-4103¹². Вкратце напомним, что положение абз. 6 п. 2 ст. 20.2 и ст. 24.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹³ обязывает арбитражных управляющих заключать договор обязательного страхования своей ответственности. Отсутствие такого договора является основанием для отстранения управляющего от возложенных на него обязанностей. В рассматриваемом правовом конфликте конкурсный кредитор должника обратился в суд с заявлением об отстранении действующего арбитражного управляющего в связи с отсутствием у него договора страхования профессиональной ответственности. Суд при разрешении конфликта отметил, что возможны ситуации, в которых страховая организация отказывает в заключении договоров с управляющими не в связи с их личностями, а в связи с объективными факторами, такими как экономический кризис и др. Суд прямо указывает на то, что в такой ситуации положения закона не могут толковаться «формально», потому что:

1) «само по себе отстранение одного управляющего и назначение нового не разрешит возникающую в рамках настоящего дела спорную ситуацию, поскольку новый управляющий будет также лишен возможности заключить договор с достаточным размером страхового покрытия»¹⁴;

2) «отсутствие договора дополнительного страхования ответственности на всю сумму, требуемую законом, не может являться основанием для отстранения добросовестного арбитражного управляющего, если он принял все зависящие от него меры для заключения такого договора и полученные отказы страховщиков не обусловлены его личностью»¹⁵.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2023 г. № Ф07-12345/23 по делу № А56-12345/2022 // Официальный сайт Арбитражного суда Северо-Западного округа. URL: <http://fasszo.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.08.2025).

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 305-ЭС22-4103 по делу № А40-310946/2019 // Правовой сервер КонсультантПлюс : [сетевое издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724607#ER4ky7VnMzwsHeHM> (дата обращения: 27.08.2025).

¹³ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁴ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724607#ER4ky7VnMzwsHeHM> (дата обращения: 27.08.2025).

¹⁵ Там же.

Приведенный пример демонстрирует ситуацию, в которой суд, столкнувшись с явным несоответствием нормы, закрепленной в правовом акте, телеологическому содержанию, не учитывающему конкретного случая, при котором применение нормы противоречило бы самой цели и не отвечало бы требованиям разумности и справедливости, допускает отхождение от предписанного императивного правила.

Способность принимать высшими судами решения по принципу *contra legem* – прямое и неизбежное следствие существования независимого суда [19, с. 49], которое является предпосылкой для представления высших судов как суверенов правотворчества, оказывающих влияние на российскую правовую систему [20, с. 3]. В то же время прослеживается применение судебного метода при вынесении решения от общих норм к казусу и в обосновании решения, исходя из принципов «разумности и справедливости». Данные принципы являются метаюридическими основаниями, входящими в противоречие с основным принципом законности, однако можно говорить о принципе разумности и принципе справедливости в рамках законности. Здесь мы видим прямое противопоставление принципа строгой законности правовым ценностям, каковыми являются усмотрение суда и судебное правотворчество. Доктрина судебного метода, в трактовке А. Росса, отражается в виде «прагматических факторов» при телеологическом толковании правовых норм.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 раскрывается принцип добросовестности, который дает свободу толкования и судебного усмотрения судам при вынесении решений. «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота <...>. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались <...>. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или не наступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ)»¹⁶. В рассматриваемом постановлении суд разъясняет алгоритм действий суда при усмотрении недобросовестного поведения одной из сторон. Верховный Суд Российской Федерации устанавливает порядок действий судов при принятии судебного решения с учетом причинных связей между фактическими ситуациями и реальными судебными решениями. Судам рекомендуется основывать свое решение на интерпретации поведения сторон. Здесь используются моральные, социальные, психологические факторы, неразрывно связанные с правосознанием судьи, однако не исключается логическая аргументация и формализм в мотивировочной части судебного решения.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹⁷ рекомендуется при определении размера такой компенсации «в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении». Пленум разъясняет алгоритм вынесения решения судами, и устанавливает ценностные политико-этические ориентиры, не раскрывая их содержания: разумно-

¹⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

¹⁷ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

сти и справедливости, соразмерности. Появляется аксиологическая ценностная иерархия, при которой судья должен сопоставить конфликтующие принципы в конкретном случае и признать одни принципы более «весомыми» по отношению к другим.

При Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ) действует Научно-консультативный совет, основной задачей которого является разработка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики. Анализ источников в интернете не выявил в открытом доступе рекомендаций указанного совета, который выработал рекомендации, описывающие порядок принятия индивидуальных решений на основе общих норм по определенному алгоритму. Исследовать рекомендации не представляется возможным.

Проведенный анализ судебной практики различных судебных инстанций Российской Федерации позволяет сделать вывод об ограниченной и опосредованной применимости доктрины судебного метода Альфа Росса в качестве инструментария для российской правовой системы. Хотя отдельные элементы, описанные скандинавским реалистом, в практике российских судов присутствуют, они не носят системообразующего характера и всегда подчинены доминирующей догматической модели разрешения судебных споров по определенным алгоритмам, разработанной в конце XIX века.

С одной стороны, в решениях, особенно высших судов, прослеживается использование «прагматических факторов», когда суды, сталкиваясь с пробелами или явным несоответствием закона его цели, прибегают к телеологическому толкованию и апеллируют к принципам справедливости, разумности и добросовестности. Это свидетельствует о скрытом, имплицитном судебном усмотрении, которое реализуется через оценочные категории, что отчасти соответствует предсказанию А. Росса о неизбежности неформализованных соображений в судебном процессе.

С другой стороны, российская правовая культура и институциональное устройство судебной системы создают системные ограничения для прямого применения модели А. Росса. Ключевыми отличительными чертами российского судебного метода являются:

1. Строгий нормативный каркас. Решения выносятся в рамках жесткого алгоритма юридической квалификации и с обязательной опорой на текстуальные источники права.

2. Иерархический детерминизм. Деятельность судов, особенно нижестоящих инстанций, в значительной степени детерминирована обязательными правовыми позициями и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, что минимизирует пространство для индивидуального судебного усмотрения для российской правовой системы.

3. Нормативное обоснование усмотрения. Даже в случаях отхода от буквального смысла закона (например, по принципу *contra legem*) суды апеллируют не к внеправовым социальным или психологическим мотивам, а к высшим правовым принципам, уже интегрированным в правовую систему. Таким образом, усмотрение не противопоставляется законности, а реализуется в ее рамках.

Следовательно, доктрина судебного метода А. Росса, акцентирующая внимание на эмпирическом выявлении скрытых, в т. ч. иррациональных, мотивов судей, служит ценной эвристической рамкой для критического анализа и выявления латентных процессов в российском правоприменении. Однако она не может быть напрямую применена в качестве описания модели российского правосудия, которая в целом тяготеет к формально-догматическому идеалу, обеспечивающему верховенство закона и правовую определенность.

3 **Заключение**

Проведенное исследование стилей судебной интерпретации и доктрины судебного метода А. Росса в контексте правоприменительной деятельности российских судов позволило определить, что доктрина судебного метода А. Росса предлагает ценный аналитический инструмент для понимания алгоритмизации судебных решений в процессе правоприменения. Разработанная А. Россом типология стилей интерпретации, основанная на дихотомиях «свободный – ограниченный» и «субъективный – объективный», помогает обнаружить противоречия, присущие любой судебной деятельности. Доктрина судебного метода А. Росса, направленная на эмпирическое выявление правил, фактически используемых судами при переходе от общей нормы к конкретному решению, представляет собой последовательную попытку преодолеть формализм традиционной догматики и объяснить право как социальный и поведенческий феномен.

Центральная идея судебной доктрины А. Росса заключается в эмпирическом выявлении реальных – часто скрытых за юридической аргументацией – «прагматических факторов» (социальных, экономических, политических, психологических), которые определяют переход

судьи от общей нормы к конкретному решению. Анализ типологии стилей интерпретации А. Росса и его концепции «прагматического толкования» демонстрирует ее ориентированность на раскрытие субъективного и аксиологического характера правоприменения.

Основной тезис А. Росса о том, что судебное решение обусловлено не только нормативными предписаниями, но и всей полнотой личности судьи, его правосознанием и «прагматическими факторами», остается актуальным вызовом для классических представлений о «механическом» применении права.

Несмотря на утверждение А. Росса о том, что каждая правовая система вырабатывает свой уникальный судебный метод, предложенная им универсальная доктрина, основанная на лингвосоаналитическом анализе и «прагматических факторах», демонстрирует ограниченную применимость в условиях российской правовой системы. Критический анализ теории А. Росса позволил выявить ее пробелы: игнорирование нормативной силы правовых принципов, отсутствие четких критериев определения «прагматических факторов», отрицание значения обязательных правовых позиций высших судебных инстанций, а также противопоставление «эмпирического обоснования» нормативной природе права.

Эмпирическая проверка применимости этой доктрины к практике российских судов выявила ее ограниченный опосредованный характер. Российское правосудие демонстрирует устойчивую приверженность формально-догматической модели, в которой доминируют принцип верховенства закона, иерархическая подчиненность судебных инстанций и нормативная обоснованность решений. В отличие от модели Росса, где «прагматические факторы» могут открыто определять исход дела, в российской практике они, как правило, имплицитно встроены в систему через оценочные категории («разумность», «справедливость», «добросовестность») и применяются в строгих рамках, заданных правовыми позициями высших судов.

Предлагаемый А. Россом подход судебной интерпретации не может быть напрямую заимствован в качестве дескриптивного инструмента позволяющего выявить действительную судебную интерпретацию в России. Перспективы дальнейшего развития российской судебной методологии заключаются в совершенствовании собственной юридической догматики, способной теоретически осмыслить и оптимизировать сложившийся алгоритм судебной деятельности.

Список источников

1. Цвайгерт К., Кёнтц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. Москва : Международные отношения, 2011. 726 с.
2. Valcke C. Comparing Legal Styles // International Journal of Law in Context. 2019. Vol. 15, № 3. P. 274–296. <https://doi.org/10.1017/S1744552319000284>
3. Ross A. On Law and Justice. Berkeley, Los Angeles : University of California, 1959. 383 p.
4. Тимошина Е. В. Стратегии судебного толкования и культурная миссия юриспруденции // Толкование права: классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алтейя, 2024. С. 28–61.
5. Антонов М. В. Современная теория права во Франции: реалистический подход к праву в концепции Мишеля Тропера и спор о неореализме в толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 321–345.
6. Тимошина Е. В., Васильева Н. С. Общая теория судебного метода и стили судебной интерпретации в правовой концепции А. Росса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4 (56). С. 113–128.
7. Слеженков В. В. Теоретическая модель судебного правотворчества в контексте современного французского правового реализма // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 1 (22). С. 130–134.
8. Тонков Е. Н. Юридическая герменевтика и практические подходы к толкованию права // Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. Санкт-Петербург : Алтейя, 2016. С. 11–39.
9. Тонков Д. Е. Детская иллюзия правовой определенности в психологии права Джерома Фрэнка // История государства и права. 2021. № 3. С. 38–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-38-44>
10. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. Москва, 2011. 308 с.
11. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм : монография / Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков. Санкт-Петербург : Алтейя, 2022. 464 с.
12. Краевский А. А. Чистое учение о праве и современный юридический позитивизм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 88–125.
13. Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права. / редкол.: А. В. Поляков (гл. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург : Юридическая книга, 2009. № 2. С. 458–473.
14. Ross A. Le 25e anniversaire de la théorie pure du droit. Compte rendu de Hans Kelsen, Reine Rechtslehre (1934) = The 25th Anniversary of Pure Theory of Law / пер. с англ. А. Кинг, Л. Петерселл // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. С. 9–33. <https://doi.org/10.4000/revus.2998>
15. Булыгин Е. В. Действительное право и право действующее // Избранные работы по теории и философии права / науч. ред. М. В. Антонов, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимов. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2016. С. 209–221.
16. Eng S. Lost in the System or Lost in Translation? The Exchanges between Hart and Ross // Ratio Juris. 2011. Vol. 24, № 2. P. 194–246. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2011.00482.x>
17. Guastini R. Les juges créent-ils du droit? Les idées de Alf Ross = Do Judges Create Law? The Ideas of Alf Ross // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. С. 99–113. <https://doi.org/10.4000/revus.3027>

18. Савельева М. В. Интерпретационные стратегии разрешения коллизий правовых принципов // Право и политика. 2025. № 10. С. 99–112. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.10.76452>
19. Габрелян Э. В. Конституция и модернизация // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 48–50.
20. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

References

1. Cvajgert K., Kyotc H. *Sravnitel'noe chastnoe pravo : v 2 t. / per. s nem. Yu. M. Yumasheva. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. 726 s.*
2. Valcke C. *Comparing Legal Styles // International Journal of Law in Context. 2019. Vol. 15, № 3. P. 274–296. <https://doi.org/10.1017/S1744552319000284>*
3. Ross A. *On Law and Justice. Berkeley, Los Angeles : University of California, 1959. 383 p.*
4. Timoshina E. V. *Strategii sudebnogo tolkovaniya i kul'turnaya missiya yurisprudencii // Tolkovanie prava: klassika i postklassika : kollektivnaya monografiya / pod red. E. N. Tonkova, I. L. CHestnova. Sankt-Peterburg : Alatejya, 2024. S. 28–61.*
5. Antonov M. V. *Sovremennaya teoriya prava vo Francii: realistichekij podhod k pravu v koncepcii Mishelya Tropora i spor o neorealizme v tolkovanii // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2011. № 4. S. 321–345.*
6. Timoshina E. V., Vasil'eva N. S. *Obshchaya teoriya sudebnogo metoda i stili sudebnoj interpretacii v pravovoj koncepcii A. Rossa // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 4 (56). S. 113–128.*
7. Slezhenkov V. V. *Teoreticheskaya model' sudebnogo pravotvorchestva v kontekste sovremennogo francuzskogo pravovogo realizma // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (22). S. 130–134.*
8. Tonkov E. N. *Yuridicheskaya germeneytika i prakticheskie podhody k tolkovaniyu prava // Yuridicheskaya germeneytika v XXI veke / pod obshch. red. E. N. Tonkova, Yu. Yu. Vetyutneva. Sankt-Peterburg : Aletejya, 2016. S. 11–39.*
9. Tonkov D. E. *Detskaya illyuziya pravovoj opredelennosti v psihologii prava Dzheroma Frenka // Istoriya gosudarstva i prava. 2021. № 3. S. 38–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-38-44>*
10. Karapetov A. G. *Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropejskom i amerikanskom prave. Moskva, 2011. 308 s.*
11. Tonkov E. N., Tonkov D. E. *Pravovoj realizm : monografiya / E. N. Tonkov, D. E. Tonkov. Sankt-Peterburg : Aletejya, 2022. 464 s.*
12. Kraevskij A. A. *Chistoe uchenie o prave i sovremennyy yuridicheskij pozitivizm // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2015. № 2. S. 88–125.*
13. Ross A. *Validnost' i konflikt mezhdu pravovym pozitivizmom i estestvennym pravom // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. / redkol.: A. V. Polyakov (gl. red.) [i dr.]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskaya kniga, 2009. № 2. S. 458–473.*
14. Ross A. *Le 25e anniversaire de la th orie pure du droit. Compte rendu de Hans Kelsen, Reine Rechtslehre (1934) = The 25th Anniversary of Pure Theory of Law / per. s angl. A. King, J. Petersell // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. C. 9–33. <https://doi.org/10.4000/revus.2998>*
15. Bulygin E. V. *Dejstvitel'noe pravo i pravo dejstvuyushchee // Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava / nauch. red. M. V. Antonov, E. N. Lisanyuk, S. I. Maksimov. Sankt-Peterburg : Alef-Press, 2016. S. 209–221.*
16. Eng S. *Lost in the System or Lost in Translation? The Exchanges between Hart and Ross // Ratio Juris. 2011. Vol. 24, № 2. P. 194–246. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2011.00482.x>*
17. Guastini R. *Les juges cr ent-ils du droit? Les id es de Alf Ross = Do Judges Create Law? The Ideas of Alf Ross // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. C. 99–113. <https://doi.org/10.4000/revus.3027>*
18. Savel'eva M. V. *Interpretacionnye strategii razresheniya kollizij pravovyh principov // Pravo i politika. 2025. № 10. S. 99–112. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.10.76452>*
19. Gabrelyan E. V. *Konstituciya i modernizaciya // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 4. S. 48–50.*
20. Zor'kin V. D. *Precedentnyj harakter reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 12. S. 3–9.*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 342.9

Проблемы и перспективы организации дорожного движения в Российской Федерации

Борис Михайлович Ващенко, кандидат юридических наук

Байкальский государственный университет
Иркутск (664003, ул. Ленина, д. 11), Российская Федерация
b_vaschenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8100-3259>

Аннотация:

Введение. В статье рассматриваются актуальные проблемы организации дорожного движения в Российской Федерации и перспективные направления их решения. Проанализирована система распределения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, выявлены ключевые разрывы в межведомственном взаимодействии.

Методы. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных методов научного познания. Фундаментальную роль сыграл диалектический метод, позволивший рассмотреть организацию дорожного движения как динамическую систему в развитии, выявить внутренние противоречия в межведомственном взаимодействии и проследить причинно-следственные связи между управленческими решениями и их последствиями. Для сбора и первичной обработки информации применялись методы анализа и синтеза нормативно-правовой базы и научной литературы по теме, а также метод описания существующей практики распределения полномочий. Логика построения выводов базировалась на индукции (от анализа конкретной ситуации в Иркутске к выявлению общих системных проблем) и дедукции (от общих положений Стратегии безопасности дорожного движения к формулированию частных принципов ее реализации). Завершающим этапом стал метод обобщения, который позволил сформулировать комплексные предложения по совершенствованию системы управления.

Обсуждение и результаты. На конкретном примере (ситуация в Иркутске) продемонстрированы последствия несогласованности действий различных ведомств: рост заторов, повышение аварийности, неэффективное расходование бюджетных средств. Перечислены системные барьеры – от дефицита данных и компетенций до высокой стоимости технологий и сопротивления изменениям. Предложены комплексные меры по совершенствованию управления дорожным движением: внедрение единой информационной системы, интеграция интеллектуальных транспортных систем, профессиональная переподготовка специалистов, усиление киберзащиты инфраструктуры, развитие государственно частного партнерства.

Ключевые слова:

организация дорожного движения, безопасность дорожного движения, межведомственная координация, интеллектуальные транспортные системы, цифровизация, государственно-частное партнерство, Стратегия повышения безопасности дорожного движения, управление транспортными потоками, киберзащита транспортной инфраструктуры, муниципальная транспортная политика

Для цитирования:

Ващенко Б. М. Проблемы и перспективы организации дорожного движения в Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 36–46.

Заключение. На основании изложенного в статье подчеркнута необходимость реализации четырех ключевых принципов – системного подхода, межведомственной координации, цифровизации и постоянного мониторинга – для достижения целей Стратегии повышения безопасности дорожного движения Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Problems and prospects for traffic management in the Russian Federation

Boris M. Vaschenko, Cand. Sci. (Jurid.)

Baikal State University
11, Lenina str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
b_vaschenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8100-3259>

Abstract:

Introduction. This article deals with the current problems of traffic management in the Russian Federation and promising approaches to resolving them. It analyses the system of power distribution between federal, regional and municipal authorities, and identifies key gaps in inter-agency cooperation.

Methods. The methodological basis of this study is the dialectical method of cognition, which has enabled the identification of interrelationships between various facts and events. The author has used general scientific methods, namely the methods of analysis and synthesis of information, induction and deduction, as well as the techniques of description and generalisation.

Discussion and results. Using a specific example (the situation in Irkutsk), the consequences of a lack of coordination between various departments are demonstrated: increased traffic congestion, a rise in accidents, and the inefficient use of budget funds. Systemic barriers are listed – ranging from a lack of data and expertise to the high cost of technology and resistance to change. Comprehensive measures are proposed to improve traffic management: the introduction of a unified information system, the integration of intelligent transport systems, professional retraining of specialists, strengthening of cyber security for infrastructure, and the development of public-private partnerships.

Conclusion. The article emphasises the need to implement four key principles – a systematic approach, inter-agency coordination, digitalisation and continuous monitoring – in order to achieve the objectives of the Russian Federation's Road Safety Strategy up to 2030 and looking ahead to 2036.

Keywords:

traffic management, road safety, inter-agency coordination, intelligent transport systems, digitalisation, public-private partnerships, Road Safety Improvement Strategy, traffic flow management, cyber security of transport infrastructure, municipal transport policy

For citation:

Vaschenko B. M. Problems and prospects for traffic management in the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 36–46.

The article was submitted January 15, 2026;
approved after reviewing March 3, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Организация дорожного движения – деятельность по упорядочению движения транспортных средств и (или) пешеходов на дорогах, направленная на снижение потерь времени (задержек) при движении транспортных средств и (или) пешеходов, при условии обеспечения безопасности дорожного движения¹.

Организацией дорожного движения занимаются федеральные органы исполнительной власти, органы субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления (далее – ОМСУ) – непосредственно либо через уполномоченные подведомственные организации. Федеральные органы устанавливают общую политику, требования и порядок мониторинга, а также организуют движение на дорогах федерального значения. М. М. Шныптев отмечает: «Развитие сети автомобильных дорог определяет мобильность населения и доступ к материальным и социальным ресурсам, позволяет расширить производственные возможности экономики за счет снижения транспортных издержек и затрат времени на перевозки» [1]. Региональные власти

¹ Статья 3 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ (Об организации дорожного движения в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2018. № 1 (ч. I). Ст. 27).

реализуют политику на дорогах регионального и межмуниципального значения, ведут реестр парковок и контролируют исполнение полномочий на местном уровне [2, с. 13; 3]. ОМСУ отвечают за дороги общего пользования местного значения, включая установку и содержание технических средств организации движения. Кроме того, в процессе участвует Госавтоинспекция МВД России², обеспечивая регулирование движения и контроль за соблюдением правил дорожного движения (далее – ПДД)³.

Методы

Достижение поставленной в статье цели – выявления системных проблем организации дорожного движения (ОДД) в Российской Федерации и обоснования перспективных направлений их решения – потребовало применения методологического аппарата, сочетающего фундаментальные философские принципы с комплексом общенаучных методов. Логика исследования выстроена таким образом, чтобы обеспечить переход от теоретического анализа нормативной модели управления к эмпирической верификации выявленных проблем и последующему синтезу практических рекомендаций.

Базовым для работы стал диалектический метод познания. Его применение обусловлено необходимостью рассмотреть сферу ОДД не как статичный набор правил и институтов, а как сложную, развивающуюся систему. Диалектический подход позволил: изучить организацию дорожного движения в единстве и борьбе противоположностей (например, между потребностью в безопасности и стремлением к скорости, между федеральной унификацией и муниципальной спецификой); выявить внутренние источники развития проблем – противоречия в системе распределения полномочий между уровнями власти; проследить количественно-качественные изменения (накопление ошибок в межведомственном взаимодействии приводит к качественному скачку – росту аварийности и заторов, как показано на примере Иркутска); рассмотреть объект исследования во взаимосвязи с внешней средой (влияние градостроительной политики, цифровизации, социально-экономических факторов).

На первом этапе исследования был использован комплекс методов, направленных на формирование эмпирической и теоретической базы:

Метод анализа применялся для декомпозиции предметной области. Был проведен анализ: а) нормативно-правовых актов (федеральных законов, Стратегии безопасности дорожного движения, национальных проектов) для определения зон ответственности федеральных, региональных и муниципальных органов; б) научной литературы (работ М. М. Шныптева, В. И. Майорова, Э. В. Дингеса и др.) для изучения существующих теоретических подходов и эмпирических выводов; в) статистических данных и публичных отчетов, позволивших выявить дисфункции в работе ведомств.

Метод синтеза использовался для интеграции разрозненных сведений, полученных в ходе анализа, в единую картину. Это позволило соединить данные о правовых нормах, научных взглядах и практических кейсах для формирования целостного представления о системе ОДД.

Метод описания применен для детальной характеристики текущего состояния системы распределения полномочий, а также для изложения конкретного эмпирического кейса (ситуация в Иркутске). Описание включало в себя фиксацию субъектов взаимодействия (федеральные, региональные, муниципальные органы, ГИБДД, застройщики), их действий и возникших последствий.

На втором этапе, для осмысления собранной информации и выявления скрытых закономерностей, были задействованы следующие методы:

Метод индукции сыграл ключевую роль в переходе от частного к общему. Анализ единичного, но репрезентативного примера – ситуации с организацией дорожного движения в Иркутске – послужил основой для выявления не единичных сбоев, а системных барьеров (нехватка сквозных показателей, фрагментарная цифровизация, кадровый дефицит и др.). Индуктивное

² До 1998 года использовалась аббревиатура ГАИ (Государственная автомобильная инспекция). В 1998 году переименована в ГИБДД (Государственная инспекция безопасности дорожного движения). В 2002 году наименования ГИБДД и Госавтоинспекция были уравнены в правовом статусе – оба считаются официальными. В мае 2024 года официально подтверждено использование названия Госавтоинспекция как основного (при этом аббревиатура ГИБДД по-прежнему остается корректной и равнозначной). Таким образом, в официальных документах и обиходе допустимо употреблять оба варианта: «Госавтоинспекция» и «ГИБДД».

³ Статьи 5–7 Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 443-ФЗ (СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 27) ; О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения (вместе с «Положением о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации») : Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 (ред. от 11.02.2023) // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 2897).

обобщение позволило утверждать, что проблема межведомственной разобщенности носит не локальный, а общефедеральный характер.

Метод дедукции обеспечил логический переход от общих теоретических положений к конкретным выводам и практическим рекомендациям. Исходной посылкой стали целевые ориентиры, закрепленные в «Стратегии повышения безопасности дорожного движения Российской Федерации до 2030 года». Применяя дедуктивный метод, мы проверили, как общие стратегические задачи (безопасность, эффективность) преломляются (или искажаются) на нижних уровнях управления, что позволило обосновать необходимость реализации четырех ключевых принципов (системность, координация, цифровизация, мониторинг) как обязательного условия достижения целей Стратегии.

Метод обобщения стал завершающим этапом работы. На основе выявленных индуктивным путем проблем и дедуктивно выведенных принципов были сформулированы комплексные, агрегированные предложения по совершенствованию управления ОДД. Обобщение позволило свести множество разрозненных мер (внедрение информсистем, переподготовка кадров, киберзащита и т. д.) в единую, логически непротиворечивую программу действий, нацеленную на преодоление системного кризиса.

Таким образом, применение представленного методологического комплекса обеспечило всесторонность и научную обоснованность исследования, позволив не только диагностировать проблемы, но и предложить пути их решения, верифицированные на теоретическом и эмпирическом уровнях.

Обсуждение и результаты

Организация дорожного движения решает ряд взаимосвязанных задач, требующих комплексного подхода.

Главная задача состоит в обеспечении безопасности участников движения. Для этого совершенствуют дорожные условия, внедряют технические средства (знаки, светофоры, разметку), развивают системы контроля за соблюдением ПДД и принимают меры по защите уязвимых участников (пешеходов, детей). В своей статье «Оценка применения технических средств организации дорожного движения» И. С. Коршунов, Д. Р. Матыков, О. С. Гасилова, О. М. Астафьева отмечают: «Нарушения при установке и применении технических средств организации дорожного движения представляют серьезную опасность для участников дорожного движения. При совершении ДТП, как правило, единственным виновником признается водитель транспортного средства, а не государственные структуры, в чьи обязанности входит создание условий для обеспечения безопасности дорожного движения. Следовательно, необходимо уделять особое внимание организации дорожного движения для того, чтобы обеспечить безопасность дорожного движения» [4, с. 670]. Не менее важно минимизировать задержки и заторы за счет оптимизации транспортных потоков: управления распределением транспорта, повышения пропускной способности (реконструкция перекрестков, строительство развязок), адаптивного управления светофорами и развития инфраструктуры для пешеходов и велосипедистов [5; 6]. М. П. Гончар считает, что «формирование и развитие комплексной схемы организации дорожного движения (КСОДД) является современным и перспективным направлением развития городского транспортного комплекса, которое в максимальной степени ориентировано на достижение показателей безопасности и комфорта для всех участников транспортных процессов»⁴.

Еще одна ключевая задача – продление срока службы дорожного покрытия. Этого достигают через рациональное использование инфраструктуры: развитие общественного транспорта, внедрение систем управления движением (чтобы избежать скопления машин), своевременный ремонт и обслуживание дорог [7–9].

Необходимо также оперативно реагировать на меняющиеся условия (погода, аварии). Для этого внедряют автоматизированные системы мониторинга и управления, а также интегрируют данные из разных источников (метеослужбы, видеонаблюдение) и координируют действия экстренных служб [10–12].

Наконец, важно повышать прозрачность управления дорожной инфраструктурой: публично информировать о мероприятиях по организации движения, применять современные технологии для анализа и прогнозирования ситуаций, совершенствовать нормативно-правовое регулирование⁵ [13].

⁴ Гончар М. П. Роль и эффективность комплексной схемы организации дорожного движения при введении в существующую организацию дорожного движения // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 593.

⁵ Гарифуллин Р. Р. Перспективы и новый вектор развития административного регулирования в области организации безопасности дорожного движения // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 81.

Все эти задачи отражены в Указе Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁶.

Достижение целей Стратегии, как нам думается, возможно лишь при условии последовательной реализации четырех ключевых принципов. Во-первых, необходим системный подход, предполагающий не фрагментарные, а взаимоувязанные действия по всем направлениям – от проектирования дорожной инфраструктуры до просвещения участников движения. Во-вторых, критически важна межведомственная координация: без четкой согласованности между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, а также во взаимодействии с бизнесом и общественными институтами невозможно обеспечить единство целей и эффективное распределение ресурсов. Об этом ученые говорят уже давно. Так, Э. В. Дингес еще десять лет назад отмечал: «Повышение безопасности дорожного движения в настоящее время является одной из наиболее важных национальных проблем России, решение которой требует скоординированных действий не только всех участников транспортного процесса, но и различных министерств, ведомств, средств массовой информации и общественности» [14, с. 6.]. В-третьих, требуется масштабное внедрение современных технологий – аналитических инструментов для прогнозирования транспортных потоков и автоматизации управления движением, что позволит повысить оперативность и точность принимаемых решений [15; 16].

И наконец, обязателен постоянный мониторинг и корректировка: регулярная оценка эффективности реализуемых мер на основе объективных данных, гибкое реагирование на меняющиеся условия (погодные факторы, рост трафика, аварийность) и своевременная адаптация стратегий к новым вызовам. Только комплексное соблюдение этих принципов обеспечит достижение целевых показателей безопасности и эффективности дорожного движения. Однако именно на стадии реализации возникают основные проблемы. На них хотелось бы остановиться более подробно.

Одной из таких проблем является разобщенность уровней управления (федерального, регионального, муниципального) и ведомств, из-за чего программы не синхронизированы, а функции дублируются или выпадают. Например, в Иркутске достаточно интенсивный трафик движения, но на одном из ключевых перекрестков регулярно возникают заторы и дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП). Разобщенность как раз проявляется в следующем: федеральный уровень финансирует программу «Безопасные качественные дороги»⁷, предусматривающую установку «умных» светофоров с адаптивным управлением, при этом требует от регионов отчета по количеству внедренных интеллектуальных систем, но не обеспечивает их интеграцию в городскую инфраструктуру. Региональный уровень в свою очередь выделяет средства на реконструкцию перекрестка по собственной программе развития транспортной инфраструктуры⁸ и закупает светофоры одного производителя, не согласовав их совместимость с уже установленными в городе устройствами⁹. Муниципальный уровень отвечает за текущую эксплуатацию светофоров и дорожных знаков¹⁰, но при этом не имеет доступа к федеральным данным

⁶ Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 // СЗ РФ. 2025. № 46. Ст. 6877.

⁷ Финансовое обеспечение включает средства федерального бюджета, консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетные источники. Общий бюджет проекта на период реализации составлял 5936,5 млрд рублей. В 2024 г. на реализацию национального проекта «Безопасные качественные дороги» в Иркутской области было выделено 11,5 млрд рублей из федерального бюджета (Паспорт приоритетного проекта «Безопасные качественные дороги» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 15) // Правительство России : [официальный сайт] : URL: <http://government.ru/projects/selection/656/25519/> (дата обращения: 26.02.2026)).

⁸ Региональный проект «Региональная и местная дорожная сеть Иркутской области» в рамках государственной программы Иркутской области «Развитие дорожного хозяйства» (Об утверждении государственной программы Иркутской области «Развитие дорожного хозяйства» и признании утратившими силу отдельных постановлений Правительства Иркутской области : постановление Правительства Иркутской области 13 ноября 2023 г. № 1019-пп // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3800202311170004> (дата обращения: 26.02.2026)).

⁹ Областное государственное казенное учреждение «Дирекция по строительству и эксплуатации автомобильных дорог Иркутской области» – заказчик тендера на поставку светофоров Т.7 в 2025 году.

¹⁰ В статье 13 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ указано, что к полномочиям органов местного самоуправления относится осуществление дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения, включая их содержание и ремонт. Это подразумевает ответственность за эксплуатацию технических средств организации дорожного движения, таких как светофоры и дорожные знаки (Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 257-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5553). В пункте 5 статьи 14 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ закреплено, что к вопросам местного значения поселения относится дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения, включая

о трафике и не может оперативно корректировать работу перекрестка в режиме реального времени. Из-за несовместимости федерального оборудования с городской системой приходится использовать устаревшее программное обеспечение (далее – ПО) для управления светофорами.

В свою очередь ГИБДД фиксирует рост ДТП на перекрестке, но не может оперативно изменить режим светофоров без согласования с Департаментом транспорта¹¹. Департамент дорожной деятельности и транспорта ждет финансирования из регионального бюджета, затягивая принятие решений, а Комитет городского обустройства администрации города Иркутска параллельно проводит ремонт тротуаров, временно сужая проезжую часть и усугубляя заторы. Энергоснабжающая организация отключает светофоры на плановое техобслуживание, не предупредив ни ГИБДД, ни муниципалитет¹². Как результат, светофоры работают в несинхронизированном режиме, создавая «волны» остановок и разгонов; заторы увеличиваются на 30–40 %, растет число мелких ДТП из-за попыток объезда; бюджетные средства расходуются неэффективно: федеральное оборудование простаивает, региональные закупки не решают проблему, муниципальные службы устраняют последствия, а не причины; граждане жалуются, но каждое ведомство ссылается на «отсутствие полномочий» или «нехватку средств». Проблема заключается в отсутствии единого центра принятия решений: данные не обмениваются между уровнями власти, а целевые программы реализуются изолированно. В результате даже технически продвинутые решения (например, «умные» светофоры) не дают эффекта из-за несогласованности действий.

К сожалению, обозначенная проблема ведомственной разобщенности – лишь один из аспектов системных сложностей реализации Стратегии организации дорожного движения. Обратимся к анализу дополнительных барьеров, выявив типичные проявления и механизмы их формирования.

Нехватка сквозных показателей эффективности приводит к конфликтам интересов между различными участниками процесса. Например, застройщики зачастую инициируют возведение жилых комплексов без должного учета транспортной инфраструктуры: новые микрорайоны появляются быстрее, чем проектируются и строятся подъездные пути, развязки и парковочные пространства. Это создает локальные очаги перегрузки дорожной сети. Отсутствие единых критериев оценки (таких как комплексный показатель транспортной доступности, коэффициент загрузки перекрестков с учетом перспективного роста трафика, интегральный индекс безопасности движения на участке) не позволяет объективно сравнивать эффективность разных решений и распределять ресурсы оптимально. В результате приоритет отдается локальным

обеспечение безопасности дорожного движения, организацию дорожного движения и иные полномочия в соответствии с законодательством Российской Федерации (Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822), в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ полномочия органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) в области дорожной деятельности и обеспечения безопасности дорожного движения регулируются ст. 32. Согласно части 3 статьи 32 к полномочиям ОМСУ, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации, относится «дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах муниципального образования и обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок (парковочных мест), организация дорожного движения, а также осуществление иных полномочий в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации» (Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200). Это означает, что по решению субъекта Российской Федерации данные полномочия могут быть переданы органам местного самоуправления. При этом финансовое обеспечение таких полномочий осуществляется за счет средств местного бюджета с учетом передаваемых нормативов отчислений от налогов и сборов или межбюджетных трансфертов. Важные уточнения: перераспределение полномочий допускается на срок не менее срока полномочий законодательного органа субъекта Российской Федерации. Законы субъекта Российской Федерации о перераспределении вступают в силу с начала очередного финансового года и должны быть приняты не позднее чем за два месяца до его начала. Если перераспределяемые полномочия относятся к сферам, предусматривающим осуществление муниципального контроля, закон субъекта Российской Федерации должен содержать положения о перераспределении соответствующих полномочий по контролю. Положения статьи 32 Федерального закона № 33-ФЗ, касающиеся осуществления полномочий ОМСУ по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, вступают в силу с 1 января 2027 г. Таким образом, в отличие от прежнего регулирования, теперь решение о том, будут ли ОМСУ осуществлять дорожную деятельность и обеспечивать безопасность дорожного движения на местных дорогах, принимает субъект Российской Федерации. При этом сами полномочия остаются в рамках дорожной деятельности и организации дорожного движения, включая вопросы, связанные с техническими средствами организации движения (например, светофорами и дорожными знаками), если они отнесены к автомобильным дорогам местного значения.

¹¹ В Иркутске есть Департамент транспорта и связи администрации города Иркутска, а также существует Департамент дорожной деятельности и транспорта. Департамент транспорта и связи фокусируется на управлении транспортными предприятиями и связью, тогда как Департамент дорожной деятельности и транспорта отвечает за инфраструктуру дорог и обеспечение безопасности движения.

¹² Например, в ноябре 2025 года в городе Иркутске светофоры временно отключали из-за плановых работ «Южных электрических сетей».

краткосрочным выгодам, а не долгосрочной устойчивости транспортной системы. В Иркутской области проблема нехватки сквозных показателей эффективности организации дорожного движения отчетливо проявилась при строительстве жилого комплекса «Салют» (г. Иркутск, ул. Дальневосточная, 54) силами ООО «Специализированный застройщик Строительная Компания „Родные Берега”». В ходе реализации проекта были выявлены системные нарушения градостроительных норм: плотность застройки превышена с 24 000 до 32 500 м²/га, сокращено расстояние между домами (с 60 до 26 м) и урезаны площади парковочных мест и зеленых зон. Отсутствие единых критериев оценки транспортной доступности и нагрузки на инфраструктуру (в т. ч. коэффициентов загрузки перекрестков и индексов безопасности движения) не позволило заблаговременно спрогнозировать и предотвратить перегрузку дорожной сети в Октябрьском районе Иркутска. Следствием стали локальные заторы, усугубленные дефицитом социальной инфраструктуры (в т. ч. нехваткой 2 000 мест в детских садах). Ситуация привела к социальному напряжению и потребовала судебного вмешательства для фиксации нарушений.

Фрагментарная цифровизация усугубляет ситуацию: отдельные элементы интеллектуальной транспортной системы (далее – ИТС) – комплексы мониторинга трафика, адаптивные светофоры, камеры фото- и видеофиксации нарушений, системы метеоконтроля – зачастую функционируют изолированно, без обмена данными и единой логики управления. Например, данные с детекторов транспорта могут не интегрироваться с алгоритмами управления светофорами, а информация о погодных условиях – не учитываться при корректировке режимов работы ИТС. Устаревшая инфраструктура во многих муниципалитетах не поддерживает современные протоколы связи и стандарты передачи данных, что делает интеграцию дорогостоящей или технически невозможной. В итоге потенциал цифровых решений реализуется лишь частично: вместо синергии разрозненные системы создают дополнительные издержки на обслуживание и администрирование.

В Иркутской области фрагментарная цифровизация ИТС проявилась при внедрении элементов системы в рамках нацпроекта «Безопасные качественные дороги» в 2022–2023 гг.: были установлены 20 подсистем светофорного управления и 17 подсистем мониторинга параметров транспортных потоков. Однако их интеграция оказалась неполной из-за устаревшей инфраструктуры, разнородности технических решений и ограниченного финансирования этапа интеграции. Данные с детекторов транспорта не передавались в реальном времени в систему управления светофорами, из-за чего адаптивные светофоры работали по фиксированным циклам даже в часы пик. Системы метеомониторинга (в т. ч. на подъездах к Иркутску, у Оека и Усть-Уды) не были связаны с ИТС – информация о гололеде или осадках не влияла на корректировку режимов светофоров или ограничение скорости. Разрозненность платформ в разных районах Иркутска (например, несовместимость решений в Свердловском районе с системами иных районов) препятствовала централизованному управлению. Следствиями стали: частичная реализация потенциала ИТС, рост издержек на обслуживание изолированных систем и отсутствие ожидаемого снижения аварийности в сложных погодных условиях. Решение проблемы требует создания единой платформы управления, стандартизации протоколов связи и увеличения инвестиций в интеграционные мероприятия¹³.

Дефицит квалифицированных кадров проявляется на всех этапах – от проектирования ИТС до их эксплуатации и киберзащиты. Специалисты, владеющие компетенциями в области анализа больших данных, машинного обучения для прогнозирования трафика, настройки адаптивных алгоритмов управления движением, встречаются редко, а их подготовка требует длительного времени и ресурсов. Одновременно риски кибербезопасности возрастают по мере цифровизации: уязвимости в ПО светофоров, каналах передачи данных или серверах ИТС могут привести к сбоям в работе всей системы, манипуляциям с режимами движения или утечке конфиденциальной информации о транспортных потоках. При этом меры защиты часто внедряются фрагментарно, без комплексного аудита угроз и моделирования атак.

По общероссийским оценкам, нехватка профильных специалистов достигает 2 500 человек¹⁴, а в Иркутской области ситуация дополнительно усугубляется миграционным оттоком молодежи и старением профессионального контингента. Образовательные программы не обеспечивают подготовку «архитекторов ИТС» – специалистов с комплексными компетенциями в анализе больших данных, машинном обучении и настройке адаптивных алгоритмов управления движением.

¹³ В Иркутской области продолжают развивать интеллектуальную транспортную систему // Ситуационно-информационный центр Министерства транспорта Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://sicmt.ru/press-center/v-irkutskoj-oblasti-prodolzhayut-razvivat-intellektualnuyu-transportnuyu-sistemu> (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁴ Освобождение труда в ИБ: между кадровым голодом и «черным лебедем» ИИ // Habr : [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/companies/pt/articles/834486/> (дата обращения: 26.02.2026).

Одновременно возрастают риски кибербезопасности ИТС из-за использования устаревшего ПО с известными уязвимостями, некорректной настройки сетевых параметров (в т. ч. ACL и сертификатов) и фрагментарного внедрения мер защиты без комплексного аудита угроз¹⁵. Потенциальные угрозы включают: манипуляции с режимами работы светофоров через уязвимости в ПО, утечки данных о транспортных потоках и атаки через подрядные организации с доступом к системе. Таким образом, в Иркутской области наблюдается сочетание кадрового дефицита и повышенных киберрисков при цифровизации ИТС, что снижает эффективность внедрения современных решений. Проблемы с данными в сфере организации дорожного движения носят системный характер и проявляются на всех этапах их сбора, обработки и использования. Несогласованность методик сбора данных приводит к противоречивости информации из различных источников: ГИБДД регистрирует ДТП с учетом строгих критериев (учитываются аварии с пострадавшими или материальным ущербом выше определенного порога), что исключает из статистики мелкие инциденты; муниципальные службы отслеживают заторы и загруженность дорог на основе данных светофоров, детекторов транспорта и отчетов дорожных служб с приоритетом на участки с высокой интенсивностью движения; коммерческие сервисы навигации (например, «Яндекс Навигатор», 2ГИС) агрегируют данные о пробках посредством GPS-трекинга смартфонов пользователей, фиксируя среднюю скорость потока без дифференциации причин замедления; камеры фото- и видеофиксации регистрируют нарушения ПДД и интенсивность движения, но не обеспечивают комплексной картины причин заторов или динамики трафика.

Низкое качество данных усугубляет ситуацию: наблюдаются задержки поступления информации (от часов до суток), пробелы из-за отказов оборудования, перебоев связи или человеческого фактора, дублирование записей при фиксации одного события несколькими источниками (ГИБДД, навигатором, камерой), а также ошибки ввода при ручном заполнении отчетов (опечатки, неверные координаты или даты).

Отсутствие предиктивной аналитики обуславливает реактивный характер управления: службы устраняют последствия, а не предотвращают проблемы. Это связано с дефицитом детализированных исторических баз данных для обучения прогнозных моделей, отсутствием алгоритмов, интегрирующих комплекс факторов (погодные условия, ремонтные работы, массовые мероприятия, сезонность), и неавтоматизированной интеграцией данных из смежных источников (метеослужбы, календари событий). В результате оперативные решения принимаются постфактум: перенастройка светофоров осуществляется после образования заторов, а наряды ДПС выезжают на место аварии, а не патрулируют участки с высоким риском ДТП.

Нестандартизированность методик оценки эффективности затрудняет планирование и распределение ресурсов. Расчет ROI (возврата инвестиций)¹⁶ для инфраструктурных проектов (реконструкция перекрестка, установка «умного» светофора) выполняется по разнородным алгоритмам – например, экономия времени водителей может оцениваться через стоимость часа работы или через снижение выбросов CO₂. Показатели эффективности не унифицированы: один регион ориентируется на снижение числа ДТП, другой – на уменьшение средней задержки на перекрестке, третий – на рост средней скорости потока, что исключает возможность сравнения результатов. Кроме того, отсутствуют эталонные значения (бенчмарки) для оценки успешности мер – например, нет нормативов по сокращению длительности заторов после внедрения ИТС или снижению аварийности при установке камер фиксации.

Следствием указанных проблем выступают: неэффективное распределение бюджетных средств (инвестиции направляются в проекты с недоказанной отдачей), запаздывание оперативных решений (увеличение времени устранения заторов и аварий), снижение доверия граждан к мерам властей (видимая неэффективность внедряемых технологий) и невозможность масштабирования успешных практик из-за отсутствия четких критериев успеха. Решение данных проблем требует создания единой информационной среды со стандартизированными протоколами сбора данных, автоматизированной предиктивной аналитикой и прозрачными метриками оценки эффективности. Это позволит перейти от реактивного управления к упреждающему и оптимизировать использование ресурсов транспортной инфраструктуры.

¹⁵ В России острая нехватка ИТ-безопасников и сетевых инженеров. Компании ищут их и не могут найти // «СNews» («СиНьюс») : [сетевое издание]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-01-23_v_rossii_ostraya_nehvatka (дата обращения: 26.02.2026).

¹⁶ ROI (Return on Investment, «возврат инвестиций») – это финансовый показатель, который измеряет рентабельность или окупаемость вложений в проект, бизнес или конкретное направление деятельности. Он демонстрирует, насколько эффективно использованы инвестированные средства, и позволяет оценить, принесли ли они прибыль или привели к убыткам.

Бюрократические задержки в корректировке решений связаны с многоуровневыми процедурами согласования: изменение режима работы светофора, установка нового знака или временное ограничение движения требуют согласований между ГИБДД, Департаментом транспорта, энергослужбами и т. д. Это замедляет реакцию на динамичные изменения (рост трафика в часы пик, последствия ДТП, погодные аномалии). Слабая обратная связь от участников движения – водителей, пешеходов, перевозчиков – дополнительно снижает адаптивность системы: жалобы и предложения граждан редко структурируются и анализируются в режиме реального времени, а механизмы их учета в управленческих решениях не формализованы.

В итоге ключевые барьеры образуют замкнутый цикл: ведомственная разобщенность препятствует созданию единой информационной среды, дефицит данных и компетенций ограничивает внедрение технологий, высокая стоимость решений сдерживает модернизацию, а сопротивление изменениям на местах консервирует устаревшие практики. Преодоление этих проблем требует не точечных мер, а системной трансформации подходов к управлению транспортной инфраструктурой – с акцентом на интеграцию, прозрачность и упреждающее регулирование.

3 заключение

Для преодоления выявленных проблем в организации дорожного движения необходим комплексный подход: следует наладить межведомственную координацию через единую информационную систему, интегрировать интеллектуальные транспортные системы с функциями мониторинга и предиктивной аналитики, а также обеспечить профессиональную переподготовку специалистов по безопасности дорожного движения. Важно совершенствовать сбор и анализ данных о ДТП и транспортных потоках, внедрять экономически эффективные решения (например, малозатратные инфраструктурные меры)¹⁷ и усиливать киберзащиту критической транспортной инфраструктуры¹⁸. Параллельно требуется развивать государственно-частное партнерство¹⁹ и вовлекать общественные организации в профилактическую работу, сочетая задачи безопасности с общим развитием городской среды. Эти меры соответствуют стратегическим приоритетам, закрепленным в действующей Стратегии повышения безопасности дорожного движения Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

¹⁷ Малозатратные инфраструктурные меры – это недорогие, но действенные решения для повышения безопасности и упорядочения дорожного движения. К ним относятся: нанесение дорожной разметки (в т. ч. шумовых полос), установка дополнительных знаков и светофоров, устройство искусственных неровностей и виброполос для снижения скорости, обустройство и разметка пешеходных переходов (включая приподнятые), монтаж барьерных или тросовых ограждений, организация парковочных мест вне проезжей части, установка освещения на опасных участках (переходы, остановки, круговые перекрестки), применение светоотражающих элементов на изгибах дорог и в зонах примыканий, ограничение левых поворотов на конфликтных участках, а также создание отдельных дорожек для пешеходов и велосипедистов. Такие меры позволяют оперативно снизить аварийность и улучшить пропускную способность без крупных капитальных вложений.

¹⁸ Киберзащита критической транспортной инфраструктуры – это комплекс мер для предотвращения кибератак на информационные системы и сети, обеспечивающие работу транспорта (светофоры, ИТС, бортовые системы, аэропорты, железнодорожные станции и т. п.). Она включает технические средства (шифрование, фаерволы, резервное копирование), организационные меры (обучение персонала, контроль доступа, реагирование на инциденты) и соблюдение законодательства (в т. ч. Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ и требований к использованию отечественных средств защиты (О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736)), чтобы обеспечить бесперебойность перевозок и сохранность данных.

¹⁹ Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) – это форма сотрудничества между государством и частным бизнесом для реализации общественно значимых проектов. В рамках ГЧП государство и частная компания совместно финансируют, проектируют, строят и эксплуатируют объекты инфраструктуры, распределяя риски и выгоды. Цель такого взаимодействия – привлечение частных инвестиций в проекты, которые сложно реализовать только за счет бюджетных средств. В дорожной сфере ГЧП активно применяется в России. Оно используется для строительства, реконструкции и эксплуатации автомобильных дорог, мостов, транспортных развязок и других объектов инфраструктуры. Наиболее распространенной формой ГЧП в этой сфере являются концессионные соглашения, при которых частный инвестор получает право на строительство и эксплуатацию объекта с правом сбора платы за проезд или другие виды доходов. Примеры крупных проектов ГЧП в дорожной сфере России: трасса М-11 «Москва – Санкт-Петербург». Один из крупнейших проектов, реализованных с участием частного капитала. Консорциум ООО «Северо-Западная концессионная компания» (с участием французской «Vinci» и российских компаний) построил и эксплуатирует трассу, собирая плату за проезд. Центральная кольцевая автомобильная дорога (ЦКАД) в Подмосковье. Проект с общим объемом инвестиций около 341 млрд рублей. Обход Тольятти с мостовым переходом через Волгу. Крупный проект в составе международного транспортного маршрута «Европа – Западный Китай». Стоимость – 148 млрд рублей, финансирование частично обеспечено «Банком ДОМ.РФ».

Список источников

1. Шныптев М. М. Стратегическое значение автомобильных дорог для повышения качества жизни населения России // Социальная политика и социальное партнерство. 2023. № 9. С. 572–583. <https://doi.org/10.33920/pol-01-2309-04>
2. Майоров В. И. Реализация национального проекта «Безопасные качественные дороги» и федерального проекта «Безопасность дорожного движения»: достижения, проблемы, перспективы // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 12–15.
3. Верзилин С. В. Основные направления единой государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения на современном этапе // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 2 (45). С. 120–125.
4. Коришунов И. С., Матыков Д. Р., Гасилова О. С., Астафьева О. М. Оценка применения технических средств организации дорожного движения / Научное творчество молодежи – лесному комплексу России : материалы XXI Всероссийской (национальной) научно-технической конференции студентов и аспирантов, г. Екатеринбург, 7–17 апреля 2025 г. Екатеринбург : Уральский государственный лесотехнический университет, 2025. С. 667–671.
5. Шепелев В. Д., Альметова З. В., Михальчук В. В., Слободин И. С. Современные методы организации дорожного движения в городах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13, № 4. С. 186–194. <https://doi.org/10.14529/em190419>
6. Терентьев В. В., Шемякин А. В., Аникин Н. В., Андреев К. П. Совершенствование системы управления дорожным движением в городах / Перспективы развития, инновации и информационные технологии на транспорте : материалы Международной молодежной научно-практической конференции, г. Воронеж, 17–18 октября 2024 г. / отв. ред. Д. А. Жайворонок. Воронеж : Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, 2024. С. 24–28. https://doi.org/10.58168/DPIITT2024_24-28
7. Андронов Р. В., Елькин Б. П. Повышение равномерности нагружения дорожных покрытий для продления их сроков службы // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 2 (79). С. 138–144. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-2-138-144>
8. Крутин Н. В. Обзор современных мировых тенденций развития асфальтобетонов // Дороги России. 2020. № 1 (115). С. 7–13.
9. Лыткин А. А., Долгих Г. В., Пролыгин А. С. Пути увеличения межремонтных сроков службы автомобильных дорог // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. 2022. Т. 21, № 2 (96). С. 290–313. <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2024-21-2-290-313>
10. Морозов Е. В. Методика и алгоритмы формирования телематической автоматизированной системы управления контроля движения транспортных средств // Вестник гражданских инженеров. 2020. № 6 (83). С. 206–213. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-6-206-213>
11. Чебыкин И. А. Автоматизация мониторинга дорожного движения с помощью компьютерного зрения // Мир транспорта. 2020. Т. 18, № 6 (91). С. 74–87. <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2020-18-6-74-87>
12. Хусаинов Р. М., Талипов Н. Г., Катасев А. С., Шалаева Д. В. Интеллектуальная система анализа транспортных потоков в автоматизированных системах управления дорожным движением // Программные продукты и системы. 2024. № 1. С. 69–76. <https://doi.org/10.15827/0236-235X.145.069-076>
13. Варлыгин Л. Д., Эриашвили Н. Д. О совершенствовании деятельности полиции, обеспечивающей безопасность дорожного движения, посредством ведомственного правосотворчества в Российской Федерации // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2017. № 4. С. 14–16.
14. Дингес Э. В. Методы планирования и оценки эффективности мероприятий по повышению безопасности дорожного движения : монография. Москва : Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), 2016. 140 с.
15. Стрижко М. А. Нейросетевое прогнозирование параметров транспортных потоков в интеллектуальных системах светового регулирования // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. 2024. № 2 (24). С. 45–53. <https://doi.org/10.30987/2658-6436-2024-2-45-53>
16. Цзян Ц., Феофилова А. А. Методы краткосрочного прогнозирования транспортных потоков на основе больших данных / Наука и инновации в современном мире : материалы Национальной научно-практической конференции, г. Воронеж, 22 января 2024 г. / отв. ред. В. А. Зеликов. Воронеж : Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, 2024. С. 5–9. https://doi.org/10.58168/SIMW2024_5-9

References

1. Shnyptev M. M. Strategicheskoe znachenie avtomobil'nyh dorog dlya povysheniya kachestva zhizni naseleniya Rossii // Social'naya politika i social'noe partnerstvo. 2023. № 9. <https://doi.org/10.33920/pol-01-2309-04>
2. Majorov V. I. Realizaciya nacional'nogo proekta «Bezopasnye kachestvennyye dorogi» i federal'nogo proekta «Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya»: dostizheniya, problemy, perspektivy // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 1. S. 12–15.
3. Verzil'in S. V. Osnovnye napravleniya edinoj gosudarstvennoj politiki v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya na sovremennoe etape // Region: sistemy, ekonomika, upravlenie. 2019. № 2 (45). S. 120–125.
4. Korshunov I. S., Matykov D. R., Gasilova O. S., Astaf'eva O. M. Ocenka primeneniya tekhnicheskikh sredstv organizacii dorozhnogo dvizheniya / Nauchnoe tvorchestvo molodezhi – lesnomu kompleksu Rossii : materialy XXI Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-tekhneskoj konferencii studentov i aspirantov, g. Ekaterinburg, 7–17 aprelya 2025 g. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj lesotekhnicheskij universitet, 2025. S. 667–671.
5. Shepelev V. D., Al'metova Z. V., Mihal'chuk V. V., Slobodin I. S. Sovremennye metody organizacii dorozhnogo dvizheniya v gorodah // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment. 2019. T. 13, № 4. S. 186–194. <https://doi.org/10.14529/em190419>
6. Terent'ev V. V., Shemyakin A. V., Anikin N. V., Andreev K. P. Sovershenstvovanie sistemy upravleniya dorozhnym dvizheniem v gorodah / Perspektivy razvitiya, innovacii i informacionnye tekhnologii na transporte : materialy Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Voronezh, 17–18 oktyabrya 2024 g. / отв. ред. Д. А. Жайворонок. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj lesotekhnicheskij universitet imeni G. F. Morozova, 2024. S. 24–28. https://doi.org/10.58168/DPIITT2024_24-28

7. Andronov R. V., El'kin B. P. Povyshenie ravnomernosti nagruzheniya dorozhnyh pokrytij dlya prodleniya ih srokov sluzhby // Vestnik grazhdanskih inzhenerov. 2020. № 2 (79). S. 138–144. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-2-138-144>
8. Krupin N. V. Obzor sovremennyh mirovyh tendencij razvitiya asfal'tobetonov // Dorogi Rossii XXI veka. 2020. № 1 (115). S. 7–13.
9. Lytkin A. A., Dolgih G. V., Prolygin A. S. Puti uvelicheniya mezhremontnyh srokov sluzhby avtomobil'nyh dorog // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo avtomobil'no-dorozhnogo universiteta. 2022. T. 21, № 2 (96). S. 290–313. <https://doi.org/10.26518/2071-7296-2024-21-2-290-313>
10. Morozov E. V. Metodika i algoritmy formirovaniya telematicheskoy avtomatizirovannoj sistemy upravleniya kontrolya dvizheniya transportnyh sredstv // Vestnik grazhdanskih inzhenerov. 2020. № 6 (83). S. 206–213. <https://doi.org/10.23968/1999-5571-2020-17-6-206-213>
11. Chebykin I. A. Avtomatizaciya monitoringa dorozhnogo dvizheniya s pomoshch'yu komp'yuternogo zreniya // Mir transporta. 2020. T. 18, № 6 (91). S. 74–87. <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2020-18-6-74-87>
12. Husainov R. M., Talipov N. G., Katasev A. S., Shalaeva D. V. Intellektual'naya sistema analiza transportnyh potokov v avtomatizirovannyh sistemah upravleniya dorozhnym dvizheniem // Programmnye produkty i sistemy. 2024. № 1. S. 69–76. <https://doi.org/10.15827/0236-235X.145.069-076>
13. Varlygin L. D., Eriashvili N. D. O sovershenstvovanii deyatel'nosti policii, obespechivayushchej bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya, posredstvom vedomstvennogo pravotvorchestva v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy administrativnogo prava i processa. 2017. № 4. S. 14–16.
14. Dinges E. V. Metody planirovaniya i ocenki effektivnosti meropriyatij po povysheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya : monografiya. Moskva : MADI, 2016. 140 s.
15. Strizhko M. A. Nejrosetevoe prognozirovanie parametrov transportnyh potokov v intellektual'nyh sistemah svetofornogo regulirovaniya // Avtomatizaciya i modelirovanie v proektirovanii i upravlenii. 2024. № 2. S. 45–53. <https://doi.org/10.30987/2658-6436-2024-2-45-53>
16. Czryan C., Feofilova A. A. Metody kratkosrochnogo prognozirovaniya transportnyh potokov na osnove bol'shih dannyh / Nauka i innovacii v sovremennom mire : materialy Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Voronezh, 22 yanvarya 2024 g. / otv. red. V. A. Zelikov. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj lesotekhnicheskij universitet imeni G. F. Morozova, 2024. S. 5–9. https://doi.org/10.58168/SIMW2024_5-9

Научная статья
УДК 342.9

Интеллектуальная собственность как объект административно-правовой охраны

Николай Андреевич Кулаков, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
2-kvadrat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8118-3667>

Аннотация:

Введение. В статье дается характеристика интеллектуальной собственности с точки зрения ее административно-правовой охраны. Отталкиваясь от уникального сочетания особых свойств интеллектуальной собственности, отличающих ее от объектов вещных прав (в т. ч. «классического» права собственности), автор обосновывает особое социальное значение интеллектуальной собственности и раскрывает ее двойственную природу, предполагающую сочетание в каждом охраняемом результате интеллектуальной деятельности широкого спектра как частных, так и публичных интересов. Цель настоящей статьи – дать характеристику и выявить особенности интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны, классифицировать интеллектуальную собственность с точки зрения административно-правовой охраны.

Методы. В работе использовались общие методы познания: диалектический метод, анализ, синтез, обобщение. Кроме того, автором применялись метод классификации; сравнительно-правовой метод; формально-юридический метод.

Результаты. Аргументировано, что как объект административно-правовой охраны интеллектуальная собственность характеризуется уникальными свойствами, позволяющими определить ее в качестве самостоятельной многофункциональной политической, экономической и социально-культурной ценности, охрана которой неразрывно связана с обеспечением широкого спектра публичных интересов. Интеллектуальная собственность классифицирована по критерию участия государства в признании интеллектуальной собственности; по критерию применимости мер административной ответственности; по объему таможенно-правовой охраны; с точки зрения статуса носителя исключительного права. Установлено, что в настоящее время акцент применения административно-правовых средств охраны смещен в сторону исключительного права как основного с экономической точки зрения. Тем не менее нарушение личных неимущественных и так называемых «иных» интеллектуальных прав наносит не меньший вред публичным интересам, негативно сказываясь на творческой инициативе, активности работников интеллектуального труда и, в конечном счете, на социально-экономическом развитии государства и общества.

Ключевые слова:

интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, административно-правовая охрана, регистрация, административная ответственность, публичный интерес

Для цитирования:

Кулаков Н. А. Интеллектуальная собственность как объект административно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 47–56.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026;
одобрена после рецензирования 06.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Intellectual property as an object of administrative and legal protection

Nikolay A. Kulakov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
2-kvadrat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8118-3667>

© Кулаков Н. А., 2026

Abstract:

Introduction. This article examines intellectual property from the perspective of its administrative and legal protection. Drawing on the unique combination of characteristics that distinguish intellectual property from objects of property rights (including 'classical' property rights), the article substantiates the special social significance of intellectual property and reveals its dual nature, which implies a combination of both private and public interests in every protected result of intellectual activity. The aim of the article is to describe and identify the characteristics of intellectual property as an object of administrative and legal protection, and to classify intellectual property from the perspective of administrative and legal protection.

Methodology. The methodological basis of the study was formed by a combination of general scientific and specialised methods of scientific inquiry. The dialectical method played a fundamental role, enabling the examination of traffic management as a dynamic system in development, the identification of internal contradictions in interdepartmental interaction, and the tracing of cause-and-effect relationships between management decisions and their consequences. To collect and initially process the information, methods to analyse and synthesise the regulatory framework and scientific literature on the subject, as well as a method to describe existing practices regarding the distribution of powers were applied. The logic of the conclusions was based on induction (moving from an analysis of the specific situation in Irkutsk to the identification of general systemic issues) and deduction (moving from the general provisions of the Road Safety Strategy to the formulation of specific principles for its implementation). The final stage involved a synthesis process, which enabled the formulation of comprehensive proposals for improving the management system.

Results. The author argues that, as an object of administrative and legal protection, intellectual property is characterised by unique properties that enable it to be defined as an independent, multifunctional political, economic and socio-cultural asset, the protection of which is inextricably linked to the safeguarding of a wide range of public interests. Intellectual property is classified according to the criterion of state involvement in the recognition of intellectual property; according to the criterion of the applicability of administrative liability measures; according to the scope of customs and legal protection; and from the perspective of the status of the holder of the exclusive right. It has been established that, at present, the focus of administrative and legal protection measures has shifted towards exclusive rights as the primary form of protection from an economic perspective. Nevertheless, infringements of intellectual property rights of a socio-cultural nature cause no less harm to the public interest, having a negative impact on creative initiative and the productivity of intellectual workers.

Keywords:

intellectual property, intellectual property rights, administrative and legal protection, registration, administrative liability, public interest

For citation:

Kulakov N. A. Intellectual property as an object of administrative and legal protection // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 47–56.

The article was submitted January 23, 2026;
approved after reviewing March 6, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

В эпоху завершения четвертой научно-технической революции, кратного ускорения процесса создания и распространения качественно новых технологий суверенным может быть только государство с инновационно-ориентированным типом социально-экономического развития. Инновации представляют собой внедренную в социальную жизнь интеллектуальную собственность, следовательно, неотъемлемым условием инновационного развития государства и общества выступает эффективная правовая охрана интеллектуальной собственности. Не случайно «совершенствование правовых и административных механизмов защиты интеллектуальной собственности и прав российских правообладателей на объекты промышленной собственности»¹, «правовая защита разработчиков, предпринимателей и инвесторов»² определены в качестве приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации.

Вместе с тем на теоретическом уровне не выработан концептуальный подход к административно-правовой охране интеллектуальной собственности, не определены ее цели, принципы, формы и средства реализации и т. д. В результате действующий комплекс закрепленных в документах стратегического планирования целей и задач социально-экономического развития лишь поверхностно затрагивает интеллектуальную собственность как объект государственного управления и практически полностью игнорирует проблемы ее охраны. Указанные обстоятельства свидетельствуют об актуальности научного осмысления интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны.

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2017. № 20. Ст. 2902.

² Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») : распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

Методы

В работе использовались общие методы познания – диалектический метод, анализ, синтез, обобщение.

Кроме того, автором применялись:

- метод классификации интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны;
- сравнительно-правовой метод при рассмотрении подходов к систематизации законодательства об интеллектуальной собственности;
- формально-юридический метод при исследовании текстов правовых актов, регулирующих правовую охрану интеллектуальной собственности.

Результаты и обсуждение

Ключевыми особенностями интеллектуальной собственности как объекта правовой охраны является ее нематериальный характер, неисчерпаемость, способность к самовоспроизводству, возможность многократного использования и копирования; высокая скорость распространения и одновременная доступность для широкого круга лиц, принципиально усложняющие профилактику, выявление и пресечение неправомерного использования интеллектуальной собственности. Уникальное сочетание перечисленных свойств отличают интеллектуальную собственность от объектов вещных прав (в т. ч. «классического» права собственности) и предопределяют ее особое социальное назначение. В отличие от материальных объектов результаты интеллектуальной деятельности в большинстве случаев не утрачивают своих свойств, не «изнашиваются» и не теряют своей ценности (а во многих случаях становятся с течением времени только дороже).

Каждый результат интеллектуальной деятельности, по крайней мере потенциально, всегда имеет значение для общества. А. М. Орехов пишет: «Следует помнить, что все знание (в том числе и только что выработанное) изначально имеет общественный характер, – поскольку генератор нового знания всегда опирается на знание, до того выработанное иными субъектами, – а, следовательно, он должен так или иначе проявлять свое отношение к творцам предыдущего знания, – даже не выходя за пределы собственного индивидуального мышления»³. Соглашаясь с приведенным тезисом, приходим к выводу, что творческая деятельность и создание интеллектуальной собственности – это насколько индивидуальный, настолько и общественный процесс. Интеллектуальная собственность выступает основой для получения новых результатов интеллектуальной деятельности, ее создание представляет собой одну из целевых установок научно-исследовательской деятельности, образовательного процесса, культурного просвещения и, следовательно, научно-технологического прогресса и инновационного развития.

Для формирования полного представления об интеллектуальной собственности как объекте административно-правовой охраны нужно оттолкнуться от двойственности природы заключенных в ней благ: любой охраноспособный с юридической точки зрения результат интеллектуальной деятельности всегда представляет собой объект как частных интересов авторов, организаторов (продюсеров), инвесторов и т. д., так и публичных интересов государства и общества. Мы полностью согласны с И. А. Блинецом, который в рамках теоретико-правового исследования интеллектуальной собственности доказывал, что «природа права интеллектуальной собственности <...> находится в тесной связи с конституционным правом граждан на доступ к культурным ценностям, на пользование достижениями культуры, науки и техники. <...> Задачей права интеллектуальной собственности является только разумное (с точки зрения общества в целом) обеспечение интересов создателей интеллектуальных ценностей и лиц, предоставивших средства для их создания»⁴. Ученый приходит к выводу, согласно которому «гражданско-правовые механизмы <...> в отрыве от норм других отраслей не способны обеспечить надежную правовую основу для решения многообразных проблем, <...> связанных с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности»⁵.

Полагаем, что гражданско-правовой тип правового регулирования, в котором преобладают диспозитивные (дозволительные) способы регулирования, не способен в достаточной

³ Орехов А. М. Интеллектуальная собственность (опыт социально-философского исследования) : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Москва, 2009. С. 16.

⁴ Блинец И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2003. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

степени обеспечить эффективную охрану интеллектуальной собственности. Кодификация норм об охране интеллектуальной собственности в рамках четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации⁶ (далее – ГК РФ) не должна вводить в заблуждение относительно природы интеллектуальной собственности как объекта правовой охраны и вовсе не означает, что право интеллектуальной собственности в России – это подотрасль гражданского права. Не случайно Конституция Российской Федерации относит интеллектуальную собственность к исключительному ведению Российской Федерации в качестве обособленной области правового регулирования, т. к. эта область обладает комплексным характером и включает в себя совокупность норм административного, гражданского и трудового права⁷.

Следует отметить, что кодификация норм об охране интеллектуальной собственности в рамках гражданского законодательства вызвала немало споров и придала новый импульс многочисленным дискуссиям об отраслевой принадлежности института интеллектуальной собственности. Более того, отдельные авторы небезосновательно критикуют не только сам факт кодификации норм об интеллектуальной собственности в части четвертой ГК РФ, но и качество получившегося в итоге нормативного правового акта [1–3].

Российская Федерация, кодифицировав правовые нормы об охране интеллектуальной собственности в рамках гражданского законодательства, – пошла по нестандартному для мировой практики пути. Так же, как и ранее в России, большинство стран придерживаются подхода, при котором законодательство в области охраны интеллектуальной собственности представляет собой систему самостоятельных законодательных актов. Кроме того, в мировой юридической практике есть примеры принятия кодексов об интеллектуальной собственности (Франция⁸, Шри-Ланка [4]). Для стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) также разработан модельный кодекс интеллектуальной собственности, включающий нормы различных отраслей права⁹. При этом в странах СНГ примеров полной кодификации норм об интеллектуальной собственности в рамках исключительно гражданского законодательства (как в Российской Федерации) нет – соответствующая кодификация осуществлена на многоуровневой основе с кодификацией части норм в рамках гражданских кодексов и сохранением специальных законов в области интеллектуальной собственности.

Вместе с тем противопоставление административно-правовой и гражданско-правовой охраны интеллектуальной собственности – путь тупиковый, не позволяющий разглядеть межотраслевую диалектику правовой охраны интеллектуальной собственности с общесистемного уровня права и с точки зрения единого предмета правового регулирования [5, с. 45]. В своей практической реализации административно-правовая охрана дополняет гражданско-правовую, обеспечивая регистрацию, государственный контроль и надзор, реализуя меры административной ответственности, когда частноправовые средства недостаточно эффективны для защиты частных интересов правообладателей.

Полагаем, что резервы для повышения эффективности правовой охраны интеллектуальной собственности в целом необходимо искать не в плоскости противопоставления административно-правовых и гражданско-правовых средств, а в контексте их взаимодействия, гармонизации и взаимного дополнения. В конечном счете административно-правовая охрана интеллектуальной собственности наряду с гражданско-правовой и уголовно-правовой охраной – это инструменты публичного управления (в широком понимании данной категории), которые могут применяться публичной властью в тех или иных пропорциях с учетом целей национального и социально-экономического развития, стоящих перед государством.

Недостаточное развитие административно-правовых средств охраны интеллектуальной собственности и их низкая эффективность по сравнению с более высоким уровнем развитости частноправовых средств такой охраны предопределяет уязвимость публичных интересов общества и государства в соотношении с частными интересами. О важности развития административно-правовых подходов к охране интеллектуальной собственности в научной литературе

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

⁷ Орехов А. М. Указ. соч. С. 38.

⁸ Кодекс интеллектуальной собственности Франции // Legifrance : [website]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006069414&dateTexte=20131014> (дата обращения: 12.01.2026).

⁹ О модельном Кодексе интеллектуальной собственности для государств – участников СНГ : постановление межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 34-6 от 7 апреля 2010 г.) // СоюзПравоИнформ : [сайт]. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=31431&ysclid=mgrur04ku110933895 (дата обращения: 12.01.2026).

писали неоднократно [6–9]. К отличительным признакам административно-правовой защиты интеллектуальной собственности в научной литературе относят направленность на защиту публичных интересов (в отличие от гражданско-правовых методов), более широкий спектр действия (в сравнении с уголовно-правовыми методами), свойство способствовать эффективно-му применению других методов правовой защиты¹⁰. Мы согласны с тем, что в основе генезиса административного права как отрасли российского права лежит общественное осознание публичных интересов, интересов государства и общества [10, с. 70].

На основе норм административного и административно-процессуального права реализуются такие первостепенные средства правовой охраны интеллектуальной собственности, как:

- меры профилактического, научно-исследовательского, информационно-аналитического, организационного и иного характера, направленные на повышение уровня правосознания и преодоление правового нигилизма в отношении охраны интеллектуальной собственности;

- государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности как условие признания исключительных прав на такие результаты (и юридических действий по переходу исключительных прав от одних субъектов к другим);

- государственный контроль за соблюдением законодательства об интеллектуальных правах (при перемещении товаров, содержащих интеллектуальную собственность, через государственную границу Российской Федерации; в части соблюдения прав Российской Федерации как публично-правового образования на интеллектуальную собственность, созданную за счет бюджетных средств; в области соблюдения законодательства об авторских и смежных правах, законодательства о защите конкуренции);

- государственная аккредитация некоммерческих организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами;

- обжалование (как в административном, так и в судебном порядке, в т. ч. в Суде по интеллектуальным правам) действий и решений органов государственной власти, связанных с признанием интеллектуальной собственности и предоставлением ей правовой охраны (например: специальная административная жалоба на предоставление правовой охраны отдельным результатам интеллектуальной деятельности, именуемая в п. 2 ст. 1248 ГК РФ как «защита интеллектуальных прав в административном порядке»¹¹; обжалование действий таможенных органов, принимающих меры по защите интеллектуальной собственности и др.);

- административная и дисциплинарно-служебная ответственность за неправомерное использование интеллектуальной собственности;

- лицензионно-разрешительная деятельность органов публичной власти, с которой закон связывает передачу права использования результатов интеллектуальной деятельности лицам, изначально не обладающим интеллектуальными правами на такие результаты.

Характеристика интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны будет неполной без применения метода классификации. Первый критерий, на основании которого можно классифицировать все охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, это участие государства в признании исключительного права. В числе предусмотренных в ст. 1225 ГК РФ результатов интеллектуальной деятельности с точки зрения предложенного критерия можно выделить:

- Результаты интеллектуальной деятельности, для возникновения исключительного права на которые государственная регистрация не требуется. Исключительное право на объекты такого рода возникает по факту их создания (объекты авторских и смежных прав, в т. ч. произведения науки, литературы, искусства, исполнения, программы для ЭВМ, базы данных и др.; топологии интегральных микросхем; секрет производства, иначе именуемый ноу-хау).

- Результаты интеллектуальной деятельности, исключительное право на которые признается только после их государственной регистрации (объекты патентного права – изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения).

Таким же образом можно классифицировать приравненные к результатам интеллектуальной деятельности средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. К числу средств индивидуализации, исключительное право на которые признается после их государственной регистрации, относятся фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), географическое указание и наименование места происхождения товара. Единственным приравненным к результатам интеллектуальной деятельности средством индивидуализации, возникновение исключительного права на которое не связано с его государственной регистрацией, является коммерческое обозначение, призванное индивидуализировать

¹⁰ Агамагомедова С. А. Административно-правовой механизм защиты прав интеллектуальной собственности таможенными органами в условиях Евразийского экономического союза : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 4.

¹¹ СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

предприятие. Исключительное право на коммерческое обозначение возникает в силу его использования и известности на определенной территории.

Все результаты интеллектуальной деятельности можно также классифицировать на охраняемые законодательством об административных правонарушениях и те, которым аналогичная правовая охрана не предоставлена. Действующее законодательство об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за незаконное использование и нарушение интеллектуальных прав в отношении лишь нескольких результатов интеллектуальной деятельности. Речь идет об объектах авторских и смежных прав, патентных прав (ст. 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹² (далее – КоАП РФ)), а также товарных знаках (знаках обслуживания) и наименованиях места происхождения товаров (ст. 14.10 КоАП РФ). Иные результаты интеллектуальной деятельности действующим законодательством об административных правонарушениях не охраняются.

Важной характеристикой интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны выступают трансграничные аспекты и особенности использования результатов интеллектуальной деятельности. Как отмечается в научной литературе, такая особенность интеллектуальных прав, как территориальный характер их охраны, позволяет сделать вывод, что выстроить эффективную систему охраны данных объектов можно только с учетом транснационального фактора [11, с. 3].

Законодательство как на наднациональном, так и на национальном уровне предусматривает ряд мер административно-правового характера, направленных на охрану интеллектуальной собственности. В частности, предусматривается такая мера административного предупреждения, как приостановление выпуска товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, в случае обнаружения сотрудниками таможенных органов признаков нарушения интеллектуальных прав (ст. 124 Таможенного кодекса Евразийского союза¹³). Данная мера применяется в рамках таможенного контроля в отношении товаров, включенных по заявлению правообладателя в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности Федеральной таможенной службы России (далее – ТРОИС ФТС России) либо в Единый таможенный реестр стран-участниц Евразийского таможенного союза (далее – ТРОИС ЕАЭС).

В данном контексте интеллектуальную собственность можно классифицировать на объекты, подлежащие таможенно-правовой защите в полном объеме, которые могут быть включены в ТРОИС ЕАЭС (объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров), и объекты, которым таможенно-правовая охрана предоставляется в усеченном объеме в силу отсутствия правовых оснований их включения в ТРОИС ЕАЭС (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем).

С точки зрения статуса носителя исключительного права всю интеллектуальную собственность можно разделить на три категории:

- принадлежащую частным субъектам (физическим или юридическим лицам);
- принадлежащую публично-правовым образованиям (Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципалитетам);
- перешедшую в общественное достояние.

Объем административно-правовой охраны для каждой из перечисленных категорий различен. Наибольшее внимание со стороны государства уделяется второй категории – результатам интеллектуальной деятельности, исключительное право на которые принадлежит публично-правовым образованиям, которые выступают в роли заказчиков в целях удовлетворения публично-правовых нужд, направляют бюджетные средства в т. ч. на разработку необходимых интеллектуальных продуктов. Результаты интеллектуальной деятельности, полученные за счет ассигнований бюджетов того или иного уровня, признаются служебными (ст. 1295 ГК РФ – служебные произведения, ст. 1370 ГК РФ – служебные изобретения¹⁴ и т. д.), а исключительное право на них принадлежит заказчику, т. е. публично-правовому образованию.

По данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности (далее также – Роспатент), в рамках контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования интеллектуальной

¹² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) (ред. от 29.05.2019) // Евразийский экономический союз: [официальный сайт]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/2895/> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁴ СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

собственности, созданной за счет федеральных бюджетных средств¹⁵, регулярно выявлялись нарушения при оформлении исключительных прав Российской Федерации¹⁶. Распространены случаи, когда исключительные права Российской Федерации не оформлялись должным образом либо не оформлялись вообще. Нередко полученные за счет государственного финансирования результаты интеллектуальной деятельности умышленно скрывались как самими заказчиками, так и исполнителями, а исключительные права на них незаконно закреплялись за частными собственниками. Таким образом, служебные результаты интеллектуальной собственности, созданные за счет бюджетных средств и исключительное право на которые должно в силу закона признаваться за публично-правовыми образованиями, образуют особый объект административно-правовой охраны.

Характеризуя интеллектуальную собственность в качестве объекта административно-правовой охраны, нельзя обойти стороной соотношение таких категорий, как «интеллектуальные права» и «интеллектуальная собственность». Из совокупного толкования ст. 1225 и 1226 ГК РФ следует, что результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации обобщенно именуется законодателем интеллектуальной собственностью и на них признаются интеллектуальные права. Согласно ст. 1226 ГК РФ, на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают *исключительное право*, являющееся имущественным, а в случаях, предусмотренных законодательством, также *личные неимущественные права* и *иные права* (право следования, право доступа, право на вознаграждение за служебное произведение и мн. др.).

Исключительное право возникает на соответствующий установленным критериям охраноспособности результат интеллектуальной деятельности и с содержательной точки зрения представляет собой право использования такого результата любыми способами, не запрещенными законом. С экономической точки зрения это основное интеллектуальное право, позволяющее извлекать выгоду из интеллектуальной собственности, запрещать или разрешать использование результатов интеллектуальной деятельности другими лицам.

Однако на результаты интеллектуальной деятельности в предусмотренных гражданским законодательством случаях возникают личные неимущественные права, а также так называемые *иные права*. Рассуждая о правовой природе интеллектуальных прав, В.А. Зимин установил, что грань между личными неимущественными и так называемыми «иными» правами не всегда очевидна и отнесение того или иного интеллектуального права к конкретной категории зачастую вызывает споры¹⁷ [12; 13]. В свою очередь, Д. Ш. Серебрякова, исследуя имущественную составляющую интеллектуальных прав, наряду с имущественными и личными неимущественными интеллектуальными правами, выделяет также категорию интеллектуальных прав со смешанной правовой природой (то есть сочетающих в себе признаки как имущественных, так и неимущественных прав) [14]. На разнородный характер «иных» интеллектуальных прав указывают и другие авторы [15]. Полагаем, что термин смешанные права наиболее точно описывает правовую природу интеллектуальных прав, поименованных в части четвертой ГК РФ, как «иные» интеллектуальные права.

Рассматривая личные неимущественные, а также иные интеллектуальные права в качестве объекта административно-правовой охраны нельзя не отметить, что применяемые на сегодняшний день административно-правовые средства в большей степени ориентированы на охрану исключительного права. Например, в соответствии с частью первой ст. 7.12 КоАП РФ помимо исключительных прав охраняются также «иные авторские и смежные права»¹⁸. Однако формулировка «иные авторские и смежные права», используемая законодателем в контексте рассматриваемой правовой нормы, оставляет открытым вопрос, в какой степени законодательство об административных правонарушениях охраняет личные неимущественные авторские

¹⁵ Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственного контроля (надзора) в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроля (надзора) в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций-исполнителей государственных контрактов, предусматривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ : приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 30 апреля 2025 г. № 43 (зарег. в Минюсте России 23.09.2025, № 83628) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202509230020> (дата обращения: 13.03.2026). Утратил силу.

¹⁶ Годовые отчеты Роспатента за 2017–2021 гг. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) : [официальный сайт]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 12.01.2026).

¹⁷ Зимин В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 14.

¹⁸ СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

и смежные права. Как отмечено выше, все интеллектуальные права с точки зрения гражданского законодательства дифференцируются на исключительное право, личные неимущественные права и иные права. При этом все эти группы прав объединяются термином авторские права (ст. 1255 ГК РФ¹⁹).

Безусловно, личные неимущественные либо иные авторские и смежные права должны подлежать административно-правовой охране в не меньшей степени, чем ключевое с экономической точки зрения исключительное право. Данный тезис в полной мере справедлив не только по отношению к интеллектуальным правам на объекты авторских и смежных прав, но и к правам на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем. От состояния защищенности личных неимущественных прав, а также иных интеллектуальных прав зависят репутация субъектов интеллектуально-творческой деятельности, спрос на их талант, навыки и умения. Личные неимущественные права, а также иные интеллектуальные права призваны обеспечить свободу творчества автора, его самовыражение, предоставить ему систему дополнительных стимулов для продолжения такой деятельности.

Необходимо также отметить, что правовая охрана личных неимущественных прав, а также иных интеллектуальных прав нередко осложняется противоречиями, возникающими между носителями таких прав и правообладателями (в распространенных случаях, когда исключительное право не принадлежит автору в силу закона или договора) либо между частными интересами участников гражданско-правовой сделки и публичными интересами общества и государства. В этих случаях частноправовые средства правовой охраны малоэффективны и возникает потребность в применении мер публично-правовых, в частности, административно-правовых средств.

В качестве примера противоречий, возникающих между носителями личных неимущественных, а также иных интеллектуальных прав, и лицами, которым принадлежит исключительное право, можно смоделировать ситуацию, когда работодатель нарушает *право автора на вознаграждение за служебное произведение* (с точки зрения системы авторских прав – «иное право»). Право на вознаграждение за служебное произведение является важным фактором стимулирования творческой активности работников, создает стимул прикладывать больший объем творческих усилий к выполнению трудовых обязанностей. «Уязвимость» права на вознаграждение и его нарушения со стороны работодателей негативно сказываются на инновационной политике государства. При этом очевидно, что работник в рамках трудовых (служебных) правоотношений во многом зависит от работодателя. Отмеченный фактор снижает потенциал гражданско-правовых средств защиты права на вознаграждение за создание служебного произведения, повышая при этом значимость административно-правовой охраны (в частности, таких средств охраны, как государственный контроль и административная ответственность).

Другой яркий пример противоречий между частными интересами участников гражданско-правовой сделки и публичными интересами общества и государства лежит в плоскости плагиата при подготовке научно-исследовательских работ различного уровня. Прежде всего речь идет о научно-квалификационных исследованиях (диссертациях на соискание ученой степени, выпускных квалификационных работах и др.). Термин «плагиат» как раз и означает объявление автором результата интеллектуальной деятельности лица, которое таковым в действительности не является и творческого вклада в создание интеллектуальной собственности не вносило. В соответствии с п. 1 ст. 1265 ГК РФ отказ от права авторства ничтожен²⁰. Следовательно, и сделка о передаче автором научно-квалификационной работы заказчику с гражданско-правовой точки зрения ничтожна, а присвоение авторства является гражданско-правовым деликтом. Однако противодействие такого рода деликтам не может быть эффективным за счет применения гражданско-правовых средств защиты, т. к. такие средства предполагают инициативу потерпевшей стороны. В таких условиях противодействие плагиату в научно-квалификационных работах может быть действенным лишь при помощи административно-правовых средств.

Итак, интеллектуальные права с точки зрения их административно-правовой охраны включают в себя не только имущественное исключительное право, но и личные неимущественные, а также иные права, возникающие на отдельные результаты интеллектуальной деятельности. В рамках административно-правовой охраны интеллектуальной собственности с точки зрения удовлетворения публичных интересов внимание государства должно быть сосредоточено на охране неимущественных интеллектуальных прав, а также прав, относящихся к категории «иные интеллектуальные права» в неменьшей степени, чем на охране исключительного

¹⁹ СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

²⁰ СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

(имущественного) права. Неэффективная правовая охрана личных неимущественных прав, а равно иных интеллектуальных прав снижает (а в отдельных случаях полностью убивает) творческую инициативу и активность основного субъекта творческой деятельности – самого автора (соавторов).

При этом между интересами лица, которое приобретает исключительное право на тот или иной результат интеллектуальной деятельности в силу закона либо договора, и интересами непосредственных создателей таких результатов возникают противоречия. Поэтому, с нашей точки зрения, важно не только обеспечить достаточный объем административно-правовой охраны всем видам интеллектуальных прав, но и разграничить охрану отдельных видов интеллектуальных прав с точки зрения набора применяемых административно-правовых средств.

3 заключение

Интеллектуальная собственность характеризуется двойственностью природы заключенных в ней благ: любой охраноспособный с юридической точки зрения результат интеллектуальной деятельности всегда представляет собой объект как частных интересов авторов, организаторов (продюсеров), инвесторов и т. д., так и публичных интересов государства и общества. Как объект административно-правовой охраны интеллектуальная собственность характеризуется уникальными свойствами, позволяющими определить ее в качестве самостоятельной многофункциональной политической, экономической и социально-культурной ценности, охрана которой неразрывно связана с обеспечением широкого спектра публичных интересов. Взгляд на интеллектуальную собственность с такого ракурса позволяет говорить об административно-правовой охране интеллектуальной собственности как о категории более широкой, чем административно-правовая охрана только интеллектуальных прав отдельно взятых субъектов.

Характеристика интеллектуальной собственности как объекта административно-правовой охраны позволила распределить все объекты интеллектуальных прав по следующим классификационным группам:

- по критерию участия государства в признании интеллектуальной собственности: объекты, правовая охрана которых осуществляется после признания государством и последующей регистрации, и объекты, охраняемые по факту их создания;

- по критерию применимости мер административной ответственности: объекты, неправомерное использование которых образует состав административного правонарушения, и объекты, за неправомерное использование которых административная ответственность не предусмотрена;

- по объему таможенно-правовой охраны: объекты, охраняемые в полном объеме (объекты авторского права и смежных прав, товарные знаки, знаки обслуживания и наименования мест происхождения товаров), и объекты, которым таможенно-правовая охрана предоставляется в усеченном объеме (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем);

- с точки зрения статуса носителя исключительного права: объекты, права на которые принадлежат частным субъектам; объекты, принадлежащие публично-правовым образованиям (Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципалитетам); объекты, перешедшие в общественное достояние.

Важной характеристикой интеллектуальной собственности выступает особый комплекс возникающих на неё интеллектуальных прав имущественного (исключительное право), личного неимущественного (право авторства, право автора на имя и др.) и смешанного (так называемые «иные» интеллектуальные права) характера. В настоящее время акцент административно-правовой охраны интеллектуальной собственности смещен в сторону исключительного права, как основного с экономической точки зрения. Тем не менее, нарушение личных неимущественных и «иных» интеллектуальных прав наносит не меньший вред публичным интересам, негативно сказываясь на творческой инициативе, активности субъектов интеллектуального труда и, в конечном счете, социально-экономическом развитии государства и общества.

Список источников

1. Еременко В. И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. 2014. № 2. С. 37–48.
2. Лушикова М. В. Интеллектуальные права работников: проблемы и решения // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9 (58). С. 124–129. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2015.58.9.124-129>
3. Мещеряков В. А. Развитие российского патентного законодательства на современном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 4 (127). С. 29–36.

4. Правовые системы Азии / Артемов В. Ю., Бевеликова Н. М., Газизова Р. Г., Крысенкова Н. Б. [и др.] ; отв. ред. В. И. Лафитский // Сравнительное правоведение: национальные правовые системы : монография. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2013. Т. 3. 704 с.
5. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 34–45.
6. Минбалева А. В. Система государственного управления в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 3. С. 112–115. <https://doi.org/10.14529/law160319>
7. Лопатин В. Н. Проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности в информационном обществе // Право и кибербезопасность. 2013. № 2. С. 44–50.
8. Яковлев А. Н. Особенности государственного управления в России в сфере интеллектуальной собственности / Наука. Общество. Человек : сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, г. Смоленск, 15 мая 2019 г. Смоленск : Международный научно-информационный центр «Наукосфера», 2019. С. 60–66.
9. Корчагин А. Д. Проблемы государственного управления интеллектуальной собственностью в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность : Актуальные проблемы теории и практики : [сборник научных трудов] / под ред. В. Н. Лопатина. Москва : Юрайт, 2008. Т. 1. С. 51–60.
10. Емельянов А. С. Публичный интерес и генезис административного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 48–76. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.48.76>
11. Агамагомедова С. А. Правовые основы трансграничной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами // Таможенное дело. 2013. № 4. С. 2–6.
12. Зимин В. А. Система интеллектуальных прав: постановка проблемы // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 4. С. 34–43.
13. Зимин В. А. Объекты интеллектуальных прав и их классификация // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 7. С. 12–22.
14. Серебрякова Д. Ш. Имущественная составляющая интеллектуальных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 33–40.
15. Каравай Т. В. Понятие и правовая природа интеллектуальных прав // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 1 (42). С. 175–182.

References

1. Eremenko V. I. Nekotorye problemy kodifikatsii zakonodatel'stva ob intellektual'noj sobstvennosti // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2014. № 2. S. 37–48.
2. Lushnikova M. V. Intellektual'nye prava rabotnikov: problemy i resheniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 9 (58). S. 124–129. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2015.58.9.124-129>
3. Meshcheryakov V. A. Razvitiye rossijskogo patentnogo zakonodatel'stva na sovremennom etape // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federatsii. 2012. № 4 (127). S. 29–36.
4. Pravovye sistemy Azii / Artemov V. Yu., Bevelikova N. M., Gazizova R. G., Krysenkova N. B. [i dr.] ; otv. red. V. I. Lafitskij // Sravnitel'noye pravovedeniye: natsional'nye pravovye sistemy : monografiya. Moskva : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, 2013. T. 3. 704 s.
5. Sorokin V. D. Pravovoe regulirovaniye: predmet, metod, process // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedeniye. 2000. № 4 (231). S. 34–45.
6. Minbaleev A. V. Sistema gosudarstvennogo upravleniya v sfere intellektual'noj sobstvennosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2016. T. 16. № 3. S. 112–115. <https://doi.org/10.14529/law160319>
7. Lopatin V. N. Problemy pravovogo regulirovaniya intellektual'noj sobstvennosti v informatsionnom obshchestve // Pravo i kiberbezopasnost'. 2013. № 2. S. 44–50.
8. Yakovlev A. N. Osobennosti gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v sfere intellektual'noj sobstvennosti / Nauka. Obshchestvo. Chelovek : sbornik nauchnykh trudov po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Smolensk, 15 maya 2019 g. Smolensk : Mezhdunarodnyy nauchno-informatsionnyy centr «Naukosfera», 2019. S. 60–66.
9. Korchagin A. D. Problemy gosudarstvennogo upravleniya intellektual'noj sobstvennost'yu v Rossijskoj Federatsii // Intellektual'naya sobstvennost' : Aktual'nye problemy teorii i praktiki : [sbornik nauchnykh trudov] / pod red. V. N. Lopatina. Moskva : Yurajt, 2008. T. 1. S. 51–60.
10. Emel'yanov A. S. Publichnyj interes i genezis administrativnogo prava // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. № 5. S. 48–76. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.48.76>
11. Agamagomedova S. A. Pravovye osnovy transgranichnoj zashchity prav na ob'ekty intellektual'noj sobstvennosti tamozhennymi organami // Tamozhennoye delo. 2013. № 4. S. 2–6.
12. Zimin V. A. Sistema intellektual'nykh prav: postanovka problemy // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2014. № 4. S. 34–43.
13. Zimin V. A. Ob'ekty intellektual'nykh prav i ih klassifikatsiya // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2014. № 7. S. 12–22.
14. Serebryakova D. Sh. Imushchestvennaya sostavlyayushchaya intellektual'nykh prav // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2017. № 4. S. 33–40.
15. Karavaj T. V. Ponyatie i pravovaya priroda intellektual'nykh prav // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 1 (42). S. 175–182.

Научная статья
УДК 342.9

Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе

Максим Геннадьевич Терехов

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва (121069, ул. Поварская, д. 25, стр. 1), Российская Федерация
Maxxx47@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2497-6329>

Аннотация:

Введение. В статье рассматривается опыт зарубежных юрисдикций в сфере применения цифровых доказательств в административном процессе. Анализируются правовые основы, практические аспекты и вызовы, связанные с использованием цифровых данных в качестве доказательств при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения достоверности, целостности и допустимости цифровых доказательств, а также способам обеспечения справедливого и эффективного административного процесса как в национальной, так и в зарубежных юрисдикциях.

Методология. Сбор, обобщение, систематизация, сравнительный анализ теоретического материала и нормативных правовых актов, опрос и описание его результатов позволило всесторонне подойти к научному исследованию и достижению поставленной цели.

По результатам исследования сформулирован промежуточный вывод о том, что цифровые данные, применяемые в качестве нового вида доказательств, являются транснациональным явлением, имеющим схожие черты в правоприменительной практике зарубежных юрисдикций, требующим не только установления обособленного правового регулирования, но и совершенствования процессуального порядка их оборота. На основании существующего международного опыта с учетом особенностей отечественного административного права предложен авторский подход к этапам процессуальной работы с цифровыми данными, используемыми в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях. При опросе ведущих специалистов и экспертов в области административного права и процесса на тему эффективности возможного законодательного дополнения подавляющее большинство респондентов высказались за необходимость закрепления процессуальных этапов работы с цифровыми доказательствами в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. Вместе с тем респонденты затруднились ответить на вопрос о форме возможного нормативного закрепления данной инициативы, что оставляет место для дальнейших научных дискуссий и развития заявленной темы исследования.

Ключевые слова:

цифровые доказательства, административный процесс, электронные данные, национальная юрисдикция, достоверность, целостность, допустимость, цифровизация, производство по делам об административных правонарушениях

Для цитирования:

Терехов М. Г. Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 57–67.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Foreign jurisdictions experience in the use of digital evidence in administrative proceedings

Maxim G. Terekhov

All-Russian Research Institute of the MIA of Russia
25, build. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation
Maxxx47@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2497-6329>

© Терехов М. Г., 2026

Abstract:

Introduction. The article examines the experience of foreign jurisdictions in the use of digital evidence in administrative proceedings. It analyses the legal frameworks, practical aspects and challenges associated with the use of digital data as evidence in the consideration of cases of administrative offences. Particular attention is paid to the problems of ensuring the reliability, integrity and admissibility of digital evidence, as well as ways to ensure a fair and effective administrative process in both national and foreign jurisdictions.

Methodology. The collection, generalisation, systematisation, comparative analysis of theoretical material and regulatory legal acts, survey and description of its results allowed for a comprehensive approach to scientific research and the achievement of the set goal.

Based on the results of the study, an interim conclusion was formulated that digital data used as a new type of evidence is a transnational phenomenon with similar features in the law enforcement practice of foreign jurisdictions, requiring not only the establishment of separate legal regulation, but also the improvement of the procedural order of its circulation. Based on existing international experience and taking into account the peculiarities of domestic administrative law, the author's approach to the stages of procedural work with digital data used as evidence in administrative offences proceedings is proposed. When leading specialists and experts in the field of administrative law and procedure were surveyed on the effectiveness of potential legislative amendments, the overwhelming majority of respondents expressed the need to codify the procedural stages of working with digital evidence in the Code of the Russian Federation on Administrative Offences. At the same time, respondents found it difficult to answer the question about the form of possible regulatory consolidation of this initiative, which leaves room for further scientific discussion and development of the stated research topic.

Keywords:

digital evidence, administrative process, electronic data, national jurisdiction, reliability, integrity, admissibility, digitalisation, administrative offenses proceedings

For citation:

Terekhov M. G. Foreign jurisdictions experience in the use of digital evidence in administrative proceedings // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 57–67.

The article was submitted October 1, 2025; approved after reviewing December 12, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

На современном этапе развития общественных отношений мировая глобализация характеризуется нарастающим объемом цифровых технологий и их повсеместным проникновением во все сферы человеческой деятельности. Например, из анализа динамики статистических данных, опубликованных в отчете Международного союза электросвязи о развитии глобальной сети «Интернет», следует, что за 2024 год к сети «Интернет» было подключено 5,5 млрд человек, что на 227 млн человек больше, чем в 2023 году¹.

Тенденция, известная как цифровая трансформация или промышленная революция 4.0, оказывает масштабное влияние на все аспекты хозяйственной деятельности общества [1, с. 7–10], включая правовое регулирование, в т. ч. административно-правовое, являющееся одним из главных регуляторов, упорядочивающих общественные отношения.

Идут острые дискуссии ученых о позитивных и негативных эффектах цифровой трансформации общества, ее влиянии на изменение национальной правовой системы. В частности, В. В. Синюков, описывая проблематику легимитизации данных процессов, отмечает, что «соотношение правовой системы, системы права и социальной реальности делается гораздо более сложным»², и с таким утверждением следует согласиться.

С одной стороны, цифровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности государственного управления, оказания государственных услуг и взаимодействия с гражданами. Например, только за 2024 год в России цифровыми сервисами портала «Госуслуги» в сети «Интернет» воспользовались 750 млн раз. Одновременно с тем в цифровом виде на этом портале доступно более 200 массовых социально значимых федеральных и региональных услуг³, что свидетельствует о массовой интеграции в государственное управление цифровых технологий, позволяющих решать проблему административных барьеров и бюрократизации государственных услуг для населения. М. В. Анисифорова отмечает: «Интернет по праву признается самым авангардным и, одновременно продолжающим набирать популярность инструментом» [2, с. 4].

¹ Глобальное число пользователей интернета растет, но неравенство сохраняется // Организация объединенных наций : [официальный сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458816> (дата обращения: 25.08.2025).

² Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва : Проспект, 2021. С. 16.

³ Портал госуслуг занимает восьмое место по популярности среди всех российских интернет-сервисов // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/24588573> (дата обращения: 25.08.2025).

С другой стороны, цифровая трансформация порождает новые виды административных правонарушений, совершаемых в цифровой среде⁴ или с использованием цифровых технологий. Кроме того, меняются способы фиксации административных правонарушений (согласно статистическим данным, только за 2024 год с помощью цифровых технологий было зафиксировано свыше 236,6 млн административных правонарушений, по итогам документирования которых были вынесены постановления на 149 млрд рублей⁵), тем самым обуславливая для науки необходимость переосмысления традиционных подходов к процессу доказывания и видам доказательств.

Все большее значение для административно-процессуальной деятельности приобретают новые виды информации, рассматриваемые наукой как «цифровые» и «электронные», активно применяемые на практике в соответствии со ст. 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶ (далее – КоАП РФ), но не закрепленные законодательно как отдельный вид доказательств для КоАП РФ ввиду их специфики⁷.

Общая потребность законодательного закрепления в главе 26 КоАП РФ понятия «электронных доказательств», что обосновывается в монографии М. В. Анисифоровой, Е. В. Машугиной и М. В. Андреяновым [3], по нашему мнению, утратила свою актуальность, поскольку большая часть информации, которая может быть отнесена к «электронным доказательствам» (электронные письма, сканированные документы, электронные договоры и т. д.), уже попадает под действие правил, установленных федеральными законами от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»⁸, от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹ и другими нормативными актами, регулирующими электронный документооборот. В данных документах установлены требования к форме, порядку создания, хранения, передачи и юридической значимости электронных документов, что, по сути, уже задает определенные рамки для их применения в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях. Если законодатель введет в КоАП РФ самостоятельное определение «электронных доказательств» и начнет устанавливать для них какие-то «особенные» процессуальные правила, отличные от тех, что действуют в сфере электронного документооборота, возникнет риск «дублирования» правового регулирования, что создаст дополнительную правовую путаницу и сложности для правоприменителей.

Целесообразно сосредоточиться на том, чтобы в КоАП РФ было четко определено понятие «цифровые доказательства», охватывающее весь спектр информации, полученной или созданной с использованием цифровых технологий, включая электронные документы, но не ограничиваясь ими. Это позволит учесть специфику новых видов цифровых данных, которые не вписываются в рамки традиционного электронного документооборота, и установить для них четкие правила применения в рамках административно-юрисдикционной деятельности при производстве по делам об административных правонарушениях. Например, к доказательствам такого рода относятся цифровые данные, воспроизведенные с помощью технологий искусственного интеллекта, интегрированных на камерах фото- и видеофиксации административных правонарушений в области безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

⁴ Цифровая среда – это правовая плоскость, в которой складываются общественные отношения посредством использования совокупности информационных технологий и (или) технологических устройств как в материальном мире, так и с альтернативной возможностью использования программного, технического взаимодействия в сети «Интернет» (См. подробнее: Терехов М. Г. Цифровое процессуальное право. Общая часть : учебное пособие. Москва : Проспект, 2025. С. 3–20 ; Его же. Цифровое право : учебное пособие. Москва : Блок-Принт, 202. С. 6–35).

⁵ В России штрафы по камерам за нарушения ПДД составили более 149 млрд. рублей // Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23560889> (дата обращения: 25.08.2025).

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

⁷ Традиционное понятие доказательств в административном праве определяется как любые фактические данные, на основании которых уполномоченное должностное лицо устанавливает наличие либо отсутствие административного правонарушения, а также виновность лица в его совершении и иные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ. Ключевым элементом данного определения является установление фактических данных. Следовательно, цифровые доказательства также должны соответствовать данному критерию, однако процесс установления и их оценки существенно отличается от работы с традиционными фактическими доказательствами. Цифровое доказательство можно определить как информацию (фактические данные), предоставленную в цифровой форме, полученную законным путем и имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в производстве по делам об административных правонарушениях.

⁸ Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

Следует также отметить, что перечень цифровых данных, которые могут применяться в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях, не является исчерпывающим и имеет свои характерные признаки для их определения – цифровой формат (бестелесную форму).

Отсутствие законодательного закрепления отдельного вида доказательств, существующих в цифровой форме, при применении их в статусе доказательств при административном процессе сопряжено с рядом правоприменительных проблем, связанных с их оценкой на предмет достоверности, достаточности, относимости, допустимости и целостности (новый критерий, характерный для данного вида доказательств). В частности, возникает вопрос о том, как правоприменителю:

- 1) доказать, что электронное сообщение не было подделано;
- 2) обеспечить сохранность цифровых данных от несанкционированного доступа и изменений;
- 3) интерпретировать данные геолокации и другую сложную программно-техническую информацию в цифровой форме.

В связи с этим изучение и систематизация опыта зарубежных юрисдикций в сфере применения цифровых данных в качестве особого вида доказательств, требующего особого порядка административно-процессуальных действий, представляется актуальным и перспективным направлением научного исследования для последующего совершенствования административного законодательства и правоприменительной практики в условиях формирования новой среды правового регулирования¹⁰.

Тем самым предопределяется цель исследования – формирование комплексного представления о законодательном опыте зарубежных юрисдикций по применению цифровых данных в качестве нового вида доказательств в административном процессе.

Методы

Сбор, обобщение, систематизация, сравнительный анализ теоретического материала и нормативно-правовых актов, опрос и описание его результатов позволили всесторонне подойти к научному исследованию и достижению поставленной цели.

Результаты

Общеизвестно, что одним из истоков и условий существования общества, государства во все времена является сохранение целостности его устоев, защита от явлений и деяний, которые представляют угрозу для этих устоев. Не случайно человечество с древнейших времен и по настоящее время стремится познать деструктивные явления и деяния, пытается минимизировать их опасность для общественных отношений. Как защитная реакция в ответ на нарушения условий жизни, в ней возникло нормирование поведения, установление государством санкций за неправомерные деяния. Развитие общественных отношений, расширение сферы административно-юрисдикционной деятельности, кодификация норм об административных правонарушениях в области цифровой среды обусловили в последние годы повышенное внимание науки и государственных структур к вопросам противодействия административной деликтности [4, с. 96].

К одной из центральных проблем развития института доказательств в административном праве, не получивших законодательного разрешения в настоящее время, как ранее уже отмечалось, следует отнести правоприменительную практику в отношении определения цифровых данных в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях. В частности, М. В. Анисифорова, Е. В. Машугина и М. В. Андреянов, исследуя вопросы применения бестелесной формы доказательств (электронных доказательств), пишут, что «неполнота правовой регламентации, выражающаяся в отсутствии конкретного нормативного предписания о возможности применения электронных доказательств в юрисдикционном производстве, является существенным недостатком правового регулирования в этой сфере и противоречит общим целям охранительной деятельности, направленной на защиту прав и свобод человека и гражданина» [3, с.11].

В связи с этим изучение и систематизация правоприменительного и законодательного опыта, являющегося острием цифровой трансформации, в т. ч. в зарубежных странах, вызывает особый научный интерес.

¹⁰ Цифровое право... С. 20.

Впервые на международном уровне термин «цифровые доказательства» в развернутом виде официально упоминается в 2019 году в образовательных документах Организации Объединенных наций (далее – ООН), в частности, в «Образовательном модуле 4, Введение в цифровую криминалистику». Из смысла документа следует, что «цифровые отпечатки» являются следствием использования человеком информационно-телекоммуникационных технологий, а равно такие цифровые следы (активные и пассивные) могут быть использованы в качестве подтверждения или опровержения доказательства о факте совершения противоправных действий¹¹.

Примечательно, что образовательный материал ООН исходит из факта, что цифровые данные, используемые в качестве доказательств в административном и уголовном процессе, – не только заверенные электронной подписью документы в электронном виде, но и данные, которые хранятся в цифровых устройствах. Например, относительно цифровых данных хранящихся в компьютерах, смартфонах, планшетах, телефонах, принтерах, умных телевизорах и любых других устройствах, имеющих цифровую память, внешних запоминающих устройствах, сетевых компонентах и устройствах по типу серверов и облачных хранилищ данных¹².

Тем самым ООН декларирует для целей борьбы с противоправными явлениями свой понятийный аппарат на международном уровне, подчеркивая отсутствие исчерпывающего списка цифровых данных и уточняя, что необходимо руководствоваться общими признаками такого рода новых (цифровых) доказательств и общими процессуальными принципами.

Законодательный и правоприменительный опыт зарубежных юрисдикций в настоящее время не демонстрирует общей законодательной синергии на данный счет, позволяя выделить как схожие, так и отличительные черты в разрешении вопроса о процессуальном применении цифровых данных в качестве доказательств.

Для стран ближнего зарубежья включение цифровых данных в доказательственную базу по делам об административных правонарушениях стало неотъемлемой частью административного процесса. Однако этот процесс обусловил ряд значительных процессуальных проблем, связанных с определением правового статуса цифровых данных в качестве отдельного вида доказательств, обеспечением допустимости, достаточности, относимости и достоверности таких доказательств из-за отсутствия надлежащего правового регулирования.

Например, в статье 6.11 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях¹³ «иные документы и другие носители информации», применяемые в качестве доказательств, включают перечень непроцессуальных носителей еще более широкий, нежели в КоАП РФ.

При этом, как и в России, в Белоруссии предъявляются весьма строгие нормативные требования к сертификации технических средств, используемых для фиксации административных правонарушений в различных сферах деятельности общества. В частности, данные, полученные со специализированных камер фото- и видеофиксации административных правонарушений, не прошедших обязательную техническую сертификацию, могут быть признаны недопустимыми доказательствами. Это ограничивает возможности использования цифровых данных, но одновременно повышает требования к их качеству и надежности, актуализируя в рамках союзного государства (России и Белоруссии) вопрос правового закрепления отдельного вида доказательств, в основе которых лежат цифровые фактические данные (цифровых доказательств).

Одновременно с тем статья 765 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях¹⁴ закрепляет общие принципы доказывания, активно внедряются системы автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, такие как «Сергек». Однако возникают вопросы, касающиеся соблюдения прав граждан на защиту. В частности, граждане часто оспаривают штрафы, назначенные на основании данных «Сергек», ссылаясь на то, что не были уведомлены о ведении фото- и видеонаблюдения в конкретном месте.

Таким образом, законодательство и правоприменительная практика стран-участников Содружества Независимых Государств демонстрирует наличие схожих с Россией тенденций –

¹¹ Киберпреступность : Модуль 4 : Введение в цифровую криминалистику : учебный модуль. Вена : Организация Объединенных Наций, 2019. С. 5–6.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З (ред. от 10.01.2022) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravdo.by/document/?guid=11031&p0=HK2100092> (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁴ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (ред. от 10.01.2025) // Информационная система «Параграф» : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=14406;144#pos=14406;144 (дата обращения: 25.08.2025).

процессуальных и законодательных проблем, в частности, при подходах к применению цифровых доказательств в административном процессе и отсутствии их прямого закрепления в законе. Решение этих проблем требует совершенствования национального законодательства, что остается перспективой на ближайшие годы.

Европейские страны, принадлежащие к романо-германской правовой системе и исторически связанные с формированием отечественной системы права, характеризуются строгим подходом к определению цифровых данных в качестве нового вида доказательств. Суды отдают предпочтение четким законодательным нормам и формальным требованиям к доказыванию, опираясь на традиционный процессуальный порядок применения доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Так, германское административное право не содержит исчерпывающего перечня доказательств в цифровой форме, однако предусматриваются общие правила, когда суд вправе учитывать доказательства, имеющие значение для дела, в нематериальной форме, согласно абз. 2 § 2 Закона «Об административных процедурах»¹⁵, где конкретизируется, что такими доказательствами могут быть электронные документы. Наглядным примером является решение Федерального административного суда по делу о незаконном распространении информации в сети «Интернет», в котором суд признал допустимым в качестве доказательства распечатку электронной переписки, заверенную нотариусом [6, с. 758].

Наряду с германским, французское административное право также не содержит четкого определения нового вида доказательств и их признаков, но имеет свою правоприменительную практику. Суды Франции ориентируются на общие принципы доказывания, в частности, на положения о письменных доказательствах и свидетельских показаниях. Допустимыми считаются цифровые данные, если они получены законным путем и подтверждают обстоятельства дела, включая электронные подписи, имеющие юридическую силу, равную собственноручной подписи.

В связи с этим более прогрессивными видятся нормы наднационального законодательства. Обращаясь к руководящим принципам, призванным облегчить использование и администрирование появления большого количества цифровых данных, которые возможно применять в качестве доказательств в административном процессе, странами Европейского Союза (далее – ЕС), Комитетом министров Совета Европы признается наличие нового вида доказательств – электронных доказательств¹⁶ на межгосударственном уровне. Вместе с тем отмечается, что с электронными доказательствами неразрывно связан термин «метаданные», под которыми понимается электронная информация о других электронных данных, позволяющая идентифицировать, установить источник или проследить историю доказательства, а также соответствующие даты и время. Базовым инструментом для удостоверения метаданных служит электронная подпись¹⁷.

Таким образом, в странах ЕС наряду с формализованным подходом в условиях масштабной цифровой трансформации всех сфер жизни особую роль играет электронный документооборот с соответствующим уровнем программно-технической защиты, а наличие неподтвержденных цифровых данных в административном процессе остается в серой правовой зоне для правосудия стран ЕС, в отличие от гражданского [8, с. 72] и уголовного законодательства, шагнувшего дальше в вопросах применения не только электронных документов, но и других цифровых данных, имеющих отношение к предмету разбирательства в качестве потенциального доказательства в данных странах.

Например, согласно ст. 706–796 Уголовно-процессуального закона Французской Республики¹⁸ (*Dessonorisations et des fixations d'images de certains lieux ou véhicules*), во Франции развита система акустического и визуального наблюдения, применяемая сотрудниками полиции по решению суда, предполагающая применение аудио- и фотофиксации в транспортных средствах, жилых помещениях для установления информации, полученной из переговоров подозреваемого

¹⁵ Закон «Об административных процедурах» от 25 мая 1976 г. (ред. от 18.07.2017) // Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) : [сайт]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16054> (дата обращения: 25.08.2025).

¹⁶ Электронные доказательства – это любое доказательство, полученное на основе данных, содержащихся на каком-либо устройстве или созданных им, при этом функционирование такого устройства зависит от программного обеспечения или данных, хранящихся или переданных посредством компьютерной системы или сети (См. подробнее: Электронные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве : Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы 30 января 2019 и пояснительный меморандум. Страсбург : Совет Европы, 2019. С. 7).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс от апреля 1958 г. (ред. от 13.08.2025) // ВОИС : [сайт]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23231> (дата обращения: 25.08.2025).

с другими лицами¹⁹. В Австрии и Германии используют систему искусственного интеллекта, когда в ходе расследования преступлений применяется автоматизированный розыск по электронным архивам уголовных дел. Данные, содержащиеся в информационной базе о совершении преступлений, сравниваются со сведениями из других баз данных с целью установления подозреваемого в конкретном преступлении (ст. 98a Rasterfahndung (УПК ФРГ)²⁰), ст. 141 Datenabgleich (УПК АР) [9, с. 78] и др.).

В отличие от континентальных стран, в Великобритании подход к определению цифровых данных, применяемых в качестве доказательств, более гибкий. Суды руководствуются прецедентным правом и принципами справедливости. Допустимыми считаются любые цифровые данные, если они имеют отношение к делу, достоверны и получены законным путем. Особый акцент в английской правоприменительной практике делается на оценке доказательственной силы цифровых данных в контексте конкретного дела.

Американская правовая система также характеризуется аналогично гибким подходом к определению и применению цифровых данных в качестве доказательств в каждом конкретном случае²¹ и является фактически основоположником разработки процессуальных механизмов работы с электронными и цифровыми данными. В 2001 году была разработана первая методология по цифровой криминалистике “Digital Forensic Research Workchop”, основанная на протоколе Федерального бюро расследований США, для производства обыска на физическом месте преступления [10]. Это в последующем нашло свое отражение в ежегодном обновлении и усовершенствовании данной модели, а также формировании и развитии отдельного направления углубленной судебной экспертизы по вопросам исследования цифровых данных по делам о нарушении законов.

Федеральные правила доказывания США содержат специальные положения, регулирующие использование электронных записей и других видов цифровых данных в суде. Американские суды широко признают допустимыми такие доказательства, как электронная почта, текстовые сообщения, данные социальных сетей, записи с камер видеонаблюдения, данные геолокации и другие. Важным условием является соблюдение правил достоверности и допустимости исходя из этапов правильности процессуального закрепления.

Можно отметить, что за последние два десятилетия, несмотря на прецедентное право англо-саксонской системы права, характеризующейся всесторонним подходом к разбирательству в каждом конкретном деле, в США сформирована достаточно выверенная и апробированная процессуальная часть работы с цифровыми данными, которые могут быть использованы в качестве особого вида доказательств.

Особую научную ценность для учета эффективных законодательных и правоприменительных зарубежных практик представляет поэтапная процессуальная работа с цифровыми данными, используемыми в дальнейшем как доказательства [11; 12].

В связи с этим не утратило своей актуальности научное исследование в сфере цифровой криминалистики, проведенное американским ученым Gary Palmer, поэтапно описывающее порядок работы с цифровыми данными в рамках процессуальных действий [11].

К данным этапам следует отнести:

I этап – идентификация. Этап включает поиск и распознавание соответствующих доказательств, а также их документирование. На этом этапе приоритетные задачи сбора доказательств определяются на основе ценности и изменчивости доказательств.

¹⁹ Головкин Л. В., Гуценко К. Ф., Филимонов Б. А. Уголовный процесс в современных зарубежных государствах : учебное пособие. Москва : Зерцало-М, 2002. С. 71.

²⁰ Головенков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO) : Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2012. С. 45.

²¹ Примером может служить дело “Mosaid Technologies Inc. v. Samsung Electronics Co., Ltd.” (2005). В 2005 году федеральный судья Рональд Хеджес (федеральный окружной суд Округа Нью-Джерси) ввел санкцию в размере \$ 566 838.00 против компании «Samsung Electronics Co.» и связанных с ней организаций за уничтожение электронной почты в деле о нарушении патента 44. Из материалов дела следует, что истец – компания “Mosaid Technologies” – требовал раскрытия электронных писем, связанных с вопросами нарушения патента, которые не были представлены ответчиком – компанией “Samsung”. Судья постановил, что компания “Samsung” была обязана сохранять и раскрывать электронные письма, хотя компания “Mosaid” прямо не перечисляла их в своем ходатайстве. Судья пришел к мнению, что «ни один разумный тяжущийся (reasonable litigant) не может поверить, что определение «документы» не включает в себя электронную почту». Компания “Samsung” и ее адвокаты в конечном итоге были вынуждены признать, что компания уничтожила электронные письма, связанные с этим делом. Вследствие этого, в дополнение к существенным денежным санкциям, судья указал, что присяжные заседатели будут проинформированы о том, что «ответчики не смогли раскрыть практически все технические и другие электронные письма по делу и что присяжным будет разрешено сделать вывод, что эти доказательства были бы неблагоприятными для ответчиков».

II этап – сбор. Этап предполагает сбор всех цифровых устройств, которые могут содержать данные, имеющие доказательную ценность. Эти устройства затем транспортируются в лабораторию судебной экспертизы или другое учреждение для сбора и анализа цифровых доказательств. На практике бывают случаи, когда сбор данных в статическом режиме является практически неосуществимым. В таких ситуациях осуществляется сбор данных в реальном времени. К примеру, системы критически важных объектов инфраструктуры (например, системы управления производственными процессами). Эти системы не могут быть отключены от питания, поскольку они предоставляют критически важные услуги. Поэтому в этих случаях осуществляется сбор данных в реальном времени, когда изменчивые и неизменяющиеся данные извлекаются из систем, работающих в реальном времени. Однако сбор данных в реальном времени может помешать нормальному функционированию систем управления производственными процессами (например, замедлять их работу).

III этап – получение. Цифровые доказательства необходимо получать без ущерба для целостности данных. Такое получение данных без их изменения осуществляется путем создания копии содержимого цифрового устройства (процесс, известный как «создание неискаженного образа»). Для того чтобы определить, является ли дубликат точной копией оригинала, значение хэш-функции рассчитывается с использованием математических вычислений; здесь для получения значения хэш-функции используется криптографическая хэш-функция. Если значения хэш-функции для оригинала и копии совпадают, то содержимое копии является точно таким же, что и в оригинале.

IV этап – сохранение. Целостность цифровых устройств и цифровых доказательств может быть обеспечена с использованием системы охраны доказательств. На данном этапе фиксируется исходная информация о том, кто осуществлял сбор доказательств, где и каким образом они были собраны, какие лица получили эти доказательства и когда они их получили.

V этап – анализ. Требуется использование надлежащих инструментов и методов цифровой криминалистики для обнаружения цифровых данных.

Примечательным и вызывающим дополнительный научный интерес является отсутствие в правоприменительной практике США заключительного этапа, связанного непосредственно с процессуальным использованием цифровых данных в качестве доказательств, что может оказывать решающее действие на итоги административного процесса. Представляется, что одним из важнейших критериев применения такого рода доказательств является надлежащая квалификация правоприменителя, который должен иметь соответствующие знания в данной области, учитывать особенности характера цифровой формы информации и программно-технического порядка ее представления в административном процессе.

В Азии в качестве примера для изучения можно взять китайское административное право, которое находится в процессе активного развития и адаптации одной из ведущих в мире экономик к реалиям цифровой трансформации. Верховный суд Китая первым в мире учредил интернет-суд, который занимается разбирательством по делам, связанным с глобальной сетью, электронной коммерцией и авторскими правами в цифровой форме. Особенностью подобного рода юридического процесса является превалирующий вид цифровых данных, предоставляемых истцами и ответчиками в качестве доказательств при разбирательстве [13, с. 34]. Верховный суд Китая отмечает: «Суды, которые рассматривают дела, связанные с интернетом, должны признавать цифровые данные, представленные в качестве доказательств, при условии, что соответствующие стороны собирают и хранят эти данные в блокчейне с цифровыми подписями, надежными временными отметками, а также верификацией значения хэш-функций и могут подтвердить легитимность используемой технологии...»²².

Китайские суды признают допустимыми цифровые данные, такие как электронная переписка, электронные документы, данные геолокации и другие. Важным условием является соблюдение правил проверки достоверности.

В свою очередь японское процессуальное законодательство, исторически подвергнутое влиянию как романо-германской, так и англосаксонской правовых систем, характеризуется более консервативным подходом к определению цифровых доказательств. Суды отдают предпочтение традиционным видам доказательств, таким как письменные документы и свидетельские показания. Однако цифровые данные также признаются допустимыми, если они получены законным путем и подтверждают обстоятельства дела. Особое внимание уделяется обеспечению достоверности и неизменности цифровых данных в качестве доказательств.

²² Верховный суд Китая признал силу цифровых данных в качестве цифровых доказательств // Bits.media : Криптовалюты и блокчейн по-русски : [сайт]. URL: <https://bits.media/verkhovnyy-sud-kitaya-priznal-yuridicheskuyu-siludokazatelstv-na-baze-blokcheyna> (дата обращения: 25.08.2025).

В странах Африки практика применения цифровых доказательств в административном процессе находится на стадии становления. Законодательство в этой области развито слабо, а суды испытывают трудности с оценкой достоверности и надежности электронных данных.

Обсуждение

Законодательный и правоприменительный опыт зарубежных юрисдикций не является однородным и представляет сложность для интеграции в отечественное административное право и практику применения его норм.

При этом применение цифровых данных в качестве нового вида доказательств в административном процессе является неизбежной тенденцией во всем мире, обусловленной развитием цифровых технологий и общей цифровизацией жизни общества. Для эффективного развития российского законодательства в данной сфере необходимо учитывать как положительные, так и негативные аспекты зарубежного опыта.

Анализ правоприменительной практики и законодательного регулирования применения цифровых данных в качестве доказательств при производстве по делам об административных правонарушениях показывает, что отечественное административное право исторически испытывало сильное влияние зарубежной (романо-германской) правовой школы на формирование административного процесса. По этой причине наиболее схожие тенденции наблюдаются в странах ближнего зарубежья и Европы, относящихся к романо-германской правовой системе. Сходство обусловлено общими принципами доказывания, формализованным подходом к праву и акцентом на законность и обоснованность принимаемых решений. Вместе с тем существуют и отличия, связанные с особенностями национального законодательства и правовой культуры в вопросах правового оформления и организации процессуальных процедур.

Так, страны ЕС признают в административном процессе юридическую силу электронных доказательств, которые охватывают цифровые данные, подтвержденные электронной подписью. Вместе с тем в «серой» правовой зоне остаются иные цифровые данные, которые не признаются доказательствами и не могут быть приняты судами по логике проанализированных нормативных актов. В сравнении с отечественным административным процессом страны ЕС идут по более консервативному пути и являются менее прогрессивными в вопросах охвата перечня информации в цифровой форме, которая может быть признана доказательством. Схожим с отечественным остается подход правоприменителей к формальным требованиям к доказыванию и традиционному процессуальному порядку применения доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Исходя из опыта стран ЕС в исследуемом вопросе, а также в условиях прогрессивности отечественного правоприменения, для совершенствования административного права при выделении в отдельный вид цифровых доказательств, вероятно, потребуется законодательная оговорка или примечание о разграничении правового регулирования электронного документооборота и процессуального порядка работы с цифровыми данными, к которым могут быть отнесены в т. ч. электронные документы. Несмотря на различные мнения отечественных ученых, которые исследуют доказательства в цифровой форме как особый вид доказательств [14, с. 156], предполагается, что государством уделяется недостаточно внимания данному вопросу.

Вместе с тем за последние годы в США сформирована достаточно сильная, законодательно детализированная и апробированная процессуальная часть работы с цифровыми данными, которые могут быть использованы в качестве особого вида доказательств. Этому следует уделить особое внимание при развитии отечественного института доказательств, в частности, таким процессуальным этапам, как идентификация, сбор, получение, сохранение, анализ. Представляется необходимым дополнить этот перечень еще одним этапом – процессуальное применение. Это позволит гарантировать отсутствие подделки цифровых данных, обеспечить их сохранность от несанкционированного доступа и изменений, верно интерпретировать данные и другую сложную программно-техническую информацию в цифровой форме [15].

Опыт стран Африки и Азии в вопросах практики применения цифровых данных в качестве доказательств неоднозначен. Для развивающихся стран Африки вопрос законодательного регулирования цифровых данных в качестве доказательств находится на стадии становления, отсутствуют нормативное регулирование и правоприменительная практика. В странах Азии, например, в Китае, уровень правового регулирования высок, что обусловлено прогрессивным развитием цифровых технологий, цифровой грамотностью судей и законодательным регулированием, повышенным уровнем автоматизации правосудия, что для России представляется актуальным опытом для дальнейшего изучения.

В развитие сформулированной перспективной модели нормативного обособления цифровых доказательств от иных видов доказательств посредством дополнения главы 26 КоАП РФ новой статьей, касающейся процессуальных этапов работы с цифровыми доказательствами, на основе опыта зарубежных юрисдикций, с учетом проведенного анализа, а также выводов, сделанных в настоящей статье, был проведен опрос. В качестве респондентов, принявших участие в анкетировании, выступили 10 ведущих специалистов и экспертов в области административного права и процесса.

При постановке вопроса об оценке необходимости закрепления процессуальных этапов работы с цифровыми доказательствами в КоАП РФ большинство респондентов высказались о существующей потребности нормативного обособления цифровых доказательств. Один респондент затруднился ответить, отметив, что эффективность законодательной перспективы данного предложения под вопросом и требует более детального научно-правового анализа.

На вопрос о том, насколько предложенный перечень этапов (идентификация, сбор, получение, сохранение, анализ, процессуальное применение) охватывает ключевые аспекты работы с цифровыми доказательствами при производстве по делам об административных правонарушениях, большинство респондентов ответили, что в основном охватывает, но требует дополнений. Один респондент отметил частичный его охват.

По вопросу о том, будет ли способствовать предлагаемая инициатива защите прав и законных интересов участников производства по делам об административных правонарушениях, однозначного мнения у экспертов не сложилось.

Оценивая возможность практической реализации предлагаемых положений в текущих условиях, семь экспертов ответили, что они «реализуемы при существенных изменениях в практике и ресурсах», еще трое отметили, что инициатива не вызовет затруднений и может быть успешно внедрена при незначительных изменениях в практике.

Таким образом, большинство экспертов относит проблему правового регулирования цифровых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях к числу давно назревших и требующих разрешения. Вместе с тем отмечается перспектива предложенной модели нормативного обособления цифровых доказательств от иных видов доказательств посредством дополнения главы 26 КоАП РФ новой статьей о процессуальных этапах работы с цифровыми доказательствами.

3 заключение

Подводя итог, можно заключить, что назрела потребность законодательного определения правовой природы цифровых доказательств как отдельного вида доказательств.

Статьи 26.2, 26.7 и 26.11 КоАП РФ оставляют широкое поле для усмотрения в вопросе допустимости и оценки цифровых данных, поскольку не обеспечивают достаточной правовой определенности.

Полагаем, что в КоАП РФ должно быть четко определено понятие «цифровые доказательства», охватывающее весь спектр информации, полученной или созданной с использованием цифровых технологий, включая электронные документы, но не ограничиваясь только ими. Это позволит учесть специфику новых видов цифровых данных, которые не вписываются в рамки традиционного электронного документооборота, и установить для них четкие правила применения в рамках административно-юрисдикционной деятельности при производстве по делам об административных правонарушениях.

В. В. Синуков отмечает: «Чтобы увидеть структурные процессы в праве, необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы»²³.

В связи с этим неотъемлемым элементом законодательной модернизации станет и административный процесс, определяющий процессуальные начала работы с цифровыми доказательствами. Особое место должно быть отведено опыту США по детализации и апробированию процессуальной части (этапам) работы с цифровыми данными, которые могут быть использованы в качестве особого вида доказательств. Это, в частности, рассмотренные в настоящей статье такие процессуальные этапы работы с цифровыми доказательствами, как идентификация, сбор, получение, сохранение, анализ и процессуальное применение. Этот опыт может стать основой для формирования собственного законодательства в данной сфере.

В перспективе именно благодаря опоре на зарубежный опыт российское административное право сможет укрепить внутреннюю согласованность, обрести технико-юридическую

²³ Цифровое право...

устойчивость и выйти на уровень, соответствующий глобальной эволюции публичного правоприменения в цифровую эпоху. Существенную роль в развитии процессуальных начал применения цифровых данных в качестве самостоятельного вида доказательств (цифровых доказательств) будет играть накопленный США опыт, определивший за последние два десятилетия этапы процессуальной работы.

Список источников

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция : [перевод с английского]. Москва : Эксмо, 2018. 285 с.
2. Анисифорова М. В. Административно-правовое обеспечение запрета пропаганды наркотиков в России и за рубежом : монография. Москва : Проспект, 2022. 312 с.
3. Анисифорова М. В., Машугина Е. В., Андреянов М. В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях : монография / науч. ред. А. П. Шергин. Москва : Инфра-М, 2020. 120 с.
4. Шергин А. П. Избранные научные труды / сост., предисл. А. С. Дугенец. Москва : Юрлит-информ, 2025. 399 с.
5. Коровкин В. В. Международное регулирование киберпространства: возможно ли эффективное взаимопонимание? // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 60–76. <https://doi.org/10.31249/snsn/2020.01.05>
6. Крамер У., Мицкевич Л. А., Васильева А. Ф. Электронные формы в административном процессе России и Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 4. С. 756–780. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.410>
7. Верхелст Э., Ваутерс Я. Глобальное управление в сфере кибербезопасности: взгляд с позиции международных прав и прав ЕС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 2. С. 141–172. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-07>
8. Гаврилов Е. В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2020. № 2 (90). С. 75–92.
9. Бутов В. Н. Уголовный процесс Австрии : [монография]. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. 198 с.
10. A Road Map for Digital Forensic Research : By Collective work of all DFRWS attendees / From the proceedings of The Digital Forensic Research Conference DFRWS, 2001, USA Utica, NY (Aug 7th–8th). USA, New York : Utica, 2001. 42 p.
11. Palmer G. A Road Map for Digital Forensic Research : Technical Report (DTR-T001-01) for Digital Forensic Research Workshop (DFRWS). New York, 2001. P. 8–30.
12. Kent R. [et al]. Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response. Gaithersburg : National Institute of Standards and Technology, 2006. 121 p.
13. Галлямов Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая // Новый юридический вестник. 2023. № 1 (40). С. 34–36.
14. Ермакова Е. П. Цифровизация гражданского судопроизводства в США: закрепление процедуры электронного раскрытия доказательств («e-discovery») // Государство и право. 2022. № 11. С. 155–164. <https://doi.org/10.31857/S102694520022769-6>
15. Научная школа профессора А. П. Шергина «Административная юрисдикция» : монография / общ. ред. А. П. Шергина. Москва : ВНИИ МВД России, 2025. 162 с.

References

1. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya : [perevod s anglijskogo]. Moskva : Eksmo, 2018. 285 s.
2. Anisiforova M. V. Administrativno-pravovoe obespechenie zapreta propagandy narkotikov v Rossii i za rubezhom : monografiya. Moskva : Prospekt, 2022. 312 s.
3. Anisiforova M. V., Mashugina E. V., Andreyanov M. V. Teoriya i praktika primeneniya elektronnyh dokazatel'stv v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah : monografiya / nauch. red. A. P. Shergin. Moskva : Infra-M, 2020. 120 s.
4. Shergin A. P. Izbrannye nauchnye trudy / sost., predisl. A. S. Dugenech. Moskva : YurLit-inform, 2025. 399 s.
5. Korovkin V. V. Mezhdunarodnoe regulirovanie kiberprostranstva: vozmozhno li effektivnoe vzaimoponimanie? // Social'nye novicii i social'nye nauki. 2020. № 1 (1). S. 60–76. <https://doi.org/10.31249/snsn/2020.01.05>
6. Kramer U., Mickevich L. A., Vasil'eva A. F. Elektronnye formy v administrativnom processe Rossii i Germanii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. T. 10, № 4. S. 756–780. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.410>
7. Verhelst E., Vauters Ya. Global'noe upravlenie v sfere kiberbezopasnosti: vzglyad s pozicii mezhdunarodnyh prav i prav ES // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. 2020. T. 15, № 2. S. 141–172. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-07>
8. Gavrilov E. V. Screenshot kak dokazatel'stvo v arbitrazhnom processe // Arbitrazhnye spory. 2020. № 2 (90). S. 75–92.
9. Butov V. N. Ugolovnyj process Avstrii : [monografiya]. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1988. 198 s.
10. A Road Map for Digital Forensic Research : By Collective work of all DFRWS attendees / From the proceedings of The Digital Forensic Research Conference DFRWS, 2001, USA Utica, NY (Aug 7th–8th). USA, New York: Utica, 2001. 42 p.
11. Palmer G. A Road Map for Digital Forensic Research : Technical Report (DTR-T001-01) for Digital Forensic Research Workshop (DFRWS). New York, 2001. P. 8–30.
12. Kent R. [et al]. Guide to Integrating Forensic Techniques into Incident Response. Gaithersburg : National Institute of Standards and Technology, 2006. 121 p.
13. Gallyamov D. R. Internet-pravosudie: sovremennyy opyt Kitaya // Novyy yuridicheskij vestnik. 2023. № 1 (40). S. 34–36.
14. Ermakova E. P. Cifrovizaciya grazhdanskogo sudoproizvodstva v SSHA: zakreplenie procedury elektronnoho raskrytiya dokazatel'stv («e-discovery») // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 11. S. 155–164. <https://doi.org/10.31857/S102694520022769-6>
15. Nauchnaya shkola professora A. P. Shergina "Administrativnaya yurisdikciya" : monografiya / obshch. red. A. P. Shergin. Moskva : VNII MVD Rossii, 2025. 162 s.

Научная статья
УДК 342.951

Государственно-частное партнерство в отношении объектов информационной инфраструктуры: административно-правовое исследование

Руслан Михайлович Ушаков

Юридический институт Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва (117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), Российская Федерация
ru.ushushakov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8090-4920>

Аннотация:

Введение. В статье сквозь призму административного права рассматриваются актуальные проблемы и несовершенства отечественной нормативной конструкции государственно-частного (муниципально-частного) партнерства применительно к информационной инфраструктуре.

Методы. Методологию исследования образуют общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция), а также частнонаучные юридические методы (формально-юридический, метод юридической герменевтики).

Результаты. Установлено и обосновано, что административно-правовое регулирование государственно-частного (муниципально-частного) партнерства в отношении объектов информационной инфраструктуры характеризуется наличием несовершенств, обусловленных специфическим объектом регулирования. Их преодоление предполагает комплексный подход, включающий: 1) совершенствование законодательства о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве применительно к объектам информационной инфраструктуры в аспекте углубления легальных характеристик, дифференцирующих информацию, осуществление монетизации которой дозволено / не дозволено в процессе реализации проекта, 2) пересмотр положений, запрещающих участие иностранных лиц через подконтрольных им российских юридических лиц в проектах государственно-частного (муниципально-частного) партнерства, реализуемых в отношении объектов информационной инфраструктуры: следует законодательно разделить проекты на те, в которых «прокси-участие» иностранных субъектов невозможно (проекты с государственной тайной, в сфере обороны, национальной безопасности, в отношении объектов двойного назначения, критической информационной инфраструктуры) и остальные проекты, в которых их участие возможно в рамках создания подконтрольных российских юридических лиц, 3) установление обязательной предварительной экспертизы проектов в отношении объектов информационной инфраструктуры на соответствие требованиям технической и информационной безопасности, 4) конкретизацию в законодательстве действий публичного партнера по содействию в получении не только разрешений и согласований органов публичной власти, но и других видов организационной помощи, адресованной частному партнеру, 5) адаптацию оценки эффективности и сравнительного преимущества проектов с учетом специфики информационных технологий, и другие меры.

Ключевые слова:

государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, информационные технологии, информационная инфраструктура, административно-правовое регулирование, государственное управление

Для цитирования:

Ушаков Р. М. Государственно-частное партнерство в отношении объектов информационной инфраструктуры: административно-правовое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 68–79.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Public-private partnership in information infrastructure: an administrative law study

Ruslan M. Ushakov

Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6, Miklouho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
ru.ushushakov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8090-4920>

© Ушаков Р. М., 2026

Abstract:

Introduction. From an administrative law perspective this article analyses current challenges and shortcomings in the national regulatory framework governing public-private partnership (PPP) (municipal-private partnership (MPP)) in the field of information infrastructure.

Methods. The methodological framework of the study comprised general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, induction, deduction) as well as specific legal methods (the formal-legal method and legal hermeneutics).

Results. The study finds and substantiates that the administrative-legal regulation of PPP/MPP for information infrastructure is marked by deficiencies stemming from the unique nature of its subject. Addressing these issues necessitates a comprehensive strategy, which includes the following measures: 1. Enhance PPP/MPP legislation for information infrastructure by establishing clear legal criteria to distinguish between monetisable and non-monetisable project data. 2. Amend restrictions on foreign "proxy participation" via controlled Russian entities, creating a legal distinction between prohibited sectors (state secrets, defense, national security, dual-use technologies, critical infrastructure) and permitted ones. 3. Introduce mandatory preliminary security expertise for information infrastructure projects to ensure compliance with technical and information safety standards. 4. Legally specify the public partner's duty to assist with not only permits and approvals but also broader organisational support. 5. Adapt project evaluation methodologies (efficiency, value-for-money) to the specificities of information technologies.

Keywords:

public-private partnership, municipal-private partnership, information technology, information infrastructure, administrative-legal regulation, public administration

For citation:

Ushakov R. M. Public-private partnership in information infrastructure: an administrative law study // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 68–79.

The article was submitted October 22, 2025; approved after reviewing December 12, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Согласно данным Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации в стране повышается роль ИТ-отрасли в развитии экономики и общества, вклад которой в валовой внутренний продукт (далее – ВВП) России по валовой добавленной стоимости составляет 6 %¹. Функционирование инфраструктуры транспорта, жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), здравоохранения, образования, культуры, в т. ч. при осуществлении функций органов публичной власти, все более зависит от внедрения новых технологий. В этой связи актуальность информационных технологий (далее – ИТ) для применения государственно-частного партнерства также возрастает, что проявляется в положениях документов стратегического планирования, определяющих потребности государства в реализации проектов по созданию информационной инфраструктуры.

Во-первых, в рамках Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»² увеличение к 2030 году до 99 % доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме и обеспечение в 2025–2030 гг. темпа роста инвестиций в отечественные решения в сфере ИТ вдвое выше темпа роста ВВП определено в качестве целевых показателей и задач, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Во-вторых, согласно прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года³ переход на формирование рынков программных продуктов и предоставления услуг будет основной тенденцией развития ИТ; при активизации предпринимательской деятельности, росте доходов населения, ускорении промышленного производства ожидается повышение темпов развития ИТ, объем рынка которых увеличится в 3,7 раза по сравнению с 2011 годом.

В-третьих, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁴ определяет, что планирование развития информационно-

¹ Вклад ИТ-отрасли в экономику России составил 6 % // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/vklad-it-otrasli-v-ekonomiku-rossii-sostavil-6-28110> (дата обращения: 20.09.2025).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2024. № 20. Ст. 2584.

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Правительство Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 74.

телекоммуникационной инфраструктуры (далее – ИТИ) и отрасли связи ориентируется на устранение цифрового неравенства субъектов Российской Федерации, обеспечение опережающего развития ИТИ и снятие инфраструктурных ограничений в целях ускоренного развития цифровых технологий, создание конкурентоспособной ИТИ на основе отечественных разработок.

В-четвертых, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.⁵ указано, что:

а) главным способом обеспечения эффективности цифровой экономики становится внедрение технологии обработки данных, что позволит уменьшить затраты при производстве товаров и оказании услуг;

б) основными задачами применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства являются, в т. ч., применение в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления;

в) существенная роль отводится использованию инфраструктуры электронного правительства для оказания государственных и востребованных гражданами коммерческих и некоммерческих услуг, сокращению административной нагрузки на субъекты хозяйственной деятельности вследствие использования соответствующих технологий при проведении проверок органами контроля (надзора);

г) необходимо развивать центры обработки данных (далее – ЦОД), технические средства по обработке данных на территории Российской Федерации на основе отечественного программного обеспечения и оборудования;

д) в рамках приоритетного сценария совершенствуются законодательство Российской Федерации и административные процедуры, привлекаются частные инвестиции в информационную инфраструктуру;

е) реализация стратегии обеспечивается согласованными действиями органов власти и организаций, в рамках нее российские фонды, институты развития, государственные корпорации, компании с государственным участием и частные компании осуществляют инвестиции в сферу информационных и коммуникационных технологий.

В-пятых, с 2025 года реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025–2030 гг.), призванный повысить качество жизни граждан и эффективность ключевых отраслей социальной сферы, государственного и муниципального управления, сфер российской экономики, включая развитие инфраструктуры электронного правительства, внедрение искусственного интеллекта и др.⁶

Таким образом, в условиях недостаточности бюджетных средств привлечение инвестиций в сферу ИТ через механизмы государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), муниципально-частного партнерства (далее – МЧП) является востребованным, что основано на приоритетах государства по ее развитию. Изложенное может быть реализовано в целях улучшения государственного и муниципального управления посредством внедрения новых технологий в деятельность органов публичной власти, публичных учреждений и предприятий, иных организаций публичной сферы, в функционирование публичного сектора экономики. Это могут быть, например, государственные информационные системы (далее – ГИС), аккумулирующие информацию для населения в различных социально значимых сферах (образование, здравоохранение, спорт) и обеспечивающие предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме⁷, в т. ч. в рамках системы электронного правительства, информационные системы «Умный город», «Безопасный город», информационные решения по цифровизации и автоматизации транспорта (системы, видео- и фотофиксации нарушений правил дорожного движения, автоматизированные системы управления транспортом), ЖКХ (интеллектуальные системы ресурсосбережения и учета, автоматизации процессов в сфере переработки твердых коммунальных отходов), товарооборота отдельной продукции и др., т. е. направления, которые имеют высокую публичную значимость и могут быть делегированы для реализации частному партнеру. Преимущества применения ГЧП (МЧП) в сфере ИТ раскрываются в полной мере: частный партнер не только создает, но и осуществляет эксплуатацию и техническое обслуживание

⁵ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁶ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-icifirovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 20.09.2025).

⁷ Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме : постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2011 г. № 451 (в ред. от 04.08.2025) // СЗ РФ. 2011. № 24. Ст. 3503.

информационной инфраструктуры на длительный срок, реализуя технические компетенции, а также софинансирует проект, разделяя риски, что выгодно для публичного партнера.

Методы

Методологию исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция), а также частнонаучные юридические методы (формально-юридический и метод юридической герменевтики). Применение общенаучных методов позволяет определить содержание основных научных категорий, используемых в исследовании, выявить логику законодателя и основные тенденции административно-правового регулирования ГЧП (МЧП) в отношении объектов информационной инфраструктуры. Формально-юридический метод используется при анализе административно-правовых норм, отраженных в законодательстве о ГЧП (МЧП), а также в смежной и отраслевой нормативно-правовой базе. Метод юридической герменевтики реализуется в процессе авторского толкования указанного законодательства.

Результаты

Комплекс объектов информационной инфраструктуры соглашений о государственно-частном партнерстве (далее – СГЧП) и о муниципально-частном партнерстве (далее – СМЧП) был введен в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее – ФЗ «О ГЧП») в 2018 году⁹. Как следует из п. 19 ч. 1 ст. 7 данного закона, к объектам СГЧП (СМЧП) относятся:

- 1) программы для ЭВМ;
- 2) базы данных;
- 3) информационные системы и (или);
- 4) сайты в сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетях, в состав которых входят такие программы для ЭВМ и (или) базы данных, либо совокупность указанных объектов (объекты ИТ);
- 5) объекты ИТ и имущество, технологически связанное с одним или несколькими такими объектами и предназначенное для обеспечения их функционирования или осуществления иной деятельности, предусмотренной соглашением (технические средства обеспечения функционирования объектов ИТ)¹⁰.

Согласно пункту 20 ч. 1 ст. 7 указанного закона в качестве объектов соглашений также закреплены центры обработки данных (далее – ЦОД), с 1 марта 2026 г. определяемые в новой редакции как совокупность зданий, частей зданий или помещений, объединенных единым назначением, включающих комплекс систем инженерно-технического обеспечения, спроектированных и используемых для размещения оборудования, обеспечивающего обработку и (или) хранение данных¹¹. Таким образом, существует три вида объектов информационной инфраструктуры СГЧП (СМЧП)¹²: объекты ИТ, объекты ИТ и технические средства обеспечения функционирования объектов ИТ, ЦОД.

Согласно данным цифровой платформы «Росинфра» по состоянию на август 2025 года на различных этапах реализации находились (находятся) 11 проектов¹³ в отношении цифровой

⁸ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2018 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 3956.

¹⁰ Программы для ЭВМ и базы данных являются интеллектуальной собственностью, что отличает их как объекты соглашений от иных объектов согласно ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ.

¹¹ О внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 244-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 30 (ч. II). Ст. 4393.

¹² В отношении объектов ИТ, а также объектов ИТ и технических средств обеспечения функционирования объектов ИТ как объектов соглашений установлены особенности регулирования в рамках специальной главы Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ – 6.1. В данной главе определяются вопросы исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, обязательные элементы соглашений, административные процедуры, в т. ч. замена частного партнера, решение о реализации проекта, которые зависят от вопросов принадлежности исключительных прав, и иные вопросы.

¹³ Для методологической точности следует указать, что количество информационных проектов в рамках поиска по конкретным сферам (ЖКХ и др.) составляет большее число, однако их точный подсчет существенно осложнен в рамках возможностей платформы «Росинфра» и общего количества проектов.

инфраструктуры и связи в форме СГЧП (СМЧП), включая соглашения на основе регионального законодательства¹⁴. Тем самым практика реализации проектов в данной сфере активно формируется, в основном – это субъектовые цифровые информационные системы учета спортивных достижений¹⁵ и цифровые образовательные платформы¹⁶. Например, проект по созданию и эксплуатации автоматизированной информационной системы «Цифровая образовательная платформа Ивановской области», публичным партнером в котором выступила Ивановская область в лице Департамента образования при общем объеме инвестиций 8 562 000 руб. и сроке соглашения 10 лет¹⁷. В качестве информации о проекте в «Росинфра» указано:

1) он направлен на повышение прозрачности образовательного процесса, эффективности взаимодействия участников образовательного сектора и качества оказания государственной услуги по предоставлению информации о текущей успеваемости обучающихся в формате электронного журнала и электронного дневника, эффективную информатизацию образовательного сектора региона посредством создания и развития соответствующей системы;

2) в регионах активно продвигаются типовые проекты: аналогичный проект реализован во многих субъектах Российской Федерации, включая Новгородскую область, Архангельскую область, Иркутскую область, Республику Дагестан и др.¹⁸

Таким образом, указанный проект, предназначенный для реализации функций органов исполнительной власти, является типовым, при этом в субъектах Российской Федерации выделяется две основные сферы для проектной деятельности в рамках информационных систем: образования и спорта. Данные проекты цифровизации социальной сферы, как правило, ориентированы на реализацию публичных услуг в электронном виде в рамках соответствующего распоряжения Правительства Российской Федерации¹⁹.

Уникальным и крупнейшим федеральным проектом в сфере ИТ является создание системы цифровой маркировки и прослеживания (мониторинга) оборота товаров²⁰. Данный проект, не имеющий мировых аналогов, реализуется в рамках первого заключенного СГЧП в области ИТ, подписанного на Петербургском международном экономическом форуме на 15-летний срок при общих инвестициях Центра развития перспективных технологий (частный партнер) в проект около 220 млрд руб.²¹ Создание и обеспечение функционирования данной системы, направленной на решение публичных задач, определено Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»²²: ч. 1 ст. 20.1 предусматривает создание ГИС мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации²³. Распоряжением Правительства Российской Федерации о реализации проекта были:

а) утверждены существенные условия соглашения, заключаемого в целях создания, эксплуатации и технического обслуживания объекта, предназначенного для обеспечения маркировки и прослеживаемости отдельных видов товаров, и план-график соответствующих мероприятий;

¹⁴ Росинфра : [сайт]. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects/> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁵ См., например: Создание, обеспечение функционирования, эксплуатация и техническое сопровождение автоматизированной информационной системы «Цифровая информационная система учета спортивных достижений Республики Саха (Якутия)» // Росинфра : [сайт]. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/12796/form/application> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁶ См., например: СГЧП по созданию, обеспечению функционирования и технического сопровождения региональной информационной системы «Цифровая образовательная платформа Чеченской Республики» // Там же. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/12724/form/application> (дата обращения: 30.07.2025).

¹⁷ См.: СГЧП в отношении автоматизированной информационной системы «Цифровая образовательная платформа Ивановской области» // Там же. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/7553/form/application> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁸ URL: <https://dpo.rosinfra.ru/base-projects/> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁹ Об утверждении Сводного перечня первоочередных государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в электронном виде, а также услуг, предоставляемых в электронном виде учреждениями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1993-р (в ред. от 28.12.2011) // СЗ РФ. 2009. № 52 (ч. II). Ст. 6626.

²⁰ Создание системы цифровой маркировки и прослеживания (мониторинга) оборота товаров // Росинфра : [сайт]. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/5916/form/application> (дата обращения: 30.09.2025).

²¹ Первое в России соглашение о ГЧП в области ИТ подписано на ПМЭФ // Честный ЗНАК: Государственная система цифровой маркировки : [официальный сайт]. URL: https://chestnyiznak.rf/info/smi_o_nas/pervoe-v-rossii-soglasenie-o-gchp-v-oblasti-informatsionnykh-tekhnologiy-podpisano-na-pmef/ (дата обращения: 30.09.2025).

²² Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

²³ На основе и во исполнение закона определяется в рамках актов Правительства Российской Федерации (См., например: О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров : постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2019 г. № 515 (в ред. 29.09.2025) // СЗ РФ. 2019. № 19. Ст. 2279).

б) в качестве одной из целей реализации проекта установлено обеспечение получения оперативной и достоверной информации о движении товаров в рамках хозяйственной деятельности организаций;

в) определены полномочия публичного партнера, которые осуществляет от имени Российской Федерации Минпромторг России;

г) установлены отдельные права и обязанности публичного партнера, переданные Минкомсвязи России, Минсельхозу России, Минздраву России, ФНС России и др., выступающим на стороне публичного партнера, определены иные вопросы²⁴.

Государственная система цифровой маркировки и прослеживаемости товаров имеет название «Честный знак», реализуется посредством присвоения товарам уникального кода, который используется для отслеживания перемещения товаров по всей логистической цепи и не позволяет реализовать контрафакт, проверка по данному коду доступна широкому кругу лиц, что обеспечивает прозрачность системы, при этом маркируется молочная продукция, упакованная вода, одежда, парфюмерная продукция и др.²⁵ Таким образом, данная система выступает значимым превентивным средством реализации правовой политики в сфере товарного оборота. Другим примером является федеральный проект, направленный на цифровизацию сферы ЖКХ (Федеральный цифровой сервис)²⁶.

Таким образом, информационная инфраструктура прочно вошла в проектную практику ГЧП на федеральном и региональном уровнях. На уровне муниципалитетов, однако, изложенное не получило широкого распространения, что, полагаем, обусловлено ограниченностью финансов и компетенций партнеров, а также относительной недавним введением возможности заключения СМЧП в данной сфере (с 2022 года)²⁷.

Существующие исследования, посвященные правовому анализу ГЧП (МЧП) в сфере ИТ, относительно малочисленны и, как правило, не являются административно-правовыми или системными, поскольку затрагивают отдельные аспекты темы [1; 2]. В науке справедливо указывается на высокую потребность в развитии инфраструктуры на основе ИТ [3, с. 201], выделяется низкий уровень развития базовой региональной телекоммуникационной инфраструктуры [4, с. 293], определяются роли ГЧП в условиях цифровизации экономики, а именно: помощь в привлечении частных инвестиций для разработки и внедрения цифровых инфраструктур; цифровые навыки и образование; цифровые услуги; содействие инновациям и стартапам; разработка регулирования и защиты прав потребителей [5, с. 319–320], исследуются роль ГЧП в цифровизации государственного управления [6, с. 201], особенности распределения исключительных прав [7], указывается на несовершенство законодательства о ГЧП в сфере ИТ [8, с. 153], исследуются иные аспекты [9–14]. Анализ административно-правового регулирования ГЧП (МЧП) предполагает сосредоточение внимания на вопросах компетенции органов публичной власти, административных процедурах, формах государственного контроля, административной ответственности и др. На основе проведенного исследования можно выделить проблемы нормативно-правового обеспечения и практического осуществления проектов ГЧП (МЧП) в отношении объектов информационной инфраструктуры, а также предложить меры по совершенствованию законодательства в целях защиты публичных интересов. В частности:

Во-первых, имеется невысокая заинтересованность отечественных компаний в участии в указанных проектах, в т. ч. из-за существенной ответственности перед государством, сложностей административных процедур и высоких издержек по подготовке технически сложного проекта. Барьером является отсутствие необходимого уровня технических компетенций у частного партнера для решения задач публичного партнера: в сфере ИТ, как правило, требуется высокий, нередко эксклюзивный, уровень квалификации и опыта. При этом существует общая проблема недостаточности квалификации публичного партнера, не зависящая от сферы реализации проектов, преодолеваемая прохождением дополнительных программ обучения, адресованных государственным и муниципальным служащим.

²⁴ О реализации проекта государственно-частного партнерства, которое осуществляется на основании соглашения, заключаемого в целях создания, эксплуатации и технического обслуживания объекта, предназначенного для обеспечения маркировки и прослеживаемости отдельных видов товаров : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2019 г. № 899-р // СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2465.

²⁵ Честный ЗНАК: Государственная система цифровой маркировки : [официальный сайт]. URL: <https://chestnyy-znak.rf/o-chestnom-znake/nacionalnaya-sistema-markirovki/> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁶ Федеральный цифровой сервис цифровой водоканал // Росинфра : [сайт]. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/11482/form/application> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 604-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 51.

Во-вторых, отмечается пассивность и инертность органов публичной власти как потенциальных публичных партнеров²⁸, предпочитающих другие инструменты для реализации проектов по созданию, эксплуатации и техническому обслуживанию объектов информационной инфраструктуры, в т. ч. государственные и муниципальные закупки. Полагаем, для стимулирования проектной деятельности целесообразно привлечь к ее координации автономную некоммерческую организацию (далее – АНО) «Цифровая экономика», являющуюся платформой взаимодействия бизнеса и государства по развитию цифровой экономики²⁹.

В-третьих, коммерциализация публичных услуг осложняется из-за специфики сферы ИТ, обусловленной ограничением производства, передачи и распространения информации положениями законодательства о государственной тайне (и в целом об информации ограниченного доступа), о персональных данных и общим законодательством о информации. Частный партнер как создатель и эксплуататор информационных систем аккумулирует значительные объемы «чувствительной» информации, что обязывает его соблюдать существующие нормативно-правовые требования, требует особого внимания государства и дальнейшего взаимного согласования вышеуказанного законодательства. Несмотря на высказанную в доктрине позицию о трудностях монетизации данных ГИС, неготовности органов власти делиться ею [15, с. 67], полагаем, что существующее положение дел в целом оправданно: частный интерес по коммерциализации данных ГИС не должен быть выше публичных интересов по производству и обороту информации ограниченного доступа. Вместе с тем целесообразно совершенствование законодательства о ГЧП и МЧП применительно к объектам информационной инфраструктуры в аспекте углубления легальных характеристик, дифференцирующих информацию, осуществление монетизации которой дозволено (не дозволено) в процессе реализации проекта, в т. ч. с учетом смежного законодательства. При этом очевидно, что социальная функция информационных систем не должна «затеняться» сопутствующими коммерческими услугами, например, в рамках обеспечения доступа к электронным дневникам монетизация доступа к информации, осуществляемая в различных формах, нецелесообразна или вредна.

В-четвертых, проекты в отношении объектов ИТ, а также объектов ИТ и технических средств обеспечения функционирования объектов ИТ нередко интересны зарубежным инвесторам, однако текущее законодательство ограничивает для них проектное участие в отношении указанных объектов в качестве частных партнеров, в т. ч. в рамках создания российских юридических лиц, решения которых прямо или косвенно могут определять иностранные физические лица и (или) иностранные юридические лица, иностранные государства, их органы (ч. 10 ст. 5 ФЗ «О ГЧП») – т. е. исключается их участие полностью, что снижает потенциал применения данного механизма. В смежном инструменте достижения публичных целей – государственных закупках отсутствуют сходные ограничения и более того: в ч. 1 ст. 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок»³⁰ устанавливается национальный режим, обеспечивающий происходящему из иностранного государства или группы иностранных государств товару, работе, услуге, соответственно выполняемой, оказываемой иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом, равные условия с товаром российского происхождения, работой, услугой, соответственно выполняемой, оказываемой российским гражданином или российским юридическим лицом. Таким образом, обеспечены равные условия для иностранных и отечественных субъектов. Изложенное ставит вопрос о целесообразности и логической связности установленного в ФЗ «О ГЧП» запрета на участие иностранных лиц применительно к объектам информационной инфраструктуры со смежным законодательством о государственных закупках и необходимости введения соответствующих изъятий, дифференции правового регулирования ГЧП (МЧП).

Учитывая, что большинство информационных проектов ГЧП (МЧП) не предполагают реализации в особо чувствительных для интересов государства сферах, считаем, следует законодательно дифференцировать проекты на те, в которых «прокси-участие» иностранных субъектов невозможно (проекты с государственной тайной, в сфере обороны, национальной безопасности, в отношении объектов двойного назначения, критической информационной инфраструктуры) и остальные проекты, в которых их участие возможно в рамках создания подконтрольных российских юридических лиц (проектных компаний), поскольку созданный административный

²⁸ Это следует как из общего количества проектов, относительно небольшого, т. е. потенциал данного инструмента реализован к данному времени не в полной мере, так и из того, что запрос к будущим частным партнерам формирует именно публичный партнер, что в текущих условиях явно осуществляется недостаточно активно.

²⁹ Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»: [сайт]. URL: <https://d-economy.ru/about> / (дата обращения: 20.09.2025).

³⁰ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

барьер избыточен, не «откалиброван» под особенности информационной инфраструктуры, интересной в значительной степени зарубежным инвесторам.

В-пятых, целесообразно введение единого реестра прав на объекты ИТ, объекты ИТ и технические средства обеспечения функционирования объектов ИТ, созданные в рамках ГЧП (МЧП), по аналогии с существующим реестром ЦОД³¹. Отсутствие централизованного учета затрудняет контроль за использованием публичных активов, приводит к дублированию технических работ и к излишним затратам.

В-шестых, специфика сферы ИТ предполагает следующие меры по улучшению административно-процедурного сопровождения проектов:

1. Следует установить обязательную предварительную экспертизу проектов в отношении объектов информационной инфраструктуры на соответствие требованиям технической и информационной безопасности, что повысит ее защищенность. Изложенное основывается на обязательном участии технических экспертов, привлекаемых партнерами в целях: выдачи заключений в рамках оценки эффективности и сравнительного преимущества проекта, технических аварий и инцидентов, промежуточных отчетов частного партнера, итогов реализации проекта; помощи в подготовке технического задания по соглашению; сопровождения технической стороны проекта, в т. ч. в рамках консультирования сторон по соответствующим вопросам; и др.

2. Необходимо адаптировать оценку эффективности и сравнительного преимущества проектов с учетом специфики информационной инфраструктуры, включив такие критерии, как срок функционирования на рынке, в т. ч. в сфере реализации информационно-инфраструктурных проектов, наличие необходимой материально-технической и информационной базы, релевантность квалификации сотрудников частного партнера, планируемый уровень информационной и технической безопасности и меры по ее обеспечению в отношении объекта соглашения, действия по поддержанию доступности и непрерывности оказания цифровых услуг для населения и др.

3. Целесообразно оптимизировать процесс осуществления административных процедур под объективно обусловленную специфику информационной инфраструктуры, а также конкретизировать в законодательстве действия публичного партнера по содействию в получении не только разрешений и согласований органов публичной власти (ч. 10 ст. 15 ФЗ «О ГЧП»), но и других видов организационной помощи, адресованной частному партнеру для реализации соглашения, поскольку, в частности, для проектов информационной инфраструктуры в ряде случаев может быть значимо получение, например, аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области ИТ³², обязательной сертификации средств защиты информации³³, при этом содействие публичного партнера является существенным фактором успеха проекта. Изложенное возможно реализовать посредством закрепления в подзаконном акте Правительства Российской Федерации примерного перечня видов помощи, оказываемой публичным партнером частному, при корректировке ч. 10 ст. 15 ФЗ «О ГЧП» с отражением в ней соответствующей отсылочной нормы, что конкретизирует обязанности публичного партнера и оптимизирует проектную деятельность частного партнера.

В-седьмых, механизм контроля за созданием, эксплуатацией и техническим обслуживанием объектов информационной инфраструктуры не является адекватным существующим вызовам. Полагаем, необходимо предусмотреть участие публичного партнера в меру имеющихся у него полномочий в проверке соблюдения требований технической и информационной безопасности, достаточности и оперативности применяемых частным партнером мер по ее обеспечению. Целесообразно добавить в конце абзаца ч. 2 ст. 14 ФЗ «О ГЧП» вместо точки запятую и предложение: «обеспечении технической и информационной безопасности в отношении объектов информационных технологий, информационных технологий и технических средств обеспечения функционирования объектов информационных технологий, центров обработки данных». Вместе с тем стандартные формы контроля (проверка отчетности, выездные проверки) не в полной мере и не всегда применимы для контроля безопасности информационной инфраструктуры.

³¹ В 2025 году в законодательство были введены изменения, согласно которым Федеральным органом исполнительной власти в области связи ведется реестр ЦОД, расположенных на территории Российской Федерации (См.: СЗ РФ. 2025. № 30 (ч. II). Ст. 4393).

³² Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий : постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 1729 // СЗ РФ. 2022 № 40. Ст. 6845.

³³ О сертификации средств защиты информации : постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 608 (в ред. от 21.04.2010) // СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2579.

Публичный партнер, как правило, не обладает техническими возможностями для осуществления такого контроля, для чего необходимо привлечение иных уполномоченных органов (Федеральной службы по техническому и экспортному контролю и др.), т. е. совместное участие в проверке публичного партнера и данных органов. Кроме того, наряду с общими технико-функциональными требованиями объектов информационной инфраструктуры в соглашениях должны определяться требования, критерии и меры технической и информационной безопасности, обеспечивающие и определяющие стабильность их работы³⁴. Полагаем, следует выработать и определить изложенное в рамках примерного перечня посредством издания подзаконного акта Правительства Российской Федерации.

В то же время, с учетом Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»³⁵, некоторые объекты СГЧП (СМЧП) могут быть отнесены к объектам критической информационной инфраструктуры (п. 7 ст. 2), что налагает на его владельца – частного партнера строгие обязательства по информированию уполномоченного государственного органа о компьютерных атаках, компьютерных инцидентах и др. обязанности (ст. 9), при этом непрерывность и комплексность обеспечения ее безопасности определены в качестве принципа (ст. 4). В целом в законодательстве не детализированы механизмы оперативного контроля и реагирования на инциденты в сфере технической и информационной безопасности в ходе реализации СГЧП (СМЧП). Существующие подзаконные акты регламентируют вопросы защиты информации, содержащейся в информационных системах³⁶, однако объекты информационной инфраструктуры СГЧП (СМЧП) включают в себя не только указанные системы, что также нуждается в детализации. Кроме того, не урегулирован вопрос о распределении ответственности в случае кибератаки или иного инцидента в сфере технической или информационной безопасности на систему, созданную в рамках проекта ГЧП (МЧП), в частности, несет ли ответственность частный партнер за ущерб, причиненный таким инцидентом, и в какой мере, а отсутствие положений о действиях сторон при его наступлении является значимым правовым риском.

Полагаем, для решения вышеизложенных проблем следует:

1. Дополнить ст. 33.1 ФЗ «О ГЧП» новой частью в следующей редакции:

«В соглашениях, объектом которых являются объекты информационных технологий и (или) технические средства обеспечения функционирования объектов информационных технологий, которые отнесены в установленном порядке к объектам критической информационной инфраструктуры, должны содержаться следующие условия:

1) обязанность частного партнера соблюдать требования законодательства Российской Федерации о безопасности критической информационной инфраструктуры, включая своевременное информирование уполномоченного федерального органа исполнительной власти о компьютерных атаках и компьютерных инцидентах;

2) обязанность частного партнера обеспечивать возможность подключения создаваемого, эксплуатируемого и (или) технически обслуживаемого объекта соглашения к государственной системе обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации;

3) право публичного партнера и уполномоченных органов государственной власти на проведение контрольных (надзорных) мероприятий в части соблюдения требований законодательства в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры;

4) ответственность частного партнера за несоблюдение установленных законом требований в области безопасности критической информационной инфраструктуры, включая право публичного партнера на расторжение соглашения в одностороннем порядке в случае грубого или неоднократного нарушения указанных требований частным партнером».

³⁴ Например, в рамках проекта по созданию, обеспечению функционирования и технического сопровождения региональной информационной системы «Цифровая образовательная платформа Чеченской Республики» определены такие характеристики, как средний уровень доступности не ниже 98 % рабочего времени платформы, аварийные режимы работы (более 1 ч. простоя) не чаще 1 раза в месяц в течение учебных периодов, плановая производительность в части обработки запросов в секунду и др. (См.: СГЧП по созданию, обеспечению функционирования и технического сопровождения региональной информационной системы «Цифровая образовательная платформа Чеченской Республики» // Росинфра : [сайт]. URL: <https://dpo.rosinfra.ru/projects-office/12724/form/application> (дата обращения: 30.09.2025)).

³⁵ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (в ред. от 07.04.2025) // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.

³⁶ См., например: Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений : приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11 апреля 2025 г. № 117 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506170011> (дата обращения: 17.06.2025).

2. Разработать и утвердить в форме подзаконного акта Правительства Российской Федерации типовое дополнительное соглашение к СГЧП (СМЧП) для проектов в отношении информационной инфраструктуры, которое будет включать:

а) перечень мер технической и информационной безопасности, которые обязан соблюдать частный партнер на протяжении всего периода функционирования объекта;

б) регламент взаимодействия сторон и порядок их взаимного оповещения в случае инцидента информационной или технической безопасности, включая уведомление, сроки и формы предоставления необходимой информации;

в) механизм распределения ответственности и возмещения ущерба в зависимости от того, по чьей вине произошел инцидент (невыполнение частным партнером мер защиты или виновные действия/бездействие публичного партнера);

г) обязательность проведения регулярного независимого аудита защищенности системы.

3. Организовать системную методическую поддержку проектов ГЧП (МЧП) в отношении информационной инфраструктуры со стороны профильных федеральных органов публичной власти (Минэкономразвития России, Минкомсвязи России, ФСБ России, ФСТЭК России и др.), осуществляемую в целях единообразия проектной практики на уровне субъектов Российской Федерации в аспекте обеспечения технической и информационной безопасности.

4. Установить административную ответственность частного партнера (в виде штрафов) за сокрытие информации об инцидентах технической и информационной безопасности и (или) несоблюдение установленных требований в данной сфере, повлекшее определенный ущерб (можно в рамках уточнения ст. 13.12. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³⁷).

5. Дополнить статью 33.1 ФЗ «О ГЧП» новой частью в следующей редакции: «Нарушение требований технической и (или) информационной безопасности частным партнером, повлекшее существенный вред правам и интересам граждан, общества и государства, является основанием для расторжения соглашения публичным партнером в одностороннем порядке».

В-восьмых, отсутствует прямо предусмотренная законом возможность апробации инновационных проектов ГЧП (МЧП), реализуемых в отношении объектов информационной инфраструктуры, в рамках установления экспериментальных правовых режимов, что нецелесообразно: проекты на основе использования ИТ нередко нуждаются в адаптации правового регулирования к их особенностям, а несогласованность законодательства приводит к неопределенности или неоправданному ограничению данной возможности. Экспериментальные правовые режимы в значительной степени пересекаются по сферам деятельности, целям и совершаемым действиям с ГЧП (МЧП), предполагая предоставление государственных и муниципальных услуг, производство продукции, строительство, реконструкцию и эксплуатацию объектов, в т. ч. в рамках сфер транспорта, промышленности – и все на базе ИТ³⁸, что связывает экспериментальные правовые режимы с исследуемым явлением. Однако в настоящее время законодательство, регламентирующее их, не взаимоувязано, необходимо гармонизировать ФЗ «О ГЧП» в части реализации проектов в отношении объектов информационной инфраструктуры и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»³⁹, поскольку не ясно, возможно ли их совмещение и в какой форме.

В-девятых, в доктрине предлагается «разработать и освоить, и широко тиражировать методические рекомендации по управлению рисками, которые должны включать обзор лучших российских и мировых практик управления рисками в проектах ГЧП в сфере ИТ» [15, с. 70]. Полностью с данным предложением согласиться нельзя: сходные методические рекомендации должны быть комплексными, включать не только сферу ИТ, и реализовываться в рамках создания национального стандарта ГЧП⁴⁰, на необходимость разработки которого со стороны ВЭБ.РФ⁴¹ указал Президент Российской Федерации в рамках Восточного экономического форума (2025)⁴².

³⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

³⁸ См.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (в ред. 31.07.2025) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

³⁹ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

⁴⁰ Включающего, в т. ч., свод методических рекомендаций высокого уровня обобщения по основным аспектам практики ГЧП (МЧП).

⁴¹ О государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ»: Федеральный закон от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2562.

⁴² Партнерства построят по стандарту // Коммерсантъ: [сетевое издание]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8010164> (дата обращения: 30.09.2025).

3 заключение

Таким образом, административно-правовое регулирование ГЧП (МЧП) в отношении объектов информационной инфраструктуры характеризуется наличием несовершенств, обусловленных специфическим объектом регулирования. Их преодоление предполагает комплексный подход, включающий:

1) гармонизацию законодательства об экспериментальных правовых режимах и о ГЧП (МЧП) применительно к объектам информационной инфраструктуры;

2) принятие комплекса законодательных изменений по совершенствованию механизма контроля за созданием, эксплуатацией и техническим обслуживанием данных объектов;

3) привлечение к координации проектной деятельности АНО «Цифровая экономика»;

4) принятие мер по улучшению административно-процедурного сопровождения проектов ГЧП (МЧП):

4.1) установление обязательной предварительной экспертизы проектов в отношении объектов информационной инфраструктуры на соответствие требованиям технической и информационной безопасности;

4.2) адаптацию оценки эффективности и сравнительного преимущества проектов с учетом специфики ИТ, включая такие критерии, как наличие необходимой материально-технической и информационной базы, релевантность квалификации сотрудников частного партнера, планируемый уровень информационной и технической безопасности и меры по ее обеспечению в отношении объекта соглашения, действия по поддержанию доступности и непрерывности оказания цифровых услуг для населения и др.;

4.3) конкретизацию в законодательстве действий публичного партнера по содействию в получении не только разрешений и согласований органов публичной власти, но и других видов организационной помощи, адресованной частному партнеру, посредством закрепления в подзаконном акте Правительства Российской Федерации примерного перечня видов данной помощи;

5) совершенствование законодательства о ГЧП (МЧП) применительно к объектам информационной инфраструктуры в аспекте детализации легальных характеристик, дифференцирующих информацию, осуществление монетизации которой дозволено (не дозволено) в процессе реализации проекта;

6) пересмотр положений, запрещающих участие иностранных лиц через подконтрольных им российских юридических лиц в проектах ГЧП (МЧП), реализуемых в отношении объектов информационной инфраструктуры: следует законодательно разделить проекты на те, в которых «прокси-участие» иностранных субъектов невозможно (проекты с государственной тайной, в сфере обороны, национальной безопасности, в отношении объектов двойного назначения, критической информационной инфраструктуры) и остальные проекты, в которых их участие возможно в рамках создания подконтрольных российских юридических лиц;

7) введение единого реестра прав на объекты ИТ, объекты ИТ и технические средства обеспечения функционирования объектов ИТ, созданные в рамках ГЧП (МЧП), по аналогии с существующим реестром ЦОД.

Список источников

1. Редкоус В. М. Особенности регулирования отношений государственно-частного партнерства в отношении объектов информационных технологий или объектов информационных технологий и технических средств обеспечения функционирования объектов информационных технологий // Аграрное и земельное право. 2023. № 4 (220). С. 68–72. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_68

2. Савченко Я. В., Нураев Т. А. Законодательство как фактор развития государственно-частного партнерства в сфере информационных технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 86–95. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-86-95>

3. Проняева Л. И., Кружкова И. И. Реализация проектов государственно-частного партнерства в ИТ-сфере: состояние и условия // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 1. С. 186–203. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-1-186-203>

4. Ведерникова Е. В. Реализация проектов государственно-частного партнерства в сфере информационных услуг // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 3. С. 287–300. [10.15593/2224-9354/2023.3.20](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.3.20)

5. Караваева Е. В., Байбури Р. Р. Роль государственно-частного партнерства в условиях цифровизации экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 10–3. С. 316–321. <https://doi.org/10.17513/vaael.3050>

6. Сергеева Н. В. Цифровизация государственного управления и публично-частное партнерство // Oeconomia et Jus. 2024. № 4. С. 51–63. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-4-51-63>

7. Сергеева Н. В. Государственно-частное партнерство в ИТ-сфере: особенности распределения исключительных прав // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 132–135. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-132-135>

8. Шор И. М. Применение государственно-частного партнерства в сфере информационных технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24, № 3. С. 146–157. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.3.12>
9. Байбулатова Д. В. Государственно-частное партнерство как инструмент стимулирования инновационной деятельности бизнеса в сфере цифровых технологий // Экономика науки. 2023. Т. 9, № 3. С. 61–75. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2023-9-3-61-75>
10. Савченко Я. В., Нураев Т. А. Государственно-частное партнерство в сфере информационно-коммуникационных технологий в отечественной и зарубежной практике: специфика и динамика развития // Beneficium. 2022. № 1 (42). С. 100–109. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.1\(42\).100-109](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.1(42).100-109)
11. Громова Е. А. Создание цифровых технологий в рамках государственно-частного партнерства: опыт БРИКС // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19, № 1. С. 42–45. <https://doi.org/10.14529/law19010>
12. Веселовский М. Я. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: современное состояние и перспективы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6, № 3 (23). С. 8–17. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.3.8.17>
13. Меджидов М. М. Роль государственно-частного партнерства в оптимизации деятельности государства в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и управление. XXI век. 2014. № 1 (30). С. 101–107.
14. Гергиев И. Э., Кайсинов А. А. Развитие государственно-частного партнерства в сфере информационных технологий // Инновационная наука. 2019. № 10. С. 43–45.
15. Виноградова Т. Г., Семилетова Я. И., Рахманова А. Б. Эффективные информационные технологии в секторе государственно-частного партнерства: особенности и факторы развития // Вестник науки. 2021. Т. 3, № 10 (43). С. 62–71.

References

1. Redkous V. M. Osobennosti regulirovaniya otnoshenij gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v otnoshenii ob"ektov informacionnyh tekhnologij ili ob"ektov informacionnyh tekhnologij i tekhnicheskikh sredstv obespecheniya funkcionirovaniya ob"ektov informacionnyh tekhnologij // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 4 (220). S. 68–72. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_4_68
2. Savchenko Ya. V., Nuraev T. A. Zakonodatel'stvo kak faktor razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere informacionnyh tekhnologij // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2022. T. 22, vyp. 1. S. 86–95. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-1-86-95>
3. Pronyayeva L. I., Kruzhkova I. I. Realizatsiya proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v IT-sfere: sostoyanie i usloviya // Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk. 2020. T. 15, № 1. S. 186–203. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-1-186-203>
4. Vedernikova E. V. Realizatsiya proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere informacionnykh uslug // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki. 2023. № 3. S. 287–300. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.3.20>
5. Karavaeva E. V., Bajburin R. R. Rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v usloviyakh cifrovizatsii ekonomiki // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2023. № 10–3. S. 316–321. <https://doi.org/10.17513/vaael.3050>
6. Sergeeva N. V. Cifrovizatsiya gosudarstvennogo upravleniya i publichno-chastnoe partnerstvo // Oeconomia et Jus. 2024. № 4. S. 51–63. <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2024-4-51-63>
7. Sergeeva N. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v IT-sfere: osobennosti raspredeleniya iskluchitel'nykh prav // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2024. № 3. S. 132–135. <https://doi.org/10.24412/1998-5533-2024-3-132-135>
8. Shor I. M. Primenenie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere informacionnyh tekhnologij // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2022. T. 24, № 3. S. 146–157. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.3.12>
9. Bajbulatova D. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak instrument stimulirovaniya innovacionnoj deyatel'nosti biznesa v sfere cifrovyyh tekhnologij // Ekonomika nauki. 2023. T. 9, № 3. S. 61–75. <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2023-9-3-61-75>
10. Savchenko Ya. V., Nuraev T. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v otechestvennoj i zarubezhnoj praktike: specifika i dinamika razvitiya // Beneficium. 2022. № 1 (42). S. 100–109. [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.1\(42\).100-109](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.1(42).100-109)
11. Gromova E. A. Sozdanie cifrovyyh tekhnologij v ramkah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: opyt BRIKS // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2019. T. 19, № 1. S. 42–45. <https://doi.org/10.14529/law19010>
12. Veselovskij M. Ya. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v innovacionnoj sfere: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2015. T. 6, № 3 (23). S. 8–17. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2015.6.3.8.17>
13. Medzhidov M. M. Rol' gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v optimizatsii deyatel'nosti gosudarstva v sfere informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2014. № 1 (30). S. 101–107.
14. Gergiev I. E., Kajsinov A. A. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere informacionnyh tekhnologij // Innovacionnaya nauka. 2019. № 10. S. 43–45.
15. Vinogradova T. G., Semiletova Ya. I., Rahmanova A. B. Effektivnye informacionnye tekhnologii v sektore gosudarstvenno-chastnogo partnerstva: osobennosti i faktory razvitiya // Vestnik nauki. 2021. T. 3, № 10 (43). S. 62–71.

Научная статья
УДК 34.343

Организационно-правовые аспекты обращения с биометрическими персональными данными: криминологический взгляд

Алёна Сергеевна Артемьева, адъюнкт

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация
alyonart95@mail.ru

Аннотация:

Введение. Рост общественной значимости биометрических персональных данных в жизни общества и каждого гражданина в отдельности актуализирует необходимость всестороннего обеспечения безопасности новых социально-экономических реалий. В статье рассматриваются организационно-правовые меры, предпринимаемые государством в целях защиты биометрических персональных данных граждан от криминогенных угроз. Обозначаются причины возросших рисков бесконтрольного оборота биометрических персональных данных. Анализируется регулирование правоотношений, возникающих в сфере обращения с биометрическими персональными данными. В контексте обеспечения криминологической безопасности объясняются необходимость и значение административного и уголовного регулирования незаконного сбора, хранения, обработки и распространения биометрических персональных данных. Также автор приводит примеры использования биометрических персональных данных в установлении организационно-правовых режимов, направленных на обеспечение безопасности государственных границ, борьбы с незаконной миграцией, обеспечением общественного порядка и общественной безопасности, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Методы. Методологической базой исследования послужили такие общенаучные методы как анализ, систематизация, обобщение и абстрагирование, а также сравнительно-правовой и формально-юридический частнопроводные методы.

Результаты. В ходе теоретического осмысления организационно-правовых вопросов, связанных с оборотом биометрических персональных данных и его регулированием, выявлены проблемы толкования, отсутствия нормативно-правового закрепления, несогласованности правовых режимов, а также фрагментарности принимаемых мер. Анализ введенной уголовно-правовой защиты биометрических

Ключевые слова:

организационно-правовые меры, биометрические персональные данные, незаконный оборот, уголовно-правовая защита, организационно-правовой режим, криминологическая безопасность

Для цитирования:

Артемьева А. С. Организационно-правовые аспекты обращения с биометрическими персональными данными: криминологический взгляд // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 80–91.

персональных данных позволил обозначить ряд проблемных вопросов, требующих дополнительного внимания законодательной власти. Предлагаются решения, направленные на усовершенствование установленных государством правил обращения с биометрическими персональными данными в целях предотвращения их незаконного оборота, а также свободного от преступных посягательств развития биометрических технологий на благо личности, общества и государства в условиях криминологической безопасности.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025;
одобрена после рецензирования 24.02.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Institutional and legal aspects of the biometric personal data handling: a criminological perspective

Alyona S. Artemyeva, Postgraduate

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
alyonart95@mail.ru

Abstract:

Introduction. The growing public importance of biometric personal data in the life of society and each citizen individually highlights the need for comprehensive security of new social and economic realities. The article discusses organisational and legal measures taken by the state in order to protect biometric personal data of citizens from criminal threats. The reasons of increased risks of uncontrolled biometric personal data traffic are identified. The legal relationships regulation arising in the field of biometric personal data handling is analysed. In the context of criminological safety, the need for and importance of administrative and criminal regulation of the illicit gathering, storage, processing and dissemination of biometric personal data is explained. The author also provides examples of the biometric personal data use in providing organisational and legal regimes aimed at the state borders security ensuring, combating illegal migration, maintaining public order and public safety, protection of the personality, society and state from criminal encroachments.

Methods. Such general scientific methods as analysis, systematisation, generalisation and abstraction, as well as comparative-legal and formal-legal private law methods served as the methodological basis of the study.

Results. In the course of theoretical comprehension of organisational and legal issues related to the biometric personal data processing and its regulation, problems of interpretation, lack of normative and legal consolidation, inconsistency of legal regimes, as well as fragmentation of taken measures have been identified. The analysis of the introduced criminal law protection of biometric personal data has identified a number of problematic issues that require additional attention by the legislative authority. Solutions aimed at improving the rules established by the state for biometric personal data handling in order to prevent their illegal trafficking, as well as free from criminal encroachments development of biometric technologies for the benefit of the individual, society and the state in conditions of criminological security are proposed.

Keywords:

institutional legal measures, biometric personal data, illegal traffic, criminal legal protection, organisational legal regime, criminological security

For citation:

Artemyeva A. S. Institutional and legal aspects of the biometric personal data handling: a criminological perspective // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 80–91.

The article was submitted March 31, 2025;
approved after reviewing February 24, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Анализ действующих нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения в сфере применения биометрических персональных данных, позволяет выявить ряд проблемных вопросов, начиная от терминологической несогласованности и заканчивая отсутствием правового регулирования в некоторых случаях возникновения правоотношений. Отнести это к упущению или недоработке органов законодательной власти было бы не вполне объективно. Во-первых, внедрение биометрических персональных данных в жизнь гражданина, общества и государства в ситуации стремительно меняющихся социально-экономических условий, сопровождаемых постоянно ускоряющимися темпами технологического прогресса, произошло практически стихийно. Во-вторых, распространение систем обработки биометрических персональных данных происходит снизу вверх, что естественно для рыночной экономики. Множество разнопрофильных фирм и организаций формируют запрос под свои коммерческие нужды. Другие, компетентные в удовлетворении этих нужд организации разрабатывают продукт, в нашем случае системы обработки биометрических персональных данных, и предлагают его на предварительно

изученный рынок, где биометрические системы успешным образом находят применение в самых разных сферах: от бытовых нужд отдельного потребителя до стратегических направлений промышленного развития целых отраслей. Эти процессы запускаются и проходят первые этапы развития в уже существующем правовом поле, которое не может охватывать явления, ранее не существовавшие. Тем временем в вопросе, касающемся оборота чувствительной категории персональных данных, промедление с правовой регламентацией может вызвать криминогенные риски и привести к общественно опасным последствиям, и правотворческая задача уполномоченных органов власти – своевременно осознать возникающие в обществе потребности и формулировать отвечающие им нормы таким образом, чтобы не только устранить возникшие пробелы в правовом регулировании, но и предупредить существование внеправового поведения в данной конкретной сфере. Целью данной статьи видится анализ нормативных правовых актов и законодательных изменений последних лет в области применения биометрических персональных данных, выявление недостатков правового регулирования в контексте обеспечения криминологической безопасности и предложение актуальных, на наш взгляд, решений проблемы.

Методы

Использованы методы систематизации научных знаний, анализа и сравнения нормативных правовых актов, а также научных работ авторов, исследующих проблемы в сфере обращения с биометрическими персональными данными, обобщения изученного материала. В результате выявлены несовершенства в действующем нормативном правовом регулировании данной сферы в контексте обеспечения криминологической безопасности.

Результаты

Несколькими годами ранее регулирование правоотношений в сфере использования биометрических персональных данных сводилось к 152-ФЗ «О персональных данных»¹. Вскоре практика показала, что этого не вполне достаточно с точки зрения правил и порядка обращения со столь специфической категорией данных, механизмов защиты, определения круга уполномоченных субъектов и случаев наступления ответственности. Примером организационно-правовой «погони» за сформировавшейся практикой может служить принятие Федерального закона № 572-ФЗ о единой биометрической системе², когда началу действия установленных штрафных санкций предшествовал организованный правительством переходный период с тем, чтобы дать возможность организациям, ранее осуществлявшим сбор, хранение и обработку биометрических персональных данных бесконтрольно, получить аккредитацию в соответствии со вступившим в силу законом или прекратить сбор биометрических персональных данных, направив все ранее собранные сведения данной категории в государственную информационную систему – единую биометрическую систему (далее – ГИС ЕБС). Создание такой системы по государственному заказу в рамках разработки инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме³, преследует полезные, необходимые, социально обусловленные цели, а именно:

- перевод биометрии граждан из цифровых хранилищ частных компаний на государственную единую информационную платформу;
- обеспечение удобства в получении большого количества услуг бесконтактного сервиса;
- обеспечение безопасности персональных данных граждан за счет криптографической защиты и технологий хранения в обезличенном виде.

Рассмотрение вопросов хранения, сбора и обработки биометрических персональных данных неизбежно сопряжено с проблемами безопасности. В первую очередь специалисты разных

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

² Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

³ Об инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме : постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2011 г. № 451 (ред. от 01.11.2025) // СЗ РФ. 2011. № 24. Ст. 3503.

областей, ученые и практики озабочены риском утечки биометрических персональных данных или злоупотреблением со стороны уполномоченных лиц. Специалисты в области права Уральского государственного экономического университета пишут: «На практике может произойти утечка машиночитаемых баз данных, создаваемых для обеспечения обработки биометрических персональных, обеспечив доступ к биометрии кому угодно. С технической точки зрения представляется маловероятным обеспечение абсолютной защиты данных» [1, с. 278]. Наталья Касперская, председатель ассоциации «Отечественный софт», сооснователь «Лаборатории Касперского» и президент компании InfoWatch, поддерживая биометрические технологии в целом, выражает недоверие Единой биометрической системе ввиду универсальности направлений использования собираемых биометрических персональных данных⁴. В качестве положительного примера приводится практика сбора МВД России биометрии для оформления биометрического загранпаспорта и Сбербанком для предоставления клиентам своих конкретных услуг – т. е. изолированные системы. Трудно не согласиться со специалистом в области информационной безопасности относительно уровня защиты баз данных таких крупных субъектов государственного и банковского сектора. Однако, как мы отмечали выше, субъектами обработки биометрических персональных данных становятся частные компании разного уровня, а учитывая значительные послабления от государства в контроле малого бизнеса с целью его поддержки, есть риск, что ниша может быть заполнена недобросовестными предпринимателями или организациями, не способными обеспечить достаточный уровень защиты. Тем временем постоянный рост интернета вещей и совершенствование удаленного формата взаимодействия человека с миром – процесс необратимый. С. С. Кузнецова, А. Н. Мочалов, М. С. Саликов относят российскую модель законодательного регулирования оборота биометрической информации к «Азиатской» концепции, где за счет максимально широкого внедрения технологий биометрической идентификации в онлайн-среду и приоритета на применение «сквозных» технологий, стирается граница между виртуальным и физическим мирами [2, с. 265]. Поэтому переход на централизованное управление оборотом биометрических персональных данных видится важным и необходимым шагом государства на пути к защите населения от несанкционированного доступа к уникальной персонифицирующей информации граждан и рисков злоупотребления ею, что представляет угрозу криминологической безопасности. Более того, централизованный подход открывает возможности для эффективного применения биометрического аудита, о котором говорится в работе В. И. Волчихина, А. И. Иванова, И. Г. Назарова и др. о нейросетевой защите персональных биометрических данных [3, с. 135].

Говоря о современных практических механизмах защиты информации, Закон вводит понятие коммерческой биометрической системы (далее – КБС) – система, прошедшая процедуру аккредитации и имеющая право на обработку биометрических персональных данных. Раньше сбор, хранение и обработка биометрии пользователя, его верификация, проходили внутри IT-инфраструктуры оператора предоставления услуг. Теперь у организации есть два пути решения: 1) получить аккредитацию и самостоятельно через транзакционную модель осуществлять прямое взаимодействие с ЕБС (при этом допускается использование исключительно российских алгоритмов, прошедших тщательное тестирование специалистами Центра биометрических технологий) или 2) пользоваться посредничеством других КБС. Второй вариант предполагает следующий алгоритм: терминал считывает биометрические данные пользователя и в зашифрованном виде направляет их в аккредитованную КБС, которая сопоставляет полученные данные со своей базой эталонных биометрических векторов, полученных из ЕБС, устанавливает личность и отправляет ответ обратно в систему. Такой порядок, уверяют специалисты, исключает попадание биометрических данных граждан за пределы защищенной государственной системы ЕБС и связанных с ней КБС, что обеспечивает соблюдение усиленных требований информационной безопасности, разработанных на самом высоком уровне. В то же время исследователями приводятся аргументы не в пользу нового порядка работы с биометрическими персональными данными. Д. А. Петрова и В. А. Папкина пишут об ущемлении установленными требованиями прав малого и среднего бизнеса [4, с. 334]. В свою очередь, считаем требования о минимальном размере уставного капитала, а также о техническом соответствии оборудования, используемого для обработки биометрических персональных данных, объективно обусловленными. Данные требования выступают гарантиями технической и материальной способности организации обеспечить качественную и безопасную обработку биометрических персональных данных, а также,

⁴ Копелевич И. Наталья Касперская: «Не торопитесь использовать свою биометрию!» // Бизнес Online : [электронное издание]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/527101> (дата обращения: 20.05.2025).

в случае обнаружения угрозы, возможность следовать прописанным для известного оборудования централизованным алгоритмам действий по ее устранению, что с точки зрения обеспечения криминологической безопасности минимизирует риски незаконного оборота рассматриваемой категории персональных данных, создавая условия защиты и охраны прав граждан. Еще на подступах к реализации Единой государственной системы обработки биометрических персональных данных в ряде научных публикаций в области криминологии говорилось о необходимости ограничить доступ к данной деятельности со стороны коммерческих участников⁵.

Что касается работы над рисками, по согласованию с Федеральной службой безопасности Российской Федерации Министерством цифрового развития Российской Федерации утверждены перечни угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица в единой информационной системе персональных данных⁶. Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России) сформулированы и нормативно закреплены перечни угроз безопасности, актуальные при обработке биометрических персональных данных как в собственных информационных системах организаций, так и при взаимодействии с ГИС ЕБС – указания Банка России от 25 сентября 2023 г. № 6540-У⁷ и № 6541-У⁸, среди них: угроза нарушения целостности (подмены, удаления), нарушения конфиденциальности (компрометации), нарушения достоверности биометрических персональных данных (внесения фиктивных биометрических персональных данных) применительно к каждому этапу обработки. Утвержденные перечни актуальны к использованию и в некредитных организациях, осуществляющих взаимодействие с ЕБС.

Однако Закон о единой биометрической системе⁹ регулирует сбор, хранение и обработку только двух биометрических параметров (изображение лица и запись голоса), в то время как другие биометрические персональные данные, обладая не меньшим идентификационным потенциалом, остаются за пределами централизованного контроля их обработки. Речь идет прежде всего об отпечатках пальцев и ладоней рук, сетчатки и радужной оболочки глаза, геометрии кисти руки, рисунка вен, которые продолжают использоваться частными фирмами для осуществления пропускного режима на объекты и в жилище, разблокировки устройств и приложений, минуя выполнение обязательств к соблюдению единых государственных требований к условиям сбора, хранения и обработки биометрических персональных данных, т. к. действие рассматриваемого Закона на все виды биометрических персональных данных не распространяется.

В то же время сложно представить, чтобы Федеральный закон № 572-ФЗ, а значит, и Единая биометрическая система, охватили весь перечень биометрических персональных данных, прежде всего потому, что он не является исчерпывающим. Однако представляется целесообразным расширение количества отбираемых к обработке биометрических характеристик из числа наиболее активно используемых для идентификации и аутентификации. Так, на конференции

⁵ Таранков О. И., Порошкина Т. С. Проблема безопасности при использовании биометрических данных граждан // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 4. С. 163. <http://doi.org/10.31085/2310-8681-2020-4-208-159-164>.

⁶ Об утверждении перечня угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица, а также актуальных при взаимодействии государственных органов, органов местного самоуправления, индивидуальных предпринимателей, нотариусов и организаций, за исключением организаций финансового рынка, с указанной системой, с учетом оценки возможного вреда, проведенной в соответствии с законодательством Российской Федерации о персональных данных : приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25 мая 2021 г. № 494 (зарег. в Минюсте России 15.09.2021, № 65009) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202109160019> (дата обращения: 22.05.2025). Утратил силу.

⁷ О перечне угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, векторов единой биометрической системы, проверке и передаче информации о степени соответствия векторов единой биометрической системы предоставленным биометрическим персональным данным физического лица при взаимодействии информационных систем организаций финансового рынка с единой биометрической системой : указание Банка России от 25 сентября 2023 г. № 6540-У (зарег. в Минюсте России 26.10.2023, № 75742) // Вестник Банка России. 2023. № 71.

⁸ О перечне угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, векторов единой биометрической системы, проверке и передаче информации о степени соответствия векторов единой биометрической системы предоставленным биометрическим персональным данным физического лица в информационных системах организаций финансового рынка, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц, за исключением единой биометрической системы, а также актуальных при взаимодействии информационных систем организаций финансового рынка, иных организаций, индивидуальных предпринимателей с указанными информационными системами : указание Банка России от 25 сентября 2023 г. № 6541-У (зарег. в Минюсте России 26.10.2023, № 75743) // Там же.

⁹ СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

«Технологии и доверие: защита подлинности и идентификация» АО «Гознак» анонсировал расширение функций автоматизации пользования услугами общественного транспорта на основе биометрической идентификации и электронного документа за счет подтверждения личности по радужной оболочке глаза и рисунку вен ладоней¹⁰.

В целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, охраны правопорядка, транспортной безопасности и противодействия терроризму постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 1703 «О предоставлении оператором единой биометрической системы и оператором регионального сегмента единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе и региональном сегменте единой биометрической системы»¹¹ с изменениями и дополнениями от 7 марта 2023 г. утверждены Правила, в соответствии с которыми предоставление сведений осуществляется оператором ЕБС по мотивированному запросу МВД России или ФСБ России и их территориальных органов, направленному в соответствии с законодательством Российской Федерации посредством использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия в течение одного дня с момента получения запроса. Остается неясным, какие именно сведения обязательны к предоставлению, т. к. в подп. «ж» п. 10 главы 2 Положения «О единой биометрической системе»¹² говорится о сведениях, содержащихся в единой биометрической системе в целом, тогда как п. 5 вышеупомянутых Правил предполагает только выдачу данных изображения лица человека, полученных с помощью фотовидеоустройств. В настоящее время Единой биометрической системой обрабатываются следующие биометрические персональные данные:

- изображение лица человека, полученное с помощью фотовидеоустройств;
- запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств¹³.

В целях качественного взаимодействия между органами государственной власти, а также надлежащего выполнения правоохранительными органами, в частности, МВД России, возложенных на них задач по защите личности, общества и государства от преступных посягательств, видится необходимым уточнить порядок предоставления сведений, дополнив подп. «б» п. 3 и п. 5 Правил предоставления оператором единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе, указанием на выдачу данных записи голоса человека или, на случай расширения перечня обрабатываемых в ГИС ЕБС биометрических персональных данных, изложить его в виде формулировки без указания на конкретные сведения.

Отсутствие в законодательстве перечня биометрических персональных данных порождает активные научные дискуссии. Так, Р. Н. Данелян и В. А. Яковлев-Чернышев предлагают дополнить ст. 11 Федерального закона № 572-ФЗ частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. Видами биометрических персональных данных являются:

- 1) изображение лица человека, полученное с помощью фото-, видеоустройств;
- 2) запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств;
- 3) особенности строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющие установить его личность;
- 4) радужная оболочка глаз;
- 5) иные виды биометрических персональных данных» [5, с. 31].

¹⁰ Гознак вскоре представит технологию верификации по радужной оболочке глаза // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11156969> (дата обращения: 02.05.2025).

¹¹ О предоставлении оператором единой биометрической системы и оператором регионального сегмента единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе и региональном сегменте единой биометрической системы (вместе с «Правилами предоставления оператором единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе», «Правилами предоставления оператором регионального сегмента единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в региональном сегменте единой биометрической системы»): постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 1703 (ред. от 07.03.2023) // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. II). Ст. 8727.

¹² Об утверждении Положения о единой биометрической системе, в том числе о ее региональных сегментах, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089 : постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2023 г. № 883 (ред. от 01.09.2023) // СЗ РФ. 2023. № 23 (ч. II). Ст. 4193.

¹³ СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

Такая попытка устранить выявленный пробел в законодательстве представляется не вполне обоснованной, поскольку не достигает поставленной цели. Проблема отсутствия законодательно закрепленного перечня биометрических персональных данных не может быть решена добавлением к ранее закрепленным двум видам этих данных еще двух-трех видов, в то время как ученые описывают большее количество существующих и возможных для использования биометрических персональных данных, среди которых кроме особенностей папиллярных узоров рук, радужной оболочки и сетчатки глаза, формы лица, особенностей письменной речи, почерка и динамики подписи, голоса и особенностей речи выделяют клавиатурный почерк и стилометрию, движение губ, микровибрацию пальцев, геометрию сердца и сердцебиение, акустический отклик среднего уха, термограмму лица, характеристики ДНК, характеристики пота, речевую подпись, особенности нейронных связей, запах и состав выдыхаемого воздуха, особенности походки, форму ушной раковины, структуру кожи и эпителия на пальцах, уровень солености кожи, биоакустическую подпись и некоторые другие характеристики [6; 7, с. 168]. Как видим, перспективы использования биометрических персональных данных в системе обеспечения криминологической безопасности велики, однако государству необходимо принимать во внимание еще один важный организационный момент. Как замечает А. М. Зинин, реальное использование биометрических параметров для идентификации возможно тогда, когда создаются соответствующие банки данных, в которых единообразно накапливаются соответствующие образцы. «Это связано с наличием и функционированием систем регистрации человека» [8, с. 63]. В связи с этим можно выделить еще одну ключевую проблему – отсутствие общего правового режима функционирования гражданских биометрических систем и правоохранительных идентификационных баз по биометрии [9, с. 177].

Возвращаясь к проблеме правовой неопределенности относительно перечня биометрических персональных данных, мы могли бы предложить два пути ее решения:

- 1) перечисление всех видов биометрических персональных данных, известных на настоящий момент, с указанием на то, что данный перечень не является исчерпывающим;
- 2) закрепление научно обоснованного и внутрисогласованного определения биометрических персональных данных с перечислением критериев относимости тех или иных персональных данных к биометрическим.

Как в первом, так и во втором случае устраняется неопределенность в толковании, правоприменении и правосудии.

Необходимость определения критериев относимости обосновывает в одной из своих работ И. А. Терещенко, предлагая «закрепить исчерпывающие и ясные критерии, согласно которым данные могут быть признаны биометрическими в каждом определенном рассматриваемом случае» [10, с. 191].

Государством сегодня разработаны новые меры ответственности в отношении:

- субъектов, не желающих следовать новому порядку работы с биометрическими персональными данными;
- физических и юридических лиц, нарушающих требования в области обработки биометрических персональных данных;
- лиц, чьи действия с компьютерной информацией, в т. ч. содержащей биометрические персональные данные, противоправны и представляют общественную опасность.

Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ¹⁴, вступивший в силу 30 мая 2025 г., ужесточает административную ответственность за нарушения в области обработки биометрических персональных данных, существенно увеличив штрафы:

- за утечку биометрических персональных данных;
- нарушение порядка обработки биометрических персональных данных;
- непринятие организационных и технических мер по обеспечению безопасности биометрических персональных данных при их обработке;
- обработку биометрических персональных данных без аккредитации, где максимальный размер ответственности для юридических лиц может достигать 20 млн рублей. Принятие этих норм и адаптивное их усовершенствование – важный шаг к обеспечению криминологической безопасности, поскольку в задачи законодательства об административных правонарушениях входят: защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, защита общественной нравственности, охрана порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности. Решение этих задач в рамках административного регулирования

¹⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7411.

обработки биометрических персональных данных представляет собой профилактику и адресное предупреждение совершения преступлений в исследуемой нами области.

Более того, оценив ежегодный рост количества преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. интернета или путем неправомерного доступа к компьютерной информации, а также уровень общественной опасности от незаконного завладения персональными данными, в т. ч. биометрическими, законодатель ввел уголовную ответственность¹⁵. С 11 декабря 2024 г. Уголовный кодекс Российской Федерации¹⁶ дополнен новой ст. 272¹ (далее – УК РФ), предусматривающей в ч. 2 наказание в виде штрафа до 700 тыс. рублей, принудительных работ или лишения свободы на срок до 5 лет за незаконное использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей биометрические персональные данные.

Необходимости уголовно-правовой защиты этой категории данных в последние годы было посвящено немало работ ученых и практиков [1, с. 277; 11; 12, с. 107]. Криминализация незаконного оборота биометрических персональных данных – важный шаг на пути к обеспечению криминологической безопасности. Однако неразрывная связь незаконного оборота персональных данных с неправомерным доступом к компьютерной информации, по нашему мнению, не позволяет охватить весь спектр возможных преступных посягательств в отношении биометрических персональных данных. Статья 272¹ УК РФ направлена в большей степени на уголовно-правовое регулирование преступлений, связанных с массовым характером незаконного сбора, хранения, обработки и распространения биометрических персональных данных, которые практически всегда связаны с использованием больших баз данных и, следовательно, компьютерных устройств. Существует, например, «следовая» биометрия – биометрические персональные данные, способные отображаться на поверхностях. Для таких данных существует риск копирования злоумышленниками в преступных целях. Общественная опасность в этом случае представляется не меньшей в виду чувствительности и уязвимости этой категории данных, однако под действие данной уголовной нормы она не подпадает.

Ограничивающим фактором в принятии решения о привлечении к уголовной ответственности по данному виду преступлений может впоследствии выступить и само определение компьютерной информации. Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, под компьютерной информацией понимаются любые сведения (сообщения, данные), представленные в виде электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи¹⁷. Специалисты разъясняют, что информация может передаваться и посредством беспроводных каналов связи, где отсутствуют электрические сигналы и, соответственно, такая информация не подпадает под правовое определение компьютерной [13, с. 158].

Ответственность за предусмотренные ст. 272¹ УК РФ преступления наступает с 16 лет. Учитывая специфику преступлений в сфере компьютерной информации, степень общественной опасности незаконного сбора и распространения биометрических персональных данных и тенденцию к снижению возраста лиц, владеющих сегодня современными технологиями, электронными устройствами и активно коммуницирующих в интернете, представляется целесообразным рассмотреть возможность наступления ответственности за отдельные преступления в сфере компьютерной информации для лиц, достигших 14 лет. Например, в интересах граждан и безопасности страны Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹⁸ перечень преступлений, представляющих особую общественную опасность, наступление уголовной ответственности за которые п. 2 ст. 20 УК РФ предусматривается с четырнадцатилетнего возраста, дополнен восемью составами преступлений диверсионно-террористической направленности, что обусловлено ежедневными сводками о происшествиях последних лет, свидетельствующими об участившемся совершении особо опасных преступлений несовершеннолетними¹⁹. Удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, от общего числа расследованных преступлений

¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7412.

¹⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁷ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

¹⁸ СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7411.

¹⁹ За какие преступления возраст уголовной ответственности теперь наступает с 14 лет // Российская газета. 2025. 18 ноября. № 262 (9801).

с 2023 по 2025 год вырос с 2,7 % до 3,4 %²⁰. При этом за последние три года отмечается значительный рост преступлений террористического характера: в 2023 году было зарегистрировано 2 382 преступления, в 2024 – 3 714, в 2025 – 5 920, и экстремистской направленности: в 2023 году – 1 340, в 2024 – 1 719, в 2025 – 2 241²¹. Бенефициары подготовки и организации деятельности, направленной на дискредитацию государственной власти, подрыв конституционного строя и дестабилизацию в обществе, а также нанесение значительного ущерба экономике (всплеск мошенничеств), находятся, как правило, за рубежом, откуда координируют действия через мессенджеры, игровые сайты и другие платформы посредством мобильных и компьютерных устройств, о чем свидетельствует статистика преступлений, предусмотренных ст. 205²² УК РФ и ст. 280 УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, где количество публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма с 2023 по 2025 год включительно увеличилось с 548 до 1 367 преступлений, а публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности – с 367 до 705 преступлений²³. Принятые меры, безусловно, отразятся на статистике положительным образом. Однако, как сказал заместитель министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции А. И. Храпов, «с каждой мерой, которая вступала в действие, мы фиксировали резкий спад регистрируемых преступлений с последующим частичным ростом, что говорит о том, что к этим мерам преступники приспосабливаются и понимают, как им надо дальше действовать»²⁴. Тенденция к вовлечению несовершеннолетних в совершение опасных преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий или в компьютерной сфере, на наш взгляд, продолжится, т. к. именно данная возрастная категория одновременно:

1) владеет необходимыми навыками обращения с компьютерами, приложениями, новыми информационно-телекоммуникационными ресурсами;

2) проводит наибольшее количество времени на интернет-сайтах, игровых платформах и в мессенджерах;

3) психологически наиболее уязвима и подвержена внешнему влиянию по индивидуальному ряду причин (желание быть замеченными, иллюзия избранности, быстрый заработок, отрицание ближайшего окружения и т. д.).

Если ранее главным аргументом для вовлечения несовершеннолетних по ряду статей было отсутствие для них уголовного наказания, то теперь таким аргументом может стать возможность избежать ответственности за счет действий под чужими персональными данными, в частности, биометрическими, путем умелого использования компьютерных технологий, в чем современные подростки опережают иные возрастные категории граждан. О тонкой грани между правомерным использованием биометрических персональных данных и совершением с их помощью разного рода преступлений упоминается и в Сборнике практических рекомендаций Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом²⁴. В документе говорится, что кража биометрических персональных данных может представлять собой несанкционированное получение фактических физических биометрических данных человека, например, создание копии отпечатков пальцев или маски его лица, или кражу биометрического шаблона, хранящегося в приложении или в базе данных в целях совершения преступных деяний, в частности, мошенничества, связанного с использованием похищенных данных для получения фиктивного займа, кредитной карты или приобретения дорогостоящих товаров; предлагается ряд мер для борьбы с этим явлением. В нашем уголовном законодательстве существует эффективная правовая мера борьбы

²⁰ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 16.02.2026); Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Там же. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 16.02.2026); Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года // Там же. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/72174303/> (дата обращения: 16.02.2026).

²¹ URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 16.02.2026); URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 16.02.2026); URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/72174303/> (дата обращения: 16.02.2026).

²² Там же.

²³ МВД сообщило о снижении числа киберпреступлений в РФ в 2025 году на 12 % // Интерфакс.ру : [сетевое издание]. URL: <https://www.interfax.ru/digital/1073418> (дата обращения: 18.02.2026).

²⁴ Сборник практических рекомендаций и Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом : Окончательный проект // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/sites/default/files/compendium-biometrics-20180618-ru.pdf> (дата обращения: 18.02.2026).

с неправомерным завладением персональными данными, в частности, биометрическими, в электронном виде, благодаря ст. 272¹ УК РФ, однако под действие ее санкции не подпадает вся «целевая группа» несовершеннолетних. Таким образом, актуализируется угроза роста совершения преступлений, предусмотренных п. 2 ст. 272¹ УК РФ, лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности по данной статье, с целью сокрытия совершения ими других тяжких и особо тяжких преступлений, за которые уголовное наказание наступает с 14 лет. В связи с вышеизложенным считаем необходимым расширить содержание п. 2 ст. 20 УК РФ путем внесения в ее перечень состава преступления, предусмотренного п. 2 ст. 272¹ УК РФ.

Проблема неподпадания под прямое действие уголовного законодательства случаев подделки и использования чужих биометрических персональных данных при совершении общественно опасных деяний заслуживает особого внимания. И. Н. Мосечкин предлагает установить уголовную ответственность за фальсификацию внешности, голоса, папиллярных узоров пальцев и других разновидностей биометрических данных с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение в отдельной статье УК РФ [14, с. 107]. Другие авторы, проводя параллель между подделкой документов, штампов, печатей и подделкой отображений биометрических характеристик человека, предлагают включить в ст. 327 УК РФ физические объекты, содержащие биометрические данные человека, в качестве предметов преступления [15, с. 42]. Учитывая рост общественной значимости биометрических персональных данных в жизни общества и каждого гражданина в отдельности, в рамках усовершенствования современного уголовного законодательства целесообразно рассмотреть возможность дополнить ряд статей УК РФ таким квалифицирующим признаком, как использование биометрических персональных данных.

Кроме мер, направленных на урегулирование уже сложившихся правоотношений, государство предпринимает шаги к установлению новых организационно-правовых режимов с использованием биометрических персональных данных в целях обеспечения национальной безопасности. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»²⁵, при прохождении иностранным гражданином и лицом без гражданства пограничного контроля при въезде в Российскую Федерацию или выезде из Российской Федерации в период проведения эксперимента (с 1 декабря 2024 г. по 30 июня 2026 г.) осуществляется сбор биометрических персональных данных (фотографического изображения лица и папиллярных узоров пальцев рук человека, а также на добровольной и безвозмездной основе геномной информации). Указанные биометрические персональные данные иностранного гражданина и лица без гражданства передаются в государственные информационные системы уполномоченных органов (ГИС ЕБС и базы данных органов внутренних дел) для идентификации или аутентификации иностранного гражданина или лица без гражданства. Въехавшие в Российскую Федерацию в период проведения эксперимента иностранные граждане и лица без гражданства в обязательном порядке получают электронную карту иностранного гражданина – материальный носитель, содержащий зафиксированную в графической и машиночитаемой формах информацию о держателе электронной карты иностранного гражданина, в т. ч. считываемую посредством идентификатора QR-кода, нанесенного на электронную карту иностранного гражданина.

Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 1167 «Об утверждении порядков использования органами государственной власти документов в форме карты с электронным носителем информации, выданных иностранным гражданам или лицам без гражданства, для их идентификации с помощью биометрических персональных данных»²⁶

²⁵ О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (вместе с «Правилами организации эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», «Правилами оказания содействия подразделениям органов внутренних дел Российской Федерации в проведении добровольной государственной геномной регистрации посредством получения, хранения, уничтожения биологического материала, а также получения и передачи геномной информации») : постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 (ред. от 07.11.2024) // СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7114.

²⁶ Об утверждении порядков использования органами государственной власти документов в форме карты с электронным носителем информации, выданных иностранным гражданам или лицам без гражданства, для их идентификации с помощью биометрических персональных данных (вместе с «Порядком использования органами государственной власти документа, подтверждающего прохождение иностранным гражданином или лицом без гражданства, прибывшим в Российскую Федерацию в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок, превышающий девяносто календарных дней, либо в целях осуществления трудовой деятельности, обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования, в форме карты с электронным носителем информации, для идентификации иностранного гражданина или лица без гражданства с помощью биометрических персональных данных», «Порядком использования органами государственной власти временного удостоверения

определяет порядок работы органов государственной власти в лице МВД России с указанными электронными картами в целях реализации задач в сфере миграционной политики, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

3 заключение

Законодательство Российской Федерации с 2020 года претерпевает значительные регулярные и последовательные изменения в вопросах регулирования оборота биометрических персональных данных. Среди основных организационных решений и правовых изменений, играющих, на наш взгляд, самую заметную роль в процессе обеспечения криминологической безопасности, можно выделить:

- создание государственной информационной системы – Единой биометрической системы;
- нормативно-правовое закрепление порядка предоставления сведений ГИС ЕБС правоохранительным органам;
- принятие пакета нормативно-правового регулирования функционирования ГИС ЕБС, в т. ч. установление запрета на оборот биометрических персональных данных вне ЕБС и КБС;
- запрет на передачу и распространение биометрических персональных данных граждан Российской Федерации за границу;
- ужесточение административно-правового регулирования незаконной обработки биометрических персональных данных;
- введение в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 272¹, в которой нашел отражение незаконный оборот биометрических персональных данных;
- внедрение биометрических персональных данных в организацию правового режима въезда в Российскую Федерацию и выезда из нее.

В результате проведенного исследования были выявлены некоторые недостатки в принимаемых организационно-правовых решениях, последствия которых могут оказать негативное влияние на практику правоприменения. Однако для их комплексной оценки необходимо изучить судебную практику и уголовную статистику за будущие два года.

Анализ действующих, принимаемых и проектируемых нормативных правовых актов в сфере регулирования сбора, хранения, обработки и передачи биометрических персональных данных показал, что решение проблемы возрастающих криминогенных рисков в данной области становится одной из первостепенных задач для уполномоченных органов государственной власти и подлежит контролю на самом высоком государственном уровне.

Список источников

1. Бурлака С. Н., Бельдина О. Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 277–279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_277
2. Кузнецова С. С., Мочалов А. Н., Саликов М. С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 257–267. <http://doi.org/10.17223/15617793/476/28>
3. Нейросетевая защита персональных биометрических данных : монография / Волчихин В. И., Иванов А. И., Назаров И. Г. [и др.] ; под ред. Ю. К. Язова. Москва : Радиотехника, 2012. 157 с.
4. Петрова Д. А., Папкова В. А. Обработка биометрических персональных данных в свете изменения законодательства // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 329–336. <http://doi.org/10.24412/1608-8794-2024-3-329-336>
5. Данелян Р. Н., Яковлев-Чернышев В. А. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 26–33. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-3>
6. Ворона В. А. Биометрическая идентификация личности : [монография]. Москва : Горячая линия – Телеком, 2022. 227 с.
7. Фролова Е. Ю., Кошлыкова Ю. А. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 167–174. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-167-174>
8. Зинин А. М. Идентификация человека по признакам внешности и методы биометрии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 2 (90). С. 58–66. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.058-066>

личности лица без гражданства в Российской Федерации в форме карты с электронным носителем информации для идентификации лица без гражданства с помощью биометрических персональных данных», «Порядком использования органами государственной власти вида на жительство иностранного гражданина в форме карты с электронным носителем информации для идентификации иностранного гражданина с помощью биометрических персональных данных», «Порядком использования органами государственной власти патента, выдаваемого иностранному гражданину или лицу без гражданства, прибывшему в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, в форме карты с электронным носителем информации, для идентификации иностранного гражданина или лица без гражданства с помощью биометрических персональных данных») : приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 1167 (зарег. в Минюсте России 29.12.2021, № 66666) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://pravo.gov.ru>). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112290036> (дата обращения: 16.06.2025).

9. Желудков М. А., Варыгин А. Н. Безопасное использование биометрических персональных данных личности как средство борьбы с корыстной цифровой преступностью // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 4 (159). С. 170–178. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2024-4-170-178>
10. Терещенко И. А. Биометрические персональные данные: проблемы и перспективы определения понятия // Закон и право. 2024. № 2. С. 186–192. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-186-192>
11. Вронская М. В., Виничук П. В. Биометрические данные как объект правовой охраны и защиты: актуальные проблемы // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4 (142). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.109>
12. Чукуев В. А. Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 107–116. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.91.3.107-116>
13. Коврижных Л. А. О подходах к определению понятия «компьютерная информация» / Неволинские чтения. Вопросы совершенствования высшего юридического образования на современном этапе : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 210-летию со дня рождения К. А. Неволына, 85-летию Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и 45-летию Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, 18 ноября 2016 г. Киров : Аверс, 2017. С. 158–163.
14. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 2025. Т. 16, № 1. С. 95–110. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.107>
15. Чукин Д. С., Муфаздалов С. И. Объекты с биометрическими данными как предмет преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 4 (273). С. 37–42.

References

1. Burlaka S. N., Bel'dina O. G. Zashchita biometricheskikh personal'nykh dannykh: problemy pravovogo regulirovaniya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10 (226). С. 277–279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_277
2. Kuznetsova S. S., Mochalov A. N., Salikov M. S. Biometricheskaya identifikatsiya v internete: tendentsii pravovogo regulirovaniya v Rossii i za rubezhom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 476. С. 257–267. <http://doi.org/10.17223/15617793/476/28>
3. Nejrosetevaya zashchita personal'nykh biometricheskikh dannykh : monografiya / Volchihin V. I., Ivanov A. I., Nazarov I. G. [i dr.] ; pod red. Yu. K. Yazova. Moskva : Radiotekhnika, 2012. 157 s.
4. Petrova D. A., Papkova V. A. Obrabotka biometricheskikh personal'nykh dannykh v svete izmeneniya zakonodatel'stva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2024. № 3. С. 329–336. <http://doi.org/10.24412/1608-8794-2024-3-329-336>
5. Danelyan R. N., Yakovlev-Chernyshev V. A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya biometricheskikh personal'nykh dannykh v Rossijskoj Federacii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. Т. 15, № 3 (57). С. 26–33. <https://doi.org/10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-3>
6. Vorona V. A. Biometricheskaya identifikatsiya lichnosti : [monografiya]. Moskva : Goryachaya liniya – Telekom, 2022. 227 s.
7. Frolova E. Yu., Koshlykova Yu. A. Identifikatsiya cheloveka po biometricheskim dannym: obzor sovremennykh tekhnologij // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 3. С. 167–174. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-167-174>
8. Zinin A. M. Identifikatsiya cheloveka po priznakam vneshnosti i metody biometrii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2022. № 2 (90). С. 58–66. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.90.2.058-066>
9. Zheludkov M. A., Varygin A. N. Bezopasnoe ispol'zovanie biometricheskikh personal'nykh dannykh lichnosti kak sredstvo bor'by s korystnoj cifrovoj prestupnost'yu // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2024. № 4 (159). С. 170–178. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2024-4-170-178>
10. Tereshchenko I. A. Biometricheskie personal'nye dannye: problemy i perspektivy opredeleniya ponyatiya // Zakon i pravo. 2024. № 2. С. 186–192. – <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-186-192>
11. Vronskaya M. V., Vinichuk P. V. Biometricheskie dannye kak ob'ekt pravovoj ohrany i zashchity: aktual'nye problemy // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2024. № 4 (142). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.109>
12. Chukreev V. A. Personal'nye dannye, v tom chisle biometricheskie dannye, kak predmety ugovolno-pravovoj ohrany // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2022. № 3 (91). С. 107–116. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.91.3.107-116>
13. Kovrizhnyh L. A. O podhodah k opredeleniyu ponyatiya «komp'yuternaya informatsiya» / Nevolskie chteniya. Voprosy sovershenstvovaniya vysshego yuridicheskogo obrazovaniya na sovremennoe etape : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 210-letiyu so dnya rozhdeniya K. A. Nevolina, 85-letiyu Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) i 45-letiyu Volgo-Vyatskogo instituta (filiala) Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA), g. Kirov, 18 noyabrya 2016 g. Kirov : Avers, 2017. С. 158–163.
14. Mosechkin I. N. Dipfeyk-tekhnologii i biometricheskie dannye: napravleniya ugovolno-pravovogo regulirovaniya. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 2025. Т. 16, № 1. С. 95–110. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.107>
15. Chukin D. S., Mufazdalov S. I. Ob'ekty s biometricheskimi dannymi kak predmet prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 327 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Pravo v Vooruzhennykh Silah – Voennno-pravovoe obozrenie. 2020. № 4 (273). С. 37–42.

Научная статья
УДК 343.01

Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирующая общественных отношений

Максим Викторович Бавсун, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

Аннотация:

Введение. В настоящее время мы наблюдаем смену идеологического курса в институте государственного принуждения в целом. Это характерно не только для России, но и для большей части мирового пространства. Переоценка модели его развития, появление и доминирование новых идей, в т. ч. относящихся к пониманию антропологических особенностей организма человека, уже сейчас привели к формированию иного подхода к воздействию как к явлению и к его уголовно-правовой составляющей, в частности.

Методы. Настоящее исследование посвящено выявлению и обоснованию наличия идеологической составляющей в современной уголовно-правовой политике России, а также анализу форм ее объективации в законодательстве и правоприменительной практике. Сложность и многоаспектность поставленной проблемы, находящейся на стыке конституционного, уголовного права и политологии, предопределила необходимость использования широкого спектра общенаучных и частнонаучных методов познания. Методологическая основа исследования строится на принципах всесторонности, системности и объективности, позволяющих рассмотреть феномен идеологии в уголовном праве не как абстрактную категорию, а как реально действующий фактор правообразования.

Результаты. Происходящая трансформация со средствами принуждения, изменения в их правовой регламентации, юридическом статусе и процедуре (в особенности в упрощенности) применения, отчасти носит беспрецедентный характер, разрушая всем привычные и исторически обусловленные догмы. Обоснование таких реформ не может быть бездейственным, требуя не столько детальной проработки, сколько общего направления, подчиненного целеполаганию, способного, в свою очередь, обеспечить требуемый для государства результат в противодействии преступности. Отсюда и формирование идеологии даже в рамках уголовно-правового воздействия, несмотря на ее формально-юридический запрет в Конституции Российской Федерации, видится объективной необходимостью. Речь при этом не ведется о нарушении установленного в Основном законе запрета, что абсолютно недопустимо. Острым сегодня является вопрос о формировании общей идеи направлений и пределов воздействия-принуждения в отношении тех, кто допустил общественно опасное поведение. При отсутствии центральной идеи это вряд ли возможно.

Ключевые слова:

идеология, уголовное право, идея, политика, принуждение, уголовно-правовое воздействие

Для цитирования:

Бавсун М. В. Идеология государственного принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 92–100.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025;
одобрена после рецензирования 22.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The ideology of state coercion in the sphere of criminal law regulation of social relations

Maksim V. Bavsun, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
kafedramvd@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>

© Бавсун М. В., 2026

Abstract:

Introduction. We are currently witnessing a shift in the ideological trajectory of the institution of state coercion as a whole. This trend is characteristic not only of Russia but also of most countries worldwide. The reassessment of its developmental model, coupled with the emergence and dominance of new ideas, including those concerning the understanding of the anthropological characteristics of the human organism, has already led to the formation of a different approach to coercion as a phenomenon, and to its criminal law component in particular.

Methods. This study is dedicated to identifying and justifying the presence of an ideological component within modern criminal law policy in Russia, as well as analysing the forms of its objectification in legislation and law enforcement practice. The complexity and multifaceted nature of the problem, which lies at the intersection of constitutional law, criminal law, and political science, necessitated the use of a wide range of general scientific and specialised methods of cognition. The methodological framework of the study is built upon the principles of comprehensiveness, systematicity, and objectivity, allowing the phenomenon of ideology in criminal law to be considered not as an abstract category, but as a tangible factor in the legislative process.

Results. The ongoing transformation of coercive measures, changes in their legal regulation, legal status, and procedures (increasingly simplified) for their application, is in some respects unprecedented, overturning long-established and historically conditioned dogmas. The justification for such reforms is inherently ideological; it requires not so much meticulous detail but general direction, subordinate to a goal-setting framework, capable, in turn, of ensuring the results required by the state in combating crime. Consequently, the formation of an ideology even within the framework of criminal law action is seen as an objective necessity, despite its formal legal prohibition in the Constitution of the Russian Federation. This does not imply a violation of the prohibition established in the Basic Law, which would be entirely unacceptable. Today, there is a pressing need to form a coherent general concept regarding the directions and limits of influence and coercion applied to those who have committed socially dangerous behaviour. In the absence of such a central idea, this is scarcely achievable.

Keywords:

ideology, criminal law, idea, policy, coercion, criminal law enforcement

For citation:

Bavsun M. V. The ideology of state coercion in the sphere of criminal law regulation of social relations // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 92–100.

The article was submitted December 5, 2025; approved after reviewing January 22, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Идеология как категория и как явление в последнее десятилетие стала предметом изучения многих исследователей и объектом пристального научного внимания. То, что до 2013 года – до выступления Президента Российской Федерации на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай»¹ – относилось к числу неупотребимых понятий, будучи практически табуированным в силу ст. 13 Конституции Российской Федерации², сегодня превратилось в популярную (именно так) тематику, писать о которой стало не просто необходимо, а, по сути, модно. Увы, но такое положение вещей, как правило, не добавляет «бонусов» ни самой проблематике, ни тем более ее грамотному, качественному и эффективному разрешению. Сама идеология за это время как правовая, политическая и социальная категория не претерпела ровным счетом никаких изменений³. Трансформировалось отношение к ней, сформировались некоторые подходы и попытки обозначить ее очертания, появились некие обоснования ее необходимости, но при этом никуда не делась упомянутая статья Конституции, остался фундаментальный «разлом» общественного сознания именно в этой части, усилилось противодействие Запада ее формированию, а также множество других факторов объективного свойства. По большому счету ничего в данном направлении не изменилось за исключением отношения, допускающего сам факт возможного позитивного восприятия идеологии современным обществом. Итогом является пока лишь предложение дополнительного исследования данной проблематики, сопровождающееся еще более ожесточенным клеймением якобы негативного опыта СССР (и не только), наряду с бесконечными опасениями возврата к тоталитарному государству, нарушению прав человека и т. д. [1; 2; 3, с. 242–244]. В современной России, отмечает П. А. Астафичев,

¹ См.: Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19243> (дата обращения: 31.05.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 14.02.2024).

³ На глобальном уровне идет масштабная кампания по наполнению идеологии различным содержанием, в частности: постмодернизмом (и его многочисленными вариантами), постиндустриальным обществом, постчеловеком и пр. Вместе с тем сама идеология именно как категория от этого не меняется, оставаясь некоей формой с постоянно меняющимся содержанием. При этом ее отрицание на любом из возможных уровней никак саму идеологию не отменяет, представляя лишь определенную политическую «игру», далекую от реальности.

наблюдаются идеологические искания, что наглядно прослеживается, в частности, при анализе ряда конституционных поправок от 2020 года [4]. Именно в рамках таких исканий появились конституционные установления о защите исторической правды, об уважении к старшим и о вере в Бога [5].

Между тем нет общей идеологии, не может быть ее и на более «низком» (частном) уровне, например, региональном, отраслевом или предметном [6; 7]. Этот тезис, с одной стороны, логичен и ставит таким образом точку в любых начинаниях, направленных на исследование данной тематики, а с другой – он не всегда подтверждается фактически как раз на том самом более «низком» уровне. Продолжая декларировать в рамках официальной позиции отсутствие в нашем отечестве официальной идеологии, более того, сохраняя запрет на таковую в высшем законе, государство тем не менее просто вынуждено реагировать на происходящие события, тональность которых не позволяет обходиться лишь отдельными изменениями законодательной базы. Все, что происходит сейчас на нормативном уровне, сложно назвать простыми изменениями и дополнениями, как, впрочем, и использовать другую подмену понятий – совершенствование законодательного материала. Мы наблюдаем глубокую трансформацию подходов в правовом регулировании общественных отношений, появление новых средств и методов противодействия негативным явлениям любого свойства, основанных в т. ч. на ранее недоступных технологиях. Их разнообразие наряду с высокой динамикой появления все новых и новых событий, вынуждающих как законодателя, так и правоприменителя рефлексировать на происходящее, указывают на глобальность, а не ситуативность, и тем более не случайность наблюдаемых процессов. Вместе с тем их реализация не может носить спонтанный характер, и чем больше она будет объединена одной идеей, тем больше гарантий упорядоченности ответной реакции на любые процессы, включая и противодействие преступности.

Методы

Всеобщий диалектический метод служит фундаментальной основой всей работы. Его применение позволяет рассмотреть уголовно-правовую идеологию в развитии, выявить внутренние противоречия между конституционным запретом на государственную идеологию (ст. 13 Конституции Российской Федерации) и фактической политико-правовой практикой, направленной на защиту национальных интересов. Анализ и синтез применялись для расчленения сложного понятия «идеология уголовно-правового воздействия» на составляющие элементы: цели, задачи, принципы, средства и методы противодействия преступности. Синтез полученных данных позволил сформировать целостное представление об идеологическом векторе развития современного уголовного законодательства. Историко-правовой метод использован для выявления генезиса отношения государства к идеологии в сфере борьбы с преступностью. Сравнение с дореволюционным и советским периодами показывает, как менялась роль государства в формулировании ценностных оснований уголовной репрессии. Системно-структурный метод обеспечил рассмотрение уголовно-правовой идеологии не как изолированного явления, а как неотъемлемого элемента более общей системы – государственной политики обеспечения безопасности. Метод контент-анализа был применен для изучения текстов федеральных законов, посланий Президента Российской Федерации, программных документов политических партий и выступлений ключевых государственных деятелей. Это позволило выявить ключевые смысловые доминанты (лексемы «безопасность», «суверенитет», «историческая правда», «традиционные ценности»), частотность и контекст их употребления, что объективировало субъективные выводы о направленности идеологического воздействия. Также в исследовании применялись частнонаучные (юридические) методы. С помощью формально-юридического метода были исследованы конструкции новых составов преступлений (в сфере миграции, против основ конституционного строя), а также трансформация санкций в сторону их ужесточения. Данный метод позволил зафиксировать, как именно идеологические установки (непримиримость к врагам государства, защита традиционного уклада) трансформируются в конкретные юридические нормы и предписания. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российских тенденций с западноевропейским опытом. Метод юридической герменевтики (интерпретации) оказался востребован при толковании конституционных положений об идеологическом многообразии. Применялись и специфические методы исследования: политико-правовой анализ применен для оценки влияния внешнеполитических факторов (события 2014 года, начало специальной военной операции) на внутреннюю уголовную политику; антропологический подход использован для объяснения глубинных причин востребованности идеологии. Опираясь на

идеи о том, что корни ответственности лежат в структуре общественных отношений и психологии эпохи, мы обосновываем, что жесткость уголовно-правовой реакции является не произволом законодателя, а ответом на коллективные, часто иррациональные, ожидания безопасности и защиты. Применение данного комплекса методов позволило не только констатировать наличие идеологических начал в современном уголовном праве, но и раскрыть механизмы их формирования, обосновать их объективную обусловленность и предложить авторское видение перспектив развития идеологии уголовно-правового воздействия как системного фактора противодействия преступности.

Результаты

Безусловно, уголовно-правовая сфера регулирования общественных отношений здесь не исключение, а скорее, наоборот, одна из базовых для внедрения и реализации центральной идеи, способной оказать влияние не просто на уголовное законодательство, а на сознание общества в целом. События, происходящие в нашей стране, начиная с 2014 года (кризис на Украине) и в мировом пространстве с 2022 года (по сути, начало военного столкновения России и объединенного Запада) повлекли за собой изменения всех сфер жизнедеятельности человека на беспрецедентном уровне. Правовое регулирование общественных отношений, включая и его уголовно-правовую сферу, не просто не могут оставаться в стороне от происходящих событий, они должны быть в авангарде трансформации общественных отношений. Вопрос лишь в том, насколько эта трансформация будет закономерной или доминирующей останется все-таки рефлексия на происходящее, направленная на постоянное реагирование на появляющиеся проблемы, но не способная оказывать какое-либо системное воздействие.

В свою очередь, идеология – это именно то начало, которое способно выступить в качестве системообразующего фактора любой деятельности, включая совершенствование механизма уголовно-правовой охраны. Не утверждая, что отдельные ее проявления уже сегодня можно проследить в отечественном уголовном законодательстве и практике его применения, тем не менее нельзя не сказать, что их анализ крайне интересен с точки зрения данной категории. Формат поведения как законодателя, так и общества в целом⁴, с учетом степени вторжения происходящих событий в сферу национальных интересов, становится все более жестким и непредсказуемым, а принимаемые при этом решения – все менее компромиссными и терпимыми, в т. ч. по отношению и к отдельным лицам или их категориям. Жесткость и непримиримость ответной реакции становятся все более последовательными в современной уголовной политике, что в целом соответствует той трансформации общественных отношений, которые наблюдаются в последние несколько десятилетий.

Очевидность данного тезиса находит соответствующее подтверждение в многочисленных изменениях отечественного уголовного законодательства, направленность которых по большей части не оставляет сомнений. В частности, речь идет о таких тенденциях его развития, как появление и развитие средств безопасности и контроля⁵, изменение отношения к ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних, конституционного строя и безопасности государства, семьи и несовершеннолетних, основ государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, экстремистского и террористического характера и некоторых других посягательств [8]. Это также миграция как глобальное явление, и обусловленные его развитием вопросы, которые в последнее десятилетие приобрели по-настоящему ключевой характер. В современных условиях все более актуальными становятся проблемы устойчивости государственной власти и территориальной целостности государства – сохранение его самоидентичности и некоторые другие явления и вызовы, сдерживать которые на уровне рефлексии, реагируя лишь на частные случаи, невозможно. Системность воздействия должна быть обеспечена центральной идеей, наличие которой в целом уже сегодня можно проследить на конкретных примерах реагирования государства на каждое из перечисленных выше явлений.

⁴ Сегодня существует немало примеров того, когда общество буквально требует наиболее жестких мер реагирования на происходящие события, причем любого характера, как связанные с уголовным законодательством, так и нет (См., например: Мединский: после украинских терактов россияне требуют удара «Орешника» по Киеву // Ведомости (Vedomosti) : [сетевое издание]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/06/09/1116130-medinskii-rossiyane-trebuyut> (дата обращения: 21.09.2025).

⁵ В том числе и в смежных отраслях правового регулирования, например, в административном законодательстве. В частности, речь идет о появлении нового режима высылки иностранных граждан, а также институте пробации.

Процессы криминализации наряду с ужесточением наказаний за преступления, относящиеся к перечисленным группам, указывают на категоричность государства в его отношении к их общественной опасности, а соответственно, и к тем мерам, которые необходимы для противодействия им в дальнейшем. Можно ли в данном случае говорить об идеологии противодействия, или это не более чем некие тенденции развития законодательства с учетом меняющихся реалий? Ответ на этот вопрос не может быть получен безотносительно обращения к политической ситуации в стране и в мире, к факторам, оказавшим непосредственное влияние на трансформацию уголовного законодательства в данной его части. Не криминологический, а именно политический аспект становится определяющим в решении вопроса о наличии или отсутствии идеологии в происходящих процессах.

Нельзя не признать, что к одной из наиболее динамично меняющихся сфер правового регулирования в последнее время (особенно после начала специальной военной операции на Украине) относится миграция, воздействие на которую, пожалуй, можно признать по-настоящему последовательным и комплексным, хотя и небезупречным. Однако в данном случае речь должна идти не об огрехах в принимаемых решениях, а именно об их системности, пронизанной центральной идеей. Признание существования отмеченных критериев позволит вести речь и о наличии идеологии, по крайней мере в данном отдельно взятом сегменте противодействия преступности. Впрочем, это же будет означать и проявление идеологической составляющей у государства в целом, т. к. противодействие преступности представляет собой исключительную прерогативу власти.

Между тем, если обратиться к законодательству в целом, а не только к его уголовно-правовому блоку, можно увидеть, что действия государства, в частности, в данном направлении, не просто последовательны, они действительно пронизаны единой идеей, суть которой все больше сводится к обеспечению безопасности общества. В свою очередь, ее реализация практически полностью исключает какие-либо ограничения в части применения и последующей реализации, т. к. ее подчинение началу целесообразности является тотальным. Безусловно, такая трансформация происходит не сама по себе, она находится под давлением различного рода обстоятельств, а конкретно в данном случае – обстоятельств политического характера. Обойти вновь появляющиеся факторы по-другому не представляется возможным, что делает изменение законодательной базы неизбежным. Но эта же неизбежность диктует и ту идею, которая отвечает современным вызовам и угрозам, позволяя сформировать требуемую совокупность средств реагирования.

Идеология формируется не сама по себе, она абсолютно зависима от тех угроз, которые являются наиболее острыми в определенный временной промежуток. Более того, чем серьезнее эти угрозы, тем выше вероятность постановки самого вопроса относительно необходимости формирования идеологии как таковой⁶. При этом именно политический фактор выступает в качестве одного из наиболее значимых в данном вопросе, поскольку способен быть системообразующим в силу своей высокой значимости. Именно это мы и наблюдаем сегодня, когда позиция законодателя оказалась под серьезным давлением политических событий, оказывающих самое серьезное влияние на все сферы жизнедеятельности каждого россиянина в режиме реального времени (в масштабе жизненного цикла отдельно взятого человека) и выглядят как нечто экстраординарное, катастрофичное и единственное в своем роде, а соответственно, требующее не менее исключительных (чрезвычайное законодательство) и срочных мер реагирования.

Многие догмы и стереотипы, казавшиеся до определенных событий совершенно незыблемыми, оказались ничтожными перед лицом новых и абсолютно неожиданных событий, спровоцированных внешнеполитической повесткой. То, что еще несколько лет назад представлялось совершенно невероятным, сегодня превратилось в норму, точно также повлияв и на отечественное законодательство, включая и его уголовно-правовую составляющую. Оно трансформировалось не просто технико-юридически, оно уже давно видоизменилось идейно⁷. Это сложно признать, особенно с доктринальной точки зрения, догматизм которой вполне объясним прежде всего с исторических позиций. Однако нельзя не признать и того, что преодоление догм становится возможным как раз через появление и реализацию новых идей, особенно когда они

⁶ Именно характер таких угроз в начальный период формирования молодого Советского государства и выступил причиной продуцирования идеологии как обязательного условия сохранения власти, развития общества и государства, а также появления перспектив его существования в дальнейшем. Это также было крайне важно с позиции трансформации прежнего общества и создания его принципиально новых основ, нового человеческого капитала, совершенно необходимого для создания иного миропорядка.

⁷ Вопрос лишь в том насколько вновь появляющиеся конструкции, являющиеся носителями новых идей, способны обеспечить взаимосвязь базовых институтов с предполагаемыми результатами, насколько при этом сохранится «дух» права, его традиции и преемственность?

транслируются государством, что свидетельствует об их соответствующей поддержке со стороны власти. Без этого ни о какой идеологии говорить невозможно, так же как нельзя вести речь и о новых, сколь-нибудь значимых результатах в механизме государственного принуждения.

В этом отношении идеология – мощное средство преодоления не только догм, но и давно накопившихся проблем в сфере правового регулирования общественных отношений. Возможный «скачок» за счет появления центральной идеи в данной части реализации государством своей власти может многократно превышать длительные процессы эволюционного характера. При этом сами методы реализации такой идеи могут быть различными, включая как непосредственно трансформацию уголовного законодательства, так и появление чрезвычайных нормативных правовых актов, зачастую откровенно и весьма бесцеремонно вторгающихся в уголовно-правовую сферу. С одной стороны, они нарушают все допустимые правила и те самые традиции, на которых базируются основы уголовного права, его основные институты и категории. С другой – это всего лишь способ реализации новых идей, который является единственным возможным в условиях доминирования сформировавшихся правил нормативного регулирования общественных отношений. Зачастую именно такие акты несут в себе идеологический заряд, выступая в роли необходимых звеньев зарождающейся идеологии государства в его деятельности по борьбе с преступностью в качестве эффективного средства преодоления догматизма.

Одним из первых сигналов трансформации официальной позиции власти в направлении ее непримиримости к отдельным видам преступности является принятие в 2006 году Федерального закона «О противодействии терроризму»⁸, предусматривающего возможность уничтожения водного или воздушного судна в случае его захвата террористами и создания реальной угрозы причинения вреда объектам ядерной инфраструктуры или иного жизнеобеспечения. По сути, совершенно беспрецедентный по своей жесткости акт ко всему прочему выходит далеко за пределы своих правовых полномочий, подменяя собой уголовный закон в части регламентации им института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Затем последовали масштабные изменения в уголовной политике в части реакции государства на преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, экстремистские посяательства, нарушения миграционного законодательства и некоторые другие группы общественно опасных деяний [9]. Важно, что ужесточение позиции государства по целому блоку вопросов носит исключительно системный и целенаправленный характер – оно пытается защитить себя, что не только естественно, но и совершенно необходимо в новых условиях его существования. И как бы мы ни вели речь об отсутствии идеологии и ее официальном запрете в Основном законе, тем не менее невозможно отрицать тот факт, что все принимаемые изменения пронизаны единой идеей, позволяя вести речь о фактически сформировавшемся идеологическом уклоне в развитии современной уголовно-правовой политики.

С учетом того, что обозначенный законодателем тренд на ужесточение ответственности за преступления определенной группы неоднократно подтверждался различными актами чрезвычайного регулирования, отрицание идеологии даже с формальных позиций становится все менее объективным. При этом проявление идеологического аспекта происходит именно в системе государственного принуждения, уголовно-правовая составляющая которого, во-первых, наиболее репрессивна, а во-вторых, привлекает к себе наибольшее внимание общества. С учетом высокой его взаимосвязи со средствами, находящимися в административном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательствах и их полной интегрированности в государственно-правовую сферу воздействия на осужденного, нельзя говорить об отдельно существующем уголовно-правовом участке идеологии. Это невозможно в первую очередь в связи с высоким уровнем взаимодействия каждого средства принуждения со всеми аспектами его реализации, которые, как правило, затрагивают различные сферы правового регулирования. Уголовно-правовые отношения не существуют в отрыве от всей совокупности правового механизма регулирования общественных отношений, так же как и идеологический компонент не может быть реализован в рамках одного направления, при этом в других сферах оставаясь прежним.

Нет сомнений, что уголовно-правовое направление государственной идеологии занимает одно из центральных мест в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности общества [10]. В то же время нельзя недооценивать и роль других, не менее важных компонентов ее реализации, среди которых помимо собственно правовых присутствуют в чистом виде организационные, воспитательные, психологические и прочие элементы [11, с. 128]. В конце концов, «все

⁸ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

идеологии имеют один общий корень – психологию данной эпохи»⁹, которая по большому счету и определяет содержание принудительного воздействия на преступность в целом и на личность преступника в частности. И в этом отношении наполняемость уголовно-правового принуждения напрямую зависит от тех угроз, которые такие психологические установки диктуют. Что интересно, устанавливаемый при этом конституционный запрет на любую идеологию оказывается бессильным перед психологическими факторами, зачастую определяющими политику государства в его деятельности по противодействию преступности.

Сам по себе психологический аспект в значительно большей мере агрессивен, чем формализованный, пусть он даже выражен в Основном законе государства. Последний подлежит трактовке, неоднозначному пониманию, расширительному толкованию и т. д. Психологически он оказывает влияние на естественные чувства и эмоции не только отдельного человека, но и на коллективное и бессознательное, когда реакция законодателя начинает носить рефлекторный, защитный характер, невзирая ни на какие запреты и установки, транслируемые правом. Тем более если учесть тот факт, что эти установки были сформулированы, по сути, в другой эпохе, а вызовы и угрозы являются реальными именно сейчас. Их устранение не просто необходимо, но жизненно и практически неизбежно. Сам факт их наличия при этом вызывает простую человеческую реакцию противодействия и защиты. И чем более целенаправленной и последовательной эта угроза является, тем более целенаправленными и последовательными будут действия по ее локализации и устранению.

Специалисты в области конституционного права аргументацию в части возможности двойственного толкования, казалось бы, категоричного запрета на идеологию прямо подтверждают. Так, А. М. Цалиев отмечает, что конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию должен пониматься не как запрет на государственную, в смысле конституционную идеологию, который никак не соотносится с мировой конституционной практикой [12, с. 41], «...но, скорее, как отрицание официализации партикулярной идеологии в качестве одной-единственной государственной идеологии с вытекающими из этого социальными и юридическими „принудительно-обязательными“ последствиями» [13].

Более того, отстаивая право государства на обладание собственной идеологией, И. В. Приставкин отмечает, что «Конституция не запрещает никому, в том числе и государству, вырабатывать и пропагандировать свою идеологию» [14, с. 9]. И именно психологический фактор оказывается в роли того, который выступает главным при принятии конкретного решения, позволяя трактовать прямой запрет на любую из идеологий, как неоднозначный или даже, как ничего не запрещающий. Отсюда и жесткость тех реакций, которые мы наблюдаем сначала с 2012 года (события на Болотной площади), а затем с 2022 года (начало специальной военной операции на Украине). Законодатель на протяжении последних двух десятилетий, несмотря на его активную критику как в доктрине, так и в обществе в целом, демонстрирует сокращение лояльности к наиболее опасным формам преступных проявлений. Его систематическая деятельность, направленная на поиск новых форм и методов противодействия таким явлениям, говорит сама за себя. И это уже само по себе есть не что иное, как идеология в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений.

Она, кстати, в определенной степени соответствует подходу, демонстрируемому в западноевропейском уголовном праве и законодательстве, где обеспечение безопасности общества выступает в качестве основной задачи, решение которой объясняет выбор любых средств противодействия преступности. Именно это и составляет основу ее идеологии, где начала целесообразности традиционно доминируют. Сформированные при этом антропологические предпосылки такого подхода лишь придают ему ту самую стройность, которая характерна и для идеологии государственного принуждения в целом, и для ее уголовно-правовой составляющей в частности. Антропологическая основа появления значительного числа средств воздействия на тех, кто совершил преступление, создала необходимые условия для формирования механизма такого принуждения в целом, как общую идею и предпосылку одновременно. Это лишний раз подтверждает тезис, согласно которому «...корни юридической ответственности следует искать не в законодательстве, а в сущности, содержании и структуре господствующих общественных отношений, что выходит за рамки непосредственного предмета правоведения» [15, с. 25]. Именно это и определяет идеологию воздействия на преступность в целом, в рамках которой осуществляется выбор конкретных средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Представление государства о желаемом облике общества в будущем, а не в текущий момент, задает вектор его развития, а идеология служит инструментом, обеспечивающим движение в соответствии с этим вектором. Идейное расхождение в понимании сущности человека,

⁹ Плеханов Г. В. Сочинения : [в 24 т.] / под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. Москва : Государственное издательство, 1923. Т. X. С. 190–191.

а следовательно, и природы происхождения его поведения, в конечном итоге привело к идейным расхождениям в выборе конкретных средств противодействия преступности, в уголовной политике и в обеспечении криминологической безопасности на Западе и у нас.

В свою очередь, нельзя не признать, что на современном этапе механизм уголовного давления как за рубежом, так и в России в большей степени зависим от политической, чем от любой другой (пусть даже и исторически обусловленной) составляющей. Что характерно, эта составляющая в разных обществах кардинально отличается друг от друга. И это тоже идеология. То, что мы сегодня видим на политической арене, есть не что иное, как столкновение двух мировоззренческих подходов, существование которых в безыдейном пространстве невозможно априори, что делает все рассуждения относительно недопустимости идеологии как таковой несостоятельными. К сожалению, уголовное законодательство (как и уголовное право) в очередной раз оказывается в роли обычного инструмента, одного из средств взлома прежних отношений, типичных для данной отрасли правового регулирования (охраны). Политизированность его самого, как впрочем, и всех его базовых категорий, таких как преступление, наказание и ответственность, исторически предопределена, а их зависимость от диктуемой политическим строем идеи вполне естественна, лишней раз подтверждая прямую зависимость средств и методов государственного принуждения в уголовном праве в соответствии с потребностями в деле противодействия преступности. При этом именно современный этап характеризуется достаточно выраженным проявлением идеи, нашедшей свое отражение прежде всего в уголовном законе. Политические, экономические и социальные условия вынудили законодателя идти по пути ужесточения государственного принуждения за наиболее опасные посягательства, предложив при этом большее количество альтернатив за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Разрыв между ними становится все больше, таким образом обеспечивая реализацию как начала экономии уголовной репрессии, так и идеи ее непримиримости по отношению к тем, кто допускает наиболее опасные проявления для общества и государства.

Список источников

1. Нисневич Ю. А., Рябов А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>
2. Медушевский А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.
3. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Власть и идеология в России: от провиденциализма и революционного мессианства к современным реалиям : монография. Санкт-Петербург : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025298 с.
4. Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 5. С. 24–47. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.24.47>
5. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
6. Наумов А. В. Идеологические основы уголовного закона / Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сборник научных трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов : Сателлит, 2008. С. 56–59.
7. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности : история, современность, перспективы, проблемы. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. 559 с.
8. Бавсун М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 483–493. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).483-493](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493)
9. Бавсун М. В. Выдворение, депортация и режим высылки как иные меры уголовно-правового характера // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2 (97). С. 159–164. <https://doi.org/10.24412/1999-615X-2025-297-159-164>
10. Бавсун М. В., Векленко В. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5 (92). С. 131–138.
11. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение : [монография]. Москва : Норма, 2011. 384 с.
12. Лебедев В. А. Конституционная идеология – идеология демократии / Современные проблемы конституционно-го и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : материалы международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакян. Москва : Издательский дом РоЛиКС, 2010. С. 40–44.
13. Цалиев А. М. О государственной идеологии в контексте ст. 13 Конституции Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4. С. 82–92.
14. Правкин И. В. К вопросу о содержании правоохранительной системы России // История государства и права. 2008. № 13. С. 7–10.
15. Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1990. 178 с.

References

1. Nisnevich Yu. A., Ryabov A. V. Sovremennyy avtoritarizm i politicheskaya ideologiya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 4. S. 162–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.13>
2. Medushevskii A. N. Kognitivno-informacionnaya teoriya kak novaya filosofskaya paradigma v gumanitarnom poznanii // Voprosy filosofii. 2009. № 10. S. 70–92.
3. Goncharenko L. N., Avakova E. B., Kuznecov A. A. Vlast' i ideologiya v Rossii: ot providencializma i revolyucionnogo messianstva k sovremennym realiyam : monografiya. Sankt-Peterburg : Izdatel'sko-poligraficheskaya associaciya vysshih uchebnyh zavedenij, 2025298 s.
4. Maslennikova S. V. Ideologiya konstitucionnyh popravok 2020 g. v sfere social'nogo i ekonomicheskogo razvitiya // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2021. T. 14, № 5. S. 24–47. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.24.47>
5. Astafichev P. A. Konstitucionnyj zapret na gosudarstvennuyu ili obyazatel'nuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinal'nom osmyslenii i obosnovanii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 8. S. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-8-12-18>
6. Naumov A. V. Ideologicheskie osnovy ugovolnogo zakona / Ugolovno-pravovoj zapret i ego effektivnost' v bor'be s sovremennoj prestupnost'yu : sbornik nauchnyh trudov / pod red. N. A. Lopashenko. Saratov : Satellit, 2008. S. 56–59.
7. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika i ugolovnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti : istoriya, sovremennost', perspektivy, problemy. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. 559 s.
8. Bavsun M. V. Vliyanie faktorov geopoliticheskogo haraktera na izmenenie ugolovno-pravovoj politiki gosudarstva // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. T. 9, № 3. S. 483–493. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).483-493](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).483-493)
9. Bavsun M. V. Vydvorenie, deportaciya i rezhim vysylki kak inye mery ugolovno-pravovogo haraktera // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 31, № 2 (97). S. 159–164. <https://doi.org/10.24412/1999-615H-2025-297-159-164>
10. Bavsun M. V., Veklenko V. V. Ideologicheskie osnovy ugolovno-pravovogo vozdejstviya // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. № 5 (92). S. 131–138.
11. Lukasheva E. A. Chelovek, pravo, civilizacii: normativno-cennostnoe izmerenie : [monografiya]. Moskva : Norma, 2011. 384 s.
12. Lebedev V. A. Konstitucionnaya ideologiya – ideologiya demokratii / Sovremennye problemy konstitucionnogo i municipal'nogo stroitel'stva: opyt Rossii i zarubezhnyh stran : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. S. A. Avak'yan. Moskva : Izdatel'skij dom RoLiKS, 2010. S. 40–44.
13. Caliev A. M. O gosudarstvennoj ideologii v kontekste st. 13 Konstitucii Rossijskoj Federacii // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 82–92.
14. Pravkin I. V. K voprosu o sodержanii pravoohranitel'noi sistemy Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 13. S. 7–10.
15. Pohmelkin V. V. Social'naya spravedlivost' i ugolovnaya otvetstvennost'. Krasnoyarsk : Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1990. 178 s.

Научная статья
УДК 343.2

Некоторые теоретические и практические проблемы практики назначения уголовного наказания

Владимир Николаевич Бурлаков, доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург (199034, Университетская набережная, д. 7/9), Российская Федерация
parus348@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3711-1762>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования состоит в анализе проблемных вопросов, возникающих в практике назначения судами уголовного наказания, в конкретизации возникающих при этом негативных последствий, а также в разработке правовых и практических предложений, направленных на оптимизацию этой практики. На ошибки при назначении наказания обращено внимание в обзорах судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам*. Причины таких ошибок кроются в недостатках самой правовой основы, посвященной общим началам и правилам назначения наказания, а также в отсутствии теоретически обоснованной методики, которая могла бы способствовать адекватному единообразному ее применению и стала гарантом соблюдения принципов равенства, законности и справедливости.

Методы. Эти вопросы стали предметом исследования наказательной практики в нескольких регионах посредством ее обобщения (мониторинга) и сопоставления полученных результатов с аналитическими расчетами, связанных с назначением наказания, и основных критериев, относящихся к совершенному преступлению и личности подсудимого.

Выводы. Результаты исследования и мониторинга судебной практики позволили сформулировать теоретические выводы и рекомендации по совершенствованию правовой и методической основы назначения наказания с позиции *de lege ferenda*.

Ключевые слова:

личность виновного, категории личности, критерии назначения наказания, методика назначения наказания

Для цитирования:

Бурлаков В. Н. Некоторые теоретические и практические проблемы практики назначения уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 101–106.

Статья поступила в редакцию 19.10.2025;
одобрена после рецензирования 17.12.2025;
принята к публикации 20.02.2026.

© Бурлаков В. Н., 2026

* Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024) // Правовой СерверКонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477436/ (дата обращения: 05.10.2025) ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2024) // Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491650/ (дата обращения: 05.10.2025) ; Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.12.2024) // Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496494/ (дата обращения: 05.10.2025) ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2023) (ред. от 25.04.2025) // Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445702/ (дата обращения: 05.10.2025) ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.07.2023) // Там же. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452382/ (дата обращения: 05.10.2025) ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15.11.2023) // Там же. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/ (дата обращения: 05.10.2025).

Original article

Theoretical and practical problems in the practice of imposing criminal penalties

Vladimir N. Burlakov, Doc. Sci. (Jurid.), Professor

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya quay, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
parus348@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3711-1762>

Abstract:

Introduction. The relevance of the study lies in analysing problematic issues arising in the practice of imposing criminal penalties by courts, specifying the negative consequences arising from this, and developing legal and practical proposals aimed at optimising this practice. Attention is drawn to errors in the imposition of penalties in reviews of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in specific cases. The reasons for such errors lie in the shortcomings of the legal framework itself, which deals with the general principles and rules for sentencing, as well as in the absence of a theoretically sound methodology that could contribute to its adequate and uniform application and guarantee compliance with the principles of equality, legality and fairness.

Methods. These issues have been the subject of research into penal practice in several regions through its generalisation (monitoring) and comparison of the results obtained with analytical calculations related to the imposition of punishment and the main criteria relating to the crime committed and the personality of the defendant.

Conclusions. The results of the study and monitoring of judicial practice allowed us to formulate theoretical conclusions and recommendations for improving the legal and methodological basis for sentencing from the perspective of *de lege ferenda*.

Keywords:

personality of the offender, personality categories, criteria for sentencing, sentencing methodology

For citation:

Burlakov V. N. Theoretical and practical problems in the practice of imposing criminal penalties // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 101–106.

The article was submitted October 19, 2025;
approved after reviewing December 17, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

История разработки объективных методов назначения уголовного наказания насчитывает более ста лет. Одной из первых в этом направлении стала методика инженера Н. Д. Оранжева, который предложил балльную систему измерения тяжести преступления и суровости наказания [1]. В дальнейшем разработка таких методов продолжилась. Одни ученые считали, что математические приемы приведут к ограничению самостоятельности и независимости суда, другие полагали их целесообразными. Например, С. Ф. Милюков предложил простую схему, которую можно включить в законодательство, отражающую характеристики личности преступника¹. В последние годы появились предложения использовать для этого компьютерную программу. Например, Х. Д. Аликуперов, директор Центра правовых исследований (Баку, Азербайджанская Республика) разработал методику, получившую название «Электронные весы правосудия» [2].

Нужно отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 года² формализация назначения наказания стала развиваться путем включения в него специальных правил, количество которых постепенно увеличивалось (ст. 62, 63¹, 64–70 УК РФ). Практика неоднозначно их оценивает, о чем будет сказано ниже [3]. Подчеркнем, что в приговорах ошибки при назначении наказания встречаются чаще, чем при квалификации преступления. Об этом свидетельствует количество отмененных или измененных Верховным Судом Российской Федерации приговоров. Социологические опросы показывают, что каждый второй осужденный уходит из зала суда с мыслью, что наказание назначено несправедливо. В чем заключается причина: в несовершенстве правовой основы, в подготовке судей в направлении индивидуализации наказания, которая в программе юридического образования занимает скромное место, в отсутствии методических приемов или чем-то другом?

¹ Милюков С. Ф. Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1980. С. 18.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Выскажем несколько предположений о сути проблем при назначении наказания. Возможно, они коренятся в самой правовой основе назначения наказания, которая, как известно, состоит из нескольких элементов. Это уголовно-правовые нормы, предусматривающие виды наказания, указанные в главе 9 УК РФ, и условия, при которых тот или иной вид наказания может или не может быть назначен. Это и Общие начала назначения наказания, предусмотренные в ст. 60 УК РФ, а также специальные правила, указанные выше, которые позволяют рассчитать количественную меру наказания. К проблемным вопросам в Общих началах можно отнести начала-принципы и начала-критерии. Например, такие принципы, как целесообразность наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ) и его эффективность (ч. 3 ст. 60 УК РФ), верификация которых в самом Законе отсутствует. Даже принцип справедливости представлен неоднозначно: и как общее начало (согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ), и как принцип уголовного закона (согласно ст. 6 УК РФ) [4].

Проблемными оказались и критерии индивидуализации наказания, а именно, общественная опасность преступления и личности виновного. Например, при учете личности виновного, понятие и содержание которого в Уголовном кодексе не раскрыто, допускается произвольное усмотрение [5]. Но в законе есть статьи, посвященные преступлению, например, ст. 14, 15 УК РФ, о понятии и категориях преступления, а в Особой части УК РФ в диспозициях статей всегда содержится в известной мере описательная характеристика деяния, и это очерчивает рамки усмотрения.

Далее, правовая основа включает специальные правила назначения уголовного наказания, которые член Верховного Суда Российской Федерации О. К. Зателепин образно назвал «наказательной арифметикой», отметив, что для судей они оказались крепким орешком [6].

Специальные правила, как известно, впервые появились в УК РСФСР 1922 года³. Но без четкой формализации эти правила не особо ограничивали правосознание судей. Как отмечают ученые, небольшое их количество «свидетельствовало о несовершенстве законодательной материи в этой части и, соответственно, о необоснованно расширенном диапазоне судейского усмотрения... причинами этого являлись недостатки законодательной техники того периода и отсутствие достаточного опыта в сфере законотворчества» [3]. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года пошел значительно дальше в направлении формализации, однако потенциал специальных правил назначения уголовного наказания далеко не исчерпан.

Методы

Проблемных вопросов много, и их невозможно рассмотреть в одной статье. Мы обратимся только к одному из них, связанному с личностью виновного и присутствующему во всех элементах правовой основы. В них личность выступает в нескольких ипостасях: как критерий назначения наказания; как необходимое условие (или основание) для применения норм, предусматривающих специальные правила; как объект судебной оценки, весьма слабо определенный, хотя Верховный Суд Российской Федерации и дал разъяснения по этому вопросу. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации указан перечень обстоятельств, характеризующих личность, однако он оставляет широкий простор для судейского усмотрения⁴. Поэтому по многим приговорам возникают вопросы, в какой мере и в каком направлении была учтена судом информация о преступлении и личности виновного, как она повлияла на выбор вида и размера наказания? Анализ результатов мониторинга судебной практики, проведенного автором в нескольких регионах страны, показал существенные расхождения между средним наказанием, рассчитанным по реальным приговорам, и средним наказанием, рассчитанным эмпирически. Расхождение это, как правило, в сторону завышения наказания [7], что отмечали и другие ученые⁵.

В процессе исследования предпринята попытка установить причины такого завышения. Было сформулировано несколько гипотез. В одной из них говорилось о принципе справедливости в контексте классической школы уголовного права, в которой утверждалось, что «настоящим мерилom преступлений является вред, причиненный ими обществу» (Ч. Беккариа) [8], т. е. тяжесть наказания должна увеличиваться или снижаться в зависимости от увеличения или

³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1 июня 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁵ Чугаев А. П. Назначение наказания: учебное пособие. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 347 с.

уменьшения тяжести совершенного преступления. Полученные в нашем исследовании результаты показали иное. Во-первых, по мере ухудшения характеристики осужденных наказание обязательно ужесточалось, причем ужесточение наблюдалось даже в тех случаях, когда одновременно уменьшалась степень общественной опасности преступления⁶, и, во-вторых, увеличение степени общественной опасности содеянного не обязательно вело к ужесточению наказания [7].

Другая гипотеза исходила из предположения, что жесткость наказания по приговору суда напрямую зависит от отрицательной оценки личности. Но и эта гипотеза не подтвердилась, т. к. оказалось, что только треть осужденных были отнесены к типу, у которого общественная опасность оказалась выше, чем общественная опасность совершенного преступления.

Причины неадекватной наказательной практики судов отмечали и другие ученые, которые установили интересный феномен, неизвестный праву. Например, А. И. Рарог в своей работе отметил формирование судейского стереотипа, а так же указал, что в Смоленской области за получение взятки при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 4 ст. 290 УК РФ) суды назначали в среднем 8 лет лишения свободы, а в Московской области – 3 года [9]. Этот феномен установили и по другим преступлениям, в частности о незаконном приобретении и хранении наркотиков без цели сбыта. В среднем разброс сроков наказаний за такие преступления в среднем в разных регионах составил более года лишения свободы [10].

Еще одна гипотеза исследования отнестись к объему информации о личности и ее содержанию. Исследование показало, что суды при обосновании наказания обычно использовали общие формулировки, например, «суд учитывает личность виновного». Иногда указывались установочные сведения, например, пол, возраст, социальное положение, место работы или должность, семейное положение, наличие судимости. Что же касается сведений, характеризующих мотивы и цели преступления, морально-нравственный облик личности, то они устанавливались значительно реже. Из описательно-мотивировочной части приговора не всегда было понятно, какие конкретные характеристики личности виновного повлияли на назначение наказания [11].

Также было установлено, что суды чаще учитывали обстоятельства, отрицательно характеризующие личность виновного, и реже ее позитивные характеристики, свидетельствующие о склонности к исправлению. Но даже когда в приговоре было указано, что суд учитывал личностные характеристики, все равно оставался вопрос, какое именно влияние оказали они на выбор наказания.

Было проведено анкетирование судей. Полученные результаты показали, что для судей вопрос о назначении наказания по степени сложности стоял на предпоследнем месте (на последнем месте оказался вопрос о юридической квалификации преступления).

Результаты

Результаты исследования судебной практики назначения наказания разнообразны, и их можно сгруппировать следующим образом.

Во-первых, отмечается поверхностный подход в применении судами общих начал назначения наказания.

Во-вторых, установлена нерелевантная оценка судом личности виновного при назначении наказания [12; 13].

В-третьих, суды не имеют теоретически обоснованной методической опоры для правильного учета при назначении наказания его критериев, предусмотренных в ч. 2 ст. 60 УК РФ.

В-четвертых, в наказательной практике судов формируется судейский стереотип, который представляется методической опорой и при этом порождает существенный ригоризм, т. е. повышенную жесткость назначаемых наказаний.

3 заключение

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие предложения.

1. Целесообразно дополнить УК РФ самостоятельной статьей, предусматривающей легальное понятие личности виновного с указанием ее сущностного признака общественной опасности [14], и тем самым придать этому понятию законодательную определенность, а также включить в эту статью четыре категории личности виновного, различающиеся по степени

⁶ В предмет исследования вошли преступления против собственности, для которых основным признаком общественной опасности является размер похищенного имущества.

общественной опасности (степени ее исправимости: легко исправимая; средне исправимая; трудно исправимая; особо трудно исправимая)⁷.

2. Для оптимизации практики применения статей, предусматривающих специальные правила назначения наказания (ст. 62, 63¹, 64–70 УК РФ) предлагается их дополнить, а именно, в основания их применения включить конкретную категорию личности виновного. Аналогичное дополнение будет полезным и для ст. 88 (ч. 6, 6.1) и 92, 93 УК РФ.

3. Предложить включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁸ разъяснение о том, какие показатели личности виновного характеризуют ее общественную опасность, и рекомендовать к применению судами алгоритма назначения наказания на основе оценки его критериев, а именно, общественной опасности совершенного деяния и категории личности. Такая методическая практика существует в некоторых зарубежных странах. Например, в США это Руководство по назначению наказания⁹ [15].

Список источников

1. Оранжев Н. Д. Преступление и наказание в математической зависимости : (Идея и схема ее применения). Москва : Типо-лит. товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1916. 69 с.
2. Алиперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания : («Электронные весы правосудия») / предисл. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2020. 170 с.
3. Ключев А. А., Полтавец В. В., Елец Е. А. УК РСФСР 1922 г. Основа современного понимания системы специальных правил назначения наказания и их модификации // Российский следователь. 2022. № 5. С. 21–24.
4. Велиев С. А. Принципы назначения наказания. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2004. С. 483.
5. Бурлаков В. Н. Назначение наказания и личность преступника : теоретические, правовые и методические вопросы : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2017. С. 200.
6. Затекин О. К. Суды стали реже приговаривать к реальному лишению свободы // Закон. 2021. № 12. С. 8–19.
7. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 238.
8. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва : Стелс, 1995. С. 304.
9. Рарог А. И. Шкала наказаний как средство ограничения судебной усмотрения // Российский ежегодник уголовного права. 2007. № 1. С. 121–126.
10. Романова Л. И. Наркомания и наркотизм. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. С. 479.
11. Коробов П. В. О первоначальной индивидуализации уголовной ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 35–41.
12. Васяев А., Устинов М. Установление обстоятельств, характеризующих личность подсудимого // Уголовное право. 2008. № 2. С. 118–120.
13. Миньковский Г. М. О некоторых общих положениях криминологического изучения личности / Теоретические проблемы учения о личности преступника : сборник научных трудов. Москва : Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. С. 24–33.
14. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008. С. 969.
15. Лешо И. Реформа системы назначения наказания в США // Советская юстиция. 1991. № 4. С. 30–32.

References

1. Oranzhirev N. D. Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoy zavisimosti : (Ideya i skhema ee primeneniya). Moskva : Tipo-lit. tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o, 1916. 69 s.
2. Alikperov H. D. Elektronnaya tekhnologiya opredeleniya mery nakazaniya : («Elektronnye vesy pravosudiya») / predisl. A. I. Korobeeva. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr, 2020. 170 s.
3. Klyuev A. A., Poltavec V. V., Elec E. A. UK RSFSR 1922 g. Osnova sovremennogo ponimaniya sistemy special'nyh pravil naznacheniya nakazaniya i ih modifikacii // Rossijskij sledovatel'. 2022. № 5. S. 21–24.
4. Veliev S. A. Principy naznacheniya nakazaniya. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr, 2004. S. 483.
5. Burlakov V. N. Naznachenie nakazaniya i lichnost' prestupnika : teoreticheskie, pravovye i metodicheskie voprosy : [monografiya]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr, 2017. S. 200.
6. Zatepin O. K. Sudy stali rezhe prigovarivat' k real'nomu lisheniyu svobody // Zakon. 2021. № 12. S. 8–19.
7. Burlakov V. N. Ugolovnoe pravo i lichnost' prestupnika. Sankt-Peterburg : Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. S. 238.
8. Bekkaria Ch. O prestupleniyah i nakazaniyah. Moskva : Stels, 1995. S. 304.
9. Rarog A. I. Shkala nakazaniy kak sredstvo ogranicheniya sudejskogo usmotreniya // Rossijskij ezhegodnik ugolovnogo prava. 2007. № 1. S. 121–126.
10. Romanova L. I. Narkomaniya i narkotizm. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2003. S. 479.
11. Korobov P. V. O pervonachal'noj individualizacii ugolovnoj otvetstvennosti // Ugolovnoe pravo. 2011. № 2. S. 35–41.
12. Vasyaev A., Ustimov M. Ustanovlenie obstayatel'stv, harakterizuyushchih lichnost' podsudimogo // Ugolovnoe pravo. 2008. № 2. S. 118–120.

⁷ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения : учебное пособие. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. С. 167.

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁹ 1994 Federal Sentencing Guidelines Manual // United States Sentencing Commission : [website]. URL: <https://www.ussc.gov/guidelines/archive/1994-federal-sentencing-guidelines-manual> (дата обращения: 05.10.2025).

13. Min'kovskij G. M. O nekotoryh obshchih polozheniyah kriminologicheskogo izucheniya lichnosti / Teoreticheskie problemy ucheniya o lichnosti prestupnika : sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Izdatel'stvo Vsesoyuznogo instituta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1979. S. 24–33.

14. Volzhenkin B. V. Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007 gg.). Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2008. S. 969.

15. Lesho I. Reforma sistemy naznacheniya nakazaniya v SShA // Sovetskaya yusticiya. 1991. № 4. S. 30–32.

Научная статья
УДК 343.2

Незаконный сбыт сильнодействующих веществ через аптечные сети: коллизия норм уголовного и административного права

Данил Дмитриевич Вихарев

Нижегородская академия МВД России
Нижний Новгород (603950, БОКС-268, Анкудиновское шоссе, д. 3), Российская Федерация
Danil19-92@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0007-5395-3592>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена стремительным ростом организованной преступности в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных препаратов («аптечная наркомания»). Данная деятельность представляет особую опасность для здоровья населения и экономической безопасности государства, характеризуясь высокой латентностью и крупными преступными доходами. Ключевая проблема для правоприменителя заключается в существующем законодательном пробеле – отсутствии четкого критерия для разграничения административного правонарушения (безрецептурный отпуск препарата по ч. 1.1 ст. 14.4.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) и уголовно наказуемого деяния (незаконный сбыт сильнодействующего вещества по ст. 234 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Это приводит к противоречивой правоприменительной практике, когда лица, систематически сбывающие препараты без рецепта, часто привлекаются лишь к административной ответственности, что создает чувство безнаказанности.

Методы. В работе применялся комплекс методов, включая формально-юридический анализ норм уголовного и административного права, анализ судебно-следственной практики и материалов конкретных уголовных и административных дел, статистический анализ данных МВД России о динамике групповой преступности по ст. 234 УК РФ, а также социологический метод в форме анкетирования, т. к. в целях исследования был проведен опрос сотрудников правоохранительных органов, прокуроров, адвокатов, преподавателей юридических дисциплин и фармацевтов-провизоров для выявления профессионального мнения о квалификации данных деяний.

Результаты. Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы. Подавляющее большинство опрошенных специалистов (95 %) по своим внутренним убеждениям считают, что за систематический безрецептурный отпуск сильнодействующих веществ фармацевты должны нести уголовную ответственность. В то же время 65 % респондентов признают, что действующее законодательство не предоставляет правоприменителю однозначных оснований для такой квалификации в типичной ситуации однократного нарушения. Установлено, что существующая правовая неопределенность активно используется организованными преступными группами для легализации своей деятельности и ухода от уголовного преследования. Как итог, обосновывается мнение автора и предлагается модификация ст. 234 УК РФ. Автор предлагает дополнить статью признаком неоднократности по аналогии со ст. 1511 УК РФ, что позволит привлекать к уголовной ответственности фармацевтов, которые совершают незаконный сбыт, уже будучи подвергнутыми административному наказанию за аналогичное деяние. Данная мера будет способствовать эффективному противодействию организованной аптечной наркопреступности.

Ключевые слова:

незаконный сбыт сильнодействующих лекарственных препаратов, фармацевтическая деятельность, уголовная и административная ответственность

Для цитирования:

Вихарев Д. Д. Незаконный сбыт сильнодействующих веществ через аптечные сети: коллизия норм уголовного и административного права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 107–116.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Illegal sale of potent substances through pharmacy chains: conflict of criminal and administrative law norms

Danil D. Vikharev

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoe highway, BOX -268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
Danil19-92@inbox.ru
<https://orcid.org/0009-0007-5395-3592>

Abstract:

Introduction. The relevance of the study is due to the rapid growth of organized crime in the illicit trafficking of potent substances included in medicines ("pharmacy drug addiction"). This activity poses a particular danger to public health and the economic security of the state, characterized by high latency and large incomes. The key problem for the law enforcement officer lies in the existing legislative gap: the lack of a clear criterion for distinguishing an administrative offense (over-the-counter drug release under Part 1.1 of Article 14.4.2 of the Administrative Code of the Russian Federation) and a criminal offense (illegal sale of a potent substance under Article 234 of the Criminal Code). This leads to contradictory law enforcement practices, where individuals who systematically sell drugs without a prescription are often brought only to administrative responsibility, which creates a sense of impunity.

Methods. A set of methods was used in the work, including: Formal legal analysis of the norms of criminal and administrative law. Analysis of judicial and investigative practice and materials of specific criminal and administrative cases. Statistical analysis of the data of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the dynamics of group crime under Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation. As well as the sociological method in the form of a questionnaire, since for the purposes of the study, a survey was conducted of law enforcement officials, prosecutors, lawyers, law professors and pharmacists to identify professional opinions on the qualifications of these acts.

Results. The conducted research allowed us to formulate the following conclusions: The overwhelming majority of the surveyed specialists (95%), according to their internal beliefs, believe that pharmacists should be criminally responsible for the systematic over-the-counter release of potent substances. At the same time, 65% of respondents admit that the current legislation does not provide a law enforcement officer with unambiguous grounds for such qualification in a typical situation of a single violation. It has been established that the existing legal uncertainty is actively used by organized criminal groups to legalize their activities and avoid criminal prosecution. As a result, the author's opinion is substantiated and his proposal on the need to modify Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation is voiced. The author suggests adding a sign of repetition to the article by analogy with Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will make it possible to bring to criminal responsibility persons (including pharmacists) who commit illegal sales, having already been subjected to administrative punishment for a similar act. This measure will contribute to the effective counteraction of organized pharmacy drug crime.

Keywords:

illegal sale of potent drugs, pharmaceutical activity, criminal and administrative liability

For citation:

Vikharev D. D. Illegal sale of potent substances through pharmacy chains: conflict of criminal and administrative law norms // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 107–116.

The article was submitted September 1, 2025; approved after reviewing January 30, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Деятельность государства по защите граждан и самого общества от незаконных, противоправных и преступных посягательств в совокупности формирует его уголовную политику. Основными институтами развития уголовной политики выступают уголовно-исполнительное право, выражающееся в исполнении уголовных наказаний, уголовно-процессуальное право, определяющее процедуры и правила уголовного судопроизводства, и непосредственно институт уголовного права, определяющий понятие преступления, общие правила уголовной ответственности и принципы наказания.

Таким образом, именно в институте уголовного права формируется грань между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением. Основным критерием разграничения преступлений и правонарушений является характер их последствий как результата непосредственного нарушения общественных отношений, складывающихся в той или иной сфере. При этом дополнительными факторами, значительно повышающими общественную опасность деяния и превращающими его в преступление, могут служить мотивы и цели совершения

такого деяния, а также общественное отношение к совершенному деянию и наступившим негативным последствиям.

Ярким примером разграничения административного и уголовного деяния является ст. 6.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации¹ (далее – КоАП РФ), вменяемая лицу за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ без целей сбыта, и ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), квалифицирующая преступные деяния лица также в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ без целей сбыта, но уже начиная со значительного размера рассматриваемых веществ³. Таким образом, законодатель четко разграничил ответственность, указав в норме уголовного права квалифицирующий признак – размер подконтрольного вещества. Еще большую общественную опасность в области здоровья населения представляет преступное деяние, направленное на сбыт указанных веществ, квалифицируемое по ст. 228¹ УК РФ, где уголовная ответственность наступает независимо от минимального размера вещества (ч. 1 ст. 228¹ УК РФ). Тем самым государство указывает на особую общественную опасность данного деяния, мотивируя свое решение целью защиты граждан и общества от незаконного распространения подконтрольных веществ. Немаловажную роль в изменении уголовной политики играет и само общество, обеспокоенное незаконным распространением подконтрольных веществ. Рост преступности в сфере незаконного сбыта рассматриваемых веществ и широкий общественный отклик на данную проблему послужили одними из причин внесения в 2003 году изменения в УК РФ и выделения ответственности за совершение сбытовых составов в отдельную норму [1].

В настоящее время также происходят изменения в области государственной уголовной политики в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ. К примеру, Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733⁴ утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, где среди основных целей указаны сокращение незаконного оборота наркотиков, в т. ч. перешедших из легального оборота, а также совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере легального оборота наркотиков.

Легальный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации осуществляется на основании Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»⁵, где представлено несколько сфер их обращения, в т. ч. медицинская и фармацевтическая, поскольку данные вещества входят в состав различных лекарственных препаратов. Кроме наркотических средств и психотропных веществ ограничены в свободном обороте и сильнодействующие вещества, часть которых также входит в состав лекарственных препаратов. Сильнодействующими являются вещества, внесенные в соответствующие Списки⁶, свободный оборот которых ограничен и нарушение которого влечет уголовную или административную ответственность. Данные вещества представляют отдельную категорию, отличную от наркотических средств или психотропных веществ. Их оборот также подконтролен государству, а немедицинское потребление влечет негативные последствия как для самого человека, так и для общества в целом. Но все же государственная политика в области их незаконного оборота менее императивна, чем по отношению к наркотическим средствам и психотропным веществам и часто представлена административным законодательством, что уже повлекло серьезные изменения в криминальной среде незаконного оборота подконтрольных веществ.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002 (ред. от 11.06.2025) // СЗ РФ. 2012. № 41. Ст. 5624.

⁴ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 (ред. от 29.03.2023) // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

⁵ О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

⁶ Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 (ред. от 10.04.2023) // СЗ РФ. 2008. № 2. Ст. 89.

Методы

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический анализ норм уголовного и административного права; анализ судебно-следственной практики и материалов конкретных уголовных и административных дел; статистический анализ данных МВД России, а также социологический метод, представленный опросом в форме анкетирования.

Результаты

Об изменениях криминальной обстановки в рассматриваемой сфере можно судить по анализу средств массовой информации, где опубликовано немало статей о преступлениях, совершаемых с использованием лекарственных препаратов, содержащих в своем составе именно сильнодействующие вещества, причем часть преступлений носит насильственный характер или угрозу применения насилия. В Ростове-на-Дону двое мужчин, вооруженных предметом, похожим на пистолет, ворвались в аптеку и, угрожая фармацевту, потребовали сильнодействующие препараты «Лирика»⁷. В Благовещенске вооруженный мужчина требовал от фармацевта лекарственный препарат «Промедол»⁸. Эти и аналогичные проявления криминализации связаны с таким явлением, как «аптечная наркомания» [2], т. е. с немедицинским потреблением лекарственных препаратов, содержащих одурманивающие вещества (наркотические средства, психотропные, сильнодействующие вещества). И если в 2012 году в научной медицинской литературе говорилось лишь о злоупотреблении данными лекарственными препаратами при их немедицинском потреблении [3; 4], то в 2016 году – уже о зависимости от них [5]. К сожалению, в настоящее время можно и нужно говорить о катастрофическом увеличении немедицинского потребления данных веществ и росте преступлений, совершаемых с целью их незаконного приобретения [6], а также соответственно и преступлений в сфере организации незаконного сбыта, причем совершаемых организованными группами субъектами легального оборота сильнодействующих веществ [7].

Поскольку спрос всегда рождает предложение⁹, в настоящее время прослеживается неутешительная тенденция роста количества преступлений в сфере незаконного сбыта сильнодействующих лекарственных препаратов. В 2022 году в Нижнем Новгороде была задержана директор нескольких аптек, подозреваемая в организации незаконного сбыта сильнодействующих веществ через ее аптеки. По результатам проверочных мероприятий было изъято 693 капсулы с сильнодействующими веществами¹⁰. В 2023 году в Москве в ходе проведения специальных операций была установлена сеть аптечных пунктов, незаконно сбывавших сильнодействующие вещества. По результатам проведения оперативно-следственных мероприятий были задержаны участники преступной группы и изъято более 150 килограммов веществ на сумму свыше 35 млн рублей¹¹. В 2024 году в Москве задержаны двое владельцев аптек за организацию незаконного сбыта сильнодействующих веществ в помещениях своих аптек¹².

Преступные действия лиц, связанные с незаконным сбытом сильнодействующих веществ, квалифицируются по ч. 1–3 ст. 234 УК РФ. При этом, как видно из приведенных примеров, нередко к преступной деятельности в сфере их организованного незаконного сбыта причастны субъекты их легального оборота – лица, занимающиеся медицинской или фармацевтической деятельностью и порой имеющие законный доступ к обороту данных веществ.

Подтверждают увеличение роста групповых преступлений, связанных с организацией незаконного сбыта лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества, и статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации¹³. Согласно приведенным данным, часть преступлений совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а в последние годы – и в составе преступного сообщества или преступной организации, что говорит о высоком уровне организации и слаженности преступности в данной сфере. Так, в 2023 году доля групповых преступлений от общего числа расследуемых преступлений составила 37 %. В 2019 году этот показатель был около 16 %.

⁷ Pikabu : [сайт]. URL: https://pikabu.ru/story/ograblenie_po_rostovski_11511070 (дата обращения: 11.08.2025).

⁸ Яндекс : [сайт]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7891413049639421259> (дата обращения: 11.08.2025).

⁹ Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кейнс,_Джон_Мейнард (дата обращения: 12.02.2025).

¹⁰ Россия : [сетевое издание]. URL: <https://vestinn.ru/news/society/199931/> (дата обращения: 11.08.2025).

¹¹ Медиа новости : [электронное издание]. URL: <https://www.bfm.ru/news/521140> (дата обращения: 11.08.2025).

¹² Москва 24 : [электронное издание]. URL: <https://www.m24.ru/news/proisshestiya/23122024/755084> (дата обращения: 28.08.2025).

¹³ Информационный портал // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.02.2025).

Об усилении интереса организованных групп и преступных сообществ к незаконному бизнесу, связанному со сбытом сильнодействующих веществ, было сказано еще в 2015 году в работе И. В. Лазенковой¹⁴. По прошествии более десяти лет мы видим неутешительную статистику, подтверждающую слова автора (рисунок 1).

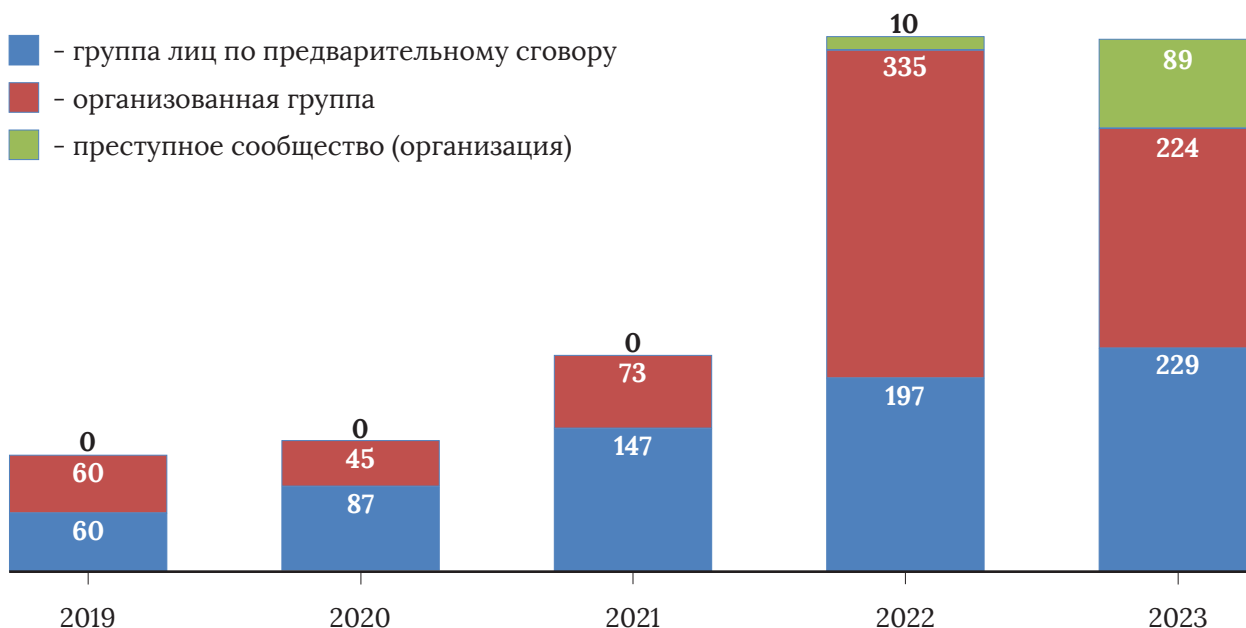

Рисунок 1. График изменения групповой преступности в сфере незаконного сбыта сильнодействующих веществ на территории Российской Федерации (ч. 1–3 ст. 234 УК РФ)

Figure 1. Graph of changes in group crime in the sphere of illegal sale of potent substances in the territory of the Russian Federation (Parts 1–3 of Article 234 of the Criminal Code of the Russian Federation)

В административном праве также содержится норма, охраняющая отношения в сфере сбыта (отпуска, реализации, продажи) лекарственного препарата, содержащего в своем составе сильнодействующие вещества – ч. 1.1 ст. 14.4.2 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение установленных правил отпуска лекарственных препаратов, подлежащих предметно-количественному учету¹⁵ (далее – ПКУ), выразившееся в отпуске указанных лекарственных препаратов без рецепта, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, т. к. по законодательству Российской Федерации продажа рецептурного лекарственного средства без рецепта запрещена [8].

Объективная сторона ч. 1–3 ст. 234 УК РФ выражается в незаконном изготовлении, переработке, приобретении, хранении, перевозке или пересылке в целях сбыта сильнодействующих веществ. При этом обязательной целью преступного деяния должен являться сбыт сильнодействующего лекарственного препарата, который осуществляется аналогичным способом – сбытом данного препарата без разрешающего его отпуск установленного рецепта.

В связи с этим у правоприменителя существует законодательно созданный пробел, не позволяющий однозначно разграничить административное деяние и уголовное (например, ст. 6.8 КоАП РФ и ст. 228 УК РФ), т. к. отсутствует закрепленный в законе признак разграничения административного правонарушения, результатом которого является отпуск сильнодействующего лекарственного препарата без соответствующего рецепта, и уголовно наказуемого деяния, как незаконный сбыт без соответствующего рецепта сильнодействующего вещества, входящего в состав лекарственного препарата.

Изученные нами примеры судебно-следственной практики, а также материалы уголовных и административных дел позволяют сделать вывод, что при установлении фармацевтов,

¹⁴ Лазенкова И. В. Уголовная ответственность за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 6.

¹⁵ Об утверждении перечня лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учету : приказ Минздрава России от 1 сентября 2023 г. № 459н (зарег. в Минюсте России 02.10.2023, № 75433) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310030013> (дата обращения: 11.08.2025).

незаконно сбывающих сильнодействующие лекарственные препараты без обязательного использования рецептурных бланков, их позиция защиты заключается в том, что они ссылаются на совершение ими именно административного правонарушения в области нарушения законодательства об обращении лекарственных средств [9], выразившееся в безрецептурном отпуске препарата, не имея при этом прямого умысла на незаконный сбыт самих сильнодействующих веществ. При этом лидерами среди лекарственных препаратов с наибольшим числом зарегистрированных правонарушений, выражающихся в несоблюдении правил отпуска, отсутствии рецептурных бланков, отсутствии журналов или нарушении учета в них, нарушении правил хранения лекарственных препаратов, подлежащих ПКУ, являются препараты «Лирика» и «Прегабалин» [10], самые распространенные «аптечные наркотики» в немедицинском обороте подконтрольных лекарственных препаратов. Об их «популярности» знают практически все сотрудники фармацевтических организаций [11], что указывает на целенаправленную преступную деятельность, а не совершение административных правонарушений.

В подтверждение сказанного – пример из судебной практики. В 2020 году сотрудниками Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Челябинской области в отношении фармацевта-провизора, работавшего в аптеке, осуществляющей фармацевтическую деятельность на основании лицензии, было проведено оперативно-розыскное мероприятие – проверочная закупка, по результатам которого фармацевт-провизор в помещении аптеки осуществил продажу (сбыт) медицинского препарата, содержащего сильнодействующее вещество, без предъявления фармацевту рецепта врача. По данному факту был зарегистрирован материал проверки, в ходе которой фармацевт пояснил, что фармацевту в связи со служебной деятельностью известны правила отпуска сильнодействующих лекарственных препаратов, и именно поэтому отсутствует преступная цель, направленная на сбыт сильнодействующих веществ, а имеет место административное правонарушение, т. к. отпуск препарата без соответствующего рецепта произошел по случайности. По результатам проверки было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.4.2 КоАП РФ¹⁶, т. е. правоприменитель в данной ситуации усмотрел административное правонарушение, нарушающее общественные отношения в сфере обращения лекарственных препаратов, а не уголовно наказуемое деяние в области незаконного сбыта сильнодействующих веществ.

В основном позиция фармацевтов, совершивших безрецептурный отпуск сильнодействующих лекарственных препаратов, связана с тем, что объективная сторона ч. 1–3 ст. 234 УК РФ представлена такими действиями, как «незаконное изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно незаконный сбыт». При этом у аптечной организации, имеющей лицензию, любые действия с сильнодействующим лекарственным препаратом являются законными, т. е., возможно, отпадает один признак объективной стороны как незаконное приобретение и хранение в целях сбыта. Кроме этого, сама цель аптечной деятельности направлена на отпуск и продажу лекарственных препаратов, что идентично понятию «сбыт».

Таким образом, нами определена проблема: как правильно квалифицировать действия работника аптеки при продаже лекарств с сильнодействующими веществами в помещении аптеки, если у аптеки есть лицензия на фармацевтическую деятельность. Актуальность исследования не вызывает сомнений в связи с быстрым ростом организованных преступных форм аптечной наркопреступности в сфере организации незаконного сбыта сильнодействующих веществ, т. к. сбыт таких средств через аптечные сети, где фармацевты-провизоры, пользуясь профессиональным статусом, могут осуществлять незаконные операции под видом легальной деятельности, является очень прибыльным и представляет особую опасность не только для здоровья населения, но и для экономической безопасности государства, поскольку данная преступная деятельность высоко латентна и приносит большие преступные доходы.

Устранение данного пробела требует комплексного анализа законодательства, правоприменительной практики и разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию норм, т. к. административное законодательство выступает первым рубежом, разграничивающим преступление и противоправный проступок, т. е. дает возможность нарушившему лицу понять, что он сделал или наоборот, чего не сделал и почему понес наказание. Выступает как профилактика, инструмент предупреждения более тяжких проступков таких, как совершение преступления [12].

¹⁶ Центральный районный суд г. Челябинска : [дело № 12-47/2020] // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : [официальный сайт]. URL: https://centr--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=597873368&case_uid=4ae3eae4-3ebd-40a9-af7f-3bab64302789&delo_id=1502001&new=0 (дата обращения: 14.08.2025).

Но, с другой стороны, коллизия норм, а также пробелы в праве или трактовке, и отсюда применения вариаций норм, дает возможность «законно» избежать нарушившему субъекту строгого уголовного наказания, и понести более мягкую, порой незаметную для него административную ответственность, что в свою очередь порождает чувство «ненаказуемости» и открывает возможность и дальнейшего нарушения норм права для достижения тех или иных целей, которые активно используют лица, совершающие преступные деяния, в целях избежать установленной законом уголовной ответственности.

В рамках данного исследования, в целях формулирования разграничивающего признака, позволяющего отграничить административное правонарушение от уголовного деяния, а также нацелить на принятие законных решений правоприменителем, нами был проведен опрос сотрудников оперативных подразделений, следственного аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации, сотрудников прокуратуры, научно-педагогического состава кафедр Нижегородской академии МВД России (Административного права и процесса; Уголовного и уголовно-исполнительного права; Предварительного расследования), а также адвокатов и самих фармацевтов-провизоров в целях определить разграничение административной и уголовной ответственности за совершение рассматриваемых деяний.

В нашей анкете четыре вопроса. Первые два связаны с определением должности лица и стажа работы в ней. Третий и четвертый вопрос звучали следующим образом:

«Как Вы считаете, согласно Вашим внутренним убеждениям, какую норму необходимо применять при сбыте (отпуске, реализации, продаже) фармацевтом-провизором в помещении аптеки, имеющей лицензию на осуществление оборота сильнодействующих лекарственных препаратов, указанного лекарственного препарата, если при этом фармацевт-провизор в нарушение правил не удостоверился в наличии у приобретателя установленного законом рецептурного бланка? Обоснуйте Ваше решение».

«Как Вы считаете, согласно законодательству Российской Федерации, какую норму необходимо применять при сбыте (отпуске, реализации, продаже) фармацевтом-провизором в помещении аптеки, имеющей лицензию на осуществление оборота сильнодействующих лекарственных препаратов, указанного лекарственного препарата, если при этом фармацевт-провизор, в нарушение правил не удостоверился в наличии у приобретателя установленного законом рецептурного бланка? Обоснуйте Ваше решение».

Подавляющее большинство, а именно, 95 % опрошенных лиц сообщили, что, согласно их внутренним убеждениям, фармацевт, осуществляющий свою профессиональную деятельность, должен нести уголовную ответственность за неправомерный, безрецептурный отпуск лекарственных препаратов, содержащих в своем составе сильнодействующие вещества, тем более если данная деятельность носит системный характер и результатами действий фармацевта стал переход сильнодействующего вещества из законного оборота в нелегальный. Схожие позиции неоднократно озвучивались и в научной литературе. Так, А. Б. Свистильников [13] в одной из своих работ указывает, что фармацевты, обладая специальными знаниями, осведомлены о том, что сильнодействующие вещества отпускаются только по рецептурным бланкам установленной формы и образца, в связи с чем их действия по отпуску лекарственного препарата, оборот которого ограничен, без специального рецепта характеризуются умышленной виной, что надлежит квалифицировать как уголовно наказуемое деяние. А. Н. Маркина [14] также придерживается точки зрения, что продажа сильнодействующих веществ без рецепта врача должна квалифицироваться как уголовно наказуемое деяние. В дополнение к этому штрафные санкции, предусматривающие административную ответственность за указанные деяния, с учетом получаемой выгоды от незаконной торговли неспособны выполнить свою цель – предупреждение совершения новых правонарушений, что в совокупности указывает на необходимость принятия мер уголовно-правового характера [15].

При этом этическую составляющую безрецептурного отпуска лекарственных препаратов, подлежащих ПКУ, рассматривают не только юристы, но и сами фармацевты и медики. Так, в журнале «Бюллетень медицинских интернет-конференций» Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского поднимался вопрос о возможной необходимости введения непосредственной уголовной ответственности за данное деяние или ужесточения административной [16].

При ответе на второй вопрос результаты были следующие: 66 % опрошенных ответили, что считают законным в рамках законодательства привлечение фармацевта к уголовной ответственности за рассматриваемое деяние. 24 % сообщили, что лицо должно быть сначала привлечено к административной ответственности и лишь при повторном совершении рассматриваемого

деяния к уголовной. И около 10 % ответили, что фармацевт однозначно подлежит привлечению только к административной ответственности.

В связи с этим считаем необходимым обозначить ряд нормотворческих инициатив, направленных на совершенствование государством через нормотворческую деятельность сферы охраны общественных отношений в области жизни и здоровья населения и оборота подконтрольных веществ. В частности, считаем, что имеется острая необходимость в изменении и дополнении нормативной базы, а именно ст. 234 УК РФ.

Рассматриваемая норма уголовного права однозначно требует изменений в связи с изменением криминальной обстановки и способов совершения преступлений, т. к. последние изменения, вносимые в данную норму, были в 2011 году, т. е. более 14 лет назад. За это время изменился и сам механизм совершения преступлений. В связи с этим мы солидарны с мнением М. Г. Ермакова [17], еще в 2018 году обосновавшем необходимость дополнения данной нормы квалифицирующими признаками в зависимости от территориальности сбыта (в медицинском учреждении, административном здании, на объектах спорта, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга), а также от использования средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет.

Анализируя выводы, полученные по результатам нашего исследования, считаем целесообразным внесение изменений в ст. 234 УК РФ в части касающейся неоднократности совершения лицом деяния. Необходимо ввести ответственность для тех ситуаций, когда лицо нарушает правила оборота лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующее вещество в своем составе (отпуск, реализация, сбыт), будучи подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Ответственность должна быть предусмотрена по аналогии с применением норм, предусмотренных ст. 14.16 КоАП РФ «Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции» и ст. 151¹ УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно».

Считаем необходимым дополнить примечание к ст. 234 УК РФ формулировкой: «Действия данной нормы распространяются на деяния, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию», введя тем самым в норму признак неоднократности.

Таким образом, если лицо (в рассматриваемом нами случае – фармацевт-провизор) подвергнуто административному наказанию за нарушение оборота (отпуска, реализации, сбыта) сильнодействующих лекарственных препаратов и в период его действия повторно совершает деяния, связанные с незаконным сбытом лекарственного препарата, содержащего сильнодействующее вещество, то за данное деяние оно должно быть подвергнуто уголовному наказанию по соответствующей части (1, 2 или 3) ст. 234 УК РФ.

3 заключение

Подводя итог, необходимо сделать вывод, что незаконный оборот сильнодействующих веществ через аптечные сети приобрел характер организованной преступности и представляет угрозу здоровью населения и экономической безопасности государства. При этом существует фундаментальная проблема разграничения административного правонарушения и уголовного преступления при совершении фармацевтом неправомерного, незаконного отпуска лекарственного препарата, содержащего в своем составе сильнодействующие вещества. Данный законодательный пробел позволяет фармацевтам организовывать преступный бизнес и избегать уголовной ответственности, используя правовую неопределенность, заявляя об отсутствии прямого умысла и ссылаясь на случайный характер нарушения, что приводит к их привлечению лишь к административной ответственности. Абсолютное большинство опрошенных экспертов (95 %) по внутренним убеждениям считают, что за систематический сбыт должна наступать уголовная ответственность, однако 34 % признают, что действующая норма ст. 234 УК РФ не дает для этого четких правовых оснований.

В рамках данного исследования предложен эффективный и обоснованный метод устранения пробела, выражающийся в имплементации в ст. 234 УК РФ признака неоднократности, по аналогии со ст. 151¹ УК РФ, т. к. проведенное исследование подтверждает, что криминальная ситуация в сфере оборота сильнодействующих веществ качественно изменилась. Вместо единичных нарушений наблюдается рост высокоорганизованных, сплоченных преступных групп, интегрированных в систему легального фармацевтического оборота. Это требует адекватного ответа со стороны уголовного закона.

Данное предложение считаем соответствующим принципам обоснованности и эффективности, т. к. оно опирается на анализ правоприменительной практики, мнения экспертного сообщества и позволит точно воздействовать на злостных нарушителей, не затрагивая лиц, совершивших нарушение впервые по неосторожности.

Список источников

1. Шукин Е. А. История развития уголовного законодательства России об ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Science Time : [электронный журнал]. 2021. № 2 (86). С. 24–29.
2. Акматова А. Т. Необходимость противодействия против «аптечной наркомании»: организация вопросов безопасности общества // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2023. № 3. С. 120–125. <https://doi.org/10.26104/IVK.2023.45.557>
3. Мохначев С. О., Рохлина М. Л., Усманова Н. Н. Клинические проявления злоупотребления Тропикамидом // Наркология. 2012. Т. 11, № 2 (122). С. 44–49.
4. Тетенова Е. Ю., Надеждин А. В., Колгашкин А. Ю. Злоупотребление Прегабалином: предварительная информация и обзор свидетельств // Наркология. 2012. Т. 11, № 7 (127). С. 79–82.
5. Пискунов М. В., Кривенков А. Н., Рейхель Н. В. Зависимость от Прегабалина («Лирика»): обзор литературы и собственные клинические наблюдения // Наркология, 2013. Т. 12, № 4 (136). С. 52–56.
6. Полинская Т. А., Шишов М. А. Актуальные аспекты новых форм аптечной наркомании // Наркоконтроль. 2019. № 4. С. 14–16. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2019-4-14-16>
7. Выхарев Д. Д. Особенности расследования организованной преступной деятельности в сфере незаконного оборота лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества / Теория и практика расследования преступлений : материалы XII Международной научно-практической конференции, г. Краснодар, 23 мая 2024 г. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 68–72.
8. Шаранов Ш. Ш. Актуальные вопросы отпуска лекарственных препаратов из аптечных организаций // Ремедиум. 2023. Т. 27, № 2. С. 172–176. <https://doi.org/10.32687/1561-5936-2023-27-2-172-176>
9. Данилов Е. О. Проблемы привлечения субъектов медицинской деятельности к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7 (104). С. 27–34. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.104.7.027-034>
10. Малева А. Б., Занина И. А., Ивановская Н. П. Актуальные вопросы обращения лекарственных средств, подлежащих предметно-количественному учету // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Химия. Биология. Фармация. 2024. № 2. С. 94–103.
11. Старжинская О. Б., Самойлова Ю. Б., Шишов М. А. Актуальные вопросы противодействия аптечной наркомании // Наркоконтроль. 2025. № 1. С. 29–33. <https://doi.org/10.18572/2572-2072-4160-2025-1-29-33>
12. Полинская Т. А., Шишов М. А. Актуальные вопросы административной ответственности медицинских организаций, связанной с обращением лекарственных средств // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 43–46. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-43-46>
13. Свистильников А. Б., Руднев С. М. Противодействие незаконному обороту сильнодействующих веществ и биологически активных добавок: проблемы и пути решения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 52–57.
14. Маркина А. Н. Незаконный отпуск в аптечных организациях лекарственных препаратов, содержащих сильнодействующие вещества: анализ причин и современное положение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2022. № 4 (61). С. 49–53.
15. Ищенко Д. П., Киреева Ж. Б., Ковтун Н. А. Ответственность за безрецептурный отпуск кодеинсодержащих препаратов // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 2 (26). С. 25–29.
16. Гришин А. И., Трофимов Д. А., Чемарев А. П. Основные этические проблемы деятельности современного фармацевтического работника // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 1. С. 225–228.
17. Ермаков М. Г. Совершенствование уголовно-правового противодействия распространению сильнодействующих и ядовитых веществ с использованием сети Интернет / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 16–17 мая 2018 г. / под ред. А. Г. Хлебушкина, Т. Н. Тимоной. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 119–122.

References

1. Shchukin E. A. Istoriya razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva Rossii ob otvetstvennosti za prestupleniya v sfere nezakonnoo oborota narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv ili ih analogov // Science Time : [elektronnyj zhurnal]. 2021. № 2 (86). S. 24–29.
2. Akmatova A. T. Neobkhodimost' protivodejstviya protiv «aptechnoj narkomanii»: organizaciya voprosov bezopasnosti obshchestva // Izvestiya Vuzov Kyrgyzstana. 2023. № 3. S. 120–125. <https://doi.org/10.26104/IVK.2023.45.557>
3. Mohnachev S. O., Rohlina M. L., Usmanova N. N. Klinicheskie proyavleniya zloupotrebleniya Tropikamidom // Narkologiya. 2012. T. 11, № 2 (122). S. 44–49.

4. Tetenova E. Yu., Nadezhdin A. V., Kolgashkin A. Yu. Zloupotreblenie Pregabalinom: predvaritel'naya informatsiya i obzor svidetel'stv // Narkologiya. 2012. T. 11, № 7 (127). S. 79–82.
5. Piskunov M. V., Krivenkov A. N., Rejhel' N. V. Zavisimost' ot Pregabalina («Lirika») : obzor literatury i sobstvennyye klinicheskie nablyudeniya // Narkologiya, 2013. T. 12, № 4 (136). S. 52–56.
6. Polinskaya T. A., SHishov M. A. Aktual'nye aspekty novyh form aptechnoj narkomanii // Narkokontrol'. 2019. № 4. S. 14–16. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2019-4-14-16>
7. Viharev D. D. Osobennosti rassledovaniya organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti v sfere nezakonnogo oborota lekarstvennykh preparatov, sodержashchih sil'nodejstvuyushchie veshchestva / Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij : materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Krasnodar, 23 maya 2024 g. Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 68–72.
8. Sharapov Sh. Sh. Aktual'nye voprosy otpuska lekarstvennykh preparatov iz aptechnykh organizacij // Remedium. 2023. T. 27, № 2. S. 172–176. <https://doi.org/10.32687/1561-5936-2023-27-2-172-176>
9. Danilov E. O. Problemy privlecheniya sub'ektov medicinskoj deyatel'nosti k administrativnoj otvetstvennosti // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 7 (104). S. 27–34. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.104.7.027-034>
10. Maleva A. B., Zanina I. A., Ivanovskaya N. P. Aktual'nye voprosy obrashcheniya lekarstvennykh sredstv, podlezhashchih predmetno-kolichestvennomu uchetu // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Himiya. Biologiya. Farmaciya. 2024. № 2. S. 94–103.
11. Starzhinskaya O. B., Samojlova Yu. B., Shishov M. A. Aktual'nye voprosy protivodejstviya aptechnoj narkomanii // Narkokontrol'. 2025. № 1. S. 29–33. <https://doi.org/10.18572/2572-2072-4160-2025-1-29-33>
12. Polinskaya T. A., Shishov M. A. Aktual'nye voprosy administrativnoj otvetstvennosti medicinskih organizacij, svyazannoj s obrashcheniem lekarstvennykh sredstv // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 3. S. 43–46. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2021-3-43-46>
13. Svistil'nikov A. B., Rudnev S. M. Protivodejstvie nezakonnomu obrotu sil'nodejstvuyushchih veshchestv i biologicheskij aktivnykh dobavok: problemy i puti resheniya // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2013. № 1. S. 52–57.
14. Markina A. N. Nezakonnyj otpusk v aptechnykh organizacijah lekarstvennykh preparatov, sodержashchih sil'nodejstvuyushchie veshchestva: analiz prichin i sovremennoe polozhenie // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. F. SHilova. 2022. № 4 (61). S. 49–53.
15. Ishchenko D. P., Kireeva Zh. B., Kovtun N. A. Otvetstvennost' za bezrecepturnyj otpusk kodeinsoderzhashchih preparatov // Yurist Yuga Rossii i Zakavkaz'ya. 2019. № 2 (26). S. 25–29.
16. Grishin A. I., Trofimov D. A., Chemarev A. P. Osnovnye eticheskie problemy deyatel'nosti sovremennogo farmacevticheskogo rabotnika // Byulleten' medicinskih Internet-konferencij. 2016. T. 6, № 1. S. 225–228.
17. Ermakov M. G. Sovershenstvovanie ugovno-pravovogo protivodejstviya rasprostraneniyu sil'nodejstvuyushchih i yadovykh veshchestv s ispol'zovaniem seti Internet / Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 16–17 maya 2018 g. / pod red. A. G. Hlebushkina, T. N. Timinoy. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. S. 119–122.

Научная статья
УДК 343.13

О правозащитной функции прокурора и ее проявлениях в досудебном производстве по уголовным делам (теоретический аспект)

Ольга Игоревна Даровских, доктор юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д.1), Российская Федерация
darovskikhoi@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8964-2362>

Аннотация:

Введение. Цель – обосновать мнение о наличии правозащитного направления деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, для чего выявить обстоятельства, влияющие на изменение функциональной направленности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве; проанализировать разнообразие мнений ученых относительно выполняемых прокурором функций, обосновать наличие правозащитной функции как генерирующей и ее приоритетное значение, структурировать иные направления деятельности на ведущие и второстепенные; рассмотреть их проявления в деятельности прокурора и соотношение с его полномочиями; исследовать положение прокурора в некоторых странах Содружества Независимых Государств; выявить существенные проблемы в деятельности надзирающего прокурора и разработать предложения по их оптимизации в тексте уголовно-процессуального закона.

Методология. Использованы диалектический метод, метод системно-структурного анализа, формально-логический метод, сравнительный метод.

Выводы. Прокурор осуществляет правозащитную деятельность путем осуществления как уголовного преследования, так и надзорной деятельности.

Научная и практическая значимость. Обоснованные положения об ограничении полномочий прокурора связаны с особенностями понимания функций, которые прокурор выполняет в рамках уголовного судопроизводства. Обращается внимание на то, что, определяя прокурора как представителя стороны обвинения, законодатель ограничил его в выполнении правозащитной функции и функции надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

Ключевые слова:

прокурор, досудебные стадии, деятельность, уголовное судопроизводство, функции, надзор, уголовное преследование

Для цитирования:

Даровских О. И. О правозащитной функции прокурора и ее проявлениях в досудебном производстве по уголовным делам (теоретический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 117–127.

Статья поступила в редакцию 16.10.2025;
одобрена после рецензирования 02.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

On a prosecutor's law enforcement function and its realisation in pre-trial proceedings in criminal cases (theoretical aspect)

Olga I. Darovskikh, Doc. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
darovskikhoi@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8964-2362>

© Даровских О. И., 2026

Abstract:

Introduction. Higher education is currently undergoing a series of fundamental changes in the context of a dynamic transformation of its essential characteristics, striving to follow current trends and adapt to the realities of society. Contemporary researchers are focusing on the educational system within higher education institutions in general, and the mentorship practice in particular. Despite the existence of a large corpus of materials on the phenomenon of 'mentorship', there is nevertheless considerable variation in its descriptive characteristics, the academic community's attitude towards it, and the difficulties and obstacles involved in reforming it.

Methods. The system analysis method served as the primary approach. The article provides expert opinions regarding the current state of mentorship in contemporary Russian higher education institutions and identifies the root causes of its dissatisfaction.

Results. The author emphasises that the modern system of mentorship needs to be reformed and, accordingly, proposes implementing the Pedagogical construct of collaboration (hereinafter referred to as the PCC) into the educational process. This construct consists of a triad of specialists: a curator, a tutor and a mentor. Introducing the PCC will significantly improve the situation, as this structure, on the one hand, will act as a catalyst for balanced interaction between all participants in the educational process, and on the other hand, will enable students to be offered the modern, professional, high-quality educational support they require.

Keywords:

prosecutor, pre-trial stages, activities, criminal proceedings, functions, supervision, criminal prosecution

For citation:

Darovskikh O. I. On a prosecutor's law enforcement function and its realisation in pre-trial proceedings in criminal cases (theoretical aspect) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 117–127.

The article was submitted October 16, 2025;
approved after reviewing March 2, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Отсутствие четкой последовательной концепции уголовно-процессуального судопроизводства в России привело к неоднозначности, а иногда и к противоречивости некоторых положений уголовно-процессуального закона, в т. ч. и касающихся участия прокурора в досудебных стадиях процесса, что вызывает определенные сложности как теоретического, так и практического порядка. В первую очередь это проявляется в том, что в тексте уголовно-процессуального закона определены только три направления, которые мы выделяем, исходя из выполняемой участниками уголовно-процессуальных отношений деятельности: это функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, в силу чего прокурор отнесен законодателем к стороне обвинения, и по этой причине упускается из виду выполнение им иных функций и ограничиваются его полномочия.

В то же время в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) назначением уголовного судопроизводства, а по сути, направлением деятельности должностных лиц, задействованных в уголовном судопроизводстве, указана защита прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного или необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав. Следовательно, нельзя исключать наличие у прокурора правозащитной функции, которая не совпадает с обвинительной.

Кроме того, в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, говорится об уголовном преследовании и надзоре за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, что подтверждается предоставленными прокурору определенными полномочиями, хотя надзорная деятельность никак не может быть отнесена к обвинительной деятельности.

Методы и результаты

В связи с этим мы не можем согласиться с утверждением некоторых ученых, которые полагают, что такая функция прокурора, как надзор за процессуальной деятельностью следователя, дознавателя, отсутствует, поскольку не предусмотрена уголовно-процессуальным законом либо является одновременно и надзором за исполнением законов [1, с. 20; 2, с. 74; 3, с. 53; 4, с. 21; 5, с. 31]. Утверждая это, они делают вывод, что отнесение прокурора к стороне обвинения правомерно. С таким мнением согласиться нельзя, т. к. такой подход не обеспечивает и не может обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, вне зависимости от их процессуального статуса, он противоречит определенному в уголовном процессе назначению уголовного судопроизводства, а также мнению законодателя, изложенному в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»² (далее –

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации (далее – Ведомости СНД РФ и ВС РФ). 1992. № 8. Ст. 366.

ФЗ о прокуратуре), где сказано, что прокурор в уголовном судопроизводстве наряду с уголовным преследованием осуществляет и надзорную деятельность за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие [6, с. 21–24].

В науке до настоящего времени остается открытым вопрос относительно того, какие процессуальные функции осуществляет прокурор. Причин для этого, на наш взгляд, несколько, и они заключаются в следующем:

Во-первых, функции прокуратуры, как и любого другого государственного органа, определяются потребностями государства в определенный период [7, с. 157], поэтому они могут меняться. Кроме того, государство может вообще отказаться от выполнения государственным органом определенных функций или переложить их выполнение на какую-то иную структуру.

Во-вторых, в исторических особенностях появления российской прокуратуры, которая в свое время создавалась только как орган, осуществляющий надзор за исполнением законов, и это направление деятельности стабильно сохранялось за данным государственным институтом, несмотря на различные изменения, происходящие в стране, постепенным появлением иных задач и новых требований к данному государственному органу.

В-третьих, направления деятельности прокурора зависят и от социально-политических изменений, происходящих в стране. Например, основная задача прокуратуры в советский период была определена как борьба с различными преступными проявлениями, в силу чего прокуратура позиционировала себя органом борьбы с правонарушениями и преступностью и так же воспринималась общественностью. В силу такого подхода надзорные функции прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в указанный период утратили свою первоначальную значимость.

В-четвертых, на неопределенность количества функций, которые выполняет прокуратура в досудебном производстве, влияет как несовершенство законодательства, так и пробелы в нормативных правовых актах. Отнеся такого участника процесса к стороне обвинения, законодатель предопределил однозначность его правового положения. Кроме того, следует учитывать и то, что вопрос, связанный с функциями прокурора, как нам представляется, давно вышел из чисто теоретической плоскости. Определяя, как должен в том либо ином случае поступать прокурор, практики исходят и из положений закона, и из общепринятых теоретических понятий.

Свой вклад в неопределенность определения направлений деятельности прокурора внесли также как противоречия в самом тексте закона, так и нестыковки с положениями иных нормативных правовых актов. Например, до настоящего времени некоторые положения ФЗ о прокуратуре противоречат иным федеральным законам, в т. ч. и УПК РФ.

Среди ученых есть приверженцы идеи выполнения прокурором только одной функции. В частности, В. А. Лазарева полагает, что прокурор выполняет только функцию уголовного преследования [3, с. 52]. Большинство же современных ученых считают, что прокуратуре в уголовном судопроизводстве присуща многофункциональность: от двух функций и более. И. Ф. Демидов отмечал правозащитную, профилактическую и воспитательную функции³. Данную позицию разделяет Л. А. Курочкина [8, с. 21], а С. Н. Алексеев обращал внимание на присутствие функций надзора и уголовного преследования [9, с. 99]. А. А. Тушев, исходя из того, что прокурор осуществляет функции уголовного преследования, правозащитную, надзорную, руководства процессуальной деятельностью и дознания, и предварительного следствия, координацию деятельности правоохранительных органов и функцию борьбы с преступностью [10, с. 247]. В. В. Мельник называет функции уголовного преследования, обвинения и правозащитную функцию⁴. Г. П. Химичева высказывалась о трех функциях: надзор за исполнением законов, уголовное преследование и участие в рассмотрении судами уголовных дел [11, с. 222]. З. З. Зинатуллин и С. Ю. Туров уверены, что прокурор кроме функции уголовного преследования, которую они считают генерирующей и охватывающей деятельность по раскрытию преступлений и деятельность по возмещению причиненного преступлением вреда, выполняет и функцию охраны прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, функцию правосудия путем участия в разрешении дела по существу, а также воспитательно-профилактическую деятельность [12, с. 93].

Причина такого разночтения, как мы ранее уже говорили, «...в сложном положении прокурора в уголовном судопроизводстве. Это единственный субъект, который присутствует на протяжении всех стадий процесса, но при этом должностные лица прокуратуры меняются и более того, они не связаны мнением, которое было сформировано в предыдущей стадии процесса.

³ Настольная книга прокурора : [методическое пособие] / под ред. С. И. Герасимова. Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2003. С. 654.

⁴ Там же. С. 674.

На протяжении процесса меняется не только наименование данного должностного лица (прокурор, государственный обвинитель), меняются и его полномочия, но неизменно остается стремление прокурора при выявлении любых нарушений прав лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальной деятельности, принимать меры к устранению выявленных нарушений» [6, с. 18].

Не все предлагаемые учеными направления деятельности могут быть безусловно приняты. Например, деятельность прокурора не укладывается в два или три предлагаемых направления: надзор и уголовное преследование, или надзор, уголовное преследование и участие в рассмотрении судами уголовных дел. Безусловно, функций, выполняемых прокурором, больше. Например, нельзя исключать правозащитную функцию [6, с. 18].

Сложно согласиться и с мнением, что среди функций, реализуемых прокурором, присутствуют такие, как установление объективной истины, борьба с преступностью, осуществление правосудия путем разрешения дела по существу, а также функция поддержания гражданского иска или деятельность по возмещению причиненного преступлением вреда. Указанные направления либо поглощаются иными функциями (например, борьба с преступностью полностью охватывается функцией уголовного преследования), либо представляют собой полномочия прокурора, используемые им при осуществлении своей деятельности в досудебных стадиях процесса. К ним можно отнести деятельность по возмещению причиненного преступлением вреда или поддержанию гражданского иска, установление объективной истины. На наш взгляд, у прокурора в уголовном судопроизводстве, согласно законодательно установленным его полномочиям, отсутствует функция отправления правосудия путем разрешения дела по существу. Прокурор не принимает окончательного решения относительно судьбы уголовного дела. Этот вопрос решается иными должностными лицами – судьями. Прокурор может только высказать свое мнение относительно принятого судом решения, посчитав его незаконным, принести апелляционное представление. Сложно согласиться и с мнением, что прокурор выполняет функцию процессуального руководства расследованием [13, с. 17; 14, с. 63], поскольку данная функция не подтверждается предоставленными прокурору полномочиями в отношении следователей. Более того, прокурор в настоящее время поставлен в положение лица, некоторым образом находящегося в зависимости от следователя при осуществлении надзорной деятельности, на что неоднократно указывали ученые [3, с. 53], и это утверждение сложно оспорить.

В целом соглашаясь с тем, что участие прокурора в досудебных стадиях процесса позволяет ему обеспечивать большинство указанных направлений деятельности, полагаем целесообразным упорядочить подход к выявлению функций, выполняемых прокурором, учитывая, каким именно образом эти направления деятельности взаимосвязаны друг с другом.

Цель деятельности прокуратуры определена в ФЗ о прокуратуре и звучит как «обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства»⁵. Данная формулировка полностью совпадает с позицией законодателя, изложенной в УПК РФ относительно назначения уголовного судопроизводства, и обеспечивается предоставлением прокурору прав, позволяющих реализовать данное направление деятельности, определяемое нами как правозащитное. Именно поэтому мы согласны с мнением ученых, полагающих, что прокурор, как и иные должностные лица, задействованные в уголовном судопроизводстве, осуществляет в первую очередь правозащитную функцию.

Следует отметить, что в юридической литературе можно встретить и иную точку зрения, заключающуюся в том, что правозащитная деятельность прокуратуры представляет собой не функцию, т. е. не направление, а цель деятельности, которая пронизывает все функции и основные направления работы этого государственного органа [7, с. 154–159]. С этим согласиться сложно, поскольку данное утверждение по сути своей противоречиво. Функции – это разнообразные направления деятельности, которые предполагают и различные цели. Функция уголовного преследования имеет цель выявить лицо, совершившее преступление, получить доказательства его виновности и обеспечить назначение этому участнику процесса справедливого наказания. Поэтому цель данной деятельности прокурора определена и не может пересекаться с иной, например, надзором. Для реализации функций прокурор наделяется определенными полномочиями, и каждому направлению деятельности корреспондируют определенные компетенции. Выход за их рамки свидетельствует о присутствии в деятельности лица иной функциональной направленности.

Поддерживая в данном вопросе законодателя, полагаем, что правозащитная функция должна реализоваться в отношении всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальной

⁵ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

деятельности, а не только в отношении потерпевшего либо обвиняемого (подозреваемого). В связи с этим мы не можем согласиться с мнением Н. П. Кирилловой, которая полагает, что реализация правозащитной функции возможна в отношении прав только участников судебного разбирательства [15, с. 68]. Уголовное судопроизводство в широком смысле – это не только стадия судебного разбирательства, но и досудебные стадии, в которых могут быть задействованы лица, в последующем не участвующие в судебном разбирательстве, право и законные интересы которых могут нарушаться в ходе предварительного расследования. Это может быть лицо, именуемое заявителем, или свидетели, вызов которых в судебное заседание признали нецелесообразным, и т. д. Должностные лица, производящие предварительное расследование и дознание, обязаны соблюдать права и законные интересы этих лиц, а при выявлении нарушений прокурор обязан принять соответствующие меры к их восстановлению.

В литературе можно встретить мнение ученых, которые правозащитную функцию прокурора в уголовном судопроизводстве смешивали с функцией защиты [16, с. 4; 17, с. 89; 18, с. 62], что совершенно недопустимо. Защита в рамках уголовного судопроизводства понимается как деятельность определенных лиц (защитников), направленная на защиту прав и интересов только подозреваемого и (или) обвиняемого и оказания им квалифицированной юридической помощи. Она используется как средство от возникшего подозрения или предъявленного обвинения. Правозащитная деятельность отличается от защиты по этим же параметрам: она направлена на защиту прав неограниченного круга лиц, участвующих в уголовно-процессуальной деятельности, причем и тех, которым присвоен статус подозреваемого, обвиняемого, в случае если они в этой защите нуждаются. Если у обвиняемого или подозреваемого есть защитник, то очевидно, что помощь прокурора в восстановлении нарушенных прав не требуется, т. к. это охватывается обязанностями данного защитника, независимо от формы его участия (по соглашению или по назначению).

Анализируя сущность проявления правозащитной функции, полагаем, что ее следует рассматривать как генерирующую функцию по отношению к другим направлениям деятельности прокурора, поскольку она воплощается в жизнь благодаря конкретной деятельности прокурора, осуществляемой в различных формах. Все иные направления деятельности можно разделить на ведущие и второстепенные. К ведущим мы относим уголовное преследование, которое охватывает и обвинение, и участие в судах при рассмотрении уголовных дел, и надзорную деятельность, проявляющуюся в надзоре за исполнением законов, осуществляемую как надзирающими прокурорами, так и прокурорами вышестоящих прокуратур. К второстепенным функциям мы относим профилактическую и воспитательную деятельность. Полагаем, что такой подход к определению функций прокурора ошибочный, автор исключил из направлений деятельности прокурора правозащитную деятельность, что не может быть признано правильным.

Выделенные нами второстепенные функции не являются для прокурора самоцелью. При осуществлении уголовного преследования или надзорной деятельности он не ставит перед собой задачу перевоспитания каждого обвиняемого или предупреждения новых преступлений, но своей деятельностью, принятием законных, обоснованных и справедливых решений, предложением справедливого наказания вольно либо невольно решает задачи и профилактического, и воспитательного характера.

И уголовное преследование, и надзорная деятельность обеспечивают реализацию правозащитной деятельности прокурора, поскольку при осуществлении и уголовного преследования, и надзора за исполнением законов прокурор нацелен на защиту как потерпевших, так и иных участников процессуальной деятельности, но различными средствами. В первом случае он принимает решения и совершает конкретные действия, обеспечивающие установление лица, совершившего преступление, собиранию доказательств его причастности к преступлению, правильности оформления материалов уголовного дела и пр., во втором, реализует другую задачу, состоящую в выявлении возможных нарушений закона при осуществлении предварительного расследования, которые затрагивают права и законные интересы участвующих в процессе лиц, в т. ч. и подозреваемых, обвиняемых, и принятии мер к их устранению. Действия прокурора и в том и в другом случае взаимосвязаны и переходят из одной формы в другую, поскольку выявлению любых нарушений закона всегда предшествует надзорная деятельность, а если в ее результате будут выявлены нарушения в деятельности следователя (руководителя следственного органа) либо дознавателя, прокурор использует свои полномочия для их устранения. В качестве примера можно привести материалы уголовного дела Центрального районного суда г. Челябинска⁶ по обвинению гр. М. в совершении преступления, предусмотренного

⁶ Материалы уголовного дела Центрального районного суда г. Челябинска // Центральный районный суд города Челябинска. : [официальный сайт]. URL: <https://centr--chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 06.09.2025).

ч. 2 ст. 131 Уголовный кодекс Российской Федерации⁷ (далее – УК РФ), в период расследования которого в прокуратуру поступила жалоба от потерпевшей относительно затягивания сроков расследования дела, неоднократного проведения следователем таких следственных действий, как очная ставка и проверка показаний на месте, в ходе которых она подвергалась оскорблению и унижению со стороны как обвиняемого М., так и сотрудников предварительного следствия. Истребовав и изучив материалы уголовного дела, надзирающий прокурор потребовал от следователя объяснения по поводу нарушений сроков расследования, его недостойного поведения в отношении потерпевшей и непринятия мер к пресечению оскорблений, допускаемых со стороны обвиняемого М.

Ученые неоднократно указывали на то, что надзорная деятельность предполагает объективность и незаинтересованность прокурора в ожидаемом результате, а уголовное преследование требует убежденности должностного лица в виновности или на первых порах причастности подозреваемого или обвиняемого к преступному деянию и только этим может быть объяснено его участие в уголовном преследовании.

Авторы данных утверждений не учитывают ряд моментов.

Во-первых, надзорная деятельность за исполнением законов всегда предшествует иным направлениям деятельности прокурора. Получив любую информацию в форме заявления или жалобы о неправомерных действиях, предпринятых следователем, надзирающий прокурор изучает соответствующий документ, например, постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, в случае необходимости истребует материалы, имеющиеся в распоряжении следственных органов, и только тогда принимает решение. В указанной ситуации прокурор не совершает действий, имеющих обвинительную направленность, например, он не вправе вынести постановление о возбуждении уголовного дела. Он исследует имеющийся повод и основания к возбуждению уголовного дела и только затем принимает решение. Впрочем, соглашаясь с целесообразностью проведения предварительного расследования, прокурор нацелен на выявление объективных обстоятельств произошедшего события и причастности к нему определенных лиц, а не на обвинительную деятельность. Согласно статистике, опубликованной на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации⁸, за один месяц года прокуратура отменяет более 600 постановлений следователей о возбуждении и более 100 000 – об отказе в возбуждении уголовного дела. Это свидетельствует не об обвинительном уклоне прокуратуры, а является результатом надзорной деятельности по выявлению ошибок и нарушений закона в деятельности следственного аппарата правоохранительных органов.

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон не предусматривает в настоящее время возможность прокурора активно участвовать в следственной деятельности, которая, бесспорно, носит обвинительный характер, хотя по своей сути должна бы представлять нейтральную исследовательскую деятельность. Однако следователь, дознаватель и их руководители нацелены на розыск в большей степени обвинительных доказательств, в силу чего признать их деятельность в полной мере исследовательской сложно. Следует отметить, что ранее по УПК РСФСР⁹ прокурор мог участвовать в проведении следственных действий, выезжал на место преступления и участвовал в его осмотре, избирал меру пресечения, беседовал с подозреваемым, для проверки хода расследования без повода в любой момент мог истребовать материалы уголовного дела, которые предъявлялись ему немедленно, давал обязательные к выполнению указания и т. д., что и позволяло говорить о его обвинительной деятельности. В настоящее время прокурор в силу предоставленных ему полномочий непосредственно в данной деятельности не участвует, он вправе осуществлять только надзорную деятельность, которая заключается в проверке соответствия закону действий и решений следственного аппарата.

В-третьих, изменение положения прокурора и направленности его деятельности, как мы полагаем, наступает только с момента утверждения обвинительного заключения, т. е. тогда, когда прокурор на основании собранных доказательств соглашается с мнением следователя о причастности лица к преступному деянию. Именно все последующие действия и решения, принимаемые представителями прокуратуры, укладываются в понятие «обвинительная деятельность»: вручение копии обвинительного заключения, направление материалов уголовного дела в суд, поддержание обвинения, представление в судебном заседании доказательства обвинительного свойства.

⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸ Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/> (дата обращения: 06.09.2025).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (ред. от 18.12.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. Утратил силу.

И еще один довод. Во многих странах, в т. ч. и в странах Содружества Независимых Государств, законодатель сохранил ведущую роль прокурора в уголовном судопроизводстве, предоставив ему полномочия, позволяющие в полной мере осуществлять и надзорную функцию, и руководство расследованием, и уголовное преследование, что только положительным образом влияет на конечный результат уголовно-процессуальной деятельности. Такой подход себя полностью оправдывает, т. к. является более эффективным способом обеспечения законности при производстве по уголовным делам, нежели ведомственный контроль.

Например, по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Армения от 27 июля 2021 г. № 3Р-306¹⁰ (далее – УПК Республики Армения) прокурор отнесен к представителям стороны обвинения, но согласно ст. 35–39 прокурор является государственным должностным лицом, назначенным в установленном законом порядке, которое в пределах своей компетенции осуществляет уголовное преследование, надзор за законностью дознания и предварительного следствия, поддерживает обвинение в суде, опротестовывает приговоры и другие окончательные решения суда. Он уполномочен возбуждать и осуществлять уголовное преследование, принимать к своему производству уголовные дела, возбужденные следователем или органом дознания, отменять вынесенные органом дознания и следователем постановления о прекращении уголовного дела, возбуждать уголовное дело по ходатайству суда, отменять постановления органа дознания и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждать уголовное дело; обращаться в соответствующие органы с ходатайствами о решении вопроса об аресте лиц, пользующихся иммунитетом от уголовного преследования, возложении на них уголовной ответственности, если эти лица должны быть привлечены в качестве обвиняемых по уголовному делу; лично принимать отдельные необходимые решения и производить отдельные следственные и другие процессуальные действия, а также расследование дела в полном объеме; лично рассматривать дело в полном объеме, принимая в ходе предварительного следствия необходимые решения и осуществляя следственные и другие процессуальные действия в соответствии с положениями УПК Республики Армения; отменять незаконные, необоснованные постановления органа дознания, его сотрудника, следователя, нижестоящего прокурора, а также незаконные, необоснованные указания нижестоящего прокурора.

Аналогичный подход сохранился и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V¹¹. В статье 58 данного закона говорится, что «...прокурор – должностное лицо, осуществляющее в пределах своей компетенции надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания, следствия и судебных решений, а также от имени государства уголовное преследование на всех стадиях уголовного процесса и иные полномочия. При наличии оснований и в порядке, предусмотренном законом, прокурор вправе своим постановлением принимать дела к своему производству и лично производить расследование, пользуясь при этом полномочиями следователя. Надзор за законностью досудебного расследования осуществляет уполномоченный на то прокурор»¹².

По Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З¹³ с изменениями и дополнениями на 17 февраля 2025 г. прокурор также отнесен к лицам, осуществляющим уголовное преследование, но при этом за ним в силу ст. 34 сохранилось право осуществления надзора за соблюдением законности с сохранением обширных полномочий, позволяющих ему эффективно выполнять свои обязанности. Прокурор вправе в ходе досудебного производства по уголовному делу принимать уголовное дело к своему производству и расследовать его в полном объеме, пользуясь при этом полномочиями следователя, или поручать его расследование нижестоящему прокурору либо соответствующему органу предварительного следствия; он осуществляет надзор за расследованием уголовных дел органом дознания, следователем; осуществляет процессуальное руководство и надзор за деятельностью нижестоящего прокурора, производящего предварительное следствие.

Осуществляя надзор за соблюдением законности при производстве предварительного следствия и дознания, прокурор уполномочен: письменно истребовать от нижестоящего

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 года № 3Р-306 // Национальное собрание Республики Армения : [сайт]. URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7747&lang=rus> (дата обращения: 06.09.2025).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗПК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» : [сайт]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 06.09.2025).

¹² Там же.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900295> (дата обращения: 06.09.2025).

прокурора, следователя и органа дознания для проверки уголовные дела, материалы, а также проверять уголовные дела, материалы; изымать от органа дознания и передавать органу предварительного следствия любое уголовное дело в соответствии с подследственностью; лично производить отдельные следственные и другие процессуальные действия при санкционировании применения меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя, а также предварительное следствие в полном объеме в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела; именно он заключает с подозреваемым (обвиняемым) досудебное соглашение о сотрудничестве; и отменяет незаконные и необоснованные постановления нижестоящего прокурора, начальника следственного подразделения, следователя, органа дознания и лица, производящего дознание. Можно привести в качестве примера и законы иных государств, где сохранены полномочия прокуроров для полноценного осуществления ими своих функций.

3 заключение

Подводя итог проведенному исследованию, хотелось бы остановиться еще на двух моментах, создающих определенные проблемы в деятельности надзирающего прокурора.

Первое – это целесообразность сохранения в УПК РФ дифференциации полномочий прокурора при надзоре за дознанием и следствием. Данное положение не нашло единообразного понимания в доктрине уголовного судопроизводства.

Мы разделяем данное мнение и считаем, что в пользу отказа от такой дифференциации можно привести следующие доводы: перед прокурором в отношении и следствия, и дознания поставлена единая задача, сформулированная в законе как обеспечение законности деятельности этих органов; и следствие и дознание занимаются единой деятельностью – предварительным расследованием; деятельность регулируется единым для обеих форм нормативно-правовым актом; она осуществляется на основе единых принципов уголовного судопроизводства; осуществление этой деятельности производится единым набором приемов и способов – системой следственных действий; все указанные действия осуществляются в целях выявления и исправления ошибок, допущенных дознавателем, либо оказания профилактической помощи, направленной на избежание возможных просчетов в процессуальной деятельности. Обеспечивая достижение назначения уголовного судопроизводства, прокурор выступает не заинтересованным в результате процессуальной деятельности лицом, поэтому любое нарушение закона, – неважно кто его допустил, дознаватель либо следователь, и в чью пользу, – стороны обвинения либо защиты, должно вызывать его адекватную реакцию, которая сформулирована законодателем в п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ¹⁴.

Мнения ученых по данному вопросу разошлись. Одни отмечают неправильность чрезмерно усиленного прокурорского надзора в отношении дознавателей, полагая, что такой плотный надзор ограничивает возможности дознавателей. Как пример, можно привести результаты опроса проведенного учеными, где выяснилось, что «большинство респондентов считают письменные указания прокуроров неэффективными для расследования уголовных дел. Более того, дознаватели признались, что из-за убежденности в бесперспективности обжалования указаний надзирающего прокурора вышестоящему в соответствии с ч. 4 ст. 41 УПК РФ, они не оспаривают их указания, что однозначно негативно сказывается на их процессуальной деятельности» [19]. С. В. Калинин полагал, что «...дознаватель несет персональную ответственность за результат расследования преступления и обязан выполнять указания только в рамках своей процессуальной самостоятельности» [20], Е. А. Киреева писала, что «использование прокурорами при осуществлении надзора на стадии досудебного производства применительно к дознавателям «не повышает качество производства по делам, расследуемым дознавателями» [2]. В. В. Ситник поддерживал данное мнение: «Вмешательство прокурора в процессуальную деятельность органов дознания влияет на организацию работы указанных органов, что умаляет роль и значение начальника органа (подразделения) дознания» [21]. Поддерживают законодателя в этом вопросе также Т. Л. Оксюк [22], А. В. Петров [23] и др.

Сложно согласиться с данным мнением. Цель активной надзорной деятельности прокурора не в умалении авторитета руководителей органов дознания, а исключительно в обеспечении законности и достижении назначения уголовного судопроизводства, в силу чего внесение каких-либо изменений в объем полномочий прокурора при надзоре за дознанием вряд ли целесообразно.

¹⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Большинство ученых считают, что полномочия прокурора в досудебном производстве при надзоре за следствием следует расширять. Об этом писали А. Д. Назаров [24], М. И. Николаева, В. В. Рябчиков, А. Э. Лукашина [25], К. А. Таболина [26] и др. ученые.

Их доводы сводятся к следующим позициям, которые мы поддерживаем: прокурорский надзор более эффективен, нежели ведомственный контроль; он не заинтересован в результатах, т. к. не принадлежит к каким-либо ведомственным органам; решения законодателя относительно предоставления прокурору некоторых надзорных властных полномочий нельзя признать последовательными и требуют корректировки, например, запрет на возбуждение уголовного дела и право не утверждать постановление, вынесенное об этом следователем.

Мы полагаем, что целесообразен возврат к нормам закона, предоставляющим прокурору больших возможностей при осуществлении надзора и за следствием, и за дознанием. Основанием для такого вывода могут служить статистические данные, представленные на портале статданных Генеральной прокуратуры Российской Федерации, где показано, что на досудебных стадиях уголовного судопроизводства было выявлено более 400 000 нарушений, рост к результатам предыдущего года составил больше на 7,6 %, в т. ч. при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении – около 300 000, при производстве следствия и дознания – 153 177 тысяч нарушений. Кроме того, отменено 624 постановления следователей и дознавателей о возбуждении уголовных дел, более 37 000 постановлений о приостановлении предварительного расследования и т. д. Причины такого объема нарушений мы видим и в том, что в настоящее время у надзирающего прокурора отсутствует возможность осуществлять текущий надзор за следствием, т. е. максимально быстро выявлять допущенные нарушения и принимать меры к их устранению, поскольку предоставление ему возможности осуществлять последующий надзор не дает нужного эффекта. Как отмечают ученые, например, Е. Б. Серова, «...прокурору нередко приходится затрачивать значительные усилия для обеспечения принятия следователем законного и обоснованного решения. Требования прокурора не исполняются, многократные отмены постановлений в рамках имеющихся полномочий влекут за собой нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства, нарушение прав участников процесса» [27].

О целесообразности расширения полномочий прокурора при надзоре за следствием выступает и адвокатура, например, Д. Ю. Денисов пишет, что расширение полномочий прокурора в отношении следователя и следственного органа, указанные в п. 9–12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, является существенным изменением, которое, безусловно, должно улучшить качество расследования уголовных дел, исключить предвзятое отношение следователя и оперативных сотрудников, сопровождающих дела¹⁵.

В силу изложенного уравнивание надзорных полномочий прокурора, как мы полагаем, повысит результативность надзорной деятельности прокурора за следствием и повлияет на оптимизацию качества деятельности следственного аппарата.

Второй момент заключается в устранении пробелов урегулирования некоторых ситуаций, возникающих при осуществлении процессуальной деятельности прокурором. Законодатель предоставил прокурору право истребовать материалы уголовных дел для проверки только по письменному и мотивированному запросу, без указания срока на выполнение следователем данного запроса. Такой подход законодателя, на наш взгляд, затягивает сроки восстановления законности и устранения иных нарушений, допущенных следователем. Кроме того, отсутствие указания на конкретные сроки выполнения запроса прокурора позволяет затягивать выполнение запроса, увеличивая разумный срок предварительного расследования.

Опросы ряда сотрудников прокуратуры, проведенные в Санкт-Петербурге, Челябинске и Екатеринбурге, показали, что материалы уголовных дел достаточно часто поступают в прокуратуру в различные сроки после получения следственными органами запросов со ссылками на различные, в т. ч. и псевдоуважительные причины. Кроме того, получив запрос с указанием мотивов запроса материалов дела и не располагая конкретным сроком его исполнения, следователи принимают меры к максимально возможному устранению причин, изложенных в жалобе, что свидетельствует об их формальном подходе к выполнению своих обязанностей и затягиванию сроков расследования.

На наш взгляд, необходимо закрепить в законе право прокурора на истребование материалов уголовного дела для их проверки не только при наличии жалоб, но и по инициативе прокурора, в связи с чем внести изменения в ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ¹⁶, указав, что «по запросу прокурора ему немедленно, не позднее 24 часов, предоставляются материалы находящегося в производстве уголовного дела».

¹⁵ Денисов Д. Ю. Расширение полномочий прокурора в досудебном разбирательстве по уголовному делу // Адвокатская контора № 2 (г. Владимир) : [сайт]. URL: <https://advkontora2.ru/publications> (дата обращения: 20.08.2025).

¹⁶ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

В связи с отсутствием в тексте закона установленных сроков проведения прокурорской проверки дополнить ст. 37 УПК РФ частью 7, указав, что «прокурор, получив материалы уголовного дела, сам устанавливает сроки проведения проверки с учетом объема дела, его сложности и количества обвиняемых». Считаем целесообразным проведение специального исследования для определения оптимальных сроков проверки материалов уголовного дела.

Таким образом, полагаем, что, во-первых, при определении сущности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве следует исходить из того, что прокурор реализует правозащитную деятельность путем осуществления как уголовного преследования, так и надзорной деятельности. Во-вторых, улучшение качества функционирования следственного аппарата и дознавателей мы видим в усилении надзорной деятельности прокуратуры, для чего необходимо расширить полномочия надзирающих прокуроров.

Список источников

1. Абдул-Кадыров Ш. М. Прокурорский надзор за исполнением законов в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4 (36). С. 19–23.
2. Киреева Е. А. Проблемы отсутствия процессуальной самостоятельности дознавателей / Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства: материалы межвузовской научно-практической конференции, г. Москва, 10 апреля 2008 г. : в 2 ч. Москва : Академия управления МВД России, 2008. Ч. 1. С. 145–149.
3. Лазарева В. А., Вершинина С. И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 2. С. 51–59. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolstu.2022.2.7>
4. Левченко О. В. О концепции следственно-обвинительной власти и ее уголовно-процессуальной деятельности // Российский следователь. 2024. № 3. С. 18–22. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-3-18-22>
5. Щерба С. П., Ережицалиев Д. И. Прокурор в досудебном производстве по уголовным делам: функции, правовой статус, полномочия : монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. Москва : Юрлитинформ, 2015. 168 с.
6. Даровских О. И., Даровских С. М. Прокурор в уголовном судопроизводстве : монография. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2020. 160 с.
7. Шалунов М. С. Функции прокуратуры : Письмо в редакцию // Государство и право. 1995. № 6. С. 154–159.
8. Курочкина Л. А. Обеспечение прокурором прав участников судебного разбирательства уголовных дел : [монография]. Москва : Юрлитинформ, 2004. 154 с.
9. Алексеев С. Н. Функции прокурора по новому УПК РФ // Государство и право. 2002. № 5. С. 99–102.
10. Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. 323 с.
11. Химичева Г. П. О реализации процессуальных функций прокурора на досудебном производстве по уголовному делу // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 12. С. 220–224.
12. Зинатуллин З. З., Тузов С. Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2002. № 1. С. 91–97.
13. Кожевников О. А. Участие прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. Москва : Волтерс Клувер, 2011. 208 с.
14. Крюков В. Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы // Журнал российского права. 2007. № 10 (130). С. 61–70.
15. Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел : монография. Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. 404 с.
16. Адаменко В. Д. Особенности охраны обвиняемого / Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. / сост. Л. А. Зашляпин ; отв. ред. А. Д. Прошляков. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2005. Ч. 1. С. 3–8.
17. Выдря М. М. Функция защиты в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 88–92.
18. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань : Издательство Казанского университета, 1965. 531 с.
19. Костин Д. В., Кобзарев Ф. М. О совершенствовании нормативно-правовых основ прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 3–9.
20. Илюшкина О. С. Особенности взаимодействия начальника подразделения дознания с начальником органа дознания и дознавателями при раскрытии и расследовании преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 272–275.
21. Ситник В. В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 185–194. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.89.4.185-194>
22. Оксюк Т. Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. № 3 (905). С. 3–9.
23. Петров А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела // Гуманитарные исследования. 2011. № 2 (38). С. 178–184.
24. Назаров А. Д., Шагинян А. С. О расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве / Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей / науч. ред.: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова ; отв. секр. И. В. Чаднова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. Ч. 79. С. 241–251. <https://doi.org/10.17223/9785946217637/29>
25. Николаева М. И., Рябчиков В. В., Лукашина А. Э. К вопросу о расширении надзорных полномочий прокурора в рамках досудебного производства // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 391–393. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_4_391

26. Таболина К. А. Необходимость усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 129–138. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.42.2.129-138>

27. Серова Е. Б. Полномочия прокурора в досудебном производстве / Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сборник научных трудов / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2023. Вып. 3. С.295–303.

References

1. Abdul-Kadyrov Sh. M. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2013. № 4 (36). С. 19–23.
2. Kireeva E. A. Problemy otsutstviya processual'noj samostoyatel'nosti doznatelej / Problemy upravleniya organami rassledovaniya prestuplenij v svyazi s izmeneniem ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva: materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 10 aprelya 2008 g. : v 2 ch. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2008. Ch. 1. S. 145–149.
3. Lazareva V. A., Vershinina S. I. O processual'nom statuse dolzhnostnyh lic organov prokuratury, uchastvuyushchih v ugovolnom sudoproizvodstve // Pravovaya paradigma. 2022. Т. 21, № 2. С. 51–59. <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7>
4. Levchenko O. V. O koncepcii sledstvenno-obvinitel'noj vlasti i ee ugovolno-processual'noj deyatel'nosti // Rossijskiy sledovatel'. 2024. № 3. С. 18–22. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2024-3-18-22>
5. Shcherba S. P., Erezhipaliev D. I. Prokuror v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: funkcii, pravovoj status, polnomochiya : monografiya / pod obshch. i nauch. red. S. P. Shcherby. Moskva : Yurлитinform, 2015. 168 s.
6. Darovskih O. I., Darovskih S. M. Prokuror v ugovolnom sudoproizvodstve : monografiya. Chelyabinsk : Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, 2020. 160 s.
7. Shalunov M. S. Funkcii prokuratury : Pis'mo v redakciyu // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 6. С. 154–159.
8. Kurochkina L. A. Obespechenie prokurorom prav uchastnikov sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del : [monografiya]. Moskva : Yurлитinform, 2004. 154 s.
9. Alekseev S. N. Funkcii prokurora po novomu UPK RF // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 5. С. 99–102.
10. Tushev A. A. Prokuror v ugovolnom processe Rossijskoj Federacii. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2005. 323 s.
11. Himicheva G. P. O realizacii processual'nyh funkcij prokurora na dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 12. С. 220–224.
12. Zinatullin Z. Z., Turov S. Yu. Evolyuciya ucheniya ob ugovolno-processual'nyh funkciyah // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2002. № 1. С. 91–97.
13. Kozhevnikov O. A. Uchastie prokurora v dosudebnyh stadiyah ugovolnogo sudoproizvodstva : monografiya. Moskva : Volters Kluver, 2011. 208 s.
14. Kryukov V. F. Polnomochiya prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: sovremennost' i perspektivy // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 10 (130). С. 61–70.
15. Kirillova N. P. Processual'nye funkcii professional'nyh uchastnikov sostyazatel'nogo sudebnogo razbiratel'stva ugovolnyh del : monografiya. Sankt-Peterburg : Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 404 s.
16. Adamenko V. D. Osobennosti ohrany obvinyaemogo / Pyat'desyat let kafedre ugovolnogo processa UrGYUA (SYUI) : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ekaterinburg, 27–28 yanvarya 2005 g.: v 2 ch. / sost. L. A. Zashlyapin ; otv. red. A. D. Proshlyakov. Ekaterinburg : Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskij universitet, 2005. Ch. 1. С. 3–8.
17. Vydrya M. M. Funkciya zashchity v sovetskom ugovolnom processe // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1978. № 1. С. 88–92.
18. Fatkullin F. N. Obvinenie i sudebnyy prigovor. Kazan' : Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1965. 531 s.
19. Kostin D. V., Kobzarev F. M. O sovershenstvovanii normativno-pravovyh osnov prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2016. № 2 (52). С. 3–9.
20. Ilyushkina O. S. Osobennosti vzaimodejstviya nachal'nika podrazdeleniya doznaniya s nachal'nikom organa doznaniya i doznatelyami pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2011. № 3 (16). С. 272–275.
21. Sitnik V. V. Teoreticheskie aspekty prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi doznanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 4 (89). С. 185–194. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.89.4.185-194>
22. Oksyuk T. L. Usmotrenie prokurora v ugovolnom processe // Zakonnost'. 2010. № 3 (905). С. 3–9.
23. Petrov A. V. Obespechenie prokurorom zakonnosti v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Gumanitarnye issledovaniya. 2011. № 2 (38). С. 178–184.
24. Nazarov A. D., Shaginyan A. S. O rasshirenii polnomochij prokurora v dosudebnom sudoproizvodstve / Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej / nauch. red.: O. I. Andreeva, T. V. Trubnikova ; otv. sekr. I. V. Chadnova. Tomsk : Izdatel'skiy Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. Ch. 79. С. 241–251. <https://doi.org/10.17223/9785946217637/29>
25. Nikolaeva M. I., Ryabchikov V. V., Lukashina A. E. K voprosu o rasshirenii nadzornyh polnomochij prokurora v ramkah dosudebnogo proizvodstva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 4 (232). С. 391–393. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2024_4_391
26. Tabolina K. A. Neobходимost' usileniya roli prokurora v procedure vzbuzhdeniya i rassledovaniya ugovolnyh del // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 2 (42). С. 129–138. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.42.2.129-138>
27. Serova E. B. Polnomochiya prokurora v dosudebnom proizvodstve / Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сборник научных трудов / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск : РИВШ, 2023. Вып. 3. С.295–303.

Применение искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте: теория и методология

Кирилл Витальевич Злоказов¹, доктор психологических наук, доцент
Грант Рубенович Сархошян²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д.1), Российская Федерация

² Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу

Санкт-Петербург (191124, ул. Ярославская, 4), Российская Федерация

¹ kzlokazov@mvd.ru, ² nio.spbu@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, ² <https://orcid.org/0009-0007-3870-6382>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена вызовами и угрозами объектам транспорта и транспортной инфраструктуры, а также возможностями цифровой трансформации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Рост несанкционированных вмешательств и общественная опасность посягательств требуют оптимизации деятельности полиции на транспорте, которая в свою очередь может быть эффективно осуществлена с опорой на методы искусственного интеллекта – нейросетевого прогнозирования. Цель – систематизация теории и методологии применения нейросетевых технологий для прогнозирования правонарушений и преступлений на объектах транспортной инфраструктуры, осуществляемая для повышения эффективности деятельности полиции на транспорте.

Методы исследования: общенаучные методы анализа, систематизации и конкретизации, использованные в отношении сведений о применении искусственного интеллекта и нейросетевых систем прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте.

Результаты. Проанализированы отечественные и зарубежные технологии искусственного интеллекта, применяемые при прогнозировании правонарушений и преступлений, систематизированы нейросетевые методы прогнозирования, пригодные для построения моделей правонарушений и преступлений; конкретизирован алгоритм прогноза правонарушений и преступлений на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры посредством нейросетевой технологии применения искусственного интеллекта. Показано, что многослойный персептрон (MLP), рекуррентная нейронная сеть (RNN), временная сверточная сеть (TCN), графовая нейронная сеть (GNN) могут применяться для оперативного (в режиме реального времени), а также стратегического (криминологического) прогноза правонарушений и преступлений на транспорте. Приводятся примеры нейросетевых моделей, используемых для решения задач прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте. С учетом выполненного анализа формулируется алгоритм разработки нейросетевой модели прогноза правонарушений и преступлений. Описываются четыре этапа его осуществления, позволяющие перейти к практическому воплощению (разработке) модели прогноза.

Ключевые слова:

интеллектуальное прогнозирование преступлений, искусственная нейронная сеть, нейросетевой прогноз преступлений, нейросетевой анализ правонарушений, интеллектуальное предсказание преступлений, криминологический прогноз, информационные технологии прогнозирования правонарушений

Для цитирования:

Злоказов К. В., Сархошян Г. Р. Применение искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте: теория и методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 128–143.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025;
одобрена после рецензирования 07.10.2025;
принята к публикации 25.12.2025.

Original article

The application of artificial intelligence for predicting offences and crimes in transport: theory and methodology

Kirill V. Zlokazov¹, Doc. Sci. (Psy), Docent
Grant R. Sarkhoshyan²

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Transport Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Northwestern Federal District
4, Yaroslavskaya str., Saint Petersburg, 191124, Russian Federation

¹ kzlokazov@mvd.ru, ² nio.spbu@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, ² <https://orcid.org/0009-0007-3870-6382>

Abstract:

Introduction. The relevance of this study stems from the challenges and threats facing transport facilities and infrastructure, as well as the opportunities presented by the digital transformation of the operational activities of the internal affairs agencies of the Russian Federation. The rise in unauthorised interference and the public danger posed by such offences necessitate the optimisation of police operations in the transport sector, which, in turn, can be effectively achieved by relying on artificial intelligence methods – specifically, neural network forecasting.

Objective: to systematise the theory and methodology of applying neural network technologies for forecasting offences and crimes at transport infrastructure facilities, carried out to enhance the effectiveness of police operations in the transport sector.

Research methods: general scientific methods of analysis, systematization and specification, applied to data on the use of artificial intelligence and neural network systems for forecasting offences and crimes in transport.

Results. Domestic and foreign artificial intelligence technologies used in the prediction of offences and crimes have been analysed; neural network prediction methods suitable for constructing models of offences and crimes have been systematised; an algorithm for predicting offences and crimes in transport and at transport infrastructure facilities using neural network technology based on artificial intelligence has been specified. It has been demonstrated that a multi-layer perceptron (MLP), a recurrent neural network (RNN), temporal convolutional network (TCN) and graph neural network (GNN) can be applied for operational (in real-time) as well as strategic (criminological) prediction of offences and crimes in transport. Examples are provided of neural network models used to solve the problem of forecasting offences and crimes in transport. Based on the analysis carried out, an algorithm is formulated for developing a neural network model for forecasting offences and crimes. Four stages of its implementation are described, enabling the practical realization (development) of the forecasting model.

Keywords:

intelligent crime prediction, artificial neural network, neural network crime prediction, neural network analysis of offences, intelligent prediction of crimes, criminological forecasting, information technologies for offence prediction

For citation:

Zlokazov K. V., Sarkhoshyan G. R. The application of artificial intelligence for predicting offences and crimes in transport: theory and methodology // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 128–143.

The article was submitted May 22, 2025;
approved after reviewing October 7, 2025;
accepted for publication December 25, 2025.

Введение

Актуальность исследования заключается в возможностях цифровой трансформации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в части противодействия преступности. Осуществление криминальных посягательств группой лиц и применение ими высокотехнологичных устройств, увеличение общественной опасности их деяний, становится настоящим вызовом, ответом на который является цифровая модернизация деятельности полиции. Как неоднократно подчеркивал президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, будущее государственного управления и, в частности, правоохранительной системы неразрывно связано с внедрением цифровых платформ и искусственного интеллекта¹.

Необходимость поиска новых методов противодействия правонарушениям и преступлениям на объектах транспорта обусловлена ролью транспортной инфраструктуры в жизни страны. Высокая концентрация людей и материальных ценностей, гетерогенность и динамика транспортных потоков, открытость транспортной инфраструктуры создают благоприятную среду для

¹ Искусственный интеллект трансформирует в России всю систему госуправления // ComNews: [электронное издание]. URL: https://www.comnews.ru/content/23686_2/2024-12-13/2024-w50/1009/iskusstvennyy-intellekt-transformiruet-rossii-vsyu-sistemu-gosupravleniya (дата обращения: 01.09.2025).

совершения правонарушений – от краж грузов и личного имущества пассажиров, актов хулиганства до диверсий и террористических посягательств. В этих условиях назрела потребность перехода к проактивной, прогнозно-превентивной парадигме управления деятельностью органами внутренних дел на транспорте, основанной на обработке данных и передовых технологиях их анализа.

С учетом имеющегося зарубежного опыта применения нейросетевых технологий ясно, что интеграция информационных систем различных подразделений МВД и транспортной инфраструктуры может снизить риск криминализации. Объединение в аналитическом контуре данных о пассажиропотоке, расписании движения, записях с камер видеонаблюдения, данных о правонарушениях и оперативной обстановке позволит эффективно использовать силы и средства полиции на транспорте для предупреждения преступлений. Освоение нейросетевых методов прогнозирования открывает путь к созданию прогнозных моделей, способных не только предсказывать уровень преступности на транспорте на основе сведений об уровне преступности прошлых лет, но и оценивать риски преступлений в режиме реального времени.

Цель статьи состоит в систематизации теоретических основ и разработке алгоритма по применению нейросетевых технологий для прогнозирования правонарушений и преступлений на объектах транспортной инфраструктуры, осуществляемого в целях повышения эффективности деятельности подразделений полиции на транспорте.

Для достижения цели решаются следующие задачи: анализируются отечественные и зарубежные технологии искусственного интеллекта, применяемые при прогнозировании правонарушений и преступлений; описываются нейросетевые методы прогнозирования, пригодные для построения моделей правонарушений и преступлений; представлен алгоритм прогноза правонарушений и преступлений посредством нейросетевого метода.

Результатом является расширение представлений о возможностях применения нейросетевых технологий для противодействия правонарушениям и преступлениям на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, систематизированное знание о нейросетевых моделях и их параметрах, применимое для разработки конкретных нейросетевых решений, нацеленных на криминологический (долгосрочный) и оперативный прогноз состояния правонарушений и преступлений на транспорте.

Методы

Основу исследования составили общенаучные методы анализа, систематизации и конкретизации, использованные в отношении сведений о применении искусственного интеллекта и нейросетевых систем прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте.

Результаты

Теоретические основания применения технологий искусственного интеллекта для прогнозирования правонарушений и преступлений

Искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»². Под комплексом технологических решений понимается информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, включающее в т. ч. и машинное обучение, а также процессы и сервисы по обработке больших данных и поиску решений.

Анализ зарубежных и отечественных публикаций показывает, что технологии используются в нескольких основных направлениях:

– Противодействие правонарушениям и преступлениям, совершаемым посредством информационно-коммуникационных технологий, в т. ч. в интернете. Использование технологий основывается на выявлении антиобщественных и противозаконных действий в цифровой среде, их документировании в целях уголовного преследования и блокировании [1]. Наиболее эффективно данные технологии применяются в отношении преступлений против собственности

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта в России до 2030 года): Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2019. № 41. Ст. 5700.

(мошенничество), жизни и здоровья (доведение до самоубийства), против свободы, чести и достоинства личности (клевета), половой неприкосновенности и половой свободы (развратные действия), общественной безопасности и общественного порядка (призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства и пр.).

– Предупреждение преступлений, совершаемых в общественных местах с помощью методов анализа поведения (предиктивная аналитика). Наибольшую эффективность продемонстрировал метод «компьютерного зрения», примененный к признакам правонарушающего поведения [2]. Благодаря компьютерной обработке информации с видеокамер повысились возможности установления личности разыскиваемых лиц, в т. ч. подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших [3], выявляемость действий водителей транспортных средств, нарушающих правила проезда перекрестков, превышающих разрешенную скорость движения [4]. Наблюдение за поведением лиц в общественных местах позволило заблаговременно выявлять лиц в состоянии опьянения, дезориентированных и неадекватно реагирующих, нарушающих правила поведения [5].

– Прогнозирование правонарушений и преступлений (криминологическое прогнозирование) [6]. Прогнозирование представляет собой совокупность методов (а) пространственного, пространственно-временного и сетевого анализа, применяемых для определения вероятности совершения преступления на определенных участках местности; (б) персонологического прогнозирования совершения преступлений определенными лицами и /или группами [4].

К наиболее распространенным видам пространственного прогнозирования относится топографическое картирование (геопрофайлинг) [7]. Оно осуществляется путем оценки криминологической ситуации в определенных районах и в целом населенных пунктах, участках транспортных магистралей и узлов. Результатом картирования выступает топологическая модель преступлений («очаг преступлений»), составляемая на основе сообщений о происшествиях [8]. При этом географическая оценка криминогенности опирается не только на оперативную информацию, но и на сведения, поступающие от населения. Они включают:

- во-первых, сигналы о совершающихся правонарушениях и преступлениях;
- во-вторых, обращения и жалобы потерпевших;
- в-третьих, криминогенно значимые социальные, культурные и экономические характеристики деятельности населения.

К ним относятся такие показатели, как вандализм, порча зданий и сооружений, наличие бесхозной и разрушенной городской инфраструктуры [9]. Традиционный способ криминологического геопрофайлинга предполагает работу сотрудников полиции с географическими информационными системами и информационными сводками о правонарушениях и преступлениях. Несмотря на эффективность, данный способ трудоемок и отнимает много времени [10].

Неспособность сотрудника-оператора оценивать большие объемы информации за короткое время существенно затрудняет отслеживание преступной деятельности, обладающей динамичным, меняющимся характером. Кроме того, ручной ввод может привести к неточной идентификации криминогенных областей и ошибкам прогнозирования.

Статистические методы активно используются для предсказания преступности в масштабах страны, региона, города или района. Эти методы предполагают расчет плотности и распределения происшествий, связанных с преступлениями, в пределах определенного времени³ [11; 12]. Предметом анализа является поиск статистически значимых событий, в то время как автокорреляция оценивает степень связи событий, связанных с преступлениями. Хотя статистические методы более продуктивны в обработке информации, чем ручной анализ, они ограничены тем, что опираются на заранее определенные статистические модели и пороговые значения, которые могут неточно отражать состояние преступности [13].

Персонологическое картирование осуществляется путем расчета показателей вреда, позволяющих выявить потенциально опасных преступников. Распространенным методом является взвешенная совокупность статичных факторов, таких как тяжесть преступления и вид наказания [14]. Для изучения криминогенных групп и сообществ на основе теории графов разработана методология изучения их взаимодействия. Анализ связей используется для разработки ассоциативных матриц и диаграмм взаимодействия криминогенных лиц, а сетевой анализ используется для выявления состава преступных групп, определения структуры лидерства, выявления степени готовности к совершению преступления, изобличению участников на этапе уголовного преследования [8].

³ Федорова О. Б., Хейло Л. Г. Статистические методы анализа, оценки и прогнозирования оперативной обстановки : учебно-методическое пособие. Москва : ОАД МВД России, 2018. 85 с.

Завершая обзор технологий, применяемых для прогнозирования правонарушений и преступлений, сформулируем ряд выводов. Успешное применение данных методов актуализирует развитие технологий, совершенствующих и ускоряющих обработку массивов гетерогенных данных. Положительных результатов сегодня удастся достичь благодаря применению аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», автоматизированной информационной системы «Карта криминогенности», системы биометрического распознавания лиц «Сфера» и аналогичных интеллектуальных средств прогнозирования правонарушений и преступлений [15].

Недостатки использования классической методологии прогнозирования правонарушений и преступлений обусловлены естественными ограничениями способности операторов – сотрудников полиции воспринимать и интерпретировать объемы данных, а также тем, что классическим инструментам математико-статистического прогнозирования не хватает аналитической глубины, необходимой для выявления тонких закономерностей и тенденций. Они не могут эффективно интегрировать многочисленные источники данных или учитывать влияние различных социально-экономических и экологических факторов на преступность. Кроме того, эти методы обычно обеспечивают статичное представление данных о преступлениях, не отражая динамических и временных аспектов преступной деятельности. Существенных результатов удастся достичь благодаря применению методологии нейросетевого подхода к прогнозированию правонарушений и преступлений.

Нейросетевые методы прогнозирования, пригодные для построения моделей правонарушений и преступлений

Методология разработки прогноза правонарушений и преступлений в настоящее время представляет собой широкую группу методов, основывающихся на интуитивных (иррациональных), субъективных (индивидуальных) и формализованных (статистических) основаниях (рисунок 1). Наибольшую разработку и применение получили формализованные методы [16].

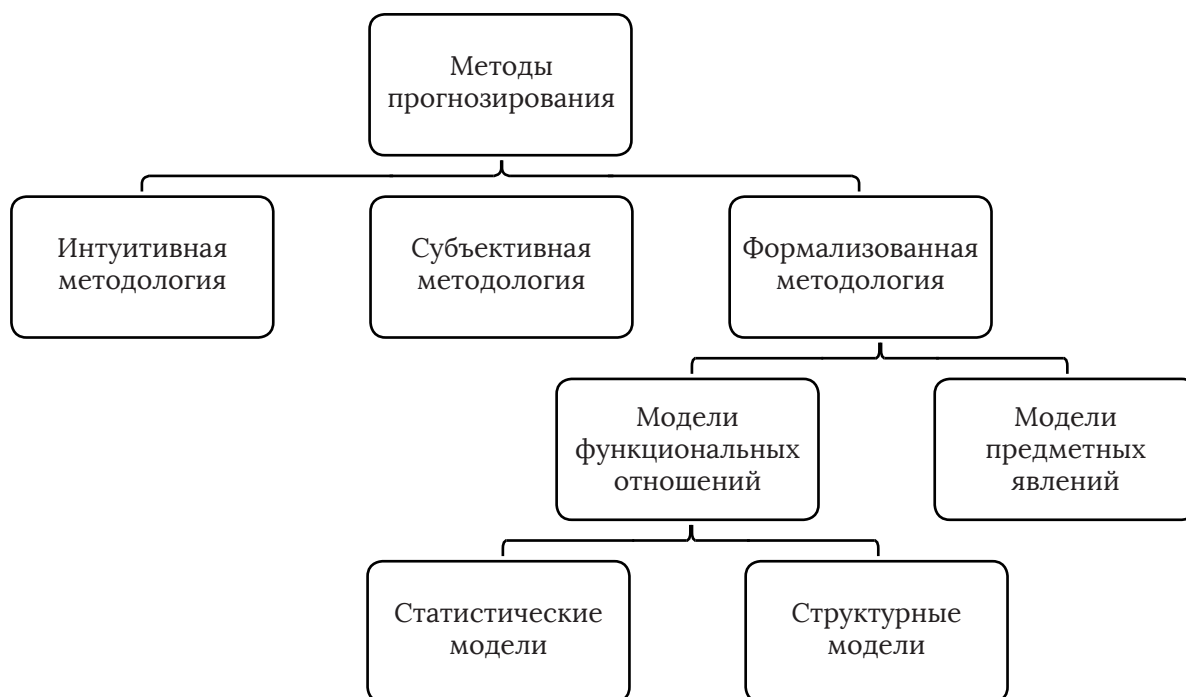

Рисунок 1 – Классификация методологии и методов прогнозирования
Figure 1. Classification of forecasting methodologies and methods

Формализованные методы, применяемые для разработки статистических и структурных моделей предсказания правонарушений и преступлений, основываются на процедурах изучения зависимостей, образующих само явление [17]. Статистические виды моделей строятся на анализе ассоциаций, корреляций и регрессий, тогда как структурные модели представляют собой более сложные процедуры, предполагающие выявление многомерных зависимостей, и предполагают классификацию, кластеризацию и детерминацию между различными причинами и условиями преступлений [18].

Методология нейросетевых методов дополняет статистические и структурные модели, развивая и расширяя их возможности. Основу нейросетевых методов составляет теория нейронных сетей, представляющая собой алгоритмическое моделирование нейрофизиологических процессов средствами математической статистики.

Фактически нейросетевой метод воспроизводит деятельность нервных клеток по получению, обработке и передаче нервных импульсов. Имитация нейронной сети с помощью аппаратно-программных средств обеспечивает обработку, анализ и интерпретацию больших объемов данных, позволяя в режиме реального времени оценивать риски криминальных посягательств и противодействовать им. В настоящее время прогнозирование правонарушений и преступлений с использованием нейросетевых методов осуществляется в нескольких направлениях:

- моделирование и прогнозирование преступности в реальном времени с использованием сетей интернета вещей и облачных вычислений;

- когнитивное моделирование с использованием искусственного интеллекта для анализа структуры правонарушений и преступлений прошлых лет на основе статистики их совершения;

- моделирование антиобщественного поведения и его нейросетевая симуляция при прогнозировании преступности в общественных местах в условиях высокой плотности населения;

- обеспечение раннего предупреждения правонарушений и преступлений на основе сетевых методов оценки взаимодействия криминогенных лиц путем анализа их коммуникации;

- прогнозирующее наблюдение с помощью беспилотных летательных аппаратов с использованием встроенного искусственного интеллекта для мониторинга правонарушений и преступлений;

- разработка визуальных моделей поведения правонарушителей и преступников для моделирования сценариев городских преступлений в режиме реального времени.

Наряду с указанными направлениями зарубежные исследователи ведут разработку нейросетевых методов обработки разнородных данных в реальном времени, что позволит ускорить реагирование на ситуацию. В числе перспективных направлений указаны:

- а) разработка нейросимволического интеллекта, позволяющего обрабатывать сообщения в информационно-коммуникационных сетях и выявлять призывы к совершению преступлений на основе оценки их криминогенного контекста и эмоционального потенциала высказываний;

- б) создание интеллектуальных средств оптимизации патрулирования нарядами полиции городских улиц на основе самообучающихся нейронных сетей;

- в) интеграция киберфизических систем и систем компьютерного зрения для предупреждения преступности в интеллектуальных городских инфраструктурах.

Таким образом, нейросетевые технологии прогнозирования правонарушений и преступлений опираются на использование математико-статистического анализа и ориентированы на расширение методологии нейросетей при моделировании вероятных и потенциально преступных действий. Нейросетевые методы отличаются от «классических» универсальностью применения, гибкостью и точностью прогнозирования, способностью обобщать значительные объемы информации об обстоятельствах и условиях преступлений без дополнительной корректировки или переобучения, возможность применения для производства прогнозов сотрудниками, не имеющими специальной подготовки в сфере математической статистики.

Архитектуру нейросетевого метода образуют две процедуры работы с данными – метод машинного обучения (далее – machine learning, ML) и обработки естественного языка (далее – natural language processing, NLP). В настоящее время разработанные на их основе алгоритмы составляют более 90 % процедур обработки данных о преступлениях, данных видеонаблюдений в режиме реального времени, анализа сообщений граждан о происшествиях [19; 20]. К основным нейросетевым алгоритмам относятся следующие.

1. Многослойный перцептрон (MLP) – класс искусственных нейронных сетей прямого пространства, состоит из нескольких слоев, имитирующих нейроны, каждый из которых выполняет свою функцию (рисунок 2). Типовыми слоями многослойного перцептрона являются:

- А. Входной слой. Принимает исходные данные (признаки) для обработки. Число нейронов в этом слое соответствует размерности входных данных.

- Б. Один или несколько скрытых слоев. Эти слои находятся между входным и выходным слоями. В них происходит основная обработка данных, где нейроны используют нелинейные функции активации

- В. Выходной слой. Выдает конечный результат работы сети. Число нейронов в этом слое зависит от решаемой задачи. Например, для классификации может быть несколько нейронов, каждый из которых соответствует определенному классу.

Нейросети на основе MLP применяются к структурированным массивам сведений о преступлениях. Они отличаются простотой, быстрой обучаемостью, относительно легкой интерпретацией результата. Недостатком является неспособность учитывать временную последовательность преступлений и их локализацию в различных районах города, неспособность компенсировать недостатки (ошибки) данных.

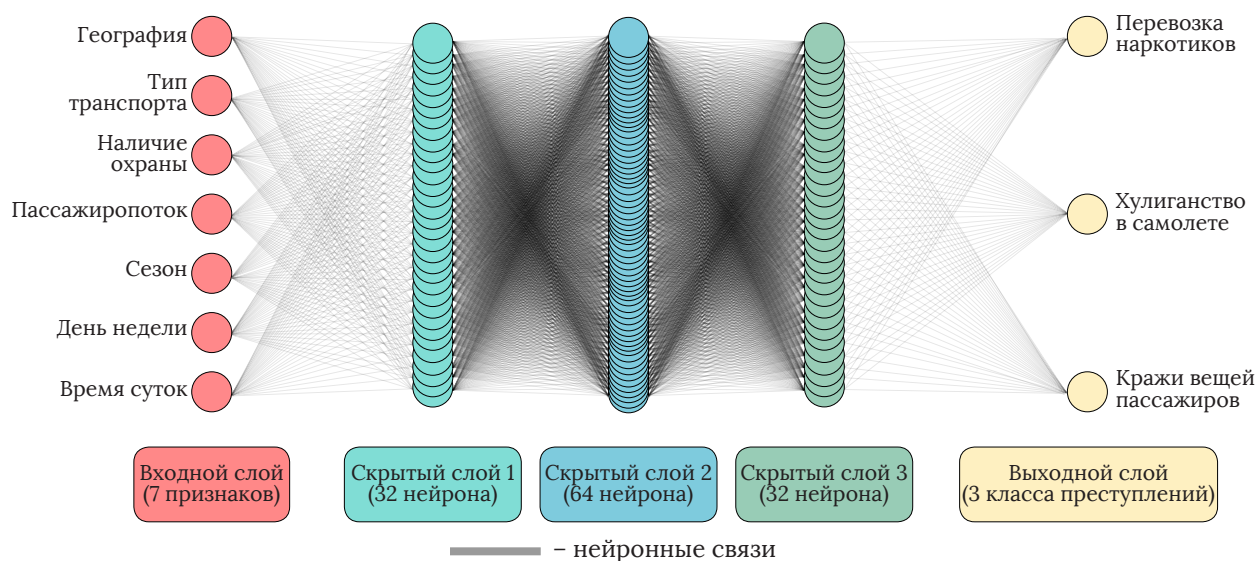

Рисунок 2. Пример архитектуры нейросети многослойного перцептрона, ориентированной на прогнозирование преступлений на транспорте⁴

Figure 2. Example of a multi-layer perceptron neural network architecture designed for forecasting transport-related crimes

Нейросети на основе MLP применяются к структурированным массивам сведений о преступлениях. Они отличаются простотой, быстрой обучаемостью, относительно легкой интерпретацией результата. Недостатком является неспособность учитывать временную последовательность преступлений и их локализацию в различных районах города, неспособность компенсировать недостатки (ошибки) данных.

Нейросети на основе MLP применяются к структурированным массивам сведений о преступлениях. Они отличаются простотой, быстрой обучаемостью, относительно легкой интерпретацией результата. Недостатком является неспособность учитывать временную последовательность преступлений и их локализацию в различных районах города, неспособность компенсировать недостатки (ошибки) данных.

Построение нейросети позволяет прогнозировать три вида преступлений с учетом места их совершения – перевозка наркотиков, хулиганство в самолете, кража вещей пассажиров на вокзале – и детали (вид транспорта, пассажиропоток, сезон, день недели и время суток). Нейросеть анализирует параметры каждого вида преступления на основе сведений о нем. Результатом становится оценка риска преступлений, дифференцированная по видам транспорта и вокзалам.

2. Рекуррентные нейронные сети (RNN) представляют собой разновидность нейронных сетей, предназначенных для обработки последовательных данных о преступлениях. В отличие от многослойных перцептронов (MLP), у RNN есть способность сохранять информацию и использовать ее для обработки новой информации.

Более совершенными разновидностями рекуррентной сети выступают нейросеть с длительной краткосрочной памятью (Long Short-Term Memory, LSTM), а также нейросеть с управляемым рекуррентным блоком (Gated Recurrent Unit, GRU). Данные модели нейросетей эффективны при работе с длинными и сложными последовательностями данных, поскольку способны управлять сохраняемой информацией. Они могут быть использованы для выявления основных обстоятельств совершения преступлений с учетом фактора времени (прогноз количества правонарушений в следующем периоде, оценка риска совершения преступлений по районам города и времени суток).

⁴ Входной слой нейросети получает сведения об обстоятельствах и условиях ранее совершенных преступлений, в скрытых слоях данная информация обрабатывается и дифференцируется по выбранным видам преступлений.

При применении для оценки хулиганства RNN нейросеть обобщает сведения о случаях хулиганства и на основе оценки параметров запоминает признаки и обнаруживает последовательности, позволяющие прогнозировать риск хулиганства, адаптируя его оценку к видам рейсов (маршрутов), динамике пассажиропотока, социально-демографическим характеристикам пассажиров. Так, RNN нейросеть осуществляет мониторинг пассажиропотока в реальном времени (рисунок 3). На основании данных видеонаблюдения обнаруживаются модели поведения, свидетельствующие о состоянии алкогольного опьянения, конфликтности пассажиров в конкретный момент времени ожидания рейса. Запоминая эти сведения посредством блоков LSTM, нейросеть «распознает» пассажиров, ранее уже демонстрировавших признаки опьянения или конфликтности. С учетом контекстных данных (информации, уточняющей характеристики и состояние данных пассажиров), нейросеть прогнозирует риск акта хулиганства с их стороны в период полета.

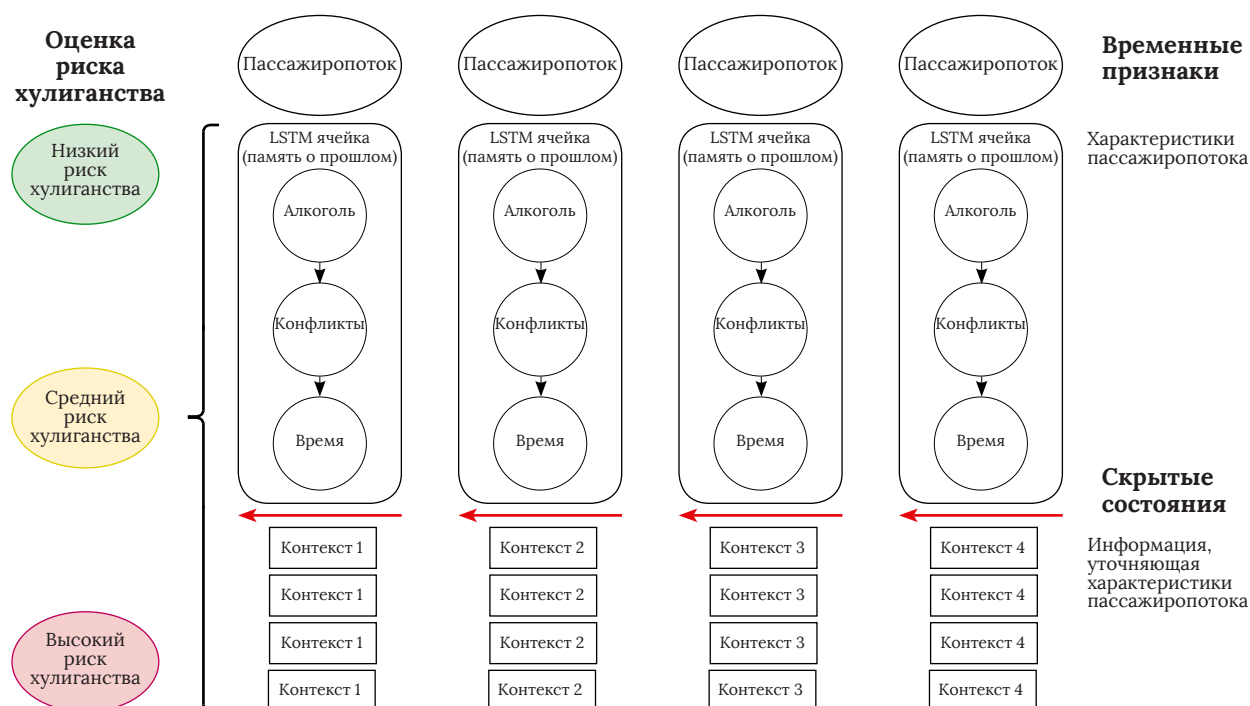

Рисунок 3. Пример архитектуры рекуррентной нейронной сети, ориентированной на прогнозирование риска хулиганства в самолете⁵
Figure 3. Example of a recurrent neural network architecture, designed for forecasting the risk of air rage

К преимуществам данных сетей следует отнести способность выявлять и использовать зависимость во времени и задержки между преступлением и его регистрацией. Ключевыми недостатками выступают чувствительность к ошибкам данных, длительность обучения и медленность при оценке сложных совокупностей признаков.

3. Временные сверточные сети (Temporal Convolutional Networks, TCN) – разновидность нейронных сетей, упрощающих и типизирующих временные последовательности (образующих «временные свертки») для повторяющихся событий. Временная свертка позволяет прогнозировать происшествия, правонарушения и преступления на основе причинно-следственных связей (causal convolutions), а также уже имеющихся данных о временных зависимостях между событиями [21; 10].

Они используются для прогнозирования событий, имеющих схожие обстоятельства и условия возникновения (нарушение правил дорожного движения, аварийность) и способны параллельно оценивать риск наступления на неограниченных участках (локациях) при соблюдении единства принципов обучения. Это достигается за счет наличия в структуре сети циклов, которые позволяют передавать скрытое состояние от одного временного шага к следующему.

⁵ Оценка риска хулиганства базируется на изучении характеристик пассажиропотока в конкретный момент времени, дополняемой признаками алкогольного опьянения и конфликтности.

Построение нейросети (рисунок 4) подобного типа позволяет выявлять признаки риска незаконного провоза пассажирами наркотических средств. Для этого в режиме реального времени осуществляется анализ видеоизображений пассажиров, находящихся на вокзале. Признаки риска (характеристики пассажира, его маршрута и багажа, аномальное поведение и иные параметры) нейросеть обрабатывает, сопоставляя их с ранее выявленными признаками у пассажиров, достоверно провозивших наркотические средства.

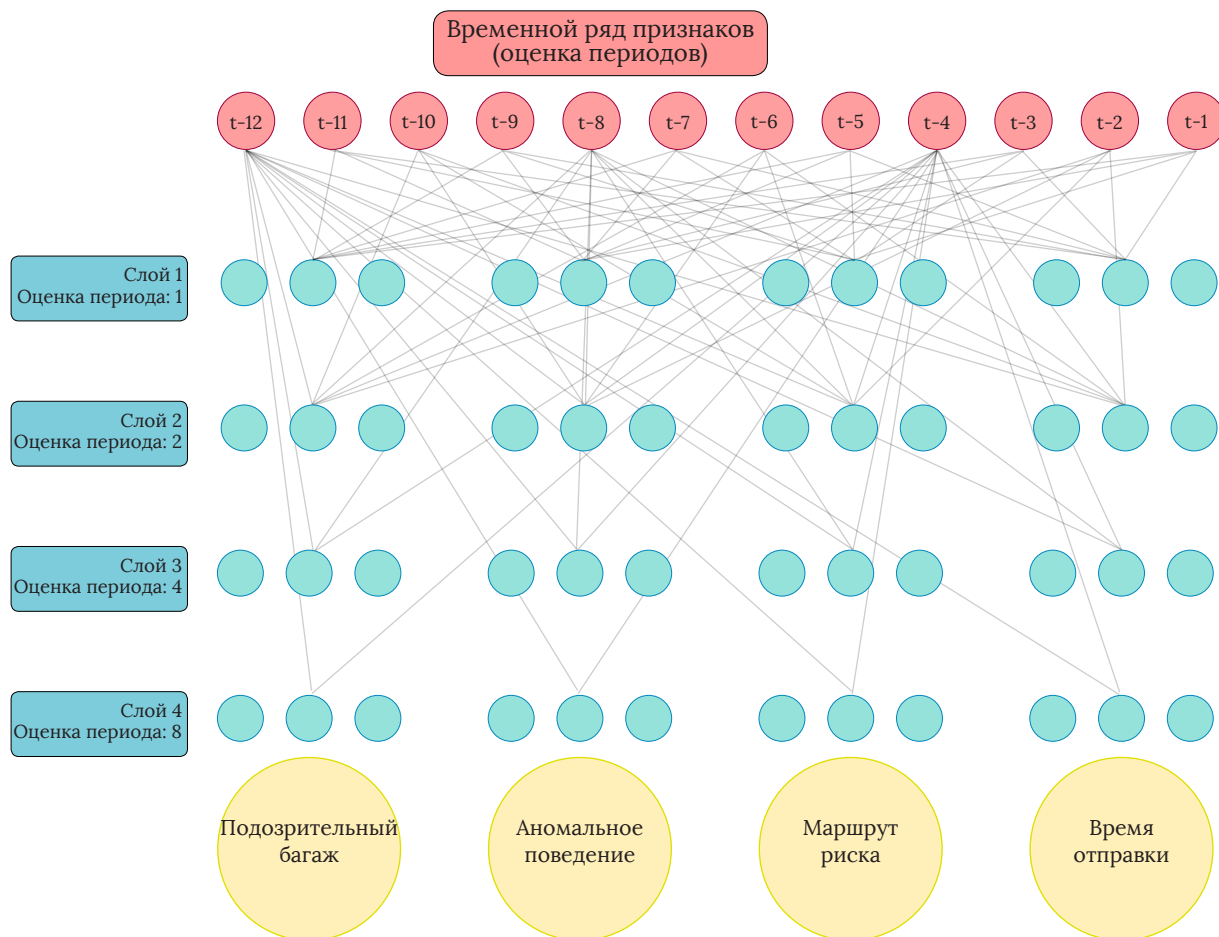

Рисунок 4. Пример архитектуры временной сверточной нейронной сети, ориентированной на оценку риска провоза наркотических средств⁶
Figure 4. Example of a temporal convolutional neural network architecture, designed to assess the risk of drug trafficking

Нейросеть обучается на регулярных маршрутах (наркотрафике), оценивая совпадения в приобретении билетов, признаки подозрительного поведения пассажиров во время нахождения на вокзале. Источниками данных выступают системы бронирования билетов, камеры видеонаблюдения, данные паспортного контроля, информация о происшествиях, оперативные сведения о пассажирах.

Достоинствами TCN выступают быстрота обучения, стабильность и точность прогнозирования. В числе недостатков – неспособность использовать прошлый опыт (анализ случаев) и самообучаться.

4. Графовые нейронные сети (Graph neural network, GNN) являются разновидностью нейронных сетей, обрабатывающих данные в виде графа.

Посредством графов воссоздаются отношения между различными объектами (отдельными лицами, группами лиц) в определенных местах (на вокзалах), в которых узлы графа описывают объекты (например, вокзалы), а ребра – отношения между ними (например, общение, содействие, взаимодействие). Благодаря представлению узлов и ребер в виде пространственных структур нейронная сеть прогнозирует риски криминализации на транспорте (например,

⁶ Приведена модель нейросети, оценивающей риск провоза наркотиков по 12 признакам (характеристикам внешности, багажа, поведения, маршрута и пр.). Входные данные обрабатываются путем многослойной свертки, сопоставляясь с критически значимыми признаками.

краж) исходя из зависимостей между ранее установленными фактами (например, кражами на различных вокзалах) (рисунок 5). Так GNN нейросеть позволяет противодействовать лицам, перемещающимся между вокзалами и совершающими кражи в различных регионах (гастролирующими) с определенной периодичностью. Вычисляя временную последовательность между кражами и сопоставляя ее с данными о пассажирах, которые находились на вокзале (либо лицах, которые перемещались между городами) GNN сеть устанавливает перечень подозреваемых лиц. С этой целью собираются и обобщаются сведения о пассажирах и их поведении с камер видеонаблюдения станций метро, авиа, железнодорожных и автовокзалов нескольких городов. Подобный информационный контур обеспечивает достаточный объем сведений для выявления лиц, подозреваемых в совершении краж багажа.

GNN: сетевой анализ краж вещей пассажиров на объектах транспорта

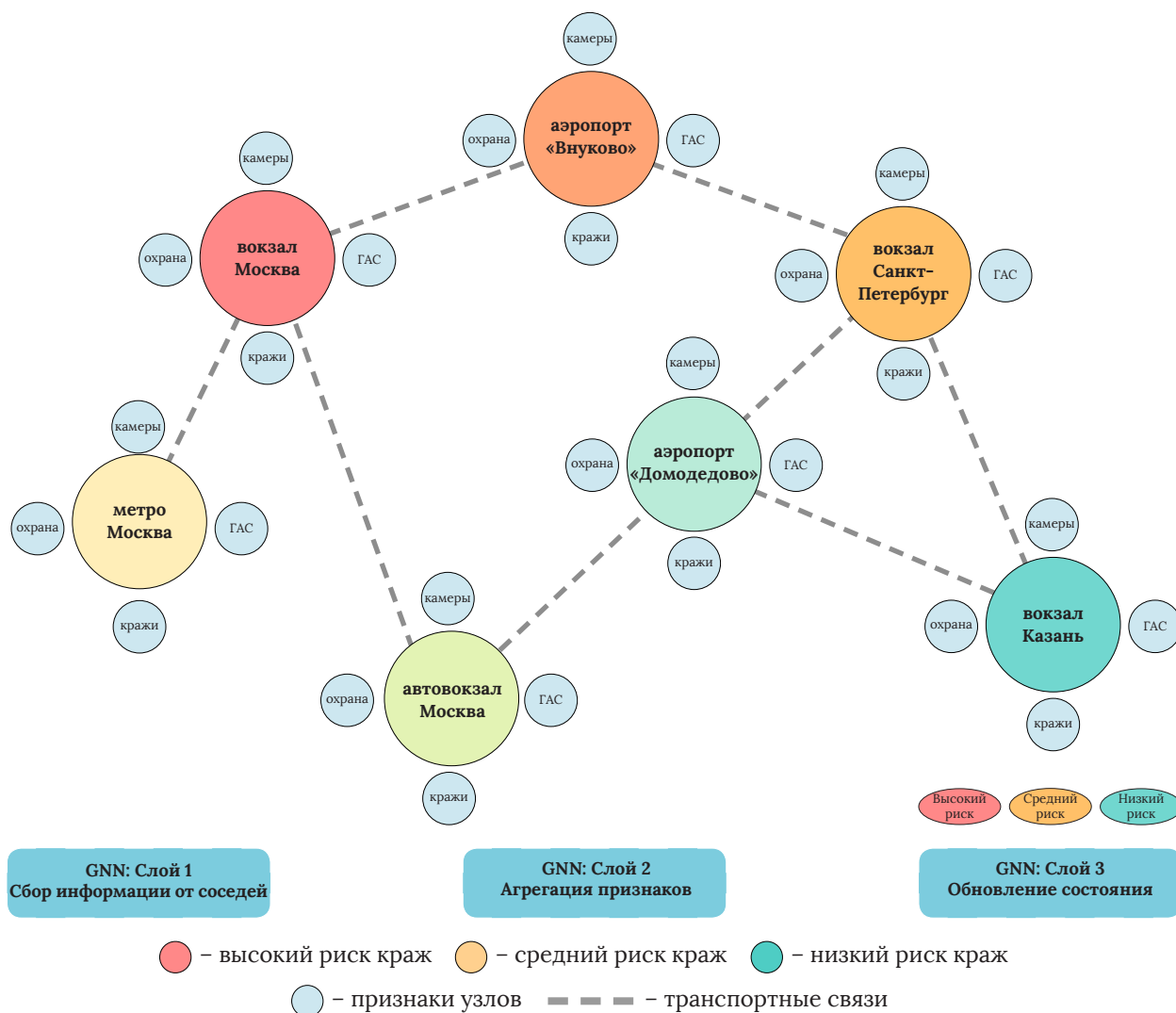

Рисунок 5. Пример организации графовой нейронной сети, ориентированной на оценку риска кражи багажа⁷

Figure 5. Example of a graph neural network architecture, designed to assess the risk of luggage theft

Применение нейросети для противодействия кражам вещей пассажиров позволяет сопоставлять преступления, совершенные на вокзалах разных городов, оценивая перемещение пассажиров и выявляя в поведении лиц схожие признаки.

Построение нейросетевой модели основывается на определении структуры графа (например, внутривокзальных зон – кассовый зал, зал ожидания, ресторан, зоны досмотра и пр.)

⁷ Представлена модель нейросети, соединяющей несколько транспортных узлов (вокзалов) по маршрутам пассажиропотока и определяющей риск совершения кражи исходя из (а) сведений о произошедших кражах и лицах, их совершивших; (б) обстоятельств и условий краж.

и выявления условий (например, пассажиропотока, освещенности, охраняемости и пр.). С учетом сведений о кражах формируется матрица оценки рисков (рисунок 6).

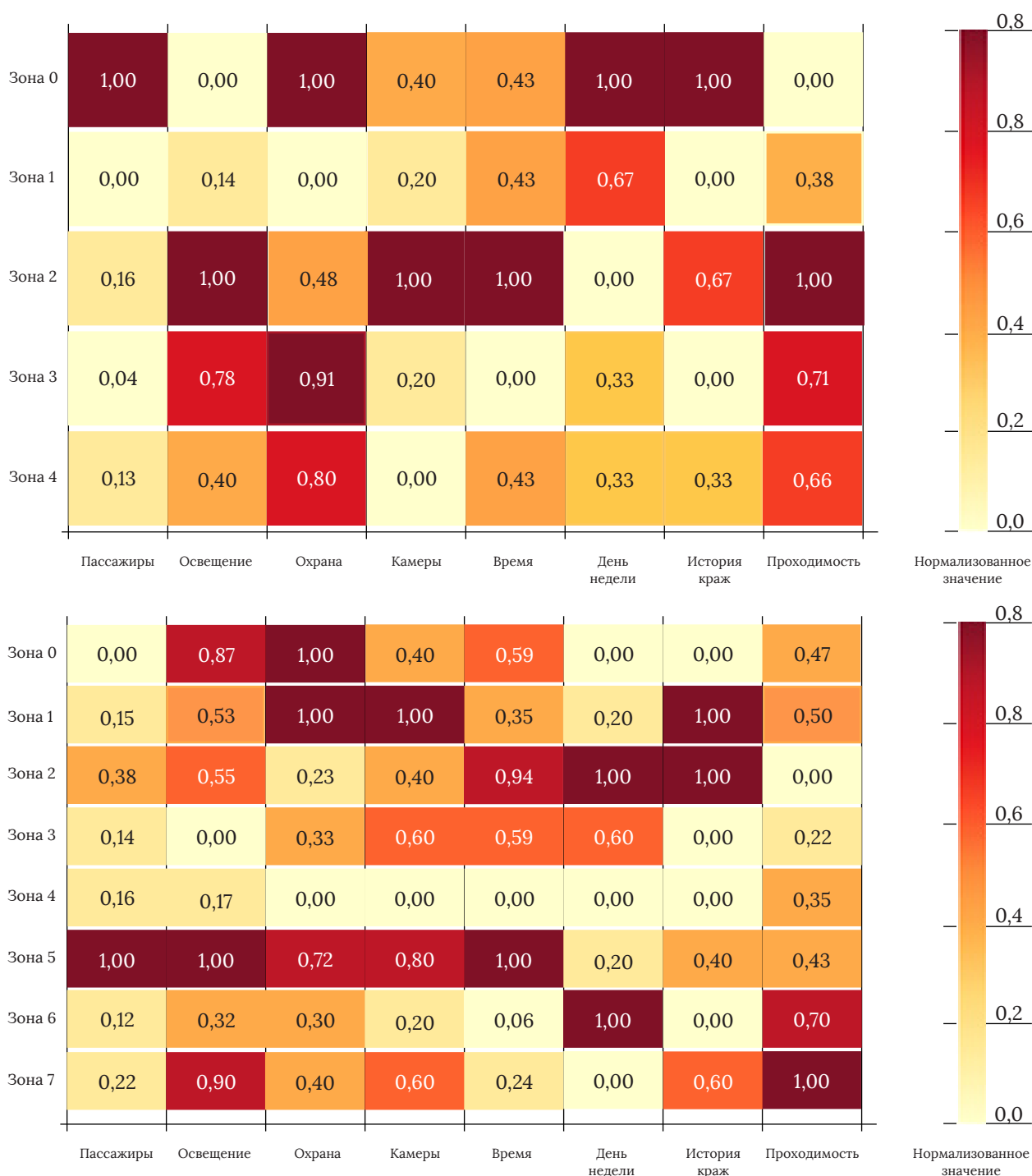

Рисунок 6. Матрицы оценки риска краж для двух вокзалов с делением на внутривокзальные зоны и оценкой рисков криминогенности каждой из них

Figure 6. Risk assessment matrices for theft at two railway stations, divided into in-station zones and an assessment of the crime risk for each

Матрица оценки рисков обобщается до графа – совокупности связей (весовых значений криминогенности) между узлами (зонами вокзала) и используется для обучения нейросети различению факторов риска. Коэффициенты варьируются в диапазоне от 0 (низкая криминогенная опасность) до 1 (высокая криминогенная опасность). В итоге нейросеть способна оценивать изменения риска криминогенности для каждой зоны вокзала в режиме реального времени по ранее определенным признакам.

В результате применения GNN нейросети возникает возможность вычисления и рисков криминальных посягательств, присущих конкретному объекту транспортной инфраструктуры (например, вокзалу), и возможностях их снижения.

К преимуществам нейросетей на основе графов относятся способность формировать топологии поведения преступников на объектах транспорта с учетом локальных характеристик, представлять отношения между объектами транспорта в пространстве с заданными характеристиками (отображать на картах характеристики криминогенности вокзалов).

К недостаткам относятся:

А. Высокая требовательность к качеству и правильности исходных данных, поскольку неточная или неполная информация может существенно исказить результаты прогнозирования.

Б. Сложность работы с временными рядами (прогнозирование событий во времени). Для моделирования данных, меняющихся со временем (пространственно-временных данных), требуются более сложные архитектуры, такие как пространственно-временные GNN, которые объединяют GNN с рекуррентными или сверточными сетями.

В. Неспособность GNN-моделей масштабировать выявленные закономерности на иные области, например модели криминогенности, разработанные применительно к определенным лицам (группам), транслировать на иные территории, области и пр.

С учетом выполненного обзора применения нейросетей в прогнозировании преступности ясно, что их развитие стало возможным благодаря тому, что исследователи уделяют приоритетное внимание разработке архитектуры нейросетевых моделей.

В настоящее время с помощью машинного обучения и обработки естественного языка появляется возможность выработать новые подходы, которые помогают управлять прогнозированием правонарушений и преступлений. Основанием для моделирования выступает параметрическая идентификация конкретных признаков преступлений, которые произошли в определенных районах. Эти признаки обширны и могут изменяться с течением времени в зависимости от таких переменных, как тип преступления, место совершения преступления и тенденции в области преступности [20].

Таким образом, использование нейросетей для прогнозирования преступлений представляет собой область познания, в которой технологии искусственного интеллекта применяются для анализа больших объемов данных, выявления закономерностей и предсказания возможной криминальной активности.

Нейросетевая модель прогнозирования правонарушений и преступлений

Алгоритм разработки нейросети представляет собой итерационный процесс, включающий в себя построение, оценку и использование модели.

В обобщенном виде он включает в себя четыре этапа (см. рисунок 7):

1. Получение, обработка и подготовка данных о правонарушениях и преступлениях на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

2. Разработка архитектуры нейросети с учетом цели прогнозирования, задач и специфики данных о правонарушениях и преступлениях.

3. Обучение нейросети посредством различных стратегий, осуществления валидации и предотвращение переобучения.

4. Проверка нейросетевого прогноза оценкой свойств модели, устойчивости прогноза и его интерпретируемость.

Первый этап нацелен на сбор, подготовку и обработку данных о происшествиях, правонарушениях и преступлениях. К собираемой информации относятся, как правило, оперативные сведения (поступающие в режиме реального времени сведения о происшествиях), контекстные сведения, характеризующие обстоятельства происшествий (например, место и время, краткое сообщение о происшедшем); социальные сведения, характеризующие участников происшествия, их поведение и взаимодействие.

Очистка данных заключается в оценке соответствия сведений правилам их отображения, проверке качества представленных сведений, удалении неправильно представленной, ошибочной информации, дополнении или изменении сведений, заполнении пропусков.

Подготовка данных предполагает разметку (категоризацию, перевод в табличный вид), балансировку (сопоставление частот), разделение данных (выделение обучающей, валидирующей и тестовой подвыборок).

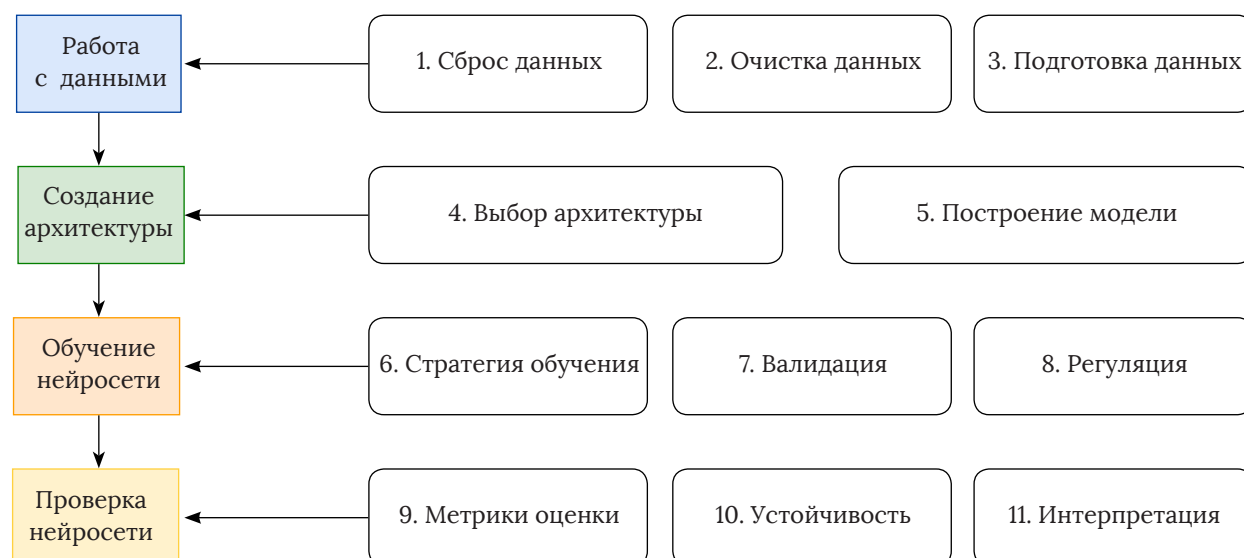

Рисунок 7. Алгоритм разработки нейросетевой модели прогнозирования правонарушений и преступлений

Figure 7. Algorithm for developing a neural network model for predicting offences and crimes

Второй этап алгоритма посвящен выбору архитектуры нейросети и ее построению.

Выбор архитектуры зависит от цели прогнозирования и задач, решаемых в ходе обработки данных, выбор предполагает использование четырех типов нейросети: MLP (многослойный персептрон); RNN (рекуррентная нейронная сеть); TCN (временная сверточная сеть); GNN (графовая нейронная сеть).

Построение нейросети осуществляется посредством языков программирования (например, Python), конструкторов нейросетей, облачных и специализированных сервисов. Моделирование архитектуры сети зависит от цели и задач прогнозирования, а также типа нейросети, определяющей специализацию слоев. Определение количества слоев зависит от задачи прогнозирования и сложности поступающей информации. Следует учесть, что увеличение количества слоев уменьшает риски переобучения, однако требует больших ресурсов, чем модели с меньшим количеством слоев, и большего времени для обучения.

Третий этап алгоритма посвящен обучению модели. Обучение нейросети осуществляется посредством нескольких вариантов стратегий, зависящих от цели и характера данных. Базовым методом является обучение с учителем (Supervised Learning) (ранее определенным набором данных и правильными вариантами ответов). Ими могут быть сведения о признаках правонарушения или преступления, которые подкреплены правильным ответом. Альтернативой этому виду обучения является обучение без учителя (Unsupervised Learning), в рамках которого модели предъявляются данные, не содержащие правильных ответов в целях поиска закономерностей и взаимосвязей данных. Такое обучение снижает затраты на подготовку (разметку) информации, однако требует привлечения более опытного сотрудника, способного оценить качество обучения модели.

Помимо указанных методов обучения существуют также методы подкрепления (Reinforcement Learning), полуконтролируемого обучения (Semi-supervised Learning), представляющие собой комбинированные стратегии с частичным вовлечением оператора в обучение. Их применение обосновывается спецификой информации и целями обучения. В целом процесс обучения в зависимости от выбранного способа, а также платформы, на которой развернута нейросеть, может занять от нескольких минут до нескольких дней, в зависимости от сложности модели и объема данных.

Результаты обучения проверяются посредством валидации – проверки ее способности выполнять вычисления на неразмеченном (непредъявленном) фрагменте сведений. В результате валидации устанавливается возможность выявления нейросетью закономерностей, которые существуют в неизвестных для нее данных. Как правило, стратегия валидации предполагает выделение в выборке данных подмассива, содержащего необходимые сведения, но требует их обработки. Валидация осуществляется методами валидационной выборки и кросс-валидации, заключающимися в применении разных вариантов манипуляции с данными и формальной оценки параметров производительности нейросети.

Оценка производительности осуществляется для разных операций:

а) классификации (точность (accuracy) – количество правильно классифицированных примеров, полнота (recall) – количество положительных примеров, которые были правильно классифицированы, и F1 мера (F1-score) – среднее гармоническое между точностью и полнотой классификации;

б) регрессии (средняя абсолютная ошибка – значение разницы между предсказанными и фактическими значениями; среднеквадратическая ошибка – среднее квадратов разницы между предсказанными и фактическими значениями).

Данный комплекс параметров позволяет контролировать качество нейросети, оценивая риски ее переобучения, максимизировать производительность, а также сравнивать различные архитектуры нейросети между собой в целях выбора оптимального варианта.

Четвертый этап алгоритма заключается в оценке характеристик и интерпретации результатов. Его целью выступает оценка статистической значимости результатов модели и строится на предположении о том, что статистическая значимость удостоверяет стабильность прогноза и его устойчивость к различным факторам. Точность прогноза является важнейшей характеристикой, определяющей возможности его применения в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, равно как и в деятельности иных федеральных органов исполнительной власти. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации отмечается необходимость мониторинга, оценки состояния информационной безопасности и прогнозирования угроз, а также обеспечение достоверности и целостности информации, используемой в т. ч. в правоохранительной деятельности⁸.

Формальными критериями состоятельности прогноза правонарушений и преступлений являются показатели, отражающие соответствие модели и прогнозируемой ситуации:

– показатели совпадения – индикаторы, которые имеют высокую степень корреляции и (или) однонаправленную динамику;

– запаздывающие индикаторы – показатели, которые формируются после тех или иных изменений в изучаемом объекте;

– циклические индикаторы – показатели, которые с различной степенью опережения либо без нее характеризуют переход наблюдаемой системы из одной циклической фазы в другую;

– контрциклические индикаторы – показатели, улавливающие разнонаправленность системной динамики⁹.

В настоящее время оценка состоятельности опирается на формальные (математико-статистические), содержательные (теоретические) и практические (экспертные) виды оценок.

Возможности применения нейросетевых моделей для прогнозирования преступлений основывается на оценке их состоятельности. Для нейросетевой модели важную роль играет выбор не только цели, задач и параметров прогнозирования, но и задание внутренней структуры нейронных сетей – числа скрытых слоев и количества нейронов в каждом скрытом слое. Для оценки модели применяются результаты оценки среднеквадратичной ошибки между представленными для анализа данными и результатами прогнозирования. При этом, как отмечает В. Ю. Петрова, построенная модель должна быть адекватна реальной системе и условиям, в которых ее предполагается использовать. Если полученная модель не удовлетворяет какому-либо критерию, то повторяются предыдущие этапы процедуры идентификации [22].

В заключение следует отметить, что алгоритм прогнозирования правонарушений и преступлений с помощью нейросетевых технологий нацелен на унификацию практик их разработки, учитывая разнообразие методов прогнозирования и потребность их адаптации.

3 заключение

В статье показано, что в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и правоохранительных органов зарубежных стран нейросетевые технологии активно применяются для прогнозирования правонарушений и преступлений в режиме охраны общественного порядка и общественной безопасности и в аспекте криминологического прогнозирования. Рассматриваются преимущества и недостатки современных моделей прогнозирования преступности, акцентируется внимание на актуальности использования таких технологий в правоохранительных

⁸ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁹ Цит. по: Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект большие данные. Преступность. Москва : Книжный мир, 2018. С. 291-293.

органах. Отмечается, что современный арсенал нейросетевых методов прогнозирования, применимых для оценки риска совершения правонарушений и преступлений, составляют четыре метода – многослойный перцептрон (MLP), рекуррентная нейронная сеть (RNN), временная сверточная сеть (TCN), графовая нейронная сеть (GNN). На основе их методологии может быть разработана нейросетевая модель прогнозирования правонарушений и преступлений. Внимание уделяется способности технологий обработки больших данных и выявлению закономерностей, которые позволяют улучшать методы криминологического прогнозирования. С учетом изложенного формулируется алгоритм прогноза правонарушений и преступлений, приводятся примеры нейросетевых моделей, алгоритмов машинного обучения и статистических методов, используемых для решения задач прогнозирования правонарушений и преступлений на транспорте.

Теоретические и прикладные перспективы использования материала статьи заключаются в их применении для повышения осведомленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации о современных методах разработки нейросетевых моделей, их валидации и внедрении в оперативно-служебную деятельность; применении нейросетевых моделей в целях прогнозирования правонарушений и преступлений; совершенствовании имеющихся нейросетевых методов прогнозирования криминогенной обстановки на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры.

Список источников

1. Mishra R. K. [et al.]. Analysis of criminal landscape by utilizing statistical analysis and deep learning techniques // *Journal of Applied Security Research*. 2024. Vol. 19, № 4. P. 560–585.
2. Zeng M., Mao Y., Wang C. The relationship between street environment and street crime: A case study of Pudong New Area, Shanghai, China // *Cities*. 2021. Vol. 112. P. 103143. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103143>
3. Johnson T. L. [et al.]. Police facial recognition applications and violent crime control in US cities // *Cities*. 2024. Vol. 155. P. 105472. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105472>
4. Kim G. [et al.]. Crime Mapping in Urban Environments Using Explainable AI: A Case Study of Daegu, Korea // *Sustainable Cities and Society*. 2025. Vol. 130. P. 106507. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106507>
5. Yang S. [et al.]. The impact of surveillance cameras and community safety activities on crime prevention: Evidence from Kakogawa City, Japan // *Sustainable Cities and Society*. 2024. Vol. 115. P. 105858. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106507>
6. Захватов И. Ю., Пчоловский М. Н. Прогнозирование как элемент информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел / Высшая школа: научные исследования : материалы Межвузовского международного конгресса, г. Москва, 24 июня 2021 г. Москва : Инфинити, 2021. С. 14–24.
7. Clavell G. G. Exploring the ethical, organizational and technological challenges of crime mapping: A critical approach to urban safety technologies // *Ethics and Information Technology*. 2018. Vol. 20, № 4. P. 265–277. <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9477>
8. Saunders J., Hunt P., Hollywood J. S. Predictions put into practice: a quasi-experimental evaluation of Chicago's predictive policing pilot // *Journal of experimental criminology*. 2016. Vol. 12, № 3. P. 347–371. <https://doi.org/10.1007/s11292-016-9272-0>
9. Ansfield B. The broken windows of the Bronx: Putting the theory in its place // *American Quarterly*. 2020. Vol. 72, № 1. P. 103–127. <https://doi.org/10.1353/aq.2020.0005>
10. Mukherjee K. [et al.]. Uncovering spatial patterns of crime: A case study of Kolkata // *Crime Prevention and Community Safety*. 2024. Vol. 26, № 1. P. 47–90. <https://doi.org/10.1057/s41300-024-00198-4>
11. Кайбичев И. А., Кайбичева Е. И. Математическое моделирование временного ряда количества преступлений в России // *Вестник экономики, управления и права*. 2019. № 4 (49). С. 80–85.
12. Шалагин А. Е., Шарапова А. Д. Криминологическое прогнозирование и планирование в деятельности органов внутренних дел // *Вестник экономики, права и социологии*. 2017. № 2. С. 127–130.
13. Massarelli C., Uricchio V. F. The contribution of open-source software in identifying environmental crimes caused by illicit waste management in urban areas // *Urban Science*. 2024. Vol. 8, № 1. P. 21. <https://doi.org/10.3390/urbansci8010021>
14. Marciniak D. Algorithmic policing: An exploratory study of the algorithmically mediated construction of individual risk in a UK police force // *Policing and society*. 2023. Vol. 33, № 4. P. 449–463. <https://doi.org/10.1080/10439463.2022.2144305>
15. Суходолов А. П., Бычкова А. М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозирования, предупреждении и эволюции // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12, № 6. С. 753–766. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).753-766](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766)
16. Клейменов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование : монография. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1991. 167 с.
17. Киселев А. А. Сезонность преступности как объект криминологического изучения // *Правовая культура*. 2020. № 2 (41). С. 139–150.
18. Ульянов А. Д., Власов Б. Е. Теоретико-методологическое обеспечение аналитической работы в органах внутренних дел в современных условиях // *Труды Академии управления МВД России*. 2023. № 1 (65). С. 24–31. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-465-24-31>
19. Bifari E. [et al.]. Text mining and machine learning for crime classification: using unstructured narrative court documents in police academic // *Cogent Engineering*. 2024. Vol. 11, № 1. P. 2359850. <https://doi.org/10.1080/23311916.2024.2359850>
20. Dakalbab F. [et al.]. Artificial intelligence & crime prediction: A systematic literature review // *Social Sciences & Humanities Open*. 2022. Vol. 6, № 1. P. 100342. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2022.100342>
21. Lee W. D. [et al.]. The influence of intra-daily activities and settings upon weekday violent crime in public spaces in Manchester, UK // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2021. Vol. 27, № 3. P. 375–395. <https://doi.org/10.1007/s10610-020-09456-1>

22. Петрова В. Ю. Роль прогнозирующих моделей в управлении органами внутренних дел (на примере преступлений, связанных с легализацией преступных доходов) // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 2 (27). С. 107–109.

References

1. Mishra R. K. [et al.]. Analysis of criminal landscape by utilizing statistical analysis and deep learning techniques // Journal of Applied Security Research. 2024. Vol. 19, № 4. P. 560–585.
2. Zeng M., Mao Y., Wang C. The relationship between street environment and street crime: A case study of Pudong New Area, Shanghai, China // Cities. 2021. Vol. 112. P. 103143. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103143>
3. Johnson T. L. [et al.]. Police facial recognition applications and violent crime control in US cities // Cities. 2024. Vol. 155. P. 105472. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105472>
4. Kim G. [et al.]. Crime Mapping in Urban Environments Using Explainable AI: A Case Study of Daegu, Korea // Sustainable Cities and Society. 2025. Vol. 130. P. 106507. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106507>
5. Yang S. [et al.]. The impact of surveillance cameras and community safety activities on crime prevention: Evidence from Kakogawa City, Japan // Sustainable Cities and Society. 2024. Vol. 115. P. 105858. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2025.106507>
6. Zahvatov I. Yu., Pcholvskij M. N. Prognozirovanie kak element informacionno-analiticheskogo obespecheniya deyatel'nosti organov vnutrennih del / Vysshaya shkola: nauchnye issledovaniya : materialy Mezhdunarodnogo kongressa, g. Moskva, 24 iyunya 2021 g. Moskva : Infiniti, 2021. S. 14–24.
7. Clavell G. G. Exploring the ethical, organizational and technological challenges of crime mapping: A critical approach to urban safety technologies // Ethics and Information Technology. 2018. Vol. 20, № 4. P. 265–277. <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9477>
8. Saunders J., Hunt P., Hollywood J. S. Predictions put into practice: a quasi-experimental evaluation of Chicago's predictive policing pilot // Journal of experimental criminology. 2016. Vol. 12, № 3. P. 347–371. <https://doi.org/10.1007/s11292-016-9272-0>
9. Ansfield B. The broken windows of the Bronx: Putting the theory in its place // American Quarterly. 2020. Vol. 72, № 1. C. 103–127. <https://doi.org/10.1353/aq.2020.0005>
10. Mukherjee K. [et al.]. Uncovering spatial patterns of crime: A case study of Kolkata // Crime Prevention and Community Safety. 2024. Vol. 26, № 1. P. 47–90. <https://doi.org/10.1057/s41300-024-00198-4>
11. Kajbichev I. A., Kajbicheva E. I. Matematicheskoe modelirovanie vremennogo ryada kolichestva prestuplenij v Rossii // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. 2019. № 4 (49). S. 80–85.
12. Shalagin A. E., Sharapova A. D. Kriminologicheskoe prognozirovanie i planirovanie v deyatel'nosti organov vnutrennih del // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2017. № 2. S. 127–130.
13. Massarelli C., Uricchio V. F. The contribution of open-source software in identifying environmental crimes caused by illicit waste management in urban areas // Urban Science. 2024. Vol. 8, № 1. P. 21. <https://doi.org/10.3390/urbansci8010021>
14. Marciniak D. Algorithmic policing: An exploratory study of the algorithmically mediated construction of individual risk in a UK police force // Policing and society. 2023. Vol. 33, № 4. P. 449–463. <https://doi.org/10.1080/10439463.2022.2144305>
15. Suhodolov A. P., Bychkova A. M. Iskusstvennyj intellekt v protivodejstvii prestupnosti, ee prognozirovanii, preduprezhdenii i evolyucii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12, № 6. S. 753–766. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(6\).753-766](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766)
16. Klejmenov M. P. Ugolovno-pravovoe prognozirovanie : monografiya. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 1991. 167 s.
17. Kiselev A. A. Sezonnost' prestupnosti kak ob'ekt kriminologicheskogo izucheniya // Pravovaya kul'tura. 2020. № 2 (41). S. 139–150.
18. Ul'yanov A. D., Vlasov B. E. Teoretiko-metodologicheskoe obespechenie analiticheskoy raboty v organah vnutrennih del v sovremennykh usloviyakh // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 1 (65). S. 24–31. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-465-24-31>
19. Bifari E. [et al.]. Text mining and machine learning for crime classification: using unstructured narrative court documents in police academic // Cogent Engineering. 2024. Vol. 11, № 1. P. 2359850. <https://doi.org/10.1080/23311916.2024.2359850>
20. Dakalbab F. [et al.]. Artificial intelligence & crime prediction: A systematic literature review // Social Sciences & Humanities Open. 2022. Vol. 6, № 1. P. 100342. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2022.100342>
21. Lee W. D. [et al.]. The influence of intra-daily activities and settings upon weekday violent crime in public spaces in Manchester, UK // European Journal on Criminal Policy and Research. 2021. Vol. 27, № 3. P. 375–395. <https://doi.org/10.1007/s10610-020-09456-1>
22. Petrova V. Yu. Rol' prognoziryuyushchih modelej v upravlenii organami vnutrennih del (na primere prestuplenij, svyazannyh s legalizaciej prestupnyh dohodov) // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2013. № 2 (27). S. 107–109.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343.1

Взыскание расходов на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств по уголовным делам

Петр Валерьевич Козловский, кандидат юридических наук, докторант

Омская академия МВД России
Омск (644092, пр-т Комарова, д. 7) Российская Федерация
kozlovskypv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>

Аннотация:

Введение. Развитие экономических отношений и трансформация преступности привели к существенному изменению характера вещественных доказательств. Значительную часть стали составлять предметы, которые в силу громоздкости и иных свойств не могут храниться при уголовном деле. Существенно возросли затраты на обращение с вещественными доказательствами. При этом взыскание судебных издержек с осужденных в этой части практически не осуществляется.

Методы. Основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, обобщение) и частнонаучные методы (формально юридический метод, методы толкования и интерпретации правовых норм). С помощью методов конкретных социологических исследований осуществлялось изучение следственной и судебной практики, которое было проведено в два этапа. На первом этапе методом случайной выборки из базы судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ» изучено 550 приговоров за 2019–2024 гг. и первое полугодие 2025 года. На втором этапе проводилось интервьюирование судей, сотрудников органов предварительного следствия и контрольных органов, в рамках которого дополнительно выявлены следственная и судебная практика, связанная с темой исследования.

Результаты. Обоснован вывод о том, что процессуальные издержки представляют собой расходы государства, которое несет обязанность возместить затраты в связи с возложенными им процессуальными обязанностями. Обязательств у осужденного перед другими участниками производства по уголовному делу не возникает. Выявлены пробелы в правовом регулировании порядка компенсации издержек лицам, принявшим вещественные доказательства на хранение без заключения договора, и предложены способы их преодоления. Доказано, что взыскание процессуальных издержек направлено на реализацию права участников на непосредственное исследование вещественных доказательств в ходе судебного разбирательства. Перенос оспаривания в досудебное производство оценивается как эффективный механизм компенсации судебного исследования, снижающий расходы федерального бюджета и способствующий установлению истины в большей степени, чем длительное хранение практически не востребованных в судебном разбирательстве вещественных доказательств.

Ключевые слова:

вещественные доказательства, непосредственность, обращение, оспаривание, процессуальные издержки, хранение

Для цитирования:

Козловский П. В. Взыскание расходов на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств по уголовным делам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 144–153.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Recovery of expenses for dismantling, storage, mailing and transportation of physical evidence in criminal cases

Petr V. Kozlovskiy, Cand. Sci. (Jurid.), Doctoral Student

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov Ave., Omsk, 644092, Russian Federation
kozlovskypv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4221-3501>

© Козловский П. В., 2026

Abstract:

Introduction. The development of economic relations and the transformation of crime have led to a significant change in the nature of physical evidence. An increasing share of physical evidence consists of items which, due to their bulkiness and other properties, cannot be stored together with the criminal case file. The costs of handling physical evidence have increased significantly. At the same time, the recovery of procedural costs from convicted persons in this respect is practically not implemented.

Methods. The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, induction, generalization) and special legal methods (formal legal method, methods of interpreting legal norms). Investigative and judicial practice was studied using methods of empirical socio-legal research, which was carried out in two stages. At the first stage, 550 verdicts for 2019–2024 and the first half of 2025 were examined by random sampling from the judicial decisions database "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation". At the second stage, judges, officers of preliminary investigation bodies and supervisory authorities were interviewed, which made it possible to additionally identify investigative and judicial practice related to the subject of the study.

Results. The study substantiates the conclusion that procedural costs represent state expenditures incurred in connection with the procedural duties imposed by law. The convicted person has no obligations towards other participants in the criminal proceedings in this respect. Gaps have been identified in the legal regulation of the procedure for compensating costs to persons who have accepted physical evidence for storage without concluding a contract, and ways of overcoming these gaps are proposed. It is demonstrated that the recovery of procedural costs is aimed at ensuring the participants' right to the immediate judicial examination of physical evidence during the trial. The transfer of the challenging of physical evidence to the pre-trial stage is assessed as an effective mechanism substituting for in-court examination, reducing federal budget expenditures and contributing more to the establishment of the truth than long-term storage of physical evidence that is rarely requested in court proceedings.

Keywords:

physical evidence, immediacy, handling, challenging, procedural costs, storage

For citation:

Kozlovskiy P. V. Recovery of expenses for dismantling, storage, mailing and transportation of physical evidence in criminal cases // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 144–153.

The article was submitted November 2, 2025; approved after reviewing December 12, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Развитие экономических отношений после распада СССР и, как следствие, трансформация преступности привели к существенному изменению характера вещественных доказательств. Значительную часть их стали составлять предметы, которые в силу громоздкости и иных свойств не могут храниться при уголовном деле. В отдельных случаях вещественными доказательствами стали признавать имущественные комплексы и объекты недвижимости¹. Значительно выросли затраты на обращение с вещественными доказательствами. Стоимость хранения одного автомобиля может составлять сотни тысяч рублей², а судна – несколько млн рублей³ [1]. Сумма только одного государственного контракта⁴ на хранение, вывоз, уничтожение спиртосодержащей продукции⁵ в 2025 году, заключенного Федеральной службой по контролю за алкогольным и табачным рынками (далее – Росалкогольтабакконтроль), составила 1 627 379 242 рубля⁶. Это лишь часть крупногабаритных вещественных доказательств, к которым также относится древесина, автотранспорт, крупные партии товаров и др. Создание полноценной инфраструктуры для хранения требует строительства (аренды) и содержания автостоянок, складов, холодильных

¹ Правовое регулирование порядка обращения с вещественными доказательствами по уголовным делам: учебное пособие / Козловский П. В., Миронова Г. Н., Карпов К. В., Алтынбаева Л. М. [и др.]. Омск : Омская академия МВД России, 2023. С. 3.

² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 июля 2022 г. № 18АП-7409/2022 по делу № А07-12354/2021 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) : [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=189537#NrHaPBVh2tVgcQMG> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Камчатского краевого суда от 25 августа 2014 г. по делу № 33-1124/2014 // Актофакт : Архив судебных дел и решений : [сайт]. URL: <https://actofact.ru/case-41OS0000-33-1124-2014-06-30-0-1/> (дата обращения: 15.10.2025).

⁴ Государственный контракт от 16.12.2024 г. № 017310000512000022 на осуществление услуг по вывозу, хранению, уничтожению и утилизации изъятых из незаконного оборота или конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, предметов, основного технологического оборудования, а также услуг по вывозу и хранению изъятого из незаконного оборота автомобильного транспорта // Единая информационная система в сфере закупок : [официальный сайт]. URL: <https://zakupki.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2025). Документ опубликован не был.

⁵ С целью упрощения изложения указанными понятиями будут обозначаться этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, табачные изделия, табачная продукция, сырье, никотинсодержащая продукция, никотиновое сырье, полуфабрикаты, а также предметы, используемые для их незаконного производства и оборота.

⁶ В статистической отчетности Росалкогольтабакконтроля не выделяются расходы по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Приведенные цифры являются общими расходами на обращение с вещественными доказательствами по всем категориям дел.

установок и т. п. Общий уровень затрат, несмотря на отсутствие полных данных в открытых источниках, очевидно, составляет значимую часть бюджетных расходов на содержание правоохранительных органов. Не следует забывать и об издержках частных лиц, которым вещественные доказательства передаются на хранение [2, с. 208]. Длительное ограничение права распоряжения, а иногда и пользования, также может повлечь существенные финансовые потери.

Несмотря на то, что пунктом 6 ч. 2 ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – УПК РФ) предусмотрена возможность взыскания издержек, израсходованных на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств, применяется данная норма крайне редко.

В работах, посвященных процессуальным издержкам, вопросы взыскания расходов на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств по уголовным делам либо не затрагиваются [3–5] даже на уровне классификации [6], либо упоминаются без анализа [7, с. 78; 8, с. 104]. Учитывая изложенное, порядок взыскания расходов на демонтаж, хранение, пересылку и перевозку вещественных доказательств по уголовным делам и правоприменительная практика требуют внимательного изучения, оценки причин неэффективности и выработки предложений по разрешению проблемной ситуации.

Методы

Основу исследования составили общенаучные (логический, анализа, синтеза, индукция, обобщение), частнонаучные методы (формально-юридического толкования и юридической интерпретации правовых норм).

С помощью методов конкретных социологических исследований осуществлялось изучение следственной и судебной практики, которое было проведено в два этапа. На первом этапе методом случайной выборки из базы судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ» изучено 550 приговоров за 2019–2024 гг. и первое полугодие 2025 года⁸ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 166, 158 (кражи автотранспорта), 171¹, 171², 171³, 171⁴, 191¹, 215³, 234², 260, 264, 264¹, 326 Уголовного кодекса Российской Федерации⁹ (далее – УК РФ). Выбор категорий преступлений был обусловлен высокой вероятностью наличия крупногабаритных вещественных доказательств, требующих осуществления значительных затрат на хранение. Примеров успешного взыскания затрат на обращение с вещественными доказательствами выявлено не было. Кроме того, с помощью справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» осуществлен поиск судебных решений в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, в рамках которых исследовались вопросы возмещения и взыскания процессуальных издержек, возникших в связи с производством по уголовному делу, девять из которых приведены в статье.

В рамках второго этапа было осуществлено интервьюирование 12 судей районных судов г. Омска и Омской области, в ходе которого в Кировском районном суде г. Омска выявлены три решения о взыскании судебных издержек за хранение, перевозку и уничтожение вещественных доказательств по заявлениям Межрегионального управления Росалкогольтабакконтроля (далее – МРУ Росалкогольтабакконтроля, Управление) по Сибирскому федеральному округу (далее – СФО). Также осуществлено интервьюирование одиннадцати сотрудников Следственного управления УМВД России по Омской области (контрольно-методического отдела, руководителей подразделений по расследованию преступлений в сфере экономики), в ходе которого выявлены два приговора Октябрьского районного суда г. Омска, в рамках которых рассматривался вопрос о взыскании с осужденных расходов на хранение вещественных доказательств, но в удовлетворении заявленных требований было отказано. Случаи взыскания процессуальных издержек при вынесении приговора не выявлены.

В рамках интервьюирования трех руководителей структурных подразделений МРУ Росалкогольтабакконтроля по СФО получены сведения о формировании судебной практики взыскания процессуальных издержек в порядке исполнения приговора (выявлено судебное решение районного суда в Республике Хакасия), а также единичных случаях взыскания расходов на обращение с вещественными доказательствами (выявлен приговор районного суда в Кемеровской области).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁸ Изучены, обобщены и систематизированы по заданным параметрам 549 решений судов общей юрисдикции за 2019–2024 гг. и первое полугодие 2025 года, отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений (Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru>) и на официальных сайтах судов общей юрисдикции.

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Получены статистические данные о размере расходов Управления на обращение с вещественными доказательствами, динамике поступления запросов органов предварительного следствия о размере расходов на перевозку и хранение изъятой продукции, а также эффективности взыскания процессуальных издержек.

Результаты и обсуждение

В настоящее время органами предварительного следствия предпринимаются попытки взыскания процессуальных издержек при вынесении приговора за хранение, перевозку и уничтожение спиртосодержащей и табачной продукции, изъятой из незаконного оборота, путем включения сведений о затратах в обвинительные заключения. Однако при рассмотрении уголовных дел суды Омской области не удовлетворяют указанные требования. Так, при осуждении Т. за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171³ УК РФ, суд отказал во взыскании процессуальных издержек в размере 557 497 рублей в связи с тем, что не были разграничены расходы на хранение в период предварительного следствия и судебного разбирательства¹⁰. По мнению суда, возмещение расходов на хранение за период расследования должно осуществляться на основании решения следователя. Кроме того, было указано на отсутствие заявления о взыскании издержек от организации, осуществлявшей хранение на основании государственного контракта¹¹. Такой подход представляется ошибочным. Произошло смешение понятий «возмещение расходов» и «взыскание издержек». Возмещение расходов лицам, которые понесли их в связи поручением органа расследования, осуществляется в ходе досудебного производства (например, оплата работы защитника, назначенного следователем, и т. п.). Однако взыскание понесенных издержек возможно только с осужденного или лица, в отношении которого дело прекращено по нереабилитирующим основаниям. Соответственно суд не вправе отказать во взыскании расходов на хранение вещественных доказательств, понесенных в период предварительного расследования, т. к. никакого иного механизма законом не предусмотрено. Заявление подрядчиком, осуществлявшим хранение, подано быть не может, поскольку он получает вознаграждение в соответствии с условиями контракта. Какие-либо заявления от государственных органов также являются излишними. Так, органами предварительного расследования не составляются отдельные заявления в связи с оказанием юридической помощи защитниками по назначению, что не является препятствием для взыскания издержек с осужденных. По другому уголовному делу было отказано во взыскании процессуальных издержек в связи с отсутствием сведений об оплате органами предварительного следствия АО «Росспиртпром» услуг по перевозке и хранению изъятой продукции¹². Учитывая, что контракт на оказание услуг по хранению, перевозке и уничтожению вещественных доказательств заключает Росалкогольтабакконтроль, данное требование не может быть выполнено и признано обоснованным.

Вследствие негативной судебной практики при завершении расследования крайне редко запрашивались сведения о расходах на обращение со спиртосодержащей и табачной продукцией. Так, в 2021 году правоохранительными органами СФО в адрес МРУ Росалкогольтабакконтроля по СФО направлено 10 запросов (в отношении 10 заявок)¹³ о предоставлении справок-расчетов о затратах на оказание услуг по вывозу, хранению, уничтожению имущества в целях предъявления требований о взыскании издержек с виновных лиц; в 2022 году – 12 (в отношении 27 заявок), в 2023 году – 14 (в отношении 21 заявки). Активизация работы в этом направлении произошла после обращения Управления в Генеральную прокуратуру Российской Федерации в 2024 году, в течение которого было направлено 88 запросов (в отношении 234 заявок), что, однако, не дало практически никаких результатов. Единичные примеры успешного взыскания процессуальных издержек при вынесении приговоров пока являются скорее исключением, чем

¹⁰ В настоящее время готовится заявление о взыскании процессуальных издержек в порядке исполнения приговора.

¹¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 30 января 2025 г. по делу № 1-11/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации (далее – ГАС РФ) «Правосудие»: [официальный сайт]. URL: https://octobercourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=313636507&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.10.2025).

¹² Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 30 января 2025 г. по делу № 1-20/2025 // Там же. URL: https://octobercourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=314170453&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.10.2025).

¹³ Как правило, по одному уголовному делу составляется одна заявка на вывоз и хранение изъятой продукции. В некоторых случаях может быть более одной заявки по одному делу (изъятие разных партий в разное время и др.). Поэтому количество заявок может немного превышать количество уголовных дел, по которым поступили запросы. При этом запросы о размере процессуальных издержек в ряде случаев направляются руководителем следственного органа по нескольким уголовным делам, их общее количество, как правило, меньше количества уголовных дел.

правилом¹⁴ (этот вывод подтверждает и отсутствие таких примеров в случайной выборке). В результате по итогам 9 месяцев 2025 года произошло резкое снижение до 13 запросов (в отношении 15 заявок). При этом в 2021 году на основании судебных актов, направленных правоохранительными органами СФО, Управлением, сформирована 6 351 заявка для организации уничтожения изъятого из незаконного оборота имущества, в 2022 году – 7 440, в 2023 году – 7 276, в 2024 году – 5 779¹⁵.

Более успешной является формирующаяся практика взыскания Управлением процессуальных издержек в порядке исполнения приговора. Так, по двум уголовным делам были взысканы расходы в сумме 107 754,98 рубля¹⁶ и 939 822,64 рубля¹⁷. Всего в 2024 году Управлением предъявлены требования о взыскании на сумму 18 891 464,56 рубля, взыскано судами 18 851 983,84 рубля, поступило в рамках исполнительных производств 4 363 629,73 рублей. Общие затраты на хранение, перевозку и уничтожение вещественных доказательств составили 150 284 339,99 рублей. Соответственно, взыскано 12,5 %, а фактически возмещено 2,9 % затрат¹⁸. Аналогичный опыт имеется и в других регионах¹⁹. Как видно из приведенных данных, практика даже по этой категории дел не носит системный характер, хотя и является на общем фоне наиболее успешной.

Отсутствие отлаженного механизма возмещения и взыскания издержек на обращение с вещественными доказательствами неизбежно приводит к переносу бремени обеспечения правосудия на частных лиц, которым становится крайне сложно добиться компенсации понесенных затрат, что доказывают обращения юридических лиц с исками к правоохранительным органам о возмещении расходов на хранение вещественных доказательств [9, с. 28]. Одной из причин указанных проблем наряду с недостаточным финансированием является неполнота правового регулирования.

Согласно части 1 статьи 131 УПК РФ, под процессуальными издержками понимаются связанные с уголовным судопроизводством расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Более развернутое определение содержит постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42, согласно которому «процессуальные издержки представляют собой необходимые и оправданные расходы, связанные с производством по уголовному делу, в том числе суммы, выплачиваемые физическим и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач на покрытие расходов, понесенных ими в связи с вовлечением в уголовное судопроизводство»²⁰. Таким образом, конкретизирован круг субъектов, которым могут быть возмещены расходы, сделан акцент на их обоснованности и причинно-следственной связи с вовлечением в уголовное судопроизводство. Однако этого недостаточно для правильного понимания природы процессуальных издержек, которые являются *расходами государства (курсив автора)* на компенсационные выплаты лицам, привлеченным органами расследования и судом к производству по уголовному делу²¹. На государство возлагается обязанность о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета, возникшие в связи с возложенными им процессуальными обязанностями, и получает право требовать их возмещения с осужденных. Соответственно, никаких обязательств у осужденного перед

¹⁴ Приговор Заводского районного суда г. Кемерово от 21 августа 2024 г. по делу № 1-29/2024 // ГАС РФ «Правосудие»: [официальный сайт]. URL: https://zavodskiy--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=554251366&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁵ В рамках одного запроса могут быть запрошены сведения по нескольким делам.

¹⁶ Постановление Кировского районного суда от 24 апреля 2025 г. по делу № 4/17-129/2025 // Архив Кировского районного суда г. Омска. Документ не публиковался.

¹⁷ Постановление Кировского районного суда от 24 июля 2025 г. по делу № 4/17-204/2025 // Там же. Документ не публиковался.

¹⁸ По сведениям МРУ Росалкогольтабакконтроля по СФО, предоставленным автору.

¹⁹ Апелляционное постановление Курского областного суда от 27 ноября 2023 г. № 22-1283/2023 по делу № 4/17-8/2023 // СудАкт: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G6TC5IRYRUHv/> (дата обращения: 15.10.2025); Решение Алтайского районного суда Республики Хакасия от 18 августа 2025 г. № 2-475/2025 // Судебные Решения РФ: [сайт]. URL: <https://судебныерешения.рф/91949817> (дата обращения: 15.10.2025).

²⁰ О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

²¹ Зеленин С.Р. Институт процессуальных издержек в российском уголовном процессе: формирование, развитие и проблемы правоприменения: автореф. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024. С. 14.

свидетелем, защитником по назначению, хранителем вещественных доказательств возникать не может²².

Неполнота правового регулирования породила противоречивую судебную практику. В отдельных случаях суды рассматривали по существу требования о возмещении расходов на хранение вещественных доказательств в рамках гражданского судопроизводства, а в других признавали это недопустимым²³. Способствовало этому отсутствие четкого понимания круга субъектов, которые вправе обратиться в органы расследования или в суд с заявлением о компенсации затрат.

Представляется, что лицо, осуществляющее хранение, перевозку, уничтожение вещественных доказательств на основании договора, не может признаваться вовлеченным в уголовное судопроизводство. Между ним и государственным органом возникают гражданско-правовые отношения, а исполнение обязательств по договору служит основанием для взыскания издержек государством.

В безусловном порядке к числу лиц, имеющих право на возмещение расходов в порядке, предусмотренном п. 6 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, относятся свидетели, потерпевшие, их законные представители и иные участники производства по уголовному делу, которым вещественные доказательства переданы на хранение (передача потерпевшему поврежденного в результате поджога транспортного средства без права распоряжения, повлекшая необходимость аренды гаражного бокса или парковочного места и т. п.).

Спорным вопросом являлась передача без заключения договора вещественных доказательств лицам, не связанным с производством по уголовному делу, исключительно по причине наличия у них необходимых условий хранения. Отказ суда общей юрисдикции рассматривать вопрос о возмещении издержек организации, не являвшейся участником уголовного процесса и не заключавшей договор хранения, спровоцировал обращение в Конституционный Суд Российской Федерации, который признал недопустимым лишение права на судебную защиту и возмещение расходов по указанным основаниям²⁴. Данная правовая позиция была истолкована расширительно как допускающая возможность взыскивать издержки в рамках гражданского судопроизводства²⁵. Представляется, однако, что из текста решения Конституционного Суда Российской Федерации такой вывод не следовал. Точку в этом споре поставил Верховный Суд Российской Федерации, указав на необходимость взыскания процессуальных издержек по уголовному делу исключительно в порядке, предусмотренном УПК РФ²⁶. В настоящее время практику в этом вопросе можно считать устоявшейся²⁷. Само возникновение практики рассмотрения указанных вопросов в порядке гражданского судопроизводства является ошибкой, обусловленной ненадлежащим исполнением этой обязанности государственными органами в уголовном процессе.

²² В научных работах также встречается понимание судебных издержек как расходов субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство и других участников на осуществление уголовно-процессуальной деятельности. Указанное определение представляется неточным (См.: Емельянов К. Н. Процессуальные издержки в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 187 с.).

²³ Постановление арбитражного суда Центрального округа от 15 сентября 2020 г. № Ф10-3894/2019 по делу № А14-26691/2018 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) : [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=127078#2rrFQBV0FXOhIWj81> (дата обращения: 15.10.2025) ; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного от 16 июля 2020 г. № 19АП-4027/2019 по делу № А14-26691/2018 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS019&n=103508#ng9HQBVLcIXzXB6> (дата обращения: 20.10.2025).

²⁴ По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Маршалл» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 367-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 2.

²⁵ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS019&n=103508#ng9HQBVLcIXzXB6> (дата обращения: 20.10.2025).

²⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 310-ЭС19-22712 по делу № А14-26691/2018 // Правовой Сервер КонсультантПлюс (www.consultant.ru) : [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=661950&cacheid=4635450FA9854C35D003037B95CF66DB&mode=splus&rnd=ZECH2g#fPHIQBVaKfAqGn7B1> (дата обращения: 15.10.2025).

²⁷ Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 октября 2022 г. № Ф08-10547/2022 по делу № А32-18271/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=185172&cacheid=91782964763DE1705BC8769BEECE8740&mode=splus&rnd=ZECH2g#9UjIQBVqlRdzOXL71> (дата обращения: 22.10.2025) ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. № 67-КГ23-18-К8 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=803485&cacheid=A8242E4B818B29BCA02587DCAD3AE1B2&mode=splus&rnd=ZECH2g#ay7JQBVA5xwejWD21> (дата обращения: 22.10.2025).

Другим спорным вопросом является объем расходов, подлежащих возмещению в уголовно-процессуальном порядке. В правоприменительной практике нередко признаются подлежащими возмещению в соответствии со ст. 131, 132 УПК РФ только затраты, понесенные с момента вынесения постановления о признании предмета вещественным доказательством. Соответственно, расходы до вынесения постановления процессуальными издержками могут не признаваться, и в таком случае вопрос об их возмещении рассматривается в порядке гражданского судопроизводства²⁸.

Указанный подход представляется формальным и не в полной мере соответствующим правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации по аналогичным вопросам. Обеспечение прав и свобод в уголовном судопроизводстве должно быть обусловлено фактическим положением лиц²⁹ и, соответственно, фактическим статусом изъятых предметов. Признание изъятого имущества вещественным доказательством должно влечь возмещение всех расходов в уголовно-процессуальном порядке, в т. ч. понесенных на стадии возбуждения уголовного дела [10, с. 51], независимо от момента вынесения постановления. Во всяком случае, именно так был разрешен вопрос о компенсации расходов потерпевшего на оплату вознаграждения представителю, которое включало затраты на опротестовывание незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела³⁰. Сложившийся сейчас порядок серьезно затрудняет положение участников уголовного судопроизводства, вынужденных часть расходов взыскивать в уголовно-процессуальном порядке, а часть – в гражданско-правовом. Кроме того, происходит необоснованное увеличение нагрузки на судебную систему. Полагаем, что единый порядок возмещения расходов должен применяться и при выявлении преступления в ходе административной деятельности (материалы производства по делам об административных правонарушениях нередко становятся основаниями для возбуждения уголовного дела [11, с. 221]: задержание и помещение транспортного средства на специализированную стоянку по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ, как правило, осуществляются в соответствии с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Порядок определения размера процессуальных издержек урегулирован лишь частично. Пунктом 24 постановления Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 регламентирована компенсация расходов по договору хранения, заключенному между хранителем и органом, осуществившим изъятие³¹. В части возмещения затрат при помещении вещественных доказательств на хранение на основании решения органов расследования

²⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 7-КГ17-3 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506643&cacheid=98899D9C40AC2DED87FA2188775046F4&mode=splus&rnd=ZECH2g#mgCKQBVEVPjfy8> (дата обращения: 24.10.2025); Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2022 г. 05АП-2561/2022 по делу № А24-5797/2021 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS005&n=109292&cacheid=332FC821B199DDC4ADB9DBF74A2074BA&mode=splus&rnd=ZECH2g#nUZKQBV2rWIXKRBr> (дата обращения: 24.10.2025); Постановление арбитражного суда Вологодской области от 12 октября 2017 г. по делу № А13-2744/17 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS014&n=77770&cacheid=6DD4D5D5484377B19A0D66C590C19402&mode=splus&rnd=ZECH2g#iW5LQBVSU5CFBvf> (дата обращения: 24.10.2025); Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2022 г. № 05АП-2561/2022 по делу № А24-5797/202 // Там же. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS005&n=109292&cacheid=1C707B240A53E724E04439896204665C&mode=splus&rnd=ZECH2g#NaSLQBVUrKUX7m0z> (дата обращения: 24.10.2025).

²⁹ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. № 5-П // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1749; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

³⁰ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 18-П // СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

³¹ О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации): постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 (ред. от 11.08.2025) // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

имеет место пробел в правовом регулировании. Не учтен вопрос об индексации выплат с учетом инфляции.

С учетом изложенного можно прогнозировать новые обращения в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросам, которые неоднократно были разрешены ранее (например, об индексации выплат)³² и имплементированы в судебную практику³³.

Возмещение процессуальных издержек – это не только вопрос компенсации расходов. Оно играет важную роль в обеспечении расследования и рассмотрения уголовного дела судом [12, с. 125], в реализации начала непосредственности при исследовании доказательств. Применительно к показаниям это проявляется в возмещении затрат лицам, явившимся для заслушивания в суде³⁴. Хранение вещественных доказательств также направлено на реализацию права участников на исследование в ходе судебного разбирательства. В этом смысле институт издержек может рассматриваться как одна из процессуальных гарантий начала непосредственности, где взыскание затрат с осужденного является не санкцией за совершенное преступление, а средством обеспечения интересов правосудия, в т. ч. и его права на справедливое судебное разбирательство. В этом контексте совершенно иначе воспринимается идея переноса оспаривания в досудебное производство³⁵, особенно в части крупногабаритных предметов, которое становится взаимовыгодным для органов расследования (снижаются затраты на хранение и риск утраты) и обвиняемого (снижается размер взыскиваемых процессуальных издержек), в большей степени способствует установлению истины, нежели длительное хранение практически не используемых в судебном разбирательстве вещественных доказательств³⁶.

Системная работа в части взыскания процессуальных издержек будет стимулировать добросовестное поведение лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, снижать риск злоупотребления правами [13, с. 129; 14, с. 76–78], т. к. затягивание производства по уголовному делу станет экономически не выгодным.

С целью повышения эффективности взыскания издержек закон позволяет накладывать арест на имущество обвиняемого [8, с. 105; 15]. Однако сложность заключается в том, что на начальном этапе расследования невозможно точно определить возможную стоимость обращения с вещественными доказательствами. Соответственно, к вопросу об увеличении размера арестованного имущества необходимо возвращаться в ходе и ближе к завершению расследования, если это возможно с учетом обстоятельств дела.

Таким образом, эффективная работа по взысканию процессуальных издержек с осужденных способна оказать комплексное положительное влияние на уголовное судопроизводство при условии, что соображения экономического характера не будут ставиться во главу угла.

3 заключение

В правоприменительной практике необходимо по каждому уголовному делу включать в обвинительные заключения (обвинительные акты) сведения о расходах на хранение, перевозку и уничтожение вещественных доказательств (включая копии платежных документов), а прокуратуре опротестовывать каждое необоснованное решение об отказе во взыскании процессуальных издержек с подсудимого. При этом следует учитывать, что наибольшей процессуальной экономии можно добиться только в случае реализации (уничтожения) крупногабаритных вещественных доказательств, изъятых из незаконного оборота в ходе предварительного расследования. В противном случае оставшуюся часть расходов на хранение в период судебного разбирательства и последующее уничтожение придется взыскивать в порядке исполнения приговора, что приведет к увеличению нагрузки на судебную систему и иные государственные органы и учреждения.

Наилучшим выходом было бы внесение изменений в ст. 131 УПК РФ, уточняющих сущность процессуальных издержек, порядок взыскания и другие спорные моменты. Однако значительную часть проблем можно решить путем дополнения постановления Пленума Верховного Суда

³² СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

³³ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

³⁴ Зеленин С. Р. Указ. соч. С. 4, 19.

³⁵ Кальницкий В. В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования : учебное пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 105.

³⁶ При изучении указанных ранее 550 приговоров районных судов, отобранных методом случайной выборки, выявлен только один случай исследования вещественных доказательств в судебном разбирательстве. Еще один пример выявлен в ходе экспертного опроса адвокатов Адвокатской палаты Омской области.

Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42³⁷ и постановления Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240³⁸ положениями о необходимости взыскания затрат за весь период хранения в ходе уголовно-процессуальной деятельности, об индексации выплат, порядке выплат при помещении на хранение без заключения договора и др.

В настоящее время на основе предложенных рекомендаций совместно с Прокуратурой Омской области, УМВД России по Омской области и МРУ Росалкогольтабакконтроля принимаются меры по формированию судебной практики по взысканию процессуальных издержек при вынесении приговора, а также снижению расходов на хранение крупногабаритных вещественных доказательств путем их реализации или уничтожения в установленных законом случаях³⁹.

Список источников

1. Уваров С. Ю. Спорные вопросы при взыскании процессуальных издержек // Уголовный процесс. 2019. № 7 (175). С. 70–75.
2. Головкин О. Е. О совершенствовании сроков хранения вещественных доказательств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4 (19). С. 207–212.
3. Перекрестов В. Н., Зарубина М. Р., Борисова А. Н. Проблемы отнесения расходов, понесенных в ходе производства по уголовному делу, к иным процессуальным издержкам // Апробация. 2016. № 10 (49). С. 138–139.
4. Карпова А. Т., Омаров Е. А., Акишов А. Ж. Процессуальные издержки в уголовном процессе: понятие и признаки // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 2 (56). С. 91–99.
5. Квасников А. В. Процессуальные аспекты организации возмещения расходов участников уголовного судопроизводства / Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (К 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, г. Москва, 3 ноября 2023 г. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 101–105.
6. Молотков Н. В. Классификация процессуальных издержек: подходы к формированию критериев // Форум молодых ученых. 2019. № 12 (40). С. 561–569.
7. Кальницкий В. В. Процессуальные документы, сроки, издержки // Законодательство и практика. 2013. № 2 (31). С. 85–88.
8. Химичева О. В., Тутынин И. Б. Обеспечение взыскания процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 100–108.
9. Анхеева У. И., Самданова Б. Б. Актуальные вопросы института вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве / Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам X международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 28 мая – 8 июня 2018 г. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2018. Т. 5 (10). С. 25–28.
10. Деришев Ю. В. Институт процессуальных издержек: проблемы реализации и пути оптимизации // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 49–57. <https://doi.org/10.17223/23088451/18/9>
11. Мамедов Р. Я. Общие проблемы представления вещественных доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 218–222.
12. Драничникова Н. В. Проблемы применения института процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория и практика. 2022. № 1 (32). С. 122–127.
13. Зеленин С. Р. Судебные издержки и их место в уголовном судопроизводстве по Уставу 1864 года // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 4. С. 129–143. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.051>
14. Чуркин А. В. Процессуальные издержки как стимул для добросовестного пользования процессуальными правами // Lex Russica. 2017. № 4 (125). С. 74–88. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.074-088>
15. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части имущественных взысканий, не связанных с обеспечением гражданского иска, штрафа или возможной конфискации имущества // Российский следователь. 2018. № 3. С. 39–43.

References

1. Uvarov S. Yu. Spornye voprosy pri vzyskanii processual'nyh izderzhhek // Uголовnyj process. 2019. № 7 (175). S. 70–75.
2. Golovkin O. E. O sovershenstvovanii srokov hraneniya veshchestvennyh dokazatel'stv // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2014. № 4 (19). S. 207–212.
3. Perekrstov V. N., Zarubina M. R., Borisova A. N. Problemy otneseniya raskhodov, ponessennyh v hode proizvodstva po ugovolnomu delu, k inym processual'nym izderzhkam // Aprbaciya. 2016. № 10 (49). S. 138–139.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

³⁸ СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

³⁹ В рамках проводимого эксперимента принимаются меры к масштабированию в сельских районах практики уничтожения изъятой из незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, к реализации, утилизации или возвращению законным владельцам автотранспорта, длительное время находившегося на хранении, а также получено разрешение суда на реализацию незаконно добытой древесины.

4. Karipova A. T., Omarov E. A., Akishov A. Zh. Processual'nye izderzhki v ugolovnom processe: ponyatie i priznaki // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2019. № 2 (56). S. 91–99.
5. Kvasnikov A. V. Processual'nye aspekty organizacii vozmeshcheniya raskhodov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva / Ugolovnyj process i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B. Ya. Gavrilova) : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 3 noyabrya 2023 g. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 101–105.
6. Molotkov N. V. Klassifikaciya processual'nyh izderzhkek: podhody k formirovaniyu kriteriev // Forum molodyh uchenyh. 2019. № 12 (40). S. 561–569.
7. Kal'nickij V. V. Processual'nye dokumenty, sroki, izderzhki // Zakonodatel'stvo i praktika. 2013. № 2 (31). S. 85–88.
8. Himicheva O. V., Tutynin I. B. Obespechenie vzyiskaniya processual'nyh izderzhkek v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 3 (74). S. 100–108.
9. Anheeva U. I., Samdanova B. B. Aktual'nye voprosy instituta veshchestvennyh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve / Aktual'nye problem yurisprudencii : sbornik statej po materialam X mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Novosibirsk, 28 maya – 8 iyunya 2018 g. Novosibirsk : Sibirskaya akademicheskaya kniga, 2018. T. 5 (10). S. 25–28.
10. Derishev Yu. V. Institut processual'nyh izderzhkek: problemy realizacii i puti optimizacii // Ugolovnaya yusticiya. 2021. № 18. S. 49–57. <https://doi.org/10.17223/23088451/18/9>
11. Mamedov R. Ya. Obshchie problemy predstavleniya veshchestvennyh dokazatel'stv na stadii возбуждения уголовного дела // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 1. S. 218–222.
12. Dranichnikova N. V. Problemy primeneniya instituta processual'nyh izderzhkek v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravoporyadok: istoriya, teoriya i praktika. 2022. № 1 (32). S. 122–127.
13. Zelenin S. R. Sudebnye izderzhki i ih mesto v ugolovnom sudoproizvodstve po Ustavu 1864 goda // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 4. S. 129–143. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.051>
14. Churkin A. V. Processual'nye izderzhki kak stimul dlya dobrosovestnogo pol'zovaniya processual'nymi pravami // Lex Russica. 2017. № 4 (125). S. 74–88. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.125.4.074-088>
15. Bulatov B. B., Dezhnev A. S. Osnovaniya nalozheniya aresta na imushchestvo dlya obespecheniya ispolneniya prigovora v chasti imushchestvennyh vzyiskaniy, nesvyazannyh s obespecheniem grazhdanskogo iska, shtrafa ili vozmozhnoj konfiskacii imushchestva // Rossijskij sledovatel'. 2018. № 3. S. 39–43.

Научная статья
УДК 343.112

Индивидуальное судебное регулирование и индивидуализация уголовного судопроизводства

Светлана Сергеевна Крипиневич, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева
Москва (117418, ул. Новочеремушкинская, д. 69), Российская Федерация
s.kripinevich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7796-1753>

Аннотация:

Введение. Современное отечественное уголовное судопроизводство сталкивается со множеством нерешенных проблем теоретического и правоприменительного характера. В числе фундаментальных находится проблема нормативного правового регулирования уголовно-процессуальных отношений. Сформировалась парадоксальная ситуация, при которой, с одной стороны, справедливо выдвигается претензия к уголовно-процессуальному законодательству о перегруженности уголовно-процессуальной формы, ее трудновыполнимости, а с другой – наращивается объем нормативного правового поля, что усиливает и без того напряженную ситуацию поддержания законности в системе уголовного судопроизводства. Очевидно, что традиционные подходы к нормативному правовому регулированию уголовно-процессуальных отношений уже не позволяют обеспечивать прогрессивное развитие уголовного судопроизводства. Соответственно приобретает особую актуальность поиск новых путей оптимизации регулирования указанных правоотношений. Индивидуальное судебное регулирование для уголовного судопроизводства также является категорией новой. Ее использование, а также теоретическое исследование в основном проводятся в иных областях правового знания. Тем не менее, сущность этой категории связывается как с содержанием, так и с формой судебной уголовно-процессуальной деятельности, что позволяет рассчитывать на потенциальную возможность индивидуального судебного регулирования оказать позитивное влияние на разрешение имеющихся проблем в сфере судебной деятельности.

Методы. В исследовании применялись основные традиционные научные методы, включая диалектический подход, анализ, в т. ч. системный, синтез, дедукция, моделирование.

Выводы. 1. Индивидуальное судебное регулирование представляет собой один из аспектов проявления идеи индивидуализации в уголовном судопроизводстве. Обязательным признаком судебной уголовно-процессуальной деятельности является ее адресный (индивидуализированный) характер. Судебная деятельность обладает индивидуализацией на уровне как содержания результатов, так и формы осуществления. 2. Индивидуальное судебное регулирование в уголовном судопроизводстве – это элемент правового воздействия суда на субъектов уголовно-процессуальных отношений, осуществляемый посредством имеющих уголовно-процессуальную природу решений суда по материально-правовым и процессуальным вопросам, входящим в компетенцию суда, отвечающим требованиям уголовно-процессуального закона. Любое решение суда (по материальным и по процессуальным вопросам) должно отвечать требованию индивидуализации. Формы судебной деятельности имеют в своей основе индивидуализированный подход. Полагаем, что развитие теоретических основ индивидуального судебного регулирования обеспечит эффективное разрешение многих правоприменительных проблем, в т. ч. создаст необходимые предпосылки для эффективной судебной уголовно-процессуальной деятельности при отсутствии или неполноте нормативного регулирования, включая процедурные правила.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство, индивидуальное судебное регулирование, уголовно-процессуальная форма, назначение, форма судебной деятельности, судебное решение

Для цитирования:

Крипиневич С. С. Индивидуальное судебное регулирование и индивидуализация уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 154–163.

Статья поступила в редакцию 14.06.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Individual judicial regulation and individualisation of criminal proceedings

Svetlana S. Kripinevich, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev
69, Novocheremushkinskaya str. Moscow, 117418, Russian Federation
s.kripinevich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7796-1753>

Abstract:

Introduction. Modern domestic criminal proceedings are faced with many unresolved problems of a theoretical and law enforcement nature. Among the fundamental ones is the problem of normative legal regulation of criminal procedural relations. A paradoxical situation has emerged in which, on the one hand, a claim is rightly made against the criminal procedure legislation about the overload of the criminal procedure form, its difficulty in implementation, and on the other hand, the volume of the regulatory legal field is increasing, which reinforces the already tense situation of maintaining legality in the criminal justice system. It is obvious that traditional approaches to the normative legal regulation of criminal procedural relations no longer allow for the progressive development of criminal proceedings. Accordingly, the search for new ways to optimise the regulation of these legal relations becomes particularly relevant. Individual judicial regulation for criminal proceedings is also a new category. Its use, as well as theoretical research, is mainly carried out in other areas of legal knowledge. Nevertheless, the essence of this category is associated with both the content and the form of judicial criminal procedure activities, which allows us to count on the potential for individual judicial regulation to have a positive impact on solving existing problems in the field of judicial activity.

Methods. The research utilised core traditional scientific methodologies, such as the dialectical approach, analysis (including systemic analysis), synthesis, deduction, and modeling.

Conclusions. 1. Individual judicial regulation is one of the aspects of the manifestation of the idea of individualisation in criminal proceedings. An essential characteristic of judicial criminal procedural activity is its targeted (individualised) nature. Judicial activity is individualised at the level of both the content of the results and the form of implementation. 2. Individual judicial regulation in criminal proceedings is an element of the court's legal influence on the subjects of criminal procedural relations, effected through court decisions of a criminal procedural nature on substantive and procedural matters within the competence of the court that meet the requirements of the criminal procedural law. Any court decision (on substantive and procedural issues) must meet the requirement of individualisation. Forms of judicial activity are based on an individualised approach. We believe that the development of the theoretical foundations of individual judicial regulation will ensure the effective resolution of many law enforcement problems, including creating the necessary prerequisites for effective judicial criminal procedure activities in the absence or incompleteness of regulatory control, including procedural rules.

Keywords:

criminal proceedings, individual judicial regulation, criminal procedure form, purpose, form of judicial activity, court decision

For citation:

Kripinevich S. S. Individual judicial regulation and individualisation of criminal proceedings // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 154–163.

The article was submitted June 14, 2025;
approved after reviewing December 16, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Внимание к теме индивидуального судебного регулирования применительно к сфере уголовного судопроизводства обусловлено необходимостью продемонстрировать наличие, а также многомерность и масштабность воплощения идеи индивидуализации в формах уголовного судопроизводства, а также в его результатах. Главное – воздействие идеи индивидуализации на судебную деятельность и потребность обосновать целесообразность изменения подходов к ее регулированию.

Понятие «индивидуализация» имеет непосредственное отношение ко многим аспектам уголовного судопроизводства. Прежде всего речь идет об обязанности суда проявлять индивидуальный подход к каждому уголовному делу и придерживаться принципа индивидуализации уголовной ответственности и наказания. До настоящего времени индивидуализация ответственности и наказания находила свое теоретическое подтверждение и практическое воплощение исключительно в части определения вида и меры наказания. Ученые справедливо полагают,

что в уголовном праве индивидуализации подлежит не только наказание, но и уголовная ответственность в целом¹. При этом индивидуализация неразрывно связывается с дифференциацией наказания. Выделяются и критерии индивидуализации наказания при его назначении – такие как «совокупность обстоятельств, характеризующих индивидуальную степень общественной опасности преступления, обстановку его совершения, индивидуальные признаки личности виновного, с учетом которых суд конкретизирует меру наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, и определяет ее соответствие требованиям справедливости и целесообразности»².

Об индивидуализации ответственности и наказания высказался Верховный Суд Российской Федерации: в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»³ акцентируется внимание на необходимости исполнения судами требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания и подчеркивается, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в ст. 2 и 43 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ).

Воплощение в полном объеме этого уголовно-правового принципа в судебной уголовно-процессуальной деятельности невозможно без соответствующих средств уголовно-процессуального характера. Однако применительно к формальной стороне уголовного судопроизводства индивидуализация практически не рассматривается. В некоторых научных работах поднимается вопрос об индивидуальном подходе к прекращению уголовного дела [1, с. 26]. Отмечается, что индивидуальные особенности уголовного дела (обстоятельства совершенного преступления, сложность установления фактических обстоятельств его совершения и иные) определяют целесообразность либо, наоборот, нецелесообразность применения соответствующей формы ускоренного досудебного производства и находятся в сфере реализации дискреционных полномочий суда [2].

В. М. Лебедев раскрывал сущность судебной практики через такой признак, как опыт индивидуально-правовой деятельности судов [3, с. 42], когда сущность правосудия определяется как деятельность по вынесению индивидуальных правовых актов посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [4].

Очевидно, что имеющихся научных результатов недостаточно для полноценного раскрытия как самой идеи индивидуализации, так и средств ее уголовно-процессуальной реализации. В полном объеме рассмотреть указанный правовой феномен можно только в рамках монографического исследования. В данной работе изложены результаты исследования индивидуального судебного регулирования как отражения идеи индивидуализации в проекции к судебной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Методы

В исследовании применялись основные традиционные научные методы. Диалектика, как метод научного исследования, позволила выявить фундаментальное противоречие, сопровождающее всю систему уголовного судопроизводства, выражающееся в стремлении законодателя одновременно сориентировать правоприменителя на индивидуализацию результата, но с применением процессуальных форм, не имеющих индивидуальных характеристик. Системный анализ дал возможность выявить элементы процессуальной формы и на этом основании посредством дедуктивных умозаключений определить возможность отдельных форм уголовного судопроизводства следовать идее индивидуализации. Моделирование стало способом проверки идеи индивидуализации процессуальной формы, возможности ее отражения в индивидуальном судебном регулировании, путем предложения комбинированных форм судопроизводства.

¹ Айнутдинова К. А. Критерии индивидуализации уголовного наказания при его назначении в теории, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 32 с.

² Там же. С. 10.

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Результаты

Закономерности в реализации индивидуализации в науке уголовного процесса пока не выявлены, хотя масштаб ее упоминания, его контекст и значение, которое придается отдельным проявлениям индивидуализации, свидетельствует о возрастающем интересе к этому феномену в сфере уголовного судопроизводства и стремлении уяснить его сущность и правовую значимость.

Несколько иную картину демонстрирует правоприменение, особенно в судебной деятельности. В ней индивидуализация играет гораздо более значимую роль. Приведем для иллюстрации примеры результатов, полученных при обобщении судебных материалов в части упоминания индивидуализации в процессуальных решениях:

- уголовные дела должны быть возбуждены индивидуально⁵;
- индивидуальные особенности учитываются судом при вынесении процессуальных решений⁶;

- существуют пределы правовой значимости индивидуального подхода в правоприменении, когда суд, оценив как не существенные доводы в апелляционных жалобах об обязанности суда при разрешении дела учитывать индивидуальное поведение каждого из участников уголовного судопроизводства, отметил в своем решении, что такого рода «требования не основаны на законе и не могут служить поводом к отмене судебного решения»⁷;

- в пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»⁸ (далее – постановление № 17), отмечено, что при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред;

- при определении размера компенсации морального вреда действует принцип свободного усмотрения суда, основанного на индивидуальных обстоятельствах каждого дела и характере спорных правоотношений⁹.

Обращаем внимание на разброс контекстного использования категории «индивидуализация»: возбуждение уголовного дела; особенности лица; поведение участников; обстоятельства дела, назначение наказания, судебное усмотрение, предмет доказывания и др. Во всех этих вопросах, по мнению практиков, присутствует и является значимой в правовом отношении индивидуализация.

Индивидуализация уголовно-процессуальной формы прослеживается в тенденциях совершенствования уголовного судопроизводства, включая развитие процедур в отношении отдельных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Например, создание средств обеспечения прав лиц, не обладающих статусом участника уголовного судопроизводства (лиц, в т. ч. – юридических, не обладающих статусом участника уголовного судопроизводства, но на имущество которых наложен арест), усиление мер обеспечительного характера в отношении предпринимателей, развитие средств обеспечения имущественных интересов непосредственных участников и др.

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2023 г. № 2-УД23-9-А2 // ГАРАНТ.РУ: [сетевое издание]: URL: <https://base.garant.ru/407352660/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁶ Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2021 г. № АПЛ21-238 / Там же. URL: <https://base.garant.ru/401494593/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁷ Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2020 г. № АПЛ20-325 / Там же. URL: <https://base.garant.ru/74545863/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁸ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

Аналогичные формулировки использованы и в судебных решениях (См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2022 г. № 3-КГ21-7-К3 // Правовой Сервер КонсультантПлюс: [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=702973#TB5D19VOeazXfTy1l> (дата обращения: 10.04.2025)).

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2022 г. № 32-КГ22-3-К1 // Правовой Сервер КонсультантПлюс: [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=722542#jKAE19V4yLxOY3KA1> (дата обращения: 10.04.2025).

Индивидуализация, как правило, не упоминается в научных исследованиях уголовно-процессуального профиля. Учеными в последнее время стало больше уделяться внимания другому понятию – «индивидуальное регулирование» или «индивидуальное судебное регулирование». Есть мнение, что судья в ходе рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования и прокурора о применении либо о продлении срока действия мер уголовно-процессуального принуждения осуществляет индивидуальное регулирование [5, с. 89].

Полагаем, что авторы в целом правильно выражают идею индивидуализации, но уточним, что в этом случае речь идет об индивидуализации в материально-правовом спектре: выбор решения (аналог – выбор вида и меры наказания в приговоре) на основании оценки фактических обстоятельств.

В уголовно-процессуальном же аспекте индивидуализация выражается в вариативности процедуры, т. е. прямым следствием идеи индивидуализации выступает дифференциация процессуальной формы.

Можно выделить такие направления реализации индивидуализации, как материальное и процессуальное. Общим в этих направлениях выступает именно содержательное наполнение, обуславливающее возможность выбора. Особенное реализуется через специфику предмета правового регулирования – складывающиеся общественные отношения, требующие индивидуальных подходов к их регулированию.

В уголовном судопроизводстве индивидуализация как общее начало, определяющее подход к регулированию общественных отношений, может проявляться в императивных и диспозитивных формулах. Причем в процессуальном отношении идея индивидуализации в большей степени, чем в материально-правовой сфере, имеет императивный характер. Достаточно отметить, что любая процессуальная форма применяется только при наличии законодательно установленных оснований и выполнении императивных по своему характеру условий. Что касается свободы выбора процессуальной формы, то такой выбор присутствует исключительно в определенных законом пределах.

Для исследования индивидуального судебного регулирования в уголовном судопроизводстве представляется необходимым обратиться к рассмотрению более общих понятий: «правовое регулирование», «индивидуальное правовое регулирование».

Правовым регулированием признается осуществляемое с помощью норм позитивного права и других правовых средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения¹⁰. На определенном уровне развития теоретической науки было сформулировано понятие «индивидуальное правовое регулирование» [6]. В дальнейшем идея индивидуального правового регулирования получила свое развитие в работах С. Г. Краснаяружского¹¹, Т. В. Кашаниной [7], В. П. Реутова [8, с. 61] и других ученых. Индивидуальное правовое регулирование в настоящее время изучается на межотраслевом и междисциплинарном уровне (не только теория права, но и трудовое, семейное, гражданское, гражданское процессуальное и иные отрасли права)¹² [9–11].

Развернутый анализ развития индивидуального правового регулирования дает в своей работе И. А. Минникес, указывая на достаточно сложный путь, который проходит эта идея в науке [12]. В дальнейших разработках этого направления И. А. Минникес формулирует определение индивидуального регулирования¹³ [13], формирует признаки и отмечает значение правовых актов¹⁴ [14] для установления и содержания правоотношений.

¹⁰ Пьянов Н. А. Теория государства и права : учебное пособие : в 2 ч. Иркутск : Издательство Иркутского государственного университета, 2011. Ч. 2: Теория права. С. 131.

¹¹ Краснаяружский С. Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе : (Вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1990. С. 5.

¹² См.: Дивеева Н. И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 47 с. и др.

¹³ «Индивидуальное правовое регулирование – это такое воздействие на общественные отношения, которое связано с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в индивидуальном порядке, органически дополняющее нормативное правовое регулирование, направленное на урегулирование конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, являющееся саморегулированием общественных отношений путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий или заключения договоров, либо властной деятельностью уполномоченных органов или должностных лиц, в процессе которого создаются индивидуальные правовые акты» (См.: Минникес И. А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 5. С. 59–62.).

¹⁴ «<...> индивидуальный акт является результатом индивидуального правового регулирования» (См.: Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. 2023. № 1. С. 177–192.).

Наряду с индивидуальным правовым регулированием в доктрине выделено индивидуальное судебное регулирование, и этот формат регулирования представляет особый интерес в свете идеи об индивидуализации в уголовном судопроизводстве.

При этом следует согласиться с учеными, которые отмечают, что суд осуществляет «индивидуальное судебное регулирование, применяя абстрактные нормы уголовно-процессуального права к реально возникающим в ходе правоприменительной деятельности <...> уголовно-процессуальным отношениям в досудебном производстве и тем самым обеспечивая в каждом конкретном случае правовые интересы участников уголовного процесса» [15]. Иными словами, индивидуальность присутствует как в регулировании, так и в правоприменении, что в совокупности позволяет достигать удовлетворения индивидуальных интересов участников уголовного судопроизводства.

В. В. Ершов об индивидуальном судебном регулировании пишет следующее: «Правовые нормы в силу их общего, стабильного характера могут регулировать общественные отношения лишь в результате оптимального сочетания нормативного и индивидуального судебного регулирования» [16, с. 17]. Мы с данным утверждением согласны. Полагаем, что эффективность реализации нормативного регулирования совершенно справедливо связывается с индивидуальным судебным регулированием как обязательным его дополнением, обеспечивающим целевое применение норм права, их индивидуализацию в конкретной правовой ситуации.

Теоретический фактор подкрепляется позицией Конституционного Суда Российской Федерации, считающего возможным формировать модель индивидуального конституционно-судебного регулирования, позиционируя его как ненормативное, обеспечивающее права заинтересованных лиц в судопроизводстве¹⁵.

Как представляется, сущность индивидуального судебного регулирования не может отождествляться лишь с требованием об индивидуальном подходе суда к каждому уголовному делу. Действительно, такого рода требование многократно указывается в судебных решениях. Например: «Суд по каждому делу индивидуально определяет круг лиц, участвующих в деле. Суд определяет предмет доказывания, порядок и последовательность рассмотрения вопросов и т. п.» [17, с. 22]. Или: «Приговор постановлен в соответствии с требованиями УК РФ и УПК РФ, в каждом конкретном случае судья индивидуально подходит не только к назначению наказания, но и к изложению содержания»¹⁶. А также: «суд должен подходить к каждой ситуации индивидуально»¹⁷. Однако это обстоятельство демонстрирует лишь часть индивидуального судебного регулирования.

Имеющиеся в науке подходы к раскрытию сущности индивидуального судебного регулирования [18; 19, с. 55], в основном учитывают какую-то одну из его характеристик. В то же время, напомним, что, как считал С. С. Алексеев, в уголовном судопроизводстве актом индивидуального регулирования выступает приговор суда¹⁸ [20, с. 16–17]. Полагаем, это яркая демонстрация проявления индивидуального судебного регулирования.

Приведенные обстоятельства позволяют выдвинуть гипотезу о неоднородности сущности индивидуального судебного регулирования.

Право выбора судебного решения в уголовном судопроизводстве не связано или не в каждом случае выступает именно индивидуальным судебным регулированием. При этом обязательность индивидуального подхода для суда является императивом. Но если это императив для суда, он не может выступать элементом индивидуального судебного регулирования, которое направлено на иных субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Индивидуальное судебное регулирование трактуется в цивилистических областях права как возможность избирать процессуальное поведение вне нормативной регламентации. Полагаем, что для уголовного судопроизводства, эта трактовка подлежит уточнению.

¹⁵ По делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2018 г. № 9-П // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1436.

¹⁶ Апелляционное постановление Октябрьского районного суда г. Тамбова от 21 октября 2024 г. по делу № 10-41/2024 (УИД 68MS0046-01-2023-006062-77) // Репутация : [сайт]. URL: <https://reputation.su/sudrf/232602618> (дата обращения: 10.04.2025).

¹⁷ Верховный суд Республики Марий Эл. Апелляционное определение от 2 сентября 2024 г. по делу № 22-726/2024 (УИД 12RS0003-01-2024-001541-92) // Верховный Суд Республики Марий Эл : [официальный сайт]. URL: https://vs--mari.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4974435&case_uid=c84c5c3e-2c26-4201-85fd-e9c7c1bdella&result=1&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.01.2026).

¹⁸ Алексеев С. С. Общая теория права : Курс в 2 т. Москва : Юридическая литература, 1982. Т. 1. С. 319, 344.

Прежде всего сформулируем исходный тезис: индивидуальное судебное регулирование – это обязательный, но следующий за нормативным регулированием, способ воздействия суда на складывающиеся процессуальные отношения.

По нашему мнению, данный способ включает:

- императивность воздействия (суд является властным субъектом). При этом регулирование возможно только в пределах вопросов, разрешение которых входит в компетенцию суда;
- результат воздействия выражается в судебных решениях (отдельных или протокольных), которые должны соответствовать требованиям уголовно-процессуального закона;
- основанием для принятия решений должна стать совокупность фактических данных, полученных процессуальным способом и проверенных судом. При этом совокупность указанных фактических данных определяется судом самостоятельно. Процессуальные же средства получения и проверки в современной концепции уголовного судопроизводства имеют ограничительный для суда характер.

Неоднозначен и пункт о процессуальных судебных решениях. Например: «В действующем уголовно-процессуальном законе не оговорена ситуация возникновения разногласий в очередности исследования доказательств между лицами, представляющими одну из сторон» [21, с. 199]. Высказывается мнение, что при таких обстоятельствах окончательное решение по этому вопросу должно быть принято судом [22, с. 44]. Очевидно, что в условиях отсутствия буквального нормативного регулирования должно применяться индивидуальное судебное регулирование, результатом которого должна стать процедура, адекватная сложившейся процессуальной ситуации и не противоречащая принципам уголовного судопроизводства.

Иначе обстоит дело в случаях, когда законом не предусмотрены те решения, которые суд может принять, исходя из процессуальной ситуации. Такого рода пробелы можно привести применительно, например, к обжалованию в досудебных стадиях. Так, масштабный характер приобрели решения суда по отказу в принятии жалоб, поданных в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁹ (далее – УПК РФ)²⁰.

А. Р. Белкин обращает внимание на ситуацию, когда суд вынужден действовать в условиях правового вакуума, учитывая несогласованность положений гл. 51 УПК РФ, регламентирующей производство по применению принудительных мер медицинского характера, и гл. 37 УПК РФ по вопросу установления вменяемости подсудимого и принятию судом соответствующего решения [23, с. 18].

Обращается также внимание на несогласованность уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что приводит к принятию решений, не предусмотренных, в частности, уголовным законом [24, с. 63].

Однако, полагаем, что принятие решений по сути уголовного дела, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом, либо при имеющихся проблемах в систематизации федерального законодательства не исчерпывает всей глубины индивидуального судебного регулирования. Считаем, что индивидуальное судебное регулирование должно применяться не только для принятия решений по материально-правовым, но и по процессуальным вопросам. Так, например, суд не всегда может принять решение об оглашении показаний не явившегося свидетеля в отсутствие согласия сторон. В силу части 2.1 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами²¹. Получается, для того чтобы принять решение по этому процессуальному

¹⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

²⁰ Постановление Хамовнического районного суда города Москвы от 29 марта 2024 г. № 3/12-0054/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы : [сайт]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/criminal-materials/details/9949cde0-e5bb-11ee-bb70-71a488e90e9f?caseNumber=3/12-0054/2024&year=2024&formType=fullForm> (дата обращения: 22.01.2026) ; Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 4 апреля 2024 г. № 22к-1410/2024 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КоМК4V2uqPLv/> (дата обращения: 10.04.2025) ; Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 11 декабря 2024 г. № 22-2486/2024 (УИД 47RS0004-01-2024-016726-72) // Судебные Решения.рф : [сайт]. URL: <https://xn--90afdbaav0bdlafy6eub5d.xn--p1ai/86902774> (дата обращения: 10.04.2025) ; Апелляционное постановление Псковского областного суда от 22 января 2025 г. № 22К-32/2025 (УИД 60RS0003-01-2024-000964-41) // Псковский областной суд : [официальный сайт]. URL: https://oblsud--psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12883778&case_uid=16f4fb48-7228-4d2c-acc9-99e4c576438b&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.01.2026) и др.

²¹ «<...> если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать

вопросу, суду надлежит проверить указанные обстоятельства и только затем окончательно решить вопрос о возможности или невозможности оглашения показаний указанного свидетеля²².

3 заключение

Полагаем, что рассматривать индивидуальное судебное регулирование как свободную от формальных правил судебную деятельность, оснований нет. Поэтому в сфере уголовного судопроизводства в обязательном порядке она (деятельность) должна обладать определенной процессуальной формой. При этом, до настоящего времени процессуальная форма индивидуального судебного регулирования в уголовном судопроизводстве не являлась отдельным предметом теоретических научных исследований. Учитывая высказанные соображения относительно содержания наполнения соответствующей судебной деятельности, можно предположить, что процессуальная форма должна включать правила, определяющие весь процесс получения необходимой информации, ее правовую оценку и квалификацию сделанных выводов, формирование и оформление результатов. При этом полагаем, что расширение возможности суда по применению в т. ч. комбинированных процессуальных форм позволит повысить указанный потенциал в части обоснованности принимаемых процессуальных решений.

Таким образом, учитывая общие признаки правового регулирования, нормативного правового регулирования, на основании выявленных специфических признаков судебной уголовно-процессуальной деятельности, в числе которых ярко проявляется ее адресный (индивидуализированный) характер, полагаем возможным предложить следующее определение индивидуального судебного регулирования в уголовном судопроизводстве: это один из элементов правового воздействия суда на субъектов уголовно-процессуальных отношений, осуществляемый посредством имеющих уголовно-процессуальную природу решений суда как по материально-правовым, так и по процессуальным вопросам, входящим в компетенцию суда, отвечающим требованиям уголовно-процессуального закона.

Индивидуальное судебное регулирование формируется под непосредственным воздействием идеи индивидуализации, присущей уголовному праву и подлежащей внедрению в уголовное судопроизводство.

Список источников

1. Поликашина О. В. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по ст. 322.3 УК РФ в связи со способствованием раскрытию преступления // Мировой судья. 2022. № 1. С. 24–27. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2022-1-24-27>
2. Герасенков В. М. Критерии дифференциации ускоренного досудебного производства как основа формирования его эффективной модели // Российский следователь. 2019. № 6. С. 21–25.
3. Лебедев В. М. Судебная практика и развитие законодательства / Законодательство России в XXI веке : По материалам научно-практической конференции, г. Москва, 17 октября 2000 г. Москва : Городец-издат, 2002. С. 42–51.
4. Ларионов П. А. Контекстные ограничения уголовно-правовой интерпретации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1. С. 35–44. https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35
5. Хроменков И. Р., Качалова О. В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства : монография. Москва : Проспект, 2023. 176 с.
6. Горшенев В. М. Понятие метода правового регулирования и его разновидности // Сборник ученых трудов. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1966. Вып. 5. С. 388–415.
7. Кашианина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.
8. Реутов В. П. Правотворчество как правоприменительный процесс: соотношение нормативного и индивидуального / Нормативное и индивидуальное в правовом регулировании: вопросы теории и практики : Материалы VII международной научно-практической конференции, г. Москва, 16–20 апреля 2012 г. / ред. В. М. Сырых, С. А. Рубаник. Москва : РАП, 2013. С. 56–64.
9. Гумеров Л. А. Виды индивидуального регулирования правоотношений в научно-технологической сфере // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1. С. 8–14. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.95.71.001>
10. Минникус И. А. Элементы индивидуального правового регулирования в семейном праве // Семейное и жилищное право. Москва : Юрист, 2007. № 5. С. 16–20.
11. Мирская Т. И. К вопросу о соотношении коллективности и индивидуальности в содержании субъективных прав человека / Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых, г. Москва, 25 апреля 2018 г. / отв. ред.: В. Н. Власенко, В. М. Дуэль. Москва : РГУП, 2021. С. 105–109.

вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения» (О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1).

²² Апелляционное определение Курского областного суда от 8 мая 2024 г. № 22-416/2024 (УИД: 46RS0029-01-2023-000356-45) // Курский областной суд : [официальный сайт]. URL: https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=15332661&case_uid=26b440a6-0561-4738-a3d9-552f2b888a53&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.01.2026).

12. Минникес И. В. Развитие идеи индивидуального правового регулирования в советской и российской юридической науке // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 1 (46). С. 55–59.
13. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования // Российский юридический журнал. 2006. № 2 (50). С. 19–25.
14. Минникес И. А. Индивидуальные правовые акты (к проблеме индивидуального правового регулирования) // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 5. С. 59–62.
15. Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие. 2023. № 1. С. 177–192. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.177-192>
16. Еришов В. В. Индивидуальное судебное регулирование // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 6. С. 9–17.
17. Лазарев С. В. Судебное управление движением дела. Москва : Статут, 2022. 330 с.
18. Бибило В. Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам / Право и демократия : сборник научных трудов. Минск : Право и экономика, 1999. Вып. 10. С. 284–296.
19. Туменова А. А. Природа индивидуального регулирования общественных отношений / Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых, Москва, 25 апреля 2018 г. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2021. С. 52–57.
20. Алексеев С. С. Советское право как система : Методологические принципы исследования // Советское государство и право. 1974. № 7. С. 11–18.
21. Сычева О. А. Тактика судебного следствия : монография. Ульяновск : Вектор-С, 2012. 240 с.
22. Кузнецов П. Установление порядка исследования доказательств по уголовным делам // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 43–44.
23. Белкин А. Р. Процессуальные тонкости постановления приговора // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 13–27. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2022-2-13-27>
24. Карпов К. Н. Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 63–74. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-63-74>

References

1. Polikashina O. V. K voprosu ob osvobodzhenii ot ugovolnoy otvetstvennosti po st. 322.3 UK RF v svyazi so sposobstvovaniem raskrytiyu prestupleniya // Mirovoj sud'ya. 2022. № 1. S. 24–27. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2022-1-24-27>
2. Gerasenkov V. M. Kriterii differenciacii uskorenogo dosudebnogo proizvodstva kak osnova formirovaniya ego effektivnoj modeli // Rossijskij sledovatel'. 2019. № 6. S. 21–25.
3. Lebedev V. M. Sudebnaya praktika i razvitie zakonodatel'stva / Zakonodatel'stvo Rossii v XXI veke : Po materialam nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 17 oktyabrya 2000 g. Moskva : Gorodec-izdat, 2002. S. 42–51.
4. Larionov P. A. Kontekstnye ogranicheniya ugovolno-pravovoj interpretacii // Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskemu zhurnalu». 2023. № 1. S. 35–44. https://doi.org/10.34076/22196838_2023_1_35
5. Hromenkov I. R., Kachalova O. V. Obespechenie sudom pravovyh interesov v dosudebnyh stadiyah rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva : monografiya. Moskva : Prospekt, 2023. 176 s.
6. Gorshenev V. M. Ponyatie metoda pravovogo regulirovaniya i ego raznovidnosti // Sbornik uchenyh trudov. Sverdlovsk : Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. Vyp. 5. S. 388–415.
7. Kashanina T. V. Individual'noe regulirovanie v pravovoj sfere // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 1. S. 122–130.
8. Reutov V. P. Pravotvorchestvo kak pravoprimenitel'nyj process: sootnoshenie normativnogo i individual'nogo / Normativnoe i individual'noe v pravovom regulirovanii: voprosy teorii i praktiki : Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 16–20 aprelya 2012 g. / red. V. M. Syryh, S. A. Rubanik. Moskva : RAP, 2013. S. 56–64.
9. Gumerov L. A. Vidy individual'nogo regulirovaniya pravootnoshenij v nauchno-tekhnologicheskoy sfere // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 12, № 1. S. 8–14. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.95.71.001>
10. Minnikes I. A. Elementy individual'nogo pravovogo regulirovaniya v semejnom prave // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. Moskva : YUrist, 2007. № 5. S. 16–20.
11. Mirskaya T. I. K voprosu o sootnoshenii kollektivnosti i individual'nosti v sodержanii sub"ektivnyh prav cheloveka / Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij: problemy teorii i praktiki : materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, soiskatelej, magistrantov i molodyh uchenyh, g. Moskva, 25 aprelya 2018 g. / otv. red.: V. N. Vlasenko, V. M. Duel'. Moskva : RGUP, 2021. S. 105–109.
12. Minnikes I. V. Razvitie idei individual'nogo pravovogo regulirovaniya v sovetskoj i rossijskoj yuridicheskoy nauke // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 1 (46). S. 55–59.
13. Minnikes I. A. Individual'noe pravovoe regulirovanie kak samostoyatel'nyj vid pravovogo regulirovaniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2006. № 2 (50). S. 19–25.
14. Minnikes I. A. Individual'nye pravovye akty (k probleme individual'nogo pravovogo regulirovaniya) // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 5. S. 59–62.

15. Kachalova O. V., Hromenkov I. R. Obespechenie sudom pravovyh interesov v dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva // Pravosudie. 2023. № 1. S. 177–192. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.1.177-192>
16. Ershov V. V. Individual'noe sudebnoe regulirovanie // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 1986. № 6. S. 9–17.
17. Lazarev S. V. Sudebnoe upravlenie dvizheniem dela. Moskva : Statut, 2022. 330 s.
18. Bibilo V. N. Normativnoe i nenormativnoe regulirovanie v genezise pravosudiya po ugovnym delam / Pravo i demokratiya : sbornik nauchnyh trudov. Minsk : Pravo i ekonomika, 1999. Vyp. 10. S. 284–296.
19. Tumenova A. A. Priroda individual'nogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij / Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij: problemy teorii i praktiki : materialy IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii aspirantov, soiskatelej, magistrantov i molodyh uchenykh, Moskva, 25 aprelya 2018 g. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2021. S. 52–57.
20. Alekseev S. S. Sovetskoe pravo kak sistema : Metodologicheskie principy issledovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1974. № 7. S. 11–18.
21. Sycheva O. A. Taktika sudebnogo sledstviya : monografiya. Ul'yanovsk : Vektor-S, 2012. 240 s.
22. Kuznecov P. Ustanovlenie poryadka issledovaniya dokazatel'stv po ugovnym delam // Rossijskaya yusticiya. 2003. № 8. S. 43–44.
23. Belkin A. R. Processual'nye tonkosti postanovleniya prigovora // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2022. № 2. S. 13–27. <https://doi.org/10.18572/2072-4411-2022-2-13-27>
24. Karpov K. N. Ugolovno-pravovoe znachenie itogovykh processual'nykh reshenij ob osvobozhdenii ot ugovnoj otvetstvennosti i nakazaniya // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2024. T. 21, № 1. S. 63–74. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-1-63-74>

Научная статья
УДК 343, 346.9

Уголовная ответственность за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов

Олеся Владимировна Мильчакова, кандидат юридических наук, доцент, докторант

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва (125993, ул. Садовая-Кудринская, д. 9), Российская Федерация
ovmilchakova@msal.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1738-0232>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена наблюдаемой тенденцией увеличения выявляемых случаев незаконного завладения иностранными лицами стратегическими предприятиями, осуществляющими добычу (вылов) водных биоресурсов. Несмотря на значительность ущерба, причиняемого государству недобросовестными иностранными лицами, отсутствуют прецеденты привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за нарушения законодательства об иностранных инвестициях. Является ли причиной данного явления отсутствие общественной опасности несанкционированного «захвата» иностранными лицами российских стратегических обществ или же проблема заключается в несовершенстве уголовного закона?

Методы. Методологическая основа исследования включает диалектический метод познания, общенаучные и частнонаучные методы, в частности, сравнительно-правовой, формально-логический и системный.

Результаты. Обосновано, что нарушение законодательства об ограничении иностранного участия в сфере рыболовства может представлять общественную опасность, причиняя вред государству и экономическим отношениям. Следствием завладения активами рыбодобывающих обществ является незаконная добыча (вылов) водных биоресурсов. Сопоставление норм уголовного закона со спецификой указанного нарушения в сфере рыболовства приводит к выводу об отсутствии правовых норм, допускающих применение уголовной ответственности непосредственно за такое нарушение. При этом проанализированные в исследовании составы преступлений не исключают возможности применения иных норм уголовного законодательства к рассмотренному явлению.

Ключевые слова:

общественная опасность, иностранные инвестиции, незаконная добыча биоресурсов, уголовная ответственность, стратегические предприятия

Для цитирования:

Мильчакова О. В. Уголовная ответственность за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 164–174.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Criminal liability for foreign persons' misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing)

Olesya V. Milchakova, Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Doctoral Student

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation
ovmilchakova@msal.ru
<https://orcid.org/0009-0006-1738-0232>

© Мильчакова О. В., 2026

Abstract:

Introduction. The relevance of the study is due to the observed tendency of increasing number of cases of misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing). Despite the significant damage caused to the state by malicious foreign entities, there are no precedents for bringing those responsible to criminal justice for violations of foreign investment legislation. Is this phenomenon due to the lack of public danger posed by the unauthorised "seizure" of Russian strategic enterprises by foreign entities, or is the problem rooted in the imperfection of criminal law?

Methods. The methodological basis of the research includes the dialectical method of cognition, general scientific and specific scientific methods, in particular, comparative legal, formal logical and systemic methods.

Results. Reasonable grounds have been established indicating that violations of legislation restricting foreign participation in the fishing industry may pose a public danger, causing harm to the state and economic relations. The seizure of assets belonging to fishing enterprises results in the illegal fishing of aquatic biological resources. A comparison of criminal law provisions with the specifics of the aforementioned violation in the field of fishery leads to the conclusion that there are no legal standards providing for criminal liability directly for such a violation. At the same time, the offences analysed in the study do not exclude the possibility of applying other provisions of criminal law to the phenomenon under consideration.

Keywords:

public danger, foreign investment, illegal collection of biological resources, criminal liability, strategic enterprises

For citation:

Milchakova O. V. Criminal liability for foreign persons' misappropriation of assets belonging to strategic enterprises engaged in water biological resource collecting (fishing) // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 164–174.

The article was submitted June 22, 2025; approved after reviewing December 23, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Начиная с 2019 года наблюдается тенденция увеличения количества случаев нарушения иностранными лицами законодательства об ограничении иностранного участия в стратегических отраслях экономики. Отражением этих обстоятельств служат судебные дела¹, инициированные Генеральной прокуратурой Российской Федерации во взаимодействии с Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС России), предметом которых являются требования об изъятии в доход государства активов стратегических предприятий, приобретенных иностранными лицами с нарушением законодательства об иностранных инвестициях, а также возмещение ущерба, причиненного Российской Федерации в связи с такими нарушениями.

Анализ судебных решений, размещенных в картотеке арбитражных дел (www.kad.arbitr.ru), свидетельствует, что в 2024 году размер выявленного ущерба, причиненного государству в связи с незаконным осуществлением иностранными инвесторами стратегической деятельности, только в сфере рыболовства составил более 370 млрд рублей.

Размер административного штрафа за установление иностранного контроля над стратегическими хозяйственными обществами (к числу которых в т. ч. относятся рыбодобывающие предприятия) в отсутствие необходимых регуляторных согласований уполномоченных государственных органов составляет не более 1 млн рублей для юридических лиц и не более 5 тыс. рублей – для физических лиц. Срок давности привлечения к ответственности по данной категории административных правонарушений исчисляется с даты незаконного установления корпоративного контроля над обществом и составляет 1 год. Сложность сбора доказательств и длительность выявления скрытого, завуалированного контроля иностранных лиц над российским обществом неминуемо может привести к уходу от наказания нарушителей законодательства об иностранных инвестициях.

Между тем прецедентов привлечения к уголовной ответственности в связи с выявленными фактами нарушения установленных законодательством запретов и ограничений на иностранное участие в стратегических секторах экономики не обнаруживается.

В связи с этим логичными выглядят вопросы о причинах подобного явления. Кроются ли они в отсутствии общественной опасности нарушения законодательства об иностранных инвестициях, в связи с чем общество не готово к криминализации данных деяний? Или же избежать уголовной ответственности позволяют пробелы уголовного законодательства, несовершенство либо коллизионность составов преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации² (далее – УК РФ)?

¹ См. информацию о судебных делах, в т. ч. № А42-10735/2019, А50-32879/2019, А40-133024/2022, А42-6270/2022, А40-221753/2022, А40-156361/2023, А40-241835/2023, А40-37760/2024, А40-194926/2024, А51-1300/2024, А51-1301/2024, А82-6992/2024, А60-5228/2024, А76-8446/2024, А40-75763/2025, А59-532/2025, А41-5707/2025, А07-1729/2025, А56-3068/2025, А21-1175/2025 (Электронное правосудие : [сайт]. URL: <https://kad.arbitr.ru>).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 5. Ст. 2954.

Целью настоящего исследования является формулирование ответов на данные вопросы в ходе рассмотрения отдельных норм релевантного законодательства и сложившихся подходов в правоприменительной практике.

Методы

При проведении исследования применялись основные способы диалектического метода познания, с использованием которых выявлялись противоречия в оценках законодателя и правоприменителя, которые придаются характеру и степени общественной опасности рассматриваемых деяний. Также осуществлялся поиск решений, позволяющих применить меры уголовной ответственности за такие деяния. Использование системного метода выразилось в изучении структуры анализируемых деяний во взаимосвязи с элементами отдельных составов преступлений, формально-логического метода – в выявлении содержания понятий, используемых законодателем при формулировании составов преступлений, а сравнительно-правового – в сравнении элементов составов этих преступлений.

Результаты

В правовой науке сложилось устойчивое представление об общественной опасности как объективной способности деяния причинять вред общественным отношениям [1, с. 4], при этом издавна ведется спор, не нашедший однозначного решения, по вопросам содержания понятия общественной опасности и исключительной принадлежности данного признака уголовно наказуемому деянию.

Ряд ученых высказывают мнения о том, что общественная опасность является неотъемлемым свойством исключительно преступления, а степень вредоносности иных правонарушений не настолько велика, чтобы считать их общественно опасными [2, с. 28; 3, с. 998, 104; 4, с. 64; 5, с. 92]. Другие служители науки придерживаются мнения, что признаком общественной опасности обладают не только преступления, но и административные правонарушения [6, с. 32; 7, с. 10; 8, с. 99] или деяние, причинившее вред³ [9, с. 67]. Третьи считают необходимым отказаться от дефиниции «общественной опасности» правонарушения как теоретической конструкции, которая не имеет содержательной составляющей и является дискуссионной [9, с. 61; 10, с. 259–260].

Не имея цели в настоящем исследовании полемизировать по этим аспектам общественной опасности, тем не менее признаем правомерность выводов А. И. Рарога о том, что история введения в обиход самого термина «общественная опасность» связана с идеей причинения преступлением вреда государству, при этом своеобразной расшифровкой (синонимом) «общественной опасности» может выступать оборот «причиняющее вред или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу, государству» [11, с. 23, 25].

Общественная опасность преступления как объективно-субъективная категория является исторически изменчивой, что обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими в обществе [12, с. 248].

По утверждению С. А. Бочкарева, итоговое умозаключение об опасности формируется человеком в процессе мыслительной деятельности, опирающейся на здравый смысл, и психического восприятия объективной действительности [13, с. 157]. В связи с этим подразумевается, что конечная оценка степени общественной опасности конкретного деяния генерируется политической волей создателей правовых норм – законодателей, которым многонациональный народ России, являющийся единственным источником власти в нашем государстве (ст. 3 Конституции Российской Федерации⁴), делегировал право выражать его волю посредством утверждения законов.

Законодатель, детерминируя нормы уголовного закона, отображает степень опасности для общества отдельных деяний, признавая их преступными и устанавливая уголовную ответственность за них. При этом, исходя из объяснения Конституционного Суда Российской Федерации

³ Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : научно-практическое пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2019. С. 30.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>) : [сетевое издание]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595&ysclid=mc6dpwrmvp574719161> (дата обращения: 21.06.2025).

(далее – Конституционный Суд)⁵, в процессе уголовного правотворчества подлежат учету значительность вреда таких деяний, уровень их распространенности, важность защищаемых законом ценностей, которые подвергаются посягательству в процессе этих деяний, наряду с констатацией факта невозможности предотвращения совершения подобных деяний посредством каких-либо иных средств правовой защиты.

Отвечает ли неправомерное (с нарушением установленного законодательством порядка) завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий признаку общественной опасности преступного деяния, ответственность за совершение которого должна быть предусмотрена уголовным законом?

Нормы, ограничивающие иностранное присутствие в российских организациях, имеющих существенную значимость для сохранения обороноспособности и безопасности нашего государства, находятся в Законе об инвестициях в стратегические предприятия⁶. К разряду таких организаций отнесены предприятия, действующие в любой из более чем ста сфер хозяйственной деятельности, которые перечислены в ст. 6 названного закона (оборонная, металлургическая, авиационная, космическая отрасли промышленности, сферы естественных монополий, добыча полезных ископаемых, услуги в портах, аэропортах, рыболовство).

Заключение сделок и осуществление иных действий, результатом которых является установление иностранного контроля над стратегическими предприятиями, требует предварительного рассмотрения и получения разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации (далее – Правительственная комиссия по инвестициям).

В качестве иностранных инвесторов в данном законе указываются не только иностранные государства, организации и граждане, но и российские граждане, обладающие иностранным гражданством или видом на жительство в иностранном государстве.

Иностранный инвестор обязан в подробностях раскрыть корпоративную структуру, представить бизнес-план развития стратегического общества, т. е. свои инвестиционные намерения. Правительственная комиссия по инвестициям может согласовать сделку, отказать в ее согласовании либо согласовать сделку, возложив на заявителя какие-либо обязательства. В частности, осуществлять на территории России переработку добытых стратегическим обществом природных ресурсов, гарантировать продолжение осуществления приобретаемым обществом стратегического вида деятельности, неснижение объемов производства обществом товаров, выполнения работ, произвести локализацию на территории России передовых технологий, производства деталей, оборудования, необходимых для стратегической деятельности.

Решение вопроса о согласовании приобретения иностранным инвестором российского стратегического предприятия принимается с учетом наличия или отсутствия рисков возникновения угроз обороне и безопасности России в случае иностранного присутствия в функционировании такого предприятия. Договоры и соглашения, достигнутые и реализованные в обход и с несоблюдением требований обозначенного выше закона, ничтожны.

Опираясь на уже не раз заявленное суждение Конституционного Суда⁷, невозможно оспаривать факт, что данный закон являет собой составную часть основ конституционного правопорядка и сообразно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации фиксирует допустимые пределы и табуированные запреты неконтролируемого представительства иностранных лиц

⁵ По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 г. № 7 П // СЗ РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

⁶ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства : Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ряда граждан и юридических лиц – акционеров открытого акционерного общества «Территориальная генерирующая компания № 2» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 1, частью 3 статьи 3, частью 1 статьи 4 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», а также частью 1 статьи 9 Федерального закона «О защите конкуренции» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. № 924-О-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 2 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной компании «Канриг Дриллинг Текнолоджи Кэнада Лтд.» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статьи 6 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 1106-О // Легалект – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации (ЮИС Легалект) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18062020-n-1106-o/?ysclid=mc6dfmzpl4667302898> (дата обращения: 19.06.2025).

в стратегических секторах экономики. Изложенный выше механизм правовой защиты направлен на сдерживание иностранного влияния и активности, которые могут повлечь возникновение рисков опасности интересам, жизненно важным для государства и общества в целом и для каждого человека в отдельности.

Поскольку главной задачей Закона об инвестициях в стратегические предприятия является обеспечение публичного интереса в безопасности государства, представляющего собой, как известно, политическую организацию общества, то нарушение этого закона влечет безусловную опасность для государства, общественную опасность, фактическое причинение или возможное причинение вреда государству, обществу, гражданам, проживающим на территории России. Лица, нарушившие данный закон, в целом вступают в противоречие с публичным правопорядком, наносят урон национальному экономическому суверенитету, препятствуют его сохранению, поддержанию на должном уровне состояния защищенности обороны и безопасности нашей страны. При этом группы общественных отношений, претерпевающих в результате подобного деяния деструктивное негативное воздействие, могут быть различны в зависимости от содержания такого деяния и его последствий.

Вследствие этого неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий может быть общественно опасным. Наличие этого обстоятельства, бесспорно, является признаком преступления.

Имеются ли в действующем уголовном законе составы преступлений, элементы, характер и степень общественной опасности которых соответствуют такому правонарушению?

Нет ни одной статьи в УК РФ, объективная сторона состава преступления в которой выражалась бы в нарушении законодательства об иностранных инвестициях. Инициатива о введении уголовной ответственности непосредственно за подобные деяния вносилась в одну из палат Федерального Собрания единожды, в 2014 году⁸, однако, на обсуждение депутатского корпуса соответствующий законопроект так и не был вынесен как не вызвавший отклика у уполномоченных лиц и государственных органов. Это может быть объяснимо в т. ч. единичностью выявленных случаев нарушения данного законодательства в период 2008–2014 гг.

Преступления, ответственность за которые предусмотрена уголовным законом, могут быть связаны с посягательством на общественные отношения в сфере иностранных инвестиций. В частности, можно вести речь об одном из распространенных правонарушений – об установлении незаконного иностранного контроля над обществами, добывающими (вылавливающими) водные биоресурсы.

Иностранцам Законом о рыболовстве⁹ в категорической форме запрещено заниматься предпринимательской деятельностью по добыче (вылову) указанных биоресурсов. Российские юридические лица, контролируемые иностранными инвесторами, вправе заниматься такой деятельностью только при условии получения согласия на это Правительственной комиссии по инвестициям (ст. 11 и ст. 13 указанного закона).

Мотивами получения в обход закона прав на добычу (вылов) водных биоресурсов являются корыстные побуждения, а целью – извлечение максимальных доходов при минимизации издержек, связанных с осуществлением такой деятельности, что, по замечаниям И. В. Осипова, Ю. В. Трунцевского, свойственно субъектам преступлений в сфере экономической деятельности [14, с. 41–42]. При прохождении процедур получения регуляторных согласований указанные издержки могут возникнуть, к примеру, в связи с возложением органами власти на инвестора обязательств по изменению структуры владения (управления) предприятием, внесению платежей в бюджет, выполнению каких-либо производственно-технических мероприятий.

Недобросовестные иностранные инвесторы, не имеющие реальных намерений инвестировать собственные средства в российскую экономику, заинтересованные исключительно в получении доступа к российским природным ресурсам, их вывозу за рубеж, «оседанию» на зарубежных счетах своих иностранных компаний прибыли, получаемой от реализуемых в зарубежных юрисдикциях российских водных биоресурсов (крабов, являющихся наиболее ценным «валютеемким» биоресурсом, рыбы, креветок и пр.), нередко используют так называемые

⁸ Законопроект № 527231-6 «О внесении изменений в Федеральный закон „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением уголовной ответственности за незаконное установление контроля над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации”» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» : [официальный сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/527231-6> (дата обращения: 21.06.2025).

⁹ О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2004. № 52. Ст. 5270.

«серые схемы» незаконного установления контроля над рыбодобывающими обществами (что подтверждается решениями судов, ссылки на которые приведены выше).

Как правило, они не приобретают «контрольную долю» участия в уставном капитале хозяйственного общества, что являлось бы прямым доказательством факта нарушения, подтверждаемого сведениями о корпоративных взаимосвязях на основании информации из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) или материалов реестра владельцев ценных бумаг акционерного общества, находящегося у регистратора (что было бы аналогично, скажем, прямому доказательству в деле об убийстве в виде свидетельских показаний или видеозаписи, подтверждающих факт причинения смерти человеку конкретным физическим лицом).

Пытаясь скрыть от государства в лице уполномоченных органов (ФАС России, Росрыболовства, органов прокуратуры) имеющийся контроль над обществами, добывающими водные биоресурсы, иностранные лица прибегают к различным формам формирования финансовой, материально-технической и производственной зависимости рыбодобывающего общества от иностранной компании, что лишает российское общество какой-либо автономии воли в осуществлении предпринимательской деятельности.

К примеру, получение крупного займа от иностранной компании на льготных условиях само по себе как единственное косвенное доказательство контроля экономической деятельности российского общества ничего не значит (как если бы в деле об убийстве единственным доказательством являлось бы обнаружение орудия преступления у какого-либо физического лица). Но если данные обстоятельства сопровождаются фактами обременения залогом акций (долей) российского общества, ипотекой рыболовных судов в пользу этой иностранной компании в совокупности с тем, что такая иностранная компания в качестве единственного покупателя монополизировала бы сбыт добываемых обществом крабов, рыбы и других водных биоресурсов по заниженной стоимости (в т. ч. декларируемой таможенной стоимости), фиксацией договорных условий об оплате поставленной продукции в течение года с даты отгрузки товара на экспорт, то все перечисленные косвенные доказательства в совокупности с очевидностью («за пределами разумных сомнений») свидетельствуют о нестандартных для независимых субъектов предпринимательской деятельности условиях взаимодействия, об отсутствии самостоятельности российского общества в осуществлении им предпринимательской деятельности.

Учитывая, что юридическое лицо фактически не имеет собственной воли, поскольку она определяется субъективной волей физических лиц, объединение которых представлено в форме юридического лица, представляется допустимым говорить о том, что иностранные инвесторы в подобных случаях в реальности используют «механизм франшизы», когда ими под вывеской российского юридического лица приобретаются у государства (в лице Росрыболовства, его территориальных органов и органов власти субъектов Российской Федерации) права на добычу (вылов) водных биоресурсов, с использованием которых в последующем извлекается прибыль.

Для того чтобы получить упомянутые выше права, естественно, следует подать заявку, к примеру, на участие в аукционе по распределению соответствующих квот или для получения разрешения на добычу биоресурсов, допустимый улов которых не установлен.

В такого рода заявке надлежит указать сведения о том, находится или не находится заявитель под контролем иностранного инвестора (группы лиц с участием подобного инвестора). При наличии этого контроля в заявке указываются реквизиты решения ФАС России, из которого следует, что упомянутый иностранный контроль одобрен Правительственной комиссией по инвестициям.

В случае сокрытия факта наличия иностранного контроля при получении прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, осуществления этой добычи (вылова) и получения прибыли от реализации фактически незаконно добытых (выловленных) биоресурсов, поскольку данная организация не имела права на получение указанного права, могут иметь место признаки мошенничества, незаконного предпринимательства, а также незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов.

В частности, заявка на участие в аукционе на получение запрашиваемых разрешений органов власти, договоры о правах на добычу (вылов) водных биоресурсов подписываются директором организации или уполномоченным лицом, действующим на основании доверенности, выданной ему организацией.

По первому впечатлению, для рассматриваемого деяния в целом характерно его соответствие отдельным обязательным признакам мошенничества: хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество.

Специфика объективной стороны данного преступления, выражающаяся в способе совершения мошенничества – обман или злоупотребление доверием, как представляется, может проявляться исключительно, если лицо, подписавшее указанные выше документы, знало о нахождении организации под контролем иностранного инвестора, сознательно дезинформировало органы государственной власти об отсутствии такого контроля, предоставив ложные сведения или умолчав об истине скрытых сведений.

Следовательно, субъективная сторона такого деяния должна отвечать обязательности предумышленного характера (в форме прямого либо косвенного умысла) действий директора (иного уполномоченного лица), заявляющего о несуществовании иностранного контроля над организацией с той лишь целью, чтобы получить запрашиваемые права в результате добровольной передачи должностным лицом органа власти таких прав организации.

Такие элементы состава мошенничества могут иметь место только в случае прямого владения иностранными лицами акциями (долями) в уставном капитале организации. Подобные сведения должны быть отражены в учредительных документах и (или) в данных ЕГРЮЛ либо материалах реестра владельцев ценных бумаг акционерного общества, находящегося у регистратора, и доступны для директора организации.

Надо полагать, что в иных случаях, например, при сложной корпоративной структуре организации в форме «матрешки» (когда одна компания владеет другой, а она, в свою очередь, еще одной и так далее), окутывании организации «корпоративной вуалью», скрывающей реальных контролирующих лиц, бенефициаров и выгодоприобретателей, приведенных выше обстоятельств фактического (экономического, производственно-технического и пр.) иностранного контроля в отсутствие формально-юридических признаков корпоративного контроля, сделать обоснованный вывод о сознательности действий директора организации, о совершении им обмана или злоупотреблении доверием вряд ли возможно.

Более того, контроль иностранного инвестора может быть установлен и после получения российской организацией разрешительного документа, дающего право на осуществление стратегического вида деятельности путем приобретения имущества, акций, долей организации, иных корпоративных прав в отношении нее.

В этом случае приведенные выше аргументы представляются правомерными в отношении директора организации (уполномоченного лица), представляющего сведения в налоговые органы для регистрации факта изменения корпоративных прав в отношении этой организации.

Непосредственно сам иностранный инвестор (в данном случае следует говорить лишь о физическом лице) не совершает, как правило, в одном случае – действий по получению разрешительных документов на осуществление стратегического вида деятельности, подаче документов в регистрирующие органы о фиксации факта перехода корпоративных прав, пытаясь скрыть свое участие в организации, в другом случае – обмана при заключении сделки по купле-продаже стратегических активов, поскольку в гражданско-правовых отношениях он не обязан раскрывать свой статус перед продавцом. Следовательно, такой иностранный инвестор вряд ли может быть субъектом преступления.

Рассматривая вопрос о незаконном получении права на добычу (вылов) водных биоресурсов, важно акцентировать внимание на предмете преступления, который является неотъемлемым признаком объекта мошенничества – это чужое имущество или право на чужое имущество, а не любой объект права собственности. То есть речь идет о вещах либо о других предметах материального мира, для создания которых использован труд человека. Или же о деньгах и ценных бумагах – эквивалентах овеществленного труда человека¹⁰.

В то же время водные биоресурсы, которые воспроизводятся без участия человека (в данном случае речь не идет об искусственном воспроизводстве этих биоресурсов), находясь в естественной среде обитания и в состоянии естественной свободы, не отвечают признакам имущества.

Водные биоресурсы, являясь частью природных ресурсов, исходя из ст. 9 Конституции Российской Федерации, должны использоваться, а равно охраняться как основа жизнедеятельности народов, населяющих наше государство. В качестве национального достояния естественные природные богатства, к созданию которых не приложен труд человека и которые, в сравнении с длительностью человеческой жизни, пребывают бесконечно [15, с. 142], находятся в федеральной собственности (не считая биоресурсы, населяющие пруды и обводненные карьеры, собственниками которых вправе быть не только государство, но и субъекты Российской Федерации, и частные лица).

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. С. 121.

Водные биоресурсы утрачивают статус природных ресурсов, одновременно обретая статус вещи, после их изъятия из естественной среды обитания [16, с. 34], т. е. право собственности на водные биоресурсы отнюдь не тождественно праву собственности на результаты пользования природными ресурсами.

Учитывая это, мы делаем вывод, что водные биоресурсы не могут быть предметом мошенничества, если только они не принадлежат какому-либо лицу (добыты им или приобретены уже после изъятия из естественной среды обитания) на законных основаниях. Соответственно, в рамках статьи 159 УК РФ не может являться предметом преступления и право пользования водным участком в целях добычи водных биоресурсов, которые до их изъятия из водной среды не являются имуществом. Кроме того, как отмечает В. Н. Винокуров, приобретение только права пользоваться и владеть имуществом (без права распоряжения им) не является мошенничеством в форме приобретения права на имущество, поскольку это не причиняет реальный имущественный ущерб собственнику или иному владельцу, при этом предметом мошенничества не может являться право, которое не относится к вещно-правовым [17, с. 236–238].

По этим же причинам представляется невозможным применение к рассматриваемым деяниям ст. 165 УК РФ, закрепляющей уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику (иному владельцу) имущества посредством обмана или злоупотребления доверием, когда не имеется признаков хищения.

Право собственности на добытые (выловленные) водные биоресурсы в результате использования водного участка возникает у субъекта, осуществившего такую добычу (вылов).

Следовательно, исходя из того, что добыча (вылов) осуществлены организацией, находящейся под контролем иностранного инвестора и не имеющей законного (одобренного Правительственной комиссией по инвестициям) права на добычу (вылов) водных биоресурсов, улов, выловленный незаконно, не может принадлежать правонарушителю.

Однако этот улов с момента добычи (вылова) также не принадлежит и государству, а фактически является бесхозным имуществом. В связи с этим отсутствует субъект права собственности (права владения), которому причинен имущественный ущерб в отношении его имущества.

Таким образом, анализируемые деяния в сфере рыболовства имеют характер общественной опасности, отличающийся от того, который присущ преступлениям против собственности, т. к. они не могут рассматриваться как посягательство на права собственника по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом.

Несанкционированный захват иностранными лицами стратегического предприятия посредством установления корпоративного контроля над ним и получение дохода в виде дивидендов в связи с корпоративным участием в таком предприятии, осуществляющем предпринимательскую деятельность, также имеет признаки преступлений в области экономической деятельности.

Исследуя закрепленные в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» составы преступлений в анализируемом аспекте, целесообразно рассмотреть вопрос о применимости ст. 171 УК РФ, зафиксировавшей ответственность за незаконное предпринимательство.

Объектом данного преступления является установленный нормами законодательства порядок осуществления экономической (хозяйственной) деятельности. Объективная сторона этого преступления выражается в т. ч. в осуществлении предпринимательской деятельности без лицензии, если законодательством предусмотрено обязательное требование о получении лицензии на занятие определенным видом деятельности.

С одной стороны, если при представлении документов на получение разрешительных документов на добычу (вылов) водных биоресурсов было заявлено об отсутствии иностранного контроля над соискателем и эти документы были предоставлены, то можно рассмотреть вопрос о незаконной предпринимательской деятельности, поскольку такая деятельность осуществляется на основании незаконно полученных разрешений (заключенных договоров).

С другой стороны, статья 171 УК РФ предусматривает ответственность в тех случаях, когда лицензия не была получена. Но если упомянутые выше документы предоставлены нарушителю, то они являются действительными, и до тех пор, пока они не аннулированы в установленном законодательством порядке, они предоставляют право на занятие видом предпринимательской деятельности, указанным в этих документах.

Прежде всего в силу этого аргумента представляется сомнительной возможность квалификации по ст. 171 УК РФ деяния иностранного инвестора и других физических лиц, к примеру, директора организации, контролируемой иностранными лицами, по осуществлению стратегического

вида деятельности, разрешительные документы на которые получены с нарушением установленного законодательством порядка.

Кроме того, статья 171 УК РФ не может быть применена в случаях получения разрешительных документов на деятельность по добыче (вылову) водных биоресурсов, т. к. эти документы не являются лицензиями. Невзирая на то обстоятельство, что фактически правовое регулирование порядка осуществления таких видов деятельности является сходным в части обязательности предварительного получения разрешения государства в лице уполномоченных органов, нормы уголовного закона не подлежат расширительному толкованию. Конституционным Судом неоднократно была выражена позиция об обязанности законодателя формулировать уголовно-правовые запреты исходя из требований о достаточной степени четкости правовых норм, чтобы любое лицо могло должным образом соотносить с ними собственное поведение на предмет его дозволительности или запрещенности¹¹.

В то же время характер общественной опасности рассматриваемых неправомерных деяний в сфере рыболовства весьма характерен для незаконного предпринимательства. Они посягают на общественные отношения по поводу производства, обмена и потребления материальных благ, деформируют и дезорганизуют установленный государством нормативный порядок регулирования экономических отношений. При этом причиняют (или могут причинить) вред таким отношениям, поскольку их последствиями в т. ч. могут являться: снижение уровня или утрата доверия общества к государственным институтам, предоставившим недобросовестным иностранным лицам права на доступ к национальным природным ресурсам; ухудшение инвестиционного климата и ограничение добросовестной конкуренции, поскольку российские и иностранные предприниматели, действующие добросовестно, не смогли получить тот объем прав на добычу (вылов) водных биоресурсов, которые были предоставлены недобросовестным лицам (равно как и претендовать на их получение в справедливой конкурентной борьбе на аукционе, если бы все участники аукциона действовали законно); непоступление платежей в бюджет государства, которые причитались бы в случае продажи, переработки добытых водных биоресурсов на территории России или при их экспорте по рыночной стоимости.

Еще одним аргументом в части невозможности применения к анализируемым неправомерным деяниям иностранных лиц в стратегических отраслях экономики ст. 171 УК РФ является ее действующая редакция, из текста которой в 2024 году¹² исключен такой признак объективной стороны преступления, как извлечение дохода в крупном или особо крупном размере.

Следовательно, извлечение иностранным инвестором дохода от незаконного участия в осуществлении стратегических видов деятельности на территории России не может служить признаком преступного деяния, квалифицируемого в качестве незаконного предпринимательства, хотя применительно к иностранным лицам и установить реальный размер полученного ими дохода в зарубежных юрисдикциях довольно проблематично.

Неотъемлемой чертой объективной стороны преступления, отраженного в ст. 171 УК РФ, должно является причинение ущерба гражданам, организациям или государству (в крупном либо особо крупном размере). Представляется, что если бы в принципе рассматриваемые неправомерные деяния в сфере рыболовства расценивались бы как незаконное предпринимательство, то размер ущерба, причиненного государству (вред экономическим отношениям), характеризующий степень общественной опасности деяния и размер которого объективно невозможно рассчитать, должен был бы определяться как размер ущерба, причиненного водным биоресурсам при их незаконной добыче (вылове). Именно таким образом в настоящее время определяется размер ущерба, взыскиваемого судами по искам органов прокуратуры в гражданско-правовом порядке по упомянутым ранее делам, связанным с незаконным установлением иностранного контроля над рыбодобывающими обществами.

Что касается применимости к рассматриваемым незаконным действиям иностранных лиц в отношении рыбодобывающих компаний ст. 256 УК РФ («Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов») следует заметить, что данная статья располагается в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления».

¹¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «а» пункта 7 Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники : определение Конституционного Суда от 26 ноября 2018 г. № 2876-О // СудАкт : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-2876-o/?ysclid=mc6d5n0faq1441862> (дата обращения: 20.06.2025).

¹² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, под незаконной добычей (выловом) водных биоресурсов в рамках ст. 256 УК РФ надлежит подразумевать действия по их извлечению из среды их обитания, завладению ими с несоблюдением экологических норм, в т. ч. в случае неполучения разрешительных документов либо применения нарушителем электрического тока, взрывчатых веществ, химических средств¹³. Таким образом, несмотря на то что следствием завладения активами рыбодобывающих обществ является незаконная добыча (вылов) водных биоресурсов (что в конечном счете и является целью нарушения запрета на иностранное участие в сфере рыболовства), по характеру общественной опасности данное деяние не соответствует объективной стороне преступления, отраженного в ст. 256 УК РФ, которая связана прежде всего с браконьерством.

Пожалуй, верно утверждение, что иностранный инвестор, контролирующий российское рыбодобывающее общество, вряд ли непосредственно самостоятельно изымает водные биоресурсы из водной среды их обитания или напрямую участвует в этом технологическом процессе.

Капитан рыболовного судна и рыбаки также маловероятно обладают сведениями о бенефициарах и выгодоприобретателях хозяйственного общества, с использованием судна и оборудования которого они добывают водные биоресурсы.

Производственную деятельность «в море» капитан судна и рыбаки осуществляют на основании разрешения на добычу (вылов), которое действительно и не аннулировано. Поэтому нелогично предполагать, что они осведомлены о том, что они осуществляют свои действия «в море» на основании документов, полученных с нарушением установленного законом порядка.

С учетом этого не подлежит сомнению невозможность применения ст. 256 УК РФ к оцениваемому неправомерному поведению иностранных лиц в сфере рыболовства, поскольку соответствующее преступление имеет совершенно иной характер общественной опасности.

3 заключение

Проведенный анализ свидетельствует о фактической невозможности применения рассмотренных мер уголовной ответственности за неправомерное завладение иностранными лицами активами стратегических предприятий, осуществляющих добычу (вылов) водных биоресурсов.

Неконтролируемый вывоз из страны природных ресурсов и полезных ископаемых, добываемых стратегическими предприятиями, тайно контролируемые иностранными лицами, может нанести ущерб государству, обществу и в конечном счете гражданам вследствие того, что подобные деяния сопровождаются занижением таможенной стоимости вывозимых ресурсов, недополучением государством налоговых поступлений от реализации данных ресурсов, соразмерная и справедливая прибыль от которой могла бы быть получена стратегическими предприятиями, независимыми от иностранных лиц. Кроме того, это может привести к возникновению дефицита продукции на внутреннем рынке и повышению стоимости товаров, производимых из данных ресурсов и реализуемых населению.

Рассмотренные в настоящей статье составы преступлений отнюдь не исключают потенциальное применение иных статей УК РФ к описанному явлению, изощренные и многогранные формы которого могут проявиться на «ландшафте» экономических преступлений, подверженном влиянию текущих геополитических условий. Одновременно вряд ли можно говорить о наличии достаточных свидетельств необходимости обращения к криминализации непосредственно незаконного завладения иностранными лицами активами рыбодобывающих обществ, учитывая выработанные наукой методы уголовно-правовой политики, исключающие избыточность уголовно-правового запрета.

Список источников

1. Сотсков Ф. Н. Понятие и сущность общественной опасности деяния и ее влияние на формирование норм уголовного закона России : монография Москва : Русайнс, 2025. 264 с.

2. Нешатаев В. Н. Общественная опасность как общий признак преступления и ее роль в квалификации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 1 (38). С. 27–32. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_1_27

3. Корнеев С. А., Головастова Ю. А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, вып. 4. С. 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405>

¹³ О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 1.

4. Алехин В. П., Коржов Д. М. К вопросу об общественной опасности административного правонарушения // STUDNET. 2021. № 2. С. 58–66.
5. Ондар А.-Б. С. Общественная опасность: проблемы определения // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 6 (151). С. 85–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094>
6. Ахтанина Н. А. Общественная опасность как признак административного правонарушения // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 6. С. 30–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.6.32494>
7. Иваненко И. Н., Пенькова А. Л. Разграничение административного правонарушения и преступления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета : [сетевое издание]. 2017. № 129 (05). С. 866–877. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-129-062>
8. Александров А. Н., Дизер О. А., Недоступенко Т. А. Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 4. С. 93–102. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8\(4\).93-102](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102)
9. Хилута В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления // Lex russica. 2024. Т. 77, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069>
10. Антонова Л. Б. Правонарушение, преступление и общественная опасность // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 256–260.
11. Качество уголовного закона. Проблемы Общей части : монография / Клепицкий И. А. [и др.] ; отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2016. 287 с.
12. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность // Избранные труды. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 834 с.
13. Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 155–159.
14. Осипов И. В., Трунцевский Ю. В. Квалификация экономических преступлений по оценочным признакам : монография. Москва : Проспект, 2025. 240 с.
15. Игнатьева М. Н., Логинов В. Г., Балашенко В. В., Кубарев М. С. Специфика права собственности на природные ресурсы // Известия Уральского государственного горного университета. 2018. № 3 (51). С. 142–149. <https://doi.org/10.21440/2307-2091-2018-3-142-149>
16. Сидоров С. А., Пинчук О. В. Актуальные вопросы возникновения права собственности на результаты пользования водными биологическими ресурсами // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 3. С. 28–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.3.29411>
17. Винокуров В. И. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2024. 368 с.

References

1. Sotskov F. N. Ponyatie i sushchnost' obshchestvennoj opasnosti deyaniya i ee vliyanie na formirovanie norm ugovolnogo zakona Rossii : monografiya Moskva : Rusajns, 2025. 264 s.
2. Neshataev V. N. Obshchestvennaya opasnost' kak obshchij priznak prestupleniya i ee rol' v kvalifikacii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 1 (38). С. 27–32. https://doi.org/10.51980/2542-1735_2020_1_27
3. Korneev S. A., Golovastova Yu. A. Obshchestvennaya opasnost' v sovremennoj doktrine ugovolnogo prava: inversionnye tendencii razvitiya. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. Т. 15, vyp. 4. С. 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405>
4. Alekhin V. P., Korzhov D. M. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti administrativnogo pravonarusheniya // STUDNET. 2021. № 2. С. 58–66.
5. Ondar A.-B. S. Obshchestvennaya opasnost': problemy opredeleniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. Т. 18, № 6 (151). С. 85–94. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094>
6. Ahtanina N. A. Obshchestvennaya opasnost' kak priznak administrativnogo pravonarusheniya // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 6. С. 30–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.6.32494>
7. Ivanenko I. N., Pen'kova A. L. Razgranichenie administrativnogo pravonarusheniya i prestupleniya // Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta : [setevoe izdanie]. 2017. № 129 (05). С. 866–877. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-129-062>
8. Aleksandrov A. N., Dizer O. A., Nedostupenko T. A. Formirovanie doktrinal'nogo podhoda k obshchestvennoj opasnosti kak priznaku prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij // Pravoprimenenie. 2024. Т. 8, № 4. С. 93–102. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8\(4\).93-102](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102)
9. Hilyuta V. V. Ontologicheskie aspekty ponimaniya obshchestvennoj opasnosti kak priznaka prestupleniya // Lex russica. 2024. Т. 77, № 2. С. 60–69. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069>
10. Antonova L. B. Pravonarushenie, prestuplenie i obshchestvennaya opasnost' // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. С. 256–260.
11. Kachestvo ugovolnogo zakona. Problemy Obshchej chasti : monografiya / Klepickij I. A. [i dr.] ; отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Prospekt, 2016. 287 s.
12. Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost' // Izbrannye trudy. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2003. 834 s.
13. Bochkarev S. A. O prirode obshchestvennoj opasnosti prestupleniya // Biznes v zakone. 2009. № 5. С. 155–159.
14. Osipov I. V., Truncevskij Yu. V. Kvalifikaciya ekonomicheskikh prestuplenij po ocenochnym priznakam : monografiya. Moskva : Prospekt, 2025. 240 s.
15. Ignat'eva M. N., Loginov V. G., Balashenko V. V., Kubarev M. S. Specifika prava sobstvennosti na prirodnye resursy // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta. 2018. № 3 (51). С. 142–149. <https://doi.org/10.21440/2307-2091-2018-3-142-149>
16. Sidorov S. A., Pinchuk O. V. Aktual'nye voprosy vznikoveniya prava sobstvennosti na rezul'taty pol'zovaniya vodnymi biologicheskimi resursami // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 3. С. 28–36. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2019.3.29411>
17. Vinokurov V. I. Ob'ekt prestupleniya: doktrinal'no-prikladnoe issledovanie : monografiya. Izd. 2-e, pererab. i dop. Moskva : Prospekt, 2024. 368 s.

Научная статья
УДК 343.13

Усмотрение как необходимая положительная коннотация современного уголовно-процессуального права России

Тамара Николаевна Михайлова, кандидат педагогических наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России
Иркутск (664074, ул. Лермонтова, д. 110). Российская Федерация
stn-postman@mail.ru
[https:// orcid.org/0000-0003-4681-175X](https://orcid.org/0000-0003-4681-175X)

Аннотация:

Введение. Высокий темп развития общественных отношений привел к невозможности создания стабильных универсальных уголовно-процессуальных норм, регулирующих все многообразие возникающих в социуме правовых явлений. В такой ситуации законодатель вынужден конструировать нормы права, предоставляя органам правоприменения в определенных случаях возможность действовать исходя из усмотрения с целью своевременного принятия оптимального решения по уголовному делу.

Методы. Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания. Кроме того, при написании научной статьи использовались общенаучные (логический, системный, сравнительный) и частнонаучные (формально-юридический, структурно-функциональный) методы.

Результаты. В статье предпринята попытка научного и практического переосмысления усмотрения как уголовно-процессуального феномена, востребованного современным обществом и правом. Проведен предметный анализ семантического наполнения данного термина, определено его философское значение на более высоком критико-рефлексивном уровне понимания, проведена семиотика коннотации, проанализированы основные научные подходы уголовно-процессуального права.

Заключение. Проблема усмотрения в уголовно-процессуальном праве является прежде всего неразрешенной проблемой понятийного аппарата. В юридической науке не выработано единого подхода к пониманию содержательного значения данного законодательно закрепленного термина. При этом усмотрение – особый инструмент национального права, способствующий гибкости и обновлению правовых норм. Усмотрение может иметь место только в развитом правопорядке и нести для субъектов положительный эмоциональный отклик, позволяющий подстроить общие предписания закона к реалиям правоприменительной практики.

Ключевые слова:

усмотрение, дискреция, дискреционные полномочия, органы правоприменения, уголовно-процессуальное право, правоприменительная деятельность, коннотация

Для цитирования:

Михайлова Т. Н. Усмотрение как необходимая положительная коннотация современного уголовно-процессуального права России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 175–184.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Discretion as a necessary positive connotation of modern criminal procedural law in Russia

Tamara N. Mixajlova, Cand. Sci. (Ped.), Docent

East-Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation
stn-postman@mail.ru
[https:// orcid.org/0000-0003-4681-175X](https://orcid.org/0000-0003-4681-175X)

Abstract:

Introduction. The rapid pace of development of social relations has made it impossible to create stable, universal criminal procedure rules that regulate the full range of legal phenomena arising in society. In such situation, the legislator is forced to construct legal norms, providing law enforcement agencies with the opportunity to act at their discretion in certain cases in order to make the optimal decision in a criminal case in a timely manner.

Methods. The dialectical method of scientific cognition formed the methodological basis of the study. In addition, general scientific (logical, systematic, comparative) and specific scientific (formal-legal, structural-functional) methods were used in writing the scientific article.

Results. The article makes an attempt at a scientific and practical reinterpretation of discretion as a criminal procedural phenomenon demanded by modern society and law. A substantive analysis of the semantic content of this term is conducted. Its philosophical meaning is defined at a higher critical-reflective level of understanding, the semiotics of connotation are examined, and the main scientific approaches to criminal procedural law are analysed.

Conclusion. The problem of discretion in criminal procedural law is primarily an unresolved problem of conceptual apparatus. Legal science has not developed a unified approach to understanding the substantive meaning of this legally established term. At the same time, discretion is a special instrument of national law that contributes to the flexibility and renewal of legal norms. Discretion can only exist in a developed legal system and elicit a positive emotional response from individuals, allowing general legal provisions to be adapted to the realities of law enforcement practice.

Keywords:

judgement, discretion, discretionary powers, law enforcement agencies, criminal procedure law, law enforcement activities, connotation

For citation:

Mixajlova T. N. Discretion as a necessary positive connotation of modern criminal procedural law in Russia // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 175–184.

The article was submitted March 26, 2025; approved after reviewing December 16, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Право – основа существования цивилизованного общества. Оно находит свое выражение в нормах, главным свойством которых является урегулирование общественных отношений. На протяжении многовековой истории право пытается быть определенным и понятным, прежде всего для должностных лиц органов, применяющих его. Однако в условиях динамично меняющегося современного мира, молниеносно возникающих новых форм и видов взаимоотношений правовые нормы не способны в должной мере учесть все вызовы современного правового пространства. Все чаще в отраслях права появляются категории с относительно определенным содержанием, в большей степени имеющие социальное, психологическое, педагогическое, философское значение. Бесспорно, их появление в отраслях права с диспозитивным методом правового регулирования несет положительный эффект, предоставляя участнику правоотношений разумную степень свободы, самостоятельность и право выбора варианта поведения в пределах предоставленных законом правовых возможностей. Однако категории относительно определенного содержания начинают возникать и в сфере отраслей публичного права с императивным методом правового регулирования (методом власти и подчинения) – в той области вопросов, которые всегда регулировались государством в безусловном, не допускающем отступления формате. Одной из таких правовых сфер является уголовно-процессуальное право, в котором наметилась явная тенденция к трансформации, направленной на развитие дискреционных положений.

В целом нормы уголовно-процессуального права носят императивный характер и нацелены на беспрекословное исполнение содержащихся в них предписаний. Тем не менее современный законодатель начинает осмысливать ограниченность доминирующего в советский период позитивистского (нормативного) понимания права. На принцип исключительности правовых норм постепенно воздействуют дискреционные положения, позволяющие должностным лицам органов правоприменения в определенных случаях принимать решения и совершать процессуальные действия, исходя из внешних и внутренних факторов. Как верно отмечает в своих исследованиях В. А. Вайпан, «весы правопонимания и правоприменения в обществе качнулись в другую сторону, по сути, индивидуализированного подхода к нормам права, их расширительного толкования применительно к конкретным ситуациям на основе общих принципов и начал, используемых не только в праве, но и во всей социальной и политической надстройке» [1, с. 21].

Уголовно-процессуальное право образуют нормы, которые прежде всего закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). УПК РФ был принят в 2001 году и с того момента в него было внесено уже несколько сотен изменений. Правовой анализ конструктивных особенностей норм УПК РФ свидетельствует о тенденции современного законодателя к уменьшению количества императивных предписаний в реализации тех или иных процессуальных полномочий должностных лиц органов правоприменения.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

В определенных случаях при принятии решений или совершении процессуальных действий, руководствуясь нормами уголовно-процессуального закона, данные должностные лица могут исходить из собственного усмотрения или убеждения.

Методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, который позволил рассмотреть и проанализировать юридический феномен «усмотрение» с точки зрения переводоведения, семантики, философии, семиотики и права. Кроме того при написании статьи использовались общенаучные (логический, функциональный, сравнительный) и частнонаучные (формально-юридический, структурно-функциональный) методы. Результаты исследования сформированы с помощью таких приемов научного исследования, как анализ, синтез, индукция и дедукция.

Обсуждение

Термин «дискреция» происходит от латинского “discretio”, что означает «усмотрение». В переводе с английского “discretion” означает «усмотрение, осмотрительность, сдержанность, благоразумие, рассудительность, свобода действий». В некоторых вариантах перевода встречается также слово «осторожность». В русском языке в зависимости от использования в том или ином контексте «дискреция» разнится в своем сущностном понимании. Словарь русского языка С. А. Кузнецова определяет дискрецию как специальную возможность, право или полномочие в условиях неопределенности решать проблемы по собственному усмотрению². Таким образом, «дискреция» определяется через «усмотрение». Именно в таком понимании этот термин используется в нормах ч. 6 ст. 115; ч. 1.1 ст. 170; ч. 1 ст. 191; ч. 2 ст. 256; ч. 1 ст. 280, ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ и в решениях высших судебных органов нашего государства.

Однако, употребляя термин «усмотрение», действующий УПК РФ не дает его определения. В связи с этим полагаем целесообразным провести семантический анализ, раскрывающий внутреннюю смысловую структуру данного слова.

В. И. Даль определяет усмотрение через действие «что-либо увидеть, узреть очами, открыть и распознать, заметить»³. С. И. Ожегов рассматривает усмотрение как «решение, заключение, мнение, представить что-нибудь на чье-нибудь усмотрение; действовать по своему усмотрению»⁴. В новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой усмотрение рассматривается как «единоличное решение должностного лица, имеющего власть, на основании собственного мнения, а не по закону»⁵. В словаре синонимов и антонимов современного русского языка под редакцией А. С. Гавриловой находим, что «усмотрение есть мнение, суждение»⁶. Толковый словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой термин «усмотрение» трактует как «некое убеждение», «усмотреть значит прийти к определенному выводу»⁷.

Таким образом, семантический анализ слова «усмотрение» свидетельствует о том, что данное понятие определяется в двух основных значениях: либо через деятельность (действия), либо через результат деятельности, выражающийся в определенной форме: в форме решения, заключения, мнения, суждения, убеждения, вывода о чем-либо.

На наш взгляд, «усмотрение» нужно рассматривать на уровне его философского понимания, а затем интегрировать в сферу права. Усмотрение изначально не является правовым понятием, его глубокий смысл и сущностную природу следует искать среди особых форм человеческого познания с более высоким критико-рефлексивным уровнем миропонимания.

В философии «усмотрение» употребляется в связи с понятием «сущность». В феноменологии немецкого философа Эдмунда Густава Альбрехта Гуссерля усмотрение сущности рассматривается как духовный акт, посредством которого человек уясняет идею вещи, значение

² Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2008. 1534 с.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Факс. изд. Москва : Русский язык, 1991. Кн. 4: Р-V. 683 с.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 100 000 слов / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва : Мир и образование, 2020. 1375 с.

⁵ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : [в 2 т.]. Москва : Русский язык, 2000. Т. 2: П-Я. 1084 с.

⁶ Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка : [50 000 синонимов, 600 антонимических пар]. Москва : Аделант, 2014. 800 с.

⁷ Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева, выполн. Л. П. Алекторовой [и др.]. Изд. 3-е, стер. Москва : Русский язык, 1988. Т. 4: С-Я. 795 с.

сущности прямо или косвенно через оценку соответствующей вещи. Непосредственное усмотрение, интуитивное созерцание сущности – идеация – осуществляется с помощью варьирования с целью выявления идеальных возможностей и их законов. В идеации личность в рефлексии оглядывается на сам акт, например, на высказывание о чем-либо или восприятие чего-либо, и «направляет взор на составляющее его значение, сущностную природу о высказанном или воспринятом» [2]. Например, усмотрение сущности «предмет» начинается со словесного обсуждения предмета, которое порождает наглядные представления об этом предмете, после чего на основе варьирования примеров с интуитивной ясностью схватывается сущность данного предмета. Таким образом, в философском понимании усмотрение связано с внутренними душевными процессами личности, через которые возможно истинное познание предназначения и сущностной природы определенного объекта материального мира через непосредственное или опосредованное формирование мнения о его ценности, уровне или значении. Полагаем, что усмотрение всегда связано с внутренним, личностным состоянием познающего, его способностью к осмыслению, интерпретации, логическому разбору и анализу объектов материального мира. Большую роль играет и система ценностных ориентаций в структуре нравственно-правового самоопределения познающей личности, оказывающая воздействие на его мотивацию по принятию того или иного решения, по осуществлению того или иного действия. Как правило, усмотрение связано с установлением неизвестных ранее фактов, явлений, в связи с чем требуется инициативная деятельность познающего субъекта.

В феноменологии оценка объекта материального мира может быть осуществлена как прямо (непосредственно), так и косвенно (опосредованно) со стороны познающего лица. Личность в процессе познания может непосредственно ощущать, воспринимать, постигать смысл каких-либо объектов с помощью органов чувств. Например, в рамках производства осмотра места происшествия следователь непосредственно воспринимает какие-либо факты и отражает их в своем сознании. Как отмечает в своих исследованиях И. М. Лузгин, по отношению к произошедшему событию преступления участники уголовного судопроизводства всегда находятся в неравнозначном положении: что может быть непосредственно усмотрено и познано следователем на месте совершения преступления, уже не может быть также воспринято судом. Суд вынужден будет опосредованно постигать смысл и значение, устанавливать ценность каждого представленного следователем факта произошедшего преступного акта⁸. Развивая мысль ученого, отметим, что следователь непосредственно может воспринимать только следы-последствия, оставленные на отдельных предметах действиями преступника и опосредованно реконструировать в своем сознании мысленную предполагаемую картину произошедшего преступления. И только потерпевший, если он одновременно является и очевидцем совершенного в отношении него преступления, непосредственно воспринимает и ощущает на себе преступные действия лица. Таким образом, на уровне философского понимания усмотрение в праве представляет собой внутреннее, субъективное, индивидуальное отношение личности к юридически значимым фактам окружающей действительности.

В советское время одним из основоположников науки гражданского процесса был Н. Б. Зейдер – основатель саратовской научной школы гражданского процесса, рассматривавший общетеоретические аспекты принятия судебного решения в гражданском процессе. В своих исследованиях ученый обратил внимание на то, что в некоторых случаях суд при принятии решения может столкнуться с неопределенностью содержания закрепленных в законе правовых норм, в связи с чем у него появляется возможность конкретизации применяемых спорных норм [3, с. 92–93]. Н. Б. Зейдер прямо не использовал в своих исследованиях термин «усмотрение», однако правовой анализ его трудов свидетельствует о том, что в определенных случаях в правоприменительной практике подразумевалась возможность суда как правоприменителя конкретизировать спорные нормы права по своему внутреннему усмотрению в случаях неопределенности их содержания. Бесспорно, речь идет о советском процессуальном праве, в рамках которого действовал позитивистский подход к пониманию исключительности содержания правовых норм, выражающих quintessence ценностей советского общества. Метанарратив о возможности подмены содержания закона соображениями о наличии дискреционных положений для должностных лиц правоприменительных органов не мог вписаться в общую социальную и политическую идеологию того времени. Подобного рода дискурсы воспринимались как опасные инструменты для установленных формализованным законом правил функционирования советского общества.

Особый вклад в развитие правовой мысли о процессуальных аспектах усмотрения в уголовном судопроизводстве современной России внес П. Г. Марфицин. Ученый подчеркнул

⁸ Лузгин И. М. Расследование как процесс познания : учебное пособие. Москва : Высшая школа МВД СССР, 1969. С. 67.

процессуальное значение усмотрения, которое позволяет следователю в процессе осуществления правоприменительной деятельности оптимально совместить юридическую норму и социальную ситуацию, к которой она непосредственно относится. Предложив оригинальную авторскую концепцию процесса формирования и реализации усмотрения следователя при производстве по уголовному делу, П. Г. Марфицин приоткрыл научное пространство для дальнейших изысканий по затронутой проблеме⁹. Ученые перестали настороженно относиться к данному правовому феномену и его отождествлению с такими понятиями, как произвол и нигилизм.

Результаты

Сегодня в уголовно-процессуальном праве сложились различные подходы к пониманию усмотрения.

Некоторые ученые отождествляют усмотрение с термином «свобода». Так, по мнению С. Г. Шевцова, усмотрение является составной частью более широкого понятия – свобода. Под свободой в широком смысле ученый понимает состояние независимости воли субъекта, когда у него есть возможность действовать по своему усмотрению [4, с. 62]. Таким образом, в позитивном аспекте свободы всегда присутствует возможность усмотрения.

А. П. Корнев определяет усмотрение как определенную рамками законодательства известную степень свободы органа или должностного лица в правовом разрешении конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу [5, с. 73–74].

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) также указывает на взаимосвязь рассматриваемых понятий. Например, Президиум ВС РФ в представленном обзоре судебной практики указал: «Судья в процессе судопроизводства, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих применению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения»¹⁰.

В философии свобода рассматривается как независимость и возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества.

На наш взгляд, отождествление понятий «усмотрение» и «свобода» является неверным. Свобода в праве выступает основой правоприменительного усмотрения, предоставляющая возможность осуществления действий и принятия процессуальных решений независимо и самостоятельно, в рамках установленных законом пределов. Государство закрепляет в нормах права оптимальную и необходимую меру свободы (предел, в рамках которого осуществляется и проявляется свобода) для удовлетворения потребностей личности, поскольку абсолютная, не ограниченная ничем свобода при определенных обстоятельствах способна породить произвол. Относительная, осуществляемая в рамках закона свобода – это возможность существования усмотрения, а усмотрение есть проявление свободы в конкретных действиях должностного лица органа правоприменения, в конкретных, принимаемых им процессуальных решениях. Именно усмотрение управомочивает должностное лицо действовать тем или иным образом в рамках границ дозволенного правового поведения. Безусловно, любое усмотрение должно иметь свои границы, оно не может быть абсолютным, поскольку основывается на относительной, установленной нормами права свободе. Общие пределы усмотрения вытекают из принципов и назначения уголовного судопроизводства и применимы к каждому уголовному делу, к каждой правовой ситуации. Специальные пределы установлены конкретными уголовно-процессуальными нормами для решения конкретного правового вопроса. Пределы усмотрения необходимы для того, чтобы оно было максимально объективным.

Детальное исследование соотношения свободы и усмотрения было проведено А. Т. Боннером применительно к деятельности суда как субъекта правоприменения. Ученый пришел к выводу, что между свободой поведения любой взятой в обществе личности и деятельностью, осуществляемой по усмотрению должностным лицом государственного органа, существуют принципиальные различия [6, с. 35]. Личность в соответствии со своими интересами, опираясь на познание объективной действительности, свободна в выборе своей деятельности, а также в выборе целей и средств, с помощью которых она будет ее осуществлять. Функции, цели и средства их достижения для должностных лиц государственного органа, как правило, четко определены и закреплены в законе. Мы разделяем эту точку зрения ученого. Бесспорно,

⁹ Марфицин П. Г. Усмотрение следователя (Уголовно-процессуальный аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2003. 58 с.

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017): (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 12.

должностные лица государственных органов всегда должны действовать исключительно в интересах общества, ради которого государство и создается. Функции и цели, ради которых создаются государственные органы и выполняют свою деятельность их должностные лица, четко определены и не могут быть изменены или подменены усмотрением какого-либо должностного лица. В данном вопросе волевой момент проявления свободы полностью отсутствует. Так, органы предварительного расследования не могут выполнять функции и реализовывать цели органов правосудия ни при каких условиях и обстоятельствах. В свою очередь органы правосудия не могут решать вопрос о наличии основания для возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела и в случае положительного результата проводить по нему предварительное расследование.

Что касается средств достижения целей, то здесь в деятельности должностных лиц государственных органов могут быть некоторые отступления в сторону усмотрения. При решении определенных вопросов законодатель позволяет должностным лицам проявить волевые качества личности (инициативность, самостоятельность, решительность, настойчивость и т. д.) и принять решение по усмотрению, исходя из конкретных обстоятельств дела. При этом следует помнить, что усмотрение есть особая возможность поведения должностного лица государственного органа, которым его наделяет общество в лице государства. Правоприменительное усмотрение, основанное на необходимой мере свободы, исходя из условий правовой ситуации, позволяет реализовать волевые качества должностного лица и обеспечить баланс между нормой права и индивидуальными обстоятельствами конкретного уголовного дела.

Вообще термины «усмотрение», «свобода», «воля» относятся к положительным коннотациям семиотики¹¹, которые несут для субъектов положительное значение и позитивный эмоциональный отклик. В условиях авторитарных и тоталитарных государств, как правило, преобладают отрицательные или нейтральные коннотации, которые изначально настраивают субъекта на негативное или нейтральное отношение к любым формам проявления правоприменительной деятельности. В государствах с демократическим правовым режимом, выступая определенной формой дозволения в уголовном процессе, усмотрение наряду с субъективным правом является положительной коннотацией. При этом, усмотрение не является субъективным правом, поскольку не направлено на удовлетворение личных интересов правоприменителя.

Другая группа ученых рассматривает усмотрение через установленное законом *право, полномочие, правомочие* по толкованию правовых норм с относительно-определенным содержанием, исходя из требований морали и справедливости. Например, С. А. Кожлаев употребляет термин «правомочие, направленное на создание своих правовых позиций», давая толкование судейскому усмотрению [7, с. 154], однако мы не можем согласиться с данной правовой позицией.

С точки зрения семантического наполнения «право», «полномочие» и «правомочие» не являются тождественными понятиями, хотя субъекты правотворчества зачастую неправильно используют их в качестве взаимозаменяемых друг друга.

Применительно к определенному субъекту как носителю права право выступает охраняемой государством, узаконенной возможностью что-нибудь делать, осуществлять, действовать, поступать каким-нибудь образом. Полномочие – официально предоставленное кому-нибудь право какой-нибудь деятельности, ведения дел. Правомочие – юридическая возможность для субъекта права осуществлять определенные действия или требовать определенных действий (бездействия) от другого субъекта¹².

На наш взгляд, усмотрение в уголовном процессе можно рассматривать исключительно как полномочие, т. е. официально предоставленную государством возможность должностного лица органа правоприменения осуществлять возложенные на него законом функции в интересах общества и государства. Полномочие предусмотрено правовым статусом специального субъекта права, т. е. должностного лица органа правоприменения. При конструировании норм УПК РФ также употребляется грамматическая форма «уполномочен». Согласно статье 38 УПК РФ, следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах предоставленной ему законом компетенции осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. В связи с этим он наделяется полномочиями на производство следственных и иных процессуальных действий.

¹¹ Коннотация – разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. Понятие коннотации ввел в семиотику (наука о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения) датский лингвист Луи Ельмслев (Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ. В. А. Звегинцев [и др.]. Москва : URSS, 2005. 243 с.).

¹² Ожегов С. И. Указ. соч.

Например, согласно ст. 191 УПК РФ в рамках проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, либо достигшего, но имеющего психическое расстройство или отставание в психическом развитии, помимо обычного состава участников обязательно должен присутствовать педагог или психолог. Формулировка части первой ст. 191 УПК РФ отдает право выбора и приглашения вышеуказанных специалистов полностью на усмотрение следователя. Именно следователь по своему усмотрению, исходя из индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего лица определяет, в рамках каких следственных действий должен принять участие педагог, а в рамках каких – психолог. В данном случае законодатель конструирует правовую норму с относительно-определенным содержанием, позволяющим должностному лицу органа правоприменения реализовать свои дискреционные полномочия, исходя из учета личностных особенностей несовершеннолетнего лица. Напротив, в статье 51 УПК РФ использована абсолютно-определенная конструкция, закрепляющая в императивной форме единственно возможный, конкретный тип поведения должностного лица органа правоприменения. Так, участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним, т. е. следователь, дознаватель и судья обязаны обеспечить защитником каждого несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, независимо от волеизъявления несовершеннолетнего. Как отмечает в своих исследованиях И. П. Попова, «вопрос поиска баланса между должным и дозволенным, то есть возможность применения усмотрения, в уголовном процессе имеет важное значение, поскольку уголовно-процессуальные отношения урегулированы, в большей степени, с помощью императивных норм» [8, с. 139–140].

Третья группа ученых рассматривает усмотрение как альтернативную деятельность, предполагающую возможность выбора оптимального решения из несколько предложенных законодателем вариантов поведения.

Председатель Верховного суда Израиля, юридический советник правительства Израиля Арон Барак в своих трудах определяет усмотрение через предоставленное законом полномочие обладающему властью лицу по выбору законодательно определенных альтернативных вариантов поведения [9, с. 13]. Следует отметить, что выпущенная и переведенная в 1999 году на русский язык работа А. Барака вызвала бурные эмоции со стороны российского юридического сообщества. Действовавший в то время председатель Конституционного Суда Российской Федерации М. В. Баглай опубликовал свою вступительную статью к книге «Судебное усмотрение» А. Барака, упрекнув российских ученых в том, что на тот период о проблеме судебного усмотрения в науке уголовно-процессуального права ничего серьезного не написано. В качестве причин, порождающих судебное усмотрение, А. Барак выделяет неопределенность в языке, неопределенность в правилах толкования, а также существующие пробелы в праве.

П. Г. Марфицин рассматривал усмотрение следователя как выбранный в пределах предоставленных полномочий вариант поведения из ряда альтернатив, каждая из которых законна и отвечает конкретным условиям дела¹³.

Э. В. Суслин и С. В. Назаров рассматривают усмотрение как формирование собственного взгляда на избрание одного из возможных вариантов, который с точки зрения права является справедливым, в результате чего появляется уверенность в правоте выбора, обоснованного юридическими нормами (законом) как единственно правильное решение [10, с. 123].

Правовая позиция третьей группы исследователей нам близка. В начале нашего исследования мы рассуждали о сущностной природе свободы, которая выступает основой для реализации усмотрения должностного лица органа правоприменения. Свобода всегда подразумевает право выбора определенного типа поведения субъекта, причем варианты возможного поведения могут быть предложены и закреплены в тексте закона. В уголовно-процессуальном праве можно встретить альтернативность вариантов поведения, которая закрепляется на уровне конструирования правовых норм. Например, в норме статьи 426 УПК РФ наряду с императивным предписанием законодатель закрепляет другой, альтернативный вариант поведения, который может быть реализован должностным лицом органа предварительного расследования только в случае замены основного. Так, законный представитель несовершеннолетнего лица должен быть назначен на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого, однако в дальнейшем он может быть отстранен от участия в уголовном деле, если у следователя, дознавателя появляются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам предоставляемого им лица. При таком варианте развития событий, следователю, дознавателю предоставлен факультативный вариант – допустить в уголовное дело другого законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Д. М. Хузиахметов в своих исследованиях

¹³ Марфицин П. Г. Указ. соч. С. 14.

определяет такой подход законодателя как дополнительный, факультативного варианта поведения, допускающего отступление от общего правила [11, с. 113].

Действительно, закрепляя в императивной форме обязанность назначения и введения в ювенальное уголовное судопроизводство законного представителя несовершеннолетнего лица, законодатель допускает альтернативный вариант поведения должностного лица органа правоприменения, связанный с отстранением данного участника уголовного судопроизводства. Альтернативным вариантом поведения выступает допуск в производство по уголовному делу другого законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В качестве законодательно установленного условия возможного альтернативного поведения следователя рассматриваются наносящие ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого действия законного представителя. При этом общее правило об обязательности участия законного представителя несовершеннолетнего лица сохраняется, более того, обеспечивается предоставленной правоприменителю альтернативой поведения.

Четвертая группа ученых считает, что усмотрение представляет собой принятый и надлежащим образом оформленный *результат мыслительной деятельности органа правоприменения*. Так, по мнению Н. В. Ткачевой, судебное усмотрение – это суждение, сформированное органом правоприменения по своему внутреннему ощущению, когда следует сделать выбор, который может быть связан только со свободой воли, при отсутствии физического или психического насилия и ограничен законодательно закрепленными пределами [12, с. 156]. А. Б. Ярославский под усмотрением понимает «отношение – мнение, суждение, взгляды и оценку к характеру разрешения неурегулированной законом ситуации»¹⁴.

Действительно, с точки зрения семантического наполнения усмотрение в уголовном процессе может быть охарактеризовано как результат поисково-познавательной деятельности должностного лица органа правоприменения, выражающийся в определенной процессуальной форме. Решение, мнение, суждение, выводы, к которым придет должностное лицо в результате своей поисково-познавательной деятельности, как правило, материально выражаются в процессуальных документах, принимаемых им в рамках расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела. Например, материальным выражением судебного усмотрения являются определенные виды судебных решений: приговоры, судебные приказы, постановления, определения и т. д. Материальным выражением усмотрения следователя могут являться постановления и протоколы следственных действий. Материальным выражением усмотрения эксперта – заключение, составленное им по результатам проведения судебной экспертизы. При этом, усмотрение – это всегда результат сугубо субъективной сознательной деятельности конкретного человека, направленной на познание окружающей действительности с помощью таких психических процессов, как восприятие, мышление, память, внимание и речь. Субъектом, наделяющим усмотрение индивидуальными признаками, является конкретное должностное лицо органа правоприменения, которое в процессе своей поисково-познавательной деятельности руководствуется исключительно собственными профессиональными навыками с целью установления истины по уголовному делу. В связи с этим следствием использования усмотрения в праве может стать противоречивость принятых решений по идентичным спорам.

Таким образом, проблема усмотрения в уголовно-процессуальном праве является прежде всего неразрешенным вопросом понятийного аппарата. В юридической науке не выработано единого подхода к пониманию содержательного значения данного юридического феномена. В связи с этим тема правоприменительного усмотрения актуализируется и выходит на новый уровень научного осмысления, связанный с возникновением новых форм общественных процессов, обусловленных событиями внутригосударственного и международного характера; заторможенностью развития отдельных элементов отраслевого законодательства и запросами субъектов правоприменения, сталкивающихся с неурегулированностью или относительно определенной урегулированностью того или иного вида общественных отношений.

На наш взгляд, усмотрение должностного лица органа правоприменения следует рассматривать как *предоставленную законом возможность в процессе поисково-познавательной деятельности с помощью психических процессов восприятия, мышления, внимания, памяти и речи, а также способности субъективной интерпретации юридически значимых фактов принимать процессуальное решение или осуществлять процессуальную деятельность в пределах установленных законом властных полномочий*. Данное авторское определение, не претендуя на роль окончательного, имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретическое значение состоит в представленной идее и авторском подходе, позволяющем использовать их для дальнейшего изучения темы, развития теоретических положений и обогащения науки

¹⁴ Ярославский А. Б. Усмотрение следователя при расследовании уголовных дел : автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 4.

уголовно-процессуального права за счет включения в нее новых знаний в сфере исследования правового феномена «усмотрение». Результаты проведенного исследования также имеют прикладную ценность для должностных лиц органов правоприменения, сталкивающихся с правовой неопределенностью в уголовно-процессуальном отраслевом законодательстве.

3 заключение

Усмотрение – это субъективная сознательная деятельность конкретного человека. Субъектом, наделяющим усмотрение индивидуальными признаками, является конкретное должностное лицо органа правоприменения. Объектом познания выступают события и деяния людей, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство. Объект в уголовном процессе всегда индивидуален и уникален. Нет двух одинаковых преступлений. Также не представляется возможным встретить абсолютно тождественных лиц, преступивших уголовный закон. При этом и процесс познания в уголовном судопроизводстве существенно отличается от других видов познания, поскольку уголовно-процессуальное познание чаще всего носит ретроспективный характер. Следовательно, дознаватель воспринимают картину произошедшего в прошлом события – преступления, через процесс осознания следов, оставленных в прошлом, но сохранившихся в настоящем. Образы предметов и объектов отражаются в его сознании, проходят через его мыслительную деятельность и формируются во внутреннюю убежденность в правильности той или иной картины произошедшего.

В научных кругах разделяются взгляды ученых относительно целесообразности использования правоприменительного усмотрения. В негативном смысле усмотрение отождествляется с таким понятием, как злоупотребление правом, в связи с чем оно должно быть всегда максимально сокращено и четко ограничено законом. В позитивном смысле усмотрение представляет собой необходимое условие для реализации органами правоприменения своих функций при решении вопроса в условиях относительной определенности содержания правовых норм. Нельзя не согласиться с мнением Е. А. Чабан о том, что сегодня усмотрение осуществляется на всех стадиях процесса действия права, его реализации [13, с. 25].

Усмотрение представляет собой особый инструмент национального права, «играть» на котором сможет не каждый. Для усмотрения нужны решительные, не боящиеся ответственности, глубоко мыслящие, профессионально компетентные должностные лица органов правоприменения. Намного проще и спокойнее действовать по сценарию, четко расписанному законодателем. Известный российский ученый И. А. Покровский отмечал, что «право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только можно представить, без него, в сущности, вообще ни о каком „праве“ не может быть речи» [14, с. 89]. Однако закон по своей природе всегда отстаёт от развития социально-экономической жизни. Законодатель не может детально регламентировать каждый шаг субъекта-правоприменителя уголовно-процессуального закона. По замечанию Е. С. Азаровой, попытки урегулировать частные случаи не уменьшают, а значительно увеличивают количество правовых пробелов и противоречий [15, с. 18]. В таком случае именно наличие в праве дискреционных полномочий способствует приближению права к повседневным, динамически видоизменяющимся реалиям жизни общества. Усмотрение способствует не только гибкости, но и обновлению правовых норм. Сегодня практически в каждом развитом правовом порядке признаются полномочия должностных лиц органов правоприменения через истолкование норм права скорректировать те из них, буквальный смысл которых не соответствует изменившемуся мировоззрению. Усмотрение в уголовно-процессуальном праве – признак развитого общества, позволяющий подстроить общие предписания закона к реалиям правоприменительной практики. Данная положительная коннотация объективно необходима для дальнейшего развития уголовно-процессуального права России.

Список источников

1. Вайпан В. А. Судебное усмотрение при разрешении экономических споров / Судейское усмотрение : сборник статей / отв. ред. О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин ; сост. А. А. Суворов, Д. В. Кравченко. Москва : Юстициформ, 2020. С. 20–34.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [пер. с нем. А. В. Михайлова]. Москва : Академический проект, 2009. 489 с.
3. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. Москва, 1966. 190 с.
4. Шевцов С. Г. Категория усмотрения в философии и праве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. № 6. С. 59–64.
5. Корнев А. П. Нормы административного права и их применение. Москва : Юридическая литература, 1978. 142 с.
6. Боннер А. Т. Советский закон и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 34–42.

7. Кажлаев С. А. Судебное усмотрение в деятельности Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2003. № 11 (83). С. 153–160.
8. Попова И. П. Усмотрение в уголовно-процессуальной деятельности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 139–145.
9. Барак А. Судейское усмотрение : Пер. с англ. / вступ. ст. М. В. Баглая. Москва : Норма, 1999. 364 с.
10. Суслин Э. В., Назаров С. В. Теоретико-правовые аспекты судейского усмотрения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 115–125. <https://doi.org/10.17223/22253513/36/10>
11. Хузиахметов Д. М. Виды судейского усмотрения в уголовном процессе // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2011. № 14. С. 112–115.
12. Ткачева Н. В. Судебное усмотрение в уголовном процессе по материалам практики Конституционного Суда Российской Федерации / Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации) : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г. / под ред. К. Б. Калиновского. Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 152–161.
13. Чабан Е. А. Понятие, сущность и стадии осуществления правового усмотрения // Вестник Евразийской академии административных наук. 2012. № 4 (21). С. 23–31.
14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва : Статут, 1998. 353 с.
15. Азарова Е. С. Судебное усмотрение как метод познания в уголовном процессе // Философия социальных коммуникаций. 2014. № 3 (28). С. 17–22.

References

1. Vajpan V. A. Sudebnoe usmotrenie pri razreshenii ekonomicheskikh sporov / Sudejskoe usmotrenie : sbornik statej / otv. red. O. A. Egorova, V. A. Vajpan, D. A. Fomin ; sost. A. A. Suvorov, D. V. Kravchenko. Moskva : Yusticiform, 2020. S. 20–34.
2. Gusserl' E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [per. s nem. A. V. Mihajlova]. Moskva : Akademicheskij proekt, 2009. 489 s.
3. Zejder N. B. Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu. Moskva, 1966. 190 s.
4. Shevcov S. G. Kategoriya usmotreniya v filosofii i prave // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2011. № 6. S. 59–64.
5. Korenev A. P. Normy administrativnogo prava i ih primeneniye. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1978. 142 s.
6. Bonner A. T. Sovetskij zakon i sudebnoe usmotrenie // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 6. S. 34–42.
7. Kazhlaev S. A. Sudebnoe usmotrenie v deyatel'nosti Konstitucionnogo Suda RF // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 11 (83). S. 153–160.
8. Popova I. P. Usmotrenie v ugolovno-processual'noj deyatel'nosti // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (1). S. 139–145.
9. Barak A. Sudejskoe usmotrenie : Per. s angl. / vstup. st. M. V. Baglaya. Moskva : Norma, 1999. 364 s.
10. Suslin E. V., Nazarov S. V. Teoretiko-pravovye aspekty sudejskogo usmotreniya v ugolovnom processe // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2020. № 36. S. 115–125. <https://doi.org/10.17223/22253513/36/10>
11. Huziahmetov D. M. Vidy sudejskogo usmotreniya v ugolovnom processe // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2011. № 14. S. 112–115.
12. Tkacheva N. V. Sudebnoe usmotrenie v ugolovnom processe po materialam praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii / Konstitucionalizaciya ugolovnogo sudoproizvodstva (k 30-letiyu Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii) : sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya 2021 g. / pod red. K. B. Kalinovskogo. Sankt-Peterburg : Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij «Asterion», 2022. S. 152–161.
13. Chaban E. A. Ponyatie, sushchnost' i stadii osushchestvleniya pravovogo usmotreniya // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk. 2012. № 4 (21). S. 23–31.
14. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Moskva : Statut, 1998. 353 s.
15. Azarova E. S. Sudebnoe usmotrenie kak metod poznaniya v ugolovnom processe // Filosofiya social'nyh kommunikacij. 2014. № 3 (28). S. 17–22.

Научная статья
УДК 351.745.7

Сравнительный анализ авторских классификаций оперативно-розыскных мероприятий

Андрей Иванович Тамбовцев¹, доктор юридических наук, доцент
Николай Владимирович Павличенко², доктор юридических наук, профессор

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России,

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилютова, д. 1), Российская Федерация

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказания
Москва (125130, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1), Российская Федерация

¹ bestcopat@mail.ru, ² pavlichenko.pro@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, ² <https://orcid.org/0000-0001-7889-4743>

Аннотация:

Введение. С начала XX века и по настоящее время учеными исследуются силы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности вообще и оперативно-розыскные мероприятия как ее неотъемлемый и значимый элемент. Большинство исследователей предлагали собственные классификации оперативно-розыскных мероприятий, основанные на различных критериях, позволяющих разделить или наоборот объединить все оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ) в группы (классы). Авторами статьи предпринята попытка ретроспективно проанализировать имевшиеся ранее и имеющиеся на настоящий момент научные подходы к классификациям оперативно-розыскных мероприятий, выявить закономерности в научных воззрениях ученых и определить возможности и перспективы дальнейших классификаций в новых социально-экономических, политических, правовых, криминогенных и технических реалиях.

Методы. В исследовании применялись исторический, сравнительно-правовой и формально-логический методы при исследовании правовых и сугубо теоретических положений института оперативно-розыскных мероприятий, на протяжении более чем 50-летней истории их развития, определяющих содержание, цели и задачи, субъектов, формы проведения и возможности использования результатов в судопроизводстве. Эти методы позволили выявить закономерности научных подходов исследователей в классификации оперативно-розыскных мероприятий, различия во взглядах и оценках отдельных критериев классификаций.

Результаты. Основываясь на результатах анализа широкого ряда классификаций оперативно-розыскных мероприятий, авторы приходят к выводу о невозможности единой универсальной классификации всех ОРМ. Все современные классификации отличаются различной степенью конкретизации, «универсальностью» и «точностью» критериев (оснований), что обуславливает их полемичность вплоть до полярности взглядов и предполагает высокую вероятность научной дискуссии. Эволюция всех сфер жизни общества и государства влечет объективные изменения оперативно-розыскного инструментария и оперативно-розыскных мероприятий. Это обуславливает возможность последующих классификаций по новым основаниям.

Ключевые слова:

оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, классификация оперативно-розыскных мероприятий, критерии классификации, основания классификации

Для цитирования:

Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Сравнительный анализ авторских классификаций оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 185–201.

Статья поступила в редакцию 16.11.2025;
одобрена после рецензирования 21.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Comparative analysis of authorial classifications of operational investigative measures

Andrey I. Tambovtsev¹, Doc. Sci. (Jurid.), Docent
Nikolai V. Pavlichenko², Doc. Sci. (Jurid.), Professor

¹ Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

² Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15a, build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

¹ bestcopat@mail.ru, ² pavlichenko.pro@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, ² <https://orcid.org/0000-0001-7889-4743>

Abstract:

Introduction. Since the early 20th century to the present day, scholars have been studying the forces, means, and methods of operational investigative activity in general, and operational investigative measures as its integral and significant element. The majority of researchers have proposed their own classifications of operational investigative measures, based on various criteria allowing for the division or, conversely, the unification of all operational investigative measures (hereinafter referred to as ORM) into groups (classes). The authors attempt to retrospectively analyse previous and current scientific approaches to the classifications of operational investigative measures, identify patterns in the scholarly views, and determine the possibilities and prospects for further classifications in the new socio-economic, political, legal, criminal, and technical realities.

Methods. The study employed historical, comparative-legal, and formal-logical methods in examining the legal and purely theoretical provisions of the institution of operational investigative measures over more than fifty years of their development – provisions that determine their content, goals and tasks, subjects, forms of implementation, and the possibility of using their results in judicial proceedings. These methods made it possible to identify patterns in researchers' scientific approaches to classifying operational investigative measures, as well as differences in views and assessments of individual classification criteria.

Results. Based on the results of analysing a wide range of classifications of operational investigative measures, the authors conclude that a single universal classification of all ORM is impossible. All modern classifications are characterised by varying degrees of specification, 'universality', and 'precision' of criteria (grounds), which accounts for their contentious nature, reaching the point of polar views, and presupposes a high probability of scholarly debate. The evolution of all spheres of societal and state life entails objective changes in operational investigative tools and operational investigative measures themselves. This determines the possibility of subsequent classifications based on new grounds.

Keywords:

operational investigative activity, operational investigative measures, classification of operational investigative measures, classification criteria, grounds for classification

For citation:

Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V. Comparative analysis of authorial classifications of operational investigative measures // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 185–201.

The article was submitted November 16, 2025; approved after reviewing January 21, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

На протяжении всей истории научного осмысления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) и ее составного элемента – оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) абсолютное большинство исследователей предлагали собственные классификации оперативно-розыскных мероприятий, основанные на различных критериях. Изучение многочисленных научных источников по данной тематике свидетельствует, что попытки систематизировать и классифицировать оперативно-розыскные мероприятия предпринимались задолго до того, как сами ОРМ были официально провозглашены и легитимизированы в законе Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об ОРД 1992 г.) и его правопреемнике – Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД). С выходом же в свет указанных законов эти попытки приобрели постоянный и целенаправленный характер.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (ред. от 2 июля 1992 г.) // Российская газета. 1992. 29 апреля. Утратил силу.

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1995. № 33. Ст. 3349.

Ссылаясь на исследования профессора А. Ю. Шумилова, можно констатировать, что первые усилия ученых по систематизации тогда еще не оперативно-розыскных мероприятий, а скорее сыскных методов были предприняты еще в самом начале XX века и перманентно продолжались до настоящего времени – «одним из первых отечественных ученых попытался систематизировать ОРМ еще в 20-е гг. прошлого века И. Н. Якимов, который различал такие способы секретной работы, как специальное наблюдение, словесный расспрос и секретное наведение справок. В 50–70-е гг. XX века в органах внутренних дел (Д. В. Гребельский и др.) и органах государственной безопасности были разработаны различные классификации ОРМ. Первой официальной систематизацией ОРМ послужил перечень, изложенный в ч. 2 ст. 6 Закона об ОРД 1992 г., а научной (в открытом источнике) – систематизация ОРМ Е. А. Долей и Б. С. Тетериним в комментарии к Закону об ОРД³. В дальнейшем многие ученые так или иначе систематизировали ОРМ (В. М. Аتماжитов, В. Г. Бобров, О. А. Вагин, С. И. Захарцев, А. П. Исиченко, Ю. Ф. Кваша, В. В. Петров, Д. В. Ривман, Г. К. Синилов, К. В. Сурков, А. И. Тесников, А. Е. Чечетин, Г. Х. Шабанов и др.)⁴.

К настоящему времени целая плеяда российских ученых посвятила свои труды исследованию вопросов классификации оперативно-розыскных мероприятий [1–8]. Хотя процесс научного осмысления сущности и понятий ОРМ имеет достаточно многолетнюю историю, вполне осязаемые и убедительные результаты и длинный перечень причастных к этому ученых, полагаем, что даже краткое изучение хронологии и итогов предшествующих исследований будет не лишним и позволит нам сформировать целостное представление о наиболее фундаментальных подходах ученых к классификации оперативно-розыскных мероприятий, имевшихся и имеющихся проблемах в этой сфере, целесообразности и вероятных перспективах дальнейших изысканий.

Методы

При изучении многочисленных классификаций оперативно-розыскных мероприятий авторы использовали исторический, сравнительно-правовой и формально-логический методы исследования правовых, функционально-деятельностных и сугубо теоретических положений института ОРМ на протяжении более чем 50-летнего их генезиса, определяющих содержание, цели и задачи, субъектов, формы проведения и возможности использования результатов в судопроизводстве.

Результаты

Один из первых ретроспективных анализов научных классификаций ОРМ был проведен С. И. Захарцевым в его фундаментальных работах о сущности оперативно-розыскных мероприятий [9]. Исследуя аутентичные научные подходы своих предшественников, ученый приходит к основополагающему и актуальному по сегодняшний день выводу: «В оперативно-розыскной науке единой классификации оперативно-розыскных мероприятий не имеется. Видимо, единой классификации и не может быть, поскольку оперативно-розыскные мероприятия слишком разнообразны, и каждый из специалистов классифицирует их по-своему, базируясь на собственном опыте и признаках, которые кажутся ему более значимыми для уяснения мероприятий» [10, с. 90].

Тем не менее попытки систематизации, классификации и типологизации оперативно-розыскных мероприятий предпринимались сразу же после выхода в свет Закона об ОРД 1992 г. и продолжают до сих пор, по прошествии более 30 лет. Как мы писали ранее, социально-экономические, криминогенные, правовые, технические и прочие изменения нашей жизни объективно влекут и изменения оперативно-розыскного инструментария, одним из значимых элементов которого являются оперативно-розыскные мероприятия [11; 12]. В свете сказанного то, что вчера было актуальным и незыблемым в науке и практике ОРД, сегодня стало безвозвратно устаревшим и во многом полемичным. Но в то же время, то, что вчера еще казалось фантастическим и даже невозможным, сегодня уже реально и обыденно.

В связи с этим сравнение традиционных и новаторских авторских воззрений на основания классификации ОРМ, меняющихся с течением времени, позволит нам сделать некоторые собственные выводы об актуальности или девальвации тех или иных научных позиций и, возможно,

³ Закон об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : Комментарий / А. Ю. Шумилов [и др.] ; отв. ред. А. Ю. Шумилов. Москва : Юридическая литература, 1994. 126 с.

⁴ Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник. Москва : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. 368 с.

предложить свои взгляды на рассматриваемую проблему. Тезисно рассмотрим наиболее интересные подходы ученых к классификации ОРМ.

Рассуждая о существующих сегодня в теории ОРД классификациях оперативно-розыскных мероприятий и основываясь на анализе нескольких десятков научных позиций отдельных ученых и уважаемых авторских коллективов⁵, мы можем констатировать отсутствие каких-то радикальных противопоставлений в воззрениях на указанную отрасль научных знаний и имеющуюся возможность обобщить некоторые критерии классификаций ОРМ.

Следует учитывать, что первооткрыватели этого направления научного осмысления ОРД в отличие от сегодняшних ученых-правоведов имели в своем распоряжении для анализа и поиска закономерностей лишь практический опыт предшествующих поколений, текст абсолютно нового для всей мировой истории (и от того – не идеального по форме и содержанию) закона и на тот момент лишь единичные (а иногда еще и засекреченные в силу специфики) научные работы, посвященные отдельным вопросам сыска, его гласным и негласным силам, средствам и методам. Каждый последующий исследователь уже основывался на результатах своих предшественников, находил и приносил что-то свое в теорию оперативно-розыскной деятельности вообще в институт ОРМ в частности. Постепенно учение об оперативно-розыскных мероприятиях обрело современные формы и содержание, принципы и постулаты, понятия и дефиниции. Имеющиеся сегодня классификации оперативно-розыскных мероприятий во многом идентичны, что лишь подтверждает правильность научных подходов правоведов. Незначительная разница в формулировках критериев (оснований) классификаций, по нашему мнению, обусловлена научными интересами их авторов, личными стилистическими и терминологическими предпочтениями, объяснимым желанием сформулировать емкое, лаконичное и при этом аутентичное понятие или предложить некое универсальное основание классификации.

Сравнив большинство имеющихся классификаций ОРМ, можно утверждать, что их авторы едины в своем подходе при выделении следующих оснований классификации:

- 1) по степени ограничения прав граждан:
 - ограничивающие конституционные права граждан;
 - без ограничений конституционных прав граждан;
- 2) по необходимости санкционирования:
 - не требующие какого-либо санкционирования;
 - требующие ведомственного санкционирования;
 - требующие судебного санкционирования;
- 3) по субъекту проведения:
 - проводимые общим субъектом (оперативными подразделениями территориальных органов);
 - проводимые специальным субъектом;
 - проводимые с участием конфиденентов;
- 4) в зависимости от формы проведения:
 - гласные,
 - негласные;
- 5) в зависимости от времени (продолжительности) проведения:
 - разовые,
 - длящиеся;
- 6) по сочетанию ОРМ между собой:
 - относительно автономные;
 - комплексные.

В целом указанные критерии классификаций трактуются авторами и сторонниками практически одинаково, но все же существуют отдельные особенности толкования наименований и содержания некоторых предлагаемых групп (классов). Рассмотрим их.

⁵ См., например: Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий : лекция. Москва : Академия управления МВД России, 2003 ; Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Вагин О. А. [и др.] ; под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2012. 688 с. ; Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Е. Чечетина. 3-е изд., доп. и перераб. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. 236 с. ; Богданов А. В., Гаврилов В. А., Дубоносов Е. С., Соцков Е. А. Оперативно-розыскная деятельность : учебное пособие в схемах и определениях / под ред. Е. С. Дубоносова. Москва : Книжный мир, 2009. 128 с. ; Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : курс лекций / Алгазин И. И., Бакланов Л. А., Бражников Д. А., Бычков В. В. [и др.]. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. 151 с. ; Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. СПб.: АНО ВО «СЮА», 2018. 272 с.; Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / Ахмедов А. Г. [и др.]. 2-е изд., перераб и доп. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. 276 с. ; Овчинский В. С. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». Москва : Норма, 2022. 488с. и др.

Прежде всего, анализируя соотношения и взаимосвязь классификаций между собой, мы, как и многие наши предшественники, находим достаточно универсальной классификацию в зависимости от ограничения конституционных прав и свобод граждан. Степень ограничения тем или иным оперативно-розыскным мероприятием прав и свобод человека и гражданина, являющаяся критерием (основанием) классификации данной группы, определяет необходимость и уровень санкционирования (без санкционирования, ведомственное или судебное) такого ОРМ, что уже является основанием для другой группы – в зависимости от необходимости санкционирования. А необходимость и уровень санкционирования в свою очередь определяют соответствующий пакет документов, требуемый для получения санкции суда или разрешения руководителя органа, осуществляющего ОРД, что, по мнению отдельных авторов, тоже является самостоятельным критерием классификации – «в зависимости от документации, составляемой для проведения ОРМ»⁶. Проблема нам видится в том, что в настоящее время и нормативно, и практически ведомственному санкционированию (согласованию и утверждению не менее, чем двумя руководителями разного уровня) подлежат почти все ОРМ, а некоторые требуют различных уровней санкционирования в зависимости от обстоятельств и целей, что делает рассматриваемый критерий полемичным. Более подробно мы рассмотрим это в своих последующих работах.

Классификация ОРМ по субъекту проведения свойственна практически всем без исключения ученым, рассматривающим этот аспект. При этом имеются некоторые отличия в их взглядах. Так, авторский коллектив (А. В. Богданов, В. А. Гавриков, Е. С. Дубоносов и Е. А. Соцков), предлагая критерий классификации «по субъекту проведения», делит все мероприятия на «мероприятия, проведение которых допустимо любыми органами – субъектами ОРД; мероприятия, проведение которых допустимо специализированными оперативными подразделениями»⁷. Практически идентичной классификации придерживается и авторский коллектив учебника по оперативно-розыскной деятельности – «по субъектам, участвующим в их проведении: проводимые всеми субъектами ОРД и проводимые специализированными субъектами (БСТМ, ОПБ и др.)»⁸. Разница рассматриваемых воззрений нам видится лишь в используемых дефинициях субъектов. При всей актуальности критерия классификации «по субъекту проведения», мы считаем, что вышеуказанные классы не полностью охватывают всех возможных в действительности субъектов, что несколько снижает ценность этой классификации.

Во-первых, бесспорно, что все ОРМ можно разделить по критерию их проведения тем или иным субъектом ОРД – государственным правоохранительным органом или его особым структурным подразделением.

Во-вторых, разделить ОРМ можно по непосредственным исполнителям, которыми могут являться оперативные сотрудники ОВД, неоперативные сотрудники ОВД, оперативные сотрудники иных субъектов ОРД, конфидененты, а также привлеченные лица, не имеющие статуса конфиденентов.

И тут очевидны сразу несколько вопросов – что (кого) именно подразумевают авторы классификации под субъектом проведения? отождествляют ли они понятия «субъект ОРД» и «субъект ОРМ», «субъект и исполнитель ОРМ» или разделяют их? В зависимости от этого будут разниться и выводы о полноте или неполноте (правильности/неправильности) данного подхода.

Незначительные расхождения имеются во взглядах ученых на классификацию в зависимости от формы проведения. Разделить все оперативно-розыскные мероприятия только на две большие изолированные группы – «гласные» и «негласные», учитывая вариативную практику (или тактические особенности) их проведения, нам представляется нерациональным, хотя такие классификации без дополнительных пояснений встречаются в научной и учебно-методической литературе. Более того, с учетом современной концепции использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, заключающейся в рассекречивании и предании их гласности, мы считаем уже неактуальным деление негласных ОРМ на «абсолютно негласные» и «относительно негласные»⁹.

К сожалению, будучи возможной, классификация «по форме проведения» не отражает всего разнообразия «гласно-негласных» форм ОРМ и потому оценивается многими нашими

⁶ См., например: Осипкин В. Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью : учебное пособие Санкт-Петербург : [б. и.], 2001. 279 с. и др.

⁷ Богданов А. В. Указ. соч. С. 44.

⁸ Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / Шахапсоев З. Л. [и др.] ; под ред. З. Л. Шахапсоева, Н. П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 129–130.

⁹ См., например: Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва : Инфра-М, 2006. С. 286.

предшественниками [13–16] и нами как не самая оптимальная. В связи с этим большинство авторов, разделяя все ОРМ на гласные и негласные, тем не менее дополнительно уточняют, что некоторые из них могут проводиться как гласно, так и негласно, а некоторые – только негласно. Такой подход представляется правильным, но в то же время все равно неполным в связи с тем, что даже «полностью» гласные ОРМ допускают частичную или ограниченную негласность, касающуюся отдельных аспектов осуществления ОРМ – например, зашифровку истинных целей инициатора, принадлежность исполнителя к оперативным или правоохранительным органам, утаивание (умалчивание) отдельных обстоятельств обсуждаемой темы и пр. Ряд авторов считают такие мероприятия особой разновидностью гласно-негласных ОРМ и называют «зашифрованными», что, однако, не находит отражения в «основной» классификации, а оговаривается в сопутствующих комментариях¹⁰. К тому же такая классификация, на наш взгляд, никак не отражает место и форму легендированных мероприятий, представляющих собой определенный симбиоз гласности и негласности одновременно, что делает объективно сложным отнесение их к той или иной группе.

В связи со сказанным наиболее рациональной нам представляется следующая классификация по рассматриваемому основанию – гласные и негласные, осуществляемые с зашифровкой их истинной цели и (или) без нее, а также легендированные¹¹.

Определенные сомнения у нас вызывает классификация в зависимости от времени или продолжительности проведения мероприятия – разовые и длящиеся. Аргументы сторонников данной классификации основаны на предусмотренных ст. 9 «Основания и порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий» Закона об ОРД срокам проведения таких ОРМ, как «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «прослушивание телефонных переговоров», «снятие информации с технических каналов связи», «получение компьютерной информации», составляющим не более 6 месяцев (180 дней), и представляются вполне убедительными и бесспорными.

Такие мероприятия, безусловно, следует признать «длящимися», ибо они изначально предполагают некий продолжительный период осуществления и перманентное получение оперативно-значимой информации, ее контроль, фиксацию и даже, возможно (в зависимости от складывающейся оперативной обстановки), реализацию. Хотя очевидно, что они могут варьироваться по срокам, документально предоставленным и отраженным в судебной санкции, и по срокам (длительности) реально проводимого ОРМ – например, от одних суток (при выявлении и задержании разыскиваемого лица и отсутствии дальнейшей необходимости в ОРМ), до полных 180 суток (при документировании преступной деятельности, выявлении связей и намерений фигурантов и пр.). Казалось бы, что все остальные ОРМ, помимо перечисленных, должны считаться разовыми.

Однако многолетняя оперативно-розыскная практика свидетельствует, что такие ОРМ, как «сбор образцов для сравнительного исследования», «оперативное внедрение», «контролируемая поставка» и «оперативный эксперимент», формально являясь в соответствии с предложенной классификацией «разовыми», тем не менее могут требовать длительного времени на реализацию и непосредственное решение задач (достижение цели), что позволяет говорить об их длящемся характере.

Так, негласный сбор биологических образцов подозреваемого как тактическая разновидность соответствующего ОРМ «сбор образцов...», может длиться несколько минут, часов, дней (или даже недель)¹².

Контролируемая поставка может зависеть от реального времени нахождения груза в пути от начальной до конечной точки (например: курьер, перевозящий свой багаж самолетом, может находиться в пути несколько часов; автомобиль, перевозящий контролируемый груз между городами или странами, может находиться в пути от нескольких дней до нескольких недель, а пароход, перевозящий контейнеры или иной контролируемый груз – несколько месяцев) [17; 18]. Учитывая же практикуемый преступными сообществами длительный (до года и более) «отстой» поставляемого объекта (похищенного автотранспорта, контейнера с нелегальным

¹⁰ Теория оперативно-розыскной деятельности... С. 283.

¹¹ Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел... С. 129–130.

¹² В данном случае речь идет не о длительности непосредственного обнаружения, фиксации и изъятия (упаковки) образцов, что объективно занимает несколько минут, а о выявлении и использовании самой возможности обнаружения факта оставления фигурантом своих биологических или иных образцов – следы пальцев рук на материальном объекте, следы слюны на окурке сигареты, следы крови на лейкопластыре и т. п., что может потребовать неопределенно длительного времени или проведения специальной оперативной комбинации по созданию необходимой обстановки (условий) (отмечено авторами).

содержимым, мобильной нарколаборатории и пр.) в безопасном месте, срок проведения такого ОРМ может исчисляться многими месяцами и даже годами.

Оперативное внедрение также, по нашему убеждению, собственному оперативному и научному опыту, осуществляется зачастую не одномоментно, а в срок (от нескольких часов, дней, недель или даже месяцев), который просто невозможно предусмотреть. Хотя, несомненно, у этого ОРМ есть и недолгие по времени, так называемые «краткосрочные» тактические формы. Более того, при оценке длительности оперативного внедрения возникает закономерный вопрос, что считать сроком оперативного внедрения:

- время с момента начала ОРМ до фактического внедрения лица в криминальную среду или на объект;
- время с момента внедрения до момента достижения цели (которая может быть длящейся (например, постоянное получение информации о состоянии оперативной обстановки);
- время непосредственного пребывания внедренного лица в преступной среде или на объекте внедрения;
- время с момента начала ОРМ до момента достижения цели (по сути – оба первых варианта)?

Полагаем, что несмотря на многочисленные исследования указанной области [19–21], общепризнанный ответ на этот вопрос к настоящему времени научным сообществом не сформулирован. Вероятно, он заключается в понимании сущности самого оперативного внедрения и может значительно варьироваться в зависимости от научных позиций авторов.

Оперативный эксперимент, проводимый по выявлению серийных преступлений, также может длиться достаточно долго, на что указывает большинство исследователей¹³ [22]. Разумеется, при планировании оперативных экспериментов по выявлению серийных преступников отыскиваются и кладутся в основу в т. ч. и временные факторы совершения преступлений, но невозможно гарантированно предусмотреть время и длительность проведения ОРМ, точно (с минимальной погрешностью) совпадающее со временем предполагаемого преступления неизвестным преступником. Например, печально известный серийный убийца Андрей Чикатило в период с 1978 по 1990 гг. (т. е. за 13 лет / 156 месяцев) совершил убийство 53 человек [23–25]. С определенной долей условности можно констатировать, что в среднем им совершалось одно убийство в три месяца, хотя это не отражает реальной картины его преступной деятельности. Зная эти обстоятельства, в таких условиях ОРМ «оперативный эксперимент» с целью выявления и задержания преступника должно планироваться и проводиться с предполагаемой длительностью, не менее трех месяцев. Таким образом, срок (длительность) указанных ОРМ и соответственно их правильная классификация, основанная на этом критерии, представляются весьма неопределенными.

При этом на все без исключения вышеперечисленные мероприятия, даже при их длительности в несколько дней или недель, в соответствии с действующими нормативными документами, готовится лишь один пакет документов, который указывает как раз на их «разовый» характер. Кроме того, в контексте рассматриваемой классификации представляется непонятным статус комплексных и электронных форм ОРМ «наблюдение», имеющих в соответствии с ведомственными нормативными предписаниями ограниченного пользования конкретно указанные сроки проведения, лимитированные всего несколькими днями и в обычных условиях не допускающие повторности в течение длительного времени.

Считаем, что указанные специфики перечисленных ОРМ не отражены в данной классификации, что говорит о ее (классификации) некоторой незавершенности в настоящем виде и необходимости доработки. Возможно, решение данной проблемы заключается в выделении еще одной (или даже нескольких) группы ОРМ, включающей в себя как раз мероприятия, длительность которых является неопределенной и (или) зависящей от множества иных правовых или оперативно-тактических факторов.

Также полемичной нам представляется классификация в зависимости от сочетания ОРМ между собой – относительно автономные и комплексные. Наши сомнения и возражения заключаются в следующем.

Во-первых, отдельный перечень оперативно-розыскных мероприятий в ст. 6 Закона об ОРД, по нашему убеждению, категорично указывает именно на самостоятельный характер

¹³ Шахматов А. В., Захарцев С. И., Спиридонов П. Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1 (25). С. 113–117.

каждого из них¹⁴. У каждого из всех представленных в Законе об ОРД мероприятий есть свои юридические основания и условия проведения, своя отличная от иных мероприятий цель, свой круг исполнителей, годами и даже веками нарабатанная практика проведения и документального оформления, что наглядно свидетельствует об их и юридической, и практической самостоятельности и самодостаточности.

Во-вторых, мы согласны с учеными, считающими, что «каждое из ОРМ может проводиться как самостоятельно, независимо от других, так и в совокупности с иными мероприятиями»¹⁵. Однако «совокупность», по нашему мнению, имеет некоторые функциональные рамки (границы) и заключается скорее в определенной последовательности или очередности, нежели в функционально-деятельностном смешении, что даст уже некий новый познавательный инструмент, возможно, не предусмотренный в законе. Наше мнение полностью коррелирует с ранее высказанной точкой зрения вышеупомянутых авторитетных ученых: «Различное сочетание ОРМ, дифференциация форм их проведения, состава участников, применение различных приемов, способов и операций образуют методы ОРД»¹⁶. Не комплексное ОРМ, а именно метод ОРД – т. е. использование соответствующих отдельным ОРМ оперативно-розыскных и (или) просто общенаучных методов (наблюдение, сравнение, описание, интервьюирование, эксперимент и пр.) в процессе проведения других ОРМ не делает их комплексными. Например, при опросе некоего лица оперативный сотрудник может наблюдать за его реакциями, поведением, мимикой, жестами (т. е. как бы проводить ОРМ «наблюдение») и делать определенные, в т. ч. оперативно-значимые выводы, но это не означает, что такое ОРМ носит комплексный характер. В противном случае следовало бы объективно признать, что все без исключения ОРМ являются комплексными. При этом сложность подготовки и проведения мероприятия, заключающаяся в необходимости разработки и обеспечения легенды, документов прикрытия, оперативных гардеробов, проведения оперативных комбинаций и многие др., может быть ситуативно свойственно самым разным ОРМ – легендированному оперативному осмотру, скрытому (наружному) наблюдению, сбору образцов для сравнительного исследования, оперативному внедрению, оперативному эксперименту, контролируемой поставке, проверочной закупке – и необязательно являться показателем именно комплексного характера ОРМ.

В-третьих, мы, конечно же, не можем отрицать очевидного комплексного (в значении совокупности/сочетания) использования в оперативно-розыскной практике таких ОРМ, как «опрос», «наведение справок», «отождествление личности», «наблюдение», «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при работе личным сыском, проведении оперативных установок, скрытого наблюдения, разведывательных опросов и легендированных осмотров, которые отсутствуют в Законе об ОРД как самостоятельные ОРМ и считаются оперативно-розыскными методами наряду с аналитической разведкой и агентурным методом [26; 27] либо комплексами оперативно-розыскных мероприятий, но не отдельными ОРМ.

В-четвертых, даже если предположить, возможность комплексного проведения нескольких ОРМ, возникают сразу несколько вопросов, ответы на которые с трудом соотносятся друг с другом:

- каким документом (пакетом документов) оформлять такое «комплексное ОРМ», если в соответствии с действующим законодательством и представленной ниже правоприменительной практикой абсолютное большинство ОРМ в настоящее время оформляются отдельным постановлением инициатора, согласованным с руководителем оперативного подразделения и утвержденным начальником органа, осуществляющего ОРД, заданием, планом и мн. др.;

- кто является субъектом (лицом, принимающим решение и несущим ответственность) и непосредственным исполнителем, если оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые комплексно предполагают разнообразные, но обязательные для каждого ОРМ варианты согласования, санкционирования и исполнения;

- кто (какое должностное лицо), в соответствии с какой процедурой и в какие сроки разрешает или санкционирует ОРМ разного уровня санкционирования, осуществляемые комплексно;

¹⁴ Гипотетическим исключением можно считать такие ОРМ, как «сбор образцов для сравнительного исследования», «проверочная закупка», «оперативное внедрение» в связи с тем, что зачастую результаты этих оперативно-розыскных мероприятий не имеют (не могут иметь!) самостоятельного оперативно-тактического и тем более – уголовно-процессуального (доказательственного) значения без проведения дополнительных ОРМ с использованием ранее полученных результатов (информации) или в отношении их (отмечено авторами).

¹⁵ См., например: Комментарий к Федеральному закону... С. 101.

¹⁶ Там же.

– как должны соотноситься между собой ОРМ, осуществляемые (запланированные) в комплексе, но неоднозначно оцененные санкционирующим субъектом и (или) разрешенные на различные сроки.

На основании изложенного указанная классификация отчасти нам представляется несостоятельной и требующей дополнительной убедительной аргументации ее сторонников.

Все вышеизложенное равным образом относится к классификациям, предлагаемым и некоторыми иными авторами¹⁷ [28], что позволяет нам заявлять об идентичности позиций большинства исследователей относительно классификации ОРМ за исключением некоторых субъективно понимаемых ими терминов и понятий.

Рассмотрев наиболее общие для большинства авторов (научных коллективов) классификации, проанализируем отдельные взгляды на некоторые возможные основания (критерии) классификаций, способные породить иные (помимо представленных выше) сомнения или вопросы.

Весьма интересную (в ряду иных собственных) классификацию «по возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам» в 2004 году предлагал С. И. Захарцев [10]. Очевидно, что в основу такого подхода был положен актуальный на тот момент постулат, что результаты негласных ОРМ, а особенно их оперативно-технических и оперативно-поисковых разновидностей априори не могут (не могли) использоваться в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. Однако в настоящее время, по прошествии более чем 20 лет с момента предложения С. И. Захарцева, ситуация с использованием результатов ОРД вообще и результатов ОРМ (в т. ч. негласных и проводимых сотрудниками оперативно-поисковых и оперативно-технических подразделений) радикально изменилась. Современная оперативно-розыскная, следственная и судебная практика наглядно и безапелляционно свидетельствуют о постоянном, активном и самом главном – результативном использовании результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве. Исключения имеют несистемный характер и основаны на сугубо ситуативных и частных обстоятельствах. В контексте сказанного оперативно-розыскным мероприятием, результаты которого могут использоваться в уголовном судопроизводстве (или, другими словами, в доказывании по уголовным делам), следует считать практически любое ОРМ, что снижает практическую составляющую классификации, оставляя несомненной ее научную ценность.

Представительный и уважаемый авторский коллектив учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» со ссылкой на более раннее мнение профессора В. Г. Боброва¹⁸, придерживается следующих классификаций оперативно-розыскных мероприятий помимо вышеуказанных:

- по степени проникновения в криминально-криминогенную среду – глубокие и поверхностные;
- по направленности и характеру – разведывательные, контрразведывательные, оперативно-поисковые, розыскные, вспомогательные, обеспечивающие и другие;
- по интенсивности использования технических средств – оперативно-технические, не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания их проведения¹⁹.

Во многом аналогичной классификации придерживается вышеуказанный коллектив авторов учебного пособия по ОРД в схемах и определениях²⁰, а также профессор А. Ю. Шумилов²¹.

Рассматривая и оценивая степень проникновения в криминально-криминогенную среду, интересным представляется комментарий авторов (сторонников) этого критерия: «...наиболее потенциально глубокими следует признать оперативное внедрение в преступную среду и агентурное наблюдение за ней, а самыми поверхностными – сбор образцов для сравнительного исследования и отождествление личности»²². По нашему глубокому убеждению, основанному на личном опыте оперативной работы и предшествующим научным изысканиям, оперативно-

¹⁷ См., например: Оперативно-розыскная деятельность : учебник / Е. С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2013. С. 251–252. ; Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности... С. 132–133. ; Комментарий к Федеральному закону... С. 101. ; Правовые основы оперативно-розыскной деятельности... 151 с. ; Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под общ. ред. В. В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. 296 с. ; Амичба Л. Р., Зорин С. Л., Петухов Ю. Е. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации : учебное пособие. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2023. 127 с. и др.

¹⁸ Бобров В.Г. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁹ Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва : Инфра-М, 2006. С. 285–288.

²⁰ Богданов А. В. Указ. соч. С. 44.

²¹ Шумилов А. Ю. Указ. соч. 368 с.

²² Теория оперативно-розыскной деятельности... С. 285–288.

розыскное мероприятие «оперативное внедрение», безусловно, является самым «острым» инвазивным оперативно-розыскным «инструментом» по проникновению в криминально-криминогенную (и не только) среду, включающую в себя отдельных индивидов и их группы, социальные объекты, территории и пр.

Но агентурное (или, как его называли ранее – внутреннее) наблюдение как непосредственная реализация соответствующего метода ОРД и в то же время длящийся (возможно, даже весьма продолжительно) результат ОРМ «оперативное внедрение» уже является не отдельным мероприятием и даже не их совокупностью, а самостоятельным направлением деятельности, хотя, конечно же, основано на успешно проведенном проникновении на криминальный объект или в среду. К тому же оперативное внедрение может осуществляться с целью последующего проведения иных не столь «проникающих» ОРМ, например, банального опроса или сбора образцов для сравнительного исследования (которое, по мнению сторонников классификации, является самым поверхностным).

Оперативное внедрение само по себе не познавательно, а дает только гипотетическую возможность, шанс на осуществление какой-то последующей уже когнитивной (или иной, например, информационно-воздействующей, побудительной) деятельности, выгодной субъекту ОРД. А это может и не быть реализовано по бесконечному перечню причин. Кроме того, возникает вполне резонный вопрос – как с позиции «глубины проникновения» расценивать ОРМ «оперативное внедрение», если его конечной целью является не получение информации при проведении иных познавательных ОРМ, а наоборот – целенаправленное доведение некоей информации (дезинформации) до конкретного лица/группы лиц (объекта внедрения), т. е. использование внедренного сотрудника в качестве «агента влияния» [29]. Разумеется, социальное положение, статус лица в криминальной среде, его преступный авторитет или властные полномочия имеют значение при оказании на него некоего информационно-побудительного воздействия с учетом последующих реакций этого лица и их последствий, но помимо этого есть множество иных детерминант, влияющих на достижение оперативно-тактической цели. Конечные результаты в таких случаях могут быть диаметрально противоположными, различными и несопоставимыми по степени важности как для конкретной разработки (оперативной комбинации или операции), так и для ОРД в целом.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие характеристики, показатели и критерии самого оперативно-розыскного мероприятия, криминально-криминогенной среды, полученных результатов (как тактических, так и стратегических – уголовно-процессуальных) определяют глубину (степень или уровень) проникновения в криминально-криминогенную среду – сложность подготовки, стоимость (дороговизну); количество, длительность и интенсивность использования негласных сил и средств; количество и качество полученной (или перманентно получаемой) информации; возможность реализации (процессуализации) полученных результатов и т. п., а также соотношения этих и любых иных параметров?

С одной стороны, глубокие ОРМ предполагают определенный уровень сложности, возможность расшифровки, риск активного противодействия со стороны преступников, опасность для жизни /здоровья /имущества исполнителей (участников) и пр. Но с другой стороны, и поверхностные ОРМ допускают все то же самое и при этом их результаты могут иметь самое экзистенциальное значение для всего процесса уголовного судопроизводства. Например, в ходе банального опроса, наведения справок или сбора образцов для сравнительного исследования оперативным сотрудником или конфиденнтом получается информация, имеющая основополагающее доказательственное значение, но при этом его участники могут подвергаться риску самых серьезных негативных последствий для себя лично и своих близких. В свете сказанного, данная классификация без конкретных, строго обозначенных и четко понимаемых критериев деления, нам представляется весьма условной и очень во многом зависящей от дополнительных (ситуативных) условий и обстоятельств осуществления отдельных ОРМ.

Весьма полемичной нам представляется классификация оперативно-розыскных мероприятий «по направленности и характеру» на разведывательные, контрразведывательные, оперативно-поисковые, розыскные, вспомогательные, обеспечивающие и другие. Считаем, что данная классификация представляет собой разделение всех ОРМ не по единому строго определенному критерию, а по бессистемной совокупности сразу нескольких критериев.

Так, разделение ОРМ на разведывательные и контрразведывательные указывают на цели мероприятий (которые в равной степени могут соответствовать любому из них) или на направление использования полученной информации. Например, ОРМ «опрос» может проводиться и с разведывательной и с контрразведывательной целью, а полученная при этом информация использоваться в аналогичных направлениях. Более того, мы уверены в том, что любое ОРМ

изначально по своей сути является разведывательным, т. е. когнитивно-познавательным мероприятием. Использование же полученных результатов для выяснения планов противника (в разведывательных целях) или для противодействия его намерениям и действиям, направленным против субъекта оперативно-розыскной деятельности (в контрразведывательных целях), определяется сферой деятельности оперативного подразделения и конкретными задачами, которые стоят перед сотрудниками, а также текущей оперативной обстановкой.

Полагаем, что подобная классификация, но основанная уже на несколько иной аргументации – на соответствующем субъекте, наделенном функциями разведки или контрразведки, также не выдерживает критики ввиду отнесения законодателем всех ОРМ к компетенции любого из субъектов ОРД, независимо от его «специализации».

Оперативно-поисковыми мероприятиями традиционно называются комплексы ОРМ, осуществляемые сотрудниками оперативно-поисковых подразделений органов внутренних дел, предусмотренных приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность»²³. Такие мероприятия подготовливаются и проводятся исключительно штатными негласными сотрудниками указанных подразделений, легендированно или строго негласно с использованием специальных средств ОРД²⁴. Иные оперативные подразделения территориальных органов внутренних дел просто не вправе осуществлять указанные мероприятия. К тому же следует признать, что оперативно-поисковые мероприятия не упоминаются в Законе об ОРД и являются именно сложным комплексом ОРМ, официально перечисленных в ст. 6 «Оперативно-розыскные мероприятия» Закона об ОРД, в ходе которого может быть проведено абсолютно любое ОРМ, за исключением судебно санкционируемых. В указанных обстоятельствах полагаем просто невозможным выделять такой самостоятельный класс ОРМ, как «оперативно-поисковые».

Рассматривая далее такой вариант ОРМ из предложенной классификации, как «розыскные», мы также считаем, что подобное деление более отражает относимость оперативно-розыскного мероприятия к решению задач ОРД, перечисленных в одноименной ст. 2 Закона об ОРД, нежели классификацию по предложенному авторами критерию. В данном случае таковой является задача «осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших». И решению названной задачи может способствовать практически любое ОРМ за редким исключением.

Некоторую специфику в понимание данной классификации вносят отдельные положения Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ²⁵ (далее – Закон о полиции), о которых мы ранее писали в своих работах [30; 31]. Хотя справедливости ради следует отметить, что они (положения) объективно не могли быть учтены авторами, предложившими свою классификацию задолго до выхода в свет указанного закона. Так, анализ объектов розыска перечисленных в п. 12 ст. 12 «Обязанности полиции» и п. 10 ст. 13 «Права полиции» Закона о полиции, показывает, что таковыми помимо прочих являются «похищенное имущество», «имущество, подлежащее конфискации», «похищенные или угнанные транспортные средства». Хотя в юридической науке имеются точки зрения о том, что объектами розыска являются различные предметы, похищенное имущество и пр.²⁶, тем не менее оперативно-розыскная наука и практика традиционно относят к объектам розыска исключительно лиц. Сравнительный анализ практики розыска лиц и современных теоретических воззрений на учение о розыске [32] наглядно свидетельствует, что розыскная деятельность оперативных подразделений полиции направлена исключительно на лиц и является самостоятельным направлением (задачей). Авторы всецело разделяют эту позицию.

Следующие оперативно-розыскные мероприятия рассматриваемой классификации – вспомогательные и обеспечивающие. Прежде всего считаем достаточно странным выделение «вспомогательных» и «обеспечивающих» мероприятий без выделения «основных» (главных,

²³ Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 (зарег. в Минюсте России 17.08.2023, № 74840) // Официальный Интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308180005> (дата обращения: 18.08.2025).

²⁴ В данном случае имеются в виду не только специальные оперативно-технические средства для негласного получения информации, но средства ОРД в самом широком смысле – специальный транспорт, средства маскировки и изменения внешности, средства связи и т. п. (отмечено авторами).

²⁵ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

²⁶ См., например: Криминалистика : учебник / Богданов Б. Е., Васильев А. Н., Герасимов В. Н. [и др.] ; под ред. А. Н. Васильева. 3-е изд. Москва : Издательство МГУ, 1980. С. 453 ; Криминалистика / Шаламов М. П., Васильев А. Н. [и др.] ; отв. ред. С. А. Голунский. Москва : Госюриздат, 1959. С. 328 ; Криминалистика : учебник / Герасимов И. Ф., Драпкин Л. Я., Ищенко Е. П. [и др.] ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. Москва : Высшая школа, 1994. С. 519 и др.

базовых и т. п.), ибо представляется совершенно логичным обязательное наличие таковых при наличии двух указанных. Кроме того, нам представляется очевидной смысловая близость рассматриваемых терминов, позволяющая считать их взаимозаменяемыми синонимами, что исключает необходимость их раздельного использования в классификации (по крайней мере без дополнительных комментариев и уточнений). Полагаем, что ряд оперативно-розыскных мероприятий могут считаться именно вспомогательными, т. к. целью их является (или может являться) создание условий для проведения иного мероприятия. На наш взгляд, таковыми, безусловно, следует признать ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» и «Оперативное внедрение». При определенной совокупности обстоятельств, целей и задач вспомогательным может быть и такое ОРМ, как «Проверочная закупка».

Но по большому счету практически любое оперативно-розыскное мероприятие можно рассматривать как вспомогательное или обеспечивающее по отношению к последующему ОРМ, основанному на его результатах. Например, оперативно-розыскное мероприятие «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» может являться обеспечивающим по отношению к планируемому ОРМ «Наблюдение» и по сути рекогносцировкой местности. ОРМ «Опрос» в отношении жертвы преступления (потерпевшего) или очевидца (свидетеля) зачастую предшествует и предопределяет (т. е. обеспечивает) результативности ОРМ «Отождествление личности» и т. п. Сказанное позволяет нам заявлять о нерациональности рассматриваемого подхода и отсутствии строгих критериев при оценке того или иного ОРМ.

Последнее деление ОРМ из предложенной классификации – «по интенсивности использования технических средств» – оперативно-технические, не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания их проведения. Данная классификация из всех, рассмотренных в этом смысловом блоке, представляется весьма обоснованной и последовательной. Аналогичные или с некоторыми незначительными редакционными изменениями классификации предлагаются и многими иными авторами и будут исследованы нами далее.

Авторский коллектив Барнаульского юридического института МВД России предлагает похожую на вышерассмотренную классификацию, в то же время несколько иначе трактуя некоторые критерии классификации. Например, такой критерий, как «в зависимости от формы проведения», сформулирован, как в зависимости от степени конспирации, оставаясь содержательно неизменным – проводимые как гласно, так и негласно и проводимые только негласно²⁷. Считаем, что гласная или негласная формы, безусловно, определяют необходимость и интенсивность применения мер конспирации и ее степень, т. е. и тот и другой критерии являются неразрывно взаимосвязанными. Тем не менее при всей актуальности указанная классификация все-таки прямо не предусматривает легендированных мероприятий, которые являются значимым и неотъемлемым элементом современной ОРД, будучи одновременно и гласным и негласным «событием», требуют соблюдения мер конспирации и не могут быть игнорированы.

Интересная и в то же время неоднозначная классификация предлагается в учебном пособии С. В. Назарова, где ОРМ систематизируются помимо прочих еще и в зависимости от следующих составляющих:

- применяемых сил и средств: с участием конфиденентов и с применением оперативно-технических средств, иные;
- способа получения информации: ОРМ, направленные на непосредственное ее получение (опрос и др.), на опосредованное получение (снятие информации с технических каналов связи), смешанное получение (наблюдение и др.)²⁸.

При исследовании первого из перечисленных критериев наши сомнения обусловлены двумя факторами.

Во-первых, деление всех ОРМ на проводимые разными категориями представителей сил ОРД должно предполагать перечисление не только упомянутых конфиденентов, но всех без исключения оперативно-розыскных сил, к которым на основании нашего исследования мы относим следующие:

- штатные гласные сотрудники оперативных подразделений, являющиеся основными пользователями оперативно-розыскного инструментария;
- штатные негласные сотрудники (ШНС) оперативных подразделений, специализирующиеся в основном на негласном использовании специализированного оперативно-розыскного инструментария;

²⁷ Основы оперативно-розыскной деятельности... С. 89.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

– иные сотрудники правоохранительных органов, частично применяющие в основном гласно оперативно-розыскной инструментарий самостоятельно или в порядке взаимодействия с оперативными подразделениями;

– лица, оказывающие все виды (гласное, негласное, анонимное) содействия оперативным подразделениям;

– лица, являющиеся внештатными сотрудниками полиции (оперативных подразделений);

– специалисты, привлекаемые к решению отдельных (как правило, вспомогательных, второстепенных) задач ОРД;

– кинологи (проводники) служебно-розыскных собак, применяемых при раскрытии преступлений, розыске, преследовании и задержании преступников, проведении отдельных ОРМ [33, с. 31].

Однако в представленной классификации этого не наблюдается, что вызывает обоснованный вопрос «почему?».

Во-вторых, формулировка «с применением оперативно-технических средств» представляется чрезмерно широкой и содержательно неконкретной. Учитывая разнообразие оперативно-технических средств, декларированных в основополагающих нормативных документах, регламентирующих рассматриваемую сферу, можно утверждать, что оперативно-технические средства могут быть применены практически в любом ОРМ. Сравнительный анализ нижеперечисленных видов специальных оперативно-технических средств, представленных в нормативных правовых актах (то есть легитимизирующих эти СТС), подтверждает правоту нашего тезиса.

Так, Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770²⁹, декларирует следующие виды оперативно-розыскных специальных технических средств:

- 1) для негласного получения и регистрации акустической информации;
- 2) для негласного визуального наблюдения и документирования;
- 3) для негласного прослушивания телефонных переговоров;
- 4) для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи;
- 5) для негласного контроля почтовых сообщений и отправок;
- 6) для негласного исследования предметов и документов;
- 7) для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов;
- 8) для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов;
- 9) для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи;
- 10) для негласной идентификации личности.

Одновременно с этим «Положение о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию», утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214³⁰, устанавливает следующий список видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию, в т. ч. для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД:

- 1) для негласного исследования предметов и документов;
- 2) для негласного визуального наблюдения и документирования;
- 3) для негласного получения и регистрации акустической информации;
- 4) для негласной идентификации личности;

²⁹ Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и перечня видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности : постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770 // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3382.

³⁰ Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию : постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2000 г. № 214 (ред. от 21.08.2025) // СЗ РФ. 2000. № 12. Ст. 1292.

5) для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов;

6) для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений;

7) для негласного прослушивания телефонных переговоров;

8) для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи;

9) для негласного получения информации (изменения, уничтожения) с технических средств ее хранения, обработки и передачи.

В дополнение к вышеуказанным документам решение Коллегии Европейской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования»³¹ в разделе 2.17. «Специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации», определяет следующие специальные технические средства оперативно-розыскного предназначения:

1) для негласного получения и регистрации акустической информации:

– системы проводной связи, предназначенные для негласного получения и (или) регистрации акустической информации;

– радиоэлектронные устройства, предназначенные для негласного получения и (или) регистрации акустической информации;

– электронные устройства, предназначенные для негласной регистрации акустической информации;

2) для негласного визуального наблюдения и регистрации видеоинформации:

– объективы с вынесенным зрачком входа (“pin-hole”);

– фотокамеры, обладающие по крайней мере одним из следующих признаков: закамуфлированные под предметы другого функционального назначения; имеющие объективы с вынесенным зрачком входа (“pin-hole”);

– телевизионные и видеокамеры, обладающие по крайней мере одним из следующих признаков: закамуфлированные под предметы другого функционального назначения; имеющие объективы с вынесенным зрачком входа (“pin-hole”);

– системы проводной связи, предназначенные для негласного получения и (или) регистрации видеоинформации;

– радиоэлектронные устройства, предназначенные для негласного получения и (или) регистрации видеоинформации;

– электронные устройства, предназначенные для негласной регистрации видеоинформации;

3) для негласного прослушивания телефонных переговоров:

– системы проводной связи, предназначенные для негласного прослушивания телефонных переговоров;

– радиоэлектронные устройства, предназначенные для негласного прослушивания телефонных переговоров;

– электронные устройства, предназначенные для негласной регистрации информации о телефонных переговорах;

4) для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи;

5) для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений;

6) для негласного исследования предметов и документов, в т. ч. переносная малогабаритная рентгеноскопическая, рентгенотелевизионная и рентгенографическая аппаратура;

7) для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов: средства для вскрытия запирающих устройств, переносная малогабаритная рентгеноскопическая, рентгенотелевизионная и рентгенографическая аппаратура;

8) для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов;

³¹ О мерах нетарифного регулирования» (вместе с «Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза органов и тканей человека, крови и ее компонентов, образцов биологических материалов человека», «Положением о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза минерального сырья», «Положением о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза диких живых животных, отдельных дикорастущих растений и дикорастущего лекарственного сырья», «Положением о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза редких и находящихся под угрозой исчезновения видов диких живых животных и дикорастущих растений, включенных в красные книги государств-членов Евразийского экономического союза», «Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза опасных отходов», «Положением о вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза культурных ценностей, документов национальных архивных фондов и оригиналов архивных документов», «Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза шифровальных (криптографических) средств», «Положением о ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозе с таможенной территории Евразийского экономического союза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров») : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 (ред. от 04.10.2021) // Таможенные ведомости. 2015. № 12.

9) для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи;

10) для негласной идентификации личности; специальные технические средства для негласной регистрации психофизиологических реакций человека.

Сравнение всех перечисленных видов специальных технических средств и функционально-содержательного аспекта оперативно-розыскных мероприятий позволяет утверждать, что практически любому ОРМ соответствует некое официально закрепленное в представленных документах оперативно-техническое средство, гипотетически предназначенное для использования в процессе проведения какого-либо оперативно-розыскного мероприятия. Это подвергает обоснованному сомнению использование в классификации обобщенного термина «специальные технические средства». Для точной и корректной классификации более важно все-таки то, какую именно функцию (основную или вспомогательную) выполняют указанные технические средства. Такое применение может являться как основным (и даже единственным) способом получения и фиксации информации, так и выполнять вспомогательную функцию при проведении ОРМ, не связанных с непосредственным использованием специальных технических средств. И именно это должно быть положено в основу классификации, а не сам факт применения специальных технических средств.

Изучение второго критерия позволяет говорить о сложности в век повсеместной информатизации, компьютеризации и технического переформатирования всех сфер жизни, в т. ч. ОРД, категоричного разделения оперативно-розыскных способов получения информации на непосредственные и опосредованные. Действительно, абсолютное большинство чувственных (т. е. непосредственных) способов получения информации уже являются опосредованными разнообразными техническими приспособлениями и устройствами. Коммуникация как еще один из способов получения информации вообще и в ходе ОРМ в частности также стала во многом опосредована техническими средствами – телефоном, компьютером, радиостанциями, социальными сетями и пр. В контексте сказанного сделать категоричный вывод о непосредственном или опосредованном характере получения информации в ходе проведения ОРМ становится весьма проблематично, что вынуждает относить слишком многие оперативно-розыскные мероприятия к «смешанному» типу либо дополнять критерии деления какими-то особыми параметрами, обуславливающими более четкое деление всех ОРМ на группы (классы).

3 заключение

Завершая сравнительный анализ классификаций оперативно-розыскных мероприятий, предлагаемых учеными на протяжении значительного периода времени до и после выхода в свет Закона об ОРД, считаем возможным и необходимым сделать следующие выводы.

При современном уровне развития юридических наук вообще и теории ОРД в частности в имеющихся социально-правовых условиях единая и универсальная классификация оперативно-розыскных мероприятий невозможна.

Предлагаемые учеными классификации ОРМ отличаются различной степенью конкретизации, «универсальностью» и «точностью» критериев (оснований), что обуславливает их полемичность и предполагает высокую вероятность научной дискуссии.

Перманентное развитие социальных, правовых, криминогенных, экономических, технических и многих иных сфер жизни общества и государства влечет объективные изменения оперативно-розыскного инструментария вообще и оперативно-розыскных мероприятий как его неотъемлемой составной части. Это в свою очередь обуславливает вероятность изменений в структуре и содержании оперативно-розыскных мероприятий, их соотношениях, основаниях и условиях проведения, а соответственно – в возможности классификаций по новым основаниям.

Список источников

1. Чечетин А. Е. О соотношении понятий оперативно-розыскных мероприятий, действий и мер / Оперативно-розыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики : материалы научно-практического семинара / редкол.: В. М. Аتماжитов (отв. ред.) [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2005. С. 31–38.
2. Омелин В. Н., Квитко А. В. Субъекты проведения оперативно-розыскных мероприятий // Научный портал МВД России. 2010. № 1 (9). С. 65–70.
3. Шкабин Г. С. Уголовно-правовая классификация оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 144–146.
4. Бакланов Л. А. Изъятие документов, предметов, материалов и сообщений как основание для классификации оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2 (5). С. 50–53.

5. Кольцов Д. В. Гласность и негласность как критерии классификации оперативно-розыскных мероприятий / Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2019 : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, г. Гатчина, 17–18 мая 2019 г. Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. С. 336–338.
6. Азарков А. В., Королёв Ю. Ф. Систематизация оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 41–45.
7. Алексанин А. С., Гаранин А. О., Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия и правовое государство: исторический экскурс / Правовое государство в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 18 мая 2021 г. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 10–28.
8. Ворсбехер И. А. Понятие негласных оперативно-розыскных мероприятий // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 39–45.
9. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия : Общие положения : [монография]. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 257 с.
10. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика : монография / под ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 329 с.
11. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Детерминанты современных метаморфоз оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 38–50.
12. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Влияние гендерных изменений преступности на оперативно-розыскную деятельность // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 18–22.
13. Бобров В. Г. Некоторые суждения по поводу негласного характера оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 1 (13). С. 97–104.
14. Панюшин Д. Б. Признак выделения гласной и негласной формы оперативно-розыскных мероприятий // Концепт : [электронное издание]. 2014. Т. 20. С. 3221–3225. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54908.htm> (дата обращения: 18.08.2025).
15. Кузнецов Е. В., Самсонов В. А. Критерии разграничения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 261–262.
16. Курьесев К. Н. Гласное и негласное проведение оперативно-розыскных мероприятий: анализ законодательства некоторых стран ближнего зарубежья // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4 (69). С. 144–148.
17. Вертлюб О. Ф. Применение метода контролируемой поставки наркотиков в противодействии наркобизнесу (международно-правовой аспект) // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 297–303.
18. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как метод борьбы с незаконным перемещением наркотиков: нормативно-правовой, организационный и гносеологический аспекты // Наркоконтроль. 2025. № 3. С. 5–12. <https://doi.org/10.18572/2572-2072-2025-3-5-12>
19. Галахов С. С., Ложкин Ю. А. Понятие оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение», перспективы и направления его проведения при решении задач оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений федеральной службы исполнения наказаний // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 4 (44). С. 7–12.
20. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения : монография. Москва : Издательский дом «Юриспруденция», 2018. 272 с.
21. Михайлов В. И. Некоторые правовые и организационные основы проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение» при противодействии незаконному обороту наркотиков // Наркоконтроль. 2024. № 3. С. 2–8. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2024-3-2-8>
22. Зинкин В. К., Кондратьев М. В. Некоторые рассуждения о понятии и содержании оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13-1. С. 14–15.
23. Сидоренко А. В. Оперативно-розыскное мероприятие оперативный эксперимент в противодействии коррупционным преступлениям / Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции : в 2 т., г. Санкт-Петербург, 21 апреля 2016 г. / сост. Ю. А. Кудрявцев. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. Т. 1. С. 226–230.
24. Антонян Ю. М., Ткаченко А. А. Сексуальные преступления: Чикатило и другие. Москва : Амалтея, 1993. 320 с.
25. Лаврин А. П., Лаврин А. П. Знаменитые убийцы и жертвы. Москва : Эксмо, 2011. 288 с.
26. Румянцева Ю. Н. Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения серийных убийц / Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 1 октября 2021 г. : [в 2-х т.] / отв. ред. А. М. Бычкова, Н. В. Кешикова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. Т. 2. С. 199–203.
27. Горяинов К. К., Латынин Е. В. Соотношение оперативно-розыскных мероприятий и методов оперативно-розыскной деятельности, применяемых в деятельности УИС // Вестник Кузбасского института. 2019. № 2 (39). С. 133–140.
28. Вагин О. А., Исиченко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов : монография. Москва : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. 118 с.
29. Омелин В. Н. Соотношение и связь методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. 2020. № 3. С. 143–144. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10141>
30. Лобзов К. М. Агент влияния как криминальный субъект по негласному продвижению в своей стране антинациональных иностранных интересов (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (сыщик). 2014. № 3 (40). С. 45–51.
31. Тамбовцев А. И. Категории лиц, подлежащих розыску: сравнительный анализ положений закона Российской Федерации «О милиции» и Федерального закона «О полиции» / Оперативно-розыскное право : сборник научных статей : [электронное издание]. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2014. С. 69–77.
32. Бураков Е. В. Оперативно-розыскное учение о розыске : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2011. 191 с.
33. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография. Москва : Проспект, 2024. 304 с.

References

1. Chechetin A. E. O sootnoshenii ponyatij operativno-rozysknykh meropriyatij, dejstvij i mer / Operativno-rozysknyye meropriyatiya: aktual'nye voprosy teorii i praktiki : materialy nauchno-prakticheskogo seminara / redkol.: V. M. Atmazhitov (otv. red.) [i dr.]. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2005. S. 31–38.

2. Omelin V. N., Kvitko A. V. Sub"ekty provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatij // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2010. № 1 (9). S. 65–70.
3. Shkabin G. S. Ugolovno-pravovaya klassifikatsiya operativno-rozysknykh meropriyatij // Vestnik Ryazanskogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 4. S. 144–146.
4. Baklanov L. A. Iz"yatie dokumentov, predmetov, materialov i soobshchenij kak osnovanie dlya klassifikatsii operativno-rozysknykh meropriyatij // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. № 2 (5). S. 50–53.
5. Kol'cov D. V. Glasnost' i neglasnost' kak kriterii klassifikatsii operativno-rozysknykh meropriyatij / Aktual'nye problemy nauki i praktiki: Gatchinskije chteniya – 2019 : sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Gatchina, 17–18 maya 2019 g. Gatchina : Gosudarstvennyj institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologii, 2019. S. 336–338.
6. Agarkov A. V., Korolyov Yu. F. Sistematizatsiya operativno-rozysknykh meropriyatij, osushchestvlyаемых operativnymi podrazdeleniyami ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 2 (51). S. 41–45.
7. Aleksanin A. S., Garanin A. O., Zaharcev S. I. Operativno-rozysknye meropriyatiya i pravovoe gosudarstvo: istoricheskij ekskurs / Pravovoe gosudarstvo v sovremennom mire : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ufa, 18 maya 2021 g. Ufa : Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 10–28.
8. Vormsbekher I. A. Ponyatie neglasnykh operativno-rozysknykh meropriyatij // Yurist"-Pravoved". 2022. № 2 (101). S. 39–45.
9. Zaharcev S. I. Operativno-rozysknye meropriyatiya : Obshchie polozheniya : [monografiya]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2004. 257 s.
10. Zaharcev S. I. Operativno-rozysknye meropriyatiya: teoriya i praktika : monografiya / pod red. V. P. Sal'nikova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2004. 329 s.
11. Pavlichenko N. V., Tambovcev A. I. Determinanty sovremennykh metamorfoz operativno-rozysknykh meropriyatij // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3 (55). S. 38–50.
12. Pavlichenko N. V., Tambovcev A. I. Vliyaniye gendernykh izmenenij prestupnosti na operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Akademicheskaya mysl'. 2020. № 3 (12). S. 18–22.
13. Bobrov V. G. Nekotorye suzhdeniya po povodu neglasnogo haraktera operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2010. № 1 (13). S. 97–104.
14. Panyushin D. B. Priznak vydeleniya glasnoj i neglasnoj formy operativno-rozysknykh meropriyatij // Koncept : [elektronnoe izdanie]. 2014. T. 20. S. 3221–3225. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54908.htm> (data obrashcheniya: 18.08.2025).
15. Kuznecov E. V., Samsonov V. A. Kriterii razgraniicheniya glasnykh i neglasnykh operativno-rozysknykh meropriyatij // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 7 (122). S. 261–262.
16. Kurysev N. M. Glasnoe i neglasnoe provedenie operativno-rozysknykh meropriyatij: analiz zakonodatel'stva nekotorykh stran blizhnego zarubezh'ya // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2023. № 4 (69). S. 144–148.
17. Vertlib O. F. Primenenie metoda kontroliruemoj postavki narkotikov v protivodejstvii narkobiznesu (mezhdunarodno-pravovoj aspekt) // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2010. № 3. S. 297–303.
18. Mihajlov V. I. Kontroliruemaya postavka kak metod bor'by s nezakonnym peremeshcheniem narkotikov: normativno-pravovoj, organizacionnyj i gnoseologicheskij aspekty // Narkokontrol'. 2025. № 3. S. 5–12. <https://doi.org/10.18572/2572-2072-4160-2025-3-5-12>
19. Galahov S. S., Lozhkin Yu. A. Ponyatie operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnoe vnedrenie», perspektivy i napravleniya ego provedeniya pri reshenii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti operativnykh podrazdelenij federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2017. № 4 (44). S. 7–12.
20. Shkabin G. S. Ugolovno-pravovoe obespechenie operativnogo vnedreniya : monografiya. Moskva : Izdatel'skij dom «Yurisprudenciya», 2018. 272 s.
21. Mihajlov V. I. Nekotorye pravovye i organizacionnye osnovy provedeniya operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnoe vnedrenie» pri protivodejstvii nezakonnemu oborotu narkotikov // Narkokontrol'. 2024. № 3. S. 2–8. <https://doi.org/10.18572/2072-4160-2024-3-2-8>
22. Znikin V. K., Kondrat'ev M. V. Nekotorye rassuzhdeniya o ponyatii i soderzhanii operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnyj eksperiment» // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2013. № 13-1. S. 14–15.
23. Sidorenko A. V. Operativno-rozysknoe meropriyatie operativnyj eksperiment v protivodejstvii korrupcionnym prestupleniyam / Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya : materialy ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 t., g. Sankt-Peterburg, 21 aprelya 2016 g. / sost. Yu. A. Kudryavcev. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016. T. 1. S. 226–230.
24. Antonyan Yu. M., Tkachenko A. A. Seksual'nye prestupleniya: Chikatio i drugie. Moskva : Amal'teya, 1993. 320 s.
25. Lavrin A. P., Lavrin A. P. Znamenitye ubijcy i zhertvy. Moskva : Eksmo, 2011. 288 s.
26. Rumyancheva Yu. N. Kriminologicheskoe prognozirovanie individual'nogo prestupnogo povedeniya serijnykh ubijc / Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran: materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Irkutsk, 1 oktyabrya 2021 g. : [v 2-h t.] / otv. red. A. M. Bychkova, N. V. Keshikova. Irkutsk : Irkutskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2021. T. 2. S. 199–203.
27. Goryainov K. K., Latynin E. V. Sootnoshenie operativno-rozysknykh meropriyatij i metodov operativno-rozysknoy deyatel'nosti, primenyaemykh v deyatel'nosti UIS // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2019. № 2 (39). S. 133–140.
28. Vagin O. A., Isichenko A. P., Shabanov G. H. Operativno-rozysknye meropriyatiya i ispol'zovanie ih rezul'tatov : monografiya. Moskva : Izdatel'skij dom Shumilovoj I. I., 2006. 118 s.
29. Omelin V. N. Sootnoshenie i svyaz' metodov operativno-rozysknoy deyatel'nosti i operativno-rozysknykh meropriyatij // Zakon i pravo. 2020. № 3. S. 143–144. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10141>
30. Lobzov K. M. Agent vliyaniya kak kriminal'nyj sub"ekt po neglasnomu prodvizheniyu v svoej strane antinatsional'nykh inostrannykh interesov (teoretiko-metodologicheskij analiz) // Operativnik (syshchik). 2014. № 3 (40). S. 45–51.
31. Tambovcev A. I. Kategorii lic, podlezhashchih rozysku: sravnitel'nyj analiz polozhenij zakona Rossijskoj Federacii «O milicii» i Federal'nogo zakona «O policii» / Operativno-rozysknoe pravo : sbornik nauchnykh statej : [elektronnoe izdanie]. Volgograd : Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2014. S. 69–77.
32. Buryakov E. V. Operativno-rozysknoe uchenie o rozyske : monografiya. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2011. 191 s.
33. Tambovcev A. I., Pavlichenko N. V. Operativno-rozysknoy instrumentarij : monografiya. Moskva : Prospekt, 2024. 304 s.

Научная статья
УДК 343.4

Уголовно-правовые проблемы охраны персональных данных в системе социальных услуг

Алексей Александрович Ходусов, кандидат юридических наук, доцент

Международный юридический институт
Москва (127427, ул. Кашёнкин луг, д. 4), Российская Федерация
yustas-73@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6968-0989>

Аннотация:

Введение. Исследуемая тема обладает несомненной научной и практической значимостью, обусловленной возрастающей интенсивностью угроз информационной безопасности в контексте стремительно развивающихся технологий и повсеместного внедрения цифровых решений в социальную сферу. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения уголовно-правовой охраны персональных данных, поскольку именно эта категория преступлений приобрела устойчивый тренд в своей динамике, став актуальной проблемой современной криминологии и юридической науки. Возникающие угрозы ставят перед законодателями новые исследовательские задачи, направленные на выработку эффективных инструментов противодействия правонарушениям, затрагивающим основы конституционных прав граждан на личную тайну и безопасность.

Методы. Методология исследования включает широкий спектр подходов, позволяющих осуществить глубокий теоретико-прикладной анализ объекта исследования. Среди используемых методов выделяются историческое правописание, компаративистика нормативных актов разных стран, функционально-доктринальный подход, качественный контент-анализ судебной практики и документов правоохранительных органов, а также системно-аналитический метод.

Результаты. Итоговым результатом проведенного научного изыскания стало формулирование ряда значимых выводов относительно недостатков текущего состояния нормативно-правовой базы, касающейся вопросов уголовно-правовой охраны персональных данных в системах оказания социальных услуг. Выявлены существенные юридические лакуны, препятствующие эффективной борьбе с цифровыми нарушениями, заключающиеся в отсутствии ясности квалификации отдельных видов преступлений, неопределенности границ полномочий компетентных органов власти, отсутствия единых критериев оценки тяжести последствий действий преступников. Отдельно подчеркнута необходимость разработки и введения специфического юридического инструментария, направленного на профилактику и предупреждение киберпреступлений.

Ключевые слова:

уголовно-правовая охрана, защита персональных данных, социальные услуги, комплексный подход, материальные нормы, незаконный сбор, цифровая специфика преступлений

Для цитирования:

Ходусов А. А. Уголовно-правовые проблемы охраны персональных данных в системе социальных услуг // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 202–211.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025;
одобрена после рецензирования 02.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Criminal law issues of personal data protection in the social services system

Alexey A. Khodusov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

The International Law Institute
4, Kashyonkin lug str., Moscow, 127427, Russian Federation
yustas-73@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6968-0989>

© Ходусов А. А., 2026

Abstract:

Introduction. The research topic has undoubted scientific and practical significance due to the increasing intensity of information security threats in the context of rapidly developing technologies and the widespread implementation of digital solutions in the social sphere. Special attention is paid to the issues of ensuring the criminal law protection of personal data, as this category of crimes has acquired a steady trend in its dynamics, becoming an urgent problem in modern criminology and legal science. The emerging threats pose new research challenges for lawmakers, aimed at developing effective tools to counteract offences that affect the foundations of citizens' constitutional rights to personal privacy and security.

Methods. The research methodology includes a wide range of approaches that allow for a deep theoretical and applied analysis of the research object. Among the methods used, we can name historical legal description, comparative analysis of regulations in different countries, a functional-doctrinal approach, qualitative content analysis of judicial practice and documents from law enforcement agencies and a system-analytical method.

Results. The result of the study lies in the formulation of several significant conclusions regarding the shortcomings of the current state of the legal framework related to the criminal protection of personal data in social service systems. The article identifies significant legal gaps that hinder the effective fight against digital violations, such as the lack of clarity in the classification of certain types of crimes, the uncertainty of the competent authority boundaries and the absence of unified criteria for assessing the severity of the consequences of criminal actions. The article also emphasises the need for the development and implementation of specific legal tools aimed at preventing and combating cybercrimes.

Keywords:

criminal law protection, personal data protection, social services, comprehensive approach, material norms, illegal collection, digital characteristics of crimes

For citation:

Khodusov A. A. Criminal law issues of personal data protection in the social services system // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 202–211.

The article was submitted December 8, 2025; approved after reviewing March 2, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Эффективность правового обеспечения защиты персональных данных в системе социальных услуг становится одной из важнейших современных научно-практических задач, стоящих перед отечественным правотворчеством и наукой уголовного права. Как отмечается в ряде исследований, существующая система защиты нуждается не только в дальнейших организационных преобразованиях, но и в глубоком развитии всех элементов уголовно-правового механизма, охватывающего как материальные, так и процессуально-исполнительные аспекты правоотношений в сфере информационной безопасности.

Современный этап характеризуется значительным ростом киберугроз и усложнением способов хищения, фальсификации и неправомерного использования персональных данных граждан, осуществляющих взаимодействие с органами социальной поддержки. Несмотря на наличие определенных положений в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) (ст. 137 – нарушение неприкосновенности частной жизни, ст. 272 – неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации и др.), практика показывает их существенную ограниченность и фрагментарность. Отсутствие систематизированного и исчерпывающего перечня противоправных деяний, сопряженных с незаконным оборотом персональных данных, отсутствие дифференцированной ответственности для субъектов разного статуса (например, должностные лица учреждений соцзащиты и частные субъекты), низкий уровень определенности квалификационных признаков и недостаточно проработанные механизмы пресечения создают значительные трудности для правоохранительной практики.

Кроме того, процессы цифровизации социальной сферы порождают ряд новых рисков и вызовов, обусловленных особенностями современных информационных технологий и ускоренным развитием рынка электронных услуг. Именно поэтому остро ощущается потребность в формировании нового направления уголовно-правовых исследований, которое бы сосредоточилось на разработке четких и последовательных мер реагирования на возникающие риски. Важно отметить, что, несмотря на имеющиеся отдельные инициативы по изменению и дополнению статей УК РФ, пока отсутствует единый концептуальный подход к построению целостной модели уголовно-правовой защиты, способной эффективно противостоять современным видам злоупотреблений в области персональных данных [1].

Таким образом, предметом настоящего исследования выступает современное состояние уголовно-правовой охраны персональных данных в системе социальных услуг, а целью – выработка предложений по ее дальнейшему развитию и совершенствованию. Данный научный труд призван восполнить существующий дефицит в литературе по проблемам уголовной репрессии за посягательство на информационные права граждан и сформировать концептуальные основания для обновления уголовно-правового законодательства Российской Федерации.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Методы

В качестве методов исследования использованы частнонаучные методы. Методология исследования включает широкий спектр подходов, позволяющих осуществить глубокий теоретико-прикладной анализ объекта исследования. Среди используемых методов выделяются историческое правописание, компаративистика нормативных актов разных стран, функционально-доктринальный подход, качественный контент-анализ судебной практики и документов правоохранительных органов. Данный метод включает систематический разбор и интерпретацию судебных решений, постановлений, протоколов и иных документов правоохранительных структур. Целью является выявление ключевых тенденций, практических подходов, интерпретационных моделей и проблемных аспектов применения права. Такой анализ помогает понять реальные механизмы реализации законодательства и выявить возможные пробелы или противоречия в практике его применения. Системно-аналитический метод. Этот подход предполагает интеграцию полученных данных из различных источников и методов для формирования целостной картины исследуемого объекта. Он включает структурный анализ, моделирование, выделение взаимосвязей и закономерностей между элементами правовой системы. Использование системно-аналитического метода способствует выявлению причинно-следственных связей и структурных особенностей правовых институтов, что важно для разработки рекомендаций и практических решений.

Обсуждение

Состав преступления, объектом которого выступают персональные данные, представляет собой органичную совокупность объективных и субъективных признаков, квалифицирующих общественно опасное деяние, сопряженное с неправомерным получением, использованием, распространением или уничтожением сведений о физическом лице. Примечательно, что в современном социальном контексте подобные преступные посягательства приобретают исключительную социальную значимость, поскольку они потенциально способны затрагивать особо уязвимые группы граждан и, следовательно, имплицитно нарушать их конституционное право на социальное обеспечение и защиту.

В частности, уголовно-правовое регулирование в Российской Федерации имплементируется посредством ключевых норм, включающих, например, положения о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), которые детерминируют действия по получению информации без надлежащего согласия субъекта или правообладателя; нормы о нарушении неприкосновенности частной жизни, незаконном сборе и распространении персональных данных (ст. 137, 138 УК РФ), предусматривающие ответственность за разглашение личной или семейной тайны; а также составы, регламентирующие создание и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), которые квалифицируют незаконное вмешательство в информационные системы, потенциально влекущее утечку данных. Тем не менее, несмотря на установление уголовной ответственности, указанные составы обладают рядом существенных дефектов, ограничивающих эффективность системы правовой защиты. Анализ действующего законодательства позволяет выявить следующие ключевые недостатки. Во-первых, наблюдается нежелательная каузальная неопределенность формулировок: термины «неправомерный доступ» и «нарушение порядка обработки» не обеспечивают достаточной конкретизации противоправных действий и игнорируют специфику социальной сферы, при этом отсутствует четкая дифференциация умышленных и неосторожных форм вины. Также можно отметить недостаточную дифференциацию по объектам и последствиям: УК РФ не учитывает повышенную уязвимость субъектов социальной сферы (таких как несовершеннолетние, престарелые или лица с ограниченными возможностями и др. категории), а также не содержит отдельного регулирования для квалификации массовых утечек или применения персональных данных в целях мошенничества в социальных учреждениях.

Как отмечают исследователи, наблюдается слабость квалификации должностных и коллективных деяний: отсутствуют четкие нормы, регламентирующие ответственность за организационные и управленческие упущения, ставшие причиной утечки данных, что затрудняет квалификацию преступлений, совершенных группой лиц или по неосторожности (халатности). Также следует констатировать низкую превентивную функцию действующих санкций, которые не создают достаточного стимулирующего фактора для соблюдения правил обработки данных и не обеспечивают требуемого профилактического эффекта [2].

Представляется критически важным развитие превентивной функции УК РФ путем инкорпорации норм, которые стимулируют соблюдение регламентов обработки данных и внутренних правил безопасности, допуская, например, возможность смягчения наказания при добровольном предотвращении или устранении последствий утечки. Дополнительно требуется уточнение понятий ущерба и общественной опасности посредством четкого определения критериев «существенного вреда» и «угрозы общественной безопасности», а также дефинирование юридического момента окончания преступления для целей квалификации.

Следовательно, назрела объективная необходимость в имплементации комплекса мер, направленных на модернизацию действующего уголовного законодательства Российской Федерации с целью повышения эффективности защиты персональных данных граждан.

Также отметим, что комплексное совершенствование УК РФ, направленное на конкретизацию составов, усиление ответственности должностных лиц, введение квалифицирующих признаков и развитие превентивных механизмов, позволит существенно повысить эффективность уголовно-правовой защиты и минимизировать риски нарушения конституционных прав граждан [3].

Как известно, уголовные дела, инициируемые по фактам несанкционированного доступа к персональным данным в системе социальных услуг, обладают рядом специфических характеристик, которые преимущественно обусловлены критической значимостью обрабатываемой информации, уникальными методиками ее обработки, а также особенностями субъектов преступного посягательства. В частности, эффективность правоприменительной практики в рамках уголовного преследования напрямую коррелирует с корректностью квалификации инкриминируемого деяния, надлежащей имплементацией процедур сбора доказательств и активным использованием передовых научно-технических средств.

Результаты

Приоритетное значение приобретает детальная конкретизация объективных признаков составов преступлений, что предполагает разработку и инкорпорацию отдельных правовых норм, дифференцирующих деяния в зависимости от формы вины – умышленного или неосторожного неправомерного доступа к персональным данным. Кроме того, актуальным представляется четкое разграничение уголовно наказуемых деяний, характеризующихся признаком «существенного ущерба», от малозначительных нарушений, которые должны подлежать административной ответственности. Помимо этого, необходимо создание квалифицированных составов преступлений, отражающих специфику и повышенную общественную опасность нарушений, совершенных в системе социальных услуг.

Принципиальным аспектом является усиление ответственности субъектов, обладающих особым правовым статусом. В частности, это касается должностных лиц, в отношении которых требуется введение специальных норм, предусматривающих ответственность за преступления, совершенные с использованием служебного положения. Более того, целесообразно установление уголовной ответственности за организационные нарушения, которые имплицитно создали предпосылки и условия для масштабной утечки данных [4].

Параллельно необходимо развитие специализированных санкций уголовно-правового воздействия. К таковым, в частности, следует отнести конфискацию технических средств, использованных при совершении преступления, блокировку незаконно полученной и распространяемой информации, а также введение отягчающих обстоятельств, когда нарушение прав касается особо уязвимых категорий граждан.

Следует учитывать, что важнейшим компонентом выступает интеграция уголовно-правовых норм с превентивными механизмами. Данный подход предполагает институциональное сотрудничество с социальными учреждениями и разработку мотивационных стимулов для соблюдения мер безопасности, включая возможность применения смягчающих обстоятельств при добровольном предотвращении или минимизации последствий утечки данных.

Таким образом, можно объективно констатировать, что существующие составы преступлений в сфере персональных данных требуют значительной доработки для адекватного реагирования на современные криминогенные угрозы. Ключевые векторы совершенствования УК РФ, заключающиеся в конкретизации составов, усилении ответственности должностных лиц, внедрении квалифицированных составов и специализированных санкций, а также в интеграции уголовно-правовой ответственности с превентивными механизмами, позволят существенно повысить эффективность уголовно-правовой защиты и минимизировать риски нарушений прав граждан.

В контексте обеспечения уголовно-правовой защиты персональных данных в системе социальных услуг критически значимым представляется проведение углубленного анализа объективных и субъективных признаков составов преступных деяний, поскольку именно на их основе происходит формирование критериев уголовно-правовой квалификации и детерминация меры государственного принуждения в виде уголовного наказания [5].

В частности, объективные признаки отражают внешнюю сторону противоправного посяательства и их структура включает несколько ключевых элементов. Во-первых, объективная сторона охватывает общественно опасные действия субъекта, которые могут выражаться в несанкционированном доступе к персональным данным (далее – ПД), незаконном сборе, обработке или неправомерном распространении информации без надлежащего согласия ее субъекта, а также в создании, внедрении или использовании специализированных технических средств, предназначенных для неправомерного получения данных.

Особое внимание уделяется объекту посяательства, которым в рассматриваемом контексте преимущественно выступают ПД граждан, находящихся под социальным обеспечением. К ним, безусловно, относятся сведения об особо уязвимых категориях, таких как несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалидность) и пожилые граждане, а также информационные системы социальных учреждений, обеспечивающие обработку этих данных.

Кроме того, элементом объективной стороны являются общественно опасные последствия деяния, которые проявляются в нарушении конституционного права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность, создании непосредственной угрозы социальной защищенности указанных категорий лиц и, следует отметить, в потенциальном причинении материального и морального ущерба гражданам [6].

Однако проведенный анализ действующего Уголовного кодекса Российской Федерации обнаруживает ряд существенных пробелов в части регламентации объективной стороны составов, связанных с ПД. В частности, отмечается отсутствие законодательно закрепленной дифференциации по объектам посяательства именно в системе социальных услуг, что объективно препятствует должному учету специфики защиты данных уязвимых групп. Помимо этого, наблюдается отсутствие четкой градации последствий по степени их общественной опасности, а также не предусмотрен учет массовости и системности неправомерной утечки данных в качестве квалифицирующего признака, что существенно снижает эффективность уголовной репрессии.

В целях совершенствования уголовного законодательства представляется целесообразным ввести квалифицированные составы для преступлений, непосредственно затрагивающих социально уязвимые категории граждан, императивно определить критерии существенного ущерба и угрозы социальной безопасности, а также включить признаки массовости и системности как отягчающее обстоятельство.

Вместе с тем анализ субъективной стороны действующих составов УК РФ выявляет недостаточное разграничение умышленных и неосторожных действий, особенно с учетом специфических и потенциально тяжких последствий для социальной сферы. Также наблюдается слабое закрепление ответственности за мотивы, сопряженные с организационными и должностными нарушениями, что создает значительные трудности при квалификации коллективных и должностных преступных деяний [7].

В контексте оптимизации уголовного законодательства рекомендуется ввести отдельные квалифицированные составы для умышленных и неосторожных нарушений в данной сфере, закрепить специальные нормы ответственности за мотивы, способствующие массовым утечкам, и, наконец, уточнить ответственность за коллективные и должностные деяния в системе социальных услуг.

Следует подчеркнуть, что объективные и субъективные признаки преступлений, связанных с неправомерным оборотом ПД в системе социальных услуг, детерминируют уголовно-правовую квалификацию и определение меры наказания. В связи с этим действующее уголовное законодательство объективно требует существенной доработки, включающей конкретизацию объектов и последствий преступлений, четкое разграничение умышленных и неосторожных действий, а также усиление ответственности должностных и коллективных субъектов. Совершенствование УК РФ в указанных направлениях не только обеспечит более точную и справедливую квалификацию, но и существенно повысит превентивную и регулятивную эффективность уголовно-правовой защиты ПД в системе социальных услуг.

Серьезные методологические сложности возникают при установлении непосредственного субъекта преступления, например, в ситуациях использования коллективных или общих

учетных записей. Более того, наличие признаков служебной халатности и ненадлежащего исполнения обязанностей значительно затрудняет точное определение субъективной стороны преступления (формы вины, включая умысел) должностного лица.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет констатировать существование объективных недостатков. Во-первых, наблюдается существенная неопределенность требований, предъявляемых к доказательствам: уголовный и уголовно-процессуальный кодексы не содержат достаточно четкой нормативной регламентации допустимых видов доказательств для категории дел, связанных с неправомерным использованием персональных данных, что объективно осложняет квалификацию конкретных действий в цифровой среде как «неправомерного доступа» [8].

Также отмечается ограниченная практика квалификации, судебная практика по данной категории дел остается слабо развитой, вследствие чего отсутствует единообразие в подходах к оценке масштабов утечки, степени общественной опасности и роли должностных лиц в инциденте.

Дополнительно следует отметить низкую превентивную функцию доказательств: в подавляющем большинстве случаев доказательства лишь констатируют факт уже совершенного преступления, но не служат механизмом его предупреждения. Кроме того, обнаруживается дефицит нормативных положений, стимулирующих самоорганизацию и строгое соблюдение мер информационной безопасности в социальных учреждениях.

Представляется целесообразным внесение комплекса предложений по совершенствованию уголовного законодательства. Прежде всего необходимо уточнить требования к доказательствам путем имплементации специальных норм, регламентирующих использование цифровых следов, логов и технических данных, а также детализировать допустимые методы проведения экспертизы и фиксации факта утечки данных.

Критически важным является четкое разграничение умысла и неосторожности через закрепление критериев установления формы вины для должностных лиц и сотрудников социальных служб. Также необходимо предусмотреть квалификацию коллективных действий и организационных нарушений. В связи с этим рекомендуется развивать превентивную функцию доказательств посредством стимулирования документирования и аудита процессов обработки персональных данных и введения норм, учитывающих добросовестное соблюдение мер безопасности как смягчающее обстоятельство при расследовании. Столь же необходимо внедрение типовых методик оценки ущерба в целях создания единых подходов к определению масштаба утечки и ее последствий для социальной сферы, обязательно принимая во внимание категории пострадавших субъектов (дети, пожилые люди, лица с инвалидностью) при квалификации причиненного вреда [9].

Принципиальное значение имеет введение нормы об ответственности за организационную халатность, устанавливающей уголовную ответственность руководителей социальных учреждений за непринятие обязательных мер безопасности. Одновременно необходимо закрепление уголовно-правовых дефиниций цифровых действий (таких как «цифровой след», «несанкционированный доступ», «цифровое хищение», «утечка»), что позволит снизить неопределенность при квалификации. Дополнительно целесообразно развитие инструментов уголовно-правовой превенции, включая возможность освобождения от ответственности при добровольном предотвращении последствий и уточнение санкций (повышение штрафов при массовых утечках, введение дополнительных наказаний, например, запрета на деятельность) [10].

Эффективность уголовно-правовой охраны персональных данных неразрывно связана с развитием институционального и организационного механизма. Сегодня институциональная система характеризуется фрагментарностью государственного контроля (функции надзора сосредоточены у Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзора) с ограниченными административными полномочиями), отсутствием специализированного органа в системе социальных услуг и недостаточной координацией между социальными службами, МВД России, Следственным комитетом Российской Федерации и регуляторами. Более того, следует признать организационную неготовность социальных учреждений к предотвращению преступлений, выражающуюся в низком уровне цифровой защищенности и квалификации сотрудников.

Говоря об уголовно-правовых недостатках институционального механизма, следует выделить отсутствие правовых обязанностей организаций по содействию расследованию, а именно, норм, обязывающих должностных лиц своевременно информировать о фактах утечки.

Особую проблему представляет слабая ответственность за ненадлежащее хранение доказательств, поскольку отсутствие отдельного состава за умышленное уничтожение или сокрытие

цифровых следов в организациях облегчает уклонение от ответственности. Также неурегулированность статуса Роскомнадзора в уголовном процессе фактически исключает его из механизма расследования, что снижает качество экспертиз и эффективность выявления преступлений.

Для устранения указанных проблем предлагается: закрепить в УК РФ обязанность организаций социальной сферы сообщать о фактах утечки, ввести уголовную ответственность за сокрытие или уничтожение цифровых следов, расширить процессуальный статус Роскомнадзора до уровня экспертного органа, создать специализированные подразделения по расследованию преступлений в сфере данных (аналог киберполиции) и разработать единый межведомственный протокол реагирования на утечки. Кроме того, целесообразно введение уголовно-правовых стимулов повышения безопасности данных, например, смягчение наказания при наличии сертифицированных систем защиты [11].

В целях нивелирования обозначенных проблем и повышения эффективности уголовно-правовой защиты представляется целесообразным осуществить комплекс мер, направленных на совершенствование законодательства. В первую очередь критически важной представляется концептуальная конкретизация и дифференциация составов преступлений путем имплементации отдельных норм, регулирующих умышленное и неосторожное обращение с персональными данными, а также разграничение деяний по степени их общественной опасности и тяжести последствий, принимая во внимание социальную уязвимость пострадавших субъектов. Далее, необходимо уточнение квалификации действий должностных лиц посредством введения специальных норм, регулирующих ответственность за организационные и управленческие нарушения, и в дополнение закрепление повышенной ответственности за системные нарушения, способствующие массовой утечке. Кроме того, следует ввести квалифицирующие признаки, обладающие спецификой социальной сферы, включая особую ответственность за нарушение прав детей, инвалидов и пожилых граждан, а также учитывать массовость утечки данных как отягчающее обстоятельство [12].

Следует заключить, что специфика процесса доказывания преступлений, связанных с неправомерным доступом к персональным данным в системе социальных услуг, требует безотлагательного совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Ключевые направления реформирования включают уточнение видов допустимых доказательств, дифференциацию формы вины (умысла и неосторожности), развитие превентивных норм и имплементацию типовых методов оценки ущерба. Реализация данных мер позволит обеспечить более высокую точность квалификации, повысить эффективность расследования и гарантировать адекватную защиту конституционных прав граждан [13].

Действующее уголовно-правовое регулирование обнаруживает ряд существенных дефектов. Во-первых, принципиальным недостатком является отсутствие специализированных составов преступлений, ориентированных на социальную сферу, поскольку УК РФ не предусматривает повышенной уголовной защиты данных особо уязвимых категорий граждан, включая, например, несовершеннолетних, лиц с инвалидностью, престарелых или пациентов социальных и медицинских учреждений. Отсутствие специальных квалифицирующих признаков, очевидно, снижает превентивный потенциал норм.

Также наблюдается недостаточная дифференциация ответственности, поскольку нормы УК РФ зачастую не позволяют адекватно разграничить степень общественной опасности между незначительными утечками и крупными, системными нарушениями, а также фактически приравнивают массовое коммерческое распространение данных к единичным преступным эпизодам [14].

Критически важным является отсутствие отдельной ответственности за организационные нарушения: в ситуациях, когда утечка данных обусловлена системным отсутствием надлежащей безопасности, конкретные исполнители могут быть не установлены, что свидетельствует о низкой эффективности охвата управленческой халатности.

При этом следует отметить неопределенность понятийного аппарата, поскольку термины «доступ», «обработка», «хищение информации» не имеют прямых уголовно-правовых дефиниций, а пробелы в терминологии объективно тормозят формирование единообразной следственной и судебной практики [15].

Учитывая вышесказанное, предлагается реализовать комплекс мер по совершенствованию УК РФ. Прежде всего необходимо создание специализированной главы или расширение ст. 272–274¹ УК РФ путем разработки комплексного блока норм, классифицирующих преступления в зависимости от объема утечки, причиненного вреда и категории пострадавших. Крайне важно введение квалифицирующих признаков для социальной сферы, предполагающее установление повышенной ответственности за незаконный доступ к данным уязвимых групп (детей,

инвалидов, пенсионеров, пациентов) и добавление ответственности за утечку, повлекшую дискриминацию или социальный вред. Более того, требуется усиление ответственности за массовые утечки и их коммерческое использование через введение отдельного состава за продажу или обмен украденных данных, а равно за создание незаконных онлайн-баз.

3 заключение

Можно констатировать, что эффективная уголовно-правовая защита персональных данных в системе социальных услуг невозможна без гармоничного развития как материальных норм УК РФ, так и организационно-институционального обеспечения. Предложенный комплексный подход, объединяющий конкретизацию составов, усиление ответственности должностных лиц, введение специализированных санкций и повышение межведомственной координации, позволит обеспечить персонализированную защиту граждан, устранить пробелы, связанные с цифровой спецификой преступлений, и повысить превентивный эффект уголовного законодательства.

Априори следует отметить, что превенция деликтов, ассоциированных с нелегитимным оборотом персональных данных в рамках социального сектора, выступает в качестве фундаментального и имманентного элемента эффективного механизма уголовно-правовой защиты. Следовательно, результативность реализации государственной уголовно-правовой доктрины императивно детерминируется уровнем сформированности правовой культуры субъектов социальной сферы, наличием действенного превентивного инструментария и созданием нормативно-правовых механизмов предупреждения криминальных проявлений.

В частности, ключевое значение в минимизации противоправных посягательств объективно принадлежит правовой культуре. Критически значимым является формирование правосознания уполномоченных должностных лиц. Действительно, персонал социальных учреждений, как правило, обладает доступом к обширным массивам конфиденциальной информации, включая сведения о статусе здоровья, социальном и семейном положении, а также наличии льготных прав граждан.

Однако низкий уровень осознания юридических последствий, в частности, уголовной ответственности, за несанкционированные инциденты утечки персональных данных перманентно способствует эскалации криминализации в данной предметной области. Кроме того, правовая культура самих граждан также является существенным фактором редукции виктимности: поскольку граждане зачастую передают свои данные социальным институтам без должного осмысления потенциальных рисков, а отсутствие навыков верификации источников, адекватного понимания своих прав и способов защиты неизбежно повышает вероятность злоупотреблений. Кроме того, систематически наблюдается дефицит специализированных образовательных инициатив, т. к. до настоящего времени не имплементированы обязательные программы повышения квалификации, сфокусированные на проблематике уголовно-правовой ответственности за неправомерные действия с данными, в то время как социальные учреждения, как правило, ограничиваются исключительно формализованными инструктажами.

Тем не менее детальный анализ действующей системы уголовно-правовой профилактики позволяет выявить ряд существенных институциональных и нормативных лакун. Во-первых, констатируется отсутствие прямого закрепления профилактических прерогатив и обязанностей в УК РФ: в уголовном законодательстве не установлены конкретные императивы для должностных лиц по активному предотвращению угроз утечки данных, вследствие чего профилактическая деятельность носит преимущественно административно-организационный характер и лишена того стимулирующего эффекта, который имманентно присущ уголовно-правовым нормам.

Обращает на себя внимание нечеткая регламентация превентивных мер в рамках уголовного процесса, т. к. УПК РФ не содержит специальных процедур, ориентированных на выявление конкретных предпосылок преступлений в сфере персональных данных, а превентивная деятельность следственных органов ограничивается исключительно общими положениями.

Следует также отметить отсутствие специализированного криминологического обеспечения, что проявляется в недостатке эмпирического анализа факторов виктимности граждан и сотрудников социальных учреждений, а также в неразработанности специализированных криминологических карт рисков утечек данных. При этом наблюдается слабая интеграция концепции цифровой гигиены в систему предупреждения преступлений: поскольку преступные деяния часто становятся возможными в результате служебной небрежности сотрудников (например, вследствие использования тривиальных паролей или отсутствия принципа сегментации

доступа), УК РФ пока не учитывает уровень внедрения защищенных информационных систем в качестве фактора, определяющего степень ответственности.

Представляется научно обоснованным рассматривать профилактику криминальных деяний, сопряженных с неправомерным обращением персональных данных, в качестве ключевого императива современной уголовно-правовой политики. В целях максимизации эффективности превентивного воздействия целесообразно осуществить комплекс мероприятий, направленных на институциональное и нормативное совершенствование в отношении рассмотренных противоправных деяний. Прежде всего требуется законодательное закрепление специальных превентивных норм в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Особую значимость приобретает установление стимулирующих положений. Например, следует предусмотреть возможность смягчения уголовного наказания при условии наличия документально подтвержденных мер обеспечения безопасности данных (таких как прохождение сертификации, регулярный аудит или специализированная подготовка персонала), причем эти обстоятельства могут быть учтены как факторы, косвенно свидетельствующие об отсутствии прямого умысла. Безусловным требованием является разработка уголовно-правового механизма предупреждения рецидивной преступности в рассматриваемой сфере. Это включает как лишение права замещать определенные должности, непосредственно сопряженные с обработкой персональных данных, так и установление специального контроля за профессиональной деятельностью лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за аналогичные деликты.

Критически важным элементом профилактики выступает введение обязательных программ правового обучения как для работников социальной сферы (с акцентом на уголовно-правовые запреты и служебные обязанности), так и для широкой общественности (посредством разработки информационно-аналитических материалов о потенциальных рисках при передаче данных). Также необходимо нормативное закрепление положений о цифровой гигиене в качестве неотъемлемого компонента профилактической системы. С этой целью предлагается признать нарушение базовых требований цифровой безопасности фактором уголовно-правовой значимости и, возможно, инкорпорировать квалифицирующий признак, предусматривающий повышенную ответственность за совершение преступления вследствие грубого нарушения регламентов информационной безопасности.

Можно резюмировать, что совершенствование правовой культуры, усиление должностных обязанностей, инкорпорирование превентивных норм в УК РФ и создание специализированных программ профилактики, безусловно, позволят существенно редуцировать как количественные показатели преступности, связанной с незаконным обращением персональных данных, так и уровень непосредственной угрозы для граждан в системе социальных услуг.

Список источников

1. Акинина Н. Ю., Анисимов В. Ф., Кочупалов Р. В. Криминализация незаконного оборота персональных данных // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 3. С. 84–91. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-8>
2. Алиев И. И. Функции юридической ответственности // Вестник Науки и Творчества : [электронное издание]. 2023. № 3. С. 34–41.
3. Бронников Д. А. Передача и распространение массивов персональных данных. Общественная опасность и перспективы криминализации подобных деяний / Молодые ученые России : сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 165–167.
4. Халиуллина Э. Т., Журавлева А. С. Преступления, совершаемые с использованием персональных данных: характеристика состояния // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 289–294.
5. Бредихин А. Л. К теории юридической ответственности // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 52–55.
6. Минина А. А., Атаян Г. Ю., Богатырева А. Т. Отдельные особенности правового режима и защиты персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 164–167. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_164
7. Минзов А. С., Невский А. Ю., Баронов О. Р. Безопасность персональных данных: новый взгляд на старую проблему // Вопросы кибербезопасности. 2022. № 4 (50). С. 2–12. <https://doi.org/10.21681/2311-3456-2022-4-2-12>
8. Арланов М. А., Дурдымурадов Д. В. Защита персональных данных в условиях цифровой экономики // Всемирный ученый. 2024. Т. 1, вып. 20. С. 405–410.
9. Терещенко И. А. Биометрические персональные данные: проблемы и перспективы определения понятия // Закон и право. 2024. № 2. С. 186–192. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-186-192>
10. Кузнецова С. С., Мочалов А. Н., Саликов М. С. Биометрическая идентификация в интернете: тенденции правового регулирования в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 257–267. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/28>
11. Степаненко Д. А., Рудых А. А. Технично-криминалистическое обеспечение противодействия преступлениям против информационной безопасности объектов здравоохранения // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 1 (83). С. 41–48. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(1\).41-48](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(1).41-48)

12. Родивилина В. А., Коломинов В. В. Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21, № 1. С. 110–120. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.85.75.010>

13. Климанов А. М., Пешиков Д. В. Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 98–102.

14. Хохлова Е. В. К вопросу о защите изображения человека как персональных данных (на основе судебной практики по ст. 137 УК РФ) // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 301–305.

15. Овсянников П. Ю. Административная ответственность за несоблюдение требований законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также государственной и иной охраняемой законом тайны // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 24–26. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-8-24-26>

References

1. Akinina N. Yu., Anisimov V. F., Kochupalov R. V. Kriminalizatsiya nezakonnogo oborota personal'nykh dannykh // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 12, № 3. S. 84–91. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-3-8>

2. Aliev I. I. Funkcii yuridicheskoy otvetstvennosti // Vestnik Nauki i Tvorchestva : [elektronnoe izdanie]. 2023. № 3. S. 34–41.

3. Bronnikov D. A. Peredacha i rasprostraneniye massivov personal'nykh dannykh. Obshchestvennaya opasnost' i perspektivy kriminalizatsii podobnykh deyanij / Molodye uchenye Rossii : sbornik statej VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2021. S. 165–167.

4. Haliulina E. T., Zhuravleva A. S. Prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem personal'nykh dannykh: harakteristika sostoyaniya // Voennoe pravo. 2021. № 2 (66). S. 289–294.

5. Bredihin A. L. K teorii yuridicheskoy otvetstvennosti // Filosofiya prava. 2021. № 3 (98). S. 52–55.

6. Minina A. A., Atayan G. Yu., Bogatyreva A. T. Otdel'nye osobennosti pravovogo rezhima i zashchity personal'nykh dannykh // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 8 (224). S. 164–167. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_164

7. Minzov A. S., Nevskij A. Yu., Baronov O. R. Bezopasnost' personal'nykh dannykh: novyy vzglyad na staruyu problemu // Voprosy kiberbezopasnosti. 2022. № 4 (50). S. 2–12. <https://doi.org/10.21681/2311-3456-2022-4-2-12>

8. Arlanov M. A., Durdymuradov D. V. Zashchita personal'nykh dannykh v usloviyakh cifrovoj ekonomiki // Vsemirnyj uchenyj. 2024. T. 1, vyp. 20. S. 405–410.

9. Tereshchenko I. A. Biometricheskie personal'nye dannye: problemy i perspektivy opredeleniya ponyatiya // Zakon i pravo. 2024. № 2. S. 186–192. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2024-2-186-192>

10. Kuznecova S. S., Mochalov A. N., Salikov M. S. Biometricheskaya identifikatsiya v internete: tendentsii pravovogo regulirovaniya v Rossii i za rubezhom // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 476. S. 257–267. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/28>

11. Stepanenko D. A., Rudyh A. A. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie protivodejstviya prestupleniyam protiv informatsionnoy bezopasnosti ob'ektov zdravoohraneniya // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2021. T. 22, № 1 (83). S. 41–48. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22\(1\).41-48](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2021.22(1).41-48)

12. Rodivilina V. A., Kolominov V. V. Kriminalisticheskaya harakteristika otidel'nykh vidov prestuplenij, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologij // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. T. 21, № 1. С. 110–120. <https://doi.org/10.55001/2587-9820.2022.85.75.010>

13. Klimanov A. M., Peshkov D. V. Nekotorye voprosy kvalifikatsii prestupleniya, predusmotrennogo st. 137 UK RF // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 9. S. 98–102.

14. Hohlova E. V. K voprosu o zashchite izobrazheniya cheloveka kak personal'nykh dannykh (na osnove sudebnoy praktiki po st. 137 UK RF) // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 301–305.

15. Ovsyannikov P. Yu. Administrativnaya otvetstvennost' za nesoblyudenie trebovanij zakonodatel'stva Rossijskoy Federatsii v oblasti personal'nykh dannykh, a takzhe gosudarstvennoj i inoj ohranyaemoj zakonom tajny // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 8. S. 24–26. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-8-24-26>

Научная статья
УДК 343.2

Привлечение к уголовной ответственности в контексте применения статьи 299 Уголовного кодекса Российской Федерации

Дмитрий Борисович Чернышев, кандидат юридических наук

Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург (620057, ул. Корепина, д. 66), Российская Федерация
Sledstvient404@mail.ru
[https:// orcid.org/0000-0002-2025-2286](https://orcid.org/0000-0002-2025-2286)

Аннотация:

Введение. Автор поставил перед собой цель проанализировать соотношение понятий «уголовная ответственность» и «привлечение к уголовной ответственности», применяемых при квалификации преступления, предусмотренного ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), прежде всего для описания общественно опасного деяния и установления момента окончания преступления, связанного с приобретением потерпевшим процессуального статуса обвиняемого.

Методы. В ходе исследования применялся общенаучный метод диалектического познания. Также использовалось сочетание частнонаучных методов анализа, синтеза, обобщения.

Результаты. Установлено терминологическое несоответствие в определении момента привлечения к уголовной ответственности и освобождения от нее, порождающее неоднозначность в определении времени окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. С учетом сложившейся практики определения момента привлечения к уголовной ответственности приобретением лицом статуса обвиняемого, рассмотрены спорные вопросы совершения данного процессуального акта в контексте различных форм предварительного расследования. Установлено, что в случае производства предварительного следствия либо дознания в общем порядке лицо становится привлеченным к уголовной ответственности в момент подписания должностным лицом соответствующего процессуального документа (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта), следовательно субъектом преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, может выступать только следователь, дознаватель. В случае производства дознания в сокращенной форме обвинительное постановление следует считать составленным в момент его утверждения начальником органа дознания, что предопределяет его возможность выступать в качестве субъекта рассматриваемого преступления.

Ключевые слова:

уголовная ответственность, уголовное преследование, обвиняемый, составление, вынесение, дознание в сокращенной форме, обвинительный акт, обвинительное постановление

Для цитирования:

Чернышев Д. Б. Привлечение к уголовной ответственности в контексте применения статьи 299 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 212–219.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025;
одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Criminal prosecution in the context of applying article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation

Dmitrij B. Chernyshev, Cand. Sci. (Jurid.)

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
Sledstvient404@mail.ru
[https:// orcid.org/0000-0002-2025-2286](https://orcid.org/0000-0002-2025-2286)

© Чернышев Д. Б., 2026

Abstract:

Introduction. The author set out to analyse the relationship between the concepts of "criminal liability" and "bringing to criminal responsibility" as applied in the qualification of crimes provided for by Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the CC RF). This analysis is primarily aimed at describing the socially dangerous act and establishing the moment of completion of the crime, which is associated with the victim acquiring the procedural status of an accused person.

Methods. The research was conducted using the general scientific method of dialectical cognition. A combination of special (private) scientific methods, namely analysis, synthesis, and generalisation, was also applied.

Results. A terminological inconsistency was identified in the definition of the moment of bringing to criminal responsibility and release from it, leading to ambiguity in determining the time of completion of the crime under Article 299 of the CC RF. Taking into account the established practice of defining the moment of bringing to criminal responsibility as a person acquiring the status of an accused, controversial issues regarding the performance of this procedural act in the context of various forms of preliminary investigation were examined. It has been determined that when a preliminary investigation or inquiry is conducted under the general procedure, an individual is considered to be brought to criminal liability at the moment the relevant procedural document (such as a decision to charge as an accused or an indictment) is signed by an official. Therefore, only an investigator or an inquiry officer can be the subject of a crime stipulated by Article 299 of the CC RF. If the inquiry is conducted in a shortened form, the indictment decision is deemed to be drawn up at the moment it is approved by the head of the inquiry body, this predetermines his opportunity to act as the subject of the crime in question.

Keywords:

criminal liability, criminal prosecution, accused, drawing up, issuing, abbreviated inquest, indictment, indictment order

For citation:

Chernyshev D. B. Criminal prosecution in the context of applying article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 212–219.

The article was submitted July 23, 2025;
approved after reviewing January 30, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Уголовная ответственность, выражающаяся в различных формах, является одним из основных механизмов реализации функций уголовного права. Вместе с тем, несмотря на многократное употребление данного словосочетания в уголовном законе и постоянное использование в речевом обороте ученых и правоприменителей, ее содержание видится не вполне очевидным.

Если обратиться к определениям, которые приводят различные исследователи, анализирующие данное явление, обращает на себя внимание значительное количество высказанных учеными концепций, ни одна из которых, насколько известно автору, не является общепринятой. В частности, одни авторы отождествляют уголовную ответственность с общественным порицанием в виде вынесения обвинительного приговора [1, с. 127], другие – с непосредственным отбытием наказания [2, с. 169]. Третьи связывают ее с обязанностью лица, совершившего преступление, понести установленные за это законом лишения [3, с. 32], четвертые – с самим процессом претерпевания данных лишений преступником [4, с. 34]. В своем монографическом исследовании Р. А. Базаров и С. А. Воропаев определили уголовную ответственность как меру принудительного государственного воздействия на лицо, совершившее преступление, выраженную в осуждении этого лица с возможностью лишения или ограничения его прав и свобод [5]. Как можно заметить, все приведенные определения характеризуют уголовную ответственность либо как абстрактное состояние, связанное с вмененной законом обязанностью нести ответственность за совершенные преступления, либо с процессом вынесения приговора судом. Тем не менее, когда возникает необходимость в истолковании сущности уголовной ответственности непосредственно в правоприменительной деятельности, возникают определенные проблемы, которые мы хотели бы рассмотреть в настоящей статье на примере квалификации преступления, предусмотренного ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ).

Методы

В основу исследования традиционно были положены общенаучный метод диалектического познания, а также частно-научные методы, такие как анализ, обобщение, сравнительно-правовой, а также контент-анализ. Сочетание приведенных методов позволило уяснить содержание конкретных признаков рассматриваемой уголовно-правовой нормы с учетом ее структуры и используемой законодателем терминологии. Контент-анализ материалов судебной практики, отражающих официальную квалификацию конкретных общественно опасных деяний, позволил обеспечить комплексность анализа положений уголовного закона с учетом реального

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

правоприменения. Использование такого подхода к уголовной-правовой оценке деяний позволило сформулировать рекомендации по применению ст. 299 УК РФ.

Результаты

Исходя из содержания правоотношений, связанных с привлечением к уголовной ответственности, это понятие отсылает исследователя к положениям уголовно-процессуального законодательства, т. к. привлечение к уголовной ответственности, безусловно, является составляющей функцией уголовного судопроизводства, обозначенной в ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ) как уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Однако при обращении к тексту УПК РФ обнаруживается отсутствие в нем такого понятия, как «привлечение к уголовной ответственности». Уголовная ответственность упоминается в тексте названия статей 431 УПК РФ «Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия», 461 УПК РФ «Пределы уголовной ответственности лица, выданного Российской Федерации», а также главы 51¹ УПК РФ «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности». Причем непосредственно в диспозиции ст. 431 УПК РФ освобождение от уголовной ответственности осуществляется путем прекращения в отношении несовершеннолетнего подсудимого уголовного дела, в статьях 446¹, 446², 446³, входящих в главу 51¹ УПК РФ данное действие включает в себя как прекращение уголовного дела, так и прекращение уголовного преследования. В тексте статьи 461 УПК РФ можно проследить косвенное отождествление именно привлечения к уголовной ответственности с задержанием, привлечением в качестве обвиняемого и осуждением.

Это видится еще более странным ввиду достаточно частого упоминания этого явления в нормах уголовного законодательства [6]. Так, словосочетание «уголовная ответственность», помимо рассматриваемой нормы ст. 299 УК РФ, используется в ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», вопросам освобождения от уголовной ответственности посвящена глава 11 Общей части УК РФ, ст. 8 устанавливает основания уголовной ответственности, в главе 4 описываются лица, подлежащие уголовной ответственности, раздел V регламентирует уголовную ответственность несовершеннолетних. Все это свидетельствует об очевидной несогласованности в регулировании данного вопроса между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. При этом процесс привлечения к уголовной ответственности, как упоминалось выше, является составляющей процессуальной деятельности должностного лица, осуществляющего уголовное преследование лиц, совершивших преступление, и должен выражаться в форме определенных процессуальных актов.

Как нами отмечалось ранее, в научной литературе нет единого подхода к определению содержания понятия «уголовная ответственность». Для уяснения данного вопроса необходимо отграничить понятия уголовно-правовой ответственности как явления и процесса привлечения к уголовной ответственности. Анализируя приведенные подходы к определению понятия уголовной ответственности, можно отметить, что, несмотря на наличие безусловной обязанности лица нести уголовную ответственность за все нарушения действующего уголовного законодательства, материальное выражение данной обязанности обретает с момента наступления определенного юридического факта – совершения деяния, содержащего признаки преступления (в отдельных случаях – совершения конкретных действий, связанных с приготовлением либо покушением на преступление).

Как видно из приведенных ранее определений, в качестве основных форм выражения уголовной ответственности выступает государственное порицание совершенного лицом поступка и сопряженное с ним ограничение либо лишение прав и свобод.

Привлечение к уголовной ответственности, в отличие от уголовной ответственности как явления, является процессом, состоящим из ряда последовательных юридически значимых процессуальных актов. Большинство авторов сходятся во мнении, что процесс привлечения к уголовной ответственности начинается с момента официального государственного порицания совершенного лицом деяния, содержащего признаки преступления, и заканчивается отбытием (исполнением) назначенного судом наказания. Данный вопрос имеет значение для квалификации преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, в части определения момента, с которого невиновное лицо считается привлеченным к уголовной ответственности, позволяющего определить момент окончания преступления.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Как отмечалось выше, уголовно-процессуальное законодательство не дает ответа на данный вопрос ввиду отсутствия в нем такого явления, как привлечение к уголовной ответственности. Вместе с тем в отдельных случаях оно подразумевает под этим уголовное преследование, которое, согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, определяется как процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Если обратиться к содержанию понятия уголовного преследования, то, исходя из положений ст. 20 УПК РФ «Виды уголовного преследования», оно начинается с момента возбуждения уголовного дела. Налицо расхождение в определении момента привлечения к уголовной ответственности в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве³.

Для решения указанной проблемы необходимо обратиться к приведенному ранее толкованию понятия уголовной ответственности и его признаков с точки зрения материального права. Как было отмечено выше, уголовная ответственность всегда сопряжена с государственным порицанием совершенного деяния, а также с ограничением либо лишением лица его прав и свобод. При этом государственное порицание должно выражаться в конкретном правовом акте, имеющем процессуальное выражение, и должно быть отнесено не к самому преступлению, отраженному в одной из норм Особенной части УК РФ, а к конкретному деянию, совершенному конкретным лицом.

В настоящее время существуют различные взгляды относительно упомянутого юридического факта. Наибольшее число ученых в качестве такового отмечают привлечение лица в качестве обвиняемого. Данной позиции придерживаются Л. В. Лобанова и А. С. Горелик [7], В. Е. Суденко [8], Г. А. Есаков⁴, Б. В. Сидоров⁵, М. П. Карпушкин, В. И. Курляндский [9] и др. Вместе с тем некоторые авторы связывают привлечение к уголовной ответственности с предъявлением обвинения (А. И. Рарог⁶, В. А. Нерсисян⁷), а также с вынесением обвинительного приговора (Н. А. Лопашенко⁸, Ю. М. Ткачевский⁹).

Несмотря на продолжающуюся научную дискуссию относительно конкретного этапа уголовного преследования, большая часть ученых отождествляет факт привлечения лица к уголовной ответственности с моментом привлечения его в качестве обвиняемого. Данная точка зрения основывается на позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу У., согласно разъяснениям которой «под привлечением к уголовной ответственности <...> следует понимать процессуальный акт о привлечении лица, совершившего преступление, в качестве обвиняемого, а не вынесение обвинительного приговора»¹⁰. Указанная позиция была воспринята следственной и судебной практикой и повторена в ряде последующих судебных решений. Согласно кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации¹¹, «объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, выражается в действиях, направленных на привлечение невиновного лица в качестве обвиняемого. Такие действия заключаются в вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого» [10].

Тем не менее вопрос о том, почему именно момент привлечения в качестве обвиняемого отождествляется с моментом привлечения к уголовной ответственности, остается открытым. Связана проблема с тем, что процессуально освобождение от уголовной ответственности выражается в совершении должностным лицом процессуального акта – вынесении постановления о прекращении уголовного преследования. Но, как отмечалось выше, уголовное преследование осуществляется с момента возбуждения уголовного дела, а не с момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Иными словами, уголовное преследование в отношении конкретного

³ Симоненко А. А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 235 с.

⁴ Есаков Г. А., Барышева К. А., Грачева Ю. В. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Г. А. Есакова. Москва : Проспект, 2021. 608 с.

⁵ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. Москва : Статут, 2012. 943 с.

⁶ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / отв. ред. А. И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. 624 с.

⁷ Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Инфра-М, 2010. 793 с.

⁸ Российское уголовное право : Общая часть : учебник : в 2 ч. / Блинов А. Г., Лопашенко Н. А., Бытко С. Ю. [и др.] ; под ред. А. Г. Блинова, Н. А. Лопашенко. Москва : Юрлитинформ, 2024. Ч. I. 679 с.

⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2014. 879 с.

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. Москва : Юридическая литература, 1973. № 11. 16 с.

¹¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2011 г. № 80-О11-7 // Правовой Сервер КонсультантПлюс : [электронное издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=321874#kfsNvAVSAuvJqzT> (дата обращения: 06.05.2025).

лица начинается с момента приобретения им статуса подозреваемого (ст. 46 УПК РФ). Таким образом, от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, которое к уголовной ответственности с точки зрения уголовно-правового подхода к ее определению не привлекалось. В качестве возможного объяснения можно предположить, что под этим подразумевается освобождение от уголовной ответственности в будущем, т. е. отказ от привлечения в качестве обвиняемого. Но данная гипотеза на фоне терминологического расхождения в уголовном и уголовно-процессуальном праве видится правдоподобной только при условии более серьезных доводов в пользу отождествления момента привлечения к уголовной ответственности с моментом привлечения в качестве обвиняемого. Сторонники данного подхода объясняют это тем, что статус подозреваемого придается в установленном уголовно-процессуальном законодательством лицу, в отношении которого у следствия есть основания полагать, что оно может быть причастно к совершению преступления, однако нет достаточных доказательств, дающих основание для его обвинения (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). При этом привлечение в качестве обвиняемого предполагает уже иной уровень конкретизации, связанной с обвинением лица в совершении преступления, подкрепленного определенным комплексом доказательств его вины. Обвинение не может строиться на предположениях должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, оно должно опираться на конкретные факты, установленные и закреплённые в материалах уголовного дела в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства [11]. Именно с момента приобретения лицом статуса обвиняемого качественно меняется его процессуальное положение, к нему могут быть применены формы процессуального принуждения [12]. Данный подход видится разумным, несмотря на высказываемое отдельными учеными мнение, что государственное порицание и связанное с ним ограничение прав и свобод может начинаться с момента начала уголовного преследования в отношении конкретного лица, а именно, придания ему процессуального статуса подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и избрания меры пресечения.

В связи с этим, учитывая упомянутые выше судебные разъяснения, полагаем сложившуюся практику признания лица привлеченным к уголовной ответственности с момента привлечения в качестве обвиняемого верной. Исходя из этого, следует согласиться с мнением, что привлечение к уголовной ответственности не является синонимом уголовного преследования [13], а в действиях лица, начавшего уголовное преследование и прекратившего его до момента привлечения невиновного лица в качестве обвиняемого, отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, а именно, не совершено само общественно опасное деяние [14].

Следующая проблема квалификации по ст. 299 УК РФ, вытекающая из определенного нами момента окончания преступления – привлечения лица в качестве обвиняемого, состоит в определении времени приобретения лицом данного статуса.

В настоящее время традиционно принято выделять три формы предварительного расследования: предварительное следствие, дознание в общем порядке, дознание в сокращенной форме. Как отмечено выше, лицо наделяется статусом обвиняемого путем составления одного из трех процессуальных документов: постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта или обвинительного постановления. При этом уголовный процесс предполагает помимо вынесения (составления) указанных документов должностным лицом их предъявление обвиняемому [15]. Согласно части 1 статьи 47 УПК РФ, лицо считается обвиняемым с момента вынесения следователем постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесения дознавателем обвинительного акта либо составления обвинительного постановления. Исходя из буквального толкования указанной нормы, можно сделать вывод, что для признания лица привлеченным к уголовной ответственности достаточно вынесения следователем либо дознавателем соответствующего процессуального документа без необходимости его предъявления.

Тем не менее, в практике встречаются случаи, когда момент привлечения к уголовной ответственности связывается с ознакомлением обвиняемого и защитника с сущностью обвинения. Так, приговором Оренбургского областного суда вынесен оправдательный приговор в отношении дознавателя, обвиняемого в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 299 УК РФ. Основанием для принятия такого решения явилось то, что потерпевший не был ознакомлен с обвинительным актом, вынесенным подсудимым, следовательно, по мнению суда, преступление было прервано на стадии приготовления, а в связи с тем, что действовавшая на момент совершения деяния редакция ст. 299 УК РФ относилась данное преступление к категории средней тяжести, в действиях подсудимого не было усмотрено состава преступления¹².

¹² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2007 г. по делу № 47-О07-46 // ГАРАНТ.РУ : [сетевое издание]. URL: <https://base.garant.ru/55709541/> (дата обращения: 06.05.2025).

Полагаем, что указанное решение не соответствует смыслу уголовно-процессуального законодательства.

Процесс вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого достаточно последовательно описан в ст. 171 УПК РФ и считается законченным в момент подписания следователем указанного документа. Так, в обвинительном приговоре Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга, вынесенном в отношении бывшего следователя гр. Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 299, 301, 286 и 159 УК РФ, отмечено, что факт непредъявления подсудимым обвинения не влияет на квалификацию его действий как оконченного преступления, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ лицо признается обвиняемым с момента вынесения и подписания следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹³.

Особого внимания заслуживает процесс привлечения лица в качестве обвиняемого путем вынесения обвинительного акта или составления обвинительного постановления при осуществлении предварительного расследования в форме дознания.

При внимательном прочтении норм, устанавливающих порядок данного процессуального действия, обнаруживается использование законодателем двух терминов для обозначения процесса создания процессуального документа, а именно: «составление» и «вынесение». Думается, что употребление разных обозначений не случайно. Первое различие содержится в ст. 47 УПК РФ, которая определяет момент приобретения лицом статуса обвиняемого. Так, лицо, в отношении которого дознание осуществляется в общем порядке, становится обвиняемым в момент вынесения обвинительного акта, а при сокращенной форме дознания – в момент составления обвинительного постановления. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 225 УПК РФ, дознаватель обвинительный акт именно *составляет*, как и обвинительное постановление (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ), а не *выносит*. Аналогичным образом в ч. 4 ст. 225 УПК РФ говорится о *составленном* обвинительном акте, утверждаемом начальником органа дознания.

При буквальном прочтении ст. 225 УПК РФ можно обратить внимание на последовательность действий по привлечению лица к уголовной ответственности. Сначала описывается порядок составления обвинительного акта, после этого в ч. 2 приводится порядок ознакомления обвиняемого и защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела, а далее – утверждение обвинительного акта начальником органа дознания. Этот порядок соблюдается на практике, о чем свидетельствуют изученные автором уголовные дела и опрос сотрудников подразделений дознания. На первый взгляд, можно было бы предположить, что обвинительный акт считается составленным в момент подписания его дознавателем, и вынесенным – в момент утверждения его начальником органа дознания после ознакомления. Однако в части 2 статьи 225 УПК РФ лицо в момент ознакомления с обвинительным актом называется обвиняемым. Исходя из этого, возникают вопросы: в какой момент обвинительный акт считается составленным, а в какой – вынесенным, и когда именно лицо приобретает статус обвиняемого, что образует момент окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ?

В статье 226.7 УПК РФ описана иная последовательность действий дознавателя по сравнению со ст. 225 УПК РФ. Дознаватель после составления обвинительного постановления подписывает его, затем его утверждает начальник органа дознания. В данном случае обращает на себя внимание указанный разрыв во времени между составлением обвинительного постановления и его подписанием дознавателем. При этом, как упоминалось выше, лицо согласно п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ, считается обвиняемым с момента составления постановления. Отсюда вытекает сомнительный вывод, что лицо становится обвиняемым до момента подписания обвинительного постановления дознавателем, что выглядит крайне нелогично. Вместе с тем описанная в ст. 226.7 УПК РФ дальнейшая последовательность действий дознавателя, предполагающая сначала утверждение обвинительного постановления начальником органа дознания (ч. 2), и после того – ознакомление с ним обвиняемого и защитника (ч. 4), представляется закономерной.

Таким образом, в результате соотнесения содержания понятий «составление» и «вынесение» по отношению к процессуальному документу, придающему лицу статус обвиняемого, не удается проследить какой-либо закономерности, из чего мы можем сделать вывод, что в контексте привлечения к уголовной ответственности они являются синонимами. Только такое объяснение позволяет объяснить описанную выше несогласованность употребления этих двух терминов. Вместе с тем, открытым остается вопрос, в какой момент лицо при каждой из форм дознания приобретает статус обвиняемого. Ответ на него имеет значение для определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. Поскольку в тексте части 2 ст. 225

¹³ Уголовное дело № 1-99/2015 // Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга : [официальный сайт]. URL: <http://zheleznodorozhny.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 06.05.2025).

УПК РФ есть косвенное указание на статус обвиняемого в момент ознакомления его с обвинительным актом, можно сделать вывод, что он считается привлеченным к уголовной ответственности в момент появления в нем подписи дознавателя. Таким образом, субъектом преступления, предусмотренного ч. 1–2 ст. 299 УК РФ, в случае производства дознания в общем порядке является только дознаватель.

Говоря о производстве дознания в сокращенной форме, исходя из прямого указания в ч. 2 ст. 226.7 УПК РФ на необходимость подписания обвинительного постановления дознавателем и начальником органа дознания, полагаем, что документ приобретает юридическую силу (считается «составленным») в момент утверждения его начальником органа дознания, в связи с чем указанное должностное лицо также может входить в круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ.

3 заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Во-первых, понятия уголовной ответственности в уголовно-процессуальном и уголовном праве не являются тождественными. Если в первом случае она отождествляется с уголовным преследованием, начало которого определяется возбуждением уголовного дела, то во втором случае – с привлечением лица в качестве обвиняемого. Во-вторых, в зависимости от формы предварительного расследования момент приобретения лицом статуса обвиняемого определяется не просто временем выполнения должностным лицом определенного процессуального действия, а именно, временем приобретения документом юридической силы. В случае производства предварительного расследования в форме предварительного следствия или дознания в общем порядке лицо следует считать привлеченным к уголовной ответственности в момент подписания соответствующего процессуального документа следователем (дознавателем). В случае производства дознания в сокращенной форме лицо становится привлеченным к уголовной ответственности в момент утверждения обвинительного постановления начальником органа дознания. Исходя из этого, следует третий вывод: субъектом преступления, предусмотренного ч. 1–2 ст. 299 УК РФ, в случае производства предварительного следствия либо дознания в общем порядке является только лицо, ведущее расследование (следователь, дознаватель). В случае производства дознания в сокращенной форме субъектом может выступать, помимо дознавателя, также начальник органа дознания.

Список источников

1. Прохоров В. С. Преступление и ответственность : [монография]. Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1984. 136 с.
2. Самощенко И. С., Фарукишин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. Москва : Юридическая литература, 1971. 240 с.
3. Брагинин Я. М. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. Москва : Юридическая литература, 1963. 275 с.
4. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 298 с.
5. Базаров Р. А., Воропаев С. А. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования : монография. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2018. 159 с.
6. Щербинин Е. С. Проблемы толкования некоторых признаков состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 96–101.
7. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия : монография. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.
8. Суденко В. Е. Проблемы уголовного законодательства об уголовной ответственности // Транспортное право и безопасность. 2016. № 2 (2). С. 48–61.
9. Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. Москва : Юридическая литература, 1974. 232 с.
10. Кудрявцев В. Л. Некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» // The Scientific Heritage. 2019. № 41–3 (41). С. 58–62.
11. Метельский П. С. Уголовно-правовая характеристика состава привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2007. Т. 3, № 1. С. 151–159.
12. Бриллиантов А. В., Косевич Н. Р. Настольная книга судьи : Преступления против правосудия : С учетом обобщения судебной практики, постановлений и разъяснений Верховного Суда РФ. Москва : Проспект, 2008. 560 с.
13. Щербинин Е. С. К вопросу о понятии уголовного преследования / Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Иркутск, 28 апреля 2020 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. С. 132–135.

14. Балашова А. Ю., Докучаева Д. И. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 4. С. 115–123. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-4-220-115-123>

15. Симоненко А. А. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (статья 299 Уголовного кодекса Российской Федерации): правовая неопределенность состава и ее преодоление // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 46–51.

References

1. Prohorov V. S. Prestuplenie i otvetstvennost' : [monografiya]. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984. 136 s.

2. Samoshchenko I. S., Farukshin M. H. Otvetstvennost' po sovetскому zakonodatel'stvu. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1971. 240 s.

3. Brajnin Ya. M. Ugolovnaya otvetstvennost' i mery obshchestvennogo vozdejstviya. Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1963. 275 s.

4. Kruglikov L. L., Vasil'evskij A. V. Differenciatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2003. 298 s.

5. Bazarov R. A., Voropaev S. A. Ugolovnaya otvetstvennost' v mekhanizme ugovno-pravovogo regulirovaniya : monografiya. Ekaterinburg : Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2018. 159 s.

6. Shcherbinin E. S. Problemy tolkovaniya nekotorykh priznakov sostava privlecheniya zavedomo nevinovnogo k ugovnoy otvetstvennosti // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 3 (39). S. 96–101.

7. Gorelik A. S., Lobanova L. V. Prestupleniya protiv pravosudiya : monografiya. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij centr Press, 2005. 491 s.

8. Sudenko V. E. Problemy ugovnogo zakonodatel'stva ob ugovnoy otvetstvennosti // Transportnoe pravo i bezopasnost'. 2016. № 2 (2). S.48–61.

9. Karpushin M. P., Kurlyandskij V. I. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya. Moskva : Yuridicheskaya literatura, 1974. 232 s.

10. Kudryavcev V. L. Nekotorye ugovno-pravovye i ugovnogo-processual'nye problemy okonchaniya prestupleniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 299 UK RF «Privlechenie zavedomo nevinovnogo k ugovnoy otvetstvennosti» // The Scientific Heritage. 2019. № 41–3 (41). S. 58–62.

11. Metel'skij P. S. Ugolovno-pravovaya harakteristika sostava privlecheniya zavedomo nevinovnogo k ugovnoy otvetstvennosti (st. 299 UK RF) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2007. T. 3, № 1. S. 151–159.

12. Brilliantov A. V., Kosevich N. R. Nastol'naya kniga sud'i : Prestupleniya protiv pravosudiya : S uchedom obobshcheniya sudebnoj praktiki, postanovlenij i raz'yasnenij Verhovnogo Suda RF. Moskva : Prospekt, 2008. 560 s.

13. Shcherbinin E. S. K voprosu o ponyatii ugovnogo presledovaniya / Ugolovnyj zakon Rossijskoj Federacii: problemy pravoprimereniya i perspektivy sovershenstvovaniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Irkutsk, 28 aprelya 2020 g. Irkutsk : Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2020. S. 132–135.

14. Balashova A. Yu., Dokuchaeva D. I. Privlechenie zavedomo nevinovnogo k ugovnoy otvetstvennosti (st. 299 UK RF) // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2019. № 4. S. 115–123. <https://doi.org/10.31085/2310-8681-2019-4-220-115-123>

15. Simonenko A. A. Privlechenie zavedomo nevinovnogo k ugovnoy otvetstvennosti (stat'ya 299 Ugovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii): pravovaya neopredelennost' sostava i ee preodolenie // Obshchestvo i pravo. 2016. № 4 (58). S. 46–51.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Научная статья
УДК 376.5+ 159.99

Нападения обучающихся на образовательные организации: факторы, маркеры риска и профилактическая работа

Светлана Витальевна Книжникова, кандидат педагогических наук, доцент

Кубанский государственный университет
Краснодар (350040, ул. Ставропольская, д. 149), Российская Федерация
osvita2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Аннотация:

Введение. Исследование представляет собой систематизацию научных сведений о факторах, стадиях формирования гомицидной готовности, о персональных маркерах риска совершения нападения обучающегося на образовательное учреждение.

Методы. Исследование представляет собой систематический обзор научных статей о скулшутинге, опубликованных за последние 11 лет (2015–2025 гг.) в российских рецензируемых журналах. Обзор осуществлен с учетом рекомендаций PRISMA (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses). В итоговый перечень для обзора отобраны 170 статей.

Результаты. Проанализирована терминология проблемного поля («массовые убийства», «скулшутинг», «вооруженные нападения на образовательные организации»; «амок») и подходы к изучению феномена. Факторы совершения нападений дифференцированы на средовые и персональные. Средовые факторы представлены факторами физической среды и факторами социальной среды. Персональные факторы представлены соматическими и психолого-педагогическими факторами. Описана поэтапная динамика формирования гомицидной готовности у обучающегося и реализации нападения. Обозначена сопряженность амока и суицидальных интенций в поведении агрессора. Охарактеризовано провоцирующее воздействие медийно-информационной среды на формирование гомицидной готовности у обучающихся. Определены меры в рамках первичной, вторичной и третичной профилактики нападений на образовательные учреждения.

Ключевые слова:

скулшутинг, шутинг, «колумбайн», амок, массовые убийства, нападения на образовательные организации

Для цитирования:

Книжникова С. В. Нападения обучающихся на образовательные организации: факторы, маркеры риска и профилактическая работа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 220–235.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Students' attacks against educational institutions: factors, risk markers, and preventive measures

Svetlana V. Knizhnikova, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Kuban State University
149, Stavropol'skaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation
osvita2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-1526>

Abstract:

Introduction. The research provides a systematic overview of scientific data on the factors and stages of homicidal readiness, as well as personal risk markers predicting a student's attack against an educational institution.

Methods. The research provides a systematic review of scientific articles on school shooting published over the past 11 years (2015–2025) in Russian peer-reviewed scientific editions. The review was conducted in accordance with the PRISMA (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses) guidelines. Ultimately, 170 articles were included in the final list for review.

Results. The terminology of the problem area ("mass murders", "school shootings", "armed attacks against educational institutions", "amok") and approaches to studying the phenomenon were analysed. The factors leading to attacks were differentiated into environmental and personal factors. Environmental factors are represented by physical environment factors and social environment factors. Personal factors are expressed by somatic and psychological-pedagogical factors. The step-by-step dynamics of the formation of homicidal readiness in a student and the realisation of an attack are described. The correlation between amok and suicidal intentions in the behaviour of an aggressor is identified. The provocative influence of the media and information environment on the formation of homicidal tendencies among students is characterised. Measures for the primary, secondary and tertiary prevention of attacks against educational institutions are specified.

Keywords:

school shooting, shooting, Columbine, amok, mass murder, attacks against educational institutions

For citation:

Knizhnikova S. V. Students' attacks against educational institutions: factors, risk markers, and preventive measures // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 220–235.

The article was submitted September 25, 2025; approved after reviewing December 16, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Серьезную тревогу вызывают участвовавшие вооруженные нападения и яростные атаки на людей в местах общественного скопления. Закономерно, что наибольший социальный резонанс неизменно вызывают так называемые «колумбайн-акты», «скулшутинг», когда атака ведется на обучающихся и сотрудников образовательных организаций.

Обеспокоенность выражают не только правоохранительные структуры. Трагичность и масштабный ущерб от таких атак провоцирует страхи среди родительских и педагогических сообществ; опасения стали высказывать уже сами обучающиеся – школьники и студенты.

При рассмотрении проблемы важен анализ накопленных теоретических и эмпирических данных, необходима терминологическая работа, значимо глубокое осмысление предложений ученых и практиков по профилактике нападений и минимизации ущерба от них, востребован мониторинг представлений общественности о феномене.

Методы

Исследование представляет собой систематический обзор тематических научных статей, осуществленный с учетом рекомендаций PRISMA¹ (Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses). Обзор осуществлен в отношении научных изысканий, результаты которых опубликованы за последние 11 лет (2015–2025 гг.) в рецензируемых научных журналах. В представленном обзоре систематизированы научные сведения о факторах, стадиях формирования гомицидной готовности, о персональных маркерах риска совершения нападения обучающегося на образовательное учреждение.

¹ PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic reviews and Meta-Analyses) : [website]. URL: <https://www.prisma-statement.org/> (дата обращения: 10.06.2025).

Критериями отбора выступали:

- наличие представительных сведений о факторах, динамике, персональных маркерах гомицидной готовности и планирования нападения;

- наличие аналитического освещения превентивных подходов и моделей, содержательных рекомендаций по реализации эффективной профилактики нападений на образовательные организации;

- высокая степень авторской оригинальности.

Этапы отбора публикаций:

- поиск в базе данных eLibrary.ru с помощью ключевых слов: шутинг, скулшутинг, амок, массовые убийства, нападения на образовательные организации / учреждения (массив составили 1 052 публикации);

- исключение статей-дубликатов (первично для обзора отобраны 927 публикаций);

- исключение публикаций, не прошедших скрининг по содержанию аннотации (оставлены для обзора 685 статей);

- исключение всех неполнотекстовых статей и статей с нулевым цитированием (за период 2015–2020 гг.); публикации с нулевым цитированием за период 2021–2025 гг. оставлены в перечне для обзора (отобраны для обзора 312 статей);

- исключение публикаций, не соответствующих вышеуказанным критериям (в итоговый перечень отобраны 170 статей).

Результаты

Изучение источников дало представление об используемой терминологии, о подходах к изучению феномена, о факторах, динамике и персональных маркерах риска.

1. Терминология проблемного поля и подходы к изучению феномена

Следует заметить, что в научной литературе циркулирует множество терминов, так или иначе связанных с нападениями в общественных местах. Авторы используют слова «колумбайн», «шутинг», «скулшутинг», «яростное нападение», «атака», «безмотивный теракт». Эти слова прочно вошли в обиход, но, заметим, что они отражают лишь аспекты явления. Так, слово «колумбайн» стало нарицательным после печально известного нападения на школу «Колумбайн» и означает уже не только факты атаки на школу, но и деструктивную субкультуру с оправданием и даже восхвалением агрессоров. Слово «шутинг» предполагает нападение с использованием огнестрельного оружия, а агрессоров называют «стрелками». А если нападение с использованием огнестрельного оружия осуществляется в стенах учебного заведения, то часто используют слово «скулшутинг».

Однако очевидно, что эти термины не характеризуют явление в целом – например, атака может осуществляться без использования огнестрельного оружия (нападение с помощью колюще-режущих предметов, использование ядов, целенаправленные наезды транспортом и т. д.). Не совсем точным является и выражение «безмотивные атаки», т. к. они являются безмотивными лишь на первый взгляд, а при детальном разбирательстве у преступника выявляются вполне конкретные мотивы или даже их плеяда.

По отношению к атакам на образовательные организации наиболее используемыми являются термины: «массовое убийство» в образовательной организации (учреждении), «скулшутинг», «вооруженные нападения на образовательные организации/учреждения», «амок».

В целом используемые термины в большинстве совпадают с теми, что используются в зарубежной научной литературе: “mass killings”, “mass murders”, “mass murder attacks” [13–15], “school shootings”, “school rampage shootings” [16–18], “amok” [19], “amoklauf” [20].

Как видно из таблицы 1, термины описывают явление либо как совокупность фактических поступков (как систему действий и мотивов, как криминальный феномен, как преступление), либо как резонансное событие, либо как психическое состояние агрессора, которое предопределяет его поведение.

Все ракурсы очень значимы, в них часто отражаются криминологический, психиатрический, социологический, психолого-педагогический подходы к явлению [21]. Психиатры, психологи и педагоги, характеризуя состояние психики и сознания нападающего, часто обращаются к термину «амок». Правоведы, криминологи, социологи фиксируют, описывают само деяние и его последствия, пользуясь терминами «вооруженные нападения», «массовое убийство». При необходимости подчеркнуть использование агрессором огнестрельного оружия применяют термин «шутинг», а если нападение с огнестрельным оружием совершается в стенах или на территории образовательного учреждения – «скулшутинг».

Таблица 1

Научная терминология проблемного поля

Table 1

Scientific terminology of the problem area

Термин	Признаки явления
Массовые убийства [1–4]	1) убийство двух и более лиц (покушение на него) общеопасным способом; 2) совершается по личным мотивам; 3) совершается в течение короткого временного отрезка условно в одном месте и является единым событием
Скулшутинг [5; 6]	1) событие в образовательном учреждении; 2) нападение с применением огнестрельного оружия; 3) цель – причинить смерть или тяжкий вред здоровью; итог – убийство или покушение на убийство; 4) ориентация на причинение ущерба конкретным людям (“hit list” – спланированный список жертв, конкретно-персонализированная атака) или беспорядочная стрельба (“rampage school shooting”, хаотичная атака); 5) сопряжено с опасностью для неограниченного круга лиц; 6) отсутствие террористических и корыстных мотивов, частый мотив – месть мнимым или реальным обидчикам; 7) наличие связи агрессора с образовательной организацией
Вооруженные нападения на образовательные организации [7–10]	1) заранее запланированное действие; 2) высокий уровень агрессии у нападающего; 3) нападение на территории образовательного учреждения; 4) цель – причинить смерть или тяжкий вред здоровью; итог – убийство или покушение на убийство; 5) отсутствие террористических и корыстных мотивов, наиболее частые мотивы – мотив мести, мотив ложной справедливости
Амок [11; 12]	1) специфическое психическое состояние с переживанием острой ненависти, детерминирующее нападение, атаку на окружающих; 2) имеет варианты, сходные с разновидностями аффекта, дезорганизирующего психику и поведение: патологический и физиологический (мгновенный акт агрессии после острой фрустрирующей ситуации или, наоборот, отсроченный, «кумулятивный» с разработанным планом атаки)

Однако терминологический разнобой осложняет междисциплинарное взаимодействие, не позволяет концентрироваться на существенных характеристиках явления, что затрудняет раннюю диагностику рисков и профилактику трагедий. Кроме того, рассогласованность понимания и учета ключевых признаков является базовой причиной разрозненности в статистическом учете таких явлений.

2. Причины и маркеры риска

Реальная профилактическая работа показывает – обойтись простым перечнем причин и проявлений риска любого девиантного поведения, достаточно трудно. Ранняя диагностика и организация превентивных мероприятий всегда требует систематизации причин девиантности в целях определения более крупных направлений выявления и, соответственно, предупреждения девиантности обучающихся, в т. ч. и яростных атак на образовательные учреждения.

К сожалению, большая часть научных данных о причинах (о факторах феномена, об условиях формирования у человека представлений о допустимости нападения) представлена именно простыми перечнями либо текстами, характеризующими лишь некоторые предикторы.

Считаем необходимым предложить классификацию, включающую две крупные группы факторов:

- средовые факторы, т. е. те, которые связаны с внешним окружением индивида – потенциального агрессора;
- персональные факторы, т. е. те, которые связаны с соматикой и психикой индивида – потенциального агрессора.

Каждая из групп, в свою очередь, подразделяется на две категории. Средовые факторы представлены факторами физической среды (макрофизические факторы, геофизические особенности, климатические условия, погода и т. п.) и факторами социальной среды (особенности социальных институтов, социализирующих обстоятельств). Персональные факторы представлены соматическими (т. е. «телесными» – анатомо-физиологическими особенностями, спецификой функционирования центральной нервной системы и нейрогуморального регулирования, патологиями здоровья и т.д.) и психолого-педагогическими (т. е. особенностями психики и сознания, ценностно-смысловой регуляции, мотивации, самоконтроля, наличием определенных знаний, убеждений и умений, особенностями мировоззрения и т. д.).

Понятно, что в каждой группе есть подгруппа факторов, которая сложно поддается превентивному воздействию (по крайней мере, со стороны патерналистских, «защитных» сил общества). Действительно, очень трудно представить нейтрализацию или хотя бы минимизацию макрофизических факторов. Сложным и непредсказуемым является серьезное вмешательство в соматику человека, поэтому некоторые специалисты в области девиантологии считают, что факторы физической среды и соматические факторы надо принимать во внимание, но наибольшие превентивные и корректирующие влияния следует направлять на социально-средовые и персональные психолого-педагогические факторы.

Проведя анализ многочисленных научных текстов и эмпирических данных о нападениях на образовательные учреждения, о массовых убийствах на их территории, можно составить вполне «рабочую» классификацию средовых и персональных факторов.

Минимальный объем описания отведем факторам физической среды по ранее указанной причине – на эти условия существования конкретного индивида сложно влиять, их можно лишь учитывать: исследователи указывают на корреляцию нападений с фазами лунного цикла [22], на геофизическую детерминированность преступности [23]: давно установлена связь некомфортных погодных условий и повышения агрессивности.

Гораздо большее внимание следует уделить социально-средовым факторам. Эти факторы отражают нарушение функционирования таких социальных институтов, как институт права, институт морали, институт семьи, институт образования, институт культуры. Следовательно, они вполне могут поддаваться превентивному воздействию. В качестве самых значимых и достаточно универсальных факторов нападений, массовых убийств следует назвать:

- социальную эксклюзию, т. е. исключенность индивида из референтных, значимых для него социальных групп (вплоть до социального клеймения, остракизма, травли и т. п.);
 - низкий уровень безопасности и социально-психологического комфорта в местах и учреждениях, обязательных к присутствию индивида (образовательные учреждения, трудовые коллективы);
 - сниженные возможности получения помощи и поддержки от окружающих (у несовершеннолетних – от родных, от референтных сверстников и педагогов, от значимых взрослых);
 - недостаточные возможности для конструктивной самореализации в социуме;
 - социализацию в условиях семейного неблагополучия;
 - хроническую социальную неуспешность, наслоение трудных жизненных ситуаций и микро-социальных конфликтов;
 - резкое снижение прежнего высокого социального статуса, позор;
 - легкий доступ к средствам нанесения ущерба (к огнестрельному оружию, к опасным колюще-режущим предметам, к ядам, к инструкциям по изготовлению взрывчатки и др.);
 - романтизацию, эстетизацию, натуралистичность изображаемого насилия в медийно-информационном пространстве через популярный контент;
 - трансгрессию в социокультурной эпохе постмодернизма («растворение» границ между социокультурной нормой и патологией, изменение границы между «допустимым» и «недопустимым», осмеяние и сарказм в отношении традиционных ценностей);
 - активность внешних деструктивных сил [24], заинтересованных в ослаблении, дестабилизации какого-либо социума, осуществляющих поиск, вербовку и подготовку к нападениям среди уязвимых, обиженных, разочарованных, неассертивных индивидов (т. н. «биодронов»).
- Перейдем к рассмотрению персональных факторов. Соматические факторы, безусловно важны, но сложны для коррекционного вмешательства. В числе значимых следует указать:
- наличие соматических стигм, вызывающих отчуждение от социального окружения (дефекты внешности, уродства, «отталкивающие» болезни);
 - неврологические проблемы, психические болезни и тяжелые психические расстройства, осложняющие эмоциональный и волевой самоконтроль;
 - особенности нейрогуморального регулирования (гипотетически большая роль принадлежит синтезу и действию норадреналина).

Относительно персональных факторов наиболее перспективными видятся выявление и воздействие на психолого-педагогические факторы. К ним относятся:

- субъективное ощущение одиночества (т. е. индивид может быть окружен большим количеством людей, но при этом субъективно ощущает себя одиноким, отвергнутым, ненужным);
- ощущение непреодолимой, безысходной несправедливости;
- переживание острой ненависти к реальным или мнимым обидчикам, сконцентрированность на обидах, сформированность мотивов мести и наказания;
- оправдывающие, разрешающие установки по отношению к насилию, искаженные представления о социальных нормах;
- низкая самооценка и субдепрессивное состояние, которые затем компенсаторно сменяются нарциссизмом, самовозвеличиванием;
- накопление психоэмоционального напряжения из-за рассогласованности личных притязаний и недостаточных ресурсов для их удовлетворения (кумулятивное фрустрированное состояние), из-за повышенной требовательности к окружающим;
- дефекты воспитания, не позволившие сформировать у индивида навыки эмоционально-волевого контроля над поведением.

Рассмотрение вышеперечисленных факторов позволяет определить у индивида ранние маркеры риска, которые вполне поддаются фиксации [25–27] (через наблюдение со стороны родителей и педагогов, тестирование, выявление в индивидуальных беседах, через опросы окружающих, через анализ цифрового профиля и т. д.):

- статус «замкнутого одиночки», изгоя;
- переживание обиды и ненависти;
- переход от депрессивных проявлений к самовозвеличиванию, высокомерию;
- сверхценность идей возмездия, мести, наказания, гомоцидных идей;
- ненавистнические суждения в высказываниях, в публикуемом контенте;
- искаженное понимание славы, героизма, мужественности, справедливости;
- интерес к оружию, к средствам нанесения ущерба;
- увлечение тематикой смерти, убийств, восхищение (коллекционирование) историями нападений в общественных местах;
- предпочтение медиаконтента со сценами, сюжетами насилия и смерти;
- наличие эпизодов с поведенческими приступами ярости (аффективные вспышки при фрустрации);
- нарушения эмоционально-волевой сферы, осложняющие самоконтроль над поведением.

3. Динамика явления

Рассматриваемое явление не ограничивается самим фактом нападения, массового убийства или их планированием. Явление имеет специфичные стадии формирования.

На первой стадии под воздействием комплекса средовых и персональных факторов на фоне низкой самооценки, субъективного ощущения одиночества, несправедливости происходит накопление отрицательных эмоций (депрессивные признаки, переживание обиды, ненависти, разочарования и безысходности). На этом этапе уже поддаются фиксации указанные ранние маркеры и при достаточных усилиях можно установить основные факторы.

На второй стадии наблюдается дереализация (неадекватное восприятие себя, окружающих, социальной ситуации), компенсаторное самовозвеличивание (наделение себя мессианским статусом, восприятие себя как «орудия возмездия и справедливости» или «очистителя общества»). Часто на этой стадии исследователи фиксируют возникновение триггера, т. е. ситуации, обстоятельства «запуска» подготовки к нападению, перехода от ненавистнических мыслей к планированию атаки. Так, одним из доказанных триггеров может стать некорректное освещение в медийно-информационном пространстве других нападений. Можно сказать, что лишь на этом этапе доступ к средствам нанесения ущерба становится значимым. На первой стадии нельзя считать полноценным фактором (детерминантой) как медийный резонанс, так и общедоступность огнестрельного оружия или ядовитых веществ, информированность о способах тарана транспортом и изготовления взрывных устройств и т. д. На второй стадии окружающим передаются послы: делаются прямые высказывания о желании расправы, анонсы нападений, тиражируется информация о ранее совершенных резонансных массовых убийствах. Эта стадия предполагает планирование. План часто бывает простым, незамысловатым, но от этого не менее трагичным по последствиям. План «ритуализируется», приурочивается к каким-то значимым для агрессора событиям или местам, действия агрессора символизируются, окружающие замечают в нем некую театрализованность поведения.

Третья стадия представляет собой амок – непосредственный агрессивный акт на фоне сильнейшего эмоционального возбуждения. Он представлен комбинацией из вида аффекта (патологический или физиологический), способа, средств расправы, нанесения ущерба, результатов нападения, выбора жертв (хаотичный или целенаправленный). Эта комбинация и порождает разнообразие используемых терминов при описании события: шутинг, скулшутинг, колумбайн-акт, атака с помощью транспорта, массовое убийство («корпоративное», «стихийное, некорпоративное», «семейное», «смешанное» [28]), вооруженное нападение в общественном месте и др.

Четвертая стадия обусловлена эмоциональной разрядкой и опустошенностью вследствие случившихся энергетических затрат у агрессора. Обессиленность может сочетаться с полной или частичной амнезией, очень часто наблюдается суицидальное поведение («постгомицидный суицид»).

4. Сопряженность амока и суицидальных интенций в поведении агрессора

Суицидальное поведение у нападающего после яростной агрессивной атаки – распространенное следствие, которое требует отдельного освещения. Исследователи считают этот факт одной из особенностей данных преступлений [29] и используют термины: «гомицидно-суицидный характер нападений», «постгомицидное самоубийство» [30; 31], отмечая, что такая сопряженность обнаружена более чем у 90 % нападавших. Взаимосвязь эта регулярно рассматривается в статьях отечественного журнала «Суицидология», что говорит о полном признании этого факта профессиональными суицидологами. Более того, «суицидальное желание» называют «атрибутом поведения массового убийцы» [32]. Зарубежные ученые также фиксируют сопряженность феноменов [33] (например, прочно вошел в обиход термин “Murder-suicides” [34]).

Завершение акта нападения суицидом или суицидальной попыткой было зафиксировано и этнографами, изучающими распространенный этноспецифический феномен амока у малайзийцев (откуда и пришел термин в психиатрию для обозначения состояния неконтролируемой ярости с нападением на окружающих) [35]. Анализ научных источников демонстрирует совпадение точек зрения отечественных и иностранных исследователей (из разных отраслей науки) на коннективность амока и суицидального поведения.

Достаточно сложным (по понятным причинам) является определение конкретного времени возникновения суицидальных интенций у агрессора. Вероятнее всего, уже на стадии планирования агрессор отчетливо осознает риск собственной смерти (в результате самозащиты жертв или уничтожения правоохранителями), прогнозирует ее. На стадии эмоциональной разрядки после нападения также вполне вероятно возникают суицидальные мысли и реализуется суицидальный поступок при осознании содеянного, при раскаянии.

На наш взгляд, параллели можно уже найти и на первой стадии – суицидологи знакомы с такой характеристикой суицидентов, как «когнитивный туннель», т. е. переживания трудной жизненной ситуации в одностороннем ракурсе ее безысходности, невозможности преодоления. Такое же точно «зашоренное сознание» наблюдалось и у лиц, совершивших нападения – они постепенно укрепляли свое убеждение, что нападение является единственным выходом из не устраивающих их жизненных обстоятельств.

Еще суицидологи обнаруживают у лиц с истинным суицидальным поведением яркий маркер т. н. «негативной когнитивной триады», свидетельствующий о высоком риске надвигающегося суицида: негативное оценивание себя, негативное оценивание окружающих, негативное оценивание будущего. Нападавшие, массовые убийцы демонстрировали такую же негативную триаду убеждений на первой стадии, а вот на второй стадии у потенциального агрессора негативное оценивание себя трансформируется в самовозвеличивание, нарциссизм.

Также прослеживается сходство явлений из-за их подверженности «заражению», провоцированию, т. е. подражательных повторов после широкого освещения в медиа как суицидов, так и яростных нападений.

5. Влияние медийно-информационной среды на всплески нападений

Еще в конце прошлого века ученые обратили внимание на эффект индуцированных нападений (подражательных повторов) после выхода в свет романа С. Кинга «Ярость». Этот эффект удивительным образом схож с известным суицидологам «эффектом Вертера», понятие которого возникло в связи со всплеском подражательных суицидов после выхода в свет романа И.-В. Гёте «Страдания юного Вертера».

Сегодня очевидно, что медиапродукты, медийно-информационная среда могут быть существенным фактором как прироста суицидальной активности населения, так и совершения нападений. Подражательные нападения отмечались после широко освещаемой газетами

и телевидением атаки на школу Колумбайн, что привнесло в научный лексикон словосочетание «колумбайн-эффект». Современные исследователи продолжают отмечать причинно-следственную связь между медиасообщениями, популярными медиапродуктами с тематикой нападения и приростом реальных нападений в тех сообществах, где транслируется такой медиаконтент [36–38]. Отечественные научные данные во многом совпадают с результатами зарубежных исследователей [39–42].

Следует признать, что наибольшее воздействие медиаконтент оказывает на подрастающее поколение. Именно оно ярче других групп населения проявляет социально-психологические феномены имитационного поведения, идентификации с кумирами, подражания, заражения, подверженности моде. Это связано с такими возрастными психологическими особенностями, как: разбалансированность механизмов идентификации–обособления, повышенная значимость взаимоотношений со сверстниками, нестабильность самооценки и эмоционально-волевой сферы личности, неустоявшиеся представления о ценностях, жизненных смыслах, максимализм. Поэтому многие скулшутеры своей биографией демонстрировали увлечение деструктивным контентом с тематикой насилия и компьютерными играми–шутерами, коллекционировали и распространяли медиаконтент с соответствующими идеями, сюжетами.

Как известно, медианасилие:

1) может вызвать моментальные суггесто-подражательные последствия (стать триггером для лиц со сложившимся комплексом факторов совершения атаки);

2) может ослаблять или затруднять формирование внутренних запретов на насилие (что говорит о возможных отложенных деструктивных реакциях на трудные жизненные ситуации);

3) может активизировать, растормаживать имеющиеся психические патологии.

Доминирующую роль медиасреда сыграла и в популяризации антисоциальной колумбайн-субкультуры. Особый риск связан с интернет-пространством, где затруднен полноценный социальный контроль за контентом [43]. Конечно же, государственные усилия по блокированию, запрету, возрастному маркированию деструктивного контента важны, но недостаточны. По всей видимости, необходима разработка документа для изготовителей медиаконтента о нападениях, массовых убийствах, аналогичного Рекомендациям по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства. Как и в случае с новостным освещением суицидов (а также изготовлением других медиапродуктов – фильмов, мультфильмов, песен, видеоклипов, игр и т. д.) следует избегать оправдания, романизации, героизации и эстетизации поведения агрессоров, скулшутеров [44].

Важной видится и активизация работы, связанной с изучением цифровых профилей подростков и молодежи в социальных сетях и мессенджерах для выявления маркеров риска.

Обсуждение

Представленная в научных источниках информация важна для определения уровней и разновидностей профилактики нападений на образовательные организации. Сведения о факторах, стадиях явления (формирования гомицидной готовности у обучающихся и совершения ими нападений) позволяет воспользоваться традиционной градацией уровней профилактики: первичная, вторичная и третичная профилактика.

Первичная профилактика включает выявление сопряженности в жизни обучающегося нескольких групп факторов, ослабленности у него барьеров девиантного поведения. По сути, первичная профилактика состоит в обнаружении и работе с лицами, находящимися на первой стадии. Первичная профилактика – прерогатива семьи и образовательной организации.

Вторичная профилактика представляет собой выявление и работу с обучающимися, находящимися на второй стадии, т. е. с теми, кто демонстрирует маркеры явного риска нападения. Анализ научных источников показывает, что подавляющая часть зарекомендовавших себя отечественных [45–49] и зарубежных профилактических разработок, программ и моделей относится к уровню вторичной профилактики (в частности, модель «ПОЛПОТ» [50], SAVRY [51–53]; CSTAG и MFTA² [54]; The Four-Pronged Assessment Model [55]; NETWASS [56], Behavioral Threat Assessment and Management³ и др.). При сравнении разработок видно, что их основой

² Viñas-Racionero R. A Multifactorial Model of Threat Assessment Activity Applied to Educational Settings. Theses, Dissertations, and Student Research: Department of Psychology. 2018. 108 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/326799874_A_Multifactorial_Model_of_Threat_Assessment_Activity_Applied_to_Educational_Settings (дата обращения: 10.10.2025).

³ School Safety and Crisis. Behavioral Threat Assessment and Management (BTAM): Best Practice Considerations for K-12 Schools // National Center for School Safety : [website]. URL: <https://www.nc2s.org/resource/behavioral-threat-assessment-and-management-btam-best-practice-considerations-for-k-12-schools/> (дата обращения: 19.11.2025).

является фиксация маркеров явного риска нападения. Различаются лишь способы сбора данных о маркерах явного риска: через сверстников, через педагогов, через мониторинг цифровых профилей. Также предлагаются разнообразные варианты донесения тревожной информации компетентным органам (сообщения во внутришкольные профилактические структуры, в правоохранительные органы, по телефонам доверия).

Заметим, что на данном уровне профилактики роль образовательных организаций важная, но не доминирующая, т. к. обязательно привлечение узкопрофильных специалистов (в зависимости от ситуации это могут быть неврологи, психиатры, клинические психологи, правоохранители, специалисты по медиабезопасности и др.). Поэтому важным является информирование общественности о способах передачи правоохранительным органам сведений о возможных нападениях лиц с маркерами явного риска.

Смысл третичной профилактики заключается в минимизации ущерба при совершении нападения. Этот уровень предполагает меры, связанные с подготовкой обучающихся и педагогов к конструктивному реагированию на атаку заведения, а также меры оптимизации системы безопасности образовательной организации и прилегающей территории. Считаем необходимым указать на наметившееся в последние годы расхождение в отечественных и зарубежных точках зрения на стратегии данного уровня профилактики. Западные ученые и практики уже стараются уйти от «тактики локдауна» (баррикадированные внутри класса, аудитории при нападении, сигнале тревоги, и ожидание спасения со стороны правоохранительных органов, спецслужб), считают более результативным принцип «беги, спасайся, активно обороняйся». Следовательно, заметны и изменения в требованиях к инфраструктуре образовательных организаций – важным видится большее количество эвакуационных выходов из заведения и размещение на пришкольной территории объектов (спортивного, эстетического и иного назначения), за которыми спасающиеся бегством могут укрыться в случае прицельной стрельбы агрессором «в спину» из окон школы. Отечественная же тактика, отражающаяся в тренировках обучающихся и педагогического состава, строится на принципе «заблокируйся в помещении и жди спасения профессионалами».

В нашей стране профилактическая практика характеризуется ожиданием синергетического эффекта от взаимодействия субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, что представляет собой сложный управленческий вызов. Межведомственное и внутриорганизационное сотрудничество педагогов регламентируется несколькими нормативно-правовыми актами федерального уровня⁴. Конкретизация их положений представлена в Методических рекомендациях о типовых формах и порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних⁵. Значимыми для организации профилактической работы являются Рекомендации об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска»⁶. Положения этого документа рекомендуют образовательным организациям совместное с органами внутренних дел планирование профилактической деятельности и проведение превентивных мероприятий, а также обмен информацией о несовершеннолетних с девиантным поведением. Совместная профилактическая деятельность должна осуществляться в рамках программ и планов воспитания образовательной организации. Нормативный акт характеризует рекомендуемую совместную профилактическую деятельность и направления профилактической деятельности отдельных специалистов в три периода (период подготовки к учебному году; период текущего учебного года; каникулярный период).

⁴ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1999. № 26. Ст. 3177 ; О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031 ; О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146 ; О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696 и др.

⁵ О предоставлении информации : письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 07-6757 // Администратор образования. 2021. № 23.

⁶ О межведомственном взаимодействии (вместе с «Рекомендациями об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних „группы риска“») : письмо Министерства просвещения Российской Федерации № 07-6607, МВД России № 12/5351, Министерства образования и науки Российской Федерации № МН-11/1548 от 2 ноября 2020 г. // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации» (ЮИС Легалакт) : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshchenija-rossii-n-07-6607-mvd-rossii-n-125351/> (дата обращения: 19.11.2025).

В школах часто руководствуются Методическими рекомендациями «Профилактика конфликтов, проявлений экстремизма и терроризма в поликультурной образовательной среде»⁷ разработчик – Министерство просвещения Российской Федерации, 2022). Данные рекомендации описывают феноменологию конфликтов между субъектами образовательных отношений, характеризуют восстановительный подход в профилактике конфликтов и его ресурсы в предупреждении экстремизма среди несовершеннолетних; также предоставляется перечень маркеров возможной вовлеченности обучающегося в экстремистско-террористические организации; дополнительно излагается регламент Межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики.

На уровне регионов и муниципалитетов созданы антитеррористические комиссии, координационные центры и различные межведомственные рабочие группы, к компетенции которых относится профилактика нападений на образовательные организации и координация действий субъектов системы профилактики [57]. Каждой региональной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав разработан порядок межведомственного взаимодействия при возникновении ЧП с несовершеннолетними. Федеральные и региональные документы отражаются в регламентах муниципалитетов, а в каждой образовательной организации разрабатывается алгоритм действий педагогических работников (руководитель организации, социальный педагог, педагог-психолог, учителя-предметники) и тактика их взаимодействия⁸.

Меры образовательной организации оптимально систематизировать по уровням профилактики, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Деятельность образовательной организации по профилактике нападений

Table 2

Activities of educational institutions aimed at preventing attacks

Уровень профилактики	Профилактические меры
1. Первичная профилактика	1.1. Раннее выявление факторов: 1.1.1. Фиксация социально-средовых факторов в жизни обучающихся: социальная эксклюзия и недостаточные возможности получения поддержки от окружающих сверстников; семейное неблагополучие и недостаточные возможности получения поддержки от родных; ситуативная, но длительная социальная неуспешность (череда ситуаций – социальных неудач; резкое снижение прежнего высокого статуса среди сверстников; пребывание в остром конфликте; пребывание в трудной жизненной ситуации). 1.1.2. Фиксация персональных (соматических и психологических) факторов: явные признаки неконструктивной (патологичной) самореализации; наличие соматических стигм; неврологические проблемы, психические заболевания и серьезные расстройства; субъективное ощущение одиночества; ощущение непреодолимой, безысходной несправедливости; низкая самооценка при высоких притязаниях либо накопление отрицательных эмоций из-за рассогласованности притязаний и имеющихся ресурсов удовлетворения запросов; оправдывающие, «разрешающие» установки относительно насилия; искаженные представления о социальных нормах, их отвержение; низкий уровень эмоционально-волевого контроля над поведением, сформированный из-за ошибок воспитания; искаженное понимание мужественности, героичности; ранее случавшиеся приступы ярости, явно выраженное агрессивное поведение; низкий уровень асертивности и неразвитое критическое мышление 1.2. Диагностика персональных ресурсов предотвращения гомицидной активности у обучающихся (оценка развитости «барьеров девиантности»): жизнестойкость

⁷ Профилактика конфликтов, проявлений экстремизма и терроризма в поликультурной образовательной среде : методические рекомендации // Министерство просвещения Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/07e0b3f0e68fc9a572530cfa09b92e54/> (дата обращения: 19.11.2025).

⁸ См., например: Алгоритм действий педагогических и руководящих работников в случае обнаружения (выявления) сведений (утечек, признаков) о готовящемся вооруженном нападении // МБОУ «СОШ № 8» МО г. Братска : [сайт]. URL: https://sh8-bratsk-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/33/44/skulshuting.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

Окончание таблицы 2

Уровень профилактики	Профилактические меры
	и осознанные установки на постоянное саморазвитие; высокий уровень критического мышления и асертивности; навыки обеспечения персональной медиабезопасности; теплые взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны родных; конструктивные взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны сверстников, друзей; просоциальные увлечения и высокий уровень вовлеченности в социально значимую деятельность, их успешность; конструктивные взаимоотношения и высокий уровень поддержки со стороны значимых взрослых (школьных педагогов, педагогов дополнительного образования, близких семьи и т. п.); устойчивые конструктивные ценностные ориентации, установки на соблюдение социальных норм и неприемлемость насилия.
	1.3. Социально-педагогическая поддержка, сопровождение обучающихся в трудной жизненной ситуации
	1.4. Реализация программ ранней психолого-педагогической профилактики девиантности
2. Вторичная профилактика	2.1. Выявление маркеров явного риска в реальном поведении и в цифровом портрете обучающегося: переживание острой обиды, ненависти, ярких отрицательных эмоций на фоне фрустрации; переход от низкой самооценки, депрессивных проявлений к чрезмерно завышенной самооценке, самовозвеличиванию, нарциссизму; сверхценность идеи отмщения, возмездия; увлечение гомицидными идеями и информацией; прямые анонсы нападения
	2.2. Социально-педагогическая поддержка, сопровождение обучающихся с маркерами явного риска
	2.3. Экстренное привлечение профильных специалистов к персональной работе с обучающимся, демонстрирующими маркеры явного риска
	2.4. Информирование родительской общественности о возможностях доведения сведений правоохранительным органам о возможных нападениях
3. Третичная профилактика	3.1. Подготовка обучающихся, педагогов и школьного персонала к конструктивным действиям в ситуации атаки на образовательную организацию
	3.2. Оптимизация системы безопасности образовательной организации (зданий, инфраструктуры, прилегающей территории)

Научные сведения о феномене, безусловно, будут полезны для всех видов профилактики, обозначенных Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг. Оставим для дальнейшей дискуссии ученым и практикам вопрос о правомерности и целесообразности отождествления нападения на образовательную организацию с терактом. Отметим лишь, что документ в полной мере ориентирован на предупреждение скулшутинга. Так, общая профилактика должна быть представлена усилиями по развитию у обучающихся «барьеров девиантности»: просоциальные ценностные ориентации, жизнестойкость, критическое мышление и асертивность, навыки обеспечения цифровой безопасности. Адресная профилактика должна быть нацелена на выявление обучающихся, склонных к вовлечению или вовлеченных в субкультуры, сообщества с человеконенавистнической идеологией и гомицидными установками. В качестве индивидуальной профилактики выступает экстренная персональная работа с обучающимся, демонстрирующим маркеры явного риска.

3 заключение

Проведенный систематический обзор позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Научные сведения о факторах, маркерах риска нападения и о динамике психологического состояния агрессора должны выступать основаниями организации профилактики нападений на образовательные организации.

2. Профилактику нападений обучающихся на образовательные учреждения можно дифференцировать по уровням (первичная, вторичная, третичная) и видам (общая, адресная, индивидуальная).

3. При планировании профилактических мер следует учитывать «медиаконтагиозность» нападений на образовательные организации. Это подталкивает к подготовке рекомендаций по корректному освещению в медиапространстве скандалов-тематике (и, соответственно, изготовлению различной медиапродукции). Возможна опора на Рекомендации по распространению в средствах массовой информации информации о случаях самоубийства (разработаны Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и др. (2016 г.)). При этом важно учитывать этические-правовые аспекты мониторинга цифровых профилей обучающихся (четкие принципы мониторинга и обоснованный перечень маркеров риска в цифровом профиле; соблюдение границ приватности и требований к защите персональных данных; предотвращение манипуляций и шантажа).

4. Необходимы дальнейшие исследования сходства и различия феноменов гомицидных атак ярости и суицидального поведения (особенно аффективного суицида и суицида с аутопунитической мотивацией).

5. Востребован диагностический инструментарий (по выявлению обучающихся с риском совершения нападений), пригодный для использования в образовательной организации. Инструментарий должен быть научно выверенным, удобным и понятным для педагогов, не обременителен по времени заполнения (фиксации) данных и обработки. Наибольшим потенциалом, по нашему глубокому убеждению, обладают компактные карты наблюдения для классных руководителей с кратким перечнем факторов, маркеров явного риска и индивидуальных «барьеров девиантности» у обучающихся. К сожалению, психологическое тестирование не демонстрирует желаемой результативности в связи с объемом предлагаемых тестовых материалов, с низким уровнем достоверности из-за социально-желательных ответов обучающихся, с частым отказом обучающегося и его семьи от психодиагностики.

6. Востребованы разработки, связанные с выявлением маркеров раннего риска и явного риска нападений в цифровых профилях (в цифровых портретах) обучающихся. Из-за чрезвычайного объема такой работы перспективным видится привлечение к ней студентов педагогических и психолого-педагогических направлений (специальностей), например, в рамках педагогической практики или курсовых проектов.

Список источников

1. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/nprj.2018.0406>
2. Артамонова Е. А., Третьяк М. И. Массовое вооруженное убийство в учебных организациях: возможности противодействия уголовно-правовыми средствами // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239)
3. Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования // Вестник науки и образования. 2019. № 6-1 (60). С. 51–53.
4. Голенков А. В., Зотов П. Б., Козлов В. А., Филоненко А. В. Массовые убийства с использованием огнестрельного оружия в современной России // Суицидология. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
5. Лукьянов Н. Е., Изгарская А. А. Противодействие террористическим актам и скандалу в образовательных организациях США и РФ: сравнительный анализ содержания учебных и справочных изданий // Философия образования. 2024. Т. 24, № 4. С. 39–59. <https://doi.org/10.15372/phe20240403>
6. Волчеккая Т. С., Авакян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скандала и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591)
7. Злоказов К. В. Вооруженные нападения несовершеннолетних на образовательные организации в США: социально-психологические факторы риска // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
8. Сыроквашина К. В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 3. С. 37–44. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080304>
9. Михайлова Е. В. Криминологическая характеристика вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации (schoolshooting) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 1 (80). С. 20–25. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11004>
10. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыроквашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
11. Книжников С. В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>
12. Клейберг Ю. А. Девиантология амока: феноменология, актуализация, профилактика // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 77–83.
13. Lankford A., Tomek S. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? // Suicide and Life-threatening Behavior. 2018. № 48. P. 459–467. <https://doi.org/10.1111/sltb.12366>

14. Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52, no. 9. P. 1227–1245. [10.1177/0002764209332543](https://doi.org/10.1177/0002764209332543)
15. Agnich L. E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks // American Journal of Criminal Justice. 2015. Vol. 40, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9239-5>
16. Ruddock A. School Shootings and Cultivation Analysis: On Confrontational Media Rhetoric and the History of Research on the Politics of Media Violence // School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 3–24. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007005](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007005)
17. Newman K. S. [et al.]. Rampage: The Social Roots of School Shootings // American Journal of Education. 2005. Vol. 111, № 3. P. 425–430. <https://doi.org/10.1086/428888>
18. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy // The Social Science Journal. 2012. Vol. 49, is. 3. P. 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2011.11.001>
19. Kellner D. Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. Boulder, CO : Paradigm Publishers, 2008. 221 p.
20. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
21. Орлов В. В. О терминологическом наполнении понятий «колумбайн», «скулшутинг» и «вооруженные нападения на учебные учреждения» // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 2 (18). С. 21–27.
22. Орлов В. В. Зависимость случаев массовых расстрелов (массшутинга) от фаз лунного цикла // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 3 (94). С. 279–291. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-279-291>
23. Жмуров Д. В., Тихомиров С. Н. Геофизические факторы как детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 27–35. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).27-35](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35)
24. Аврамцев В. В., Коннов И. А. Колумбайн, Скулшутинг и другие деструктивные течения (движения), как организационное оружие Запада // Вестник Нижегородского института управления. 2023. № 2 (68). С. 37–47.
25. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
26. Нецифровые и цифровые маркеры риска вооруженного нападения на учебные заведения / Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Огнев А. С. [и др.] // Человеческий капитал. 2021. № 11 (155). С. 88–99. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.11.09>
27. Максимова Н. Г. Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 44–55. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4>
28. Голенков А. В., Зотов П. Б., Козлов В. А., Филоненко А. В. Массовые убийства с использованием огнестрельного оружия в современной России // Суицидология. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
29. Розанов В. А. Агрессия и аутоагрессия (суицид) – анализ с позиций нейробиологии // Суицидология. 2022. Т. 13, № 3 (48). С. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38)
30. Карауш И. С., Бадмаева В. Д., Чибисова И. А. Суицидальное поведение несовершеннолетних, планировавших или совершивших нападение на образовательные учреждения // Суицидология. 2024. Т. 15, № 2 (55). С. 113–130. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02\(55\)-113-130](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130)
31. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт // Суицидология. 2021. Т. 12, № 4 (45). С. 16–30. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
32. Голенков А. В., Зотов П. Б. Анализ самоубийств агрессоров после массовых самоубийств // Суицидология. 2022. Т. 13, № 3 (48). С. 39–57. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-39-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57)
33. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // Homicide Studies. 2012. Vol. 17, № 3. P. 255–274. <https://doi.org/10.1177/1088767912462033>
34. Adhia A., DeCou C. R., Huppert T., Ayyagari R. Murder-suicides perpetrated by adolescents: findings from the national violent death reporting system // Suicide Life Threat Behav. 2020, Vol. 50, no. 2. P. 534–544. <https://doi.org/10.1111/sltb.12607>
35. Каплан Г., Сэдок Б. Клиническая психиатрия : в 2 т. / пер. с англ. В. Б. Стрелец. Москва : Медицина, 1994. Т. 1. 672 с.
36. Баева Л. В. Медиатизация скулшутинга («колумбайн») в фан-литературе // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 2. С. 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419>
37. Шувалов Л. А. Влияние средств массовой информации на популяризацию феномена скулшутинга // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 149–154. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.149>
38. Ткач С., Жарикова А. В. Медийный нарратив скулшутинга в России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 3. С. 268–289. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i3.536>
39. Muschert G. W., Sumiala J. School Shootings as Mediatized Violence // Böckler N. [et al.] (eds.). School Shootings : International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, NY : Springer, 2012. p. 265–281. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_12
40. Towers S. [et al.]. Contagion in Mass Killings and School Shootings // PLoS ONE. 2015. Vol. 10, no. 7. P. e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>
41. Meindl J. N., Ivy J. W. Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107, no. 3. P. 368–370. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611>
42. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 27–35. URL: <https://www.elon.edu/u/academics/communications/journal/wp-content/uploads/sites/153/2018/12/03-Lee.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
43. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Механизм деятельности сторонников деструктивных интернет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «групп смерти» и движения «Колумбайн») // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 229–234.
44. Шувалов Л. А. Нарушение этических стандартов в процессе освещения журналистами событий скулшутинга // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 3 (78). С. 262–268. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.3.262>
45. Карасев П. К., Судьин С. А. Профилактика скулшутинга как управленческая задача: кейс Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 88–93. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_88

46. Буров Ю. Б. Массовое убийство в образовательных организациях: феномен, механизмы, причины, профилактика // Инновационное развитие профессионального образования. 2025. № 1 (45). С. 122–133.
47. Малошина Ю. А., Шатилович С. Н., Федорова О. Б. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
48. Муцалов Ш. Ш., Дадаев Х. М. Массовые убийства в образовательных учреждениях Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны и направления предотвращения // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2024. № 1 (53). С. 132–139. <https://doi.org/10.36684/chesu-2024-53-1-132-139>
49. Овечкин Е. В., Селезнева Е. В. Психолого-педагогическая работа по предостережению от нападений на школы учащимися // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 1. С. 84–89. URL: <https://vestnikggtu.ru/archives/3465> (дата обращения: 10.10.2025).
50. Белодед Д. Р., Енгальчев В. Ф., Корзунин В. А., Духновский С. В. Психологическая модель выявления потенциальных скулшутеров в цифровой образовательной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1 (92). С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>
51. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the Structured Assessment for Violence Risk in Youth (SAVRY). Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 2006.
52. Ortega-Campos E., Garcia-Garcia J., De la Fuente-Sánchez L., Zaldivar-Basurto F. Assessing the Interactions between Strengths and Risk Factors of Recidivism through the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020. Vol. 17, № 6. P. 2112. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062112>
53. Soderstrom M. F. P., Childs K. K., Frick P. J. The Role of Protective Factors in the Predictive Accuracy of the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // Youth Violence and Juvenile Justice. 2020. Vol. 18, № 1. P. 78–95. <https://doi.org/10.1177/1541204019837329>
54. Dewey C., Korrie A. Development, Evaluation, and Future Directions of the Virginia Student Threat Assessment Guidelines // Journal of School Violence. 2011. Vol. 10, № 1. P. 88–106. <https://doi.org/10.1080/15388220.2010.519432>
55. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. 52 p.
56. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student Crisis Prevention in Schools: The NETWorks Against School Shootings Program (NETWASS) – An Approach Suitable for the Prevention of Violent Extremism? // International Journal of Developmental Science. 2019. Vol. 13, № 3–4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>
57. Андрущак П. А. Опыт Антитеррористической комиссии Московской области в сфере профилактики актов скулшутинга на объектах образования // Обзор. НЦПТИ. 2022. № 3 (30). С. 57–61.

References

1. Davydov D. G., Hlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2018. № 4 (32). С. 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>
2. Artamonova E. A., Tret'yak M. I. Massovoe vooruzhennoe ubijstvo v uchebnyh organizatsiyah: vozmozhnosti protivodejstviya ugovovno-pravovymi sredstvami // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. Т. 16, № 2. С. 229–239. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16\(2\).229-239](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2022.16(2).229-239)
3. Suhodol'skaya Yu. V. Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nyh organizatsiyah kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2019. № 6–1 (60). С. 51–53.
4. Golenkov A. V., Zotov P. B., Kozlov V. A., Filonenko A. V. Massovye ubijstva s ispol'zovaniem ognestrel'nogo oruzhiya v sovremennoj Rossii // Suicidologiya. 2023. Т. 14, № 3 (52). С. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
5. Luk'yanov N. E., Izgarskaya A. A. Protivodejstvie terroricheskim aktam i skulshutingu v obrazovatel'nyh organizatsiyah SSHa i RF: sravnitel'nyj analiz soderzhaniya uchebnyh i spravocnyh izdanij // Filosofiya obrazovaniya. 2024. Т. 24, № 4. С. 39–59. <https://doi.org/10.15372/phe20240403>
6. Volcheckaya T. S., Avak'yan M. V., Osipova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika i profilaktika skulshutinga i kiberbullinga v Rossii i zarubezhnyh stranah // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. Т. 15, № 5. С. 578–591. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591)
7. Zlokazov K. V. Vooruzhennye napadeniya nesovershennoletnih na obrazovatel'nye organizatsii v SSHa: social'no-psihologicheskie faktory riska // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. Т. 17, № 1. С. 90–102. [https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17\(1\).90-102](https://doi.org/10.17150/2500-1442.2023.17(1).90-102)
8. Syrokvashina K. V. Napadeniya v shkolah: agressivnye i autoagressivnye dejstviya nesovershennoletnih // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2019. Т. 8, № 3. С. 37–44. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080304>
9. Mihajlova E. V. Kriminologicheskaya harakteristika vooruzhennyh napadenij v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federatsii (schoolshooting) // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 1 (80). С. 20–25. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-11004>
10. Dozorceva E. G., Oshevskij D. S., Syrokvashina K. V. Psihologicheskie, social'nye i informacionnye aspekty napadenij nesovershennoletnih na uchebnye zavedeniya // Psihologiya i pravo. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
11. Knizhnikova S. V. Amok: aktual'nost' izucheniya napadenij v shkolah, prichiny, vozmozhnosti pervichnoj profilaktiki // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>
12. Klejberg Yu. A. Deviantologiya amoka: fenomenologiya, aktualizatsiya, profilaktika // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2019. № 3. С. 77–83.
13. Lankford A., Tomek S. Mass Killings in the United States from 2006 to 2013: Social Contagion or Random Clusters? // Suicide and Life-threatening Behavior. 2018. No. 48. P. 459–467. <https://doi.org/10.1111/sltb.12366>
14. Levin J., Madfis E. Mass murder at school and cumulative strain: A sequential model // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52, no. 9. P. 1227–1245. <https://doi.org/10.1177/0002764209332543>
15. Agnich L. E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-based Mass Murder Attacks // American Journal of Criminal Justice. 2015. Vol. 40, no. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9239-5>
16. Ruddock A. School Shootings and Cultivation Analysis: On Confrontational Media Rhetoric and the History of Research on the Politics of Media Violence // School Shootings: Mediatized Violence in a Global Age. Bingley : Emerald Group Publishing Limited, 2012. P. 3–24. [https://doi.org/10.1108/S2050-2060\(2012\)0000007005](https://doi.org/10.1108/S2050-2060(2012)0000007005)

17. Newman K. S. [et al.]. Rampage: The Social Roots of School Shootings // American Journal of Education. 2005. Vol. 111, № 3. P. 425–430. <https://doi.org/10.1086/428888>
18. Rocque M. Exploring School Rampage Shootings: Research, Theory, and Policy // The Social Science Journal. 2012. Vol. 49, is. 3. P. 304–313. <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2011.11.001>
19. Kellner D. Guys and Guns Amok: Domestic Terrorism and School Shootings from the Oklahoma City Bombing to the Virginia Tech Massacre. Boulder, CO : Paradigm Publishers, 2008. 221 p.
20. Scheithauer H., Bondü R. Amoklauf und School Shooting. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.
21. Orlov V. V. O terminologicheskom napolnenii ponyatii «kolumbajn», «skulshuting» i «vooruzhennye napadeniya na uchebnye uchrezhdeniya» // Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk. 2022. № 2 (18). S. 21–27.
22. Orlov V. V. Zavisimost' sluchaev massovykh rasstrel'ov (massshutinga) ot faz lunnogo cikla // Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh. 2023. T. 28, № 3 (94). S. 279–291. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-394-279-291>
23. Zhmurov D. V., Tihomirov S. N. Geofizicheskie faktory kak determinanty prestupnosti // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. S. 27–35. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).27-35](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).27-35)
24. Avramcev V. V., Konnov I. A. Kolumbajn, Skulshuting i drugie destruktivnye techeniya (dvizheniya), kak organizacionnoe oruzhie Zapada // Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya. 2023. № 2 (68). S. 37–47.
25. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // Vlast'. 2021. T. 29, № 1. S. 93–108. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>
26. Necifrovye i cifrovye markery riska vooruzhennogo napadeniya na uchebnye zavedeniya / Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Ognev A. S. [i dr.] // CHelovecheskij kapital. 2021. № 11 (155). S. 88–99. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.11.09>
27. Maksimova N. G. Bazy dannykh kak effektivnyj instrument analiza i preduprezhdeniya incidentov skulshutinga // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2022. T. 28, № 4. S. 44–55. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4>
28. Golenkov A. V., Zotov P. B., Kozlov V. A., Filonenko A. V. Massovyie ubijstva s ispol'zovaniem ognestrel'nogo oruzhiya v sovremennoj Rossii // Suicidologiya. 2023. T. 14, № 3 (52). S. 107–118. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03\(52\)-107-118](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118)
29. Rozanov V. A. Agressiya i autoagressiya (suicid) – analiz s pozitsij nevrobiologii // Suicidologiya. 2022. T. 13, № 3 (48). S. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38)
30. Karaush I. S., Badmaeva V. D., CHibisova I. A. Suicidal'noe povedenie nesovershennoletnih, planirovavshih ili sovershivshih napadenie na obrazovatel'nye uchrezhdeniya // Suicidologiya. 2024; T. 15, № 2 (55). S. 113–130. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02\(55\)-113-130](https://doi.org/10.32878/suiciderus.24-15-02(55)-113-130)
31. Uzlov N. D., Semenova M. N. Skulshuting: ubijstvo i postgomicidnoe samoubijstvo kak transgressivnyj akt // Suicidologiya. 2021. T. 12, № 4 (45). S. 16–30. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04\(45\)-16-30](https://doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-04(45)-16-30)
32. Golenkov A. V., Zotov P. B. Analiz samoubijstv agressorov posle massovykh samoubijstv // Suicidologiya. 2022. T. 13, № 3 (48). S. 39–57. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-39-57](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-39-57)
33. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // Homicide Studies. 2012. Vol. 17, № 3. P. 255–274. <https://doi.org/10.1177/1088767912462033>
34. Adhia A., DeCou C. R., Huppert T., Ayyagari R. Murder-suicides perpetrated by adolescents: findings from the national violent death reporting system // Suicide Life Threat Behav. 2020, Vol. 50, no. 2. P. 534–544. <https://doi.org/10.1111/sltb.12607>
35. Kaplan G., Sedok B. Klinicheskaya psichiatriya : v 2 t. / per. s angl. V. B. Strelec. Moskva : Medicina, 1994. T. 1. 672 s.
36. Baeva L. V. Mediatizaciya skulshutinga («kolumbajn») v fan-literature // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. T. 6, № 2. S. 177–204. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i2.419>
37. Shuvalov L. A. Vliyanie sredstv massovoj informacii na popularizaciyu fenomena skulshutinga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2022. № 1 (72). S. 149–154. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.149>
38. Tkach S., Zhariikova A. V. Medijnyj narrativ skulshutinga v Rossii // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. T. 6, № 3. S. 268–289. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i3.536>
39. Muschert G. W., Sumiala J. School Shootings as Mediatized Violence // Böckler N. [et al.] (eds.). School Shootings : International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention. New York, NY : Springer, 2012. p. 265–281. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_12
40. Towers S. [et al.]. Contagion in Mass Killings and School Shootings // PLoS ONE. 2015. Vol. 10, no. 7. P. e0117259. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0117259>
41. Meindl J. N., Iry J. W. Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation // American Journal of Public Health. 2017. Vol. 107, no. 3. P. 368–370. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611>
42. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 27–35. URL: <https://www.elon.edu/u/academics/communications/journal/wp-content/uploads/sites/153/2018/12/03-Lee.pdf> (data obrashcheniya: 10.10.2025).
43. Puchina M. Yu., Puchnin A. V. Mekhanizm deyatelnosti storonnikov destruktivnykh internet-soobshchestv i portret ih tipichnogo uchastnika (na primere «grupp smerti» i dvizheniya «Kolumbajn») // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 229–234.
44. Shuvalov L. A. Narushenie eticheskikh standartov v processe osveshcheniya zhurnalistami sobytij skulshutinga // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2023. № 3 (78). S. 262–268. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2023.3.262>
45. Karasev P. K., Sud'in S. A. Profilaktika skulshutinga kak upravlencheskaya zadacha: kejs Nizhegorodskoj oblasti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2023. № 1 (69). S. 88–93. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_1_88
46. Burov Yu. B. Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nykh organizatsiyah: fenomen, mekhanizmy, prichiny, profilaktika // Innovacionnoe razvitiye professional'nogo obrazovaniya. 2025. № 1 (45). S. 122–133.
47. Malyushina Yu. A., SHatilovich S. N., Fedorova O. B. Izuchenie psihologicheskogo mekhanizma nasil'stvennykh prestuplenij kak odin iz aspektov profilaktiki skulshutinga // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2021. № 3. S. 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
48. Mucalov Sh. Sh., Dadaev H. M. Massovye ubijstva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii kak ob'ekt ugovolno-pravovoj ohrany i napravleniya predotvrashcheniya // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova. 2024. № 1 (53). S. 132–139. <https://doi.org/10.36684/chesu-2024-53-1-132-139>
49. Ovechkin E. V., Selezneva E. V. Psihologo-pedagogicheskaya rabota po predosterezheniyu ot napadenij na shkoly uchashchimisya // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta. 2024. № 1. S. 84–89. URL: <https://vestnikggtu.ru/archives/3465> (data obrashcheniya: 10.10.2025).

50. Beloded D. R., Engalychev V. F., Korzunin V. A., Duhnovskij S. V. Psihologicheskaya model' vyyavleniya potencial'nyh skulshuterov v cifrovoj obrazovatel'noj srede // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2023. T. 28, № 1 (92). S. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>

51. Borum R., Bartel P., Forth A. Manual for the Structured Assessment for Violence Risk in Youth (SAVRY). Odessa, FL : Psychological Assessment Resources, 2006.

52. Ortega-Campos E., Garcia-Garcia J., De la Fuente-Sánchez L., Zaldivar-Basurto F. Assessing the Interactions between Strengths and Risk Factors of Recidivism through the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // International Journal of Environmental Research and Public Health (IJERPH). 2020. Vol. 17, № 6. P. 2112. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062112>

53. Soderstrom M. F. P., Childs K. K., Frick P. J. The Role of Protective Factors in the Predictive Accuracy of the Structured Assessment of Violence Risk in Youth (SAVRY) // Youth Violence and Juvenile Justice. 2020. Vol. 18, № 1. P. 78–95. <https://doi.org/10.1177/1541204019837329>

54. Dewey C., Korrie A. Development, Evaluation, and Future Directions of the Virginia Student Threat Assessment Guidelines // Journal of School Violence. 2011. Vol. 10, № 1. P. 88–106. <https://doi.org/10.1080/15388220.2010.519432>

55. O'Toole M. The School Shooter: a Threat Assessment Perspective. Quantico : National Center for the Analysis of Violent Crime, 2000. 52 p.

56. Fiedler N., Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Student Crisis Prevention in Schools: The NETWorks Against School Shootings Program (NETWASS) – An Approach Suitable for the Prevention of Violent Extremism? // International Journal of Developmental Science. 2019. Vol. 13, № 3–4. P. 109–122. <https://doi.org/10.3233/DEV-190283>

57. Andrushchak P. A. Opyt Antiterroristicheskoy komissii Moskovskoj oblasti v sfere profilaktiki aktov skulshutinga na ob"ektah obrazovaniya // Obzor. NCPTI. 2022. № 3 (30). S. 57–61.

Научная статья
УДК 373

Мировоззренческая культура личности: критерии, факторы, уровни

Светлана Руслановна Хаблиева, кандидат педагогических наук, доцент

Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
Владикавказ (362025, PCO-Алания, ул. Ватутина, д. 44-46), Российская Федерация
svetlana-hablieva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5304-9997>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью качественного развития мировоззрения в условиях информационного общества и потребностью в национальной идентичности на фоне разрыва культурной преемственности у молодежи. Проблема заключается в недостаточной разработанности критериев, факторов и уровней развития мировоззренческой культуры личности для ее полноценного раскрытия. В качестве вектора развития мировоззрения выступает мировоззренческая культура, которая отражает актуальные представления, ценности и нормы, принятые в современном обществе. Развитие мировоззренческой культуры личности является ключевой задачей педагогики, поскольку она формирует основу для самореализации, гражданской активности и успешной адаптации человека в современном мире. Мировоззрение человека, отражающее его внутренний мир и восприятие действительности на эмоциональном и рационально-теоретическом уровнях, формирует мировоззренческую культуру личности как синтез научного и духовного опыта, определяемый уровнем развития науки, образования и общества. Наука и образование всегда были основополагающими в формировании этой культуры, и их роль особенно возросла в современном мире, где инновации активно преобразуют социальную и культурную сферы.

Методы. В исследовании использованы теоретические методы: определение критериев, выделение факторов развития и определение уровней развития. Выделены когнитивный, аксиологический, деятельностный и коммуникативный критерии, каждый из которых включает специфические показатели. Выделены педагогические, социально-культурные, личностно-психологические и деятельностные факторы, влияющие на развитие мировоззренческой культуры. Определены уровни развития мировоззренческой культуры личности: элементарный, оптимальный и высокий, каждый из которых характеризуется определенным сочетанием показателей по выделенным критериям.

Результаты работы: сформулировано авторское определение мировоззренческой культуры личности как интегративного качества, характеризующегося системным осмыслением мира, сформированностью ценностных ориентиров, способностью к критическому анализу и конструктивному диалогу, а также готовностью к осознанному преобразованию действительности. Представлены таблицы с детальным описанием критериев, факторов и уровней развития мировоззренческой культуры личности.

Ключевые слова:

мировоззренческая культура личности, критерии развития, факторы развития, уровни развития, эмпатия, толерантность, ценностные ориентиры

Для цитирования:

Хаблиева С. Р. Мировоззренческая культура личности: критерии, факторы, уровни // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 236–245.

Статья поступила в редакцию 04.08.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Worldview culture: criteria, factors, levels

Svetlana R. Khablieva, Cand. Sci. (Ped.), Docent

North Ossetian State University named after Kost Levanovich Khetagurov
44-46, Vatutina str., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation
svetlana-hablieva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5304-9997>

© Хаблиева С. Р., 2026

Abstract:

Introduction. The relevance of the study is due to the need for qualitative worldview development in the context of the information driven society and the need for national identity against the background of a cultural succession gap among young people. The problem lies in insufficient development of criteria, factors and levels of a person's worldview culture development for its full-scale disclosure. The worldview culture, which reflects current ideas, values and norms adopted in modern society act as a vector of worldview development. The development of a personal worldview culture is a key task of pedagogy, as it forms the basis for self-realisation, citizen activism and successful adaptation of a person in the modern world. A person's worldview, reflecting his inner world and reality perception on the emotional and rational-theoretical levels, forms the personal worldview culture as a synthesis of scientific and spiritual experience, defined by the level of development of science, education and society. Science and education have always been fundamentals in this culture shaping, and their role has grown especially in today's world, where innovation is actively transshaping the social and cultural spheres.

Methods. Theoretical methods are used in the research: criteria determination, specification of development factors and definition of development levels. Cognitive, axiological, active and communicative criteria are brought out, each of them includes specific indicators. Pedagogical, socio-cultural, personal-psychological and pragmatist factors that influence the development of a worldview culture are highlighted. Levels of the worldview culture development of personality are defined: elementary, optimal and high, each of them is characterised by an appropriate combination of indicators according to the determined criteria.

Results. The authorial definition of the worldview culture of the person as an integrative quality, characterised by a systemic comprehension of the world, formedness of value orientations, capability to critical analysis and constructive dialogue, as well as a willingness to conscious transformation of reality is represented. Tables with detailed description of criteria, factors and levels of development of the person's worldview culture are presented.

Keywords:

worldview culture of the person, development criteria, development factors, levels of development, empathy, tolerance, value orientation

For citation:

Khablieva S. R. Worldview culture: criteria, factors, levels // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 236–245.

The article was submitted August 4, 2025;
approved after reviewing December 16, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Главной задачей современного общества, стремящегося следовать принципам гуманизма, выступает создание оптимальных условий для полного раскрытия потенциала каждой отдельной личности. Одним из важнейших факторов, содействующих достижению указанной цели, служит целенаправленное формирование зрелого и гармоничного мировоззрения личности. Мировоззрение представляет собой совокупность взглядов, убеждений и принципов, определяющих отношение человека к окружающему миру, другим людям и самому себе. Работа над развитием мировоззренческой культуры должна стать приоритетом в стратегии построения справедливого и человеческого общества, ориентированного на максимальное раскрытие человеческого потенциала.

Мировоззренческая культура является ключевым фактором в процессе формирования личности обучающихся, т. к. на них возлагается максимальная ответственность за результаты преобразований в стране.

В условиях развития цифровых технологий и их повсеместного внедрения во все сферы человеческой деятельности интернет не только трансформировался в средство коммуникации, но и стал мощным инструментом управления сознанием, предъявляющим новые требования к мировоззренческой культуре человека. При этом необходимо подчеркнуть и положительное влияние данных тенденций, выражающееся в возможности приобщения к истории и культуре других народов, посещения виртуальных музеев и библиотек, а также в значительном расширении границ социального общения, где в едином информационном поле взаимодействуют люди с различными идеологиями и мировоззрением [1, с. 2].

Актуальность понятия «мировоззренческая культура личности» обусловлена необходимостью качественного развития мировоззрения. Это понятие отражает не только наличие у человека определенной системы взглядов, но и степень ее зрелости, осмысленности, открытости к развитию и способности к конструктивному взаимодействию с иными мировоззренческими позициями. Наука и образование всегда были основополагающими в формировании этой культуры, и их роль особенно возросла в современном мире, где инновации активно преобразуют социальную и культурную сферы.

Анализируя развитие мировоззренческой культуры обучающихся, можно выделить противоречие между потребностью в национальной идентичности и разрывом культурной преемственности. Общество объективно нуждается в том, чтобы молодое поколение понимало и принимало духовные традиции прошлого, способствуя формированию сильной национальной самоидентификации. Однако значительная часть молодежи испытывает практический отрыв от этого культурного наследия, что приводит к фрагментарности индивидуальных мировоззрений.

Целью работы является теоретический анализ термина «мировоззренческая культура личности», определение ее критериев, факторов, влияющих на ее развитие, и выделение уровней этого развития.

Задачи исследования:

1. Раскрыть и конкретизировать специфику термина «мировоззренческая культура личности».
2. Определить и описать критерии сформированности мировоззренческой культуры личности и их показатели.
3. Выявить и классифицировать факторы, влияющие на развитие мировоззренческой культуры личности.
4. Выделить и охарактеризовать основные уровни развития мировоззренческой культуры личности.

Обзор литературы

Изучение мировоззренческой культуры является междисциплинарной проблемой, находящей отражение в трудах философов, психологов, социологов, культурологов и педагогов.

Философы (И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, М. Вебер, а также русские религиозные мыслители В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк) заложили основы понимания мировоззренческих установок, акцентируя роль разума, морали, социального контекста, экономических условий и духовных ценностей¹.

Психологи (З. Фрейд, К. Юнг, Л. Выготский, Ж. Пиаже, Э. Эриксон, А. Маслоу, К. Роджерс) исследовали влияние бессознательного, раннего опыта, коллективных архетипов, культурно-исторических факторов, когнитивного и психосоциального развития, а также самоактуализации на формирование индивидуального мировоззрения² [2; 3].

Социологи и культурологи (Э. Дюркгейм, П. Бергер и Т. Лукман, представители франкфуртской школы – Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе; а также отечественные культурологи Ю. Лотман, С. Аверинцев, М. Бахтин и др.) показали, как социальные структуры, коллективное сознание, взаимодействие и культурные символы формируют мировоззрение³.

Педагоги (Дж. Дьюи, П. Фрейре) подчеркнули роль образования в развитии критического мышления и осознанного мировоззрения, способствующего освобождению от навязанных установок [4].

Таким образом, мировоззренческая культура личности – сложный объект изучения, чей генезис обусловлен многогранным вкладом выдающихся ученых в индивидуальное развитие, социальное взаимодействие и культурную среду.

По В. С. Романюку, мировоззрение личности представляет собой систему взаимосвязанных элементов, формирующих интегральные мировоззренческие качества. Эта система динамична и проявляется ситуативно через специфические качества, такие как гражданственность, готовность к добросовестному и творческому труду, эстетическому преобразованию и нравственному выполнению долга [5].

По мнению Н. К. Барсуковой, сущность мировоззрения складывается из двух основных составляющих: «мир» и «воззрение» («взгляды»). Мир выступает как целостная, единая и упорядоченная система, являющаяся объектом мировоззрения. Любой компонент мировоззрения – будь то убеждение, принцип или позиция – может быть истолкован через базовый элемент, которым являются взгляды (воззрения) [6, с. 32].

В основе мировоззренческой культуры «заложена система знаний, убеждений, личное и общественное существование, система ценностей» [7, с. 6].

М. В. Бадашкев утверждает, что «в современной педагогической науке развитие мировоззрения личности приобретает определенную важность, поскольку изменение курса в сторону западной модели образования привели к безнравственности и потере целого поколения, которое в большинстве своем не способно принимать адекватных решений. В советский период вся система образования была направлена на определенную идеологию, которая была призвана на развитие коммунистических идеалов и с довольно четкой программой на будущую жизнь, профессию, карьерный рост. И поэтому большинство из нас уже с первого класса мечтали стать космонавтами, разведчиками, пограничниками, шахтерами, комбайнерами, физиками-

¹ Мандель Б. Р. Философия образования : учебное пособие. Москва : Директ-Медиа, 2017. 502 с.

² История психологии. XX век : [хрестоматия] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. 6-е изд. Москва : Академический проект, 2005. 829 с.

³ Кемеров В. Е., Керимов Т. Х. Хрестоматия по социальной философии : учебное пособие. Москва : Академический проект, 2001. 569 с.

ядерщиками, данному выбору способствовала оточенная система идеологической пропаганды и профориентационной работы в школе» [8, с. 26].

Е. В. Максютин, А. В. Головкин предлагают концепцию «Духовно-Культурное Техно», представляющую собой трехуровневую пирамиду для принятия управленческих решений. На высшем уровне пирамиды, базирующемся на традиционных ценностях, находятся такие понятия, как духовность, мораль, нравственность, смысл жизни, концепция развития и достижения цели. Средний уровень включает этику, культуру, правовую культуру, законодательную базу и экономические законы. В основании пирамиды лежат технологии, которые авторы конкретизируют как «эфирные» технологии седьмого уклада [9, с. 337].

Мировоззренческая культура личности – это довольно широкое междисциплинарное понятие. Оно затрагивает философию, психологию, социологию, педагогику и культурологию. Поэтому нет одного-двух ученых, которые «занимались» бы исключительно этим. Скорее, это концепция, развивавшаяся благодаря вкладу многих мыслителей, чьи идеи пересекались в этой области.

В. С. Романюк определяет мировоззренческую культуру как «динамичную, непрерывную и целенаправленную органическую совокупность усвоенных мировоззренческих знаний, способов их приобретения, осознанного отношения к системе ценностей и личностных установок на их создание в профессиональной деятельности и в свободное время, что является выражением целостной социальной позиции личности, рассматриваемой как на уровне общности, так и на уровне отдельного ее представителя» [5, с. 4–5].

Л. Г. Куликова рассматривает мировоззренческую культуру личности как устойчивую систему отношений к реальности, основанную на знаниях, которые направляют поведение, деятельность и ценностные ориентации [10, с. 11].

Т. В. Тарасова, Е. В. Арсентьева, Н. С. Щанкина, В. Р. Мухадинов считают, что мировоззренческая культура общества и мировоззренческая культура личности взаимосвязаны, подчеркивая педагогическую необходимость интегративного развития интеллекта, эмоций и воли обучающихся, что способствует формированию духовного содержания потребностей, личностных смыслов, ценностных ориентаций, а также общественно значимых мотивов и принципов деятельности [11, с. 23–24].

Эти внутриличностные и социальные процессы формирования мировоззрения разворачиваются на фоне постоянно изменяющейся глобальной среды, которая сама по себе является мощным фактором влияния.

В этом контексте культура обеспечивает адаптацию человека к меняющимся условиям, динамика общества открывает историческую перспективу, а природа создает материальную основу жизни. Современные международные, политические, социальные, культурные и демографические изменения глобального масштаба свидетельствуют о начале неоглобализации – качественно нового этапа глобализации [12, с. 282].

Формирование самостоятельной личности достигается воспитанием духовно-нравственных ценностей. Для этого необходимо создавать условия для самореализации, саморазвития и самопознания, строить отношения на принципах добра, справедливости и гуманности, принимать индивидуальные особенности, а также развивать активную жизненную позицию и коммуникативные способности, формируя педагогические ситуации для нравственного самовыражения личности [13, с. 6–7].

Культура народа (традиции, обычаи, искусство, язык) формирует его уникальную идентичность и мировоззрение человека – его взгляды на мир, ценности и цели. Эти культурные элементы напрямую влияют на восприятие мира и осмысление существования. Поэтому роль культуры в формировании мировоззрения важна как для изучения народов, так и для осмысления глобальных гуманистических и философских вопросов современности [14, с. 322–323].

А. В. Ходорко определяет мировоззренческие традиции как «передаваемые из поколения в поколение элементы социального и культурного наследия, формирующие представления личности о происхождении мира и человека, их сущностных основаниях, экзистенциальных целях (индивидуальных и общественных), а также о ценностях, приемлемых для осмысленного выполнения жизненного предназначения»⁴.

М. А. Кузнецова отмечает, что «постигая истины традиционной народной культуры, человек обретает ее традиционные ценности и формирует свою «идентичность», свое понимание народной культуры» [15, с. 72].

⁴ Ходорко А. В. Российские мировоззренческие традиции в современных условиях изменения общественного сознания : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь; 2017. 171 с.

Методы

Для раскрытия понятия «мировоззренческая культура личности» были использованы следующие теоретические методы.

Определение критериев: разработаны измеримые показатели, позволяющие судить о степени сформированности мировоззренческой культуры. Они включают когнитивный (познавательный), аксиологический (ценностный), деятельностный (поведенческий) и коммуникативный критерии. Каждый критерий включает специфические показатели, такие как широта знаний, критичность мышления, сформированность системы ценностей, согласованность слова и дела, диалогичность и уважение к инакомыслию.

Выделение факторов развития: идентифицированы факторы, влияющие на качественное развитие мировоззренческой культуры личности, включая педагогические (содержание образования, методы обучения, личность педагога, воспитательная среда), социально-культурные (социокультурный контекст, влияние СМИ, взаимодействие с различными культурами), личностно-психологические (мотивация к саморазвитию, рефлексивные способности, эмоциональный интеллект, жизненный опыт) и деятельностные (активная познавательная, социально значимая и коммуникативная деятельность) аспекты.

Определение уровней развития: выделены три основных уровня развития мировоззренческой культуры личности: элементарный (репродуктивный/адаптивный), оптимальный (адаптивно-творческий/рефлексивный) и высокий (творческий/трансформационный). Каждый уровень характеризуется определенным сочетанием показателей по выделенным критериям.

Результаты

Мировоззренческая культура личности выступает в качестве вектора развития мировоззрения. Это понятие отражает не только наличие у человека определенной системы взглядов, но и степень ее зрелости, осмысленности, открытости к развитию и способности к конструктивному взаимодействию с иными мировоззренческими позициями. Именно в контексте такого качественного уровня развития и возникает необходимость введения понятия «мировоззренческая культура личности».

Для полноценного раскрытия понятия «мировоззренческая культура личности» необходимо определить ее критерии, факторы, влияющие на ее развитие, и выделить уровни этого развития. Для мировоззренческой культуры личности мы выделили следующие критерии (таблица 1):

Таблица 1

Критерии развития мировоззренческой культуры личности

Table 1

Criteria for the development of person's worldview culture

Критерий	Показатели
Когнитивный (познавательный)	Широта и глубина знаний: наличие системных, научно обоснованных знаний о природе, обществе, человеке и культуре, понимание взаимосвязей между различными сферами бытия Критичность мышления: способность к анализу и синтезу информации, различению фактов и мнений, выявлению противоречий, обоснованию собственной позиции Рефлексивность: способность к самоанализу, осмыслению собственного опыта, рефлексии над своими убеждениями и ценностями Открытость к новому: готовность воспринимать и анализировать новые идеи, теории, точки зрения, даже если они противостоят устоявшимся представлениям
Аксиологический (ценностный)	Сформированность системы ценностей: наличие осознанной, иерархически выстроенной системы гуманистических, общечеловеческих ценностей (доброта, справедливость, ответственность, свобода, достоинство)

Окончание таблицы 1

Критерий	Показатели
	Убежденность: прочность и устойчивость ценностных ориентаций, готовность отстаивать свои убеждения Ценностно-смысловое самоопределение: способность определять смысл своей жизни и деятельности в соответствии с выбранными ценностями Эмпатия и толерантность: способность к сопереживанию, пониманию и принятию чужих ценностных систем (без отказа от своих), готовность к конструктивному диалогу
Деятельностный (поведенческий)	Согласованность слова и дела: проявление мировоззренческих установок в реальном поведении, поступках и деятельности, отсутствие рассогласования между декларируемыми ценностями и фактическим поведением Активная жизненная позиция: инициативность, ответственность, готовность к участию в преобразовании мира, решению социальных и личных проблем в соответствии со своими убеждениями Социальная активность: участие в общественной жизни, гражданская позиция, способность к сотрудничеству и коллективной деятельности Навыки саморегуляции: способность управлять своим поведением, эмоциями и реакциями в соответствии с мировоззренческими принципами
Коммуникативный	Диалогичность: готовность и способность к конструктивному диалогу, умение слушать и слышать оппонента, аргументированно выражать свою точку зрения Уважение к инакомыслию: признание права других людей на собственное мировоззрение, уважение к культурному и мировоззренческому многообразию Информационная культура: способность критически воспринимать и анализировать информацию из различных источников, противостоять манипуляциям

Факторы, влияющие на развитие мировоззренческой культуры личности, во многом пересекаются с общими факторами развития мировоззрения, но здесь акцент делается именно на качественном развитии до уровня «культуры» (таблица 2).

Таблица 2

Факторы развития мировоззренческой культуры личности

Table 2

Factors in the development of person's worldview culture

Категория факторов	Аспект	Описание влияния
Педагогические	Содержание образования	Насыщенность учебных программ гуманитарными, философскими, этическими, обществоведческими знаниями, стимулирующими мировоззренческие размышления
	Методы обучения и воспитания	Использование активных методов (дискуссии, дебаты, проектная деятельность, проблемное обучение), развивающих критическое мышление, рефлексии и коммуникативные навыки
	Личность педагога	Мировоззренческая позиция, эрудиция, ценностные установки, способность к диалогу и личный пример учителя играют решающую роль в формировании мировоззренческой культуры обучающихся
	Воспитательная среда	Создание в образовательном учреждении атмосферы открытости, уважения к мнениям, стимулирования самостоятельности, возможности для самореализации

Окончание таблицы 2

Категория факторов	Аспект	Описание влияния
Социально-культурные	Социокультурный контекст	Уровень развития общества, доминирующие в нем ценности, научные достижения, состояние искусства и религии
	Влияние СМИ и цифровых платформ	Качество и содержание информации, доступность различных точек зрения, возможность диалога и обмена мнениями
	Взаимодействие с различными культурами и мировоззрениями	Опыт межкультурного общения, знакомство с разнообразием мировоззренческих систем способствует формированию толерантности и широты взглядов
Личностно-психологические	Мотивация к саморазвитию	Внутреннее стремление личности к познанию, самосовершенствованию, поиску смысла
	Рефлексивные способности	Уровень развития самосознания, самоанализа, критического мышления
	Эмоциональный интеллект	Способность понимать свои и чужие эмоции, управлять ими, что важно для формирования эмпатии и конструктивного диалога
	Жизненный опыт и его осмысление	Пережитые события, кризисы, успехи и неудачи, которые становятся предметом рефлексии и способствуют углублению мировоззрения
Деятельностные	Активная познавательная деятельность	Участие в исследованиях, проектах, самообразование
	Социально значимая деятельность	Волонтерство, участие в общественных движениях, решение реальных проблем общества
	Коммуникативная деятельность	Участие в дискуссиях, дебатах, форумах, обмен мнениями

Выделение уровней развития мировоззренческой культуры личности позволяет отслеживать динамику развития и дифференцировать подходы. Можно выделить три основных уровня, каждый из которых характеризуется определенным сочетанием вышеуказанных критериев (таблица 3):

Таблица 3

Уровни развития мировоззренческой культуры личности

Table 3

Levels of the development of person's worldview culture

Критерий (уровень)	Элементарный (репродуктивный/ адаптивный)	Оптимальный (адаптивно-творческий/ рефлексивный)	Высокий (творческий/ трансформационный)
Когнитивный (познавательный)	Знания фрагментарны, поверхностны, часто репродуктивны (без глубокого осмысления); критичность мышления низкая или отсутствует	Знания системны, достаточно глубоки, осмыслены; присутствует критичность мышления, способность к анализу и синтезу; начинаются элементы рефлексии	Глубокие, системные и интегрированные знания; высокий уровень критического и аналитического мышления; выраженная рефлексивность и постоянное стремление к самопознанию
Аксиологический (ценностный)	Ценности могут быть неосознанными, подвержены внешнему влиянию; отсутствует четкая иерархия	Ценности в целом осознаны, сформирована их иерархия, хотя могут возникать внутренние противоречия убеждения достаточно устойчивы,	Целостная, гармоничная, глубоко осознанная система гуманистических ценностей, служащая внутренним стержнем личности; способность

Окончание таблицы 3

Критерий (уровень)	Элементарный (репродуктивный/ адаптивный)	Оптимальный (адаптивно-творческий/ рефлексивный)	Высокий (творческий/ трансформационный)
		но могут быть скорректированы под влиянием нового опыта	к ценностно-смысловому самоопределению в сложных жизненных ситуациях
Деятельностный (поведенческий)	Поведение преимущественно соответствует внешним нормам и ожиданиям, не всегда опирается на внутренние убеждения; пассивность в решении сложных мировоззренческих проблем	Поведение в основном соответствует внутренним убеждениям; проявляется инициативность, готовность к решению проблем, участие в социально значимой деятельности	Полная согласованность между убеждениями и поведением. Высокая степень ответственности, активная и преобразующая жизненная позиция; способность к творческому решению мировоззренческих проблем
Коммуникативный	Склонность к категоричности, неспособность к конструктивному диалогу, неприятие или игнорирование инакомыслия	Способность к диалогу, пониманию чужой точки зрения, проявление толерантности, хотя могут возникать трудности при столкновении с радикально противоположными взглядами	Открытость к любой информации и точкам зрения, способность к глубокому, эмпатичному диалогу, уважение к любому инакомыслию, стремление к поиску общих решений и смыслов, способность к межкультурной коммуникации

Таким образом, развитие мировоззренческой культуры личности – это нелинейный процесс, который может сопровождаться периодами замедления или даже временного возврата к менее зрелым позициям. Задача педагогики – целенаправленно создавать условия для перехода обучающихся на более высокие уровни, опираясь на их индивидуальные особенности и стимулируя все компоненты мировоззренческой культуры.

Обсуждение

Интерпретация полученных результатов исследования позволяет сформулировать авторское определение ключевого понятия.

Мировоззренческая культура личности – это интегративное качество личности, характеризующееся глубоким системным и рефлексивным осмыслением мира и своего места в нем, сформированностью ценностных ориентиров, способностью к критическому анализу различных мировоззренческих систем, открытостью к диалогу и конструктивному разрешению противоречий, а также готовностью к осознанному и ответственному преобразованию действительности в соответствии с гуманистическими идеалами.

Данное понятие отражает актуальные представления, ценности и нормы, принятые в современном обществе. В его структуру входят такие важные аспекты, как:

- экологическая культура (понимание взаимосвязи человека и природы, ответственное отношение к окружающей среде);
- правовая культура (знание и соблюдение законов, уважение к правам человека);
- культура межнационального и межконфессионального общения (толерантность, уважение к другим культурам и религиям);
- информационная культура (способность критически оценивать информацию и противостоять манипуляциям).

При этом необходимо признать определенные ограничения данной работы. Во-первых, исследование носит исключительно теоретический характер. Предложенные критерии, факторы и уровни развития мировоззренческой культуры основаны на анализе научной литературы и не прошли эмпирической проверки. Во-вторых, разработанная модель может обладать культурной спецификой, т. к. анализ во многом опирался на труды и подходы, актуальные для российской педагогической и философской мысли. Ее применение в иных социокультурных контекстах требует дополнительного изучения.

3 заключение

Основная задача педагогики заключается в целенаправленном создании условий для перехода обучающихся на более высокие уровни мировоззренческой культуры, учитывая их индивидуальные особенности и стимулируя все компоненты этого качества. Мировоззренческая культура отражает актуальные представления, ценности и нормы, принятые в современном обществе, охватывая такие аспекты, как экологическая, правовая, межнациональная, межконфессиональная и информационная культура. Таким образом, ее формирование является ключевой задачей педагогики, поскольку она служит основой для самореализации, гражданской активности и успешной адаптации человека в современном мире.

В связи с объективной сложностью и многоаспектностью процесса становления мировоззренческой культуры личности следует выделить также ряд вопросов для дальнейшего изучения:

1. Разработка и апробация педагогических технологий формирования мировоззренческой культуры, включая исследование эффективности методов обучения (дискуссии, дебаты, проектная деятельность, проблемное обучение) для всех ее компонентов (когнитивного, аксиологического, деятельностного, коммуникативного).

2. Исследование воздействия цифровых платформ и СМИ на формирование мировоззренческой культуры личности, включая анализ качества информации, доступности различных точек зрения и возможностей диалога, а также разработку методов формирования информационной культуры.

3. Изучение динамики развития мировоззренческой культуры в различных возрастных группах.

4. Исследование межкультурных и межконфессиональных аспектов мировоззренческой культуры, включая влияние межкультурного общения и знакомства с различными мировоззренческими системами на толерантность и широту взглядов.

5. Разработка диагностического инструментария для оценки уровней развития мировоззренческой культуры личности по всем критериям.

Список источников

1. Саидова З. З. Трансформация мировоззренческой культуры личности в условиях информационного общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). С. 37. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.9>
2. История зарубежной психологии: 30-е – 60-е годы XX века : Тексты : [Сборник статей] / под ред. П. Гальперина, А. Ждан. Москва : Издательство Московского университета, 1986. 344 с.
3. История психологии : Период открытого кризиса (10-е – 30-е гг.) : Тексты / под ред. П. Гальперина, А. Ждан. 2-е изд. Москва : Издательство Московского университета, 1992. 364 с.
4. Фрейре П. Педагогика угнетенных / предисл. Д. Мачедо ; послесл. А. Шора ; пер. с англ. И. В. Никитиной, М. И. Мальцевой-Самойлович. Москва : КоЛибри, 2018. 286 с.
5. Романюк В. С., Галеев И. Ш., Миннахметова Л. Т., Мисбахов А. А. Вопросы формирования научного мировоззрения будущих специалистов как целостности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 191.
6. Барсукова Н. К. Теоретические аспекты формирования мировоззренческой позиции студентов как общекультурной компетенции / Наука сегодня : задачи и пути их решения : материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 30 мая 2018 г. : в 2-х ч. Вологда : Маркер, 2018. Ч. 2. С. 67–68.
7. Богуславская В. Г., Свиренко Ж. С. Мировоззренческая культура и ее влияние на мировоззрение студентов // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2017. № 1 (123). С. 5–8.
8. Бадашкеев М. В. Мировоззрение и мировоззренческая культура сельских школьников / Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Уфа, 15 декабря 2017 г. : в 2 ч. Уфа : Аэтерна, 2017. Ч. 1. С. 26–27.
9. Максютин Е. В., Головкин А. В. К вопросу о новом мировоззрении на площадке стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2025. № 1 (174). С. 334–337. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.060>
10. Куликова Л. Г., Лысянская Л. А. Мировоззренческая культура как компонент базовой культуры обучающихся: сущность понятия, структурные компоненты и их характеристика // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2017. № 2 (10). С. 9–13.
11. Тарасова Т. В., Арсентьева Е. В., Щанкина Н. С., Мухадинов В. Р. Особенности мировоззренческой культуры личности как педагогическая проблема // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 23–30.
12. Бочарников В. Н. Кризис мировой цивилизационной идентичности в мировоззрении экологического человека эпохи Антропоцена / Духовные стратегии устойчивого развития: институт семьи, антропология, экотеология : материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Владимир, 18 октября 2024 г. Владимир : Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2025. С. 279–288.
13. Голубева О. Ю. Развитие личности в духовном пространстве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 746–757.
14. Чечиль Е. В., Симочко В. В. Влияние культуры народа на мировоззрение человека / Научный форум : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 23 января 2025 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 322–324.

15. Кузнецова М. А. Формирование ценностного мировоззрения личности в условиях фольклорно-этнографической студенческой практики // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. Т. 228. С. 71–75.

References

1. Saidova Z. Z. Transformaciya mirovozzrencheskoj kul'tury lichnosti v usloviyah informacionnogo obshchestva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. № 1 (127). S. 37. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.9>
2. Istorija zarubezhnoj psihologii: 30-e – 60-e gody XX veka : Teksty : [Sbornik statej] / pod red. P. Gal'perina, A. Zhdan. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986. 344 s.
3. Istorija psihologii : Period otkrytogo krizisa (10-e – 30-e gg.) : Teksty / pod red. P. Gal'perina, A. Zhdan. 2-e izd. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1992. 364 s.
4. Frejre P. Pedagogika ugnetennyh / predisl. D. Machedo ; poslesl. A. SHora ; per. s angl. I. V. Nikitinoj, M. I. Mal'cevoj-Samojlovich. Moskva : KoLibri, 2018. 286 s.
5. Romanyuk V. S., Galeev I. Sh., Minnahmetova L. T., Misbahov A. A. Voprosy formirovaniya nauchnogo mirovozzreniya budushchih specialistov kak celostnosti // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 3. S. 191.
6. Barsukova N. K. Teoreticheskie aspekty formirovaniya mirovozzrencheskoj pozicii studentov kak obshchekul'turnoj kompetencii / Nauka segodnya : zadachi i puti ih resheniya : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Vologda, 30 maya 2018 g. : v 2-h ch. Vologda : Marker, 2018. CH. 2. S. 67–68.
7. Boguslavskaya V. G., Svirenko Zh. S. Mirovozzrencheskaya kul'tura i ee vliyanie na mirovozzrenie studentov // Vestnik Donbasskoj nacional'noj akademii stroitel'stva i arhitektury. 2017. № 1 (123). S. 5–8.
8. Badashkeev M. V. Mirovozzrenie i mirovozzrencheskaya kul'tura sel'skih shkol'nikov / Innovacionnye proekty i programmy v psihologii, pedagogike i obrazovanii : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ufa, 15 dekabrya 2017 g. : v 2 ch. Ufa : Aeterna, 2017. Ch. 1. S. 26–27.
9. Maksyutina E. V., Golovkin A. V. K voprosu o novom mirovozzrenii na ploshchadke stran BRIKS // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2025. № 1 (174). S. 334–337. <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.174.1.060>
10. Kulikova L. G., Lysyanskaya L. A. Mirovozzrencheskaya kul'tura kak komponent bazovoj kul'tury obuchayushchihsya: sushchnost' ponyatiya, strukturnye komponenty i ih harakteristika // Sovremennye problemy social'no-gumanitarnyh nauk. 2017. № 2 (10). S. 9–13.
11. Tarasova T. V., Arsent'eva E. V., Shchankina N. S., Muhadinov V. R. Osobennosti mirovozzrencheskoj kul'tury lichnosti kak pedagogicheskaya problema // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2013. № 2 (22). S. 23–30.
12. Bocharnikov V. N. Krizis mirovoj civilizacionoj identichnosti v mirovozzrenii ekologicheskogo cheloveka epohi Antropocena / Duhovnye strategii ustojchivogo razvitiya: institut sem'i, antropologiya, ekoteologiya : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Vladimir, 18 oktyabrya 2024 g. Vladimir : Vladimirsij gosudarstvennyj universitet im. Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh, 2025. S. 279–288.
13. Golubeva O. Yu. Razvitie lichnosti v duhovnom prostranstve // Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2016. № 118. S. 746–757.
14. Chechil' E. V., Simochko V. V. Vliyanie kul'tury naroda na mirovozzrenie cheloveka / Nauchnyj forum : sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Penza, 23 yanvarya 2025 g. Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2025. S. 322–324.
15. Kuznecova M. A. Formirovanie cennostnogo mirovozzreniya lichnosti v usloviyah fol'klorno-etnograficheskoy studencheskoj praktiki // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2023. T. 228. S. 71–75.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Научная статья
УДК 378

Педагогический конструкт коллаборации как профессиональная воспитательная помощь студенту образовательной организации высшего образования

Ольга Владимировна Ершова, кандидат педагогических наук, доцент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Москва (115054, Стремянный переулок, д. 36), Российская Федерация
o.v.ershova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6269-5635>

Аннотация:

Введение. В настоящее время высшая школа претерпевает ряд коренных изменений в контексте динамичной трансформации ее сущностных особенностей, стараясь следовать актуальным тенденциям и подстраиваться под реалии общества. В фокусе внимания современных исследователей находится система воспитания в образовательной организации высшего образования (далее – ООВО) в целом и институт кураторства в частности. При наличии достаточного объема материалов о таком феномене как «кураторство» тем не менее обнаруживается большая вариативность в его содержательных характеристиках, отношении к нему педагогического сообщества, трудностях и препятствиях на пути к его реформированию.

Методы. Основным был выбран метод системного анализа. В статье приводятся мнения экспертов, проводящих анализ сложившейся ситуации с кураторством в современных российских ООВО, и осуществляется поиск первопричины недовольства существующим положением дел в этой сфере высшего образования.

Результаты. Автор статьи акцентирует внимание на том, что современный институт кураторства нуждается в преобразовании, в связи с чем предлагает ввести в воспитательный процесс ООВО. Педагогический конструкт коллаборации (далее – ПКК), состоящий из триады специалистов – куратора, тьютора, ментора. Внедрение ПКК позволит качественно изменить ситуацию, т. к. данная структура будет, с одной стороны, служить катализатором сбалансированного взаимодействия между всеми субъектами образовательного процесса, а с другой – позволит предложить студентам современную, профессиональную, качественную воспитательную помощь, в которой они нуждаются.

Ключевые слова:

воспитание, образовательная организация высшего образования, кураторство, студенты, куратор, тьютор, ментор

Для цитирования:

Ершова О. В. Педагогический конструкт коллаборации как профессиональная воспитательная помощь студенту образовательной организации высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 246–253.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 13.02.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The pedagogical construct of collaboration as a form of professional educational support for students at higher education institutions

Olga V. Ershova, Cand. Sci. (Ped.), Docent

Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 115054, Russian Federation
o.v.ershova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6269-5635>

Abstract:

Introduction. Higher education is currently undergoing a series of fundamental changes in the context of a dynamic transformation of its essential characteristics, striving to follow current trends and adapt to the realities of society. Contemporary researchers are focusing on the educational system within higher education institutions in general, and the mentorship practice in particular. Despite the existence of a large corpus of materials on the phenomenon of 'mentorship', there is nevertheless considerable variation in its descriptive characteristics, the academic community's attitude towards it, and the difficulties and obstacles involved in reforming it.

Methods. The system analysis method served as the primary approach. The article provides expert opinions regarding the current state of mentorship in contemporary Russian higher education institutions and identifies the root causes of its dissatisfaction.

Results. The author emphasises that the modern system of mentorship needs to be reformed and, accordingly, proposes implementing the Pedagogical construct of collaboration (hereinafter referred to as the PCC) into the educational process. This construct consists of a triad of specialists: a curator, a tutor and a mentor. Introducing the PCC will significantly improve the situation, as this structure, on the one hand, will act as a catalyst for balanced interaction between all participants in the educational process, and on the other hand, will enable students to be offered the modern, professional, high-quality educational support they require.

Keywords:

education, higher education institution, academic mentorship, students, curator, tutor, mentor

For citation:

Ershova O. V. The pedagogical construct of collaboration as a form of professional educational support for students at higher education institutions // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 246–253.

The article was submitted July 1, 2025;
approved after reviewing February 13, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Проблема современной педагогической практики заключается в отсутствии настоящих эффективных решений, которые могут оказать существенное влияние на происходящие в ней процессы. Трансформация, модификация, реформирование – слова, которые часто звучат в контексте обсуждения вопросов воспитания в высшей школе, но которые не позволяют сделать вывод о необходимости, кардинальности и срочности возможных изменений. Однако именно в таких случаях институт кураторства в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО), к которому в последние несколько лет предъявляются многочисленные претензии в несостоятельности.

Методы

Методологическую основу проведенного исследования составил метод системного анализа, позволивший выявить нарушения на уровне системы в функционировании существующего института кураторства как основного воспитательного органа в большинстве ООВО. Диалектические принципы единства теории и практики позволили проанализировать мнения педагогического корпуса относительно причин, приведших к настоящему положению дел, а также аргументировать необходимость изменений.

Библиографической ресурсной базой в данной работе послужили статьи в периодических изданиях. Основными критериями отбора источников, подтверждающими валидность выбора, были определены следующие:

- 1) скорость предоставления и доведения результатов до широкого круга профессионального сообщества, в т. ч. посредством размещения на онлайн-ресурсах (в журналах, на форумах, конференциях и др.);
- 2) подкрепление теоретических выкладок эмпирическим материалом, полученным в процессе практической верификации интересующих педагогических явлений;

3) возможность нахождения многочисленных работ, направленных на конкретную тему и обнаруживающих сходство полученных выводов.

Базой научного анализа настоящей работы послужили статьи в периодических изданиях. Несмотря на то, что наиболее значимыми считаются результаты, представленные в диссертационных исследованиях на соискание степени кандидата или доктора наук, современные научные публикации во многом не уступают, а в некоторых случаях даже превосходят другие жанры доведения результатов научных исследований до широкой профессиональной и интересующейся общественности.

Положительными факторами в поддержку использования статей в качестве валидного источника получения достоверных сведений можно назвать, во-первых, подкрепление многими современными авторами теоретических выкладок использованием эмпирического материала, полученного ими в процессе практической верификации интересующих педагогических явлений; во-вторых, многочисленность работ на одну и ту же тему, обладающих схожими/одинаковыми выводами; в-третьих, скорость ознакомления коллег и всех желающих посредством размещения в онлайн ресурсах (журналов, форумов, конференций и др.)

Результаты

Классическая идея института кураторства не нова – ее корни уходят в греко-римскую эпоху. В России он имеет многолетнюю историю становления, начиная с XIX века. В XXI веке происходит его активное внедрение в ООВО в контексте обеспечения интересов государственной образовательной политики в вопросах воспитания. Кураторство является эффективной формой взаимодействия, обладающей значительным воспитательным потенциалом и ресурсностью. Грамотное построение деятельности кураторов способствует достижению высоких результатов, однако наличие лишь локальных позитивных примеров не позволяет говорить о продуктивности этого института на системном уровне

Чтобы разобраться в сложившейся ситуации с кураторством в ООВО полагаем целесообразным обратиться к науке конфликтологии, основной постулат которой гласит: конфликт можно разрешить или избежать его, если выявить причину, для чего нужно правильно сформулировать и задать вопрос. Следуя этой логике, необходимо выявить первопричину недовольства существующим положением дел.

Сложность заключается в разноречивости поиска. С одной стороны, следует искать на субъективном уровне локальной деятельности преподавателей-кураторов, принимая за отправную точку конкретные личностные особенности каждого исполнителя.

Кураторство в большинстве ООВО является дополнением к основной деятельности преподавателя-предметника. Исключение составляют такие образовательные организации, в которых функции куратора являются должностными обязанностями инспектора – специалиста, отвечающего за целый курс, направление, или специализацию. Круг его должностных обязанностей заключается в информировании, контроле и документальном сопровождении студентов.

Говоря о кураторе-преподавателе, исследователи по-разному рассматривают его фигуру; по-разному понимают содержательно-ролевую составляющую его деятельности; по-разному расставляют акценты, рассматривая его функции. В большинстве работ упоминается социализация студентов, адаптация к новой для них реальности погружения в университетскую среду, мобилизация к выполнению учебных задач, организация культурно-массовых мероприятий и т. д. Из множества дефиниций, описывающих кураторство, автору импонируют те, в которых речь идет о помощи современным студентам в определении их места и роли в жизни, направлении их творческой инициативы, о решении их проблем, связанных с деловой и межличностной коммуникацией, о развитии активной жизненной позиции, социальной зрелости; о содействии личностному и профессиональному росту [1; 2, с. 724].

Тем не менее в ряде ООВО преподаватели принудительно назначаются кураторами академической группы (групп), что возводит кураторство в ранг нежелательной для них нагрузки, и позволяет М. В. Мисюреву сделать вывод о пропорциональной зависимости низких результатов кураторской деятельности с указанным фактом [3, с. 318]. В работах Г. В. Буяновой, В. Л. Левитского, О. Н. Шапошниковой и многих других говорится о формальном подходе кураторов к выполнению своих обязанностей [4, с. 32; 5, с. 63]. Преподаватели, имея серьезную нагрузку по основной занятости (в первой половине дня), пытаются, как полагают М. В. Барсукова, И. В. Глазунова, Т. С. Король, минимизировать свои временные затраты [6, с. 77] и уделить кураторской деятельности как можно меньше времени, что подтверждают Ж. Ю. Данкова, С. М. Ножка и С. В. Новинский [7, с. 6].

Негативность ситуации усугубляется и подкрепляется крайне низкой информационной грамотностью преподавателей-кураторов, о чем пишут И. А. Ильева и Т. А. Леоненко [8, с. 43]; О. Б. Алпатова и Е. А. Сандрюкова обращают внимание на отсутствие у некоторых из них специального образования [9] и знаний, которые К. Д. Ушинский считал необходимыми [10, с. 26].

С другой стороны, существуют причины, активно провоцирующие рассогласованность на системном уровне. Имея, по мнению Р. Р. Мазина, формальный статус в ООВО [11], институт кураторства подвергается внешним воздействиям под влиянием изменения общественной системы, что отмечено в работе О. С. Кульбах и Е. Р. Зинкевич [12]. О деформации и низкой эффективности его работы на уровне системы и о том, что институт кураторства во многом не удовлетворяет предъявляемым современным требованиям, отмечается в исследовании Л. Н. Зайнуллиной¹.

Многолетние наблюдения автора за деятельностью преподавателей-кураторов также позволили обнаружить в дополнение к вышеизложенному болевые точки в практике функционирования института кураторства по мнению обоих субъектов педагогического взаимодействия – преподавателей и студентов.

Во-первых, мощным раздражителем служит номинация. Термин «кураторство» полисемичен и не предоставляет исчерпывающей информации о сущности явления в конкретной области. В понимании студентов «кураторство» синонимично с «надзором», что вызывает негативную реакцию с их стороны, базирующуюся на позиционировании себя как взрослого человека, не нуждающегося в контроле. У коллег возникают другие ассоциации, но негативная коннотация сохраняется. На одном из форумов автору встретилось оригинальное определение, данное одним из участников: «Кураторство – это геноцид преподавательского люда!». Очевидно, что такая вербализация понимания деятельности объясняет желание любыми способами избежать кураторского статуса. Во-вторых, ни у студентов, ни у преподавателей, как правило, нет четкого представления о том, что входит в функции куратора, какие у него полномочия, насколько сильно его влияние при решении вопросов (а также каких вопросов), как часто к нему можно обращаться и т. д. Из второго пункта вытекает третий. Из-за отсутствия четко обозначенных границ обязанностей и занятости по основному месту деятельности куратор физически не может выполнить все пожелания студентов, что приводит к профанации с его стороны, и, в свою очередь, воспитывает подобное отношение у студентов.

При этом полагаем: из перечисленного ничто не является причиной, а лишь следствием того, что институт кураторства в современном виде не соответствует потребностям студентов, в силу особенностей современного поколения нуждающихся в профессиональной помощи воспитательного характера, которую следует оказывать в ООВО, для чего крайне важно наличие соответствующей системы (института/объединения/структуры).

Обсуждение

Будущее института кураторства в ООВО достаточно неоднозначно и неопределенно: «Кураторство может рано или поздно либо изжить себя полностью, либо наоборот – стать важнейшим и законодательно поддерживаемым видом деятельности педагогов высшей школы» [13, с. 317].

Жизнь в BANI-мире² не позволяет тратить время и дожидаться, когда решение найдется само – нужно незамедлительно предпринимать серьезные шаги. Думается, что такие полумеры, как реанимация и частичная трансформация существующего института кураторства не будут действенными. Понимание подобного шага присутствует в профессиональном сообществе. Е. А. Шаталова и А. Н. Свиридов также однозначно считают, что необходим пересмотр «устаревших практик кураторского „надзора“» [14, с. 222]. При этом поступающие предложения по повышению эффективности кураторства носят либо слишком общий, неконкретный характер, либо чересчур детализированы, нацелены на исправление отдельных недостатков, что в целом не может качественно улучшить ситуацию.

По мнению автора, современный институт кураторства нуждается не в точечном, а в кардинальном изменении, в связи с чем предлагается вместо данной существующей единицы ввести в воспитательный процесс ООВО Педагогический конструктор коллаборации (далее – ПКК).

¹ Зайнуллина Л. Н. Совершенствование воспитательной деятельности куратора студенческой группы на диагностической основе : дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009. С. 3.

² BANI-мир (Brittle Anxious Nonlinear Incomprehensible world) – концепция новой тревожной реальности, в которой может неожиданно сломаться все, даже самое надежное. Это аббревиатура, которая описывает хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость мира. Идея принадлежит американскому футурологу Джамаису Кашио. Он предсказал появление BANI-мира за несколько лет до пандемии коронавируса.

Сущность ПКК отражена в определении в целом и в каждой из его составляющих и в той форме, которая приемлема для носителей языка современной формации. В стремительно меняющемся мире, когда время становится бесценным ресурсом, когда взят курс на упрощение во всех областях деятельности, когда цифровизация проникает в умы молодого поколения, формируя их, рождается запрос на ясную и интуитивно понятную подачу информации, одним из направлений которой является адекватный выбор лексики для номинации. Причем ориентироваться необходимо в равной степени и на представителей профессионального сообщества – преподавателей, которые станут частью ПКК, и на студентов, на которых будет направлена деятельность специалистов конструктора.

В номинации ПКК использовались слова, восходящие к греческим и латинским корням. Данные языки являются исконными для терминологического аппарата педагогической науки и близки студентам в контексте тенденции использования в молодежной среде латинообразного лексикона.

П: педагогический (греч. *paidagogos*) – соответствующий правилам, требованиям педагогики; воспитательный.

К: конструктор (от лат. *constructio* – построение) – объединение во что-то общее, что станет самостоятельным продуктом.

К: коллаборация (от лат. *con laborare* – трудиться совместно с кем-либо) – совместная работа, взаимодействие.

Проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются студенты и в решении которых им нужна помощь, находятся в трех сферах: организационной, научной и профессиональной. Каждая из них актуальна в определенный период и требует четких шагов и действий от того, кто будет помогать студентам с преодолением трудностей в нужный момент.

По этой причине конструктор состоит из триады специалистов: куратора, тьютора, ментора. С одной стороны, каждый из них самостоятелен и выполняет свои функции, нацеленные на выполнение обязанностей в закрепленной за ним зоне ответственности. С другой – коллаборация, заложенная в сущность деятельности конструктора, нацеливает их на сотрудничество и взаимодействие при организации и ведении совместных проектов, когда это обусловлено ситуацией.

Куратор – специалист конструктора, который главным образом занимается организационной деятельностью. Студенты нуждаются в помощи куратора на протяжении всего периода пребывания в ООВО. Однако на первом курсе, когда только поступившие молодые люди затрудняются в решении элементарных вопросов, теряются на территории ООВО, не имеют представления о его структуре и иерархии и др., взаимодействие с ним особенно актуально.

В обязанности куратора входит: знакомство студентов с деятельностью вуза, возможностями, которые он предоставляет, как образовательными (кружки, сообщества, стажировки и др.), так и социальными (общежитие, материальная помощь и др.); напоминание о необходимости соблюдения сроков подачи документов, работ, экзаменационных сессий и др.

Качества, необходимые для эффективной деятельности данного специалиста конструктора: активность, хорошие организаторские способности, пунктуальность, владение иностранным языком (B1 – Intermediate), т. к. в его обязанности входит также помощь иностранным студентам в адаптации к социально-культурной среде ООВО и страны.

Тьютор – специалист конструктора, который главным образом занимается академической деятельностью. Практика показывает, что, современные студенты уже с первого курса проявляют интерес к научной сфере изучаемой специальности и пробуют писать статьи, участвовать в научных, научно-практических конференциях и конкурсах, несмотря на то, что согласно учебному плану количество узкоспециализированных предметов увеличивается со второго курса. Также студентам может потребоваться академическая помощь при выполнении ряда работ, форматы которых вызывают сложности (аналитическая записка, составление опросов и т. д.). Такую помощь может оказать тьютор.

В обязанности данного специалиста конструктора входит: выявление и катализация интереса и предрасположенности студентов к проведению научных исследований, введение их в научное сообщество.

Тьютор по сути своей деятельности эксперт. Он не навязывает наставляемому свое мнение и позицию, но стимулирует становление у него собственного индивидуального видения. Качества, необходимые для эффективной деятельности тьютора: академическое мышление, широкий кругозор, лидерские и прогностические качества; владение профессиональной терминологией и иностранным языком (B2), чтобы работать с иностранными источниками.

Ментор – специалист конструктора, который главным образом занимается воспитательной деятельностью в профессиональной сфере. Он должен нивелировать возможные ситуации,

когда студенты во время обучения в ООВО, не зная к кому обратиться за советом и помощью в решении сложных для них вопросов, разочаровываются в будущей профессии. «Студентам не хватает вовлеченности преподавателей в учебный процесс, не хватает наставничества» [15, с. 229] – делают вывод исследователи. В структуре ПКК ментор призван восполнить этот пробел.

В обязанности данного специалиста конструктора входят оказание помощи в достижении профессиональных целей и желаний наставляемого (выбор организации, разъяснение документооборота и бюрократических процедур), обозначение рисков и противоречий, координация взаимодействия с потенциальными работодателями, работа по сохранению кадров в стране.

Ментор по сути своей деятельностью наставник. Качества, необходимые для эффективной деятельности ментора: профессиональный кругозор (обладание знаниями о ситуации на существующем рынке труда, международной обстановке и др.), дипломатические качества, владение иностранным языком на профессиональном уровне (С1), т. к. он помогает разобраться в вопросах стажировок и составлении документации на иностранном языке (CV, Resume и др.).

ПКК закрепляется за академической группой студентов 1-го курса и продолжает взаимодействие на протяжении всего времени пребывания ее в образовательной организации – 4–5 лет (имеется в виду период обучения на бакалавриате или специалитете). За это время специалисты конструктора системно и комплексно осуществляют воспитание и поддержку индивидуально. Они способны предложить каждому студенту в группе исключительно то, что нужно именно ему, в то время и в том объеме, который ему требуется по его субъективным интеллектуальным и психофизиологическим параметрам – выстроить его индивидуальную траекторию воспитания.

Также следует упомянуть о качественной стороне помощи, которая на данный момент страдает из-за излишней занятости исполнителей. ПКК позволит переориентировать мышление преподавателей-кураторов с «работы на показатели» на «работу на результат», заменить количество на качество.

В целом введение ПКК в воспитательную систему ООВО позволит решить проблемы количественного, функционального, методического, экономического, качественного, коммуникационного характера. Однако более детальное рассмотрение принципов его работы, взаимодействие специалистов триады между собой и студентами академической группы, разработанный единый электронный документ с доступом для всех заинтересованных лиц (триада и контролирующие структуры образовательной организации) и др. будут освещены в следующих научных статьях.

3 заключение

Институт кураторства функционирует во многих ООВО России, но обладает серьезными недостатками и на уровне системы, и на уровне преподавателей-кураторов, а также не удовлетворяет потребности современных студентов. В связи с этим внедрение ПКК – составной (состоит из трех специалистов) целостной (работа каждого видна всем) активной (предполагает деятельностный подход к исполнению обязанностей), конструктивно (плодотворно, на результат) работающей структуры видится целесообразным, своевременным с целью повышения эффективности воспитательной системы образовательного учреждения и востребованным как со стороны преподавателей, так и студентов.

Ознакомление педагогического сообщества с теоретическими выкладками происходило путем участия автора в научно-практических конференциях, проведением курсов повышения квалификации и мастер-классов. Несмотря на то, что на данном этапе ПКК не имеет официального верификационного подтверждения эффективности в связи с тем, что не проходил глобального системного внедрения в воспитательную систему вузов, некоторые фактические результаты теоретической и практической апробации концепции на локальных уровнях были получены. Их представили отдельные преподаватели, которые заинтересовались предложенным новым подходом к ведению воспитательной работы со студентами и тестировали функции триады.

Следует отметить в целом положительные отзывы коллег на возможность введения конструктора. Проведенное анкетирование (237 респондентов) преподавателей из разных ООВО России показало, что более половины опрошенных считают введение ПКК разумным, около трети затруднились с ответом и только пятая часть была категорически против. Одобрение получили четкость разграничения функциональных зон ответственности специалистов триады и возможность, с одной стороны, перераспределения нагрузки, с другой – учет профессиональных интересов и предпочтений каждого конкретного преподавателя. Однако зафиксирован ряд замечаний, который правильнее идентифицировать как рекомендации, и вопросов, поступивших

от участников конференции в процессе дискуссии после прослушивания доклада или от слушателей курсов повышения квалификации. Детальный анализ позволил выявить «проблемные точки», которые нуждаются в доработке, например, система отчетности для куратора, тьютора и ментора.

Нельзя обойти вниманием и единственный негативный момент, на котором заостряют внимание коллеги – слово «коллаборация» в названии конструкта. Звучали предложения заменить его на более привычное слово «сотрудничество». Тем не менее в результате развернутого объяснения автором, что при схожести этимологии и образования от латинских корней, существуют принципиальные различия между «коллаборацией» и «сотрудничеством» в семантическом и функциональном планах, вопросы снимались.

Думается, что введение ПКК в воспитательный процесс образовательной организации высшего образования вместо существующего в данный момент института кураторства позволит идти в ногу со временем, предлагая современным студентам современную, своевременную, профессиональную, качественную воспитательную помощь, в которой они нуждаются.

Список источников

1. Кролевецкая Е. Н. К проблеме развития субъект-субъектных отношений между куратором и студенческой группой // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. 2006. № 7. С. 11–13.
2. Рогалева Г. И. Кураторство – профессиональная функция вузовского преподавателя // *Молодой ученый*. 2016. № 20 (124). С. 723–726.
3. Мисюрев М. В. Кураторство как фактор повышения успеваемости студентов университета / XVII Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции: г. Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2013 г. : [в 2 т.] / под общ. ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2013. Т. 2. С. 316–318.
4. Буянова Г. В. Кураторство в вузе – история и перспективы развития // *Евразийский союз ученых*. 2014. № 7–6 (7). С. 30–32.
5. Шапошникова О. Н., Левитский В. Л. Система кураторства и организация воспитания студентов // *Совет ректоров*. 2013. № 7. С. 60–65.
6. Король Т. С., Глазунова И. В., Барсукова М. В. Кураторство – функция преподавателя // *Глобальный научный потенциал*. 2020. № 2 (107). С. 76–80.
7. Данкова Ж. Ю., Ножка С. М., Новинский С. В. Организационно-управленческие аспекты функционирования института кураторства в вузе // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений : [электронный журнал]*. 2017. № 1 (19). С. 6–15.
8. Ильева И. А., Леонченко Т. А. Институт кураторства в вузах России в условиях глобализации образования // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010. № 1 (14). С. 40–43.
9. Алпатова О. Б., Сандрюкова Е. А. Проблемы института кураторства в учебных группах высших учебных заведений Российской Федерации // *Научные исследования и образование*. 2017. № 3 (27). С. 3–5.
10. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания : Опыт педагогической антропологии // *Избранные педагогические произведения : в 2-х т.* Москва : Педагогика, 1974. Т. 1. 229 с.
11. Мазина Р. Р. Авторитет преподавателя и эффективность общения со студентами в процессе их воспитания (институт кураторства) / Научное обеспечение развития агропромышленного комплекса в условиях импортозамещения : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции : посвящается 115-летию Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, г. Санкт-Петербург – г. Пушкин, 24–26 января 2019 г. : [в 2 ч.] Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2019. Ч. 2. С. 76–81.
12. Кульбах О. С., Зинкевич Е. Р. Институт кураторства в воспитательной системе вуза // *Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы*. 2011. № 1–1. С. 127–131.
13. Бура Л. В. Кураторство и тьюторство как способ сопровождения адаптации студентов в вузе // *Проблемы современного педагогического образования*. 2021. № 70–1. С. 314–317.
14. Шаталова Е. А., Свиридов А. Н. Инновационный потенциал кураторства в социально-педагогическом пространстве вуза / Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт : материалы международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 13–15 октября 2014 г. Барнаул : Алтайская государственная педагогическая академия, 2014. С. 220–222.
15. Рябкова В. А., Кузнецов К. С. Личный бренд преподавателя вуза как способ формирования наставничества в образовательных инновациях / Европейский и отечественный опыт инновационной культуры и отношений интеллектуальной собственности: коммуникативные аспекты : сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием, г. Ижевск, 14–15 июня 2019 г. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2019. С. 227–233.

References

1. Krolevetskaya E. N. K probleme razvitiya sub"ekt-sub"ektnyh otnoshenij mezhdur kuratorom i studencheskoj gruppoj // *Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2006. № 7. S. 11–13.
2. Rogaleva G. I. Kuratorstvo – professional'naya funkciya vuzovskogo prepodavatelya // *Molodoy uchenyj*. 2016. № 20 (124). S. 723–726.
3. Misjyurev M. V. Kuratorstvo kak faktor povysheniya uspevaemosti studentov universiteta / XVII Carskosel'skie chteniya : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: g. Sankt-Peterburg, 23–24 aprelya 2013 g. : [v 2 t.] / pod obshch. red. V. N. Skvorcova. Sankt-Peterburg : Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A. S. Pushkina, 2013. T. 2. S. 316–318.
4. Buyanova G. V. Kuratorstvo v vuze – istoriya i perspektivy razvitiya // *EvrAzijskij soyuz uchenyh*. 2014. № 7–6 (7). S. 30–32.

5. Shaposhnikova O. N., Levitskij V. L. Sistema kuratorstva i organizaciya vospitaniya studentov // Sovet rektorov. 2013. № 7. S. 60–65.
6. Korol' T. S., Glazunova I. V., Barsukova M. V. Kuratorstvo – funkciya prepodavatelya // Global'nyj nauchnyj potencial. 2020. № 2 (107). S. 76–80.
7. Dankova Zh. Yu., Nozhka S. M., Novinskij S. V. Organizacionno-upravlencheskie aspekty funkcionirovaniya instituta kuratorstva v vuze // GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij : [elektronnyj zhurnal]. 2017. № 1 (19). S. 6–15.
8. Il'yeva I. A., Leontenko T. A. Institut kuratorstva v vuzah Rossii v usloviyah globalizatsii obrazovaniya // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2010. № 1 (14). S. 40–43.
9. Alpatova O. B., Sandryukova E. A. Problemy instituta kuratorstva v uchebnyh gruppah vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoj Federacii // Nauchnye issledovaniya i obrazovanie. 2017. № 3 (27). S. 3–5.
10. Ushinskij K. D. Chelovek kak predmet vospitaniya : Opyt pedagogicheskoy antropologii // Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya : v 2-h t. Moskva : Pedagogika, 1974. T. 1. 229 s.
11. Mazina R. R. Avtoritet prepodavatelya i effektivnost' obshcheniya so studentami v processe ih vospitaniya (institut kuratorstva) / Nauchnoe obespechenie razvitiya agropromyshlennogo kompleksa v usloviyah importozameshcheniya : sbornik nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : posvyashchaetsya 115-letiyu Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta., g. Sankt-Peterburg – g. Pushkin, 24–26 yanvarya 2019 g. : [v 2 ch.] Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2019. CH. 2. S. 76–81.
12. Kul'bah O. S., Zinkevich E. R. Institut kuratorstva v vospitatel'noj sisteme vuza // Nauchnye itogi goda: dostizheniya, proekty, gipotezy. 2011. № 1-1. S. 127–131.
13. Bura L. V. Kuratorstvo i t'yutorstvo kak sposob soprovozhdeniya adaptatsii studentov v vuze // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 70-1. S. 314–317.
14. Shatalova E. A., Sviridov A. N. Innovacionnyj potencial kuratorstva v social'no-pedagogicheskom prostranstve vuza / Modernizaciya professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya: tendencii, strategiya, zarubezhnyj opyt : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Barnaul, 13–15 oktyabrya 2014 g. Barnaul : Altajskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2014. S. 220–222.
15. Ryabkova V. A., Kuznecov K. S. Lichnyj brend prepodavatelya vuza kak sposob formirovaniya nastavnichestva v obrazovatel'nyh innovacijah / Evropejskij i otechestvennyj opyt innovacionnoj kul'tury i otnoshenij intellektual'noj sobstvennosti: kommunikativnye aspekty : sbornik materialov Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Izhevsk, 14–15 iyunya 2019 g. Izhevsk : Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet», 2019. S. 227–233.

Original article

Design and Practical Exploration of Cultivating Students' Investigative Interrogation Competence in Public Security Colleges and Universities – Taking the Course of “Criminal Investigation and Interrogation” as an Example

Ying Li, Master

Shanghai Police College
100, Chongjing Rd., Pudong New Area, Shanghai, 200940, China
897153041@qq.com

Abstract:

Introduction. With the continuous advancement of the modernization of public security work and the construction of law enforcement standardization, the standards for cultivating police professionals in public security colleges and universities have been constantly raised, especially in the field of criminal investigation. As a crucial link in handling criminal cases, investigative interrogation directly determines the quality and efficiency of investigative case handling. Therefore, cultivating application-oriented police professionals with solid investigative interrogation competence has become an important task for talent cultivation in public security colleges and universities. However, the teaching of the course Investigative Interrogation Science is still faced with many practical challenges. The traditional chapter-based teaching mode of textbooks fails to adapt to the comprehensive, practical and technical characteristics of the course, and the integration of theory and practice in teaching is insufficient, which makes it hard to fully meet the practical needs of public security work for professionals in investigative interrogation. Based on this, this paper takes the teaching of Investigative Interrogation Science in undergraduate public security colleges and universities as the research object. On the basis of clarifying the course orientation and talent cultivation, it explores the optimized paths for curriculum teaching design and innovative methods for teaching practice. By reconstructing the curriculum system through modular teaching, it promotes the coordinated development of professional knowledge imparting, practical competence training and ideological and political education in courses, so as to provide operable teaching references for the cultivation of investigative interrogation competence in public security colleges and universities and contribute to the achievement of the cultivation goal of high-quality application-oriented police professionals in public security colleges and universities.

Methods. Literature research method; comparative research method; action research method.

Results. For the long-term development of the Criminal Investigation and Interrogation course in public security colleges and universities, it is imperative to keep pace with the times and the development laws of public security professional work. Modular teaching is an effective teaching model adapted to this course. The course is divided into six modules, namely Basic Theory, Legal Provisions, Organization and Implementation Steps, Psychological Characteristic Analysis, Operational Strategies and Methods, and Consolidation of Interrogation Results. Targeted teaching is carried out in light of the distinctive characteristics of each module, which not only enables the organic integration of various modules and gives full play to the advantages of each module, but also cultivates students' professional capabilities and vocational attainments. It integrates moral education with professional education, helping students grow into high-quality applied public security professionals with a firm stand and proficient professional skills.

Keywords:

Investigation and Interrogation Studies, Criminal Investigation, Teaching Design, Teaching Practice, Modular Teaching

For citation:

Li Ying. Design and Practical Exploration of Cultivating Students' Investigative Interrogation Competence in Public Security Colleges and Universities – Taking the Course of “Criminal Investigation and Interrogation” as an Example // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 254–262.

The article was submitted January 3, 2026;
approved after reviewing March 3, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Научная статья
УДК 378

Формирование компетенции проведения допроса у обучающихся ведомственных высших учебных заведений Министерства общественной безопасности Китая (на примере учебной дисциплины «Допрос как следственное действие»)

Ин Ли, магистр

Шанхайский полицейский колледж
Шанхай (200940, район Пудун, ул. Чунцзин, д. 100), Китайская Народная Республика
897153041@qq.com

Аннотация:

Введение. В связи с непрерывным процессом модернизации деятельности органов общественной безопасности и формирования единых стандартов правоприменительной практики, требования к уровню подготовки профессиональных кадров ведомственных образовательных организаций Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики неуклонно возрастают, особенно в области предварительного следствия. Допрос, являясь одним из следственных действий, помогает следователю определить направления дальнейшего расследования и достичь эффективного результата. В этой связи подготовка практико-ориентированных специалистов, обладающих сформированными компетенциями подготовки и проведения допроса, становится важной задачей системы профессионального образования ведомственных учебных заведений Министерства общественной безопасности Китая. Однако преподавание дисциплины «Допрос как следственное действие» сталкивается с рядом практических вызовов. Традиционная модель обучения, построенная на последовательном изучении глав учебника, не в полной мере соответствует комплексному и прикладному характеру дисциплины. Недостаточная интеграция теоретических знаний и практических навыков в учебном процессе не позволяет в полной мере удовлетворить запросы правоохранительных органов в специалистах, квалифицированных в производстве допроса. Исходя из этого, данная статья рассматривает процесс преподавания дисциплины «Допрос как следственное действие» в ведомственных высших учебных заведениях Министерства общественной безопасности КНР, реализующих программы бакалавриата. На основе уточнения места дисциплины в системе подготовки кадров в работе исследуются оптимальные пути проектирования учебного курса и инновационные подходы к организации практических занятий. Реорганизация содержания дисциплины на основе модульного принципа позволяет обеспечить сбалансированное развитие профессиональных знаний, практических навыков и реализацию ее воспитательного потенциала (в китайской традиции – идеолого-политического воспитания). Предлагаемые решения призваны служить практическим методическим ориентиром для формирования компетенций по проведению допросов в ведомственных высших учебных заведениях Министерства общественной безопасности КНР и способствовать достижению цели – подготовке высококвалифицированных, практико-ориентированных полицейских кадров.

Методы исследования: анализ научно-методической литературы, сравнительный анализ, опытно-экспериментальная работа.

Результаты. Для устойчивого развития учебной дисциплины «Расследование преступлений и допрос» в ведомственных высших учебных заведениях Министерства общественной безопасности КНР необходимо обеспечивать ее соответствие требованиям времени и закономерностям развития оперативно-служебной деятельности. Модульное обучение представляет собой эффективную педагогическую модель, адаптированную к специфике данного курса. Дисциплина включает шесть модулей: «Теоретические основы», «Правовые основы», «Организация и этапы проведения допроса», «Анализ психологических особенностей», «Тактические приемы и методы», «Процессуальное закрепление результатов допроса». Такой подход обеспечивает единство воспитания и профессиональной подготовки, помогая обучающимся стать высококвалифицированными специалистами для системы общественной безопасности, сочетающими твердую гражданскую позицию с развитыми профессиональными навыками.

Ключевые слова:

учебная дисциплина «Допрос как следственное действие», уголовное расследование, педагогический дизайн, педагогическая практика, модульное обучение

Для цитирования:

Ли Ин. Формирование компетенции проведения допроса у обучающихся ведомственных высших учебных заведений Министерства общественной безопасности Китая (на примере учебной дисциплины «Допрос как следственное действие») // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 254–262.

Статья поступила в редакцию 03.01.2026;
одобрена после рецензирования 03.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Introduction

Among public security educational institutions, public security colleges and universities are the vital positions for talent cultivation. Their trainees have a relatively high educational level and can adapt to new work environments and content quickly, so they occupy a core position in China's education and training system. As bases for cultivating reserve talents in the public security field, public security colleges and universities are closely related to the talent needs of public security organs. They need to meet the diverse talent requirements of public security work under the changing conditions of different eras. Their talent training objectives are mainly application-oriented. Cultivating students who can quickly adapt to work content and work environments, and who can better meet industry needs, is a result that both talent training institutions and receiving units are happy to see. At the same time, considering the particularity of the public security industry, students not only need to meet professional requirements but also strive to grow into upright, loyal, and comprehensive talents with high overall quality. Based on the point, public security colleges and universities must make great efforts in the courses when formulating talent cultivation goals and setting up disciplines. While imparting professional knowledge and skills, they should attach greater importance to shaping students' spiritual world. To achieve the goal of organically integrating value shaping, knowledge impartment and competence development in each course, teachers who teach public security professional courses must formulate appropriate course objectives under the guidance of their college's development orientation and the professional talent cultivation plan of their major.

Based on the discussion of the curriculum positioning of the "Criminal Investigation and Interrogation" course in public security undergraduate colleges and universities, this study clarifies its objectives at the knowledge, quality, and competence levels. It also attempts to put forward some paths for teaching design and practical exploration under the current teaching status. The purpose is to better explore the connotation of this course while doing a good job in theoretical and practical teaching, and to effectively respond to the talent cultivation goals of public security colleges and universities.

Methods

The methodological basis of the study was formed by the methods of literary and comparative research, as well as the action research method.

Results

1. Orientation of the course of "Criminal Investigation and Interrogation"

With the advancement of the "integration of investigation and interrogation" reform in China's public security work, the course "Preliminary Trial Studies" in public security higher education has gradually developed and evolved, giving birth to the Course of "Criminal Investigation and Interrogation", which is closely related to the former [1]. The current "Criminal Investigation and Interrogation" is a core course for the investigation major under the public security discipline in the law category. Its main research contents include the institutional construction of investigative interrogation and the general laws of investigative interrogation activities [2]. Most of these contents are refined from typical cases and successful experience summaries in public security practice, and it is a necessary basic skill for every criminal case investigation officer. This course features practicality, comprehensiveness and technicality. The prerequisite courses for students to study this course include "Criminal Law", "Criminal Procedure Law", "Investigative Measures", and "Criminal Psychology", while the subsequent courses include comprehensive courses such as "Criminal Case Investigation".

The Course of "Criminal Investigation and Interrogation" has a complex system and rich content, covering basic theories in the field of investigative interrogation, legal provisions, steps of organization and implementation, strategic methods in the operation process, consolidation of interrogation results, analysis of psychological characteristics, and examination of relevant criminal procedure evidence [3]. In addition, with the advancement of technological means, several aspects have become important content of this discipline and are currently hot topics and trends in academic research. These include using advanced equipment to accurately identify the lies of criminal suspects, constructing scientific models to analyze the implicit content in the language of criminal suspects, and helping investigative interrogators capture changes in the psychological characteristics of criminal suspects (especially changes in emotions) dynamically and in real time. Due to the different

nature of knowledge in different modules, there is no doubt that the teaching methods should also focus on different aspects. In general, this course aims to cultivate high-quality applied professionals who can systematically master the basic theories, basic knowledge and basic skills of investigative interrogation, and skillfully apply them in professional positions related to law enforcement and case handling [4]. Specifically:

(1). Knowledge-level objectives: Students should be able to understand the basic theories, basic knowledge and basic principles of investigative interrogation, grasp its nature, tasks and legal requirements, learn about the procedures, steps and methods for implementing each link, and comprehend the position and importance of investigative interrogation in criminal investigation work.

(2). Competence-level objectives: Students should be able to master the procedures and methods for organizing and conducting interrogations as well as applying interrogation strategies, grasp the format standards and production methods of interrogation records and the methods for analyzing criminal suspects' psychology, so as to achieve the goal of controlling the rhythm of interrogations.

(3). Quality-level objectives: Students should firmly establish the awareness of law, evidence, standardization and teamwork; improve their ability of independent thinking and independent problem-solving [5], further foster a rigorous and meticulous work attitude and a hard-working work style, strictly abide by various disciplinary requirements, and resolutely eliminate the act of extorting confessions by torture.

2. The design and exploration of the course teaching of "Criminal Investigation and Interrogation"

The issue to be discussed in this chapter is the possible implementation paths and specific methods that can be referenced in the design and implementation of teaching of the Course of "Criminal Investigation and Interrogation", which is mainly divided into two parts. After discussing the principles and directions that teaching design should adhere to – including goal orientation, innovative development, integration of theory and practice, and multi-dimensional evaluation – the main content of this study is to clarify the advantages of carrying out teaching by modules, and propose explorations and attempts for the innovation of teaching design to be implemented under different teaching content frameworks.

2.1 Paths for the Teaching Design the Course of "Criminal Investigation and Interrogation"

(1). Adhere to a goal-oriented approach, and make course objectives subject to and serve the university's orientation and talent cultivation plan.

As the only public security undergraduate university in Shanghai that cultivates high-quality applied policing talents, our university strengthens the loyalty education for students, adheres to the guidance of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, and takes fostering virtue through education and nurturing police officers into "sharp swords" as its fundamental tasks. The major of Criminal Investigation aims to cultivate professional talents who have a firm political stance and solid political literacy, systematically master professional knowledge and certain professional skills in criminal investigation, and possess core competencies related to criminal case handling [6]. Against this background, the design of the course must be based on the characteristics and advantages of this discipline, which deeply explores and refines the ideological values and spiritual connotations contained in the knowledge system. As a course with strong practicality, it emphasizes the combination of learning and thinking, and the unity of knowledge and practice, encouraging students to enhance their wisdom and abilities in practice and temper their will and character through hard work.

(2). Adhere to innovative development, highlight modular teaching, and better integrate it into the course.

The course has strong comprehensiveness and obvious modular characteristics, covering modules such as basic theory, legal provisions, steps of organization and implementation, analysis of psychological characteristics, strategic methods in the operation process, and consolidation of interrogation results. Different modules vary in scale, internal logical order, and difficulty level for students. However, the chapters in teaching materials often intersperse contents of different modules, and the sequence does not fully conform to the cognitive logic of students' minds. Therefore, to a certain extent, the relatively traditional chapter-by-chapter teaching method for the course has certain shortcomings. Modularizing the teaching content is conducive for teachers to continuously deepen and explore the professional inherent spirit contained in knowledge during teaching, and deeply analyze the different skills and qualities that criminal police should possess when facing different work tasks. At the same time, it helps give full play to the characteristic advantages of each module. For example, the legal provisions module focuses on cultivating students' awareness of law enforcement in a fair, legal, civilized and realistic manner, helping them establish respect for the authority of law in their hearts – the strategic methods in the operation process module pay more

attention to helping students understand the indomitable willpower of investigators who become stronger in the face of setbacks. On the basis of organically integrating these modules, students can understand the whole picture of investigative interrogation – a kind of investigative measure – in a comprehensive, in-depth and detailed way, which is convenient for them to grasp it as a whole.

(3). Adhere to the combination of theory and practice, and internalize the criminal police spirit in hands-on operations [7].

As mentioned earlier, investigative interrogation work originated from the preliminary trial process and is stipulated in the Criminal Procedure Law of the People's Republic of China. It is one of the necessary procedures for criminal cases, so practicality is its inherent attribute.

First, the legal provisions module serves as the premise and cornerstone of the entire investigative interrogation process, and accounts for a relatively large proportion in theoretical learning. Only on the basis of proficiently mastering relevant legal provisions and prohibitive regulations can students carry out investigative interrogation work in an orderly manner. Second, the modules of “steps of organization and implementation” and “strategic methods in the operation process” place greater emphasis on practical operations. Students need to master methods of conducting and organizing an effective interrogation, and flexibly select and apply appropriate strategies according to the specific circumstances of the case during this process. Finally, in the module of “consolidation of interrogation results”, students need to review the legality of verbal evidence in accordance with the provisions of legal provisions, based on their practical experience in preparing interrogation records [8]. Therefore, in the process of learning the course, students need to flexibly apply theoretical knowledge on the basis of mastering it. They should possess a realistic and rigorous work style, and develop the criminal police spirit of being unafraid of difficulties and becoming stronger in the face of setbacks.

(4). Adhere to multi-dimensional evaluation to help teachers clarify their leading role and practice the concept of the courses [9].

It is necessary to establish a three-level evaluation mechanism covering school supervision, peer evaluation, and student evaluation, and give full play to the role of different subjects in evaluating the teaching process. In daily teaching activities, school supervisors can conduct a comprehensive evaluation of teachers' teaching style, teaching methods, and teaching effects [10]; peers, especially teachers within the teaching team, can carry out a series of teaching and research activities focusing on the arrangement of teaching content, the innovative application of teaching methods, and the improvement of teaching documents; students can conduct timely evaluation and feedback on the classroom vitality and teaching effects of teachers. This helps teachers reflect on teaching activities in an all-round way.

Against this background, teachers' own teaching ability, professional ethics, work style, and academic attitude will directly affect the effectiveness of teaching [11]. Teachers in public security colleges and universities must internalize the fine qualities required of criminal police in themselves to subtly integrate values guidance while teaching professional knowledge. Specifically, teachers need to actively practice the concept of the goal of the courses through reflection, proactively develop textbook content, make full use of modern teaching equipment and artificial intelligence technology to create an suitable atmosphere in the classroom.

2.2 Exploration of the teaching practice of the course of “Criminal Investigation and Interrogation”.

The course has strong comprehensiveness and is closely related to disciplines such as Criminal Procedure Law, Social Psychology, Experimental Psychology, and Linguistics. Based on the content of textbook chapters, combined with the reality of preliminary trial work and interrogation work in public security practice, and in accordance with the process sequence of the preparation stage before investigative interrogation, the organization and implementation stage, and the stage of consolidating and reviewing results, the teaching content is roughly divided into modules including basic theory, legal provisions, steps of organization and implementation, analysis of psychological characteristics, strategic methods in the operation process, and consolidation of interrogation results.

The content of each module is relatively systematic while being relatively independent from one another. Therefore, modular teaching can well impart deeper content with different focuses to students, and is conducive to building a system for the course that is comprehensive in coverage, rich in types, progressive in levels, and mutually supportive.

(1). Basic theory module: enhancing criminal police's professional identity and stimulating their inner sense of responsibility and mission.

The basic theory module mainly teaches basic contents such as the concept, characteristics, functions, principles, research objects and disciplinary system of investigative interrogation. After understanding students' existing knowledge reserve, teachers first introduce some hot cases and emphasize the interrogation links in them, allowing students to intuitively perceive the important significance of investigative interrogation. Students will understand that the interrogation process

is often not smooth, and criminal suspects tend to resist stubbornly and defend themselves; at this point, students' admiration for the interrogation interrogators' spirit of facing difficulties head-on and perseverance is stimulated.

By showing interrogation clips from film and television works, students' interest in learning is aroused. When seeing experienced police officers with a strong presence, who can control the rhythm of interrogation, skillfully use strategies to ask questions and finally achieve a breakthrough, students can perceive the unique personal charm of police officers in interrogation positions and their adherence to fairness and justice. This can stimulate students' sense of mission and responsibility for the profession and help them establish a correct concept of law enforcement. During teaching, teachers should clarify that investigative interrogation is an indispensable and important link in the handling process of criminal cases and occupies an important position in the criminal procedure, which helps cultivate students' awareness of respecting, abiding by and revering the law.

(2). Legal provisions module: adhere to law-based law enforcement and uphold the original aspiration of legal fairness and justice.

This module mainly covers contents related to investigative interrogation, including relevant legal provisions, criminal policies, prohibitive legal regulations, criminal suspects' litigation rights and obligations, as well as lawyers' defense and legal assistance. As a module directly linked to laws and regulations such as the Criminal Law and the Criminal Procedure Law, it lays the legal foundation for the development and implementation of the entire investigative interrogation process, thus serving as a prerequisite and basis for students' learning.

First, teachers present students with a representative and typical unjust, false, or wrong case, enabling students to perceive the importance of legal provisions for investigative interrogation from a negative perspective. On the one hand, students can firmly establish awareness of law, evidence, and standardization. On the other hand, they can respect criminal suspects' due litigation rights when facing their recalcitrance, apply laws fairly and impartially to prosecute crimes, and develop awareness of strict, fair, and civilized law enforcement. At the same time, students will more strictly abide by various work regulations, develop awareness of discipline, confidentiality, and safety. On this basis, they will continuously improve their interrogation skills and cultivate the ability to think independently and solve problems proactively.

(3). Module on organization and implementation steps: cultivating students' work attitude of combining standardized law enforcement with flexible law enforcement.

This module mainly introduces the organization and command of investigative interrogation, preparation before interrogation, first interrogation, development and deepening of investigative interrogation, and the conclusion stage of interrogation. It is more practical, with the focus on cultivating students' ability to organize and conduct interrogations, as well as their teamwork ability to cooperate with team members in work.

First, a case scenario is set up for students to design an interrogation plan based on the given case and evidence clues. In this process, students should develop their ability of independent thinking, make thorough considerations and careful arrangements, and take into account possible emergency situations. This helps them cultivate a rigorous and meticulous work style, and a careful professional quality. Attention should be paid to the selection of cases in this process. The case teaching method is particularly important in the teaching of this module of the course. It is best to select fresh cases that are obtained from business units and conform to current crime characteristics, and then properly adapted by teachers to be presented as cases in classroom teaching. These cases include case materials in the form of transcripts, written case materials, and audio-visual case materials [12]. On the one hand, students can personally experience the heaviness and difficulty of police officers' work, and develop respect for the profession as well as a sense of responsibility and mission. On the other hand, they can go beyond the campus to broaden their horizons, improve their comprehensive quality, and grow into talents more adaptable to work positions.

Second, practical training sessions are added to the teaching of this module. Students enter the simulated interrogation room to take on roles, conduct an interrogation in a realistic manner based on the given case scenario, and keep good records of the interrogation process. After that, teachers comment on the implementation process and results of each group, and organize mutual evaluation among groups. The gains and losses are summarized during the review process [13]. In the process of practical operation, students experience that the work of investigative interrogators is rigorous yet flexible, and serious without losing adaptability.

(4). Module on psychological characteristics analysis: cultivating scientific, rigorous, meticulous and acute professional quality.

This module is closely related to social psychology and experimental psychology. It mainly covers content such as the personality characteristics of investigators, the negative psychology of

investigators, the psychological characteristics and influencing factors of criminal suspects, the obstacles to criminal suspects' confession psychology, the confession motivation of criminal suspects, and the psychological change process of criminal suspects during interrogation. It is not only a key part of this course, but also an important field for criminal investigation interrogation. Students have a strong interest in learning this module, but it is relatively difficult. Therefore, teachers need to enrich the forms of teaching organization, innovate the connotation of the content of our class and the real situation to achieve the teaching objectives. Teachers can show students several different response types of criminal suspects in the interrogation environment to stimulate their interest in learning.

In this process, combined with specific case types and the personal basic information of criminal suspects, students are organized into groups to discuss and describe the main psychological characteristics of suspects. Students need to have acute observation and quick responsiveness to timely capture the key and fleeting psychological changes of criminal suspects, and initially develop the professional quality of an investigative interrogator. At the same time, to deal with any possible situation in the interrogation scenario, students must accumulate rich knowledge and experience. During this process, they can conduct independent learning, strengthen their awareness of self-discipline, and improve their ability to analyze and solve problems as well as their ability to understand new things. In addition, students need to master scientific methods and take targeted measures to accurately identify the dominant psychological characteristics of criminal suspects at a certain stage and accurately grasp their psychological weaknesses, so as to prepare for subsequent work. Through case analysis and interactive demonstrations, students' acute insight and interpersonal skills (especially communication skills) are cultivated, and their scientific and rigorous professional quality is continuously strengthened.

In addition, during the learning process of this module, the course utilizes a distinctive experimental instrument – the polygraph, also known as the lie detector we are familiar with. Under the guidance of teachers, students learn about the scientific basis of lie detection, the principles of the polygraph, and its operating procedures. Afterwards, students work in groups to conduct practical operations. The operation session is divided into two parts: first, students perform relatively simple question-and-answer tests. Through a card-guessing activity, they experience the use of the polygraph and its role in investigative interrogation; second, students need to apply various lie detection methods under a more complex case background to obtain multiple relevant facts about the case. After these two steps, students can generally master the basic operating process and standards of the polygraph, laying the groundwork for its application in future work.

(5). Module on operational strategies and methods: enhancing skills and tempering students' willpower to take on heavy responsibilities and strive bravely.

This module is the most experience-based, flexible, and practical part of the course. It mainly covers the concept and structural system of investigative interrogation strategies, requirements for formulating interrogation strategies, common types of strategies, application of common strategies, and several common interrogation methods, serving as a core key chapter of the course [14].

When explaining, teachers start with the successful experience of typical cases, allowing students to understand the implementation conditions and effects of different interrogation strategies, and cultivating students' analytical judgment and logical thinking abilities. Students should be able to use the knowledge they have learned to select the optimal strategies, implement the most effective methods, and combine different methods to maximize their effects. They should also be able to judge the effectiveness of the implemented interrogation strategies and methods based on observing the psychological characteristics of criminal suspects, flexibly adjust strategies when appropriate, and dynamically select the optimal methods. In the practical operation session, students should simulate the high-pressure environment of interrogation as much as possible at this stage. The focus is on how to effectively apply relevant strategies and methods, and through dialogue and communication, prompt criminal suspects to confess truthfully while being able to control the rhythm of the interrogation. During this process, students need to have good communication skills and interpersonal skills, establish an appropriate interpersonal relationship with criminal suspects, and seize the opportunity to obtain confessions. At the same time, teachers should also use successful cases to explain to students during the operation that interrogation is a difficult process that will not be completed overnight. Encountering an interrogation deadlock is common. In such cases, students need to have a firm determination that fairness and justice will never be absent, possess a tenacious and hard-working work style, and maintain an indomitable will.

Conclusion

Talent cultivation in colleges and universities is a process that integrates moral education and professional education [15]. For public security colleges and universities, on the one hand, graduates need to master solid professional knowledge and skills, enabling them to initially address various urgent, difficult, dangerous, and important issues they may encounter at work. On the other hand, they must also possess corresponding willpower and personal qualities, standing at the forefront and setting an example when facing temptations or crises. Ultimately, they should become high-quality applied professionals with a firm stance and proficient professional skills.

This study takes the Course of "Criminal Investigation and Interrogation" as its research object. By analyzing the current situation of the course teaching, it proposes the construction of a multi-level system for teaching. It also advocates enhancing interview and interrogation skills for talent cultivation while improving students' excellent qualities through modular teaching. It is necessary to further refine the teaching paths and objectives of each module. For example, in the "Psychological Characteristics Analysis Module", students are guided to proactively observe changes in the other party's psychological characteristics to strengthen the cultivation of scientific and rigorous professional literacy, while in the "Organization and Implementation Steps Module", students are divided into groups for practical operations, and teachers summarize and comment on their performance, so as to cultivate students' awareness of integrating into team collaboration and standardized law enforcement. At the same time, attention should be paid to aligning with the laws of teaching, the development laws of public security professional work, and the development of the times. In addition, we should make full use of technological means to enrich teaching forms, such as incorporating new requirements for intelligent investigation and standardized law enforcement, so as to achieve synergy between school education and the cultivation of public security professional capabilities. In addition, it is also necessary to fully apply technological tools like VR-simulated interrogations, online case databases, and live-streamed court trials. These tools can break the limitations of traditional teaching, enrich teaching forms and interactive scenarios, and stimulate students' initiative in course learning [16]. Continuously optimizing teaching methods, keeping up with the pace of the times, and improving the efficiency and effectiveness of the course teaching are the core directions that must be consistently adhered to in the long-term development of the Course of "Criminal Investigation and Interrogation".

References

1. Li J. J. Reform and Innovation of the Investigation and Interrogation Course // Journal of Railway Police College. 2020. № 1. P. 120–124.
2. Meng F. Q. Legal Regulation on Procedural Violations in Criminal Investigation and Interrogation // Journal of Gansu University of Political Science and Law. 2019. № 5. P. 99–109.
3. Ma W. J. Application of multi-interactive innovative teaching mode with case videos: Taking the course "Investigation and Interrogation" as an example // Journal of Liaoning Police College. 2015. Vol. 17, № 05. P. 120–123.
4. Xiao Y. L. Thoughts on the Construction of First-Class Investigation Major: Taking the Investigation Major of Shanghai Police College as an Example // Public Security Education. 2023. № 5. P. 55–59.
5. Ma L. F. Problems and countermeasures in the integrated practical teaching of investigation in public security colleges // Journal of Sichuan Police College. 2020. Vol. 32, № 01. P. 18–23.
6. Tan X. Y. The realization path of curriculum ideology and politics from the perspective of optimization theory: Taking the course Science of Investigation and Interrogation as an example // Northwest Higher Education Review. 2023. № 10. P. 286–298.
7. Han Z. Thoughts on the teaching reform of investigation and interrogation under the new situation // Journal of Hubei University of Police. 2015. № 11. P. 157–160.
8. Shao Y. Exploration on teaching design of Science of Investigation and Interrogation based on flipped classroom // Journal of Tianjin Vocational Institutes. 2022. № 06. P. 55–59.
9. Wang H. C., Fu C., Xu L. Exploration on curriculum ideology and politics from the perspective of new liberal arts: Taking administrative management major as an example // Teaching in Forestry Region. 2025. № 10. P. 35–38.
10. Huang G. H., Xu K. X., Su W. J. Practice and thinking on teaching supervision in colleges and universities: Taking Fujian University of Traditional Chinese Medicine as an example // Medical Research and Education. 2010. Vol. 27, № 05. P. 102–104.
11. Cao X. B. Cultivation of investigation and interrogation ability: Teaching staff construction and educational mode innovation // Public Security Science Journal. 2018. № 04. P. 93–98.
12. Liu T., Li S. H. Main problems and improvement of case teaching in Science of Investigation and Interrogation // Journal of Liaoning Police Academy. 2014. № 07. P. 92–96.
13. Ye J. H. Thoughts and practice on teaching reform of Science of Investigation and Interrogation in Xinjiang Police College // Journal of Xinjiang Police College. 2015. № 07. P. 53–56.
14. Lu Y., Bian H. B. Design of practical teaching reform of public security pretrial procedure in the context of learning theory // Journal of Sichuan Police College. 2020. Vol. 32, № 04. P. 98–105.

15. Huang L. Research on ideological and political construction of physical education curriculum in public security colleges in the new era // Journal of Xinjiang Open University. 2023. Vol. 27, № 01. P. 15–18.
16. Yang R. Reform and thinking of practical teaching of Science of Investigation and Interrogation empowered by emerging technologies // Journal of Hebei Public Security Police Vocational College. 2024. № 09. P. 74–77.

Список источников

1. Li J. J. Reform and Innovation of the Investigation and Interrogation Course // Journal of Railway Police College. 2020. № 1. P. 120–124.
2. Meng F. Q. Legal Regulation on Procedural Violations in Criminal Investigation and Interrogation // Journal of Gansu University of Political Science and Law. 2019. № 5. P. 99–109.
3. Ma W. J. Application of multi-interactive innovative teaching mode with case videos: Taking the course “Investigation and Interrogation” as an example // Journal of Liaoning Police College. 2015. Vol. 17, № 05. P. 120–123.
4. Xiao Y. L. Thoughts on the Construction of First-Class Investigation Major: Taking the Investigation Major of Shanghai Police College as an Example // Public Security Education. 2023. № 5. P. 55–59.
5. Ma L. F. Problems and countermeasures in the integrated practical teaching of investigation in public security colleges // Journal of Sichuan Police College. 2020. Vol. 32, № 01. P. 18–23.
6. Tan X. Y. The realization path of curriculum ideology and politics from the perspective of optimization theory: Taking the course Science of Investigation and Interrogation as an example // Northwest Higher Education Review. 2023. № 10. P. 286–298.
7. Han Z. Thoughts on the teaching reform of investigation and interrogation under the new situation // Journal of Hubei University of Police. 2015. № 11. P. 157–160.
8. Shao Y. Exploration on teaching design of Science of Investigation and Interrogation based on flipped classroom // Journal of Tianjin Vocational Institutes. 2022. № 06. P. 55–59.
9. Wang H. C., Fu C., Xu L. Exploration on curriculum ideology and politics from the perspective of new liberal arts: Taking administrative management major as an example // Teaching in Forestry Region. 2025. № 10. P. 35–38.
10. Huang G. H., Xu K. X., Su W. J. Practice and thinking on teaching supervision in colleges and universities: Taking Fujian University of Traditional Chinese Medicine as an example // Medical Research and Education. 2010. Vol. 27, № 05. P. 102–104.
11. Cao X. B. Cultivation of investigation and interrogation ability: Teaching staff construction and educational mode innovation // Public Security Science Journal. 2018. № 04. P. 93–98.
12. Liu T., Li S. H. Main problems and improvement of case teaching in Science of Investigation and Interrogation // Journal of Liaoning Police Academy. 2014. № 07. P. 92–96.
13. Ye J. H. Thoughts and practice on teaching reform of Science of Investigation and Interrogation in Xinjiang Police College // Journal of Xinjiang Police College. 2015. № 07. P. 53–56.
14. Lu Y., Bian H. B. Design of practical teaching reform of public security pretrial procedure in the context of learning theory // Journal of Sichuan Police College. 2020. Vol. 32, № 04. P. 98–105.
15. Huang L. Research on ideological and political construction of physical education curriculum in public security colleges in the new era // Journal of Xinjiang Open University. 2023. Vol. 27, № 01. P. 15–18.
16. Yang R. Reform and thinking of practical teaching of Science of Investigation and Interrogation empowered by emerging technologies // Journal of Hebei Public Security Police Vocational College. 2024. № 09. P. 74–77.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

LABOUR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY AND COGNITIVE ERGONOMICS

Научная статья
УДК 159.9

Динамика смысложизненных и ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации

Мария Сергеевна Сиворонова, кандидат психологических наук

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва (117437, ул. Академика Волгина, д. 12), Российская Федерация
marija0408@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0274-4559>

Аннотация:

Введение. Динамика ценностных и смысложизненных ориентаций обучающихся является важным показателем не только развития, но и оценки их готовности к выполнению учебно-служебных, а в дальнейшем оперативно-служебных задач, особенно в условиях цифровой реальности. Для оценки трансформации рассматриваемых феноменов у курсантов проведено сравнительное исследование.

Методы. В исследовании приняли участие 42 курсанта Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (8 юношей и 34 девушки в возрасте от 18 до 21 года). Для оценки ценностных и смысложизненных ориентаций применялись следующие психодиагностические методики: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева и методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич). Для статистической обработки данных использовался t-критерий Стьюдента и коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты. Проведенное исследование показало, что: 1) наивысшие ранги среди терминальных ценностей получили ценности личной жизни, профессиональные ценности отходят на второй план; из инструментальных ценностей – ценности межличностного общения, ценности дела; 2) общий показатель осмысленности жизни находится на уровне выше среднего; 3) существует статистически значимые различия по шкалам методики М. Рокича и шкалам теста СЖО.

Ключевые слова:

смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, курсанты, образовательные организации системы МВД России

Для цитирования:

Сиворонова М. С. Динамика смысложизненных и ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 263–271.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025;
одобрена после рецензирования 16.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The dynamics of life-meaning and value orientations of cadets in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Maria S. Sivoronova, Cand. Sci. (Psy.)

Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation
marija0408@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0274-4559>

Abstract:

Introduction. The dynamics of value and life-meaning orientations among learners is an important indicator not only of their development but also of their readiness to perform educational and service tasks, and subsequently operational and service tasks, particularly in the context of the digital reality. To assess the transformation of these phenomena among cadets, a comparative study was conducted.

Methods. The study involved 42 cadets from the Institute of Psychology of Service Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikoty (8 males and 34 females aged between 18 and 21 years). To evaluate the value and life-meaning orientations, the following psychodiagnostic methods were used: the Life-Meaning Orientation Test (LMOT) by D. A. Leontiev and the "Value Orientations" methodology (M. Rokich). For statistical data processing, the Student's t-test and Pearson's correlation coefficient were employed.

Results. The conducted research revealed that: 1) the highest ranks among terminal values were attributed to personal life values, while professional values took a back seat; among instrumental values, the values of interpersonal communication and work values were prominent; 2) the overall indicator of life meaningfulness is above average; 3) there are statistically significant differences in the scales of M. Rokich's methodology and the scales of the LMOT.

Keywords:

life-meaning orientations, value orientations, cadets, educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation:

Sivoronova M. S. The dynamics of life-meaning and value orientations of cadets in educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 263–271.

The article was submitted September 8, 2025; approved after reviewing January 16, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Период студенчества многими учеными «...рассматривается как сензитивный период развития продуктивных ценностей...»¹, а также «...полем, в котором формируют базовые профессиональные и общекультурные ценности, важные для молодого специалиста в будущем...» [1, с. 21]. В связи с тем, что рассматриваемый период характеризуется «...наиболее активным развитием нравственных и эстетических чувств» [2, с. 251], мы провели исследование, основной идеей которого является оценка динамики смысложизненных и ценностных ориентаций курсантов в процессе получения высшего образования, а также анализ степени влияния обучения в образовательных организациях системы МВД России на рассматриваемые психологические явления у указанных субъектов труда.

В предыдущей работе [3] нами была проведена первичная оценка рассматриваемых феноменов, а также выявлены взаимосвязи этих психологических явлений. Было установлено, что смысложизненные ориентации респондентов достаточно осознанны и определены, а значимыми ценностями для первокурсников являются «здоровье», «продуктивная жизнь», «любовь» и «счастливая семейная жизнь» (терминальные ценности), а также «воспитанность», «самоконтроль» и «образованность» (инструментальные ценности). Корреляционный анализ выявил взаимосвязи между ценностными и смысложизненными ориентациями.

В настоящей статье рассматриваются особенности изменения смысложизненных и ценностных ориентаций курсантов после года обучения в университете.

¹ Мерзлякова С. В. Психологические особенности ценностных ориентаций современных студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Астрахань, 2006. С. 7.

Материалы и методы

Для реализации поставленной задачи использовались тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [4] и методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич) [5].

Статистическая обработка данных (применение t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Пирсона) проводилась с использованием статистического пакета StatSoftStatistica 8 MR-3.

Респондентами стали 42 курсанта 2-го курса Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя в возрасте от 18 до 21 года, из них 8 юношей и 34 девушки.

Результаты

Ранги инструментальных и терминальных ценностей представлены в таблице 1.

Таблица 1

Иерархия ценностных ориентаций испытуемых

Table 1

Hierarchy of value orientations of the human subjects

Терминальные ценности	Ранг
Активная деятельная жизнь	1
Жизненная мудрость	9
Здоровье	4
Интересная работа	7
Красота природы и искусства	15
Любовь	6
Материально обеспеченная жизнь	2
Наличие хороших и верных друзей	10
Общественное признание	16
Познание	12
Продуктивная жизнь	8
Развитие	5
Свобода	17
Счастливая семейная жизнь	3
Счастье других	18
Творчество	13
Уверенность в себе	11
Удовольствия	14
Инструментальные ценности	
Аккуратность	9
Воспитанность	2
Высокие запросы	17
Жизнерадостность	4
Исполнительность	7
Независимость	16
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18
Образованность	1
Ответственность	8
Рационализм	10
Самоконтроль	12
Смелость в отстаивании своего мнения	13
Чуткость	5
Терпимость	11
Широта взглядов	14
Твердая воля	6
Честность	3
Эффективность в делах	15

Обработка результатов теста смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева показала, что курсанты отдают предпочтение следующим терминальным ценностям: 1) «активная деятельная жизнь» (1-я позиция), 2) «материально обеспеченная жизнь» (2-я позиция), 3) «счастливая семейная жизнь» (3-я позиция). Отвергаемыми ценностями являются: 1) «общественное признание» (16-я позиция), 2) «свобода» (17-я позиция), 3) «счастье других» (18-я позиция).

Среди инструментальных ценностей респондентами предпочтение было отдано: 1) «образованность» (1-я позиция), 2) «воспитанность» (2-я позиция), 3) «честность» (3-я позиция). Среди отвергаемых оказались следующие ценности: 1) «независимость» (16-я позиция), 2) «высокие запросы» (17-я позиция), 3) «непримиримость к недостаткам в себе и других» (18-я позиция).

Обработка и анализ смысловых ориентаций курсантов-второкурсников показали, что они достаточно осознанны и определены. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Смысловые ориентации испытуемых

Table 2

Life-meaning orientations of the human subjects

Субшкала	Значение
Показатель осмысленности жизни	113
Цели в жизни	36
Процесс жизни	33
Результативность жизни	28
Локус контроля Я	24
Локус контроля жизни	34

Также было принято решение провести корреляционный анализ (см. таблицу 3) для фиксации связи между смысловыми ориентациями респондентов и их ценностями.

Корреляционный анализ позволил выделить следующие статистически значимые прямые и обратные связи:

1) субшкала «Цели в жизни» коррелирует со шкалами «Жизненная мудрость» (0,75; $p \leq 0,01$), «Интересная работа» (-0,45; $p \leq 0,01$), «Познание» (-0,69; $p \leq 0,01$), «Продуктивная жизнь» (-0,53; $p \leq 0,01$), «Творчество» (-0,39; $p \leq 0,01$), «Аккуратность» (0,41; $p \leq 0,01$), «Высокие запросы» (0,58; $p \leq 0,01$), «Образованность» (-0,67; $p \leq 0,01$), «Чуткость» (0,69; $p \leq 0,01$), «Эффективность в делах» (-0,41; $p \leq 0,01$);

2) субшкала «Процесс жизни» коррелирует со шкалами «Жизненная мудрость» (0,64; $p \leq 0,01$), «Здоровье» (0,41; $p \leq 0,01$), «Общественное признание» (0,45; $p \leq 0,01$), «Познание» (-0,63; $p \leq 0,01$), «Продуктивная жизнь» (-0,43; $p \leq 0,01$), «Уверенность в себе» (-0,39; $p \leq 0,01$), «Высокие запросы» (0,65; $p \leq 0,01$), «Исполнительность» (0,44; $p \leq 0,01$), «Независимость» (-0,44; $p \leq 0,01$), «Непримиримость к недостаткам в себе и других» (0,43; $p \leq 0,01$), «Образованность» (-0,43; $p \leq 0,01$), «Смелость в отстаивании своего мнения» (0,42; $p \leq 0,01$), «Честность» (-0,44; $p \leq 0,01$), «Эффективность в делах» (-0,47; $p \leq 0,01$);

3) субшкала «Результативность в жизни» коррелирует со шкалами «Жизненная мудрость» (0,71; $p \leq 0,01$), «Наличие хороших и верных друзей» (0,40; $p \leq 0,01$), «Познание» (-0,54; $p \leq 0,01$), «Продуктивная жизнь» (-0,64; $p \leq 0,01$), «Аккуратность» (0,47; $p \leq 0,01$), «Высокие запросы» (0,74; $p \leq 0,01$), «Независимость» (-0,39; $p \leq 0,01$), «Образованность» (-0,61; $p \leq 0,01$), «Эффективность в делах» (-0,40; $p \leq 0,01$);

4) субшкала «Локус контроля Я» коррелирует со шкалами «Жизненная мудрость» (0,81; $p \leq 0,01$), «Общественное признание» (0,57; $p \leq 0,01$), (0,75; $p \leq 0,01$), «Познание» (-0,58; $p \leq 0,01$), «Продуктивная жизнь» (-0,44; $p \leq 0,01$), «Уверенность в себе» (-0,52; $p \leq 0,01$), «Высокие запросы» (0,43; $p \leq 0,01$), «Образованность» (-0,60; $p \leq 0,01$);

5) субшкала «Локус контроля жизни» коррелирует со шкалами «Жизненная мудрость» (0,64; $p \leq 0,01$), «Здоровье» (0,48; $p \leq 0,01$), «Любовь» (0,42; $p \leq 0,01$), «Познание» (-0,65; $p \leq 0,01$), «Продуктивная жизнь» (-0,46; $p \leq 0,01$), «Аккуратность» (0,56; $p \leq 0,01$), «Высокие запросы» (0,70; $p \leq 0,01$), «Независимость» (-0,50; $p \leq 0,01$), «Образованность» (-0,47; $p \leq 0,01$), «Эффективность в делах» (-0,53; $p \leq 0,01$).

Таблица 3
Результаты корреляционного анализа ценностей и смысловых ориентаций курсантов

Table 3
Results of correlation analysis of values and life-meaning orientations of cadets

Ценности/ориентации	Цели в жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Л.К. Я	Л.К. жизнь
Терминальные ценности					
Активная деятельная жизнь	0,01	0,11	0,11	-0,01	0,28
Жизненная мудрость	0,75*	0,64*	0,71*	0,81*	0,64*
Здоровье	0,30	0,41*	0,28	0,22	0,48*
Интересная работа	-0,45*	0,05	-0,24	0,03	-0,35
Красота природы и искусства	0,14	-0,07	0,12	0,38	-0,08
Любовь	0,21	0,33	0,33	0,12	0,42*
Материально обеспеченная жизнь	-0,10	-0,31	-0,18	-0,02	-0,34
Наличие хороших и верных друзей	0,35	-0,15	0,40*	0,22	0,13
Общественное признание	0,18	0,45*	0,34	0,57*	0,32
Познание	-0,69*	-0,63*	-0,54*	-0,58*	-0,65*
Продуктивная жизнь	-0,53*	-0,43*	-0,64*	-0,44*	-0,46*
Развитие	-0,20	-0,38	0,05	-0,17	-0,12
Свобода	-0,14	-0,14	-0,25	-0,22	-0,36
Счастливая семейная жизнь	0,31	0,32	0,22	0,16	0,30
Счастье других	0,03	0,21	0,15	0,29	0,17
Творчество	-0,39*	-0,10	-0,29	-0,37	-0,11
Уверенность в себе	-0,09	-0,39*	-0,31	-0,52*	-0,19
Удовольствия	0,08	0,29	0,05	-0,03	0,04
Инструментальные ценности					
Аккуратность	0,41*	0,28	0,47*	0,37	0,56*
Воспитанность	-0,06	-0,34	-0,25	-0,37	-0,12
Высокие запросы	0,58*	0,65*	0,74*	0,43*	0,70*
Жизнерадостность	-0,01	-0,31	-0,02	-0,14	-0,25
Исполнительность	-0,06	0,44*	0,19	-0,21	0,38
Независимость	-0,34	-0,44*	-0,39*	-0,05	-0,50*
Непримиримость к недостаткам в себе и других	-0,20	0,43*	-0,09	0,03	0,02
Образованность	-0,67*	-0,43*	-0,61*	-0,60*	-0,47*
Ответственность	-0,34	0,15	0,08	-0,10	0,02
Рационализм	-0,19	-0,05	0,09	0,17	-0,17
Самоконтроль	-0,24	0,33	-0,19	-0,06	0,08
Смелость в отстаивании своего мнения	0,31	0,42*	0,09	0,32	0,19
Чуткость	0,69*	0,18	0,38	0,38	0,35
Терпимость	0,25	-0,08	-0,09	-0,07	0,08
Широта взглядов	-0,20	-0,10	-0,15	-0,02	-0,16
Твердая воля	-0,03	0,00	-0,33	0,06	-0,28
Честность	0,27	-0,44*	0,15	-0,08	-0,03
Эффективность в делах	-0,41*	-0,47*	-0,40*	-0,21	-0,53*
Примечание – * значимые связи $p \leq 0,01$ (для коэффициента корреляции Пирсона).					

Для оценки различий между двумя зависимыми выборками (т. е. результатами, полученными в группе респондентов в прошлом и настоящем году) и с учетом нормальности распределения данных нами применялся t-критерий Стьюдента². Результаты сравнительного анализа представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа ценностных ориентаций курсантов

Table 4

Results of comparative analysis of value orientations of cadets

Терминальные ценности	t-критерий
Активная деятельная жизнь	1,0
Жизненная мудрость	0,6
Здоровье	1,6
Интересная работа	3,0**
Красота природы и искусства	1,5
Любовь	0,8
Материально обеспеченная жизнь	4,9**
Наличие хороших и верных друзей	1,3
Общественное признание	1,4
Познание	1,2
Продуктивная жизнь	2,8**
Развитие	0,1
Свобода	4,4**
Счастливая семейная жизнь	1,6
Счастье других	1,5
Творчество	1,3
Уверенность в себе	3,6**
Удовольствия	4,4**
Инструментальные ценности	
Аккуратность	0,5
Воспитанность	0,9
Высокие запросы	0,5
Жизнерадостность	0,3
Исполнительность	2,2
Независимость	2,6
Непримиримость к недостаткам в себе и других	0,8
Образованность	0,1
Ответственность	0,5
Рационализм	0,3
Самоконтроль	0,2
Смелость в отстаивании своего мнения	2,7*
Чуткость	1,9
Терпимость	4,0
Широта взглядов	1,1
Твердая воля	1,3
Честность	0,6
Эффективность в делах	3,2**

Примечание – звездочками указаны значимые связи:

* $p \leq 0,05$;

** $p \leq 0,01$ (для t-критерия Стьюдента).

Как видно из представленных данных, были выявлены следующие статистически значимые различия по шкалам методики «Ценностные ориентации»:

1) терминальные ценности: «интересная работа» (3,0; $p \leq 0,01$), «материально обеспеченная жизнь» (4,9; $p \leq 0,01$), «продуктивная жизнь» (2,8; $p \leq 0,01$), «свобода» (4,4; $p \leq 0,01$), «уверенность в себе» (4,4; $p \leq 0,01$), «удовольствия» (3,6; $p \leq 0,01$);

2) инструментальные ценности: «смелость в отстаивании своего мнения» (2,7; $p \leq 0,05$), «терпимость» (4,0; $p \leq 0,01$) и «эффективность в делах» (3,2; $p \leq 0,01$).

² Ермолаев О. Ю. Математическая статистика для психологов: учебник. 7-е изд., стереотип. Москва : Флинта, 2014. 336 с.

Таблица 5
Результаты сравнительного анализа смысловых ориентаций курсантов

Table 5
Results of comparative analysis of life-meaning orientations of cadets

Субшкала	t-критерий
Показатель осмысленности жизни	3,0**
Цели в жизни	3,1**
Процесс жизни	1,4
Результативность жизни	1,0
Локус контроля Я	2,7*
Локус контроля жизнь	1,6

Примечание – звездочками указаны значимые связи:

* $p \leq 0,05$;

** $p \leq 0,01$ (для t-критерия Стьюдента).

Сравнение и анализ данных, полученных по тесту СЖО, показал следующие статистически значимые различия по шкалам: «показатель осмысленности жизни» (3,0; $p \leq 0,01$), «цели в жизни» (3,1; $p \leq 0,01$) и «локус контроля Я» (2,7; $p \leq 0,05$).

Обсуждение

Исследование позволило установить, что наивысшие ранги среди терминальных ценностей получили жизненные ценности, свидетельствующие о потребностях, возникающих в частной жизни курсантов. Респонденты ценят полноту и эмоциональную насыщенность жизни, отсутствие материальных затруднений и счастье с партнером и (или) другими членами семьи. Аналогичные результаты получены среди студентов-гуманитариев [6–8] и студентов-спортсменов [9]. Данные тенденции могут быть связаны с тем, что: 1) юношеский возраст характеризуется динамичностью (освоение новых социальных ролей, включение в новые группы и сообщества), а также с воспитательной работой, осуществляемой педагогами-кураторами и направленной на включение их в культурную сферу; 2) развитием тенденции к безопасности у поколения Z (включая безопасность материальную, ведь «дисморфия денег» проявляется в страхе нехватки денег и желании разбогатеть); 3) изменением тренда в молодежной среде относительно брачно-семейных отношений [10].

Ценности межличностного общения и ценности дела, такие как воспитанность, образованность и честность в ряду инструментальных ценностей получили наивысший ранг. Ведущее место ценности «образование» может быть связано с осознанием курсантами важности и значимости высшего образования в их будущей жизни, в т. ч. профессиональной. Второкурсники глубже погружаются в образовательный процесс, формируется устойчивая мотивация узнавать новое. Подтверждение данной мысли мы находим в исследовании А. Г. Лавровой: «...в процессе обучения в вузе молодых людей интересует получение профессиональных знаний, сам учебный процесс» [11, с. 73] и в исследовании Н. В. Гапанович-Кайдалова, Т. М. Шаршаковой [12]. Высокие ранги ценностей «воспитанность» и «честность» могут быть связаны со значимостью в юношеском возрасте потребности в межличностном общении, а также построении такого общения и взаимодействия на принципах доверия, поскольку общение выступает мощным фактором социализации личности обучающегося и «...способствует целостному взаимодействию человека с миром...» [13, с. 545].

Вместе с тем очевидно, что в структуре ценностных ориентаций второкурсников отражены возрастные особенности, профессиональная сфера отходит на второй план. Мы видим, что интерес к будущей профессиональной деятельности у второкурсников снижается, полагаем, что это может быть связано с осознанием сложности будущей профессиональной деятельности, погружением в специфику работы и службы, в отличие от взгляда респондентов в период их обучения на первом курсе, когда профессия еще романтизирована. Но возрастает трудолюбие и продуктивность в работе, они более качественно готовятся к занятиям, улучшают показатели успеваемости.

Изменяется и отношение к материальным ценностям и пониманию обеспеченности: деньги для респондентов становятся менее значимыми в их развитии и самосовершенствовании.

Вместе с тем, опрошенные стараются максимально полно использовать свои силы, способности и возможности по сравнению с предыдущим годом обучения. По истечении года усиливается потребность в свободе и самостоятельности, уверенности в себе и независимости от противоречий, снижается потребность в отсутствии каких-либо обязанностей, необременительном времяпрепровождении, развлечениях, что может быть объяснимо обучением в достаточно жестких рамках (распорядок дня, суточные наряды, субординация и пр.) и нехваткой свободного времени. Курсанты становятся более смелыми в отстаивании своего мнения, поскольку чувствуют себя более взрослыми, не «новичками», при этом они становятся более терпимыми к взглядам и мнениям сокурсников. Это объяснимо установлением новых дружеских контактов с окружающими, которые являются представителями различных регионов нашей страны со своими обычаями, традициями и мировоззрением.

Смыслоразностные ориентации второкурсников характеризуются достаточно четкими представлениями о собственном будущем, респонденты воспринимают свою жизнь, ее течение и развитие как эмоционально насыщенный, интересный и содержательный процесс, что подтверждается результатами методики М. Рокича. Обследуемые в целом удовлетворены результатами своей самореализации, отмечают осмысленность и продуктивность уже прожитого ими периода и характеризуют себя как личностей сильных, обладающих свободой выбора. Сравнительный анализ смыслоразностных ориентаций второкурсников позволил выявить не только их качественное, но и количественное улучшение.

Большое количество взаимосвязей смыслоразностных и ценностных ориентаций у респондентов отражает их стремление к осмысленному будущему, основанному на внутренней зрелости и требовательности к себе и другим. Одновременно с этим отметим противоречия между стремлением к четким целям и интересом к познавательным видам активности. Восприятие жизни как эмоционально насыщенного процесса сочетается с ориентацией на социальные ценности и дисциплинированностью, но сопровождается меньшей значимостью автономии и познавательной сферы. Ощущение реализованности опирается скорее на межличностную поддержку и внутреннюю зрелость, чем на познавательные и профессиональные ориентиры. Вместе с тем респонденты предпочитают реализовывать жизненный контроль через ценности порядка, стабильности и социальных связей.

Выделенная система связей демонстрирует сложный баланс: с одной стороны, зрелые устремления к осмысленному будущему и социально значимыми ценностями, что можно связать непосредственно с их будущей деятельностью психолога, выступающего в качестве «лекаря человеческих душ», с другой стороны – ограниченность интереса к познанию и самовыражению может быть связана со специфическими особенностями образовательной организации, а именно дополнительными обязанностями (несение службы в суточных и хозяйственных нарядах), субординацией, необходимостью строгого соблюдения приказов и распоряжений руководителей.

3 заключение

Подводя итог, стоит отметить, что исследование смыслоразностных и ценностных ориентаций курсантов образовательных организаций системы МВД России, безусловно, остается актуальным, поскольку их гармоничная структура способствует раскрытию индивидуальности человека, что, в свою очередь, обуславливает успешность в профессиональной сфере.

Вместе с тем проведенное исследование позволило установить, что трансформация смыслоразностных ориентаций и ценностей второкурсников закономерна, обоснована и «...является важным индикатором не только образовательного, но и воспитательного воздействия» [14, с. 59], ведь геополитическая обстановка, уровень развития культуры и техники, а также «воспитательно-образовательная деятельность вуза, содержание обучения оказывают влияние и накладывают отпечаток на мотивационно-ценностную структуру личности студента» [15, с. 20–21]. Оценка динамики ориентаций позволяет проводить своевременную коррекционную работу при отклонении и способствует выбору наиболее адекватных оптимальных жизненных смыслов, что обуславливает успешность в деятельности и максимальное раскрытие имеющегося у него потенциала.

Список источников

1. Степанов С. А. Трансформация ценностных ориентаций студентов как объект социологического исследования // Телескоп. 2021. № 3. С. 21–24. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_3_21
2. Гусейнов Р. Д., Гусейнова И. С., Пирмагомедова Э. А. Психологические особенности современного студенчества // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–3. С. 250–254.

3. Сиворонова М. С., Хусаинов М. И., Чайникова Р. В. Взаимосвязь смысловых и ценностных ориентаций курсантов-первокурсников Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 89–95. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-89-95>
4. Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). 2-е изд. Москва : Смысл, 2000. 18 с.
5. Rokeach M. The nature of human values. New York : Free Press, 1973. 438 p.
6. Васильева Т. В., Касаткина Н. Э. Ценностные ориентации студентов российских вузов // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 133–139.
7. Жираткова Ж. В., Петрова Т. Э., Янин С. И. Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 126–136. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-4-126-136>
8. Соломина А. А. Ценностные ориентации студентов экономического факультета и факультета гуманитарно-социальных наук // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. № 5. С. 70–75.
9. Журавлева Н. А. Ценностные ориентации студентов-спортсменов, влияющие на процесс повышения уровня их самоактуализации // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 195–199.
10. Филимонова Е. В., Костиникова Ю. Н. Семья и брак в системе ценностных ориентаций современной молодежи // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 1. С. 200–202. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2019-10052>
11. Лаврова А. Г. Комплекс ценностных ориентаций современной молодежи в сфере образования на примере студентов ЮУрГУ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16, № 4. С. 69–74. <https://doi.org/10.14529/ssh160410>
12. Гапанович-Кайдалов Н. В., Шаршакова Т. М. Особенности профессиональных ценностных ориентаций студентов медицинского университета // Проблемы здоровья и экологии. 2023. № 4. С. 138–143. <https://doi.org/10.51523/2708-6011.2023-20-4-17>
13. Пухарева Т. С. Взаимосвязь ценностных установок и доверия к себе у студенческой молодежи // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. № 3 (22). С. 541–552. <https://doi.org/10.23888/humJ20183541-552>
14. Касьяненко-Божок Р. В., Сальков А. В. Трансформация ценностей студентов в контексте высшего образования // Северный регион: наука, образование, культура. 2025. Т. 26, № 2. С. 52–59. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-2-4>
15. Иванова Т. Д., Явловская П. Е., Михайлова В. В. Изменение ценностных ориентаций студентов в процессе обучения в вузе (на примере направления «Организация работы с молодежью») // Академический вестник Якутской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 10 (15). С. 17–21.

References

1. Stepanov S. A. Transformaciya cennostnyh orientacij studentov kak ob'ekt sociologicheskogo issledovaniya // Teleskop. 2021. № 3. S. 21–24. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_3_21
2. Gusejnov R. D., Gusejnova I. S., Pirmagomedova E. A. Psihologicheskie osobennosti sovremennogo studenchestva // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 67–3. S. 250–254.
3. Sivoronova M. S., Husainov M. I., CHajnikova R. V. Vzaimosvyaz' smyslozhiznennyh i cennostnyh orientacij kursantov-pervokursnikov Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotyа // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2024. № 4. S. 89–95. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-89-95>
4. Leont'ev D. A. Test smyslozhiznennyh orientacij (SZhO). 2-e izd. Moskva : Smysl, 2000. 18 s.
5. Rokeach M. The nature of human values. New York : Free Press, 1973. 438 p.
6. Vasil'eva T. V., Kasatkina N. E. Cennostnye orientacii studentov rossijskih vuzov // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. 2014. № 38. S. 133–139.
7. Zhiratkova Zh. V., Petrova T. E., Yanin S. I. Cennostnye orientacii studentov: sravnitel'nyj analiz // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvedenie». 2024. № 4. S. 126–136. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2024-4-126-136>
8. Solomina A. A. Cennostnye orientacii studentov ekonomicheskogo fakul'teta i fakul'teta gumanitarno-social'nyh nauk // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2021. № 5. S. 70–75.
9. Zhuravleva N. A. Cennostnye orientacii studentov-sportsmenov, vliyayushchie na process povysheniya urovnya ih samoaktualizacii // Vestnik VSGUTU. 2013. № 6 (45). S. 195–199.
10. Filimonova E. V., Kostineikova Yu. N. Sem'ya i brak v sisteme cennostnyh orientacij sovremennoj molodezhi // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2019. № 1. S. 200–202. <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2019-10052>
11. Lavrova A. G. Kompleks cennostnyh orientacij sovremennoj molodezhi v sfere obrazovaniya na primere studentov YuUrGU // Vestnik YuUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki». 2016. T. 16, № 4. S. 69–74. <https://doi.org/10.14529/ssh160410>
12. Gapanovich-Kajdalov N. V., SHarshakova T. M. Osobennosti professional'nyh cennostnyh orientacij studentov medicinskogo universiteta // Problemy zdorov'ya i ekologii. 2023. № 4. S. 138–143. <https://doi.org/10.51523/2708-6011.2023-20-4-17>
13. Puhareva T. S. Vzaimosvyaz' cennostnyh ustanovok i doveriya k sebe u studencheskoj molodezhi // Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie. 2018. № 3 (22). S. 541–552. <https://doi.org/10.23888/humJ20183541-552>
14. Kas'yanenko-Bozhok R. V., Sal'kov A. V. Transformaciya cennostej studentov v kontekste vysshego obrazovaniya // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2025. T. 26, № 2. S. 52–59. <https://doi.org/10.35266/2949-3463-2025-2-4>
15. Ivanova T. D., Yavlovskaya P. E., Mihajlova V. V. Izmenenie cennostnyh orientacij studentov v processe obucheniya v vuze (na primere napravleniya «Organizaciya raboty s molodezh'yu») // Akademicheskij vestnik Yakutskoj gosudarstvennoj sel'skhoz'yaistvennoj akademii. 2020. № 10 (15). S. 17–21.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

FORENSIC PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Научная статья
УДК 159.9

Взаимосвязь мотивационной готовности к прохождению службы с убеждениями, представлениями и ценностями сотрудников органов внутренних дел

Андрей Эрикович Власов

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
VAEspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5589-3120>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования определяется проблемой сохранения мотивации к дальнейшему прохождению службы. Практическая значимость заключается в выявлении и профилактике негативных личностных факторов, демотивирующих сотрудников органов внутренних дел.

Цель исследования: изучение взаимосвязи мотивационной готовности к прохождению службы и индивидуально-психологических особенностей сотрудников территориальных подразделений МВД России.

Методы исследования: психодиагностические методики, предназначенные для диагностики мотивационной сферы личности, а также авторская анкета оценки условий служебной деятельности сотрудника органа внутренних дел. Применялись методы описательной статистики, статистический критерий Шапиро – Уилка, тест Левена, коэффициент корреляции Спирмена, непараметрический U-критерий Манна – Уитни, непараметрический H-критерий Краскела – Уоллиса.

Результаты. Рассмотрена возможность применения теоретической модели триады мотивов («служение», «законность», «исполнение») и ее роль в оценке субъективного отношения сотрудников органов внутренних дел к дальнейшему прохождению службы. Выявлены значимые статистические различия между мотивами сотрудников, желающих служить, и сотрудников, готовых уволиться. Описана взаимосвязь мотивов «служение», «законность» и «исполнение» с индивидуальными ценностями, базисными убеждениями, профессиональным самоотношением, правосознанием. Делается вывод о возможности применения описанного в исследовании подхода для совершенствования работы с личным составом органов внутренних дел.

Ключевые слова:

мотивационная готовность, увольняемость, ценности, базисные убеждения, профессиональное самоотношение

Для цитирования:

Власов А. Э. Взаимосвязь мотивационной готовности к прохождению службы с убеждениями, представлениями и ценностями сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 272–284.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026;
одобрена после рецензирования 06.03.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The relationship between motivational readiness to serve and the beliefs, perceptions and values of law enforcement officers

Andrey E. Vlasov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
VAEspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5589-3120>

Abstract:

Introduction. The significance of this study is derived from the challenge of sustaining motivation to maintain police service. The practical significance of the study lies in its ability to identify and prevent negative personal factors that demotivate law enforcement officers.

The objective of the study is to examine the relationship between motivational readiness for serving and the individual psychological characteristics of staff within the territorial units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Methods of the study are psychodiagnostic methods, aiming for assessment of the motivational aspects of the individual and the author's questionnaire for evaluating the working conditions of law enforcement officers. Descriptive statistics, the Shapiro-Wilk statistical test, Levene's test, Spearman's correlation coefficient, the Mann-Whitney non-parametric test, and the Kruskal-Wallis non-parametric H test were employed.

Results. The present study examined the applicability of the theoretical model of three motivations ("service", "legality", "fulfilment") and its role in assessing the subjective attitudes of law enforcement officers towards continuing their service. A significant statistical discrepancy has been emerged between the motivations of officers wishing to remain in service and those who are ready to resign. This research explores the relationship between the motivations of "service", "legality" and "fulfilment" and individual values, basic beliefs, professional self-definition and sense of justice. It is concluded that the approach delineated in the study may be applicable in enhancing the efficacy of work undertaken by personnel of internal affairs bodies.

Keywords:

motivational readiness, resignation, values, basic beliefs, professional self-definition

For citation:

Vlasov A. E. The relationship between motivational readiness to serve and the beliefs, perceptions and values of law enforcement officers // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 272–284.

The article was submitted January 27, 2026;
approved after reviewing March 6, 2026;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена проблемой сохранения мотивационной готовности сотрудников органов внутренних дел к дальнейшему прохождению службы в современных условиях.

Проблема заключается в недостатке научных знаний о нематериальных факторах мотивации к продолжению сотрудниками их служебной деятельности. Игнорирование данного вида мотивации при организации работы с личным составом отражается в увольняемости, неукомплектованности подразделений и сменяемости личного состава без сохранения кадрового ядра – резерва для замещения вышестоящих должностей.

Высокие темпы текучести кадров в краткосрочной перспективе приводят к временным и материальным затратам, во-первых, вызванным необходимостью распределять функции и задачи уволившегося сотрудника; во-вторых, с утомлением, снижением качества и результативности деятельности у сотрудников, замещающих уволенного; в-третьих, в необходимости проведения мероприятий по отбору кандидатов на замещение вакантной должности, осуществлению первоначальной профессиональной подготовки, индивидуального обучения.

В долгосрочной перспективе текучесть кадров снижает подготовленность личного состава и затрудняет эффективное замещение руководящих должностей. Предупреждение и профилактика данного явления базируются на понимании психологии мотивационной готовности к прохождению службы, что позволит противодействовать демотивации и поддерживать достаточный уровень удовлетворенности сотрудников. Учитывая, что мотивационная сфера включает убеждения, представления и ценности, связанные со всей деятельностью сотрудника, значимым является эмпирическое изучение связей между ними и мотивационной готовностью к прохождению службы.

Целью статьи является изучение взаимосвязи мотивационной готовности к прохождению службы и убеждений, представлений и ценностей сотрудников органов внутренних дел.

Гипотезой исследования выступили следующие предположения.

1. Мотивационная готовность сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы включает мотивы, имеющие дихотомический характер и позволяющие различать сотрудников, планирующих продолжить профессиональную деятельность, и сотрудников, готовых уволиться со службы.

2. Психологические особенности убеждений, представлений и ценностей сотрудников органов внутренних дел взаимосвязаны с мотивационной готовностью к прохождению службы и позволяют прогнозировать увольняемость, разрабатывать инструменты по ее профилактике, а также выявлять сотрудников, склонных к нарушениям дисциплины и законности.

Для разработки научных представлений о мотивационной готовности к прохождению службы проведен анализ теоретических представлений о психологических особенностях увольнений и сохранении персонала.

Структура статьи соответствует поставленным задачам. Рассматриваются теории удовлетворенности трудом и концепции текучести кадров. Описывается идея, процедура сбора данных и результаты исследования структуры мотивационных факторов, определяющих отношение сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы. На основании интерпретации результатов приводятся выводы и предлагаются практические рекомендации. В завершение обсуждаются перспективы дальнейших теоретических и эмпирических исследований.

Теоретические предпосылки исследования

Современные исследования трудовой мотивации предлагают разделение имеющихся теорий на три типа в зависимости от их акцента:

- на мотивах профессиональной деятельности, чертах характера и мотивационных ориентирах;

- на особенностях работы и трудовой роли, влияния окружения;

- на механизмах и процессах выбора и целеполагания.

Взаимосвязь мотивации и потребностей человека представлена в концепциях Г. Мюррея (неудовлетворенные потребности создают напряжение и побуждают к деятельности) [1], А. Маслоу (потребности имеют свою строгую иерархию и делятся на низшие и высшие) [2], К. Альдерфера (значимость потребностей индивидуальна и не имеет неизменной структуры) [3]. Влияние характеристик трудового процесса на положительную динамику мотивации изложено в теории Г. Р. Олдхэма и Дж. Хакмэна [4]. Трудовая мотивация как результат субъективной оценки личностью условий среды и затраченных в процессе работы усилий отражена в теории ожиданий В. Врума [5]. Теория справедливости Дж. С. Адамса раскрывает нам проблему сравнения работников друг с другом, субъективную оценку индивидуального вклада в трудовой процесс и получаемого вознаграждения [6].

Мотивация профессиональной деятельности и закрепление мотивов, связанных с трудовой деятельностью, рассматриваются Е. П. Ильиным¹. Взаимосвязь трудового стажа и мотивационных факторов отражена в работе В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова². Различия трудовых мотивов у мужчин и женщин описаны Н. Ф. Наумовой и М. А. Слюсарянским [7]. Качественный и количественный обзор взаимосвязи между удовлетворенностью работой и ее производительностью представлен в работах зарубежных авторов [8].

Психологические аспекты завершения профессиональной деятельности также выступают объектом научных исследований и могут быть представлены через два аспекта, определяющих мотивацию к смене работы: желаемый статус занятости (хотят ли сотрудники остаться или уволиться) и осознаваемый волевой контроль (принятие решения об увольнении) [9].

Особенности служебной деятельности и мотивации к ее осуществлению сотрудниками органов внутренних дел изучались Е. Н. Арбузовой³, В. Л. Васильевым⁴, В. В. Вахниной [10], И. В. Гайдамашко [11], В. Л. Ситниковым [12], Ю. Ю. Стрельниковой [13], О. А. Ульяниной [14], А. Ю. Федотовым [11], В. Л. Цветковым [15], Ю. А. Шарановым [16].

¹ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы : учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2017. 512 с.

² Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие. Москва : Аспект Пресс, 2003. 485 с.

³ Арбузова Е. Н. Психодиагностика мотивации у сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013. 84 с.

⁴ Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. Санкт-Петербург : Питер, 2012. 604 с.

Обобщение научных представлений о мотивации к трудовой деятельности демонстрирует три стороны данного явления: содержательную (мотивы; личностные особенности); контекстную (особенности профессиональной деятельности, трудовой роли); процессуальную (выборы и стремления в контексте социальной ситуации). Мотивационная готовность личности может проявляться, по мнению В. В. Вахниной, в мотивационном санкционировании конкретного направления профессионализации, формировании уровня притязаний и самооценки, зависящей от качественных характеристик самореализации индивида в профессиональной деятельности, а также иметь два диалектически взаимосвязанных момента: влечение (побуждения, возникающие на основе интереса к профессии, к процессу деятельности и ее результату) и долженствование (побуждения, развивающиеся на основе объективно заданной необходимости в виде обязанности, долга, приказа) [10].

Целесообразным представляется выделить два полюса мотивационной готовности: субъективный (потребности самого сотрудника) и институциональный (особенности органов внутренних дел как социального института). Субъективная мотивационная готовность к прохождению службы может быть представлена как в виде эгоцентрично-прагматичного отношения сотрудника, ориентированного в первую очередь на удовлетворение своих потребностей, так и альтруистического отношения, ориентированного на соответствие ценностям и интересам службы.

Изучая мотивационную готовность к прохождению службы в органах внутренних дел с учетом субъективных и институциональных мотивов служебной деятельности, можно выделить мотивационные факторы, способствующие дальнейшему прохождению службы. Например, представление о службе как о долге и общественно полезной деятельности, готовности соблюдать все ее ограничения, запреты и правовые нормы, а также убежденность сотрудника в преобладании служебных интересов над личными. Описанные представления могут быть изложены в триаде мотивов осуществления службы: «служение», «законность», «исполнение». Каждый из указанных мотивов будет являться биполярным в зависимости от соотношения в нем качественных показателей субъективных и институциональных факторов. Таким образом, будут образованы следующие мотивы-антагонисты: «служение – наем»; «законность – противоправность»; «исполнение – уклонение».

Теоретическое описание данного конструкта является первым шагом к расширению представлений о мотивационной готовности сотрудников органов внутренних дел к прохождению службы. Представляется перспективным проведение эмпирических исследований в целях верификации описанных мотивов и поиска их взаимосвязи с реальными показателями отношения сотрудников к своей профессиональной деятельности и их индивидуально-психологическими особенностями.

Организация и методы исследования

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи мотивационной готовности к прохождению службы и индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел.

Гипотезой исследования выступили следующие предположения.

1. Мотивационная готовность к прохождению службы включает противоположные мотивы, позволяющие выделить две группы сотрудников: ориентированных на увольнение и на дальнейшее продолжение профессиональной деятельности.

2. Диагностика мотивационной готовности к прохождению службы и ее взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями сотрудников позволяет оценивать морально-психологическое состояние личного состава, прогнозировать риск нарушения ими служебной дисциплины и законности, субъективную готовность к продолжению службы.

Методами сбора данных выступали следующие психодиагностические методики: опросник мотивации к службе в органах внутренних дел («МТВ», А. Э. Власов, К. В. Злоказов); анкета оценки условий служебной деятельности сотрудника органа внутренних дел (А. Э. Власов, К. В. Злоказов); «портретный ценностный опросник Шварца» в адаптации В. Н. Карандашева; шкала базисных убеждений личности (адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой); опросник профессионального самоотношения (ОПС) К. В. Карпинского и А. М. Колышко; тест правового и гражданского сознания (Л. А. Ясюкова).

Обработка данных осуществлялась при помощи аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультипсихометр». Анализ данных осуществлялся при помощи программного пакета статистического анализа «SPSS». Использовались методы описательной

статистики, статистический критерий Шапиро – Уилка, тест Левена, коэффициент корреляции Спирмена, непараметрический U-критерий Манна – Уитни, непараметрический H-критерий Краскела – Уоллиса. Исследование проводилось в три этапа.

Выборка исследования состояла из следующих этапов.

– Первый и второй этапы исследования: 802 сотрудника территориальных подразделений органов внутренних дел (65 % мужчин и 35 % женщин). Возраст обследуемых варьировался от 19 до 60 лет (средний возраст – 33 года).

– Третий этап исследования: 74 сотрудника территориальных подразделений органов внутренних дел (73 % мужчин и 27 % женщин). Возраст обследуемых варьировался от 21 до 49 лет (средний возраст – 31 год).

Результаты

Первый этап исследования был посвящен изучению мотивационной готовности сотрудников с различным отношением к служебной деятельности и ее продолжению. Для достижения цели исследования и эмпирической проверки гипотезы применялись опросник мотивации к службе в органах внутренних дел и анкета оценки условий служебной деятельности сотрудника органа внутренних дел.

Опросник применялся для изучения выраженности мотивов «служение», «законность», «исполнение», а анкета использовалась для определения показателя «готовность к прохождению службы» (в значении ее продолжения либо увольнения). Сопоставление данных результатов с показателями психодиагностических методик, изучавших убеждения, представления и ценности сотрудников органов внутренних дел, позволило продемонстрировать субъективные предпосылки к увольнению или к дальнейшему прохождению службы.

Таблица 1
Показатели мотивов в зависимости от готовности к дальнейшему прохождению службы
(n = 802)

Table 1
Indicators of motivation depending on readiness to continue service (n = 802)

Мотив	Отношение к службе	Количество лиц	M	Me	SD	MSE
Служение	Служить	79 %	15,23	15,00	4,73	0,18
	Уволиться	21 %	16,55	17,00	3,91	0,31
Законность	Служить	79 %	10,48	10,00	4,50	0,17
	Уволиться	21 %	10,78	10,00	4,47	0,34
Исполнение	Служить	79 %	18,09	19,00	4,12	0,16
	Уволиться	21 %	16,62	17,00	3,66	0,28
Примечание – M – среднее значение, Me – медиана, SD – стандартное отклонение, MSE – средняя квадратическая ошибка измерений.						

Анализируя результаты, представленные в таблице 1, можно видеть, что мотивы «служение» и «исполнение» различаются в группах сотрудников, готовых к продолжению службы и к увольнению. Это подтверждает гипотезу об их вариации в зависимости от представлений относительно готовности к продолжению служебной деятельности.

С учетом выявленных особенностей была проведена оценка статистической значимости различий в сопоставляемых группах сотрудников. Выбор статистического критерия проводился с учетом проверки данных на соответствие нормальному закону распределения (критерий Шапиро – Уилка) и гомогенности дисперсий (тест Левена).

Расчет критерия Шапиро – Уилка для показателей опросника («служение» – $W = 0,873$, $p < 0,001$; «законность» – $W = 0,974$, $p < 0,001$; «исполнение» – $W = 0,903$, $p < 0,001$) позволяет сделать вывод о несоответствии выборки закону нормального распределения. Полученный результат показывает, что дальнейшая обработка данных должна проходить с использованием непараметрических статистических критериев.

Для проверки гомогенности дисперсий был выбран тест Левена, позволяющий оценить равенство разброса данных в двух выборках. Значение критериев ($p = 0,964 \div 0,840$) позволяет сделать вывод о равенстве дисперсий, что дает возможность дальнейшего обоснованного выбора инструментов математической обработки.

С целью определения взаимосвязи мотивов и проверки их внутренней согласованности был использован γ -критерий Спирмена. Установлено, что мотив «служение» положительно и взаимно коррелирует с мотивом «законность» ($R = 0,317$, $p < 0,001$) и мотивом «исполнение» ($R = 0,148$, $p < 0,001$), тогда как мотив «исполнение» отрицательно коррелирует с мотивом «законность» ($R = -0,18$, $p < 0,05$). Мотивы статистически значимо связаны между собой, что подтверждает однородность конструкта мотивационной готовности к прохождению службы.

Для проверки различий между группами сотрудников, готовых к продолжению служебной деятельности, и сотрудников, заявляющих о готовности к увольнению, использовался непараметрический статистический критерий U-критерий Манна – Уитни. Оценка статистического эффекта (мощности различий) осуществлялась посредством рангово-бисериального критерия корреляции и представлена в таблице 2.

Таблица 2

Результаты оценки различий мотивов сотрудников, готовых к продолжению служебной деятельности или к увольнению ($n = 802$, U-критерий Манна–Уитни)

Table 2

Results of an assessment of the differences in the motivations of employees who are ready to continue their service or to resign ($n = 802$, the Mann-Whitney U test)

Мотив	U-критерий Манна – Уитни	p	Effect Size
Служение	45 045	< 0,001	0,18
Законность	52 895	0,373	0,04
Исполнение	36 165	< 0,001	0,34

Полученные результаты демонстрируют различия в мотивах между двумя группами сотрудников. Мотив «служение» ($p < 0,001$, eff. size = 0,184) и «исполнение» ($p < 0,001$, eff. size = 0,34) позволяют различать обследуемых по их отношению к дальнейшему прохождению службы, а также показывают, что различия, полученные в выборках, с высокой долей вероятности будут встречаться и в генеральной совокупности сотрудников [17].

Таким образом, отношение к служебной деятельности как к работе по найму, включая ориентацию на уровень заработной платы и личные интересы, вступает в противоречие с понятием служебного долга и ответственности перед обществом, что делает мотив «служение» одним из факторов, позволяющих прогнозировать устойчивость мотивации сотрудников к дальнейшему прохождению службы. Этот вывод будет также справедлив и в отношении мотива «исполнение», отражая влияние устойчивого интереса к профессии и полицейской специфике на профилактику увольняемости.

На основе полученных корреляционных связей и различий между сотрудниками с разной готовностью к прохождению службы была выполнена оценка субъективного риска вероятности увольнения на основе измеренных показателей мотивации.

Поскольку условия увольнения у сотрудников различаются в зависимости от стажа службы и пола, данные показатели также были включены в анализ. Осуществлялся расчет множественной логистической регрессии, поскольку зависимая переменная принимала два значения – продолжать службу (1) или уволиться (0). В целях выполнения требований к логистической регрессии данные независимых переменных были приведены к нормальному виду (исключены выбросы).

В результате было получено уравнение:

$$\text{Logit (Увольнение)} = \beta_0 + \beta_1 \times \text{Служение} + \beta_2 \times \text{Законность} + \beta_3 \times \text{Исполнение} + \beta_4 \times \text{Стаж службы} + \beta_5 \times \text{Пол} + \beta_6 \times \text{Образование} + \beta_7 \times (\text{Служение} \times \text{Стаж}) + \beta_8 \times (\text{Законность} \times \text{Пол}) + \beta_9 \times (\text{Исполнение} \times \text{Образование}), \quad (1)$$

Примечания: 1. Допущения анализа: мультиколлинеарность (Variance Inflation Factor) <2; гомоскедастичность (критерий Бреуш – Паган $\chi^2 = 4,32$, $p = 0,115$); автокорреляция (Дурбин – Уотсон DW = 1,92);

нормальность распределения остатков (Шапиро – Уилка $W = 0,974$, $p = 0,051$); специфичность модели (Рамсея = $F = 1,87$, $p = 0,155$).

2. Параметры модели – Pseudo R^2 (Nagelkerke) = 0,52, верность прогноза = 86 %, $\chi^2 = 120,5$, $p < 0,001$, $F = 28,9$ ($p < 0,001$).

Расчет вероятности готовности к увольнению сотрудника с учетом переменных мотивации, пола, стажа и образования принимает вид:

$$P(\text{Увольнение}) = \frac{1}{(1 + e^{-z})}, \quad (2)$$

где: $z = 1,85 - 0,18 \times \text{Служение} - 0,15 \times \text{Законность} - 0,10 \times \text{Исполнение} + 0,02 \times \text{Возраст} - 0,30 \times \text{Пол} - 0,25 \times \text{Образование} + 0,005 \times (\text{Служение} \times \text{Стаж}) + 0,08 \times (\text{Законность} \times \text{Пол}) + 0,02 \times (\text{Исполнение} \times \text{Образование})$.

Результатом вычисления вероятности является показатель в процентах, указывающий на риск увольнения по субъективным причинам. Оценка коэффициентов показывает, что наибольший вклад в готовность продолжить службу вносят:

а) мотив «служение» $\text{Exp}(\beta) = 0,835$, при увеличении которого на 1 балл шансы увольнения снижаются на 16,5 %;

б) сочетание переменных («Законность» $\times$ Пол), что отражает влияние мотива «законность» на снижение риска увольнения у женщин ($\beta = -0,15$);

в) влияние переменной «Стаж», с увеличением которой вероятность увольнения растет – $\text{Exp}(\beta) = 1,02$, но и мотив служения с возрастом становится сильнее («Служение» $\times$ Стаж) – $\text{Exp}(\beta) = 1,001$;

г) переменной «Образование», с увеличением которой риск увольнения снижается.

Также установлено, что у сотрудников со стажем службы менее 10 лет и возрастом до 30 лет наиболее значимым является мотив «исполнение» ($\beta = -0,12$), со стажем от 10 до 20 лет и возрастом 30–45 лет – мотив «служение» ($\beta = -0,18$), со стажем более 25 лет и возрастом более 45 лет – мотив «служение» ($\beta = -0,22$).

В целом результаты свидетельствуют о статистически значимом влиянии всех предикторов ($p < 0,001$) и подтверждают гипотезу о роли мотивации в объяснении риска увольнения сотрудников. Модель демонстрирует удовлетворительную точность предсказания (86 %) и объяснительную силу (Pseudo $R^2 = 0,52$), что указывает на прогностическую валидность конструктора.

Помимо показателя, оценивающего перспективу дальнейшего прохождения службы (готов к продолжению службы /готов к увольнению), сотрудникам предлагалось описать сценарий продолжения своей служебной деятельности, например: смена должности, перевод в другое структурное подразделение или службу, переезд в другой город.

Изучались различия в мотивационной готовности к прохождению службы у сотрудников, выбравших разные сценарии ее продолжения и разделенных по этому критерию на группы. Различия устанавливались посредством Н-критерия Краскела – Уоллиса. Его выбор обусловлен несоответствием закону нормального распределения. Оценка статистического эффекта (мощности) осуществлялась расчетом коэффициента ϵ^2 , показывающего статистическую значимость различий на генеральной совокупности (статистическую мощность выявленного эффекта) [18].

Таблица 3

Различия в мотивах к дальнейшему прохождению службы у сотрудников с различными представлениями о ее продолжении ($n = 802$, Н-критерий Краскела – Уоллиса)

Table 3

Differences in motivations for continuing service among personnel with different views on their future career ($n = 802$, the Kruskal-Wallis H test)

Мотив	χ^2	df	p	ϵ^2 (Effect Size)
Служение	14,72	7	0,040	0,018
Законность	6,49	7	0,484	0,008
Исполнение	46,58	7	< 0,001	0,058

Полученные результаты демонстрируют наличие значимых различий между группами по мотивам «служение» ($p < 0,05$, eff. size = 0,018) и «исполнение» ($p < 0,001$, eff. size = 0,058), по мотиву «законность» значимых различий не выявлено ($p > 0,05$, eff. size = 0,008).

Сотрудники, желающие продолжить службу, и сотрудники, готовые уволиться, будут иметь значимые различия, выражающиеся в противоположных оценках служебной деятельности. Наибольшая значимость отмечается по мотиву «исполнение», что подтверждает важность субъективных представлений сотрудника о профессии как о неотъемлемой части собственной жизни.

В целом проверка первой гипотезы показала, что у сотрудников, в зависимости от мотивационной готовности к продолжению служебной деятельности, существуют значимые различия по мотивам «служение» и «исполнение». Психологические особенности различий указывают на преобладание эгоцентрического отношения к прохождению службы у сотрудников, готовых к увольнению. Результаты свидетельствуют об эмпирическом подтверждении способности конструкта мотивации к прохождению службы, измеряющего мотивы «служение», «законность» и «исполнение», к выявлению психологических изменений в отношении к служебной деятельности.

Второй этап исследования

В целях изучения взаимосвязи мотивации, а также устойчивых представлений сотрудников о себе и окружающем мире, ценностных ориентаций, мотивов в профессиональной сфере, использовались: «Портретный ценностный опросник Шварца» в адаптации В. Н. Карандашева; шкала базисных убеждений личности (адаптация М. А. Падун, А. В. Котельниковой); опросник профессионального самоотношения (ОПС) К. В. Карпинского и А. М. Колышко.

Таблица 4

Связь мотивов к дальнейшему прохождению службы
и индивидуальных ценностей сотрудников
(n = 802, коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Table 4

Relationship between employees' motivations for continuing their service
and their personal values (n = 802, Spearman's rank correlation coefficient)

Ценность (мотив)	Служение	Законность	Исполнение
Конформность	-0,024, p > 0,1	-0,104, p < 0,01	0,154, p < 0,001
Традиции	0,053, p > 0,1	0,121, p < 0,001	0,060, p > 0,1
Доброта	-0,013, p > 0,1	-0,003, p > 0,1	0,132, p < 0,001
Универсализм	-0,016, p > 0,1	-0,016, p > 0,1	0,124, p < 0,001
Самостоятельность	0,073, p < 0,05	-0,012, p > 0,1	0,095, p < 0,01
Стимуляция	0,064, p > 0,1	0,074, p < 0,05	0,093, p < 0,01
Гедонизм	0,074, p < 0,05	0,035, p > 0,1	0,090, p < 0,05
Достижения	0,043, p > 0,1	0,034, p > 0,1	0,106, p < 0,01
Власть	0,089, p < 0,05	0,119, p < 0,001	-0,038, p > 0,1
Безопасность	-0,061, p > 0,1	-0,074, p < 0,05	0,114, p < 0,01

Наибольшее количество связей, демонстрируют мотивы «исполнение» и «законность», что подтверждает их роль в мотивационной сфере личности сотрудников. В меньшей степени выявлена взаимосвязь индивидуальных ценностей и мотива «служение».

Для сотрудников с развитой идентификацией себя с полицейской службой (мотив «исполнение») и придерживающихся требований законодательства в работе (мотив «законность») характерна связь с такими ценностями, как «конформность» (сдерживание действий, нарушающих нормы); «стимуляция» (потребность в новизне и риске); «безопасность» (потребность в стабильности и защищенности).

Мотив «законность» показал положительную взаимосвязь с ценностями «традиция» (следование неформальным правилам служебного коллектива), «власть» (ориентация на статус,

снисходительное отношение к регламенту). Выраженность указанных ценностей может указывать на эгоцентрическую направленность мотивации к прохождению службы, при которой личные интересы оцениваются выше требований должностного регламента.

Мотив «исполнение» также положительно взаимосвязан с ценностями «доброта» и «универсализм» (стремление помочь другим людям, потребность в социальной справедливости), «самостоятельность» (потребность в независимости и автономии), «достижения» (ориентация на профессиональный рост).

Мотив служения демонстрирует положительную взаимосвязь с ценностями «самостоятельность» (потребность в независимости), «гедонизм» (потребность в получении удовольствия от жизни), «власть» (стремление к социальному статусу и престижу). Таким образом, отношение сотрудников к службе как к обычной работе по контракту будет связано со стремлением к личному благополучию и автономии.

Мотивы служения, законности и исполнения показали взаимосвязь с индивидуальными ценностями, что вносит свой вклад в объяснение психологии мотивации к прохождению службы. Большинство ценностей представляют собой положительные характеристики, раскрывающие альтруистическую составляющую служения. Ценности «традиции» и «власть», напротив, отражают полюс эгоцентрической мотивации.

Полученные результаты дают представление о характеристиках ценностно-мотивационной сферы сотрудников. Практическая значимость данной области неоднократно подчеркивалась отечественными учеными как фактор предупреждения и профилактики деструктивного информационного воздействия [19], в т. ч. подмены фундаментальных ценностных координат, на которых основывается мотивация к службе в органах внутренних дел [20].

Таблица 5

Связь мотивов к дальнейшему прохождению службы
и показателей базовых убеждений личности
(n = 802, коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Table 5

Relationship between motivations for continuing service and indicators
of basic beliefs of personality (n = 802, Spearman's rank correlation coefficient)

Мотив	ДМ	Спр	СО	У	ЛК	ПМВ
Служение	-0,046, p > 0,1	-0,041, p > 0,1	-0,097, p < 0,01	-0,026, p > 0,1	-0,023, p > 0,1	-0,056, p > 0,1
Законность	-0,162, p < 0,001	-0,143, p < 0,001	-0,232, p < 0,001	-0,183, p < 0,001	-0,206, p < 0,001	-0,221, p < 0,001
Исполнение	0,029, p > 0,1	0,105, p < 0,01	0,148, p < 0,001	0,159, p < 0,001	0,213, p < 0,001	0,141, p < 0,001

Полученные результаты демонстрируют взаимосвязь базовых убеждений личности и мотивационной готовности к дальнейшему прохождению службы. Рассмотрим подробно выведенные связи.

Шкала «доброжелательность мира» (ДМ) продемонстрировала взаимосвязь с мотивом «законность». Готовность соблюдать требования законодательства, ограничения и запреты связана с доверием людям и позитивным взглядом на мир.

Шкала «справедливость» (Спр) связана с мотивами «законность» и «исполнение». Сотрудники, идентифицирующие себя как профессиональные и законопослушные, убеждены в том, что люди, совершающие хорошие поступки, получают свое вознаграждение, а за плохие поступки будет следовать неминуемое наказание.

Шкала самооценки (СО) продемонстрировала взаимосвязь со всеми тремя мотивами прохождения службы. Сотрудники, у которых преобладает альтруистический компонент мотивации, склонны к позитивной самооценке.

Базовые убеждения личности о своей удачливости (У), локусе контроля (ЛК) и позитивном мировосприятии (ПМВ) взаимосвязаны с альтруистическим компонентом мотивации. Они отражают уверенность сотрудников в своих способностях контролировать жизнь, готовность позитивно оценивать свою удачливость и шансы на успех в деятельности.

Показатели профессионального самоотношения продемонстрировали большое количество взаимосвязей с мотивацией дальнейшего прохождения службы.

Таблица 6

Связь мотивов к дальнейшему прохождению службы
и показателей профессионального самоотношения
(n = 802, коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Table 6

Relationship between motivations for continuing service and indicators
of professional self-definition (n = 802, Spearman's rank correlation coefficient)

Мотив	ВН_КОНФ	СМУ_ПРФ	СМПР_ПР	СМООБВ	САМРУК	С_ЛР	СУНИЧ
Служение	0,197, p < 0,001	0,152, p < 0,001	0,066, p > 0,1	0,209, p < 0,001	0,043, p > 0,1	-0,098, p < 0,01	0,221, p < 0,001
Законность	0,389, p < 0,001	0,147, p < 0,001	-0,169, p < 0,001	0,452, p < 0,001	-0,355, p < 0,001	-0,196, p < 0,001	0,471, p < 0,001
Исполнение	-0,245, p < 0,001	0,078, p < 0,05	0,331, p < 0,001	-0,217, p < 0,001	0,421, p < 0,001	0,459, p < 0,001	-0,272, p < 0,001

Шкалы «Внутренняя конфликтность профессионального самоотношения» (ВН_КОНФ), «Самоуверенность в профессии» (СМУ_ПРФ), «Самообвинение в профессии» (СМООБВ), «Самоуничтожение в профессии» (СУНИЧ), «Самооценка личностного роста в профессии» (С_ЛР) взаимосвязаны со всеми мотивами прохождения службы. Обследуемые с альтруистическим компонентом мотивации не отмечают у себя актуальных переживаний и противоречий между своими способностями и требованиями к результатам служебной деятельности и склонны относиться к ней как к способу самореализации. Обостренное чувство профессионального достоинства, склонность к соперничеству присуще большинству сотрудников. Преобладание эгоцентрического компонента указывает на тенденцию к повышенной критике в ситуации профессиональной неудачи, а также на стремление избегать трудных задач, требующих полной мобилизации личностных ресурсов.

Шкалы «Самопривязанность в профессии» (СМПР_ПР) и «Саморуководство в профессии» (САМРУК) взаимосвязаны с альтруистическим компонентом мотивов «законность» и «исполнение». Сотрудники, ценящие свою принадлежность к профессиональному полицейскому сообществу и готовые соблюдать требования действующего законодательства, отличаются чувством самодостаточности и оптимистичной оценкой своих профессиональных перспектив.

Третий этап исследования

В целях изучения взаимосвязи мотивационной готовности к дальнейшему прохождению службы и правосознания использовались методика «МТВ», тест правового и гражданского сознания (Л. А. Ясюкова).

Для определения способа дальнейшей обработки данных использовался критерий Шапиро – Уилка, продемонстрировавший несоответствие полученных данных закону нормального распределения ($p < 0,05$), что привело к выбору непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Мотив «законность» продемонстрировал взаимосвязь с уровнем правовых знаний ($R = -0,339$, $p < 0,01$). Сотрудники с альтруистическим компонентом мотивации проявляют готовность следовать правовым нормам в повседневной жизни, ориентируются на закон и уважение к правопорядку. Обследуемые с эгоцентрическим компонентом склонны к субъективной трактовке правовых норм, а также смещению личной ответственности на окружающих.

На основании полученных результатов представляется возможным предложить алгоритм психологической профилактики увольняемости сотрудников органов внутренних дел, с использованием описанного в исследовании психодиагностического инструментария. Идея алгоритма строится на взаимодействии руководителя структурного подразделения и психолога подразделения по работе с личным составом на два этапа – «планирование» (выявление сотрудников с высоким риском увольнения и планирование индивидуальной работы с ними) и «подготовка» (получение руководителем представления о мотивах возможного увольнения сотрудника и их коррекция).

Интерпретация результатов

Изучена взаимосвязь мотивационной готовности к прохождению службы и индивидуально-психологических особенностей сотрудников органов внутренних дел. Отмечается роль мотивов «служение», «законность» и «исполнение» и их направленности (эгоцентрически-прагматической и альтруистически-институциональной). Представленная триада мотивов базируется на синтезе содержательных теорий мотивации с учетом влияния контекстных и процессуальных концепций. Установлена статистически значимая внутренняя согласованность всех трех мотивов, что подтвердило однородность модели мотивационной готовности к прохождению службы.

Выявлены различия между мотивами на примере двух групп сотрудников: планирующих дальнейшее прохождение службы и готовых уволиться. Отмечается влияние мотивов «служение» и «исполнение», характеризующихся верностью служебному долгу и наличием устойчивого интереса к полицейской специфике как факторов, отражающих готовность к продолжению служебной деятельности. Данный вывод также подтвердился при изучении различий в мотивационной готовности у сотрудников, выбравших разные сценарии продолжения службы. Схожие идеи о влиянии профессиональной мотивации сотрудника на эффективность деятельности, перспективы личностного и карьерного роста рассматривались в работе В. В. Вахниной и П. П. Бугрова, отмечавших значимость мотивационных механизмов влечения и долженствования [10].

Мотивы «служение», «законность» и «исполнение» демонстрируют связь с индивидуальными ценностями, большинство из которых («конформность», «стимуляция», «безопасность», «универсализм», «самостоятельность», «достижения») раскрывают приверженность сотрудников фундаментальным основам органов внутренних дел как государственного института. В свою очередь приоритет неформальных способов принятия решений в служебной деятельности и потребность в приобретении властных полномочий могут выступать маркером эгоцентрической составляющей мотивационной готовности. Похожая роль ценностных ориентаций в структуре мотивационной сферы личности, определяющая ее избирательность и активность в правовой системе, рассматривалась в исследовании В. Л. Цветкова, Т. А. Хрустальной [21].

Сотрудники, стремящиеся к профессионализму и соблюдению действующего законодательства, характеризуются позитивным восприятием мира и социального окружения. Им свойственны уверенность в себе и чувство личной ответственности за свою жизнь. Современные исследования описывают схожие особенности базисных убеждений сотрудников полиции в контексте их психологической безопасности [22].

Выявлена взаимосвязь профессионального самоотношения с мотивационной готовностью к прохождению службы. Альтруистические мотивы ассоциируются с приверженностью профессии и позитивным самоотношением, а эгоцентрические с наличием у обследуемых противоречивого отношения к своей работе, выраженной критикой служебной деятельности, негативной оценкой своих деловых качеств. Профессиональное самоотношение сотрудников органов внутренних дел как одна из наиболее значимых характеристик, влияющих на удовлетворенность организационной средой и внутригрупповые отношения, раскрыта в исследовании С. В. Духновского [23].

Тип мотивационной готовности сотрудников также взаимосвязан с правосознанием. Альтруистический компонент мотива «законность» отражает склонность к соблюдению правил и норм поведения, принятых в обществе. Эгоцентрическая направленность характеризуется ориентацией на собственную шкалу ценностей.

3 заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что психология мотивационной готовности к прохождению службы включает эгоцентрически-прагматичные, а также институционально-альтруистические мотивы, которые выражаются в субъективно осознаваемых сотрудником представлениях о служении обществу, соблюдении дисциплины и законности и интересе к полицейской специфике, влияющих на осуществление служебной деятельности и ее продолжительность.

Психологические особенности мотива «служение» заключаются в приоритете служебного долга и ответственности перед обществом в противовес отношению к служебной деятельности как к способу удовлетворения личных потребностей. Мотив «законность» характеризуется приоритетом соблюдения правовых норм и требований к служебной дисциплине, а его антагонистом выступает снисходительное отношение к требованиям должностного регламента, а также ориентация на свое субъективное понимание справедливости. Мотив «исполнение» отражает

влияние устойчивого интереса к профессии и полицейской специфике, а также наличие желания соответствовать идеальному образу сотрудника полиции, и в приоритете служебной деятельности среди иных сфер деятельности.

Психологические особенности мотивационной готовности к прохождению службы в органах внутренних дел характеризуют сотрудников, обладающих выраженным альтруистическим компонентом мотивов «служение», «законность» и «исполнение», следующим образом: выраженность субъективных ценностей в конформности, доброжелательности, справедливости, безопасности и самостоятельности; умение проявлять доверие к людям; убежденность в справедливом вознаграждении своих заслуг; положительная оценка себя и своих способностей; уверенность в себе и в своих силах; развитое чувство контроля над собственной жизнью; положительное профессиональное самоотношение; сформированное правосознание.

Профилактику нарушений служебной дисциплины и законности, увольняемости необходимо организовывать посредством психологической диагностики мотивационной готовности к прохождению службы. Эффективным инструментом могут выступать авторские методики («опросник мотивации к службе в органах внутренних дел», «анкета оценки условий служебной деятельности сотрудника органа внутренних дел»), представленные в исследовании.

Список источников

1. Murray H. A. Explorations in personality. New York : Oxford University Press, 1938. 761 p. <https://doi.org/10.1093/acprof>
2. Маслоу А. Г. Теория человеческой мотивации // Мотивация и личность / А. Маслоу ; пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2003. С. 124–168.
3. Alderfer C. P. An empirical test of a new theory of human needs // Organizational behavior and human performance. 1969. Vol. 4, № 2. P. 142–175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X)
4. Hackman J. R., Oldham G. R. Motivation through the design of work: Test of a theory // Organizational behavior and human performance. 1976. Т. 16, № 2. С. 250–279. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(76\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0030-5073(76)90016-7)
5. Vroom V. H. Work and motivation. New York : Wiley, 1964. 331 p.
6. Adams J. S. Towards an understanding of inequity // The journal of abnormal and social psychology. 1963. Vol. 67, № 5. P. 422–436. <https://doi.org/10.1037/h0040968>
7. Наумова Н. Ф., Слюсарянский М. А. Удовлетворенность трудом и некоторые характеристики личности // Социальные исследования / отв. ред. Г. В. Осипов. Москва : Наука, 1970. Вып. 3: Проблемы труда и личности. С. 145–160.
8. The Job Satisfaction – Job Performance Relationship: A Qualitative and Quantitative Review / Judge T. A., Thoresen C. J., Bono J. E., Patton G. K. // Psychological Bulletin. 2001. Vol. 127, № 3. P. 376–407. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.3.376>
9. Reviewing Employee Turnover: Focusing on Proximal Withdrawal States and an Expanded Criterion / Hom P. W., Mitchell T. R., Lee T. W., Griffeth R. W. // Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138, № 5. P. 831–858. <https://doi.org/10.1037/a0027983>
10. Вахнина В. В., Бугров П. П. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Академическая мысль. 2020. № 1 (10). С. 114–118.
11. Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях / Кубышко В. Л., Крук В. М., Гайдамашко И. В., Вахнина В. В. [и др.] // Психология и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 66–82. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120406>
12. Ситников В. Л., Мороз М. В., Самоукова М. И. Образ полицейского в сознании курсантов образовательной организации МВД России : монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 152 с.
13. Стрельникова Ю. Ю., Гончарова Н. А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
14. Ульянина О. А. Удовлетворенность профессиональной подготовкой выпускников образовательных организаций МВД России // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 4. С. 133–146. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110411>
15. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Проблемы содержательно-динамической характеристики профессиональной мотивации сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 54–58. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-54-58>
16. Шаранов Ю. А., Рожков А. А. «Практикоориентированный поворот» в подготовке кадров органов внутренних дел: от ценностей профессиональной самореализации к системе ценностей культуры образа жизни / Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения (Васильевские чтения – 2024) : материалы международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2024 г. / отв. ред.: Ю. А. Шаранов, В. Л. Ситников. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 839–845.
17. Rea L. M., Parker R. A. Designing and Conducting Survey Research: A Comprehensive Guide. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2014. 332 p.
18. Tomczak M., Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size // Trends in Sport Sciences. 2014. Vol. 21, № 1. С. 19–25.
19. Духновский С. В., Злоказов К. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности // Психология и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
20. Провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел : монография / Бережнова Л. Н., Гайдамашко И. В., Злоказов К. В. [и др.]. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. 176 с.
21. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Ценностные ориентации как основа правового и гражданского сознания сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 263–268. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-263-268>

22. Башкина Е. В. Взаимосвязь базисных убеждений и психологической безопасности личности сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-263-268>

23. Духновский С. В. Отношения в служебном коллективе и удовлетворенность организационной средой сотрудников ОВД / Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 17–18 октября 2024 г. / отв. ред.: А. А. Грачев, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, А. Н. Занковский [и др.]. Москва : Институт психологии РАН, 2024. С. 267–278.

References

1. Murray H. A. Explorations in personality. New York : Oxford University Press, 1938. 761 p. <https://doi.org/10.1093/acprof>
2. Maslou A. G. Teoriya chelovecheskoy motivatsii // Motivatsiya i lichnost' / A. Maslou ; per. s angl. T. Gutman, N. Mukhina. 3-ye izd. Sankt-Peterburg : Piter, 2003. S. 124–168.
3. Alderfer C. P. An empirical test of a new theory of human needs // Organizational behavior and human performance. 1969. Vol. 4, № 2. P. 142–175. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(69\)90004-X](https://doi.org/10.1016/0030-5073(69)90004-X)
4. Hackman J. R., Oldham G. R. Motivation through the design of work: Test of a theory // Organizational behavior and human performance. 1976. T. 16, № 2. С. 250–279. [https://doi.org/10.1016/0030-5073\(76\)90016-7](https://doi.org/10.1016/0030-5073(76)90016-7)
5. Vroom V. H. Work and motivation. New York : Wiley, 1964. 331 p.
6. Adams J. S. Towards an understanding of inequity // The journal of abnormal and social psychology. 1963. Vol. 67, № 5. P. 422–436. <https://doi.org/10.1037/h0040968>
7. Naumova N. F., Slyusaryanskij M. A. Udovletvorennost' trudom i nekotorye harakteristiki lichnosti // Social'nye issledovaniya / otv. red. G. V. Osipov. Moskva : Nauka, 1970. Vyp. 3: Problemy truda i lichnosti. S. 145–160.
8. The Job Satisfaction – Job Performance Relationship: A Qualitative and Quantitative Review / Judge T. A., Thoresen C. J., Bono J. E., Patton G. K. // Psychological Bulletin. 2001. Vol. 127, № 3. P. 376–407. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.3.376>
9. Reviewing Employee Turnover: Focusing on Proximal Withdrawal States and an Expanded Criterion / Hom P. W., Mitchell T. R., Lee T. W., Griffeth R. W. // Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138, № 5. P. 831–858. <https://doi.org/10.1037/a0027983>
10. Vahnina V. V., Bugrov P. P. Psihologicheskie osobennosti professional'noj motivacii sotrudnikov organov vnutrennih del // Akademicheskaya mysl'. 2020. № 1 (10). S. 114–118.
11. Motivaciya specialista silovyh struktur kak osnovnaya komponenta professional'no-lichnostnoj nadezhnosti v slozhnyh situatsiyah / Kubyshko V. L., Kruk V. M., Gajdamashko I. V., Vahnina V. V. [i dr.] // Psihologiya i pravo. 2022. T. 12, № 4. S. 66–82. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120406>
12. Sitnikov V. L., Moroz M. V., Samoukova M. I. Obraz policejskogo v soznanii kursantov obrazovatel'noj organizacii MVD Rossii : monografiya. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. 152 s.
13. Strel'nikova Yu. Yu., Goncharova N. A. Psihologicheskie osobennosti professional'noj vstrebovannosti i motivacii sotrudnikov policii // Psihologiya i pravo. 2023. T. 13, № 1. S. 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
14. Ul'yanina O. A. Udovletvorennost' professional'noj podgotovkoj vypusknikov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii // Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2019. T. 11, № 4. S. 133–146. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2019110411>
15. Cvetkov V. L., Hrustaleva T. A. Problemy soderzhatel'no-dinamicheskoy harakteristiki professional'noj motivacii sotrudnikov policii // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2023. № 1. S. 54–58. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-54-58>
16. Sharanov Yu. A., Rozhkov A. A. «Praktikoorientirovannyj povорот» v podgotovke kadrov organov vnutrennih del: ot cennostej professional'noj samorealizacii k sisteme cennostej kul'tury obraza zhizni / Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii i tekhnologii resheniya (Vasil'evskie chteniya – 2024) : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Sankt-Peterburg, 26–27 aprelya 2024 g. / otv. red.: Yu. A. Sharanov, V. L. Sitnikov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2024. S. 839–845.
17. Rea L. M., Parker R. A. Designing and Conducting Survey Research: A Comprehensive Guide. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 2014. 332 p.
18. Tomczak M., Tomczak E. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size // Trends in Sport Sciences. 2014. Vol. 21, № 1. С. 19–25.
19. Duhnovskij S. V., Zlokazov K. V. Informacionno-psihologicheskaya uyazvimost' sotrudnikov organov vnutrennih del raznym urovnem ustojchivosti i utomlennosti /// Psihologiya i pravo. 2024. T. 14, № 4. S. 50–67. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140404>
20. Provokacionnoe vozdejstvie na sotrudnikov organov vnutrennih del : monografiya / Berezhnova L. N., Gajdamashko I. V., Zlokazov K. V. [i dr.]. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. 176 s.
21. Cvetkov V. L., Hrustaleva T. A. Cennostnye orientacii kak osnova pravovogo i grazhdanskogo soznaniya sotrudnikov policii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4. S. 263–268. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-263-268>
22. Bashkina E. V. Vzaimosvyaz' bazisnyh ubezhdenij i psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti sotrudnikov policii // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2021. № 1. S. 26–29. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-263-268>
23. Duhnovskij S. V. Otnosheniya v sluzhebnoy kollektive i udovletvorennost' organizacionnoj sredoy sotrudnikov OVD / Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psihologii truda i organizacionnoj psihologii : materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Moskva, 17–18 oktyabrya 2024 g. / otv. red.: A. A. Grachev, A. L. Zhuravlev, A. V. Mahnach, A. N. Zankovskij [i dr.]. Moskva : Institut psihologii RAN, 2024. S. 267–278.

Научная статья
УДК 159.9.072

Психологические особенности самоорганизации личности сотрудников органов внутренних дел

Наталья Андреевна Гончарова¹, кандидат психологических наук, доцент

Антон Сергеевич Душкин², кандидат психологических наук, доцент

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет МВД России

Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация

¹ goncharova_n@bk.ru, ² dushkin-ac@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, ² <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>

Аннотация:

Введение. Самоорганизация сотрудников органов внутренних дел является востребованным качеством личности, обеспечивающим надежность субъекта в профессиональной деятельности, системность в реализации ее целей при помощи механизмов целеполагания, самоконтроля, самооценки и саморегуляции. Значимость самоорганизации повышается в условиях неопределенности и сложности среды, требующей активности в структурировании собственной деятельности и эффективной активизации потенциала саморазвития. Цель исследования: выявление психологических особенностей личности сотрудников органов внутренних дел в зависимости от уровня самоорганизации.

Методы. В эмпирическом исследовании использованы общенаучные методы анализа, психодиагностический метод, методы математической статистики. Выборку исследования составили сотрудники территориальных органов внутренних дел Северо-Западного федерального округа ($n = 130$). В ходе исследования выборка была разделена на две группы на основе показателей высокого и низкого уровня самоорганизации при достоверности различий $p \leq 0,001$.

Результаты. В ходе исследования установлены значения, соответствующие среднему уровню самоорганизации сотрудников органов внутренних дел, что отражает достаточность компонентов целеустремленности и планомерности, сформированность способности к концентрации на целях и задачах деятельности всех представителей выборки. Различия между группами с более высоким и низким уровнем самоорганизации (при $p \leq 0,001$) выявлены в значениях способности к управлению собственным временем при организации деятельности, использовании опыта в структурировании деятельности, целенаправленности и самоорганизации в целом. У таких сотрудников установлены высокие значения фиксированности на запланированных задачах и целях, стремление к выполнению обязательств, привязанность к установленному времени исполнительской деятельности. Профессиональное самоотношение характеризуется позитивным отношением к себе как значимому субъекту деятельности, стабильностью профессионально-смысловой ориентации, что усиливает субъективные стремления к личностному росту, конструктивным изменениям личностных качеств. При низком уровне самоорганизации отмечается низкий уровень самооценки личностного роста, наличие состояний самообвинения в профессии, самоуничтожение в профессии, склонность к переживанию чувства вины, состояний гнева, недовольства и досады по поводу субъективного переживания собственной неуспешности и неуверенности.

Ключевые слова:

самоорганизация, саморегуляция, сотрудники органов внутренних дел, целеполагание, самоконтроль, профессиональное самоотношение

Для цитирования:

Гончарова Н. А., Душкин А. С. Психологические особенности самоорганизации личности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 285–294.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025;
одобрена после рецензирования 19.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Psychological features of self-organisation in the personalities of employees in the Internal Affairs Bodies

Natalia A. Goncharova¹, Cand. Sci. (Psy.), DocentAnton S. Dushkin², Cand. Sci. (Psy.), Docent^{1,2} Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

¹ goncharova_n@bk.ru, ² dushkin-ac@mail.ru¹ <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, ² <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>**Abstract:**

Introduction. The self-organisation of employees in the internal affairs bodies is a valuable personal quality that ensures the reliability of the individual in professional activities, allowing for systematic achievement of goals through mechanisms of goal-setting, self-control, self-assessment, and self-regulation. The significance of self-organisation increases in conditions of uncertainty and complexity, which demand proactive structuring of one's activities and effective activation of self-development potential. Aim of the study: To identify the psychological features of the personalities of employees in the internal affairs bodies depending on the level of self-organisation.

Methods. The empirical study employed general scientific methods of analysis, psychodiagnostic methods, and mathematical statistical methods. The study sample comprised employees of the territorial internal affairs bodies of the Northwestern Federal District ($n = 130$). During the study, the sample was divided into two groups based on indicators of high and low levels of self-organisation, with the reliability of differences at $p \leq 0.001$.

Results. The study established values corresponding to the average level of self-organisation among internal affairs employees, reflecting the sufficiency of components such as goal-orientedness and planning, as well as the ability to concentrate on the goals and tasks of their activities among all representatives of the sample. Differences between groups with higher and lower levels of self-organisation (at $p \leq 0.001$) were identified in the ability to manage one's own time when organising activities, using experience in structuring activities, goal-directedness, and self-organisation in general. Employees with higher levels demonstrated high levels of focus on planned tasks and goals, a commitment to fulfilling obligations, and adherence to scheduled times for performance. Their professional self-attitude was characterised by a positive regard for themselves as significant subjects of activity, stability in professional and meaningful orientation, which enhances subjective aspirations for personal growth and constructive changes in personality traits. In contrast, those with low levels of self-organisation exhibited low levels of self-assessment regarding personal growth, experiences of self-blame in their profession, self-deprecation in their work, and a tendency to experience feelings of guilt, anger, dissatisfaction, and frustration regarding their perceived lack of success and self-doubt.

Keywords:

self-organisation, self-regulation, employees of internal affairs bodies, goal-setting, self-control, professional self-attitude

For citation:

Goncharova N. A., Dushkin A. S. Psychological features of self-organisation in the personalities of employees in the Internal Affairs Bodies // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2026. № 1 (109). P. 284–293.

The article was submitted December 11, 2025; approved after reviewing January 19, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Актуальность исследования самоорганизации личности сотрудников органов внутренних дел определяется необходимостью профессионального психологического отбора лиц, обладающих способностью саморегуляции и самоконтроля, самодисциплины и целеустремленности, ответственности и обязательности. Не менее актуальной является задача формирования навыков самоорганизации в процессе морально-психологической подготовки сотрудников, а также в решении задач приобщения к «высшим профессиональным традициям и символам, правовым и нравственно-этическим нормам, образцам и идеалам служебного поведения»¹. К числу таких навыков относят развитость целеполагания и гибкость планирования деятельности, планомерность в достижении результатов и структурированность действий, способность к самооценке и самокоррекции поведения. Значимость самоорганизации в профессиональной

¹ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 (зарег. в Минюсте России 20.09.2024, № 79534) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru): [сетевое издание]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200024> (дата обращения: 10.01.2026).

деятельности является залогом успешности субъекта правоохранительной деятельности в преодолении трудностей при решении оперативно-служебных задач, повышения самооэффективности, сохранения устойчивой профессиональной мотивации и развития личностного потенциала.

Обзор литературы и обсуждение проблемы

В современных научных источниках понятие саморегуляции личности чаще всего определяется как процесс, характеризующийся целенаправленностью, упорядоченностью и сознательностью субъекта в деятельности. Особенностью личностной самоорганизации является направленность на структурирование собственной активности, времени, действий, личностных ресурсов. Выражается это в совокупности компонентов, связанных с волевой сферой, планированием, самоконтролем и коррекцией поведения [1]. Самоорганизующаяся личность способна на основе имеющегося опыта к сознательному упорядочению и переструктурированию собственной активности. Ее ключевыми характеристиками, по мнению С. Н. Костроминой, являются «развитие (изменение, трансформация, эволюция), согласование и совершенствование (оптимальность)» [2, с. 158]. Самоорганизация может выступать как спонтанным, так и сознательным процессом в зависимости от ценностных установок субъекта, определяющих целенаправленность на «самостроительство» собственной личности, «самодостраивание» качеств, изменение смыслов, регулирование деятельности в движении от «хаоса» к параметрам «порядка» [2, с. 153].

Интерес представляет подход Е. Ю. Мандриковой к проблеме самоорганизации личности в деятельности как способности к структурированию собственного психологического времени, связанного с уровнем субъективного благополучия, удовлетворенности, психического здоровья. Самоорганизация в данном случае понимается как сумма качеств личности, отражающих индивидуальное своеобразие способностей к планированию, организованности, целеустремленности, ориентации во времени, использованию внешних условий для достижения целей [3].

Комплекс представлений о самоорганизации в отечественной психологии часто сопряжен с проблемой саморегуляции. О. А. Конопкин в концепции осознанной саморегуляции отмечает факты ее организованности как процесса внутренней активности личности, направленной на поддержание произвольности в реализации задач и достижении целей. Человек как субъект деятельности исходит из представленных в его сознании конечных результатов активности и возможностей самоуправления, выстраивая при этом субъективную модель имеющихся внешних и внутренних условий, составляя программу конкретных действий, осуществляя контроль и исполнение, коррекцию и самоизменение [4]. Такую же позицию в определении саморегуляции занимает В. И. Моросанова, отмечая в ее содержании общую способность личности к осознанной организации внешней и внутренней активности в деятельности и отдельных действиях. На высших ступенях активности саморегуляция обеспечивает построение жизненного пути [5, с. 13]. Значение саморегуляции подчеркивают в своих исследованиях К. В. Карпинский и А. М. Колышко, определившие ее корреляцию с профессиональным самоотношением и психологическим благополучием [6].

Для деятельности сотрудников органов внутренних дел наиболее значимыми факторами саморегуляции, детерминирующими возможность эффективной и надежной самоорганизации, по мнению М. Г. Рябовой, являются готовность к структурированию деятельности, созданию внутренней системы сознательных действий, а также самостоятельность, самоконтроль и самоуправление в выполнении профессиональных задач². В данном аспекте самоорганизация теснейшим образом связана с возможностями осуществления субъектом процесса самообразования, о психологических механизмах которого в ретроспективном анализе проблемы самоорганизации ведут речь Е. В. Дёмкина и Ю. С. Анисимов. В частности, ими отмечаются значимые механизмы самовоздействия субъекта в деятельности, организации собственных ресурсов, упорядочения личностных качеств, самоанализ и самоконтроль, что позволяет выстроить сложную динамическую систему действий [7].

Эмпирические исследования проблемы самоорганизации в настоящее время сконцентрированы на анализе самоорганизации учебной деятельности. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств с успешностью в учебной деятельности студентов рассмотрена в работе А. Д. Ишкова. В качестве основных компонентов тут обсуждаются личностные качества, волевые характеристики, способность к целеполаганию, анализу и планированию, самоконтролю и коррекции³. Способность к самоорганизации Е. Ю. Нос оценивает с позиции личностного

² Рябова М. Г. Особенности самоорганизации психической деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 221–225.

³ Ишков А. Д. Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 202 с.

потенциала и психологического благополучия. В проведенном исследовании студентов при помощи корреляционного анализа была установлена прямая связь самоорганизации и способностей к преодолению трудностей на пути достижения целей и успешности в деятельности [8]. Ю. В. Трофимова в эмпирическом исследовании курсантов Барнаульского юридического института МВД России установила, «что способность самоорганизации собственной деятельности связана с положительным модусом доминирующих эмоциональных состояний» [9, с. 233]. Е. Ю. Иванов в ходе опытно-экспериментальной работы по формированию навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества установил эффективность двухвекторной формы взаимодействия: «офицер-курсант и курсант-курсант», осуществляемой «в личной встрече первокурсника с более опытными обучающимися и сотрудниками в специально созданной событийной атмосфере» [10, с. 67].

В сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел эмпирические исследования самоорганизации практически отсутствуют, а имеющиеся работы рассматривают ее в совокупности факторов, определяющих эффективность и оптимизацию состояний. В работе М. И. Марьина и О. А. Терегуловой, при анализе оптимальных состояний руководителей территориальных подразделений органов внутренних дел, были установлены более высокие значения показателей самоорганизации по сравнению с исполнителями. При этом анализировались показатели планомерности, настойчивости, фиксации, составляющие значимую основу процесса самоорганизации [11]. В эмпирическом исследовании С. О. Щекиной и Е. А. Филатовой установлен довольно высокий уровень самоорганизации сотрудников органов внутренних дел Белгородской области, отражающий способности к планированию, целеполаганию и волевому поведению. При этом сотрудников с такими высокими значениями в исследованной выборке оказалось 73 %. В данном исследовании была выявлена и связь самоорганизации с толерантностью к неопределенности [12]. Аналогичные результаты взаимосвязи отдельных показателей самоорганизации – самоконтроля и принятия ответственности – были получены В. А. Рогачевым и И. Н. Коноплевой при исследовании толерантности к неопределенности и копинг-стратегий сотрудников органов внутренних дел [13]. Зарубежные исследователи установили, что конгруэнтность организационных ценностей положительно влияет на самооценку легитимности и самоорганизацию офицеров полиции [14].

Таким образом, отсутствие эмпирических исследований самоорганизации сотрудников органов внутренних дел и значимость способностей к структурированию собственной деятельности, обусловило определение цели исследования, заключавшейся в выявлении психологических особенностей личности в зависимости от уровня самоорганизации.

Методы и методики исследования

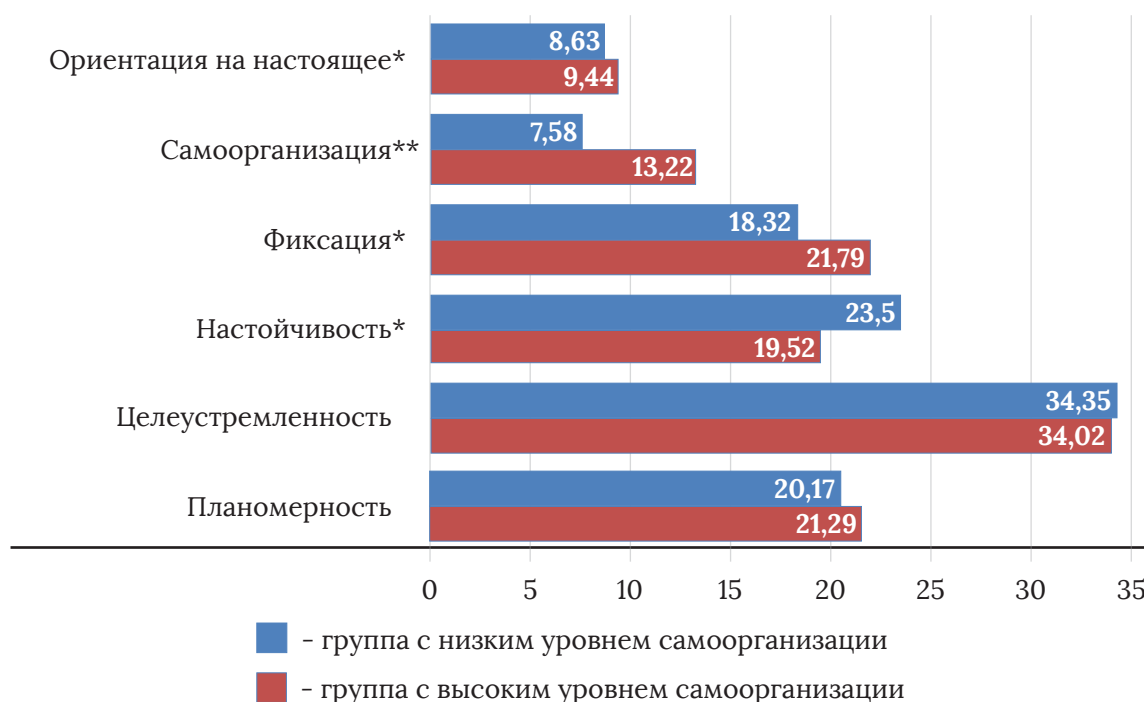
В эмпирическом исследовании использованы общенаучные методы анализа, психодиагностический метод, позволивший обсудить количественные и качественные данные, необходимые для оценки уровня сформированности компонентов самоорганизации сотрудников органов внутренних дел. Психодиагностический инструментарий был представлен стандартизированными методиками: Опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой [3]; Шкала психологического благополучия Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленкова, Т. П. Фесенко [15]; опросник профессионального самоотношения личности К. В. Карпинского и А. М. Колышко [16].

Выборку исследования составили сотрудники территориальных органов внутренних дел Северо-Западного федерального округа ($n = 130$). Средний возраст составил $30,5 \pm 1,5$ лет. В ходе исследования выборка была разделена на две группы на основе показателей высокого и низкого уровня самоорганизации при достоверности различий $p \leq 0,001$. Группа 1 – с высокими значениями показателя самоорганизации ($n = 48$). Группа 2 – с низкими значениями ($n = 82$). Статистическая обработка данных исследования выполнена с помощью стандартных статистических программ, методов описательного, сравнительного анализа, с использованием t -критерия Стьюдента и однофакторного дисперсионного анализа.

Результаты

На основе дескриптивной статистики был выявлен средний уровень показателей самоорганизации сотрудников, представленных в исследуемой выборке. Лиц, обладающих высоким уровнем, оказалось меньшинство – всего 7 %. При этом лиц с низким уровнем самоорганизации не выявлено. Достоверные различия между группами, обладающими более высокими и более низкими показателями самоорганизации, установлены на уровне статистической значимости (при $p \leq 0,001$).

Сравнение значений показателей самоорганизации экспериментальных групп позволило выявить достоверно значимые различия, свидетельствующие о качественно иной представленности компонентов настойчивости, временной ориентации, фиксации и собственно самоорганизации (рисунок 1).

Примечания: *достоверные различия $p \leq 0,05$.
** $p \leq 0,001$.

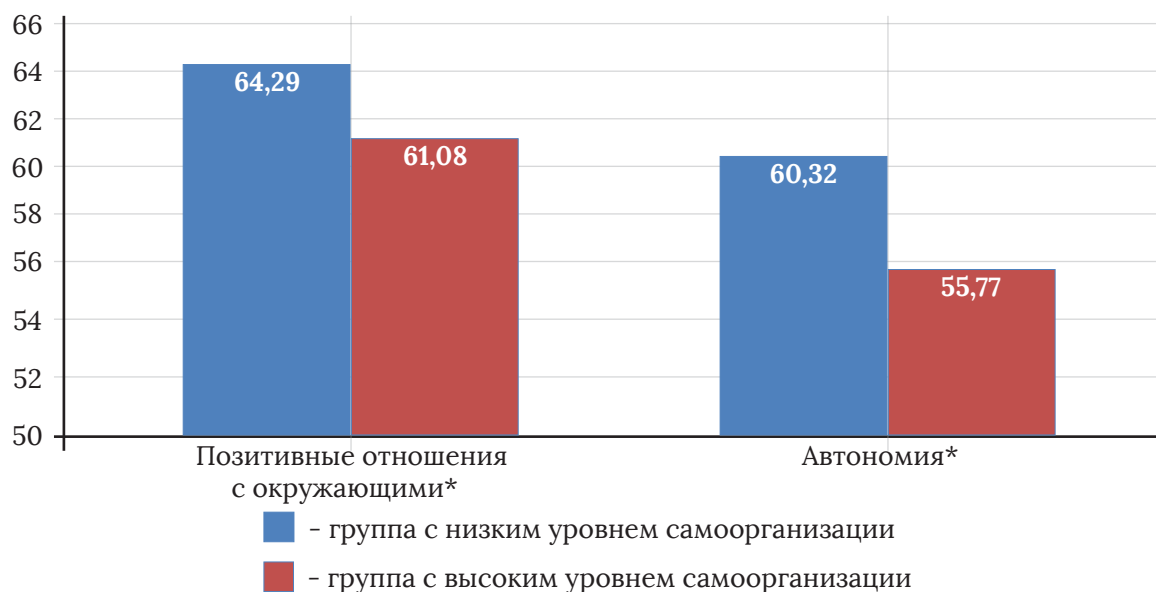
Рисунок 1. Сравнение значений показателей самоорганизации групп сотрудников (опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой)
Figure 1. Comparing the Indicators of Self-Organization in Employee Groups (E. Yu. Mandrikova's Self-Organization of Activity Questionnaire)

При более высоком уровне самоорганизации отмечается способность управлять собственным временем при организации деятельности, использовать опыт в его структурировании и целенаправленности. У респондентов с более высокой самоорганизацией выявлены высокие значения фиксированности на запланированных задачах и целях, стремление к выполнению обязательств, привязанность к установленному времени исполнительской деятельности. В комплексе умений самоорганизации отражены возможности использования внешних средств деятельности для достижения целей, особенностей материальной и социальной среды, а также ее условий.

Показатели целеустремленности и планомерности в обеих группах находятся на уровне средней выраженности, что позволяет констатировать достаточную их сформированность и способность к концентрации на целях и задачах деятельности всех представителей выборки.

Выявлен статистически более высокий уровень показателя настойчивости в группе с низким уровнем самоорганизации, что требует дополнительных исследований и не обязательно свидетельствует о настойчивости в достижении социально значимых целей. В данном случае речь можно вести о целях, связанных со стремлением субъектов к сохранению субъективного благополучия.

На основе анализа показателей психологического благополучия был установлен средний уровень значений в обеих группах, характеризующийся положительной эмоциональной оценкой респондентами собственного состояния, компетентности и личности в целом, а также положительными отношениями с окружающими, уверенностью в собственных силах и возможностях. Вместе с тем выявлены достоверные различия между группами в значениях показателей «Позитивные отношения с окружающими» и «Автономия». Более высокие значения установлены в группе с низким уровнем самоорганизации (рисунок 2).

Примечание – *достоверные различия $p \leq 0,05$.

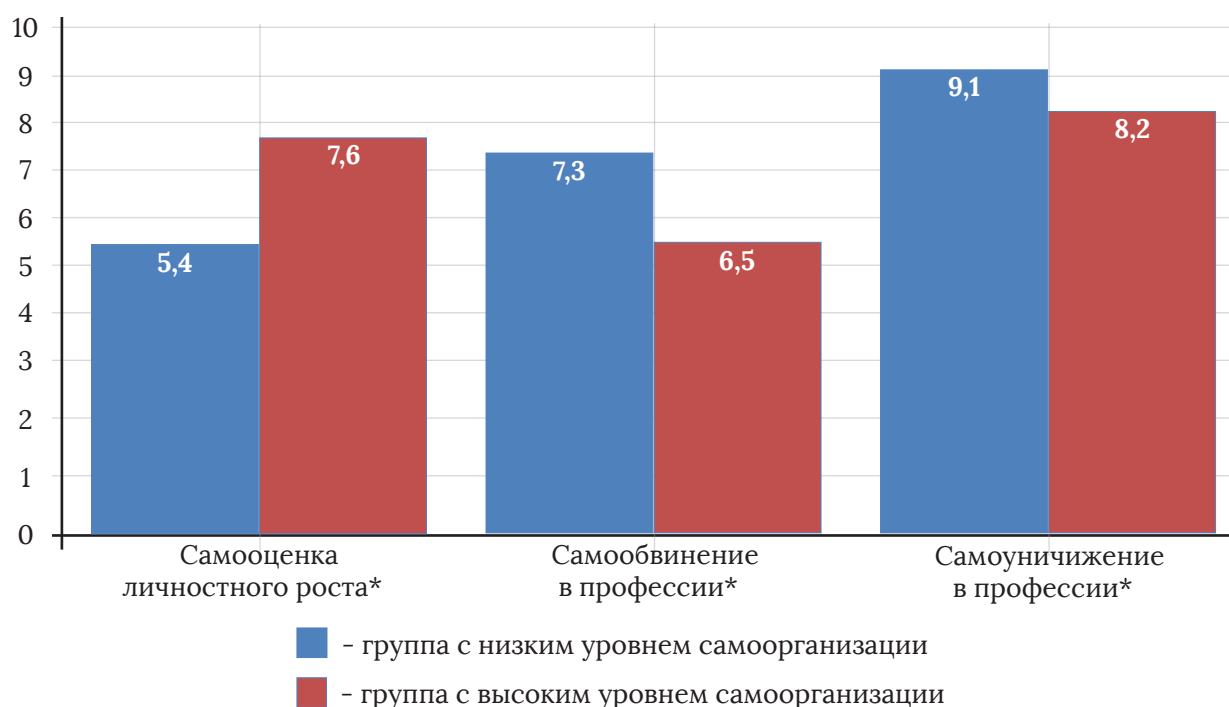
Рисунок 2. Сравнение значений показателей психологического благополучия (шкала психологического благополучия Рифф)
Figure 2. Comparison of Psychological Well-being Scores (Ryff's Scales of Psychological Well-being)

При более высоких значениях самоорганизации субъекты не стремятся идти на компромиссы для поддержания значимых связей во взаимоотношениях, более замкнуты, осторожны в установлении доверительных отношений, стремятся к изоляции от окружающих. Низкие значения автономии данной группы (при высоком уровне самоорганизации) характеризуются перфекционистскими тенденциями и озабоченностью оценками других, подчиненностью социальному давлению, ориентацией на мнение референтных лиц, правила и нормы.

При низком уровне самоорганизации респонденты склонны к установлению близких отношений, поиску компромиссов при необходимости важных контактов, стремятся к взаимодействию и близости. При этом они отличаются большей независимостью от чужого мнения, устанавливают собственные стандарты в деятельности, оценивают себя по собственным критериям. Данные различия не оказывают существенного влияния на общие показатели благополучия обеих групп. Вместе с тем следует отметить существенно различающиеся пути его достижения. При высоком уровне самоорганизации достижение благополучия происходит за счет сокращения социального взаимодействия и структурирования времени в соответствии с нормативными предписаниями. При низком уровне самоорганизации психологическое благополучие определяется множественными социальными связями, стремлением к автономии и независимости от правил и норм, а также собственными установками и стандартами самооценки и самоконтроля.

Выявлены особенности профессионального самоотношения сотрудников в зависимости от уровня самоорганизации. Различия между группами установлены в значениях показателей «Самооценка личностного роста», «Самообвинение в профессии», «Самоуничижение в профессии» (рисунок 3).

Полученные данные позволяют судить о наличии средненормативного уровня самоотношения в обеих группах на основе следующих показателей: «Самоуверенность в профессии» ($M \pm \sigma = 9,2 \pm 2,8 / 9,6 \pm 3,1$), «Самоэффективность в профессии» ($M \pm \sigma = 7,3 \pm 1,6 / 6,8 \pm 2,2$), «Саморуководство в профессии» ($M \pm \sigma = 7,5 \pm 0,8 / 7,1 \pm 1,7$). Выявлен высокий уровень внутренней конфликтности профессионального самоотношения представителей обеих групп ($M \pm \sigma = 9,2 \pm 2,8$), отражающей наличие у респондентов внутренней рассогласованности между должностными требованиями и низкой оценкой возможности их индивидуального исполнения. Это порождает в личности субъективное самоощущение ненужности в профессии, отчужденности собственных мотивов от процесса труда. Данное положение является предиктором профессиональной и личностной дезадаптации, которое субъект оценивает в качестве деструктивного.

Примечание – *достоверные различия $p \leq 0,05$.

Рисунок 3. Сравнение значений показателей профессионального самоотношения личности (опросник профессионального самоотношения личности К. В. Карпинского и А. М. Колышко)

Figure 3. Comparing the values of professional self-attitude indicators (Questionnaire of Professional Self-Attitude of Personality by K. V. Karpinsky and A. M. Kolyshko)

Профессиональное самоотношение при высоком уровне самоорганизации сотрудников отличается наличием достоверно высоких значений самооценки личностного роста в профессии. Это отражается на позитивном отношении к себе как значимому субъекту деятельности, обладающему стабильностью профессионально-смысловой ориентации, что усиливает стремления к личностному росту, конструктивным изменениям личностных качеств. Такое профессиональное отношение, по мнению К. В. Карпинского и А. М. Колышко, детерминирует процессы самовоспитания, самокоррекции и переосмысления недооцененных ранее личностных свойств [16].

При низком уровне самоорганизации отмечается низкий уровень самооценки личностного роста, что является показателем отношения к профессиональной сфере как сдерживающей возможности личностного совершенствования. Характерным для данной группы испытуемых является и высокий уровень показателя «Самообвинение в профессии», отражающий склонность субъектов к переживанию чувства вины, состояний гнева, недовольства и досады по поводу собственной неуспешности и неуверенности. Самообвинение тут выступает в качестве устойчивой смысловой позиции, провоцирующей неуверенность, тревожность и избегание трудных заданий, сознательное преуменьшение собственных способностей, заслуг, интеллектуальных возможностей. Показатель самоуничижения в профессии в группе с низким уровнем самоорганизации наиболее высок и свидетельствует о сложившейся негативной установке на обесценивание собственной личности и качеств, востребованных в профессиональной деятельности.

Обсуждение

Исследование психологических особенностей самоорганизации сотрудников органов внутренних дел позволило подтвердить имеющиеся в научной литературе положения о принципиальных отличиях личности, обладающей ее высоким уровнем. Эти особенности сконцентрированы в совокупности имеющихся свойств самоорганизации, представленных в способности ориентироваться во времени, фиксироваться на деятельности и ее устойчивых целях, использовать умения целеполагания, целеустремленности и планомерного движения к реализации поставленных целей. Факт способности к эффективной реализации планов подчеркивается

в работах С. Н. Костроминой, которая полагает, что именно целенаправленность является отличительной особенностью самоорганизации [2]. Саморегуляция в данном случае может рассматриваться как определенная система сознательных действий, направленных на достижение запланированных результатов путем самоуправления психической сферой, внутренней мобилизации.

В процессах самоорганизации существенную роль играют волевые усилия субъекта, направленные на обретение смысла или его конструктивную коррекцию. В полученных результатах такой смысл отмечается в совокупности психологических компонентов профессионального самоотношения лиц с высокими значениями показателей самоорганизации. Для таких сотрудников профессиональная деятельность является личностным смыслом, выраженным в стремлении к личностному росту, конструктивному изменению личностных свойств, самокоррекции, переосмыслению значимых для профессии качеств. Область профессиональной деятельности воспринимается лицами с высокими значениями самоорганизации как сфера личностного совершенствования и позитивных установок. Наличие такой личностной структуры будет составлять «внутренние условия», которые, по мнению С. Л. Рубинштейна, являются значимой основой, необходимой субъекту в развитии психологических и когнитивных компонентов самоорганизации [17].

Не подтвердились данные исследований о высоком уровне самоорганизации сотрудников органов внутренних дел на уровне 73 %, которые были обсуждены в имеющихся современных работах [12]. Самоорганизация является одним из сложных процессов, требующих высокого уровня волевой, когнитивной и эмоциональной организации личности, что пока на уровне эмпирических исследований не доказано. Существенная несогласованность полученных нами эмпирических результатов, где процент лиц с высоким уровнем самоорганизации составляет всего 7 %, требует дополнительного анализа и дальнейших исследований отдельных компонентов самоорганизации.

Принципиально важным вопросом является проблема ресурсов самоорганизации, в совокупности которых рассматриваются наиболее целостные структуры личности, обеспечивающие планирование, самоконтроль, целеполагание, волевую регуляцию, направленность на саморазвитие личности в профессии. Вместе с тем нельзя отрицать наличия динамической системы, в которой интегрированы более дифференцированные процессы, связанные с навыками составления программы действий, выявления проблемных и наиболее значимых направлений деятельности, концентрации на конкретных целях, фиксации на основной задаче, структурирования времени и управления им, что и было установлено в психологических особенностях личности субъектов данного исследования, обладающих более высоким уровнем самоорганизации. Все это составляет значимый психолого-инструментальный арсенал, необходимый для обеспечения самоорганизации личности с помощью саморегуляции, о которой В. И. Моросанова в данном ключе рассуждает как о процессе «инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвижение и достижение субъектных целей» [18, с. 58].

3 заключение

Самоорганизация является востребованным в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел качеством личности, обеспечивающим надежность и эффективность субъекта в реализации оперативно-служебных задач, скорость достижения целей и результатов, рациональное использование индивидуально-психологических ресурсов, а также саморазвитие в профессии.

Самоорганизация как процесс движения от «хаоса» к «порядку» детерминирована факторами, связанными с изменением обстоятельств деятельности, сложными условиями труда, неопределенностью поставленных задач, критичностью ситуации, что требует от субъекта скорости волевой мобилизации и психологического реагирования, умений активизации эмоциональных и когнитивных процессов для самоуправления, структурирования и переструктурирования имеющихся функциональных систем деятельности, коррекции и создания новой системы действий, оценок и установок.

Существенной особенностью субъектов правоохранительной деятельности, обладающих более высоким уровнем самоорганизации, установлена способность ориентироваться во времени и управлять им, адекватно оценивать актуальную проблему момента во взаимосвязи с имеющимся опытом. Самоорганизация позволяет субъекту фиксировать внимание и активность на основных целях и запланированной структуре выполняемых действий, сохранять целенаправленность и внутренне детерминированную активность в реализации целей.

Особенность психологического благополучия при высоком уровне самоорганизации выражена в позитивности и стабильности взаимоотношений с окружающими, умении работать в коллективе, сохранении собственного индивидуального стиля деятельности и профессионального смысла. Самоорганизующийся субъект руководствуется общепринятыми нормами и установленными критериями оценки, на основе которых формируется самооценка и способность принимать важные решения, а также эффективно управлять индивидуально-психологическими качествами, без излишней демонстративности и в соответствии с общественными интересами.

Профессиональное самоотношение лиц, обладающих более высоким уровнем самоорганизации, определяется факторами самоуважения в профессии, внутренней позицией убежденности в имеющихся знаниях и профессиональных компетенциях, переживания положительных состояний профессионального достоинства, уверенности в собственных возможностях. Способность к самоорганизации связана с профессионально зрелым представлением о собственных возможностях в условиях деятельности, ценностным отношением к себе, субъективной удовлетворенностью и высокой самооценкой личностного роста.

Сформированность самоорганизации, как интегральной динамической системы личности, предполагает субъектную активность человека, упорядочивающего собственную деятельность, воздействующего на самого себя в деятельности как на объект при помощи механизмов саморегуляции, самоконтроля, планирования, самокоррекции и самооценки. Результатом такой субъектной позиции является обретение личностного значимого смысла в профессиональной деятельности, который субъект подкрепляет и проверяет опытным путем, обеспечивая собственной личности развитие способности к самоорганизации и вместе с тем овладевая соответствующими навыками саморегуляции личностного роста.

Список источников

1. Дугина Ю. В. Самоорганизация личности // Современные научные исследования и инновации : [электронное издание]. 2024. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2024/04/101869> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Костромина С. Н. Структурно-функциональная модель самоорганизации деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 4 (12). С. 153–160.
3. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
4. Конопкин О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
5. Моросанова В. И. Развитие идей О. А. Конопкина в современных исследованиях осознанной саморегуляции в контексте актуальных задач образования / Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О. А. Конопкина) : сборник статей по материалам всероссийской научной конференции с международным участием, г. Москва, 27–28 апреля 2021 г. Москва : Психологический институт Российской академии образования, 2021. С. 11–18.
6. Карпинский К. В., Колышко А. М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики : монография. Гродно: Гродненский государственный университет, 2010. 140 с.
7. Дёмкина Е. В., Анисимов Ю. С. Ретроспективный анализ взглядов отечественных и зарубежных учёных на классификацию понятий «Самообразование» и «Самоорганизация» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2015. № 3 (162). С. 44–52.
8. Нос Е. Ю. Способность к самоорганизации деятельности как критерий личностного потенциала и условие достижения психологического благополучия // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 106–108.
9. Трофимова Ю. В. Самоорганизация и доминирующее эмоциональное состояние курсантов вуза МВД России // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2017. № 9–1. С. 185–188.
10. Иванов Е. Ю. Формирование навыков самоорганизации у курсантов первого курса образовательных организаций МВД России с помощью наставничества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9, № 1. С. 62–69. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-62-69>
11. Марьин М. И., Терезулова О. А. Факторы, влияющие на формирование оптимальных эмоциональных состояний сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 145–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140211>
12. Щекина С. О., Филатова Е. А. Особенности самоорганизации деятельности сотрудников МВД с разным уровнем толерантности к неопределенности // Форум молодых ученых. 2018. № 1 (18). С. 1334–1340.
13. Рогачев В. А., Коноплева И. Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2017. № 4 (7). С. 106–126. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070409>
14. White D. R., Kyle M. J., Schafer J. Police officer self-legitimacy: the role of organizational fit // Policing: An International Journal. 2020. Vol. 43, № 6. P. 993–1006. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-03-2020-0035>
15. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
16. Колышко А. М., Карпинский К. В. Концепция и опросник профессионального самоотношения: новые эмпирические и психометрические результаты // Вестник Гродненского университета им. Я. Купалы. Серия 3 «Философия. Педагогика. Психология». 2022. Т. 12, № 3. С. 150–166.

17. Рубинштейн С. Л. Человек и мир : монография. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 512 с.
18. Моросанова В. И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 57–83. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

References

1. Dugina Yu. V. Samoorganizatsiya lichnosti // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii : [elektronnoe izdanie]. 2024. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2024/04/101869> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
2. Kostromina S. N. Strukturno-funktsional'naya model' samoorganizatsii deyatel'nosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2010. № 4 (12). S. 153–160.
3. Mandrikova E. Yu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD) // Psihologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 87–111.
4. Konopkin O. A. Obshchaya sposobnost' k samoregulyatsii kak faktor sub"ektnogo razvitiya // Voprosy psikhologii. 2004. № 2. S. 128–135.
5. Morosanova V. I. Razvitie idey O. A. Konopkina v sovremennykh issledovaniyakh osoznannoy samoregulyatsii v kontekste aktual'nykh zadach obrazovaniya / Psihologiya samoregulyatsii v kontekste aktual'nykh zadach obrazovaniya (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya O. A. Konopkina) : sbornik statey po materialam vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, g. Moskva, 27–28 aprelya 2021 g. Moskva : Psihologicheskij institut Rossiyskoy akademii obrazovaniya, 2021. S. 11–18.
6. Karpinskiy K. V., Kolyshko A. M. Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego psikhologicheskoy diagnostiki : monografiya. Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet, 2010. 140 s.
7. Dyomkina E. V., Anisimov Yu. S. Retrospektivnyy analiz vzglyadov otechestvennykh i zarubezhnykh uchyonykh na klassifikatsiyu ponyatiy «Samoobrazovanie» i «Samoorganizatsiya» // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya. 2015. № 3 (162). S. 44–52.
8. Nos E. Yu. Sposobnost' k samoorganizatsii deyatel'nosti kak kriteriy lichnostnogo potentsiala i uslovie dostizheniya psikhologicheskogo blagopoluchiya // Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal. 2009. № 34. S. 106–108.
9. Trofimova Yu. V. Samoorganizatsiya i dominiruyushchee emocional'noe sostoyanie kursantov vuza MVD Rossii // Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo. 2017. № 9–1. S. 185–188.
10. Ivanov E. Yu. Formirovanie navykov samoorganizatsii u kursantov pervogo kursa obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii s pomoshch'yu nastavnichestva // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2025. T. 9, № 1. S. 62–69. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-62-69>
11. Mar'in M. I., Teregulova O. A. Faktory, vliyayushchie na formirovanie optimal'nykh emocional'nykh sostoyaniy sotrudnikov organov vnutrennih del Rossiyskoy Federatsii // Psihologiya i pravo. 2024. T. 14, № 2. С. 145–157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140211>
12. Shchekina S. O., Filatova E. A. Osobennosti samoorganizatsii deyatel'nosti sotrudnikov MVD s raznym urovnem tolerantnosti k neopredelennosti // Forum molodykh uchenykh. 2018. № 1 (18). S. 1334–1340.
13. Rogachev V. A., Konopleva I. N. Tolerantnost' k neopredelennosti i vybor koping-strategiy u sotrudnikov pravoohranitel'nykh organov // Psihologiya i pravo. 2017. № 4 (7). S. 106–126. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070409>
14. White D. R., Kyle M. J., Schafer J. Police officer self-legitimacy: the role of organizational fit // Policing: An International Journal. 2020. Vol. 43, № 6. P. 993–1006. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-03-2020-0035>
15. Shevelenkova T. D., Fesenko T. P. Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti // Psihologicheskaya diagnostika. 2005. № 3. S. 95–121.
16. Kolyshko A. M., Karpinskiy K. V. Konceptiya i oprosnik professional'nogo samootnosheniya: novye empiricheskie i psihometricheskie rezul'taty // Vestnik Grodnenskogo universiteta im. Ya. Kupaly. Seriya 3 «Filosofiya. Pedagogika. Psihologiya». 2022. T. 12, № 3. S. 150–166.
17. Rubinshteyn S. L. Chelovek i mir : monografiya. Sankt-Peterburg : Piter, 2003. 512 s.
18. Morosanova V. I. Psihologiya osoznannoy samoregulyatsii: ot istokov k sovremennym issledovaniyam // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2022. T. 15, № 3. S. 57–83. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-57-82>

Вклад авторов:

Гончарова Н. А. — аннотирование, написание и оформление рукописи; анализ результатов эмпирических данных; описание интерпретации результатов, визуализация результатов исследования.
Душкин А. С. — идея исследования; планирование исследования; написание и оформление рукописи; сбор и анализ данных.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Goncharova N. A. – abstracting, writing and preparing the manuscript; analysing the empirical data results; interpreting the results; visualising the research results.
Dushkin A. S. – research idea; research planning; writing and preparing the manuscript; data collection and analysis.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.9

Наукометрический анализ представлений о безопасности в зарубежных публикациях

Татьяна Максимовна Краснянская¹, доктор психологических наук, профессор
Валерий Геннадьевич Тылец², доктор психологических наук, профессор

¹ Московский гуманитарный университет
Москва (111395, ул. Юности, д. 5), Российская Федерация

² Российская международная академия туризма
Москва (105187, Измайловское шоссе, д. 71/4, стр. 5), Российская Федерация

¹ ktm8@yandex.ru, ² tyletsvalery@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Аннотация:

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления предпосылок и тенденций развития публикационной активности по безопасности. Его целью явился наукометрический анализ особенностей формирования поля научных представлений о безопасности в зарубежных публикациях.

Методы. Исследование реализовано на публикациях с ключевым словом «безопасность» из реферативной базы данных PubMed. Анализ проведен на программном обеспечении VOSViewer. Сформировано и изучено три массива публикаций по тематике безопасности, психологии безопасности и психологической безопасности.

Результаты. Первые зарубежные публикации о безопасности относятся к концу XVIII века, по психологическим вопросам безопасности и о психологической безопасности – к началу 60-х гг. XX века. Их появление было подготовлено общесоциальным контекстом, развитием научного знания и потребностей практики. Массовый и регулярный характер данные зарубежные публикации приобрели в последнем десятилетии XX века. Среди публикаций о безопасности выделяют исследования безопасности семьи, общесоциальной безопасности, животных, пожилых людей, средневозрастной группы, детского и подросткового возраста, медикаментозной безопасности. Первые публикации по тематике освещают особенности общесоциальной безопасности, новейшие – вопросы безопасности пожилых людей. Публикации психологов о безопасности можно разделить на группы по психологии безопасности в медицине, психологии безопасности субъектов группы риска, психологии безопасности подростков, психологии безопасности молодежи и организации психологических исследований безопасности. Первично изучались общие вопросы безопасности, позднее – психологические аспекты безопасности ключевых проблем современности. Публикации по психологической безопасности представлены исследованиями ее условий в медицинском учреждении, у пациентов в целом, у детей, подростков, в молодом возрасте, в социально значимых реалиях. Изначально авторы интересовались условиями и факторами психологической безопасности в целом, в настоящее время – в конкретных ситуациях. Подтверждена значимость проблематики безопасности, органичность выделения в ней научных областей психологии безопасности и психологической безопасности. Выявлена приоритетность субъекта вне зависимости от ракурса изучения безопасности.

Ключевые слова:

безопасность, психология безопасности, психологическая безопасность, научные представления, наукометрический анализ

Для цитирования:

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Наукометрический анализ представлений о безопасности в зарубежных публикациях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 295–306.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Scientometric analysis of security concepts in foreign publications

Tatiana M. Krasnyanskaya¹, Doc. Sci. (Psychol.), Professor
Valeriy G. Tylets², Doc. Sci. (Psy.), Professor

¹ Moscow University for the Humanities
5, Yunosti str., Moscow, 111395, Russian Federation

² Russian International Academy of Tourism
71/4, build. 5, Izmailovskoye highway, Moscow, 105187, Russian Federation

¹ ktm8@yandex.ru, ² tyletsvalery@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-4572-6003>, ² <https://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Abstract:

Introduction. The relevance of the research is determined by the need to understand the prerequisites and trends in the development of security publishing activities. Its purpose is a scientometric analysis of the peculiarities of the security scientific ideas formation in foreign publications.

Methods. The research is based on publications with the keyword "security" from the PubMed abstract database. The analysis was implemented using VOSViewer software. Three arrays of publications on the topics of security, security psychology and psychological security have been formed and researched.

Results. The first foreign publications on security date back to the end of the 18th century, on psychological security issues and on psychological security – to the early 60s of the 20th century. Their appearance was prepared by the general social context, the development of scientific knowledge and the needs of practice. These foreign publications became widespread and regular in the last decade of the 20th century. Among the publications on safety, there are studies on family safety, general social safety, animals, the elderly, the middle-aged group, children and adolescents, and drug safety. The first publications on the subject cover the features of general social security, the latest ones cover the safety of the elderly. The publications of psychologists on safety can be divided into groups on the psychology of safety in medicine, the psychology of safety of subjects at risk, the psychology of adolescent safety, the psychology of youth safety and the organisation of psychological safety research. Initially, general security issues were studied, and later the psychological aspects of security of the key problems of our time were researched. Publications on psychological safety are submitted by studies in different conditions. Medical institutions, patients in general, children, adolescents, persons of a young age and socially significant realities were thoroughly researched. Initially, the authors were interested in the conditions and factors of psychological safety in general, but now they are interested in specific situations. The importance of security issues is confirmed, as well as the organic allocation of scientific fields of security psychology and psychological safety in it. The priority of the subject is revealed, regardless of the angle of the security study.

Keywords:

safety, psychology of safety, psychological safety, scientific concepts, scientometric analysis

For citation:

Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Scientometric analysis of security concepts in foreign publications // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 295–306.

The article was submitted September 7, 2025; approved after reviewing December 12, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Вопросы безопасности во всех их проявлениях сегодня занимают приоритетные позиции в исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых-психологов. К их явному или скрытому обсуждению сводятся многие доклады и дискуссии на различных офлайн- и онлайн-конференциях и научных форумах. Разноаспектность интересов в этой сфере, множественность толкований, вариативность путей достижения с этическим подтекстом ряда характеристик дополняют феномен безопасности, обладающий безусловной онтологической ценностью для всего социума и очевидной исследовательской привлекательностью для научного сообщества.

Вместе с тем условную самостоятельность категория «безопасность» приобрела относительно недавно. Несмотря на то, что ее «вспомогательное» использование при рассмотрении политической, военной и общесоциальной проблематики имело достаточно длительную историю, лишь в конце XX века она получила междисциплинарный статус, сформировавший в конечном счете интерес к сущности базового феномена безопасности [1].

К настоящему времени исследования, связанные с безопасностью, инфильтрировались практически во все научные дисциплины. Безопасность рассматривается с использованием правовой, экономической, экологической, медицинской, педагогической, технической и прочей методологии. Уже сформировались разветвленные отрасли знания с базовым предметом безопасности, например, психология безопасности, изучающая вопросы информационно-психологической безопасности, психологии корпоративной безопасности, социальной психологии безопасности и др. Лавинообразное приращение информации, сопровождающее процессы уточнения понимания сущности безопасности, требует систематизации и более полного осмысления этой информации. Заметный вклад в решение этой проблемы вносят исторические исследования научных представлений о безопасности [2; 3]. Понимание динамики исследовательских приоритетов по конкретным направлениям научного знания расширяет получивший в последние годы значительное распространение наукометрический анализ предметных публикаций [4–8]. Однако, несмотря на растущий интерес ученых к использованию подобных возможностей, в рассмотрении актуального для современных реалий проблемного поля безопасности все еще остаются значительные пробелы.

Цель – наукометрический анализ особенностей формирования научных представлений о безопасности в зарубежных публикациях.

Материал и методы

Достижение поставленной цели реализовывалось путем анализа публикаций с ключевым словом «безопасность», представленных в реферативной базе данных PubMed (<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov>) с момента их появления и до начала нашего исследования (01.08.2025 г.). Уточним, что PubMed®, находясь в открытом для наших соотечественников доступе, на момент его реализации содержала более 38 млн ссылок на биомедицинскую литературу из MEDLINE, журналов по медико-биологическим наукам и онлайн-книг.

Работа с базой данных нами проводилась в три этапа, предполагавших последовательное «сужение» проблематики на основе данной последовательности поисковых запросов: 1) «безопасность» (“safety”) – для выявления всего массива публикаций по безопасности; 2) «безопасность», «психология» (“safety”, “psychology”) – для создания базы публикаций, относящихся в современном понимании к психологии безопасности; 3) «психологическая безопасность» (“psychological safety”) – для формирования массива публикаций о психологической безопасности.

Извлеченные из базы PubMed данные были проанализированы с помощью программного обеспечения VOSViewer версии 1.6.11, позволяющего исследовать их динамику и структуру [9]. Было сформировано три файла массива публикаций по тематике безопасности в целом, психологии безопасности и психологической безопасности. С помощью программы VOSViewer в каждом из них выделялись ключевые слова в режиме Network Visualization для установления слов и словосочетаний, чаще всего используемых в соответствующих публикациях. Результаты обработки были оформлены в виде специально организованных рисунков, где частота встречаемости того или иного ключевого слова (словосочетания) передана размером круга с вписанным в него соответствующим термином, а однородность элементов некоторой группы (подмножества) – идентичным цветовым выделением.

Результаты и их анализ

Поисковая система PubMed обозначила неравномерное распределение откликов на сделанные запросы.

Изучение количественного распределения по годам работ в PubMed позволило установить, что публикации с ключевым словом «безопасность» появляются в ней, начиная с 1797 года. Первой публикацией на эту тему стала работа S. C. King, Esq. в трудах Королевской Ирландской академии, где автор предлагал описание инструмента для проведения трепанации черепа «с большей легкостью, безопасностью и оперативностью», чем при использовании других инструментов того времени [10]. Очевидно, что к моменту опубликования данной работы сформировался социальный запрос по выполнению медицинских манипуляций требуемого уровня (безопасно, легко, оперативно), а практика уже смогла реализовать соответствующий опыт, позволивший представить его в научном труде. Термин «безопасность» вышел за рамки бытовой

характеристики условий выживания, став показателем высокого качества некоторых значимых действий. С этого момента он регулярно появляется в публикациях как описательная характеристика, в основном действий медицинского характера. Отметим, что до 1945 года этот термин встречался нечасто – от 1 до 7 публикаций в год (в среднем 1,9 публикации в год). В результате последовавшего после Второй мировой войны ужесточения реальности, изменившего сознание людей, их мировосприятия и взаимодействия, проблемы безопасности становятся все более актуальными. Начиная с бурного и тревожного 1979 года, запомнившегося многочисленными революциями и войнами, а также выходом на экраны беспримерно жестокого (по тем временам) фильма «Калигула» и фантастического фильма «Чужой», их численность превышает 1 000 публикаций в год. С 2001 года, открывшего новый век, их численность преодолевает 10 000-й порог, достигая пика в 2024 году – 104 006 публикаций. По август 2025 года общая численность публикаций, имеющих «безопасность» одним из ключевых слов, составила 1 076 935 единиц.

Публикации с ключевыми словами «безопасность» и «психология» встречаются в PubMed с начала 60-х гг. XX века. В истории человечества этот период отмечен интенсификацией холодной войны, что связано с началом строительства Берлинской стены в 1961 году. Противостояние сверхдержав обострило в умах людей потребность в безопасности. К этому моменту уже сложились научные предпосылки для рассмотрения проблем безопасности психологической наукой. Огромный вклад в появление публикаций такого рода, с нашей точки зрения, внесла статья А. Маслоу «Теория человеческой мотивации» (1943), в которой феномен безопасности отнесен к базовым потребностям человека, и ряд крупных работ по нарушениям психического состояния человека, в частности, монументальный труд К. Хорни «Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию» (1950), Р. Мэй «Значение тревоги» (1950). Первая публикация в PubMed, в которой автор обращается к психологическим аспектам безопасности, принадлежит D. Katz (язык написания не определен) и освещает вопросы психологии запаса прочности (1951) [11]. Следующая работа в 1955 году, написанная J. Godard на французском языке, характеризует человеческий фактор и безопасность на рабочем месте, может быть отнесена по современной классификации к проблемному полю психологии производственной безопасности [12]. Вплоть до 1978 года, подчиняясь общим тенденциям публикаций по проблемам безопасности, работы по ее психологическим аспектам носили единичный характер, составляя в среднем 2,6 работы в год. Начиная с 1990 года, их численность превысила 100, с 2006 года – 1 000 публикаций в год. Пик таких публикаций приходится на 2024 год (5 115). К настоящему времени описание психологических аспектов безопасности представлено в 49 388 публикациях. В целом из всего массива работ о безопасности психологические публикации набирают около 4,59 %.

Словосочетание «психологическая безопасность» встречается в PubMed с 1952 года, на следующий год после первого применения средств психологии к рассмотрению проблем безопасности в целом. Его появление в публикациях представляется вполне логичным в работах по психологии. Вместе с тем первое упоминание данного термина обнаруживается в работе А. Vajor, содержащей описание теста Бэйджора (язык написания не определен) [13], а не результатов изучения каких-либо аспектов соответствующего феномена. Уже в 1955 году опубликованы две следующие статьи, в которых проблематика прослеживается более конкретно: В. Franzen в публикации на шведском языке обращается к индивидуально-психологическим аспектам безопасности дорожного движения [14], а Е. Н. Ackerknecht характеризует медицинское искусство как «психологический предохранительный клапан» [15]. Отметим, что до 1991 года использование словосочетания «психологическая безопасность» в качестве ключевого было очень неравномерным, колеблясь в диапазоне от единичных до нескольких десятков в год (в среднем, 8,5 работы). Впервые численность таких работ превысила 100 в 1998 году, 1 000 – в 2018 году. В 2024 году зафиксирован пик публикаций по психологической безопасности – 2 184 единицы. В настоящее время массив публикаций по вопросам психологической безопасности составляет 19 155 наименований (38,78 % от общего объема работ о безопасности с использованием аппарата психологической науки).

Во всех рассмотренных публикациях о безопасности выявлено 16 048 ключевых слов, из которых 7 335 преодолели порог отбора. Анализ распределения ключевых слов показывает, что чаще всего такие предметные публикации характеризуются субъектом исследования, человеком или животным, обладающим определенными признаками – половыми (женщина, мужчина) или возрастными (взрослый, средний возраст, престарелый, подросток и др.) (таблица 1).

Ключевые термины, характеризующие публикации о безопасности, образуют семь кластеров (рисунок 1). В кластерной группе отмечаются 133 716 связей с общей силой в 1 252 620 единиц.

Таблица 1
Распределение «первой двадцатки» ключевых слов в публикациях о безопасности
(база PubMed)

Table 1
Distribution of the “top twenty” keywords in security publications (PubMed database)

Ранг	Ключевые слова	Случаи	Общая сила связей
1	Люди	32 366	210 529
2	Женщина	13 208	121 494
3	Мужчина	12 411	110 091
4	Взрослый	9 388	88 715
5	Средний возраст	7 983	77 153
6	Престарелый	5 818	57 547
7	Подросток	3 973	41 385
8	Безопасность	6 935	35 734
9	Соединенные Штаты	5 581	35 639
10	Животные	5 880	35 388
11	Ребенок	2 976	26 323
12	Двойной слепой метод	2 293	22 768
13	Клинические испытания	2 292	21 667
14	Временные факторы	2 348	20 987
15	Беременность	1 960	18 977
16	Дошкольник	2 017	18 613
17	Младенец	1 648	14 784
18	Престарелый, 80 и более	1 266	13 696
19	Предотвращение несчастных случаев	2 450	12 066
20	Планирование семьи	565	11 921

Первый кластер, выделенный красным цветом, образуется массивом из 257 терминов, из которых наибольший вес набрали «беременность», «фактор возраста», «планирование семьи». Это позволило связать соответствующую группу публикаций с безопасностью семьи.

Второй кластер, обозначенный зеленым цветом, составлен из 220 терминов, среди которых выделяются «люди», «безопасность», «предотвращение несчастных случаев», «командная безопасность». Исходя из этого, данная группа публикаций может быть рассмотрена с позиции общественной безопасности.

Третий кластер, имеющий синюю окраску, включает 184 термина. Среди них наиболее выражены «животные», «временной фактор», «крысы», «вес тела», «наркотик», «печень». Будем исходить из того, что данная группа публикаций в наибольшей степени отражает исследования безопасности на животных.

Четвертый, желтый, кластер представлен 162 терминами. Наиболее выражены среди них «престарелый», «престарелый, 80 лет и старше», «послеоперационные последствия», «электрокардиограмма». Вероятно, данная группа публикаций связана с безопасностью пожилых людей.

Пятый кластер выделен на рисунке фиолетовым цветом и объединяет 101 термин. Доминирование по «весу» среди них терминов «взрослый», «женщина», «мужчина», «средний возраст», «клинические исследования» позволяет отнести соответствующую группу публикаций к проблемам безопасности средневозрастной группы.

Шестой кластер голубого цвета основан на 69 терминах. Характеризуясь такими терминами как «подросток», «ребенок», «бактериальная инфекция», «отмена приема наркотиков»

Седьмой кластер, выделенный на рисунке коричневым цветом, построен на семи терминах, в частности, «холестерол», «противохолестриновое вещество». Таким образом, данную группу публикаций можно отнести к проблематике медикаментозной безопасности.

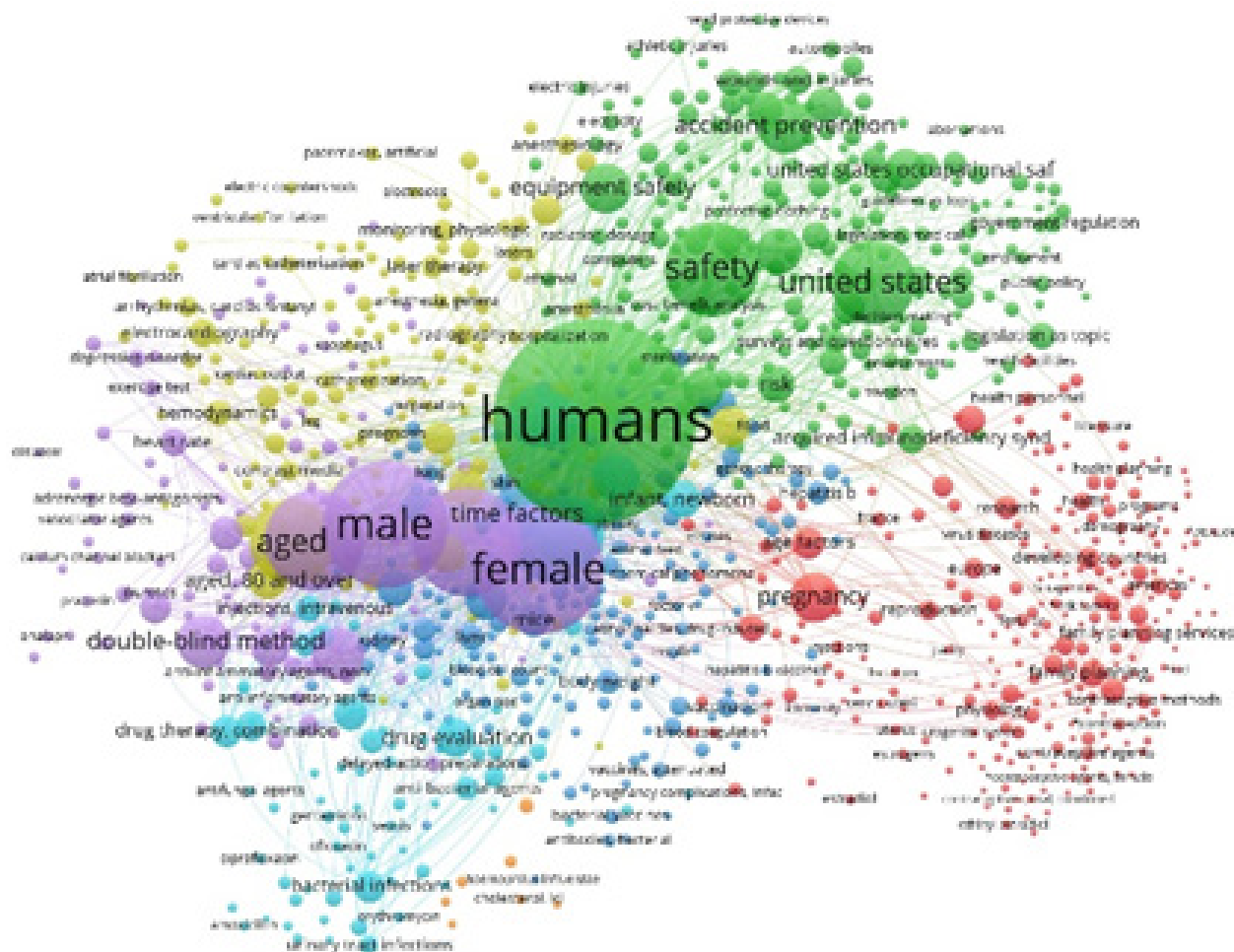

Рисунок 1. Распределение ключевых терминов по кластерам в массиве зарубежных публикаций по проблеме безопасности на основе программы VOSviewer6 в режиме Network Visualization
Figure 1. Distribution of key terms by cluster in an array of foreign publications on security issues based on the VOSviewer6 program in Network Visualization mode

По массиву публикаций базы PubMed, характеризующих психологические аспекты безопасности, выявлено 46 023 ключевых слова, из которых порог отбора преодолели 6 954. Анализ их распределения позволяет сделать вывод, что и в данной предметной группе преобладают субъекты безопасности с различными признаками, чаще всего возрастными – взрослый, средний возраст, подросток и т. д. (таблица 2). Увеличивается объем ключевых слов, относящихся к исследованиям, – наблюдение и опросник, кросс-поперечное исследование, качественное исследование, факторы риска и др.

Ключевые термины, указанные в публикациях по психологическим аспектам безопасности, объединяются в пять наиболее информативных кластеров (рисунок 2).

Таблица 2

Распределение «первой двадцатки» ключевых слов в публикациях
о психологических аспектах безопасности (база PubMed)

Table 2

Distribution of the “top twenty” keywords in publications on psychological aspects of security
(PubMed database)

Ранг	Ключевые слова	Случаи	Общая сила связей
1	Люди	37 312	380 673
2	Женщина	22 949	274 247
3	Мужчина	20 909	251 479
4	Взрослый	17 100	209 810
5	Средний возраст	12 283	156 664
6	Наблюдение и опросник	8 023	101 043
7	Подросток	6 695	85 263
8	Престарелый	6 568	82 601
9	Молодой взрослый	5 931	77 571
10	Безопасность	5 074	56 503
11	Кросс-поперечное исследование	4 053	52 317
12	Отношение к медицинскому персоналу	3 628	45 059
13	Ребенок	3 860	44 952
14	Качественное исследование	3 505	42 102
15	Знание здоровья, установка, практика	2 867	37 834
16	Безопасность пациента	3 405	35 677
17	Соединенные Штаты	3 137	35 247
18	Факторы риска	2 539	31 327
19	Результат лечения	2 775	30 128
20	Возраст 80 и более	2 181	28 838

В кластерной группе отмечены 207 570 связей с общей силой 2 488 303 единицы.

Первый, самый многочисленный по составу элементов кластер (281 термин), обозначен красным цветом. Среди наиболее значимых в нем терминов отметим такие, как «безопасность пациента», «отношение к медицинскому персоналу», «управление безопасностью», «клиническая компетентность», «качественное исследование». Исходя из содержания, данный кластер может объединять публикации, посвященные изучению психологических аспектов безопасности в медицинском учреждении.

Второй кластер (254 термина) выделен зеленым цветом. Наличие в его составе таких «весомых» терминов, как «люди», «женщина», «престарелый», «престарелый, 80 лет и выше», «результат лечения», «качество жизни», «принятие», «алкоголизм», «аффект», позволяет предполагать, что он характеризует публикации, относящиеся к психологическим вопросам безопасности субъектов группы риска.

Третий кластер (231 термин), выделенный на рисунке синим цветом, содержит в качестве наиболее значимых термины «подросток», «родители», «студенты», «социальноэкономические факторы», «межличностные отношения», «социальная поддержка». Исходя из этого, считаем, что он характеризует публикации, затрагивающие психологические проблемы подростковой безопасности.

Четвертый кластер, окрашенный желтым цветом (145 терминов), представлен такими «весомыми» ключевыми словами, как «молодой взрослый», «безопасность», «управление автомобилем», «транспортная авария», «рабочее место», «условия работы», «внимание», «факторы

Пятый кластер, обозначенный фиолетовым цветом (87 терминов), включает в качестве наиболее значимых ключевые слова «наблюдения и опросники», «кросс-поперечные исследования», «знание здоровья, установки, практика», «медицинский персонал». Вероятно, его образуют публикации по организации психологических исследований безопасности.

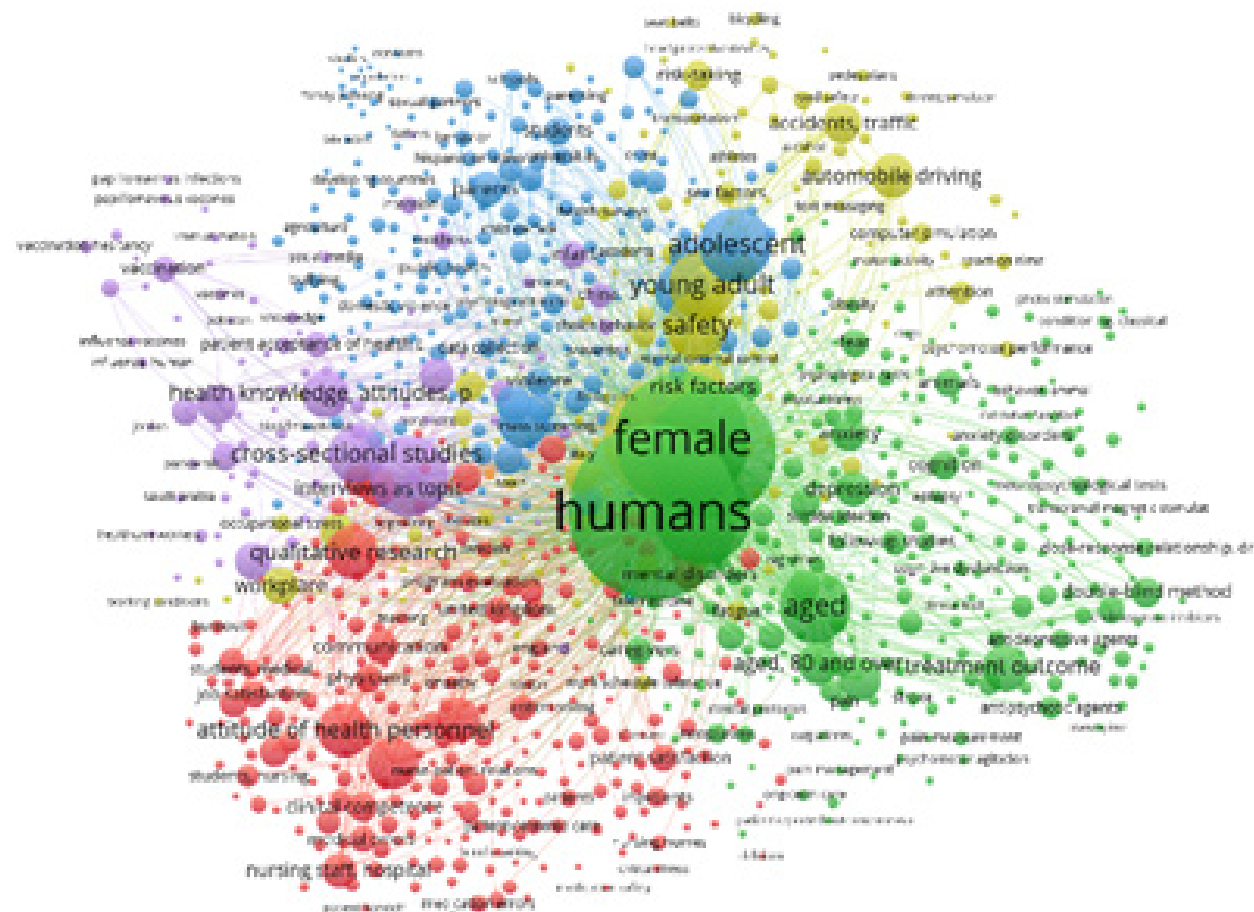

Figure 2. Distribution of key terms by cluster in an array of foreign publications on psychological security issues based on the VOSviewer6 program in Network Visualization mode

По массиву публикаций базы PubMed, характеризующим психологическую безопасность, выявлено 24 195 ключевых слов, из которых порог отбора преодолели 3 803. Анализ распределения ключевых слов по данному массиву предметных публикаций показывает таблица 3. Среди них доминируют понятия, обозначающие субъектов безопасности, разделяемых по полу (мужчина и женщина) и возрасту (взрослый, средний возраст, подросток, молодой взрослый, престарелый). В отличие от ранее рассмотренных массивов публикаций, увеличивается численность чисто психологических терминов – «стресс», «адаптация», «тревожность», «ментальное здоровье».

Таблица 3

Распределение «первой двадцатки» ключевых слов в публикациях
о психологической безопасности (база PubMed)

Table 3

Distribution of the “top twenty” keywords in publications on psychological safety
(PubMed database)

Ранг	Ключевые слова	Случаи	Общая сила связей
1	Люди	12 520	119 956
2	Женщины	6 704	80 279
3	Мужчина	6 042	72 535
4	Взрослый	4 987	61 641
5	Средний возраст	3 359	43 641
6	Наблюдения и опросники	223	27 840
7	Стресс, психологический	2 274	25 632
8	Подросток	1 929	24 867
9	Молодой взрослый	1 770	23 178
10	Престарелый	1 752	21 846
11	Адаптация, психологическая	1 445	17 142
12	Безопасность	1 457	15 607
13	Кросс-поперечные исследования	1 158	14 347
14	Ребенок	1 073	11 656
15	Качественное исследование	892	10 529
16	Риск-факторы	844	10 442
17	Соединенные Штаты	839	9 803
18	Тревожность	836	8 970
19	Ментальное здоровье	897	8 869
20	Рабочее место	787	8 754

Первый кластер (225 терминов) окрашен в красный цвет. Присутствие в нем таких «мощных» ключевых слов и словосочетаний, как «качественное исследование», «безопасность пациента», «организационная культура», «отношение к медицинскому персоналу», «психологические модели», «коммуникация», «фокус-группы», «академический медицинский центр», «конфиденциальность», «медицинское образование» может характеризовать его как массив публикаций об условиях психологической безопасности в медицинских учреждениях.

Второй кластер (204 термина), выделенный на рисунке зеленым цветом, содержит такие «весомые» ключевые слова, как «люди», «женщина», «средний возраст», «престарелый», «качество жизни», «результат лечения», «тайм-факторы», «удовлетворенность пациента», «депрессия». Полагаем, в данном кластере объединены публикации по результатам изучения психологической безопасности пациентов.

Третий кластер (145 терминов) обозначен синим цветом. Объединяя такие часто встречающиеся термины, как «безопасность», «риск-факторы», «принятие риска», «вождение автомобиля», «здоровый образ жизни», «психологические модели», данный кластер можно связать с массивом публикаций по изучению условий психологической безопасности.

Четвертый кластер (135 терминов), элементы которого выделяются желтой окраской, включает такие распространенные в данной группе публикаций ключевые слова, как «знание здоровья, установки, практика», «психологические факторы», «социоэкономические факторы», «установка», «планирование семьи». Преобладание данных терминов позволяет предположить,

что данный кластер объединяет публикации, в которых рассматриваются факторы психологической безопасности.

Пятый кластер (131 термин) на рисунке обозначен фиолетовым цветом. Исходя из содержания входящих в его состав и встречающихся чаще других ключевых слов («подросток», «студенты», «ребенок», «родители», «насилие», «базовые характеристики»), сделаем вывод, что он объединяет публикации об особенностях психологической безопасности детей и подростков.

Шестой кластер (108 терминов) с голубыми элементами в качестве наиболее распространенных содержит ключевые слова «мужчина», «молодой взрослый», «тревожность», «страх», «психологическое выгорание», и это говорит о том, что он включает публикации об особенностях психологической безопасности в молодом возрасте.

Седьмой кластер (52 термина) выделяется оранжевым цветом. Самые распространенные в нем ключевые слова – термины «наблюдения и опросники», «кросс-поперечные исследования», «рабочее место», «ментальное здоровье», «пандемия», «профессиональный стресс», «психологический дистресс» позволяет предположить, что данный кластер построен на публикациях о психологической безопасности в социально значимых реалиях.

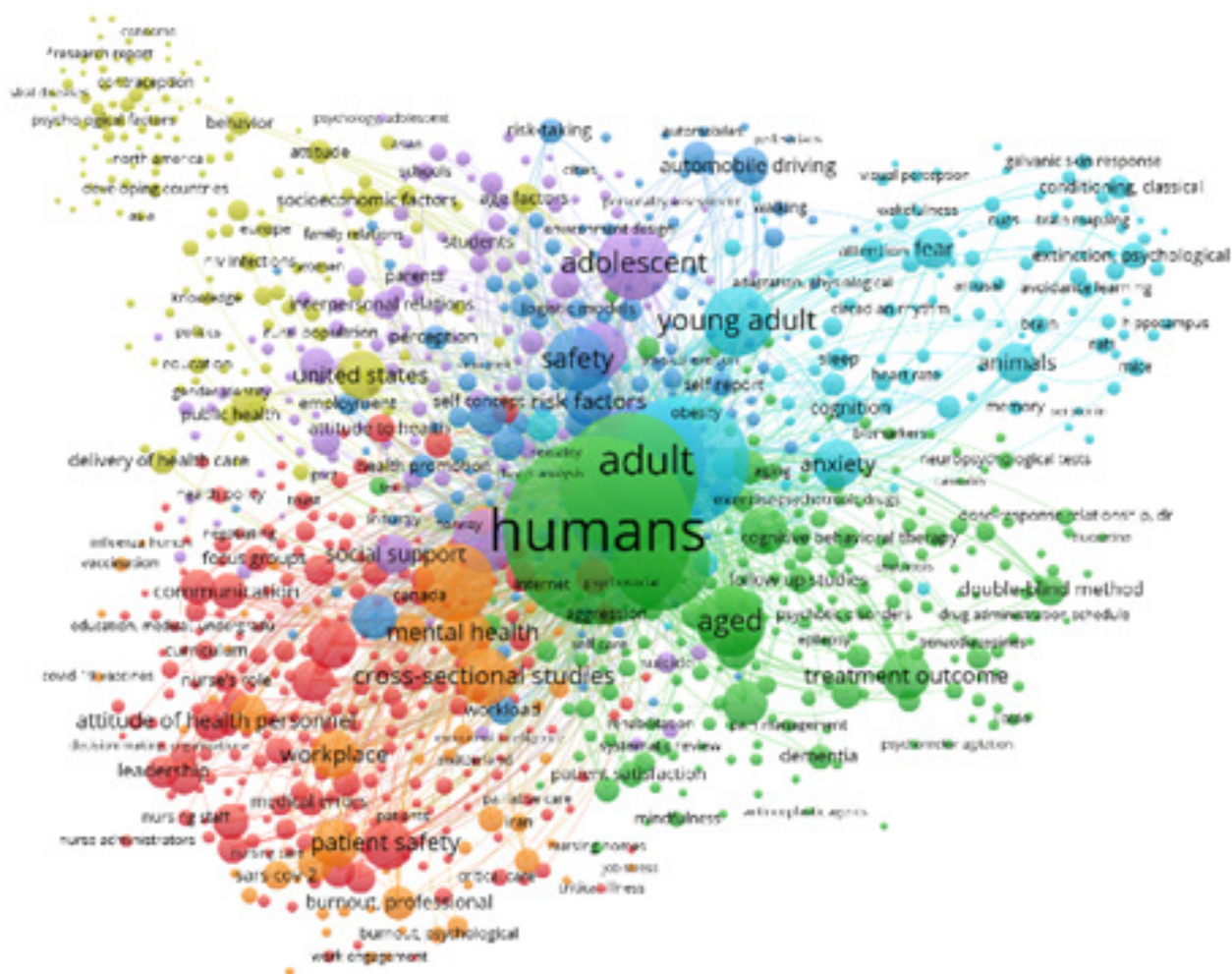

Рисунок 3. Распределение ключевых терминов по кластерам в массиве зарубежных публикаций о психологической безопасности на основе программы VOSviewer6 режиме Network Visualization
Figure 3. Distribution of key terms by cluster in the array of foreign publications on psychological safety based on the VOSviewer6 program in Network Visualization mode

Итак, весь массив публикаций в базе данных PubMed о психологической безопасности разбивается на семь групп: о ее условиях в медицинском учреждении, ее особенностях у пациентов, ее условиях, факторах, особенностях у детей и подростков, в молодом возрасте, в социально значимых реалиях.

3 заключение

Представленное исследование ориентировалось на выявление средствами наукометрического анализа особенностей становления проблематики безопасности, в целом, ее психологических аспектов и собственно психологической безопасности на материале зарубежных публикаций. В него были включены в общей сложности 1 076 935 работ, представленных в базе данных PubMed, начиная с 1797 года и по середину 2025 года. Анализ проводился на основе изучения распределения ключевых слов в общем массиве публикаций, а также во временном диапазоне с появления первой тематической публикации и заканчивая временем проведения данного исследования.

На основе проведенного исследования сделаем следующие выводы.

1. В зарубежном научном пространстве первые публикации о безопасности относятся к концу XVIII века, публикации по психологическим вопросам безопасности и о психологической безопасности – к началу 60-х гг. XX века. Их появление обусловлено общесоциальным контекстом, развитием научного знания и потребностями практики. Массовый и регулярный характер зарубежные публикации о безопасности, ее психологических аспектах и о психологической безопасности приобретают с последнего десятилетия XX века.

2. В массиве зарубежных публикаций о безопасности выделяются семь областей исследования – безопасность семьи, общесоциальная безопасность, безопасность животных, безопасность пожилых людей, безопасность средневозрастной группы, безопасность детского и подросткового возраста, медикаментозная безопасность. Первые публикации освещают особенности общесоциальной безопасности, последние – вопросы безопасности пожилых людей.

3. В массиве зарубежных психологических публикаций о безопасности выделяются пять научных областей – психология безопасности в медицинском учреждении, психология безопасности субъектов группы риска, психология безопасности подростков, психология безопасности молодежи и организация психологических исследований безопасности. Развитие научных интересов по проблематике начиналось с изучения наиболее общих вопросов безопасности и привело к рассмотрению психологических аспектов безопасности ключевых проблем современности (ментального здоровья, COVID-19, вакцинации и т. п.).

4. Исследования по психологической безопасности в зарубежном публикационном пространстве представлены семью проблемными областями – ее условия в медицинском учреждении, ее особенности у пациентов, ее условия, факторы, особенности у детей и подростков, в молодом возрасте, в социально значимых реалиях. Исследования начинались с обращения к условиям и факторам психологической безопасности. В настоящее время наиболее актуальны публикации о психологической безопасности в конкретных ситуациях (выгорания, профессионального выгорания, пандемии и т. п.).

В целом полученные результаты подтвердили значимость проблематики безопасности, а также органически выделения в ней научных областей психологии безопасности и психологической безопасности. Выявлена приоритетность в рассматриваемой тематике субъекта безопасности вне зависимости от выбранного ракурса ее изучения. Можно предположить, что дальнейшее развитие публикационной активности будет обращено к конкретным, предметно определенным запросам социума по безопасности.

Список источников

1. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. История психологии безопасности: истоки и современность : монография. Москва : РУСАЙНС, 2021. 212 с.
2. Иохвидов В. В., Ованесян И. Г. Историческая ретроспектива развития представлений о психологической безопасности личности // Вопросы истории. 2021. № 9-1. С. 211-219. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi20>
3. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Состояние отечественной психологии корпоративной безопасности в первые десятилетия XXI в. : библиографический анализ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2022. Т. 42. С. 94-108. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.42.94>
4. Евдокимов В. И., Шамрей В. К., Плужник М. С. Развитие направлений научных исследований по боевому стрессу в отечественных статьях с использованием программы VOSviewer (2005–2021 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2023. № 2. С. 99-119. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2023-0-2-99-116>
5. Евдокимов В. И., Шамрей В. К., Плужник М. С. Боевой стресс: анализ иностранных статей при помощи адаптации результатов программы VOSviewer (2005–2021 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2023. № 3. С. 106-121. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2023-0-3-106-121>
6. Рахимжанова А. Б., Изекенова Ж., Катаева З., Дуррани Н. Библиометрический анализ гендерных исследований в социальных науках постсоветских стран // Gumilyov Journal of Sociology. 2025. № 1 (150). С. 87-107. <https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-150-1-87-108>

7. Edmondson A. C. Psychological safety and learning behavior in work teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999. Vol. 44, № 2. P. 350–383. <https://doi.org/10.2307/2666999>
8. Zhang Y. [et al.]. Characteristics of Publications on Occupational Stress: Contributions and Trends // *Frontiers in Public Health*. 2021. № 9. P. 664013. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.664013>
9. Van Eck N. J., Waltman L. Manual for VOSviewer version 1.6.19. EZ Leiden, Netherlands : Leiden Universiteit, 2023. 54 p. URL: https://www.aidi-ahmi.com/download/Manual_VOSviewer_1.6.19.pdf (дата обращения: 14.08.2025).
10. King S. C. Esq. Description of an Instrument for Performing the Operation of Trepanning the Skull, with More Ease, Safety, and Expedition Than with Those Now in General Use // *The Transactions of the Royal Irish Academy*. Vol. 4 (1790–1792). P. 119–139. URL: <https://www.jstor.org/stable/30078668> (дата обращения: 14.08.2025).
11. Katz D. On the psychology of the safety margin // *Nervenarzt*. 1951. № 22 (10). P. 375–376.
12. Godard J. Human factor and the safety of workers // *Bull World Health Organ*. 1955. Vol. 13, № 4. P. 661–680.
13. Bajor A. Bajor's test; a piece of log pierced by a safety pin // *Psyche Rev Int Sci Homme Psychanal*. 1952. Vol. 73, № 7. P. 761.
14. Franzen B. Individual-psychological aspects of traffic safety // *Sven Lakartidn*. 1955. Vol. 52, № 37. P. 2267–2272.
15. Ackerknecht E. H. Medical art as a psychological safety-valve // *Bull Med Libr Assoc*. 1955. Vol. 43, № 4. P. 465–471.

References

1. Krasnyanskaya T. M., Tylec V. G. *Istoriya psihologii bezopasnosti: istoki i sovremennost'* : monografiya. Moskva : RUSAINS, 2021. 212 s.
2. Iohvidov V. V., Ovanesyan I. G. Istoricheskaya retrospektiva razvitiya predstavlenij o psihologicheskoy bezopasnosti lichnosti // *Voprosy istorii*. 2021. № 9-1. S. 211–219. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi20>
3. Tylec V. G., Krasnyanskaya T. M. Sostoyanie otechestvennoj psihologii korporativnoj bezopasnosti v pervye desyatiletija XXI v. : bibliograficheskij analiz // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*. 2022. T. 42. S. 94–108. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.42.94>
4. Evdokimov V. I., Shamrej V. K., Pluzhnik M. S. Razvitie napravlenij nauchnyh issledovanij po boevomu stressu v otechestvennyh stat'yah s ispol'zovaniem programmy VOSviewer (2005–2021 gg.) // *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situacijah*. 2023. № 2. S. 99–119. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2023-0-2-99-116>
5. Evdokimov V. I., Shamrej V. K., Pluzhnik M. S. Boevoy stress: analiz inostrannyh statej pri pomoshchi adaptacii rezul'tatov programmy VOSviewer (2005–2021 gg.) // *Mediko-biologicheskie i social'no-psihologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situacijah*. 2023. № 3. S. 106–121. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2023-0-3-106-121>
6. Rahimzhanova A. B., Izenkova Zh., Kataeva Z., Durrani N. Bibliometricheskij analiz gendernykh issledovanij v social'nykh naukah postsovetskikh stran // *Gumilyov Journal of Sociology*. 2025. № 1 (150). S. 87–107. <https://doi.org/10.32523/3080-1702-2025-150-1-87-108>
7. Edmondson A. C. Psychological safety and learning behavior in work teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999. Vol. 44, № 2. P. 350–383. <https://doi.org/10.2307/2666999>
8. Zhang Y. [et al.]. Characteristics of Publications on Occupational Stress: Contributions and Trends // *Frontiers in Public Health*. 2021. № 9. P. 664013. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.664013>
9. Van Eck N. J., Waltman L. Manual for VOSviewer version 1.6.19. EZ Leiden, Netherlands : Leiden Universiteit, 2023. 54 p. URL: https://www.aidi-ahmi.com/download/Manual_VOSviewer_1.6.19.pdf (дата обращения: 14.08.2025).
10. King S. C. Esq. Description of an Instrument for Performing the Operation of Trepanning the Skull, with More Ease, Safety, and Expedition Than with Those Now in General Use // *The Transactions of the Royal Irish Academy*. Vol. 4 (1790–1792). P. 119–139. URL: <https://www.jstor.org/stable/30078668> (дата обращения: 14.08.2025).
11. Katz D. On the psychology of the safety margin // *Nervenarzt*. 1951. № 22 (10). P. 375–376.
12. Godard J. Human factor and the safety of workers // *Bull World Health Organ*. 1955. Vol. 13, № 4. P. 661–680.
13. Bajor A. Bajor's test; a piece of log pierced by a safety pin // *Psyche Rev Int Sci Homme Psychanal*. 1952. Vol. 73, № 7. P. 761.
14. Franzen B. Individual-psychological aspects of traffic safety // *Sven Lakartidn*. 1955. Vol. 52, № 37. P. 2267–2272.
15. Ackerknecht E. H. Medical art as a psychological safety-valve // *Bull Med Libr Assoc*. 1955. Vol. 43, № 4. P. 465–471.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 343.951:159.99

Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве

Андрей Викторович Поминов, кандидат педагогических наук

Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий
Сибай (Республика Башкортостан, 453839, ул. Белова, д. 21), Российская Федерация
pominoffan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3076-0962>

Аннотация:

Введение. Проблема определения вины в уголовном праве имеет свою историю исследования. Понимание вины простирается от общественного порицания до личностной феноменологии. Вина, включающая в себя психическое отношение лица к поступку, стала предметом настоящего психолого-лингвистического исследования.

Методы. Рамочным инструментом познания предмета исследования выступил диалектический метод. С целью понимания семантики корневых и производных понятий использовался объяснительный внеязыковой метод. Междисциплинарная природа проблемы предопределила интегративный характер исследования.

Результаты. В работе мы рассмотрели психическое отношение в парадигме культурно-исторического подхода, когда отношение представляет собой не оценку действия, а смысл действия. Вина как психическое отношение раскрывается через отношение субъекта действия к объекту действия, событию и к себе как к субъекту события, что наполняет объективным и субъективным составом преступления. Определено, что вина как психическое отношение содержит в своем составе цель, преобразующие действия, самоконтроль и самооценку. Это позволяет рассмотреть вину через призму проявления субъектности виновного лица, раскрывающего свое психическое отношение в системе поведенческих реакций. Представлено видение понятия «признание вины» и сформулирована роль совести в этом нравственном акте. Сформулированы новые направления исследования психологии вины в уголовном праве.

Ключевые слова:

вина, виновность, умысел, умышленное действие, субъектность

Для цитирования:

Поминов А. В. Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 307–318.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Psychological aspects of guilt in criminal law

Andrej V. Pominov, Cand. Sci. (Ped.)

Sibay Institute (branch) Ufa University of Science and Technology
21, Belova str., Sibay, 453839, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
pominoffan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3076-0962>

Abstract:

Introduction. The problem of determining guilt in criminal law has a long history of research. The understanding of guilt ranges from social condemnation to personal phenomenology. Guilt, which includes a person's mental attitude towards an act, has become the subject of this psychological and linguistic study.

Methods. The dialectical method was used as a framework for understanding the subject of this study. An explanatory extralinguistic method was used to understand the semantics of root and derivative concepts. The interdisciplinary nature of the problem predetermined the integrative nature of the study.

Results. In this paper, we have examined mental attitudes within the paradigm of the cultural-historical approach, where an attitude represents not an action evaluation, but an action meaning. Guilt as a psychological attitude is revealed through the attitude of the subject of the action towards the object of the action, the event, and towards themselves as the subject of the event, which fills the objective and subjective

Keywords:

guilt, culpability, intent, deliberate action, subjectness

For citation:

Pominov A. V. Psychological aspects of guilt in criminal law // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 307–318.

components of the crime. It has been determined that guilt as a psychological attitude includes a goal, transformative actions, self-control, and self-assessment. This makes it possible to consider guilt through the prism of the guilty person's subjectness, revealing their psychological attitude in a system of behavioural reactions. The concept of "admitting guilt" is presented and the role of conscience in this moral act is formulated. New directions for research into the psychology of guilt in criminal law are formulated.

The article was submitted May 28, 2025;
approved after reviewing December 16, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Определение вины как психического отношения лица к совершенному деянию часто фигурирует в правовых исследованиях. Психическое отношение рассматривается как оценочное суждение виновного лица к совершенному действию криминального характера. Вина сводится к чувству как к феномену эмоционального состояния, например, в ходе деятельного раскаяния и признания (Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В. В. Мишин, В. В. Хилjuta и др.). Генезис субъективного содержания вины в его исторической ретроспективе раскрыт А. К. Степановым [1]. Недостаточность вины для определения виновности исследовалась В. В. Хилjutой, который, рассматривая вину как личностное феноменологическое явление, пришел к выводу о расширении рамок исследования вины, определения ее самостоятельной, но недостаточной частью преступления: «Вина является личностным феноменом, и она может идентифицироваться через внутренние связи, когда значение имеет психическое отношение лица к содеянному, и через внешние связи, когда природа вины устанавливается на основании того, как к деянию и его последствиям относятся другие» [2].

Само понятие «вина» отсутствует в современном Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), в нем раскрыто понятие «форма вины». Форма не может рассматриваться в отрыве от содержания. Содержание есть единство элементов, свойств и структур (связей), а форма есть организация этого содержания, предъявление содержания. Поэтому форма вины есть итоговая фаза переживания содержания вины. Полагаем, что акт переживания есть процесс, развернутый во времени, и форма вины проявляется в итоге этого акта. Если форма вины образуется из содержания вины, то форма вины не может существовать вне того содержания вины, которое ею предъявляется.

В современных правовых исследованиях дискуссия о роли психологии в определении понятия вины осуществляется в четырех направлениях: психологическом, уголовно-правовом, предметном и социальном. Каждое из этих направлений формирует свою грань явления вины в теории уголовного судопроизводства. Большинство учебников определяют вину через такие понятия, как «психическое отношение», «общественно опасное деяние», «формы вины», «антисоциальность действия», «порицание/осуждение». Несмотря на многообразие определений, ключевым звеном понятия вины остается психическое отношение. Понятие «психическое отношение» обладает большой емкостью и поэтому понять, что следует учитывать из психического отношения в уголовном судопроизводстве, остается проблемой. А. Н. Игнатов в своих исследованиях пишет: «В дальнейшем (после 1912 года) вина всегда рассматривалась в уголовно-правовой доктрине как психологическое отношение лица к своим действиям и их последствиям» [3, с. 124] и далее ставит вопрос: почему при определении вины через неопределенные понятия умысел и неосторожность, деяния и его последствия признаются виной, и порицается судом [3].

Таким образом, целью настоящего исследования является описание психологической стороны содержания вины в процессах психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию.

Методы

В основу исследования положен диалектический метод познания. В ходе анализа предмета исследования использованы структурно-лингвистические методы: работа с корпусом Национального русского языка, словообразовательный анализ. Понимание семантики постигается посредством объяснительного внеязыкового описания. Для достижения искомой семантики мы частично обратились к когнитивным структурам и механизмам преобразования смыслов, а также к социальным, психическим, культурным факторам смыслообразования слов. Задачи, носящие комплексный характер, решались в парадигме междисциплинарного подхода.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Результаты

Роль субъектности в психическом отношении

В юриспруденции психическое отношение рассматривается как оценочное суждение виновного лица к совершенному действию криминального характера. Многие исследователи подводят вину к субъективному нравственному переживанию: хорошее – плохое, допустимое – недопустимое, истинное – ложное (Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В.В. Мишин, В. В. Хилута и др.). Рассматривая психическое отношение, обратимся к исследованиям А. В. Петровского. Он рассматривает психическое отношение через субъектность личности, реализующей себя в среде активности [4]. Субъектность «рассматривается как способность индивида к изменению самого себя и окружающего мира. Главными характеристиками такого подхода являются активность, развитие, интеграция, самодетерминизм, способность к саморегуляции и т. д.» [5, с. 210]. Субъектность личности представляет собой такую способность, которая позволяет совершать преобразующие целевые действия, включая самоконтроль и самооценку. Психическое отношение вне субъектности невозможно. Поэтому важно введение понятия «субъектность» для определения психического отношения субъекта деяния.

Рассмотрим проявление субъектности в содержании статей Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье 14 УК РФ законодатель, определяя понятие преступления, описывает его двумя признаками: общественно опасное деяние и виновно совершенное деяние². Исходя из смыслов психологии отношений и понятия преступления, можно утверждать:

1) та взаимосвязь, которая объективно складывается между объектом и субъектом – не что иное, как объективная сторона преступления, и ее мы можем предположить исключительно в паре субъекта и объекта, что отражено в понимании виновности самого деяния. Следовательно, деяние является виновным, если оно определено как общественно опасное и обусловлено субъектной активностью. Субъектная активность определена мотивом, целью и преобразующим действием;

2) связь субъекта и объекта включает в себя психические процессы и состояния, выраженные в проживании и переживании (понимание, оценка, реакция) криминального поступка и его отражение в сознании, где итогом становится осознание деяния. Осознанное деяние и есть субъективная сторона преступления.

Подтверждение наших выводов находим в ряде исследований. С. В. Векленко констатирует, что сущность вины детерминируется ее внешними проявлениями [6]. Об этом же пишет в своем исследовании В. В. Хилута: «Сущность вины составляет единство отражательных и отношенческих аспектов психики конкретного человека» [2, с. 94], а также О. Г. Донская: «Уголовный закон <...> установил субъективные границы психического отношения к деянию, которое позволяет определить преступное деяние от не преступного» [7, с. 125].

В Уголовном кодексе Российской Федерации общественно опасное деяние несет виновный характер само по себе, в отрыве от субъекта. Связность субъекта и объекта преступного деяния возникает тогда, когда носителем общественно опасного деяния выступает субъектность. Это явление и есть виновно совершенное деяние.

Объективная сторона преступления, если рассматривать ее через категорию вины – это выяснение соотношения совершенного деяния к виновному деянию, определенному законом.

Субъективная сторона преступления раскрывается опосредованно, т. е. исследуются не сами отношения субъекта, а последствия этих отношений – «через изучение ее внешних проявлений» (выше выделено у С. В. Векленко). В этих отношениях и в последствиях этих отношения проявлена субъектность.

Для исследования важно понимание того, в каком возрасте личность способна к осознанию своих действий и действий в ее отношении, т. е. к проявлению своей субъектности. Под субъектностью в процессе созревания личности мы понимаем «усиление с возрастом осознанности, произвольности, избирательности и ответственности человека в контактах с миром» [8, с. 528].

Таким образом, мы приходим к утверждению, что вина определяется, если совершенные действия детерминируются объективной стороной виновного деяния. Психическое отношение – это проявление субъектности в виновном деянии, явленное в следах и последствиях активности. Содержание психического отношения к деянию носит характер опосредованный и исследуется по продуктам (следам) совершенного субъектом общественно опасного деяния. Мы приходим к выводу, что отношение к содеянному носит деятельностный характер, и осуждение или неосуждение лицом своего действия не имеет отношения к определению вины

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

и его виновности. Вина шире категории нравственности. Вина – это деятельностный компонент активности.

Психолого-семантический анализ понятий вина и виновность

Дискуссия вокруг понятий вина и виновность (С. В. Векленко, А. Н. Игнатов, А. Н. Парог, Н. С. Таганцев, В. В. Хилjuta и др.) широко представлена в научных работах.

Проанализируем слово «виновность». Оно состоит из корня «вин» и суффиксов: «овн» и «ость». «Суффикс; = -овн-(ый) – словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака или свойства: верховный, виновный, греховный, дневной, духовный, душевный, плачевный, сановный, чиновный и т. п.»³.

Суффикс «ость» обозначает отвлеченное качество, т. е. качество абстрактное, не имеющее материального объекта. Например, надежность, справедливость, верность, смелость, радость, ясность, надежность. Этот суффикс используется и для обозначения лица, наделенного этим качеством: «посредственность, бездарность...»⁴.

Корневое существительное «вина» имеет абстрактный характер (отсюда и отвлеченное качество виновности), следовательно, вопрос о типе деривации решить сложнее [9]. Мы продолжим исследования в области происхождения слова вина, для чего потребуются понять не только начальное значение слова, но и движение к отражению морального аспекта. Для чего необходимо обратиться к работам А. А. Потебни, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и др. Считаем, что определение типа деривации важно для построения семантической парадигмы вины как корня словообразования. Кроме этого, при исследовании значения слова «виновность» видится необходимым обратиться к концепции В. В. Виноградова о предикативном способе мотивации в словообразовании⁵.

Таким образом, мы приходим к предположению: виновность, детерминированная значением корневого слова – виновный, возникает только после определения виновного, того, кто совершил виновное деяние. Но виновное деяние может определяться в культуре и само по себе, без виновного лица, тогда его существование носит идеальный характер, зафиксированный, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации. Реальность виновности такова, что детерминационно возникает виновный актор, который реализует виновное деяние. Виновное деяние, как сема, задает объективную сторону преступления, т. е. в вине мы видим не субъекта правонарушения, а само правонарушение, которое в обществе обозначено как виновное деяние. Семемой же становится виновность как виновное деяние и виновное лицо. Это полагание имеет отражение и в юридических исследованиях [10].

Обратим внимание на использование слова «виновность» в литературе как на указание психологического состояния. Ф. М. Достоевский («Преступление и наказание»): «...чувство виновности вдруг сменилось чувством возмущённого негодования». Л. Н. Толстой («Анна Каренина»): «И в глазах её выражалось сознание своей виновности и желание оправдаться перед собой и перед ним». В. О. Пелевин («Generation „П“»): «Это было чувство какой-то невыразимой виновности перед миром». В дальнейшем эти исследования позволят нам увидеть то, как вина, преобразуясь лексически, меняет свою семантику и своё психологическое значение, а это определит понимание ее роли в моделировании виновного поведения виновного лица.

С 2008 года С. В. Векленко выпускает серию методологических статей, посвященных диалектическому пониманию вины. Анализ основных постулатов, изложенных в этих статьях, позволяет утверждать, что психология вины концентрируется вокруг понятий «осознанность» и «воля», где они образуют форму вины, а семантика образованного действия – содержание вины. В этих исследованиях во главу угла поставлен поиск неизменного признака, способного стать основой не только для видовой дифференциации вины, но и для доктринального понимания вины в уголовном судопроизводстве. Таким признаком, единым для всех форм проявления вины, определяется сознание: «Базовым содержательным признаком <...> виновного отношения <...> становится сознание» [6, с. 47]. Основой видовой многообразия форм вины автор определяет волю как содержание этой вины и приходит к выводу, что в совокупности сознание и воля образуют интеллектуальное содержание виновного отношения к деянию [6].

Мы считаем, что диалектически включение термина «сознание» в определение понятия вины как неизменного признака, – шаг абсолютно верный, но, опираясь на понятие «сознание»,

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц : [в 2 т.]. Москва : Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1210 с.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. Москва : Высшая школа, 1986. 640 с.

⁵ Там же.

описать отношение субъекта к объекту и деянию весьма проблематично. Понятие «сознание» в данном случае несет онтологическую функцию, т. к. вне сознания нет не только криминального действия, нет вообще никакой произвольной психической активности, которая может привести к виновному действию. Например, при определении доминирующей формы вины, С. В. Векленко говорит о необходимости учета некоторых элементов: «сознательно-волевая или умышленная вина, содержание которой образуют сознательные и волевые элементы» [6, с. 47]. Задача определения неизменного признака при разных формах вины может быть решена, если в основу будет положено понятие, производное от сознания, например, осознание как процесс или осознанность, сознательное как признак, или мотивация и т. п. Мы же предлагаем неизменным признаком определить понятие субъектности, которое описывает более широкие психические свойства, включая и вышеуказанные, а также вписывается в онтологию сознания. Тогда понятие «интеллектуальное содержание виновного отношения» за счет семантики понятия «субъектность» становится более связанным с сознанием, а его место в структуре вины – отчетливо выраженным. Ответ на вопрос: «Будет ли достаточным понятие „интеллектуальное содержание“ для полноценной характеристики „виновного отношения“?» требует дальнейшего исследования.

Таким образом, мы определили, что неизменным признаком вины становится субъектность, проявленная в виновном деянии. Виновность, входящая в состав вины, указывает на завершенность вины во внутреннем мире личности. Виновность возникает в итоге интеграции в правосознании виновного деяния и виновного лица. Нам еще предстоит построить всю схему связанности производных от вины понятий, законченность и завершенность психолого-семантического рисунка вины и проявление в ней субъектности.

Определение субъектности как психологической стороны вины

Интересными видятся работы, в которых вина исследуется через виновное поведение: «Виновным признается лишь сознательно-волевое поведение» [6, с. 45]. Это дает понимание того, что не только виновное лицо, но и виновное поведение являются составными частями семантики понятия вины. В особенностях поведенческих реакций проявляется субъектность виновного лица. Набор поведенческих реакций личности всегда обусловлен внутренними взаимосвязями: когнитивными способностями, психофизиологическим и волевыми процессами (эндопсихикой) и проявлением психического в реальных действиях (поступках, отношениях), детерминированных внешней средой (экзопсихикой). Введенные А. Ф. Лазурским в научный аппарат психологии понятия «эндо-» и «экзопсихика» позволяют нам увидеть в виновном поведении сочетание внутренних процессов виновного лица и проявление процессов психического в виновном поведении.

Такое видение предполагает предопределенность набора личностных поведенческих реакций. Данный набор формируется под воздействием среды воспитания и взросления личности. Этот набор мы можем определить как «относительно стабильный личностный конструкт» [11, с. 259], но не неизменный. Отсюда ряд полаганий:

- 1) виновное поведение обусловлено проявлением личностного конструкта виновного лица;
- 2) виновное поведение можно рассматривать как виновное лицо в поведенческом проявлении.

Такие полагания позволяют утверждать, что мы можем реконструировать субъектность из особенностей следов поведенческих реакций, проявленных в виновном деянии. Полученное описание субъектности наполняет субъективную сторону преступления и дает развернутую картину психического отношения лица к преступному действию.

Психология вменяемости играет важную роль в определении вины, т. к. раскрывает психологию преступника: его сознание и волю [6], осознанность и понимание, цель и мотив. Л. Д. Гаухман предлагает рассматривать психологию преступника, выраженную в объективной реальности [12]. Эксплицитные цели и мотивы и есть элементы психического отношения преступника к объективной реальности преступления, т. к. предполагают преобразующие целевые действия. Можем ли мы такое же суждение вынести на имплицитные цели и мотивы? Это вопрос, требующий отдельного исследования, поскольку нет объективного инструмента для их фиксации. Если вина может быть рассмотрена через виновное деяние, то цель во всех своих проявлениях (осознанность, мыслеформа, речевая форма и т. п.) является продуктом психической деятельности. При этом цель выражена в объективной реальности и, значит, обусловлена ею. И если цель обусловлена внутренней реальностью и опосредована внешним объектом деятельности, то мотив – порождение внутренних процессов.

В. К. Андрианов относит психологические аспекты уголовного права к «реализации мер уголовно-правового воздействия на лиц, их совершивших (вменяемость и невменяемость, различные формы психической активности – вина, мотив, цель, эмоции)» [13, с. 135]. Следовательно, вменение наблюдается тогда, когда есть психическое отношение к криминальной ситуации – отношение, выраженное в цели, мотиве, осознанности и понимании общественной опасности деяния, регуляции психической активности и иных проявлениях субъектности.

Таким образом, ключевой психологической единицей вины выступает субъектность как проявление психического отношения. При отсутствии психического состояния, готового к проявлению субъектности, невозможно вменить вину. Этот вывод доказывает, что субъектность является психологической единицей вины. Нам видится важным проведение дальнейших исследований, определяющих топологию и функцию субъектности в вине.

В статье 24 УК РФ виновность лица раскрывается посредством понятия «совершившее деяние умышленно» – «лицо, совершившее деяние умышленно» (оставим пока за скобками рассуждение о неосторожности). Этимология слова Умышленно > Умысел > у-мысль, сложна. Этимологический словарь М. Фасмера не рассматривает отдельно происхождение данного понятия. Умысел с психологической точки зрения – это, прежде всего, мотивационно-потребностная сфера, которую можно выразить словом – замысел. Эту же мысль мы можем выделить и в работах Э. В. Ильенкова [14]. Так как умысел – это форма вины, то перед нами стоит проблема определения умозрительного и деятельного начала умысла. Следует отметить, что умысел как значение имеет давние корни. Упоминание об этом мы встречаем при толковании церковнославянского слова «ковъ» – умысел, заговор⁶, с явно выраженной негативной коннотацией: «Ковъ – злое ухищрение. Ковъ творяще, яко оубьют его. Деяния 25:3; Мр. 15:7; Псалтырь толковая 12 век; Притчи 17:26; Ковьникъ – замысляющий зло; «ковникъ неправедень», Воскр. Триод. Цвет., 12 в.»⁷.

Поэтому умысел в психологическом плане есть психическое активное отношение субъекта к объекту с криминальным мотивом действия в отношении объекта. Мы допускаем, что умысел – интеллектуализированное понимание субъектом общественной опасности деяния. Но психологически умысел неоднороден. Исследование понятия умысла на предмет умозрительности и действительности позволит выделить виды умысла, например, как у С. А. Гавриленко – интеллектуальный и волевой. Таким образом, умысел – это признак программирования психической активности субъекта на совершение виновного деяния. На данную базовую конструкцию не влияет механизм образования умысла: спонтанный, обдуманый или умысел, возникший в состоянии аффекта. Если лицо было в невменяемом состоянии, то это состояние не предполагает умысла. Лицо в невменяемом состоянии не способно осуществлять программирование психической активности на совершение виновного деяния. А умысел, прямой или косвенный, всегда связан с виновным деянием (ст. 25 УК РФ).

Уточним термины «осознанность» и «предвидение», указанные в ст. 25 УК РФ. Они определяют осознанное поведение личности и прогнозирование ею опасности. Если проанализировать синонимический ряд глагола «осознавать», то мы получим спектр смыслов, которые указывают на то, что, осознавая, человек понимает⁸. Таким образом, если лицо осознавало, то оно понимало событие. Понимание – это процесс взаимодействия с той реальностью, в которую погружен субъект деяния. Это взаимодействие ему необходимо для оперирования реальностью, для принятия решения и преобразования (изменения) реальности⁹.

Рассмотрим пример: преступник напал на несовершеннолетнего с целью завладения его имуществом. Сам несовершеннолетний и его имущество – это объект для совершения насильственных действий преступника, а активность и пространственное окружение планируемого события – это реальность.

Преступник должен понимать реальность, оперировать ею для достижения благоприятных условий, необходимых для насилия, и при достижении желанной реальности осуществить акт насилия, тем самым преобразуя эту реальность: «Понимание – это всегда процесс и результат сопоставления, существующего с должным» [15, с. 79]. Представление о правонарушении может иметь разную степень структурированности. Преступник выбирает то представление

⁶ Объяснительный словарь малопонятных церковнославянских слов, встречающихся в св. Евангелии, Часослове и Псалтыри / сост. А. Н. Соловьев. 7-е изд. Москва : Издательство книгопродавца, тип. Вильде, 1902. 64 с.

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского : [в 3 т.]. Санкт-Петербург : издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1890–1912.

⁸ Словарь синонимов З. А. Александровой прямо отсылает к глаголу «понимает» (Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник : около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. Москва : Дрофа, 2010. 564 с.).

⁹ См. рассуждения о субъектности.

о реальности, которое наиболее конгруэнтно его цели, исходя из обстоятельств реальности и личного опыта. Поэтому осознанность – это понимание реальности в парадигме желанная /нежеланная. Прогнозирование – это экстраполяция структурированной реальности с желаемой. Способность психики действовать с прогнозированием напрямую связана с саморегуляцией поведения для достижения поставленной цели, то есть с антиципацией [16]. Это свидетельствует о единстве понимания и прогнозирования в организации криминального события.

В психологической науке понятие субъектности включает ряд качеств, выраженных в способностях к самоорганизации, постановке целей с учетом достижений, активной адаптации с учетом собственных целей и условий среды, саморегуляции направленной активности и т. д. [5]. Цель и мотив преступного акта играют роль в момент совершения преступления. Само преступное действие служит достижению цели и удовлетворению мотива, но, образуя субъективную сторону преступления, цель и мотив не отождествляются с виной, которая не может сосуществовать параллельно с преступным актом [17]. Таким образом, мы утверждаем, что, в момент преступления, цель и мотив не определяют вину, а противостоят ей, и это необходимо учитывать при формировании субъективной стороны преступления. Целей и мотивов недостаточно для совершения преступного деяния. Преп. Антоний говорит: «О помышлениях же ваших святой Давид в книге псаломстей пишет так: „весть Господь помышления человеческая, яко суть суетна” (Пс. 93, 11). А посему и за грех не ставьте их, о чем я лично вам говаривал, но вы привыкли беспокоиться по-пустому»¹⁰. Для преступления необходима воля, ведущая к цели, к удовлетворению мотива. Воля как раз и необходима, чтобы преодолеть вину, возникающую во внутреннем плане действия. В этом также проявляется субъектность, ее волевое начало, способное к созданию активности, в устойчивом движении к цели. Поэтому цели и мотивы в момент правонарушения не определяют вины как внутренний психологический феномен.

Противоправный умысел, даже полностью развнутый во внутреннем плане действия личности, но не проявленный в субъектной активности, в теоретическом плане говорит об отсутствии субъективной стороны преступления: «Преступлением признается виновно совершенное <...> деяние»¹¹. Значит, субъективная сторона преступления, образованного до преступного акта целями и мотивами, возникает в момент преступной активности (в т. ч. когда преступление не завершено (ст. 30 УК РФ)) или в момент достижения преступных целей и удовлетворения мотивов.

Психология вменяемости становится краеугольным камнем в понимании психологии вины, которую общественное представление накладывает на субъекта деяния. С. В. Векленко совершенно справедливо в качестве рамочной задачи определяет критериальные признаки отношения субъекта к действию [6]. Отношение субъекта преступления к деянию и есть основная площадка для понимания механизма образования вины как результата в сознании субъекта. Осознание и понимание вины определяет готовность субъекта к вменению. А сама готовность субъекта к вменению ему вины является важной категорией, определяющей полноту уголовной ответственности, выраженной в последовательности: «а) отрицательная оценка деяния субъекта преступления, выражающаяся в осуждении виновного лица от имени государства обвинительным приговором суда; б) назначение лицу наказания; в) отбывание наказания; г) возложение на осужденного определенных ограничений, связанных с судимостью»¹². В частности, речь идет об основании уголовной ответственности: «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления... признаки состава указывают на то, что деяние является именно преступлением, а не каким-то иным правонарушением»¹³. Признание деяния преступным имеет два источника: правовое признание (решение суда) и субъектное признание (признание субъектом правонарушения вины). Правовое признание ограничивается доказанностью деятельного отношения к преступному событию, т. е. проявленной в нем субъектности. И уголовная ответственность, выраженная в общественном порицании и назначенном наказании, может наступить вне субъектного признания¹⁴.

Говоря о вине, мы имеем в виду, что вина сама возникает в системе отношений личности в виновном деянии. Виновное событие есть продукт общественный и объективный. Признание вины – это не испытание чувства вины, а признание самого факта отношения к виновному

¹⁰ Макарий (Иванов М. Н. ; старец Оптиной пустыни). Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского : [в 6 т.] / [сост. архимандрит Иоанн (Захарченко)]. Козельск : Издательство Введенской Оптиной Пустыни, 1997. Т. 2. С. 67.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Арямов А. А., Басова Т. Б., Безверхов А. Г. [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. Москва : Проспект, 2019. С. 30.

¹³ Уголовное право. Общая часть : учебник / Багмет А. М., Быков А. В., Бычков В. В. [и др.] ; под общ. ред. А. И. Бастрыкина. Москва : Проспект, 2017. С. 263.

¹⁴ Там же.

деянию и сопутствующим этому признанию наказания и освобождения от вины. Непризнание вины – это отрицание отношения личности к виновному деянию.

При исследовании вины мы не можем обойти стороной категорию совести. Совесть выступает механизмом нравственного регулирования действия человека в точке выбора в совершении либо не совершении действия [18]. Признание вины без активации совести невозможно, потому что в этом случае оно не является полным и завершенным.

Признание вины включает в себя три действия:

1. Освещение вины через ее оглашение – фактическое признание вины – это действие и отношение. Отношение как привязанность к действию, как определение субъектности в событии. Данный акт осуществляется в диалоге между судьей и преступником, следователем и преступником. И этот диалог ведется исключительно в правилах, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹⁵, и содержании, установленном УК РФ.

2. Второе – это принятие собственной тождественности между нынешней личностью и «давней» личностью, субъектом криминального события. В этом и заключается смысл раскаяния, где противопоставляются личности прошлая и настоящая.

3. Третье действие – безусловное принятие мер восстановления «посредством активного посвящения себя миру, восстановления поврежденного им порядка бытия» [19]. В этом заключается смысл вынесенного наказания и его добросовестное исполнение с последующим освобождением.

Совесть «может различать и, если необходимо, осуждать не только деяния, но и оплошности, не только решения, но также отсутствие решений, а на самом деле даже образы и желания, которые только что возникли или вспомнились» [19]. Совесть выступает важнейшим механизмом правового регулирования поведения человека, позволяет ему осознать моральную обязанность повиноваться правовым законам. В этом и есть основной смысл формирования правового самосознания [20].

Таким образом, психическое отношение – это субъектное отношение лица к деянию по совокупности признаков, включающих цель, мотив, адаптацию, саморегуляцию, самоконтроль и т. п. Вина формируется в момент возникновения совокупности признаков, описывающих психическое отношение лица к виновному деянию. Поэтому признание вины – это признание связанности виновного лица и виновного деяния.

Можно предположить, что описанное психическое отношение лица к виновному деянию и есть деяние, виновно совершенное. Данное полагание следует принять как рабочую гипотезу, т. к. необходимо ответить на вопросы:

1. Является ли всякое психическое отношение лица к виновному деянию деянием виновно совершенным?

2. Какие признаки субъектности достаточны для описания виновного психического отношения?

3. Каков характер связанности этих признаков в определении виновности и т. д.?

4. Каково определение необходимых и достаточных условий связности виновного лица и виновного деяния на основе обратного понимания содержания вины в деянии, т. е. нужно ответить на вопрос, является ли проявленная в психическом отношении субъектность соотносимой с виновным деянием?

3 заключение

Исследования правовых представлений вины уходят далеко в историю права Руси, Российской империи, истории нашего государства в XX веке и новейшей истории. Менялись уклады, общественные формации, менялось само право, а вместе с ним менялось смысловое наполнение понятия «вина», его роль и прагматика в правовых общественных отношениях между людьми. Считаем необходимым проведение отдельного психолого-юридического исследования, раскрывающего логику нашего понимания вины.

Вина – категория многогранная, и, исследуя эту многогранность, мы находим научные представления вины и в философии, и в объектах культуры. Вина имеет свой дискурс в православии, исламе, и других авраамических религиях, иных концепциях религиозного миропонимания. Вина широко представлена в бытовых языковых конструктах. Вина образуется в самосознании человека, развивается там и предстает уже как элемент механизма регуляции поведения.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Вина обретает черты ответственности, понимания, рефлексивности тех исходных вводных, которые определили содержание действия, а ответственность встает перед нами как понимание следствий, которые станут итогом психической активности.

Таким образом, в психологическом плане вина – это феномен сознания, выраженный в ответственности, на основании которой личность программирует, прогнозирует, регулирует и контролирует психическую активность, вызванную потребностью, желанием, состоянием.

Вина не может предстать в ясно выраженной речевой форме, но всегда проявляется в нашем языке и проецируется в коммуникации как неосознаваемые языковые проявления. Они обычно не контролируются сознанием: мимика, жесты, паузы, оговорки, описки, проективные формы (напевание, рисование, телодвижения). Это особенно важно при исследовании вины в детском возрасте и ее генетическом становлении в процессе взросления. Определяя языковую форму вины, мы автоматически определяем ее место в самосознании ребенка.

Проведенное изыскание побуждает нас поставить ряд исследовательских вопросов:

1. Каким образом в онтогенезе происходит формирование вины как механизма отношения между личностью, другой личностью, обществом и государством?

2. Какова структура вины как механизма программирования, регуляции и контроля психической деятельности?

3. Что является психологическим предметом вины, который в силу возрастных изменений или индивидуальных состояний определяет точку, смотря через которую мы можем дать ответ на важнейшие вопросы:

– Понимал ли индивид содержание и смысл действий, которые совершал?

– Понимал ли индивид социальное значение действия, когда его совершал?

Возникает проблема, разрешение которой определит генезис вины в самосознании: когда личность способна понимать социальные последствия, содержание своих действий и соотносить их? Союз «и» здесь следует рассматривать как обязательное сочетание признаков. Именно выражение этой позиции мы видим в работе [21] М. В. Бавсуна, С. В. Векленко, М. Б. Файзуллина, и это позволяет сформулировать рабочий тезис: готовность к вменяемости противоправности как психическая способность контроля своей активности отражает понимание социальной ситуации во внутреннем мире через соотносимость общественной опасности деяния и субъектности.

Перспективы дальнейших исследований

Философско-психологическое понимание вины. Психология вины – сложная категория психики, которая изучалась как в разрезе философской (М. М. Буббер) и философско-психологической мысли (Э. Фромм), так и в рамках прикладной психологии (Т. В. Власова), психоанализа (Э. Берн, З. Фрейд, К. Хорни). Вина как психическое явление формирует нравственный портрет личности. Большая часть исследований сходится в понимании того, что переживание вины сопряжено с преодолением социальных и нравственных запретов; что чувство вины сопряжено с чувством совести и формируется в возрасте 4–5 лет, с момента обретения в переживаниях категории стыда [22]. Через стыд вина проявляется как регулятор поведения личности в обществе, с помощью вины человек осознает последствия тех или иных действий. Понятие вины прочно связано с понятием «совесть». Говоря о совести, мы ведем речь о внутренней цензуре между миром бессознательных влечений и желаний личности, вытесненных при определенных обстоятельствах, и миром их социального проявления. Это вечная борьба между желаемым и возможным. На этой границе рождаются и умирают неврозы и страхи, тревожности и депрессии. Все максимально завязано на том, как человек договорится с самим собой, насколько он будет осознанным в вопросах своего проявления. И если желание выполняет функцию стимула, то вина приобретает функцию регулятора того самого проявления, которое преобразуется, проходя через внутреннего цензора – совесть.

Нам важно понимание и методологии исследования вины в разных философских теориях, и то, как вина представлена в русской философской мысли. Эта проблема должна раскрываться в рамках отдельного философско-психологического исследования:

1) понимание вины как категории сознания и регулятора поведения личности в точке нравственного выбора;

2) встроенность вины в категориальный философский аппарат: семиотика, эпистемология, этика, когнитивистика и т. д.

Религиозно-психологическое понимание вины. Вина уходит своими корнями в религиозную картину мира. В разных религиях она имеет свою смысловую картину. Сравнительный анализ

понятия вины в разрезе теологии есть важнейшая задача понимания сути вины в содержании бессознательного ее восприятия. Поэтому психолого-теологическое исследование вины позволит нам понять внутреннее психолого-историческое зарождение вины в сознании человека.

Психолого-культурологическое понимание вины. Картина мира человека формируется культурой, выраженной в продуктах творчества: изобразительное творчество, литературное, театральное, хореографическое. Разными языками культура погружает личность в мир смыслов понятия вины. Поэтому важно исследование того, как вина представлена в закономерностях культуры, памятниках, явлениях и событиях материальной и духовной жизни людей. Это проблема может стать отдельным психолого-культурологическим аспектом исследования вины. В этом случае нам следует обратиться к пониманию вины как «механизму культурно-нравственной регуляции поведения человека» [23, с. 11].

Социолингвистическое понимание вины как регулятора поведения личности в социальной реальности. В языковых социолингвистических конструктах выражение сценария поведения – «это делать нельзя, но, если сильно хочется, то можно». В первом утверждении «это делать нельзя» регулятором выступает совесть, общественный порядок, традиции, нормы, именно они выставляют границы. Но границы можно преодолеть: «если сильно хочется, то можно», и в этом случае вступает в силу механизм вины, именно он должен определять степень социального вреда, которое может нанести себе личность, приняв общественное наказание за тот социальный вред, которая личность нанесла своей активностью.

Обратим внимание, что вина предстает перед нами не как чувство раскаяния, порожденное стыдом, страхом или наказанием, а как механизм, с помощью которого личность способна спрогнозировать последствия нарушения. И в этом случае правонарушение следует воспринимать не как нарушение свода запретов или ограничений, а как ответную реакцию уполномоченных субъектов (суда) на причинение существенного вреда личности, обществу, государству. Таким образом вина предстает перед нами как категория самосознания, когда субъект в рефлексивной позиции по отношению к своему действию обеспечивает себе понимание ответной реакции социального субъекта на причиненный вред. И это не нравственная сторона вины, которая раскрывается в культурологической, теологической и философской предметности. Рефлексивность сознания обеспечивается диспозицией между субъектностью личности и представлением общества и государства о субъектности, задает вине внутренний план действий. Это в свою очередь создает в сознании субъект-субъектные отношения. Наличие диспозиции в рефлексующем сознании уже укажет нам на готовность личности к осознанию вины, к повинности, к виновной регуляции поведения. Виновная регуляция поведения – это достижение такого уровня правосознания, когда личность способна видеть в праве не только запретительную семантику, а семантику согласованного с обществом гармоничного поведения.

Видится целесообразным препарировать виновную регуляцию поведения инструментами социальной лингвистики. Именно социальная лингвистика со своими смысловыми и прагматическими особенностями поможет раскрыть вину как регулятор поведения в реальных условиях. Для дальнейшего исследования может стать интересным установленный в нейропсихологии факт, что при формировании лобных долей коры ключевым элементом становится язык, который обеспечивает диалог во внутреннем мире личности, регуляцию поведения, психической активности. Язык точнее определяет содержание действия, но он сложнее в диагностике и интерпретации, т. к. язык не представлен в психологических формах, в отличие от речи, которая имеет черты психической проявленности. Основываясь на исследованиях М. Хайдеггера [24], следует предположить, что вина, в отличие от чувства вины, есть результат языкового видения последствий действия и ответственности за него. Ответственность как ответ и есть основа вины как внутренняя концепция действия.

Психолого-генетическое понимание вины. В цели исследования не входило рассмотрение вопросов психологии восприятия и понимания содержания вины и виновного деяния со стороны потерпевшего. Данная проблема в психологии разрешается при проведении исследований в области психологической судебно-экспертной деятельности, а в юриспруденции в области восприятия потерпевшим обстоятельств совершенного преступления. Потерпевшие бывают разного возраста, и от этого зависит квалификация преступления. Значимость решения проблем восприятия, разработки диагностических подходов актуальна, т. к. влияет на квалификацию преступления.

Решение этих вопросов видится в механизмах саморегуляции. Мы понимаем, что механизмы саморегуляции созревают на разных этапах психического развития личности. Например:

- рефлексивные механизмы оценки своих поступков, способов самоосознания и самопонимания созревают позднее [25], нежели процессы, связанные с социальной перцепцией [26];
- социальная перцепция неоднородна в различные возрастные периоды развития личности, зависит от пола и индивидуальных особенностей.

Список источников

1. Степанов С. К. Вина в деликтном праве: генезис основных подходов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 148–167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148
2. Хиллута В. В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 93–99.
3. Игнатов А. Н. О понятии вины в уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3. С. 123–127.
4. Петровский А. В., Петровский В. А. Категория личности (к построению онтологической модели личности) // Развитие личности. 2014. № 2. С. 58–91.
5. Котелевцев Н. А. Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 208–212.
6. Векленко С. В. Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2 (29). С. 44–48.
7. Донская О. Г., Сашенко А. А. Субъективное вменение в уголовном праве России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 125–131. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-125-131>
8. Нартова-Бочавер С. К., Ерофеева В. Г., Байрамян Р. М., Чулюкин К. С. Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 3. С. 523–547. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
9. Чжан Ш. Семантические особенности существительных с суффиксом -ость в современном русском литературном языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>
10. Морозова А. А., Динека В. И. К вопросу о соотношении объективного и субъективного вменения при посредничестве в коммерческом подкупе // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4 (65). С. 54–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59
11. Скоревич А. С. Оптимизация состояния психологических характеристик личности допрашиваемого посредством тактических приемов направленного воздействия // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 259–264. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/27>
12. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика : [монография]. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. 315 с.
13. Андрианов В. К. Социально-психологические закономерности в уголовном праве // Юридический журнал Высшей школы экономики, 2024. № 1. С. 133–162. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.133.162>
14. Ильенков Э. В. Идеальное // Культурно-историческая психология. 2006. № 2 (2). С. 17–28.
15. Знаков В. В. Психология понимания : Проблемы и перспективы : [монография]. Москва : Институт психологии РАН, 2005. 448 с.
16. Ионова М. С., Резепова Н. В. Взаимосвязь саморегуляции поведения и способности к прогнозированию у студентов // Мир науки. Педагогика и психология : [электронное издание]. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN622.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).
17. Тарханов И. А., Гайфутдинов Р. Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
18. Сорокин В. В. Совесть в механизме правового регулирования: вопросы теории // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 62–66.
19. Buber M. Guilt and Guilt Feelings // Psychiatry. 1957. Vol. 20. № 2. P. 114–129. <https://doi.org/10.1080/00332747.1957.11023082>
20. Емтыль З. Я., Емтыль Ф. А. К вопросу о соотношении категорий совести и права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23). С. 81–84.
21. Бавсун М. В., Векленко С. В., Фаткуллина М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 125–135.
22. Ackerman S. Freud's Red Thread: Explorations of the Unconscious Sense of Guilt. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2023. Vol. 71, № 2. P. 189–214. <https://doi.org/10.1177/00030651231171919>
23. Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1 (96). С. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
24. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Изд. 4-е, испр. Москва : Академический проект, 2013. 447 с.
25. Реан А. А., Коновалов И. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
26. Салчак А. М. Отражение образа отца у старших подростков в Республике Тыва // Вестник университета. 2020. № 6. С. 191–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-191-196>

References

1. Stepanov S. K. Vina v deliktnom prave: genezis osnovnyh podhodov // Antinomii. 2023. T. 23, vyp. 1. S. 148–167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148
2. Hilyuta V. V. Vina v ugovnom prave: poisk novoj koncepcii // YUrist"-Pravoved". 2021. № 4 (99). S. 93–99.
3. Ignatov A. N. O ponyatii viny v ugovnom prave // Zakony Rossi: opyt, analiz, praktika. 2007. № 3. S. 123–127.
4. Petrovskij A. V., Petrovskij V. A. Kategoriya lichnosti (k postroeniyu ontologicheskoy modeli lichnosti) // Razvitie lichnosti. 2014. № 2. S. 58–91.

5. Kotelevcev N. A. Opredelenie sub"ekta i sub"ektnosti v otechestvennoj psihologicheskoy nauke // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (51). S. 208–212.
6. Veklenko S. V. Znachenie kategorij dialektiki dlya poznaniya viny v ugovolnom prave // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2008. № 2 (29). S. 44–48.
7. Donskaya O. G., Sashenko A. A. Sub"ektivnoe vmenenie v ugovolnom prave Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8 (74), № 1. S. 125–131. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-125-131>
8. Nartova-Bochaver S. K., Erofeeva V. G., Bajramyan R. M., Chulyukin K. S. Povsednevnye predstavleniya ob autentichnosti: ot detstva k yunosti // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2023. T. 20, № 3. S. 523–547. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
9. Chzhan Sh. Semanticheskie osobennosti sushchestvitel'nyh s suffiksom -ost' v sovremennom russkom literaturnom yazyke // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2020. T. 26, № 4. S. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>
10. Morozova A. A., Dineka V. I. K voprosu o sootnoshenii ob"ektivnogo i sub"ektivnogo vmeneniya pri posrednichestve v kommercheskom podkupe // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2021. № 4 (65). S. 54–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59
11. Skorevich A. S. Optimizatsiya sostoyaniya psihologicheskikh harakteristik lichnosti doprashivaemogo posredstvom takticheskikh priemov napravlenno go vozdejstviya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 503. S. 259–264. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/27>
12. Gauhman L. D. Kvalifikatsiya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika : [monografiya]. Moskva : Centr YurInfoR, 2001. 315 s.
13. Andrianov V. K. Social'no-psihologicheskie zakonomernosti v ugovolnom prave // Yuridicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki, 2024. № 1. S. 133–162. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.133.162>
14. Il'enkov E. V. Ideal'noe // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2006. № 2 (2). S. 17–28.
15. Znakov V. V. Psihologiya ponimaniya : Problemy i perspektivy : [monografiya]. Moskva : Institut psihologii RAN, 2005. 448 s.
16. Ionova M. S., Rezepova N. V. Vzaimosvyaz' samoregulyacii povedeniya i sposobnosti k prognozirovaniyu u studentov // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya : [elektronnoe izdanie]. 2022. T. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN622.pdf> (data obrashcheniya: 04.05.2025).
17. Tarhanov I. A. Gajfutdinov R. R. Sub"ektivnaya storona prestupleniya i otrazhenie ee priznakov v ugovolnom zakonodatel'stve // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 162, № 2. S. 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
18. Sorokin V. V. Sovest' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: voprosy teorii // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 1. S. 62–66.
19. Buber M. Guilt and Guilt Feelings // Psychiatry. 1957. Vol. 20. № 2. P. 114–129. <https://doi.org/10.1080/00332747.1957.11023082>
20. Emtyl' Z. Ya., Emtyl' F. A. K voprosu o sootnoshenii kategorij sovesti i prava // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (23). S. 81–84.
21. Bavsun M. V., Veklenko S. V., Fatkullina M. B. Ob"ektivnost' i celesoobraznost' nekotoryh form vinovnogo vmeneniya v ugovolnom prave // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2006. № 4 (267). S. 125–135.
22. Ackerman S. Freud's Red Thread: Explorations of the Unconscious Sense of Guilt. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2023. Vol. 71, № 2. P. 189–214. <https://doi.org/10.1177/00030651231171919>
23. Sharanov Yu. A., Zueva E. G. Psihologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funkcij viny v processe resheniya postpenitenciarnoj problemy rossijskogo obshchestva // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2024. T. 29, № 1 (96). S. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
24. Hajdegger M. Bytie i vremya / per. s nem. V. V. Bibihina. Izd. 4-e, ispr. Moskva : Akademicheskij proekt, 2013. 447 s.
25. Rean A. A., Kononov I. A. Social'no-perceptivnyj obraz razlichnyh social'nyh grupp v soznanii podrostkov // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2018. T. 9, № 2. S. 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
26. Salchak A. M. Otrazhenie obraza otca u starshih podrostkov v Respublike Tyva // Vestnik universiteta. 2020. № 6. S. 191–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-191-196>

Научная статья
УДК 159.9.07

Духовно-ценностное развитие осужденных женщин криминогенного типа

Наталья Анатольевна Самойлик, доктор психологических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

Аннотация:

Введение. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования духовно-ценностного развития осужденных женщин криминогенного типа. В качестве значимых критериев духовно-нравственного развития проанализированы личностные ценности, ответственность и структурные элементы духовности. Актуальность исследования определяется значимостью эффективной организации психолого-педагогической работы с данной категорией осужденных и последующего успешного их возвращения в социум. Гипотеза исследования состояла в предположении, что осужденным криминогенного типа независимо от количества судимостей свойственно ограниченное представление о значимых личностных ориентирах, низкий уровень ответственности и духовности. Выборку исследования составили осужденные женщины в количестве 107 человек в возрасте 38–45 лет, имеющие две и более судимостей.

Методы. Изучение уровня духовно-ценностного развития женщин криминогенного типа, отбывающих уголовные наказания повторно, было основано на технологии поперечного среза с использованием следующих психодиагностических методик: «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» («ДиШАЦ») (Н. А. Самойлик), многомерно-функциональная диагностика «Ответственность» (ОТВ-70) (В. П. Прядеин), «Диагностика уровня духовности личности» («ДУДЛ») (Н. В. Климова, Н. А. Самойлик).

Результаты. Лидирующие позиции среди личностных ценностей осужденных женщин независимо от количества судимостей занимают такие категории, как здоровье, любовь и семья. Далее следуют ценности справедливости, позитивного взгляда на мир и уверенности в себе. В среде осужденных женщин представление об ответственности представлено на среднем и низком уровнях, что проявляется в нежелании или неспособности отвечать за свои слова, поступки и деятельность в целом. Независимо от количества судимостей у осужденных женщин выявлено преобладание низкого уровня сформированности интегративного показателя духовности. Вследствие неустойчивости духовно-ценностной сферы жизненные цели расплывчаты и в большей степени отождествляются с пребыванием в пенитенциарном учреждении.

Ключевые слова:

осужденные женщины, криминогенный тип, ценности, ответственность, духовность, духовно-ценностное развитие

Для цитирования:

Самойлик Н. А. Духовно-ценностное развитие осужденных женщин криминогенного типа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 319–329.

Статья поступила в редакцию 04.10.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Spiritual and value development of convicted women of criminogenic type

Natalia A. Samojlik, Doc. Sci. (Psy.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
nat-samojlik@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>

© Самойлик Н. А., 2026

Abstract:

Introduction. The article discusses the empirical research results of the spiritual and value development of convicted women of criminogenic type. As significant criteria of spiritual and moral development, personal values, responsibility and structural elements of spirituality are analysed. The relevance of the study is determined by the importance of effective organisation of psychological and pedagogical work with this category of convicts and their subsequent successful return to society. The hypothesis of the study was that the convicts of the criminogenic type, regardless of convictions number are characterised by a limited idea about significant personal guidances, low level of responsibility and spirituality. The study sample consisted of 107 female convicts aged 38-45 with two or more convictions.

Methods. The research of the spiritual and value development level of women of the criminogenic type, serving criminal sentences repeatedly, was based on cross section technology using the following psychodiagnostic methods: "Differential scale of actual values" ("D.S.A.V.") (N. A. Samoylik), multidimensional-functional diagnosis "Responsibility" (RESP-70) (V. P. Pryadein), "Diagnosis of the personality spirituality level" ("DPSL") (N. V. Klimova, N. A. Samoylik).

Results. The leading positions among the personal values of convicted women, no matter their criminal record, are such categories as health, love, and family. The values of justice, positive outlook on the world, and self-confidence come next. The idea of responsibility is represented at the middle and lower levels among convicted women. That is revealed in unwillingness or inability to take responsibility for their words, deeds and activities in general. Apart from the number of convictions, it has been found that convicted women have a low level of integrated spirituality. Due to the fragility of the spiritual-value sphere, life goals are vague and more closely identified with the presence in a penitentiary institution.

Keywords:

convicted women, criminogenic type, values, responsibility, spirituality, spiritual and value development

For citation:

Samoylik N. A. Spiritual and value development of convicted women of criminogenic type // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 319–329.

The article was submitted October 4, 2025; approved after reviewing January 26, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Одной из значимых проблем любого государства является борьба с преступностью. Важное место в структуре общей преступности занимает такая ее составляющая, как преступность женщин. По данным специальной переписи осужденных лиц и лиц, содержащихся под стражей, проведенной в декабре 2022 года, 30,2 % женщин имеют две и более судимостей. Причем 16,2 % осуждены за убийство, 11,0 % отбывают наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а 3,6 % женщин признаны особо опасными рецидивистами либо совершили преступление при особо опасном рецидиве [1]. Представленные результаты демонстрируют непрерывное нарастание и усиление степени тяжести совершаемых женщинами преступлений и доказывают, что женская преступность становится более криминальной и профессиональной. С точки зрения Н. С. Грудина, это можно объяснить следующим образом: «Большая часть женщин-преступниц крайне негативно относятся к традиционным ценностям, предпочитая им быструю наживу и желание доминировать в системе материальных благ» [2, с. 27].

В работах В. А. Вилковой [3], Э. В. Зауторовой [4], Т. В. Кирилловой [5], Н. А. Самойлик [6], Т. А. Симаковой [7] показано, что именно ценности выступают базовыми элементами духовного мира женщин, детерминируя смыслы, идеалы и убеждения. Несомненно, система ценностей определяет реализуемые модели поведения, мотивирует поступки и формирует нравственный облик женщин. Чем глубже и осмысленнее сформированы ценности, тем сильнее выражены такие личностные качества, как доброта, честность, справедливость, чувство долга и ответственность. При наличии подобных качеств женщина становится способной действовать в соответствии с моральными принципами независимо от внешних обстоятельств и давления социума. В. П. Андронов отмечает: «Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение и т. п.» [8, с. 47]. Вместе с тем деформация института традиционных ценностей в современном обществе приводит к искажению духовного развития. Безусловно, это не может не отразиться и на женщинах, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы.

Нельзя не учитывать и социальные факторы, влияющие на развитие духовно-ценностных категорий женщин. Так, Ф. Х. Байчорова замечает: «С ростом напряженности в отношениях между людьми, растущим неверием в возможность изменения жизни к лучшему у женщин, более восприимчивых и уязвимых в психологическом отношении, наблюдается ожесточение, в лучшем случае, апатия и пессимизм как реакция на социальное неблагополучие» [9, с. 37]. Социальные аспекты в данном случае не только обуславливают содержательную направленность процессов межличностного взаимодействия, но и детерминируют индивидуальные изменения под воздействием происходящих групповых процессов в условиях исправительного учреждения.

Характеризуя нравственные особенности осужденных женщин, Е. А. Алексеева отмечает, что они «демонстрируют большую импульсивность и стойкость аффективных психотравмирующих переживаний, чаще испытывают чувство вины за уже совершенное преступление, беспокойство за свое будущее» [10, с. 467]. С. А. Абасова называет следующие качества осужденных женщин: «Недостаточно развитое чувство ответственности, авантюризм, слабый анализ возможных последствий совершаемых поступков, импульсивность, чувство неограниченной свободы в распоряжении собственной судьбой»¹.

Следует обратить особое внимание на психологические особенности осужденных женщин, личностная деформация которых затрагивает духовные и ценностные ориентиры. Наиболее частыми проявлениями здесь выступают устойчивые негативные, аморальные и асоциальные качества. Во многом это проявляется в том, что «женщины перестают ощущать свою связь с семьей, уже не ориентируются на ее традиционные ценности и нередко руководствуются случайными побуждениями и импульсами. Такие женщины могут утратить контроль над своим поведением и решиться на совершение преступления в максимально короткие сроки» [2, с. 25].

Одной из наиболее ярких черт осужденных женского пола является искажение мировоззрения, граничащее с патологическими отклонениями делинквентной направленности. Данный тип преступников в науке обозначен как «криминогенный» [11]. Несмотря на достаточную распространенность этого типа в среде осужденных женщин, отбывающих уголовные наказания, до настоящего времени отсутствуют работы, посвященные анализу их духовно-ценностного развития.

Цель исследования заключалась в изучении духовно-ценностного развития женщин криминогенного типа, отбывающих уголовные наказания повторно в исправительных учреждениях Сибирского федерального округа. При проведении диагностики вид и категория совершенного преступления не учитывались. В исследуемую выборку вошли осужденные женщины (N = 107) в возрасте 38–45 лет (M = 40,55; $\sigma = 0,02$). Выбор возрастного диапазона обусловлен тем, что именно этот период является временем максимального индивидуального развития и достижения личностных успехов, а значит, и становления духовных и ценностных ориентиров [12]. Для проведения сравнительного анализа были сформированы две группы осужденных женщин. В первую группу вошли осужденные, имеющие две судимости (N = 53), во вторую – женщины, осужденными три и более раза (N = 54).

Гипотеза исследования состояла в предположении о том, что осужденным криминогенного типа независимо от количества судимостей свойственно ограниченное представление о значимых личностных ориентирах, низкий уровень ответственности и духовности.

В данной статье под актуальными ценностями понимается «интегративное образование, выраженное в устойчивых значимых для личности ценностных категориях в настоящее время и обуславливающие стратегию ее жизнедеятельности и саморазвития в будущем» [13, с. 189]. Вслед за В. П. Прядеиным ответственность будем трактовать как «выполнение обещанного на основе самостоятельно принятого решения, совести и долга» [14, с. 30]. В отличие от общепринятого понятия духовности, которое чаще всего отождествляется с религиозностью, в статье использовано определение, предложенное И. М. Ильичевой. Она рассматривает духовность в контексте специфического информативного явления, связанного «с отражением идеального в контексте собственной жизнедеятельности» и «направленного на самопознание и саморазвитие»².

Методы

Изучение уровня духовно-ценностного развития женщин криминогенного типа, отбывающих уголовные наказания повторно, было основано на технологии поперечного среза с использованием следующих психодиагностических методик: «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» («ДиШАЦ») (Н. А. Самойлик), многомерно-функциональная диагностика «Ответственности» (ОТВ-70) (В. П. Прядеин), «Диагностика уровня духовности личности» («ДУДЛ») (Н. В. Климова, Н. А. Самойлик). Учитывая специфический объект исследования, диагностика проводилась в индивидуальной форме и на основании обязательного письменного согласия осужденных женщин.

¹ Абасова С. А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. С. 103.

² Ильичева И. М. Психология духовности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 2003. С. 18.

Математико-статистическая обработка данных была выполнена на основе программного обеспечения IBM SPSS Statistics 23.0. Достоверность полученных результатов определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни, также в исследовании применялись методы первичной обработки данных (значение среднего показателя величины (M), частотный (процентный) анализ).

Результаты

На первом этапе исследования была проведена диагностика по методике «ДиШАЦ» с целью изучения личностных ценностей осужденных женщин, неоднократно отбывающих уголовные наказания. На рисунке 1 наглядно видно, что лидирующие ранговые позиции в обеих группах занимают «здоровье» ($M_{гр1} = 1,38$; $M_{гр2} = 1,55$), «любовь» ($M_{гр1} = 2,97$; $M_{гр2} = 2,63$) и «семья» ($M_{гр1} = 3,55$; $M_{гр2} = 4,29$).

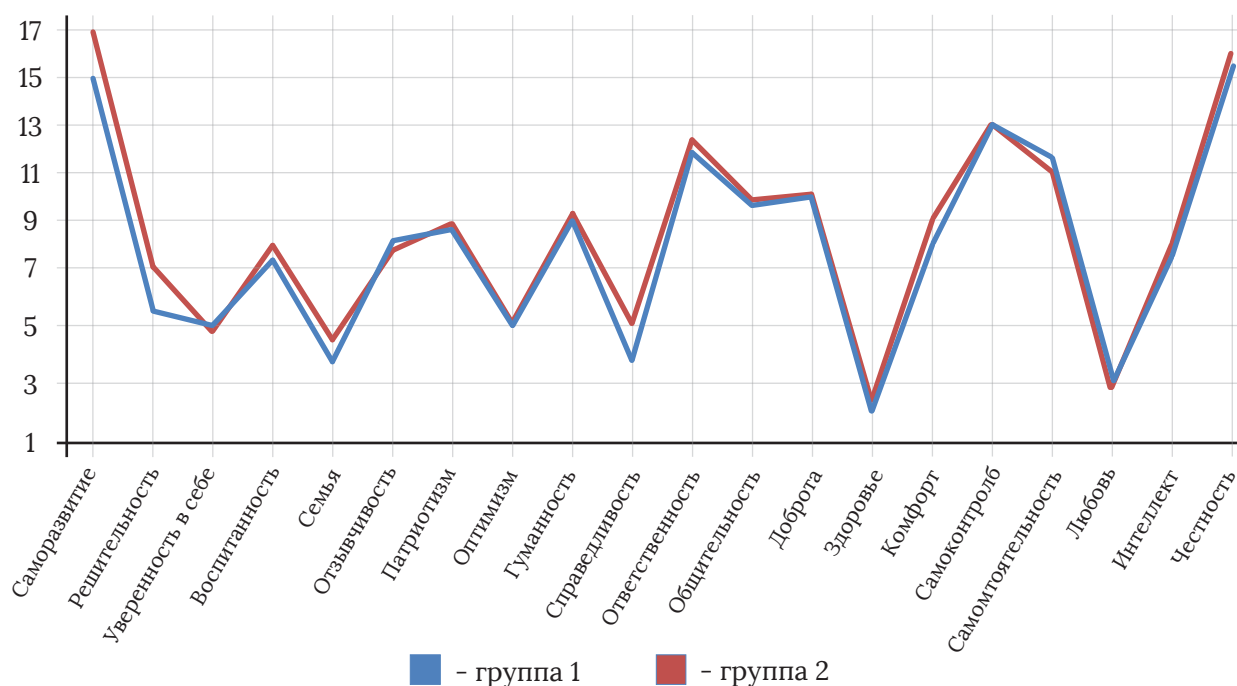

Рисунок 1. Представленность личностных ценностей осужденных женщин (M)

Figure 1. Representation of the convicted women personal values (M)

Традиционно данные ценностные категории среди осужденных представлены на первых местах и носят экзистенциальный смысл, имеющий субъективный или объективный характер. В данном контексте следует отметить, что эти ценностные категории выступают, с одной стороны, как мотивационные факторы для осужденных женщин криминогенного типа, а с другой – как условия для осознания содеянного преступления и последующего их раскаяния.

Далее располагаются значимые категории, формирование которых отражает уровень личностной зрелости неоднократно осужденных женщин. Так, например, восприятие роли справедливости в группах представлено нетождественно ($M_{гр1} = 3,79$; $M_{гр2} = 4,98$), но при этом достоверных различий выявлено не было ($U = 613,5$ при $p \leq 0,21$). Женщины, имеющие две судимости, считают данное моральное правило более значимым, чем осужденные три раза и более. Вероятно, это обусловлено преобладанием субъективных представлений, позволяющих оценивать свое поведение с позиции не моральных норм и ценностей, а с точки зрения личной выгоды и получения желаемого результата. В то же время заметим, что представление о справедливости у осужденных женщин обеих групп несколько ограничено и не связано с каким-либо определенным личностным поступком, а проецируется на эмоционально-негативное отношение к системе исполнения уголовных наказаний в целом.

Практически одинаково в группах осужденных женщин выражена роль позитивного взгляда на мир ($M_{гр1} = 4,87$; $M_{гр2} = 4,91$; $U = 625,0$ при $p \leq 0,308$). По мнению М. Аргайла, уверенность в преодолении встречающихся сложностей дает возможность оперативно решать возникающие трудности с наименьшими психологическими затратами и выражает мотивационно-смысловую

характеристику личности [15]. Однако среди женщин, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы, лидирует необоснованная вера в успех и убежденность позитивного исхода в любых обстоятельствах. В большинстве случаев оптимизм носит оборонительный характер, направленный на избегание неудач, связанных как с личностными особенностями, так и социальной некомпетентностью осужденных женского пола, находящихся в изоляции от общества.

Одну из значимых позиций в рейтинге личностных категорий осужденных криминогенного типа занимает уверенность в себе ($M_{гр1} = 5,08$; $M_{гр2} = 4,79$). Полученный результат отражает представления осужденных женщин о выработанной и устоявшейся в условиях исправительного учреждения модели поведения, которая должна соответствовать режимным требованиям. При этом личностный компонент во внимание не берется, а основной акцент переносится на референтность пенитенциарной среды. Такая позиция осужденных женщин является ограниченной, препятствующей индивидуальному ценностному и духовному развитию осужденных. Заметим, что в первой группе женщин восприятие роли данной ценности несколько снижено, что позволяет говорить о преобладании конформистского паттерна поведения среди осужденных второй группы ($U = 611,5$ при $p \leq 0,015$). Они более мобильны в условиях отбывания наказания, что и определяет специфику их необоснованной уверенности в себе, а также отрицание негативных черт своего характера. В то же время осужденные, отбывающие наказание второй раз, считают решительность одним из необходимых личностных качеств для условно-досрочного выхода на свободу ($M_{гр1} = 5,58$).

Следующим этапом исследования духовно-ценностного развития осужденных женщин криминогенного типа стал анализ результатов диагностики по методике «Ответственность». Как показано на рисунке 2, уровни выраженности ответственности у респондентов различаются. В группе осужденных женщин, отбывающих наказание повторно, преобладает выраженная ситуативная ответственность (45 %), что позволяет говорить о нейтральном проявлении их способности и готовности отвечать за свои поступки, принятые решения и нести ответственность за их последствия. Выраженная ответственность обнаружена только у 15 % представительниц данной группы, что отражает достаточно низкий уровень данного личностного качества.

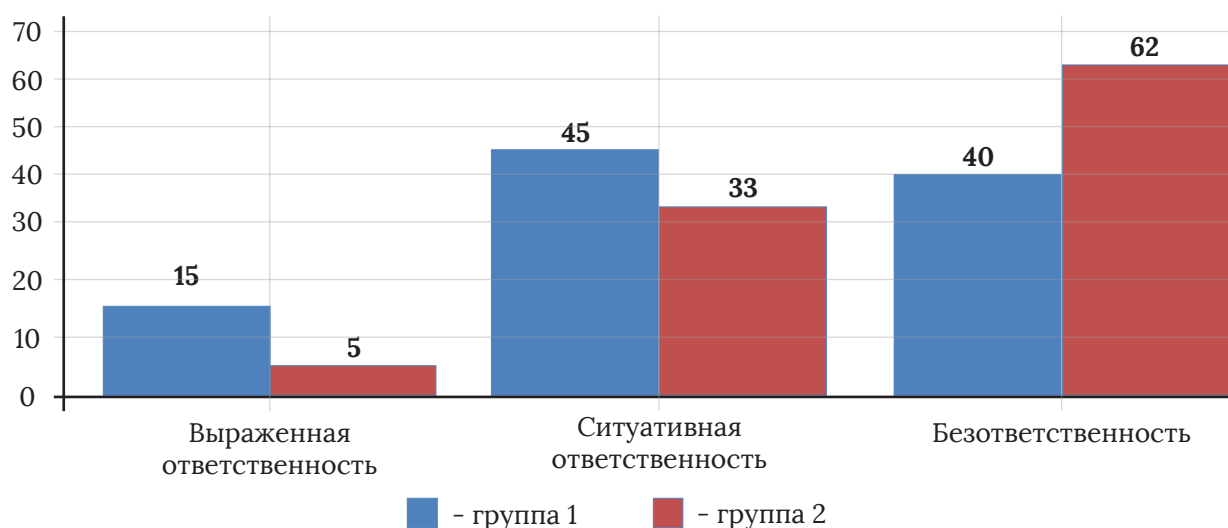

Рисунок 2. Выраженность уровней ответственности в группах осужденных женщин (%)
Figure 2. Severity of responsibility levels in female convicts groups (%)

В группе женщин, отбывающих наказание три раза и более, наблюдается частичное (33 %) или полное (62 %) отсутствие ответственности как устойчивого личностного конструкта. Полученный результат демонстрирует наличие у осужденных отрицательных духовно-нравственных качеств, проявляющихся в нежелании или неспособности нести ответственность за свои слова, поступки и деятельность в целом.

При рассмотрении компонентов ответственности было выявлено следующее (таблица 1): у женщин, отличающихся устойчивой криминальной направленностью, наблюдается преобладание отрицательных эмоций в процессе выполнения какого-либо ответственного задания ($U = 732,5$; $p \leq 0,051$). Данный факт определяет их неуспешность в целом, что отражается на проявлении склонности к девиантному поведению в условиях отбывания уголовного наказания.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа выраженности личностной ответственности осужденных женщин криминогенного типа (U-критерий Манна-Уитни)

Table 1

Results of a comparative analysis of the personal responsibility severity of convicted women of criminogenic type (U-criterion Mann-Whitney)

Компонент личностной ответственности	U	Уровень значимости	Среднее значение	
			1 группа, n = 53	2 группа, n = 54
Эмоционально-волевой компонент				
Эмоциональность стеническая	809,0	0,302	25,47	25,52
Эмоциональность астеническая	732,5	0,051*	25,07	29,33
Трудности личностные	684,0	0,007*	24,15	27,67
Трудности операциональные	821,5	0,008*	26,45	29,55
Мотивационный компонент				
Мотивация социоцентрическая	837,0	0,012*	18,05	15,94
Мотивация эгоцентрическая	654,0	0,462	26,84	26,59
Когнитивный компонент				
Когнитивная осмысленность	829,5	0,011*	15,60	12,54
Когнитивная осведомленность	789,5	0,329	15,64	15,80
Стремления инструментально-стилевые	848,0	0,462	21,13	21,25
Стремления содержательно-смысловые	850,0	0,025*	22,15	13,40
Интуиция	742,0	0,507	22,44	22,68
Экстраполяция	783,5	0,038*	12,03	15,37
Эмпатия к близким	809,0	0,316	14,48	14,96
Эмпатия к окружающим	816,5	0,559	12,26	12,31
Регуляторная подструктура поведенческого компонента личностной ответственности				
Регуляторная интернальность	754,5	0,042*	27,17	18,92
Регуляторная экстернальность	828,0	0,019*	26,35	20,08
Динамическая подструктура поведенческого компонента личностной ответственности				
Динамическая эргичность	781,5	0,536	14,44	13,45
Динамическая аэргичность	790,0	0,602	22,31	22,09
Результативная подструктура поведенческого компонента личностной ответственности				
Результат предметный	834,5	0,403	21,65	21,04
Результат субъектный	798,0	0,015*	12,37	10,71
Взятие ответственности на себя	829,0	0,003*	14,89	11,93
Примечание – * Достоверно значимые различия.				

При реализации ответственных дел представительницы обеих групп испытывают трудности. Осужденные с повторной судимостью характеризуются таким эмоциональным состоянием, которое не является серьезным препятствием в реализации ответственности ($M_{гр1} = 24,15$). Между тем женщины, находящиеся в изоляции от общества три и более раза, отличаются высоким уровнем зависимости самочувствия и эмоционального состояния при успешном выполнении личностно значимых дел ($M_{гр2} = 27,67$). Подобная тенденция выявлена и при анализе уровня выраженности ответственности в структуре операциональных трудностей. Респонденты

криминогенного типа воспринимают трудности, возникающие в процессе выполнения ответственных дел, как значимое препятствие для их осуществления. Однако у осужденных первой группы показатель операциональных трудностей снижен, что позволяет говорить о динамике субъективного восприятия данного показателя в зависимости от числа судимостей к лишению свободы ($U = 821,5$; $p \leq 0,008$). Таким образом, элементы эмоционально-волевого компонента ответственности осужденных женщин криминогенного типа достоверно различаются по астенической эмоциональности, личностным и операциональным трудностям.

В рамках мотивационного компонента ответственности значимые различия были получены по показателю социоцентрической мотивации ($U = 837,0$; $p \leq 0,012$). По результатам диагностики выявлено, что отказ от общественно значимой мотивации и преобладание личных мотивов свойственны женщинам, осужденным три и более раз. Женщины, отбывающие наказание повторно, характеризуются наличием социально значимой мотивации, выраженной в выполнении ответственных дел из-за желания быть в центре пенитенциарного коллектива. В то же время, высокие показатели эгоцентрической мотивации в первой и второй группах осужденных женщин свидетельствуют о предпочтении личностно значимой мотивации, выраженной в желании обратить на себя внимание в процессе реализации ответственных дел, получить поощрение, вознаграждение, избежать личных осложнений либо возможного наказания.

Содержание структуры когнитивного компонента ответственности осужденных женщин криминогенного типа выглядит следующим образом. Достоверно значимые отличия были обнаружены по показателю когнитивной осведомленности, что обусловлено наличием у осужденных поверхностных знаний об ответственности как личностном качестве ($U = 829,5$; $p \leq 0,011$). Заметим, что в меньшей степени понимание роли ответственности представлено у женщин, осужденных более двух раз. Низкие показатели содержательно-смысловых стремлений при проявлении ответственности ярко выражены у осужденных второй группы. Представительницы первой группы в большей степени мотивированы на реализацию ответственности, чтобы не подвести других осужденных.

Необходимо отметить низкий уровень прогностических особенностей осужденных женщин при реализации ответственности. Полученные статистические различия демонстрируют импульсивность в высказываниях и поступках, препятствующие формированию целостных духовно-ценностных конструкторов ($U = 783,5$; $p \leq 0,038$). Безусловно, подобная ситуация провоцирует равнодушное отношение к неудачам близких, а также отсутствие переживаний по поводу проблем окружающих. По данным шкалам достоверных различий выявлено не было, что позволяет говорить о несформированности эмпатии в структуре личностной ответственности осужденных женщин криминогенного типа независимо от числа судимостей.

Регуляторная подструктура поведенческого компонента личностной ответственности осужденных женщин представлена интернальностью и экстернальностью. Женщины, отбывающие уголовное наказание более двух раз, отличаются активным поиском «объективных» причин для ухода от значимых дел ($U = 754,5$; $p \leq 0,042$), а реализация ответственных дел у них ставится в зависимость от других осужденных и внешних обстоятельств развития пенитенциарной среды ($U = 828,0$; $p \leq 0,019$).

Отсутствие достоверных различий показателей динамической подструктуры поведенческого компонента личностной ответственности свидетельствует о невыполнении своих обещаний, необязательности и актуальной потребности во внешнем контроле у осужденных женщин ($U = 781,5$; $p \leq 0,536$). Кроме того, независимо от количества судимостей женщины криминогенного типа характеризуются нерешительностью и необязательностью, которые зачастую проявляются в перенесении выполнения ответственных заданий на последний момент и низкой помехоустойчивостью ($U = 790,0$; $p \leq 0,602$).

Результативная подструктура поведенческого компонента личностной ответственности в группах осужденных женщин сформирована на разных уровнях. Так, женщины, отбывающие уголовное наказание более двух раз, отличаются малой значимостью результатов ответственной деятельности, связанной с личностным развитием и благополучием ($U = 798,0$; $p \leq 0,015$). Ниже среднего уровня у представительниц данной группы выражена и мотивация принятия ответственности на себя ($U = 829,0$; $p \leq 0,003$). Попытки ухода от ответственности встречаются гораздо реже у осужденных, находящихся в изоляции от общества повторно. Подобный результат позволяет говорить о частичной сформированности у них элементов ответственности как личностного качества, выраженного в продуктивности реализуемых задач и мотивированности на результат.

Анализ полученных результатов по методике «Диагностика уровня духовности личности» показал, что многократно судимые женщины вступают в межличностные контакты по необходимости, не проявляя во взаимодействии инициативы и предпочитая пассивную позицию (рисунок 3). В отличие от респондентов первой группы, они осознанно выбирают изоляцию ($M_{гр1} = 39,08$). У женщин, осужденных дважды, наблюдается тенденция к некоторой активности в межличностных отношениях с другими женщинами и представителями администрации исправительного учреждения ($M_{гр2} = 36,15$). Они стремятся к управлению своей жизнью, однако не в состоянии осмыслить ее; происходящие события ими воспринимаются как нечто отдельное от своего «Я».

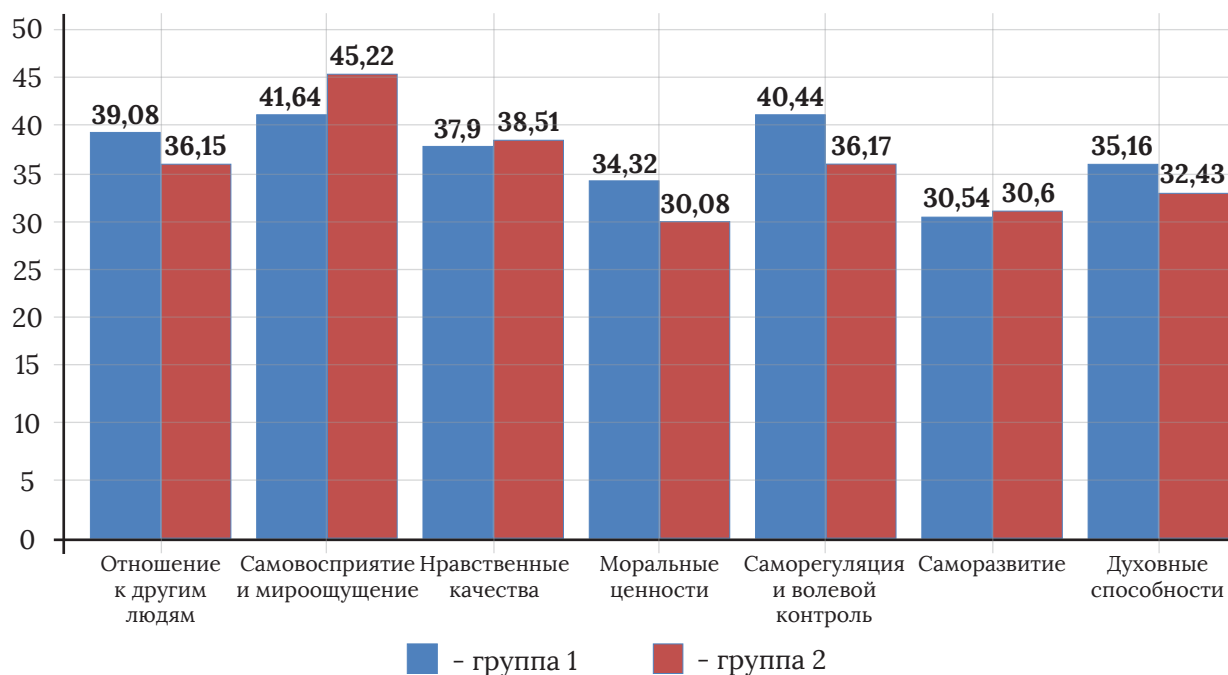

Рисунок 3. Представленность структурных элементов духовности в группах осужденных женщин (M)
Figure 3. Representation of the spirituality structural elements in convicted women groups (M)

Осужденные женщины криминогенного типа независимо от числа судимостей характеризуются искажением восприятия своих личностных ресурсов и возможностей ($M_{гр1} = 41,64$; $M_{гр2} = 45,22$). Мироощущение у них деформировано с преобладанием внешне обвинительной и оборонительной позиции. Вследствие неустойчивости духовно-ценностной сферы жизненные цели расплывчаты и в большей степени отождествляются с пребыванием в пенитенциарном учреждении. Не принимая свою индивидуальную ценность, осужденные женского пола преувеличивают собственные силы и возможности и не желают идти на компромиссы в каких-либо требованиях или взглядах.

Нравственные качества осужденных обеих групп находятся на низком уровне ($M_{гр1} = 37,9$; $M_{гр2} = 38,51$). Полученный результат отражает потребность женщин криминогенного типа руководствоваться личными интересами, ставить собственную выгоду выше всего, даже если это принесет вред окружающим. Очевидно, что устойчивые формы, полезные для социума и пенитенциарного коллектива, со временем исчезают и не становятся жизненной потребностью, а такие нравственные качества, как гуманизм, сострадание, честность, альтруизм, игнорируются. Мотивация на саморазвитие и самосовершенствование как основу духовного развития у осужденных женщин, участвовавших в исследовании, существенно снижена ($M_{гр1} = 30,54$; $M_{гр2} = 30,6$).

Подобная тенденция наблюдается у осужденных женщин и по выраженности моральных ценностей, уровень которых расположен в диапазоне низких значений ($M_{гр1} = 34,32$; $M_{гр2} = 30,08$). Такие осужденные в повседневной деятельности руководствуются ценностями и установками криминальной субкультуры, которые становятся для них нормативными. Подобное поведение у женщин, имеющих более двух судимостей, развивается в результате несформированности контроля и субъективной оценки собственных действий. При возникающих трудностях они, как правило, отказываются от достижения поставленной цели. Вместе с тем

женщины, отбывающие уголовные наказания второй раз, в некоторых ситуативно значимых ситуациях способны продемонстрировать навыки регуляции собственных состояний и действий.

Как показано на рисунке 4, независимо от количества судимостей у осужденных женщин выявлено преобладание низкого уровня сформированности интегративного показателя духовности. Они не испытывают потребности в духовном росте и осмыслении своей жизни как в местах лишения свободы, так и за их пределами. Данные аспекты могут выражаться в повышенной агрессивности, асоциальных формах поведения либо самоизоляции в виде ухода от взаимоотношений с окружающими людьми. Низкая степень развития волевой сферы и саморегуляции способствует нарушению социальных моральных норм, представление о которых не являются ценностью для осужденных женщин. При этом совершение безнравственных поступков не вызывает чувства раскаяния либо стыда.

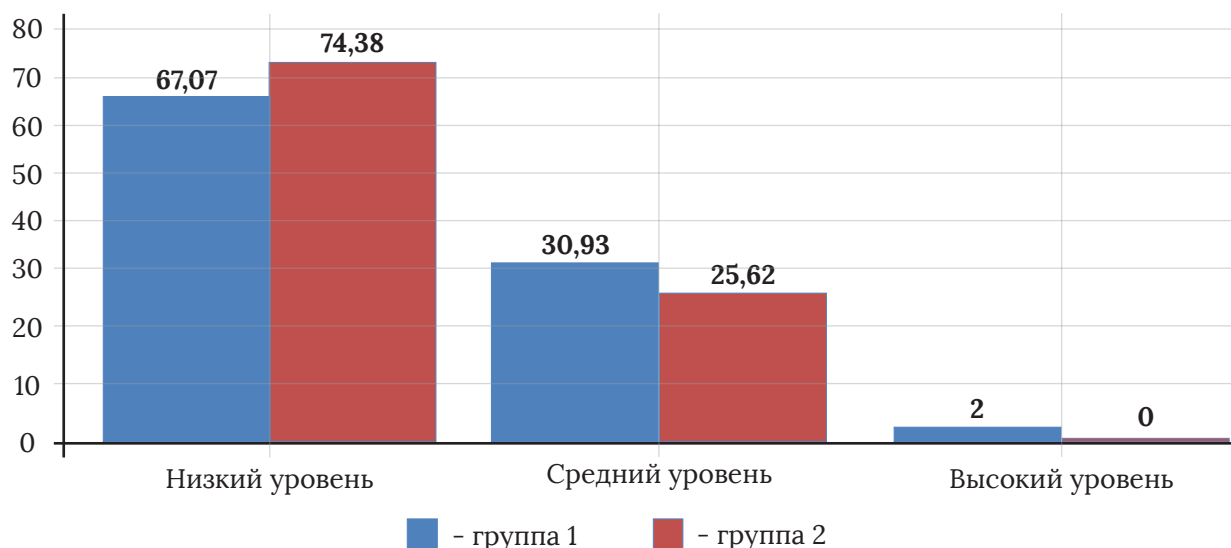

Рисунок 4. Выраженность уровней духовности в группах осужденных женщин (%)

Figure 4. The severity of spirituality levels in female convicts groups (%)

3 заключение

Подводя итоги представленных в настоящей статье результатов исследования, сформулируем следующие выводы.

Актуальность исследования духовно-ценностного развития женщин криминогенного типа не вызывает сомнений и обусловлена растущим в настоящее время показателем рецидивной преступности. Одна из причин этого – искажение духовно-ценностной сферы женщин, имеющих несколько судимостей. Криминальное заражение и обогащение опыта преступной деятельности во многом связаны с длительным пребыванием осужденных женщин в условиях социальной изоляции. К данному фактору стоит добавить еще и психологические характеристики представительниц женского пола. Все это создает неблагоприятные предпосылки, способствующие личностной деформации.

Лидирующие позиции среди личностных ценностей осужденных женщин независимо от количества судимостей занимают такие категории, как здоровье, любовь и семья. Они отражают экзистенциальные потребности женщин и выступают, с одной стороны, как мотивационные факторы для осужденных женщин криминогенного типа, а с другой – как условие для осознания содеянного преступления и последующего раскаяния. Далее следуют ценности справедливости, позитивного взгляда на мир и уверенности в себе. Данные ценности отражают субъективное восприятие осужденными женщинами пенитенциарного социума и определяют специфику их модели поведения в условиях изоляции от общества.

В среде осужденных женщин представление об ответственности представлено на среднем и низком уровнях, что проявляется в нежелании или неспособности отвечать за свои слова, поступки и деятельность в целом. Преобладание отрицательных эмоций, зависимость от психического состояния определяет их неуспешность в целом, что выражается в проявлении склонности к девиантному поведению в условиях отбывания уголовного наказания. Отказ от

общественно значимой мотивации и преобладание личных мотивов свойственны женщинам, осужденным более двух раз. Женщины, отбывающие наказание повторно, характеризуются наличием социально значимой мотивации, выраженной в выполнении ответственных дел из-за желания быть в центре пенитенциарного коллектива. Низкий уровень прогностических особенностей осужденных женщин при реализации ответственности провоцирует равнодушное отношение к неудачам близких, а также отсутствие переживаний относительно проблем окружающих. Кроме того, женщины криминогенного типа характеризуются нерешительностью и необязательностью, которые зачастую проявляются в перенесении выполнения ответственных заданий на последний момент и низкой помехоустойчивостью.

Независимо от количества судимостей, у осужденных женщин выявлено преобладание низкого уровня сформированности интегративного показателя духовности. Нравственные качества и моральные ценности осужденных из обеих групп находятся в диапазоне низких значений. Такие осужденные в повседневной деятельности руководствуются ценностями и установками криминальной субкультуры, которые становятся для них нормативными. Вследствие неустойчивости духовно-ценностной сферы жизненные цели расплывчаты и в большей степени отождествляются с пребыванием в пенитенциарном учреждении.

Безусловно, исследования духовно-ценностного развития осужденных женщин криминогенного типа представляются актуальным и перспективным направлением научного поиска. Полученные результаты дают возможность создания комплексных программ психолого-воспитательного сопровождения осужденных женщин криминогенного типа, направленных на формирование у них духовно-ценностных основ, выступающих в качестве условий профилактики рецидивной преступности.

Список источников

1. Казакова В. А., Белова Е. Ю. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных лиц и лиц, содержащихся под стражей, декабрь, 2022 года) : монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. Москва : Проспект, 2024. 80 с.
2. Грудинин Н. С. Преступность женщин и несовершеннолетних в России: история и современное состояние : монография. Москва : Проспект, 2022. 128 с.
3. Вилкова А. В. Реализация педагогической гендерной концепции формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола : монография. Москва : НИИ ФСИН России, 2018. 213 с.
4. Заторова Э. В. Характеристика нравственно-эстетической воспитанности осужденных женщин // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 1 (49). С. 130–135. <https://doi.org/10.24411/2686-9764-2020-10043>
5. Кириллова Т. В. Осужденные женщины: прошлое, настоящее, будущее : монография. Ульяновск : Зебра, 2020. 119 с.
6. Самойлик Н. А. Ценностный профиль осужденных женщин с разным уровнем правового сознания // Психология и право. 2023. Т. 13, № 4. С. 12–23. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>
7. Симакова Т. А. Духовно-нравственное воспитание личности осужденных в условиях лишения свободы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 147–150.
8. Андронов В. П. Психология духовности человека // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17, № 2. С. 42–49.
9. Байчорова Ф. Х. Формирование личности женщины криминогенного типа // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35–1. С. 36–39.
10. Алексеева Е. А. Криминологическая характеристика женщин, совершающих преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 465–470. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14016>
11. Новикова Ю. В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 32–37.
12. Деркач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека : [в 2-х кн.]. Москва : Издательство Российской академии государственной службы, 2000. 391 с.
13. Самойлик Н. А. Стандартизация методики «Дифференциальная шкала актуальных ценностей» // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 1. С. 187–203. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150112>
14. Прядеин В. П. Психодиагностика личности : избранные психологические методики и тесты : [монография]. Сургут : Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического университета, 2013. 245 с.
15. Аргайл М. Психология счастья : [Пер. с англ.]. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 270 с.

References

1. Kazakova V. A., Belova E. Yu. Harakteristika zhenshchin, otbyvayushchih lishenie svobody (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh lic i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr', 2022 goda) : monografiya / pod nauch. red. V. I. Seliverstova. Moskva : Prospekt, 2024. 80 s.
2. Grudin N. S. Prestupnost' zhenshchin i nesovershennoletnih v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyanie : monografiya. Moskva : Prospekt, 2022. 128 s.
3. Vilko A. V. Realizaciya pedagogicheskoy gendernoj koncepcii formirovaniya duhovno-nravstvennyh cennostej nesovershennoletnih osuzhdennyh zhenskogo pola : monografiya. Moskva : NII FSIN Rossii, 2018. 213 s.
4. Zatorova E. V. Harakteristika нравstvenno-esteticheskoy vospitannosti osuzhdennyh zhenshchin // Penitenciarная наука. 2020. Т. 14, № 1 (49). S. 130–135. <https://doi.org/10.24411/2686-9764-2020-10043>
5. Kirillova T. V. Osuzhdennye zhenshchiny: proshloe, nastoyashchee, budushchee : monografiya. Ul'yanovsk : Zebra, 2020. 119 s.

6. Samojlik N. A. Cennostnyj profil' osuzhdennyh zhenshchin s raznym urovnem pravovogo soznaniya // Psihologiya i pravo. 2023. T. 13, № 4. С. 12–23. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130402>
7. Simakova T. A. Duhovno-nravstvennoe vospitanie lichnosti osuzhdennyh v usloviyah lisheniya svobody // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki. 2017. № 4. S. 147–150.
8. Andronov V. P. Psihologiya duhovnosti cheloveka // Vestnik Mordovskogo universiteta. 2007. T. 17, № 2. S. 42–49.
9. Bajchorova F. H. Formirovanie lichnosti zhenshchiny kriminogenogo tipa // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2018. № 35–1. S. 36–39.
10. Alekseeva E. A. Kriminologicheskaya karakteristika zhenshchin, sovershayushchih prestupleniya // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2019. T. 24, № 4 (79). S. 465–470. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14016>
11. Novikova Yu. V. Tipologicheskie skhemy lichnosti prestupnika v strukture kriminologicheskoy karakteristiki prestupnosti (prestuplenij) // Obshchestvo i pravo. 2021. № 2 (76). S. 32–37.
12. Derkach A. A. Akmeologiya: lichnostnoe i professional'noe razvitie cheloveka : [v 2-h kn.]. Moskva : Izdatel'stvo Rossijskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, 2000. 391 s.
13. Samojlik N. A. Standartizaciya metodiki «Differencial'naya shkala aktual'nyh cennostej» // Eksperimental'naya psihologiya. 2022. T. 15, № 1. С. 187–203. <https://doi.org/https://doi.org/10.17759/expsy.2022150112>
14. Pryadein V. P. Psihodiagnostika lichnosti : izbrannye psihologicheskie metodiki i testy : [monografiya]. Surgut : Redakcionno-izdatel'skij otдел Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2013. 245 s.
15. Argajl M. Psihologiya schast'ya : [Per. s angl.]. 2-e izd. Sankt-Peterburg : Piter, 2003. 270 s.

Стимульно-реактивная парадигма в теоретическом обосновании «метода полиграфа» и ее последствия

Феликс Константинович Свободный, кандидат психологических наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
Москва (125080, ул. Врубеля, д. 12), Российская Федерация
sfk_felix@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>

Аннотация:

Введение. Большинство существующих в настоящее время теоретических объяснений «принципов работы полиграфа» сформулированы в русле устаревшей стимульно-реактивной парадигмы. В статье предпринята попытка проанализировать проявления данной парадигмы в феноменах проблемного поля исследований с применением полиграфа.

Методы. Использовались: метод анализа научной и методической литературы; метод анализа нормативно-правовых и методических документов, регламентирующих производство исследований «на полиграфе»; метод анализа продуктов деятельности – заключений специалистов по результатам исследования с применением полиграфа.

Результаты. В теории и практике производства исследований с применением полиграфа возможно выделение следующих основных проблемных вопросов: вопрос «психофизиологического феномена»; вопрос соотношения психологического стимула и физиологической реакции, вопрос детерминации «значимости» стимула, вопрос феноменологии «следов памяти», вопрос научной некорректности выводов специалиста по результатам исследования с применением полиграфа и т. д. По мнению автора статьи, указанные проблемы являются следствием преувеличения в теоретическом обосновании и в практическом применении «метода полиграфа» стимульно-реактивной парадигмы, отвергающей примат внутренних детерминант активности человека над внешними и игнорирующей современные достижения таких наук, как психология и психофизиология. Теоретические и методические основы исследования с применением полиграфа, понимаемого автором как разновидность аппаратного психологического эксперимента, должны разрабатываться в соответствии с общими воззрениями современных ученых на проявления активности живого организма в условиях его жизнедеятельности.

Ключевые слова:

полиграф, стимульно-реактивная парадигма, психофизиологический феномен, значимость стимула, идеальный след

Для цитирования:

Свободный Ф. К. Стимульно-реактивная парадигма в теоретическом обосновании «метода полиграфа» и ее последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 330–337.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025;
одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

The stimulus-reactive paradigm in polygraph theory and its implications

Felix K. Svobodniy, Cand. Sci. (Psy.), Docent

Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
named after A. Ya. Sukharev
12, Vrublei str., Moscow, 125080, Russian Federation
sfk_felix@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8010-8756>

Abstract:

Introduction. Most current theoretical explanations of "how polygraph testing works" are done within the framework of an outdated stimulus-reactive paradigm. This article attempts to analyse the manifestations of this paradigm in the phenomena within the problematic field of polygraph-based research.

Methods. The study employed the following methods: analysis of scientific and methodological literature; analysis of regulatory, legal, and methodological documents governing the conduct of polygraph examinations; and analysis of activity products – namely, expert reports based on the results of polygraph examinations.

Results. The theory and practice of polygraph examinations face several key challenges: the issue of the "psychophysiological phenomenon"; the issue of the correlation between a psychological stimulus and a physiological response; the issue of determining the "significance" of a stimulus; the issue of the phenomenology of "memory traces"; and the issue of the scientific incorrectness of expert conclusions based on polygraph examination results, among others. The analysis suggests that these problems are a consequence of the predominance of the stimulus-reactive paradigm in the theoretical justification and practical application of the "polygraph method". This paradigm rejects the primacy of internal determinants of human activity over external ones and ignores modern achievements in sciences such as psychology and psychophysiology. This paper argues that polygraph examination, as a form of instrumental psychological experiment, must develop its theoretical and methodological foundations in accordance with modern scientific perspectives on human activity within natural life contexts.

Keywords:

polygraph, stimulus-reactive paradigm, psychophysiological phenomenon, stimulus significance, ideal trace

For citation:

Svobodniy F. K. The stimulus-reactive paradigm in polygraph theory and its implications // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 330–337.

The article was submitted October 15, 2025; approved after reviewing January 30, 2026; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Сегодня в качестве теоретических основ, объясняющих динамику физиологических процессов человека в ситуации исследования с применением полиграфа, выступают более 20 конкурирующих теорий, подвергающихся, на наш взгляд, справедливой критике в научных работах¹.

Практически все существующие сейчас теоретические модели, объясняющие «принцип работы полиграфа», построены в рамках так называемой «стимульно-реактивной парадигмы», согласно которой поведение живого организма (и, соответственно, человека) рассматривается как результат воздействия внешних стимулов и ответных реакций на них [1].

Данная парадигма, основанная на устаревших воззрениях бихевиоризма и еще более устаревших идеях Р. Декарта [2], предполагает также, что конкретное воздействие (стимул) всегда вызывает определенное поведение (реакцию), и поэтому такое «взаимодействие» среды и организма доступно непосредственному изучению и даже предсказанию, чем, в частности, до сих пор занимаются многие психологи и «полиграфологи» в поисках поведенческих, психологических и физиологических «реакций на ложь».

Между тем уже более полувека назад оформилась и получает все большее признание в биологии, биохимии, нейрологии, физиологии, психологии и психофизиологии так называемая «парадигма активности» живого организма, согласно которой жизнь детерминирует свою активность «изнутри» – процессами, происходящими в самом организме, а не «снаружи» – процессами, происходящими в окружающей организм среде [1].

Отметим, что еще в 1985 году известный психофизиолог Института психологии Академии наук СССР, доктор медицинских наук В. Б. Швырков писал: «В настоящее время утверждения о том, что мозг работает как единое целое, становятся, по-видимому, общим местом, и уже нет необходимости критиковать представления о поведении как реакциях на стимулы, обеспечиваемых проведением возбуждения от рецепторов к эффекторам по определённом маршруту» [3].

К сожалению, приходится констатировать, что в сфере производства исследований с применением полиграфа необходимость такой критики сохраняется до сих пор, поскольку подавляющее большинство специалистов, занимающиеся «теорией и практикой полиграфа» работают именно в парадигме реактивности, где вопрос специалиста-«полиграфолога» рассматривается как стимул, а связанные с ним изменения физиологических показателей – как реакция.

Об этом свидетельствуют представленные ниже результаты анализа научной литературы по «проблемам полиграфа»; результаты анализа методической литературы, регламентирующей производство исследований с применением полиграфа в сфере расследования преступлений и в сфере отбора кадров; результаты анализа заключений специалистов-«полиграфологов», выбранных из материалов следственно-судебной практики.

Целью настоящей работы было выявление последствий влияния стимульно-реактивной парадигмы на «проблемное поле» исследований с применением полиграфа в современной России.

¹ См., например: Учаев А. В. Психофизиологический анализ процесса намеренного сокрытия информации в условиях стресса : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2024. 226 с.

Методы

В работе помимо метода анализа научной и методической литературы, имеющей отношение к проблематике применения полиграфа в правоохранительной сфере, также использовались следующие методы: 1) анализ нормативно-правовых и методических документов, регламентирующих производство исследований «на полиграфе»; 2) выборочный анализ заключений (103 заключения) специалистов по результатам исследования с применением полиграфа.

Результаты и обсуждение

Проблема «психофизиологического феномена»

Большинство специалистов, занимающихся «детекцией лжи на полиграфе», в качестве одного из методологических оснований своей деятельности ссылаются на так называемый «психофизиологический феномен».

Как отмечает Ю. И. Холодный, первым данный феномен описал в 80-е гг. прошлого века кандидат технических наук, начальник лаборатории № 30 КГБ СССР Ю. И. Азаров, обозначив следующее: «Внешний стимул (слово, предмет или фотография), несущий человеку значимую в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакции на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации» [4]. Из приведенного текста очевидно, что одно из главных теоретико-методологических оснований исследований с применением полиграфа сформулировано именно в рамках «стимульно-реактивного подхода» к активности человека.

По нашему мнению, «психофизиологический феномен», так же, как и, например, условный рефлекс, описывает частный случай проявления активности человека в специально организованных условиях лабораторного эксперимента, игнорируя при этом как непрерывность активности человека в процессах взаимодействия со средой, так и внутренние детерминанты этой активности, являющиеся основными (единственными).

Стимульно-реактивная парадигма, воплощенная в «психофизиологическом феномене», заставляет современных «полиграфологов» активно использовать понятия «стимул» и «реакция» как в научной и методической литературе, так и в текстах своих заключений по результатам практики «применения полиграфа».

Большая советская энциклопедия определяет понятие «стимул» следующим образом: «Стимул (от лат. stimulus, буквально – остриженая палка, которой погоняли животных, стрекало), побуждение к действию, побудительная причина поведения», отмечая при этом что «в психологии понятие С. характерно прежде всего для тех направлений, где при анализе поведения принимается схема „С. – реакция“ (классическая психофизика и особенно бихевиоризм...)»².

В физиологии понятие «стимул» соответствует понятию «раздражитель», которое определяется как «фактор внешней или внутренней среды организма, воспринимаемый клетками и вызывающий ответную реакцию»³.

Этот же источник в общем виде определяет понятие «реакция» как «действие, состояние, процесс, возникающие в ответ на какое-либо воздействие, раздражитель, впечатление»⁴, а применительно к психологии – как «акт поведения, возникающий в ответ на определенное воздействие, стимул; произвольное движение, опосредованное задачей и возникающее в ответ на предъявление сигнала»⁵.

Как известно, в отечественной психологии термин «реакция» приобрел особый статус в связи с опубликованием в 1922 году К. Н. Корниловым монографии, в которой автор предложил «концепцию реактологии», противопоставив ее «рефлексологии» В. М. Бехтерева и И. П. Павлова [5]. Будучи директором Института психологии, К. Н. Корнилов популяризировал свою концепцию, однако в начале 30-х гг. XX века она подверглась серьезной критике со стороны ученых-психологов.

² Стимул // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.]. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1976. Т. 24: Собаки – Струна. Кн. 1. С. 518.

³ Смирнов В. М., Судаков К. В. Словарь-справочник по физиологии. Москва : Медицинское информационное агентство, 2010. С. 312.

⁴ Реакция // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.]. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1975. Т. 21: Проба – Ременсы. С. 524.

⁵ Там же.

В 1931 году А. Р. Лурия в рамках реактологической дискуссии категорично (и, на наш взгляд, совершенно оправданно) заявил: «Совершенно понятно, что изучение реакций не будет занимать центральное место в нашей системе психологии. Наша основная установка должна заключаться в том, что нужно прежде всего изучать не реакцию, а высшие формы активности, те социально созданные формы активности, которые, бесспорно, отличают человека от животного и которые, конечно, обладают своим богатым комплексом закономерностей» [6].

Спустя почти сто лет мы вновь сталкиваемся с необходимостью преодолевать реактологические взгляды в отношении исследований с применением полиграфа. Это подчеркивают Д. М. Купцова и М. Ю. Каменсков, говоря о том, что «концепция, объясняющая механизмы психофизиологических реакций» в ситуации «тестирования на полиграфе» не должна основываться на «принципах линейного детерминизма („стимул – реакция“)» [7].

Представляется, что понятие «стимул» для удобства восприятия возможно использовать при описании исследования с применением полиграфа, но при этом, необходимо подразумевать под ним не детерминанту активности, а одно из средовых условий ее проявления.

Вместо понятия «реакция», применительно к «исследованию на полиграфе», по нашему мнению, более адекватно использование выражений «динамика физиологической активности», «динамика физиологических процессов», «изменение показателей физиологических процессов» и т. п., подчеркивающих активный и системный характер происходящих в организме человека процессов.

Проблема «значимости» стимула

Как показывает анализ специальной литературы и анализ практической деятельности «полиграфологов», с понятиями «стимул» и «реакция» при производстве исследований с применением полиграфа неразрывно связано понятие «значимость», которое «теоретики и практики полиграфа» считают одним из центральных в своей деятельности.

Одним из первых специалистов, обозначивших термин «значимость стимула» применительно к «проверкам на полиграфе», был М. Клейнер, предложивший для объяснения «принципа работы» полиграфа «ориентационную теорию». Согласно этой теории, разница между показателями физиологических процессов в ходе исследования «на полиграфе» объясняется на основе «базовой модели ориентировочной реакции (ОР)» возникающей в ответ на «значимый стимул» (в т. ч. обусловленный «эффектом новизны») [8].

С. И. Оглоблин, А. Ю. Молчанов, предложившие «теорию направленной актуализации динамических личностных смыслов сознания» в ходе «тестирования на полиграфе», также используют понятие «значимость вопроса», связывая его с личностным смыслом: «Когда говорят о значимости того или иного вопроса в ситуации полиграфной проверки, то имеют в виду, что его содержание попадает в поле действия ведущего в данный момент мотива обследуемого, т. е. актуализирует в сознании обследуемого личностный смысл»⁶.

Объясняя явления, лежащие в основе описанного выше «психофизиологического феномена», Ю. И. Холодный отмечал, что ведущую роль в обеспечивающих «психофизиологический феномен» механизмах играет «значимость стимула: она определяет отношение содержащейся в стимуле информации к смыслу задачи, решаемой человеком в конкретной ситуации» [9].

В проанализированных заключениях «полиграфологов-практиков» также отмечается широкое употребление термина «значимость» в различных словосочетаниях и смыслах: «субъективная значимость стимула», «заведомо значимый стимул», «значимость проверочной темы», «высокая (средняя, низкая) значимость вопроса», «значимое реагирование» и т. д.

Современные отечественные психофизиологи, опираясь на теорию функциональных систем П. К. Анохина и его представления о «принципе сигнализации», за которым стоит «какой-то жизненно важный фактор организма»⁷, связывают механизмы возникновения значимости для живого организма различных объектов и явлений окружающего мира с осуществлением организмом опережающего отражения действительности и процессом целеобразования в ходе реализации поведения, направленного на достижение полезного для организма результата.

Так В. Б. Швырков, в широком смысле понимая поведение организма как процесс его «уравновешивания со средой», говорит о результате поведения как о достижении определенного соотношения «организма и внешней среды». Поскольку поведение организма детерминировано его целями – «моделями» результатов прошлых взаимодействий организма со средой,

⁶ Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи»: (Проверки на полиграфе): академический курс. Ярославль: Ньюанс, 2004. С. 262.

⁷ Александров Ю. И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века: учебник / Александров Ю. И., Александров Ю. И., Агарков В. А. [и др.]; под ред. В. Н. Дружинина. Москва: Пер Се, 2003. С. 39–85.

включенных в «структуру памяти или жизненного опыта организма», то понятие «результат», по мнению автора, (а также понятия «модель поведения» и «цель» – прим. автора) может быть применимо «только к «знакомым» организованным совокупностям элементов внешней среды», которые «приближают организм к достижению цели выжить» [10, с. 25].

Именно эти, «знакомые» организму «организованные совокупности элементов внешней среды», которые влияют на выживание организма, В. Б. Швырков и определяет как «значимые стимулы», относя к ним все «врожденные „релизеры“ или приобретенные условные сигналы» [10, с. 25].

А например, А. А. Созинов с соавторами утверждает, что именно появление целей у живого организма обуславливает разделение им объективного мира на «субъективно значимые и незначимые объекты», понимая под субъективно значимыми «события или объекты, которые помогают или мешают достижению целей индивида» [11].

Изучая процессы актуализации памяти, Д. С. Малахов дает следующее определение понятия «субъективная значимость»: «Характеристика информации, показывающая отношение этой информации к достижению целей индивида»⁸. Автор настаивает на том, что в ситуации исследования с применением полиграфа «варьирование экспериментальной задачи может приводить к изменению цели, достигаемой участником, субъективной значимости той или иной информации для человека и к существенному изменению поведения и физиологических сигналов при выполнении задачи»⁹.

Соглашаясь с важностью современных достижений психофизиологии в данной теме, отметим, что словосочетание «значимый стимул» несколько противоречит смыслу используемых в нем понятий. Как было показано выше, в физиологии понятие «стимул» соответствует понятию «раздражитель», а может ли раздражитель не выполнять «функцию раздражения» – т. е. не быть «раздражающим»? Очевидно, что в таком случае воздействие не может считаться раздражителем.

Из определения самого стимула непременно следует принятие «побуждающей функции» стимула, его значимости для организма именно этой «побудительной силой» «вызывать ответную реакцию». Следовательно, то, что мы называем «стимулом», всегда значимо для организма, незначимых стимулов не бывает – если какое-либо воздействие не «вызывает» ответную реакцию, оно просто не может называться раздражителем или стимулом.

Как уже отмечалось выше, использование в ситуациях, связанных с «применением полиграфа», терминов «стимул» и «реакция», отражающих устаревшую в научном плане «стимульно-реактивную» парадигму, вызывает большие сомнения, в т. ч. и в части употребления различных словосочетаний с этими понятиями.

Представляется, что, поскольку, согласно современным данным, априорно у стимула нет такого свойства, как «значимость» (значимостью «стимул наделяет» человек), то словосочетание «значимый стимул», а равно и другие словосочетания со словом «значимость», используемые в сфере исследований с применением полиграфа, нужно подвергнуть определенной «терминологической чистке».

Проблема «следов преступления» как искомого феномена «тестирования на полиграфе»

С влиянием стимульно-реактивной парадигмы связана и «тематика следа» в «проблематике полиграфа».

О возможности обнаружения «следов преступления при помощи полиграфа» еще в 1980-х гг. писал G. H. Barland, первый директор Института полиграфа Министерства обороны Соединенных Штатов Америки, отмечая, что «полиграф – это средство для обнаружения биологических следов события, представленного в голове преступника или свидетеля в качестве воспоминаний» [12]. Аналогичная точка до сих пор присутствует в Министерстве обороны США, о чем свидетельствуют публикации D. J. Krapohl, бывшего заместителя директора Национального центра оценки достоверности Министерства обороны США, который в 2016 году отметил, что «технология полиграфа» направлена на выявление «присутствия или отсутствия следов преступления в памяти» [13].

О «следах в памяти» как о фактических данных, закрепленных в памяти обследуемого «на полиграфе», говорит и отечественный ученый Ю. И. Холодный, автор «теории целенаправленного тестирования памяти», в которой постулирует, что метод «опроса с использованием

⁸ Малахов Д. Г. Психофизиологические характеристики процессов актуализации памяти человека, различающейся по субъективной значимости и времени приобретения : дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2024. С. 24.

⁹ Там же. С. 42.

полиграфа» позволяет обнаружить новые свойства «идеального следа», «ранее не замеченные» криминалистикой [14].

Рассматривая «тестирование на полиграфе» с позиций криминалистики, оперирует понятием «идеальные следы» и Я. В. Комиссарова, понимая под последними «образы, несущие информацию о событии или его деталях» и связывая их существование на физиологическом уровне с «энграммами» – «следами памяти»¹⁰.

Полагаем, что ни о каких следах «внешних воздействий» в живом организме не может быть и речи хотя бы потому, что согласно принимаемой в качестве исходной большинством «полиграфологов» стимульно-реактивной парадигме – внешние воздействия «не оставляют» следов в организме, а «вызывают» в нем реакции, результаты которых назвать «следами внешних воздействий» уже не получится.

Проблема научной некорректности вопросов следователя к специалисту-«полиграфологу» и выводов «полиграфолога»

Следование стимульно-реактивной парадигме приводит к серьезным научным ошибкам в практике производства исследований с применением полиграфа в процессе расследования преступлений. Речь идет о вопросах, которые следствие ставит перед специалистами-«полиграфологами», а также о выводах, сделанных специалистами по результатам «исследования на полиграфе».

Согласно правовым и методическим материалам, регламентирующим производство «тестирования на полиграфе» при расследовании преступлений в правоохранительных органах России, главный вопрос, который выносится на разрешение «полиграфолога», звучит так: «Выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гражданин <...> располагает информацией о деталях случившегося?» или «Выявляются ли в ходе исследования с применением полиграфа у А. психофизиологические реакции, обусловленные его информированностью о преступлении, совершенном?» и т. д.

Например, Я. В. Комиссарова с соавторами предлагает следующую формулировку вопроса к «полиграфологу»: «Выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа реакции, свидетельствующие о том, что гражданин(ка) – Ф. И. О. располагает информацией о деталях случившегося?» [15].

Даже с позиций так называемой «обыденной науки» (“folk science”) очевидно, что подобные вопросы сформулированы некорректно, поскольку физиологические реакции, регистрируемые с помощью полиграфа, напрямую никак не могут «свидетельствовать» о наличии или отсутствии у человека какой-либо информации или являться следствием «обусловливания» со стороны его информированности о преступлении. В противном случае – т. е. в случае прямых причинно-следственных связей между «физиологическими реакциями» и «информированностью о преступлении» – «метод полиграфа» давно бы заменил другие методы, применяемые сотрудниками правоохранительных органов для раскрытия и расследования преступлений, а также, возможно, заменил бы и самих сотрудников.

По мнению автора настоящей работы, вопросы к специалисту, проводящему исследование с применением полиграфа в сфере расследования преступлений, должны касаться особенностей его информированности о расследуемом событии. При этом информированность лица о расследуемом событии должна пониматься как часть его индивидуального опыта.

С проблемой постановки научно некорректных вопросов к специалисту-«полиграфологу» непосредственно связана проблема ненаучных выводов, формулируемых специалистом по результатам исследования с применением полиграфа.

Как показывает выборочный анализ заключений «полиграфологов», последние пытаются сформулировать категоричные выводы на обозначенные выше вопросы. Примеры таких выводов следующие: «В ходе исследования с применением полиграфа у А. А. А. выявлены психофизиологические реакции, обусловленные его информированностью о том, что <...> во время задержания М. В. А. он употреблял алкоголь <...>; он <...> выпил алкоголя около бутылки; он <...> в момент, когда задерживал М. В. А., находился в состоянии алкогольного опьянения...»; «В ходе психофизиологического исследования были выявлены психофизиологические реакции, согласующиеся с информацией, сообщенной обследуемым...»; «Таким образом, в ходе ПФИ были выявлены психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что обследуемая располагает информацией, совпадающей с той, что была изложена ей в ходе предтестовой беседы...»; «В ходе ПФИ были

¹⁰ Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии : учебник. Москва : Проспект, 2018. С. 70.

выявлены психофизиологические реакции, не противоречащие <...> информации, сообщенной обследуемым устно»; «В ходе ПФИ с использованием полиграфа у обследуемой выявлены реакции, свидетельствующие о том, что события преступления при обстоятельствах, изложенных ею в ходе дополнительно проверки показаний <...> действительно имели место...» и т. д.

Как уже отмечалось выше, постулирование прямой причинной следственной связи между физиологическими реакциями и «хранящейся в памяти информацией» с точки зрения современной науки недопустимо.

По нашему мнению, даже оставаясь в рамках «любимой полиграфологами» стимульно-реактивной парадигмы, только по результатам исследования с применением полиграфа нельзя сделать категоричный вывод даже о причинах «значимости стимула» (которая является основным маркером для определения особенностей информированности о преступлении), поскольку указанная значимость, в ситуации «тестирования на полиграфе», может быть детерминирована многими причинами. И вывод о причинах диагностированной «значимости стимула», следовательно, всегда будет вероятностным.

Кроме этого при юридически некорректной постановке вопроса (о причастности к преступлению, о достоверности показаний и т. д.), специалист формулирует, по сути, юридический вывод, выходя за рамки своей компетенции и вторгаясь в компетенцию следствия и суда.

Добиться повышения «степени вероятности» выводов «полиграфолога», приближающих их к статусу «категоричных», по нашему мнению, возможно только при использовании наряду с методом «исследования с применением полиграфа», других методов изучения индивидуального опыта личности, а именно, по сути всего комплекса методов психологической диагностики: от структурированного наблюдения до аппаратных исследований психики. При этом такие выводы должен делать специалист, имеющий высшее психологическое образование [16].

В связи с вышесказанным полагаем, что, основываясь только на результатах «тестирования на полиграфе», специалист имеет право делать только вероятностные выводы относительно особенностей информированности лица о расследуемом событии.

3 заключение

Практически все существующие сейчас теоретические модели, объясняющие «принцип работы полиграфа», построены в рамках так называемой «стимульно-реактивной парадигмы», где вопрос специалиста-«полиграфолога» рассматривается как стимул (внешняя детерминанта поведения), а связанные с ним изменения физиологических показателей – как реакция (ответ организма), что противоречит современным представлениям психологии и психофизиологии о главенстве внутренних детерминант активности живого организма.

Следование принципам реактивного подхода к психике человека в сфере исследований с применением полиграфа приводит к серьезным теоретическим и практическим проблемам, проявляющимся, например, в неадекватно вольной трактовке основных понятий данного метода, в научной некорректности формулирования вопросов следователя к специалисту, в необоснованности категоричных выводов «полиграфолога» по результатам исследования и т. д.

В настоящее время исследование с применением полиграфа как процесс психологической диагностики компонентов индивидуального опыта человека, нуждается в серьезной разработке и экспериментальном подтверждении единых теоретических основ, объясняющих «принцип работы полиграфа» в соответствии с общими воззрениями современных ученых на проявления активности живого организма в среде его обитания. Иначе, как заметил еще А. Н. Леонтьев, без теоретических ориентиров «конкретные исследования неизбежно остаются близоручными»¹¹.

Список источников

1. Фейгенберг И. М. Реактивность или активность? (Смена парадигм в нейрофизиологии) // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 133–142.
2. Александров Ю. И. Чему и как мы учимся в разных культурах // Школьная библиотека. 2014. № 9–10. С. 26–35.
3. Швырков В. Б. Психофизиологическое изучение структуры субъективного отражения // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 3. С. 22–37.
4. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. № 1 (13). С. 39–48.
5. Корнилов К. Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»): Экспериментально-психологическое исследование из Лаборатории Психологического научно-исследовательского института при Московском университете. Москва : Государственное издательство, [1922]. 228 с.

¹¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность : учебное пособие. 2-е изд., стер. Москва : Академия, 2005. С. 2.

6. Реактологическая дискуссия в психологическом институте : [Лурья А. Р. Об изучении реакций и историческом развитии поведения человека] // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21–31.
7. Купцова Д. М., Каменсков М. Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 126–138. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100409>
8. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal // Handbook of polygraph testing. London, UK : Academic Press, 2002. P. 127–182.
9. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 1 (13). С. 39–48.
10. Швырков В. Б. Нейрофизиологическое изучение системных механизмов повеления. Москва : Наука. 1978. 240 с.
11. Созинов А. А., Александров И. О., Горкин А. Г., Греченко Т. Н., Александров Ю. И. Консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание: обзор литературы // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20, № 3. С. 131–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.7>
12. Barland G. H. The polygraph test in the USA and elsewhere // Gale A. (ed.). The polygraph test : Lies, truth, and science. London : SAGE Publications, 1988. P. 73–95.
13. Krapohl D. J. Paradigm shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory // Police Chief. 2016 (February). P. 52–55.
14. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 8. С. 58–64.
15. Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б., Федоренко В. Н. Методические рекомендации по проведению в АНО «ЦНКЭС» психофизиологического исследования с использованием полиграфа / Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью : материалы Международного научно-практического форума, г. Саратов, 25–28 апреля 2006 г. / под ред. В. Н. Хрусталева, Л. Н. Иванова. Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2006. С. 85–100.
16. Свободный Ф. К. Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа или психологическая экспертиза информированности личности: приглашение к дискуссии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 213–216.

References

1. Fejgenberg I. M. Reaktivnost' ili aktivnost'? (Smena paradigm v nejrofiziologii) // Voprosy filosofii. 2007. № 11. S. 133–142.
2. Aleksandrov Yu. I. Chemu i kak my uchimsya v raznykh kul'turah // Shkol'naya biblioteka. 2014. № 9–10. S. 26–35.
3. Shvyrkov V. B. Psihofiziologicheskoe izuchenie struktury sub'ektivnogo otrazheniya // Psihologicheskij zhurnal. 1985. T. 6, № 3. S. 22–37.
4. Holodnyj Yu. I. Opro s ispol'zovaniem poligrafa i ego estestvennonauchnye osnovy // Vestnik kriminalistiki. 2005. № 1 (13). S. 39–48.
5. Kornilov K. N. Uchenie o reakciyah cheloveka s psihologicheskoy tochki zreniya («Reaktologiya») : Eksperimental'no-psihologicheskoe issledovanie iz Laboratorii Psihologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri Moskovskom universitete. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, [1922]. 228 s.
6. Reaktologicheskaya diskussiya v psihologicheskome institute : [Luriya A. R. Ob izuchenii reakcij i istoricheskom razvitii povedeniya cheloveka] // Voprosy psihologii. 1994. № 2. S. 21–31.
7. Kupcova D. M., Kamenskov M. Yu. Teoreticheskaya model' testirovaniya na poligrafe: problemy i perspektivy ih razresheniya // Psihologiya i pravo. 2020. T. 10, № 4. S. 126–138. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100409>
8. Kleiner M. Physiological detection of deception in psychological perspectives: A theoretical proposal // Handbook of polygraph testing. London, UK : Academic Press, 2002. R. 127–182.
9. Holodnyj Yu. I. Opro s ispol'zovaniem poligrafa i ego estestvennonauchnye osnovy // Vestnik kriminalistiki. 2005. Vyp. 1 (13). S. 39–48.
10. Shvyrkov V. B. Nejrofiziologicheskoe izuchenie sistemnykh mekhanizmov poveleniya. Moskva : Nauka. 1978. 240 s.
11. Sozinov A. A., Aleksandrov I. O., Gorkin A. G., Grechenko T. N., Aleksandrov Yu. I. Konsolidaciya, rekonsolidaciya pamyati, ugashenie i zabyvanie: obzor literatury // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2023. T. 20, № 3. S. 131–156. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.7>
12. Barland G. H. The polygraph test in the USA and elsewhere // Gale A. (ed.). The polygraph test : Lies, truth, and science. London : SAGE Publications, 1988. P. 73–95.
13. Krapohl D. J. Paradigm shift: Searching for Trace Evidence in Human Memory // Police Chief. 2016 (February). P. 52–55.
14. Holodnyj Yu. I. Opro s ispol'zovaniem poligrafa i kompetenciya poligrafologa // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2009. № 8. S. 58–64.
15. Komisarova Ya. V., Pelenicyn A. B., Fedorenko V. N. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu v ANO «CNKES» psihofiziologicheskogo issledovaniya s ispol'zovaniem poligrafa / Instrumental'naya detekciya lzhi: realii i perspektivy ispol'zovaniya v bor'be s prestupnost'yu : materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, g. Saratov, 25–28 aprelya 2006 g. / pod red. V. N. Hrustaleva, L. N. Ivanova. Saratov : Saratovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2006. S. 85–100.
16. Svobodnyj F. K. Psihofiziologicheskaya ekspertiza s ispol'zovaniem poligrafa ili psihologicheskaya ekspertiza informirovannosti lichnosti: priglasenie k diskussii // Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2018. № 4 (18). S. 213–216.